

83,3/0)
B38

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА
ВЕСЕЛОВСКАГО.

Издание Отдѣленія Русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ.

Томъ пятый.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линия, № 12.
1915.

83.3 / 01 ~~регистр~~

80 | Виноотдел. А.

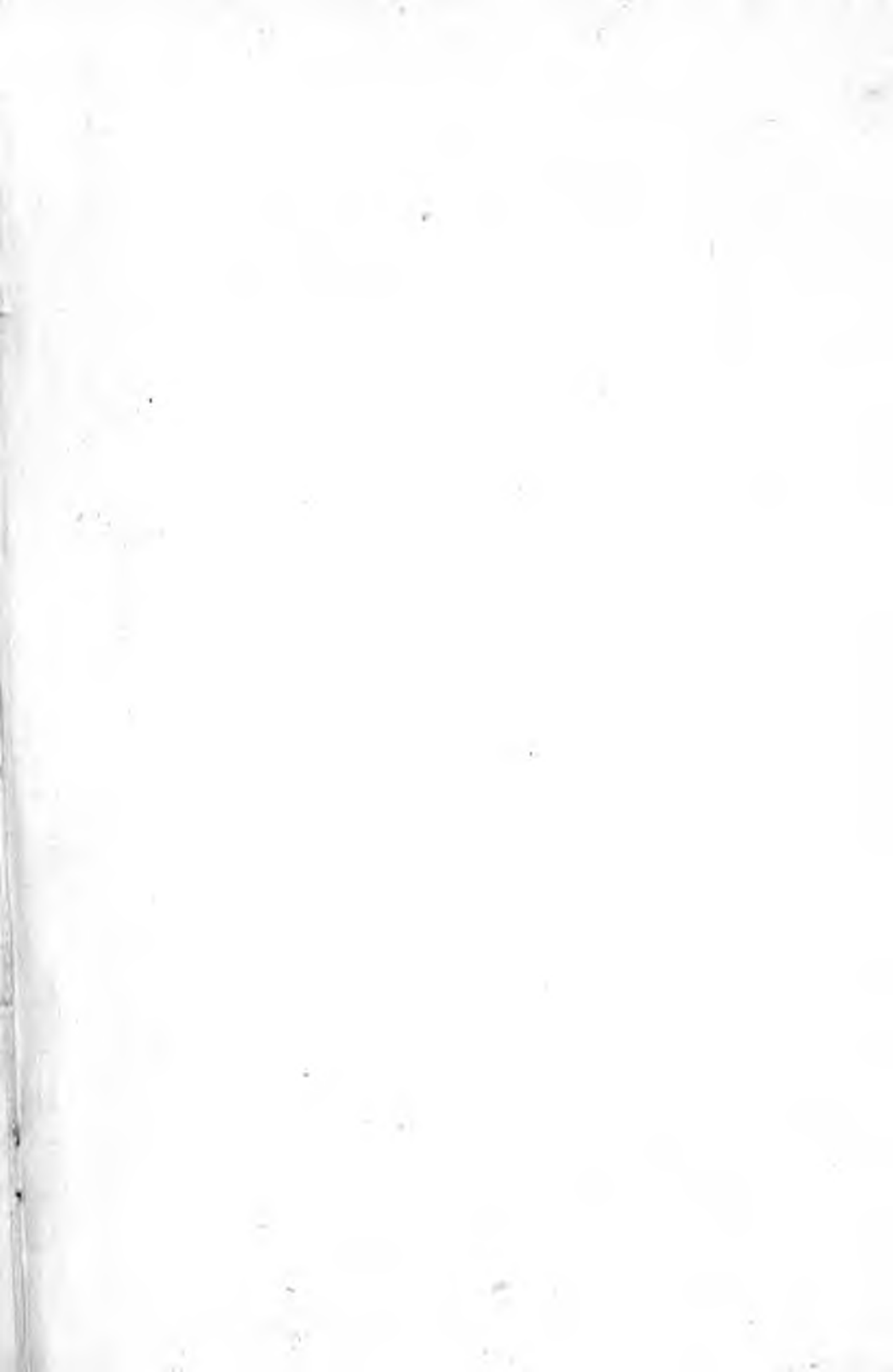
Б38 | сов. со.
м. 5.

075580

о/х
регистр

м/ф 075580 р.ф

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

8.0
B-47
83.3/1
B38

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

ВЕСЕЛОВСКАГО.

Изданіе Отдѣленія Русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ.

Томъ пятый.

085580 ✓
Ⓟ
f

АБОНЕМЕНТ
Центральн. Государственной
БИБЛИОТЕКИ

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 линія, № 12.

1915.

Собраніе сочиненій Александра Николаевича Веселовскаго.
Серія II, томъ 3-ій.

ИТАЛІЯ И ВОЗРОЖДЕНІЕ.

(1893).

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

БОККАЧЧЬО,

ЕГО СРЕДА И СВЕРСТНИКИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

(1893).

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

✓

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Іюнь 1915 г.

Непрежѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

же Ландау объ источникахъ Декамерона явилась въ новомъ, дополненномъ изданіи¹⁾, не исключаящемъ прекрасныя наблюденія Бартоли²⁾. Остроумный анализъ Крепини³⁾ выяснилъ пристальнымъ изученіемъ юношескихъ произведеній поэта скрытый въ нихъ біографическій матерьяль и ихъ литературные источники; Макри-Леоне разобрался въ вопросъ о принадлежащемъ Боккаччо жизнеописаніи Данте и попытался приурочить его хронологически⁴⁾; De Blasiis продолжаетъ раскрывать передъ нами картину неаполитанскихъ отношеній, среди которыхъ прошли молодые годы Боккаччо⁵⁾.

Я ограничиваюсь указаніемъ лишь на выдающіеся или руководящіе труды, минуя мелкіе; бібліографію важнѣйшихъ изъ нихъ можно найти у Гаспари⁶⁾, которому принадлежитъ и одна изъ удачныхъ характеристикъ Боккаччо. Въ порядкѣ времени упомяну хорошенькій этюдъ Cochin, съ поправкой къ внѣшней біографіи поэта⁷⁾.

Всѣми этими трудами я, разумѣется, пользовался, фактической матерьяль, бывшій въ рукахъ моихъ пред-

¹⁾ Landau, Die Quellen des Decameron. Stuttgart, 1884, 1 т.

²⁾ Bartoli, Precursori del Boccaccio, Firenze, 1876; его же: I primi due secoli della letteratura italiana, 1880, стр. 564 слѣд.

³⁾ Vincenzo Crescini, Contributo agli studi sul Boccaccio. Torino, 1887. Сл. также его предисловіе къ: Il cantare di Fiorio e Biancifiore (Bologna, 1889).

⁴⁾ La vita di Dante scritta da G. Boccaccio, testo critico con introduzione, note e appendice di Francesco Macri-Leone. Firenze, 1888.

⁵⁾ De Blasiis, Le case dei principi Angioini nella Piazza di Castelnuovo. Napoli, 1887; La dimora di G. Boccaccio a Napoli, Archivio storico per le provincie napoletane, anno XVII, 1892.

⁶⁾ Storia della letteratura italiana di Adolfo Gaspary, trad. da Vittorio Rossi, vol. II, parte I (1891 г.), стр. 1 слѣд., 317 слѣд.

⁷⁾ Henry Cochin, Boccace. Paris, 1890.—* Къ литературѣ Боккаччо сл. Symonds, G. Boccaccio, London, Nimmo; Émile Gebhart, Boccace, Rev. d. d. M., 1895, 1 Nov. (и слѣд.).

VI хронологіи я склонялся къ тому изъ выраженныхъ мнѣній, которое казалось мнѣ болѣе вѣроятнымъ или обоснованнымъ, не цитую ихъ авторовъ и не повторяю ихъ доказательства, ибо предполагаю ихъ извѣстными, иногда мотивируя ихъ на-ново, либо оставляя вопросъ открытымъ. Книги Ландау, Кёртинга и Гаспари подъ руками у всѣхъ, кто пожелалъ бы провѣрить положенія, усвоенныя мною; вся слѣдующая литература предмета указана въ своемъ мѣстѣ, насколько она была мнѣ доступна¹⁾.

Къ сожалѣнію, сдѣланнаго за послѣдніе годы слишкомъ немного, чтобы появленіе новой книги о Боккаччо можно было оправдать накопленіемъ фактическихъ данныхъ, еще не знакомыхъ предыдущимъ изслѣдователямъ, либо результатами повѣрочной работы надъ уже извѣстными. Свѣдѣнія о внѣпней біографіи Боккаччо попрежнему пополняются туго, хотя съ этой стороны едва ли можно ожидать рѣшающихъ откровеній. Важнѣе другой недочетъ: бѣдность нашихъ свѣдѣній о праисторіи того движенія въ области итальянской мысли, которое кульминируетъ на первый разъ въ Петраркѣ и Боккаччо, объ ихъ предшественникахъ и тѣхъ изъ сверстниковъ, которые, сложившись внѣ ихъ вліянія, шли къ одной съ ними цѣли. Архивы и бібліотеки, можетъ быть, еще VII откроютъ намъ скромныхъ дѣятелей этого движенія, упрочивъ его національно-историческій смыслъ, снявъ съ Петрарки и Боккаччо обузу «начинателей», тогда какъ они лишь формулировали яснѣе то, къ чему направлялись поколѣнія, и что, никогда не умирая, постепенно выходило къ свѣту. — Разумѣется, прогрессъ въ этой области изученія будетъ зависѣть не отъ одного лишь

¹⁾ Моя книга закончена въ ноябрѣ 1892 года, но ея выходъ замедлился по типографскимъ соображеніямъ, чѣмъ и объясняется неравномѣрное пользованіе новѣйшей литературой.

приращенія матерьяла, а и отъ внимательнаго его анализа по категоріямъ эрудиціи и міросозерпанія, отъ постоянной повѣрки позднѣйшаго прошлымъ. Это одно уберезеть насъ отъ панацеи догматизма.

Третій пробѣлъ: недостатокъ критическаго изданія, какъ итальянскихъ, такъ и латинскихъ сочиненій Боккаччо, былъ особенно ошутителенъ, когда приходилось пользоваться его лирикой и въ ней искать отраженія его раннихъ увлеченій, при постоянномъ сознаніи, что то или другое стихотвореніе, послужившее для характеристики поэта, можетъ оказаться и не принадлежащимъ ему. Впрочемъ, такія неизбѣжныя ошибки могли касаться лишь мелочей, не оцѣнки общаго настроенія, ибо здѣсь коррективомъ являлись романы юношеской поры Боккаччо съ обильно разбросанными въ нихъ біографическими намеками.

Я не сомнѣваюсь, что желательное критическое изданіе во многомъ исправитъ тексты сочиненій Боккаччо, возстановитъ правильныя чтенія, перенесетъ на переписчиковъ многое, что вмѣнялось ученому, но въ общемъ оно едва ли измѣнитъ нашъ взглядъ на эрудита и мыслителя, на стилиста и поэта. Съ этой точки зрѣнія и существующія изданія отвѣчали цѣлямъ автора: самостоятельно и лично передумать Боккаччо, углубиться въ его психику и за стилистомъ и мыслителемъ раскрыть чловѣка яркаго темперамента и идеальныхъ стремленій, въ одно и то же время слабаго и страстнаго, застѣнчиваго и полнаго самосознанія, впечатлительнаго къ тѣмъ теченіямъ культурной среды, которыя онъ живо воспринималъ и выражалъ. Особенностью таланта считаютъ творческую способность, превышающую такую же способность другихъ людей, не ихъ пониманіе; потому они съ перваго раза находятъ цѣнителей (Шопенгауеръ). Я поставилъ бы вмѣсто творчества живость воспріятія и рельефное объ- VIII

ективированіе того, что покоилось въ сознаніи если не общества, то извѣстныхъ его слоевъ, какъ разсѣянные члены чего-то, еще не собравшагося въ раздѣльный образъ.

Петрарка неотдѣлимъ отъ Боккаччо: они такъ долго шли рядомъ, связанные общими умственными интересами и своеобразной дружбой, въ которой одинъ отдавался и бессознательно угнеталъ своимъ авторитетомъ, въ другомъ дѣтски-любтивное благоговѣніе не исключало ни критики, ни самостоятельности почина, которую я желалъ подчеркнуть. Эти люди невольно отгѣняли другъ друга; для психологической характеристики Боккаччо, которую я имѣлъ въ виду, Петрарка являлся фономъ и повѣркой: этимъ объясняется мѣсто, удѣленное мною показному вождю гуманизма во второй части моей книги. Рядомъ съ ними Аччъяйоли, блестящій баринъ-меценатъ, въ которомъ содержаніе гуманизма развило себялюбіе личности и вкусы къ эксплуатаціи таланта; Заноби да Страда, Молчаливъ, пролѣзающій, по теченію идей, въ люди и даже къ славъ, не дарованіемъ, а лаской и послушничествомъ; тихій |
 ix Нелли, наивно-оторопѣлый въ своихъ восторгахъ передъ гуманистической фразой, молящійся каждому слову «учителя». Всѣ они дополняли картину, служа одной цѣли: понять Боккаччо въ его кружкѣ, среди поставленныхъ тогда вопросовъ объ отношеніяхъ гражданской и личной свободы, свободной литературы и патроната, смѣшивавшаго поощреніе съ гнетомъ.

Той же цѣли отвѣчало и подчиненіе литературнаго отдѣла книги психологически-біографическому. Вездѣ ли я былъ правъ, читая между строками, не отнесъ ли на счетъ внутренней эволюціи чувства и сознанія, что могло быть риторической забавой или абстрактной затѣей кабинетнаго ученаго (если только можно строго подѣлить эти области), сумѣлъ ли сохранить колоритъ времени въ изо-

браженіи отношеній, такъ много напоминающихъ близкія къ намъ, — все это покажетъ критика. Критика и повторенныя занятія могутъ побудить меня снова вернуться къ труду, которому я и самъ даю значеніе опыта.

Остается сказать нѣсколько словъ по поводу моего обстоятельнаго разбора раннихъ произведеній Боккаччо. Ихъ мало кто знаетъ, и нѣтъ вѣроятія, чтобы они нашли читателей: передача ихъ содержанія, ихъ канвы (чѣмъ ограничились Кёртингъ и особенно Ландау), можетъ познакомить развѣ съ источниками Боккаччо, не съ его отношеніемъ къ нимъ, не съ его пониманіемъ сюжета, съ новымъ его освѣщеніемъ и стилизаціей, въ которой сказывается писатель, съ риторическимъ балластомъ, въ которомъ сказалось время. Мои извлеченія, пытавшіяся, по возможности, передать впечатлѣніе подлинниковъ, имѣли въ виду не только объяснить возникновеніе стиля, | составляющаго не малую славу Декамерона, но и прослѣ- х
дить, какъ постепенно накоплялись и очищались внѣшніе и внутренніе элементы гуманизма, нашедшіе въ немъ выраженіе. Канцоньере и Декамеронъ — это гуманизмъ въ разрѣзѣ, обращенный къ публикѣ, эстетическіе и этические результаты латинскихъ чтеній и обсужденій, безсознательно опредѣлившіе новое творчество. Въ исторіи гуманистическаго движенія это обезпечиваетъ за ними передовое мѣсто.

Если я сумѣлъ объяснить неизбѣжныя длинноты моихъ анализовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ защитилъ отчасти и объемъ новой біографіи. Книга, разросшаяся не въ мѣру, напоминаетъ мнѣ челоуѣка, не знающаго въ обществѣ, куда дѣвать свои руки.

Таковы задачи и самозащита труда, являющагося естественнымъ введеніемъ къ моей книгѣ: Вилла Альберти. Чтобы уравнивать ихъ архитектуру, слѣдовало бы переработать послѣднюю, и если не удалить понятіе «це-

релома», то разбить его, отнеся литературный переломъ ближе къ Боккаччо.

Долгое общеніе съ писателемъ, съ которымъ я такъ часто бесѣдовалъ, которому, быть можетъ, чаще (какъ знать?) подсказывалъ свои мысли, сдѣлали, вѣроятно, и эту біографію субъективной, какъ всякая другая. Я старался избѣгать предвзятости, становясь на историческую точку зрѣнія, исключаящую неумѣренныя восторги и нареканія, тѣмъ болѣе обѣленія, часто лицемѣрныя, въ которыхъ авторъ Декамерона такъ же мало нуждается, какъ и въ защитникахъ, особенно неумѣлыхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Введеніе	3—8
I. Дѣтскіе годы. Призваніе и карьера. Культурныя условія неаполитанской среды.	
1. Семья Боккаччо. Характеристика его отца, его связь съ матерью поэта и вторичный бракъ. Боккаччо въ домѣ мачехи; его пессимистическое настроеніе; Школьные годы; раннее призваніе къ поэзіи и занятія въ купеческой конторѣ; противорѣчія поэтическихъ вожделѣній и практической карьеры. Какъ они отражаются на психикѣ Боккаччо.—Поѣздка съ отцомъ въ Неаполь по торговымъ дѣламъ; изъ купеческаго вученика онъ становится канонистомъ противъ воли. Какіе силы и задатки принесъ онъ съ собою въ Неаполь? Опытъ характеристики	11—20
II. Культурныя наслоенія неаполитанской среды: лангобарды и византійцы; значеніе южно-итальянскаго эллинизма.	20—26
III. Норманны и арабы; Фридрихъ II и Гогенштауфены; династія Анжю; поглощеніе французскаго вліянія итальянской средой.	26—31
IV. Первые Анжю. Король Робертъ; его двоякая оцѣнка у современниковъ и въ ближайшемъ поколѣніи. Политикъ и книголюбъ; типы переходной образовательной эпохи: Робертъ и Діонисій da Borgo San Sepolcro. Ученныя сношенія Роберта и его «назиданія»; наивный педагогизмъ и диспутъ Петрарки. Юныя увлеченія и старческий ригоризмъ короля-богослова. Робертъ и Карлъ IV въ теченіяхъ гуманизма.	31—55

III. Флоренція. Автобіографическія переживанія (Филоколо, Амето, Любовное Видѣніе).

- I. Возвращеніе во Флоренцію. Удручающія впечатлѣнія отцовскаго дома и грѣзы о Неаполѣ. Письмо къ Аччяяйоли; его прїѣздъ во Флоренцію; поѣхалъ ли съ нимъ Боккаччо? Флорентійскія событія: тирапія герцога Авинскаго; какъ отнесся къ ней Боккаччо? Новыя и старыя литературныя вѣянія: вліяніе Петрарки и Данте. Обаяніе дантовскаго идеализма отвѣчаетъ личному настроенію поэта 178—191
- II. Филоколо. Его содержаніе и литературно-стилистическая оцѣнка. 192—264
- III. Дантовскій аллегоризмъ и біографическіе моменты въ Амето: иносказаніе въ формахъ пасторали. Типъ Амето и попытка самооправданія Историческія аллюзіи въ поэмѣ и *Capitolo*. Овидіевскіе мотивы и стремленіе обосновать теорію платонизма на фактахъ житейской любви. 264—294
- IV. Любовное Видѣніе: снова исторіи любви въ освѣщеніи самообличительнаго анализа, приготавлиющаго художественный объективизмъ Фьямметты. 295—309
- ### IV. Выходъ къ свободному творчеству (Тезеида и Нимфы Фьезоле).
- I. Тезеида, какъ опытъ классическаго эпоса на сюжетъ новеллы о конфликтѣ любви и дружбы. Источники и содержаніе поэмы. Посвятительное письмо къ Фьямметтѣ и вопросъ о его біографическихъ намекахъ. 313—346
- II. Поэтическое слоченіе античнаго и средневѣкового въ *Ninfale Fiesolano*. Разборъ идилліи. Выходъ изъ періода страстности къ свободѣ художественнаго творчества 346—368
- ### V. На высотѣ (Фьямметта и Денамеронъ).

- I. Вѣтшняя жизнь Боккаччо съ 1340 года. Событія въ Неаполѣ по смерти короля Роберта; воцареніе Джованни и короля Андрея; убійство послѣдняго въ 1345 году. Боккаччо въ Равеннѣ и Форлі въ 1346—7 годахъ. Его отношенія къ неаполитанской смутѣ, отрицательныя къ Джованнѣ и Аччяяйоли: письмо къ Заноби да Страда и третья эклога. Вопросъ о подлинности или хронологическомъ приуроченіи письма Боккаччо къ Алессандро деи Барди. Смерть отца Боккаччо; въ жалобахъ послѣдняго на бѣдность слѣдуетъ признать долю шаржа.—Измѣненіе политическаго настроенія въ экло-

гахъ IV, V и VI: симпатіи къ Аччяйюли и Джьованнѣ; чѣмъ объяснить этотъ поворотъ? Джьованна, Фьямметта и Декамеронъ. Вопросъ о хронологіи Декамерона и «Фьямметты» 371—397

II. Анализъ «Фьямметты»: художественное объективированіе лично-пережитого. Фьямметта и начала психологическаго романа. Фьямметта и Героиды Овидія 397—444

VI Художественныя и этическія задачи Декамерона.

I. Значеніе Декамерона въ литературномъ развитіи Боккаччо. Рамка новеллъ: чума 1348 года въ разсказахъ лѣтописцевъ и художественномъ планѣ Декамерона. Разсказчики 447—465

II. Новеллы Декамерона. Разсказы и шутки мѣстнаго происхожденія и замѣшавшіеся въ нихъ элементы международнаго преданія. Носители шутки: художники и потѣшники; животный характеръ веселья и культъ сердца, показатели личнаго самосознанія. Устные источники Боккаччо: Копно ди Боргезе Доменики 465—474

III. Захожіе сюжеты новеллъ и ихъ итальянское приуроченіе. Новелла анонимнаго сценца и сходная у Боккаччо. Литературные и устные источники его разсказовъ. Вопросъ объ его оригинальности по отношенію къ сюжетамъ унаслѣдованныхъ повѣстей: анализъ новеллъ о Настаджіо дельи Онести (V, 8), о Гвидотто (V, 5), о трехъ кольцахъ (I, 3), о двухъ ларцахъ (X, 1) и объ Алатіэль (II, 7) приводитъ къ колеблющимся выводамъ . 474—499

IV. Попытка опредѣлить оригинальность Боккаччо со стороны стиля. Боккаччо, какъ стилистъ новеллы; самосознаніе и скромное заявленіе, что Декамеронъ написанъ безъ претензій (*senza titolo*). Сравнительный разборъ двухъ новеллъ Филоколо, тождественныхъ по содержанию съ разсказами Декамерона, съ точки зрѣнія ихъ композиціи. Стилистическая характеристика Декамерона: недодѣланность, повтореніе общихъ мѣстъ, положеній, зачалъ и заключеній. Боккаччо, какъ поэтъ эпизода; противорѣчія психолога и ритора; обстоятельность описаній: пейзажи и типы красоты. Детальность реальнаго наблюденія и риторическая выписанность. Приемы характеристики; новелла о священникѣ изъ Варлуго. Героическіе и будничные типы. Боккаччо не творецъ своихъ типовъ, онъ психологъ новеллы, подымающій ее живымъ пониманіемъ личнаго въ реальномъ ... 499—525

- V. Дидактизмъ Декамерона. О чемъ толкуютъ его собесѣдники? Ихъ отношеніе къ религіи и явленіямъ церковной жизни; религіозность Боккаччо. Пониманіе и разносторонній анализъ любви. Противорѣчія любви и долга въ повѣстяхъ Декамерона объясняется его міросозерцаніемъ, психическимъ настроеніемъ автора, не его протоколизмомъ. Женщины у Франческо да Барберини и рассказчицы Декамерона. Въ чемъ состояло новшество Боккаччо? Наладки на Декамеронъ и самозащита Боккаччо: его отвѣты литераторамъ и читательницамъ. Голоса изъ общества: Декамеронъ-Галлеотто; идеальные и средніе читатели Декамерона. Легенда о Боккаччо въ Чертальдо. Боккаччо и Овидій, Петрарка и бл. Августинъ и воссозданіе культурныхъ типовъ. Литературное вліяніе Декамерона. Боккаччо и Чосеръ. Декамеронъ въ оборотѣ европейской литературы 525—552
-

Предисловіе къ третьему и четвертому томамъ второй серіи.

Изслѣдованіе о Боккаччо является, послѣ диссертациі „Вилла Альберти“, наиболѣе цѣльнымъ и крупнымъ произведеніемъ во *второй* серіи сочиненій А. Н. Веселовскаго, который еще въ 1876 году началъ собирать матеріаль къ біографіи Боккаччо, издавъ три письма его къ Майнардо де'Кавальканти (см. т. II настоящей серіи, вып. I). Въ указанномъ томѣ помѣщены и другіе отдѣльные этюды Александра Николаевича, имѣющіе отношеніе къ Боккаччо, и предисловіе къ русскому переводу Декамерона. Но и послѣ выполненія двухъ-томнаго труда о Боккаччо — „его средѣ и сверстникахъ“, А. Н. Веселовскій продолжалъ слѣдить за новѣйшей литературой по данному предмету, провѣряя и дополняя свой трудъ, быть можетъ, подготовляя исправленную его редакцію для новаго изданія. Записки А. Н. Веселовскаго печатаются въ видѣ приложений къ тексту, который напечатанъ съ небольшими измѣненіями согласно помѣткамъ автора, указаннымъ въ своемъ мѣстѣ.

Рукописныя замѣтки, издаваемые въ видѣ приложений, тщательно провѣрены, согласно ссылкамъ на разныя статьи и сочиненія иностранныхъ ученыхъ, А. А. Веселовской, которая взяла на себя трудъ составить указатель къ обоимъ томамъ настоящаго сочиненія: онъ будетъ помѣщенъ въ концѣ второго тома.

В. Батюшковъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Большинство даже образованных читателей знают Боккаччо, как автора Декамерона, а Декамеронъ — не столько из чтения, сколько по репутации, сложившейся вѣками из наслѣдія честныхъ и лицемѣрныхъ недоумѣній, взглядовъ, принятыхъ на вѣру, и умственной лѣни. Лучшее средство противъ этого миража — въ самомъ дѣлѣ прочесть Декамеронъ и, забывъ на время объ опасности, грозящей вашему нравственному чутью, окунуться въ источники его звонкаго, здороваго смѣха, затеряться въ толпѣ его типовъ, бойкихъ и веселыхъ, торжественныхъ и грустныхъ, но всегда отдающихъ жизнью; прислушаться, какъ и что говорятъ, по поводу той или другой новеллы, сказочки Декамерона, — и какъ за нихъ резонируетъ Боккаччо. А онъ любитъ резонировать: герои его новеллъ, особенно торжественныхъ, то и дѣло разсуждаютъ объ общихъ вопросахъ, сынять софизмами, произносятъ адвокатскія рѣчи, нерѣдко выходя изъ роли, намѣченной ихъ характеромъ; за нихъ разсуждаетъ Боккаччо. Для рассказчиковъ Декамерона каждая новелла становится предметомъ бесѣды, новеллы складываются въ группы, смотря по тому, какое общее, житейское или философское положеніе онѣ выясняютъ: вопросы любви и нравственности, религии и церковной практики, тайны провидѣнія или загадочное водительство судьбы. За «человѣческой комедіей» Декамерона чувствуется серьезный субстратъ идей, исканіе міросозерцанія. Впослѣдствіи эти идеи станутъ для Боккаччо точкой отправленія, 4 и онъ подгонитъ подъ идею фатума свои латинскіе приклады о

роковой судьбѣ именныхъ людей (*De casibus virorum illustrium*); но тогда его міросозерцаніе сузится, болѣзненно уединясь въ пессимизмъ. Въ пору Декамерона онъ еще художникъ, онъ выходитъ изъ живыхъ типовъ и реальныхъ положеній, но каждый изъ нихъ представляется ему показателемъ общаго, частнымъ факторомъ въ разрѣшеніи сложной задачи человѣческой жизни. Съ этой точки зрѣнія Боккаччо, а за нимъ его герои и рассказчики и размышляютъ о типахъ и положеніяхъ, подводя ихъ подъ ходячую оцѣнку дѣяній и побужденій, нерѣдко открывая возможность и другой, не традиціонной, но человѣчной. Отрицательное впечатлѣніе Декамерона, которое легко вынести изъ чтенія нѣсколькихъ, сознательно подобранныхъ нескромныхъ новеллъ, съ лихвой перевѣшивается его положительной, я сказалъ бы — учительной стороной: впечатлѣніемъ новаго умственного кругозора, слагающагося среди преній и бесѣдъ изъ анализа житейскихъ и психологическихъ фактовъ. Эта печать анализа и самонаблюденія и опредѣляетъ наше отношеніе къ Боккаччо: онъ — человѣкъ такъ называемаго «возрожденія» не столько своей латинской эрудиціей, своими трактатами о богахъ и великихъ людяхъ, о горахъ и рѣкахъ, сколько аналитической стороной своего Декамерона.

Данте, Петрарка, Боккаччо — три имени, три показателя итальянскаго развитія въ XIV вѣкѣ; «три флорентійскихъ вѣнца». Такъ эмфатически называли ихъ ближайшіе современники, а мы безотчетно повторяемъ, забывая, что Данте, самый муниципальный изъ трехъ по воспитанію и симпатіямъ, провелъ третью жизнь изгнанникомъ, что Петрарка вступилъ во Флоренцію лишь на нѣсколько дней и ничѣмъ ея преданію не обязанъ, а Боккаччо сложился поэтомъ и гуманистомъ при неаполитанскомъ дворѣ и поздно вжился въ демократическіе интересы Флоренціи. Можетъ быть, эта случайная отвязанность отъ муниципальной почвы и развила въ нихъ широту взгляда, грезу культурной Италиі. Всѣ трое лелѣютъ ее одинаково, но содержаніе понятія мѣняется. |
 5 Данте резюмируетъ съ итальянской точки зрѣнія средніе вѣка, и

не свое время, а прошлое; его Божественная Комедія — идеальный синтез этого прошлаго: всѣ элементы современнаго политическаго, общественнаго и религіозно-философскаго движенія еще разъ сведены въ ней къ отживавшимъ нормамъ папства и имперіи; языческой моментъ классицизма еще не ощущается, какъ бродило, и мирно укладывается въ рамки христіанскаго міросозерцанія. Самъ Данте въ Божественной Комедіи спокойно-монументаленъ и цѣленъ, даже въ порывахъ своего героическаго гнѣва и паюса; и у него былъ періодъ борьбы и увлеченія, но тревога улеглась, и онъ вышелъ изъ нея къ успокоенію, лично сосчитавшись съ собою и съ своимъ временемъ, придя къ утверженію идеальнаго status quo, въ которомъ устоямъ прошлаго данъ перевѣсъ надъ вѣянiями будущаго. Мы охотно представляемъ его себѣ стоящимъ въ центральной нишѣ его гигантскаго нерукотворнаго храма; его Виргилій — не волшебникъ и не христіанскій пророкъ средневѣковаго преданія: онъ — творецъ Энеиды, провозвѣстникъ имперской идеи, онъ — разумъ, наука; но онъ же ведетъ поэта къ одухотворенной Беатриче. Она, гдѣ-то наверху, сотканная изъ мистическихъ порывовъ богородичнаго культа, идеализаціи женщины у трубадуровъ и платонизирующихъ мотивовъ поэтовъ новаго флорентійскаго «стиля».

Въ сравненіи съ архаистическимъ ликомъ Данте фигуры Петрарки и Боккаччо глубже и страстнѣе тронуты рѣзцомъ. Они родились въ первомъ поколѣнiи послѣ Данте, но его поэтический синтезъ не остановилъ исторіи: на сценѣ то же броженіе и исканіе въ мірѣ политики, общественныхъ и нравственныхъ идеаловъ; тотъ же дантовскій «дремучій лѣсъ» и то же требованіе выхода, но не къ Беатриче и не къ квіетизму рая, не къ спасительнымъ началамъ папства и имперіи.

О нихъ еще говорятъ, какъ о принципахъ, но подъ условіемъ новаго толкованія. Съ идеей имперіи плохо ладила масса политическихъ новообразованій, коммунь и тиранній, и королевство въ Неаполѣ; ихъ самостоятельность исключало народное объеди-

неніе, сознание культурнаго единства поддерживалось никогда не изсякавшимъ преданіемъ языческаго Рима. Въ обособленныхъ центрахъ политическая жизнь развивалась, не спрашиваясь императора, складывались свои соціальныя привычки, мѣнялись учрежденія и формы быта въ борьбѣ партій и мнѣній, исходившихъ не изъ старыхъ опредѣленій права, а изъ постановки новыхъ жизненныхъ споровъ и возродившихся занятій кодексомъ Юстиніана. Изъ связи родовъ, цеховъ, консортерій обособлялись личности, поставленныя въ необходимость рѣшиться между преданіемъ и новшествомъ, изощрившія политическія способности ума, колеблющіяся и страстно-рѣшительныя, воспріимчивыя, нервныя. Съ личностью явилась и критика, и одной изъ ея точекъ отправления было условіе, содѣйствовавшее самому развитію индивидуализма. Жизненность образовательнаго латинскаго преданія въ Италіи была такимъ условіемъ; когда личность окрѣпла, условіе стало для нея критеріемъ, который она и начинаетъ ощущать, какъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ правомѣрный привычному, средневѣковому. Чѣмъ болѣе практика жизни и ростъ критическаго сознанія подрывали вѣру въ послѣдній, тѣмъ сильнѣе выяснялось значеніе перваго въ кружкѣ людей, въ которыхъ чутче слышался пульсъ исторіи: въ откровеніяхъ древности они находили оправданіе новыхъ явленій политическаго быта, философское обоснованіе религіознаго чувства, культа славы и науки, незаторможенной школой, проснувшейся любви къ реальной сторонѣ жизни, къ красотамъ пластики и художественнаго слова.

Когда весь этотъ процессъ выяснится, Петрарка и Боккаччо явятся выразителями умственнаго движенія, начала котораго трудно услѣдить, и которое мы зовемъ «возрожденіемъ» или «гуманизмомъ». Его показатели: разложеніе видимой, успокаивающей цѣльности міросозерцанія, критическая расторженность мысли, страстное исканіе новыхъ путей, желаніе обосновать это новое возрѣніями классиковъ. Расторженность мысли — въ виду на-
7 зрѣвшей потребности сдѣлать выборъ между тѣмъ, что еще составляетъ для массы объектъ вѣры, что пустило вѣковые корни

въ народномъ сознаніи, всосано съ молокомъ матери,—и новыми началами, новыми и старыми вмѣстѣ, которыя убѣждаютъ умъ, но не побѣждаютъ воспитаннаго въ другомъ преданіи чувства. Это не средневѣковый разладъ между плотью и духомъ, міромъ и аскезой: тамъ исходъ борьбы предрѣшенъ, мірская любовь рыцаря искупится въ монашеской кельѣ, гривуазныя продѣлки fabliau — въ какомъ-либо мытарствѣ. Прогрессъ движенія въ томъ, что онъ уравнилъ шансы побѣды, серьезно обосновавъ права «міра»: за него стало классическое образовательное преданіе. Уравнилъ — безъ увѣренности побѣды: въ риторизмѣ, характеризующемъ писателей «возрожденія», въ обычномъ перевѣсѣ фразы надъ содержаніемъ у Петрарки и Боккаччо, въ ихъ постоянномъ хожденіи на котурнѣ, этой психологической складкѣ цѣлой поры, чувствуется, рядомъ съ дѣтскими восторгами передъ новымъ откровеніемъ, и пагосъ фразы, какъ бы прикрывающей сознаніе, что тѣ горизонты далеко и когда-то спустятся на землю. Такъ эпохи риторизма обманываютъ себя насчетъ слабости убѣжденія и недостатка увѣренности.

Петрарка и Боккаччо стоятъ въ этомъ движеніи: оба одинаково расторженны, одинаково мнутся, такъ же восторженно-риторичны. Раздвоенность Петрарки хорошо извѣстна: онъ постоянно борется между классическимъ и христіанскимъ идеаломъ, любовью и аскезой, мечтою о славѣ и самоотреченіемъ, и не въ силахъ досказать откровенно ни до да, ни до нѣтъ (*Nè sì nè po nel suog mi suona intero*). Несомнѣнно, въ немъ происходила борьба, за это говоритъ неспритворность его ацедіи и сентиментальное бѣгство въ природу; но, влюбленный въ свое я, онъ выносилъ его на показъ, позируя своими ранами, какъ наивно позировалъ въ роли учителя; признаніе, которымъ его окружали, и которое онъ самъ не прочь былъ принимать за культъ, поднимало его въ борьбѣ: онъ проникался сознаніемъ своего подвига; тѣмъ величавѣе и гармоничнѣе являлись у него моменты успокоенія. У Боккаччо былъ тотъ же внутренній разладъ, тотъ же самоанализъ, можетъ быть, не столь глубокій, но и не обставлен-

ный такъ декоративно, выносившійся наружу не столь торжественно, дѣтски сообщительный, откровенно искавшій духовной помощи. Не тактичный, какъ Петрарка, онъ трогаетъ насъ своею человѣчностью, проявленіями слабости, не скрывающей наболѣвшихъ ранъ подъ складками риторической тоги.

Таково содержательное вліяніе новыхъ умозрительныхъ откровеній на Петрарку и Боккаччо; внѣшнее, формальное, бросается въ глаза. Лирическая виртуозность Петрарки навѣяна его классическими чтеніями; если идеаль его Лауры — средневѣковъй, то изящность его психологической разработки и тонкость анализа многимъ обязаны тому же источнику. Боккаччо черпаетъ изъ него въ размѣрѣ своего таланта: онъ одарилъ итальянскую прозу кадансомъ классическаго періода; богатства древней міѳологіи и исторіи, неуклюже загромождающія его первый романъ, становятся впоследствии въ его рукахъ послушнымъ матеріаломъ, готовымъ для новыхъ художественныхъ созданій. Его Тезеида — первая во всей Европѣ затѣя эпопеи въ классическомъ стилѣ; его Фьямметта, первый опытъ психологическаго романа въ новыхъ литературахъ, — навѣяна мотивами Овидіевыхъ Героидъ; страстность личной сатиры въ Корбаччо слагается подъ вліяніемъ Ювенала. Петрарка — болѣе разборчивый латинистъ, чѣмъ Боккаччо, онъ, можетъ быть, глубже и разнообразнѣе понимаетъ древнюю жизнь, но нигдѣ дотолѣ, и позднѣе развѣ у Понтана, сочетаніе античнаго и современнаго, Овидія и итальянской *rausannerie*, не достигало такой художественной цѣльности, какъ въ *Ninfale Fiesolano*. На почвѣ поэтическаго синтеза здѣсь достигнуто то, что въ предѣлахъ общаго міросозерцанія оставалось вопросомъ и чаеніемъ.

I.

ДЕТСКИЕ ГОДЫ. ПРИЗВАНИЕ И КАРЬЕРА. КУЛЬТУРНЫЕ УСЛОВИЯ
НЕАПОЛИТАНСКОЙ СРЕДЫ.

I.

Въ семьѣ Боккаччо не было того культурнаго преданія, 11 которое побуждало Петrarку съ уваженіемъ помнить своего отца, большого почитателя Цицерона ¹⁾, и прадѣда Garzo ²⁾, вѣроятно, автора нѣсколькихъ духовныхъ стиховъ и риёмованныхъ пословицъ ³⁾. Боккаччо были крестьяне изъ Черталдо, небольшого тосканскаго городка въ пяти миляхъ къ югу отъ Флоренціи, куда переселился еще дѣдъ нашего поэта, сохранивъ за собою на родинѣ и собственность и домъ. Отецъ Боккаччо занялся торговлей, въ качествѣ участника и представителя дома Барди, имѣвшаго на югѣ Италіи обширныя дѣла, снабжая анжуйскій дворъ деньгами, въ обезпеченіе которыхъ ему предоставлены были извѣстныя льготы, преимущественно по торговлѣ хлѣбомъ. Повидимому, старикъ Боккаччо пользовался во Флоренціи нѣкоторымъ значеніемъ: въ 1321-мъ ⁴⁾ году мы встрѣчаемъ его въ числѣ пріоровъ, позже — въ нѣсколькихъ другихъ мелкихъ должностяхъ, хотя принадлежалъ онъ къ роду, лишь недавно водворившемуся въ городѣ. Филиппо Виллани говоритъ, что онъ былъ человѣкъ рачительный (*industrius vir*), сынъ, — что онъ честнымъ трудомъ

1) Сл. Petrarca, Sen., XVI, 1; Fam., XXI, 15.

2) Fam., VI, 3; XI, 5. — *Guatteri, *il bisnonno del Petrarca*, Torino, 1904. Сл. Patrono, *Ancora del bisnonno del Petrarca*, *La nuova rassegna*, III, 2 (не доказано, что Garzo былъ прадедомъ поэта).

3) Сл. Guido Mazzoni и Carlo Appel въ *Propugnatore*, N. S., II, стр. 205 слѣд.; III, 5 слѣд., 49 слѣд., 238 слѣд.; Zenatti, *ib.*, v. IV, 415 слѣд.

4) *Cochin, *Voccaccio* (Firenze, Sansoni, 1901), стр. 6: 1322?

12 старался приумножить домашній достатокъ¹⁾; | рассказывая о соблюденіи Флорентійцами одного святочного обряда (отвѣчающаго сербскому божичу, итальянскому serro di natale), Боккаччо называетъ отца хорошимъ, настоящимъ христіаниномъ²⁾. Все это стоитъ въ противорѣчій съ той рѣзкой, недружелюбной его характеристикой, которую Боккаччо пишетъ про себя и, можетъ быть, для немногихъ, когда въ аллегорическихъ образахъ воспоминаетъ свое тяжелое дѣтство. Въ этой характеристикѣ много больного, можетъ быть, несправедливаго шаржа, но въ позднѣйшемъ восхваленіи сыновней и отеческой любви, какъ принципа общественнаго устройства³⁾, какъ бы чувствуется нѣчто отрицательно пережитое. На самомъ дѣлѣ отецъ Боккаччо былъ практикъ, пробившійся къ извѣстному благосостоянію, не видѣвшій ничего, кромѣ наживы, бережливый и прижимистый, безъ всякаго идеальнаго полета. Выйдя изъ крестьянъ, «перемѣнивъ одежду, онъ сохранилъ подъ обманчивымъ видомъ грубые нравы отца и во всемъ остался матерьялистомъ и неотесаннымъ»⁴⁾; это типъ вышедшаго въ люди крестьянина, говорившаго крестьянамъ, что онъ изъ благородныхъ, что его занятіе — торговля — издавна ведется въ ихъ родѣ. Въ 1310—1313 годахъ онъ проживалъ въ Парижѣ по дѣламъ Барди; красивый собою, не подъ стать грубому духу, веселаго нрава, онъ соблазнилъ молодую женщину, хорошаго, но, вѣроятно, обѣднѣвшаго рода, по имени Жанну, обѣщаніемъ жениться на ней. Въ 1313 году она родила отъ него сына, нашего Боккаччо, а онъ бросилъ ее и, вѣроятно, за нѣсколько мѣсяцевъ до 10 октября слѣдующаго года⁵⁾, вернулся во Флоренцію, куда выписалъ и ребенка по смерти матери, умершей съ горя. Вскорѣ за тѣмъ онъ женился на Маргаритѣ ди Джьянъ Донато деи Мартоли.

1) De Cas., XI, 21.

2) Gen. Deor., I. XII, с. 65.

3) De Cas., VIII, с. 22; IX, с. 20.

4) Ameto, 78.

5) *Можетъ быть и позже. Сл. Crescini, I. с., стр. 40 и прим. 1 на стр. 41.

Боккаччо выросталъ въ домѣ мачехи, у которой явились свои дѣти. Какъ жилось ему тамъ, — объ этомъ говорятъ воспоминанія о покинутой отцомъ матери, къ которымъ онъ обращается въ послѣдствіи съ какой-то болѣзненной настойчивостью. | Два 13
 раза пересказалъ онъ ея грустную исторію: въ эпизодѣ Идалага ¹⁾ и въ повѣсти объ Ибридѣ ²⁾. Идалагъ и Ибрида — это онъ самъ; Ибрида, т. е. рожденный отъ неравныхъ по положенію и національности родителей. Мальчикомъ, юношей, онъ могъ узнать о своей матери лишь немного, но онъ вжился въ психическій моментъ и развилъ его въ воображеніи. Это бросило тѣнь на отца; если отецъ — грубый практикъ, сынъ — идеалистъ и поэтъ, то потому, что пошелъ не въ отца — крестьянина, а въ благородную мать. Эта похвальба родомъ противорѣчитъ позднѣйшему взгляду Боккаччо на благородство, какъ зависящее отъ доблести, не отъ крови; онъ и потомъ колебался между теоріей и самосознаніемъ: ему просто хочется вѣрить, что онъ не въ отца; можетъ быть, и его отношенія къ любимой женщинѣ королевскаго рода заставляли его порой припоминать, что и онъ не такъ ей неровенъ, какъ могло бы казаться, и въ немъ есть капля синей крови.

Такъ нарастали тѣни. Прижимистость отца начала казаться скряжничествомъ, увеличивавшимся съ годами. Въ «Любовномъ Видѣніи» ³⁾ поэту представляется гора изъ золота и серебра и драгоценныхъ камней, вокругъ которой трудится съ топорами и молотами толпа людей: это — стяжатели; между ними кто-то старается отковырнуть что-нибудь ногтями, но послѣ многихъ попытокъ уносить лишь немного и такъ крѣпко держитъ кошель, что не только другому, но и ему самому оттуда ничего не вынуть. Это тотъ, кого я звалъ своимъ родителемъ, говоритъ Боккаччо, тотъ, кто по *собственному побужденію милосердно воспиталъ меня, какъ сына* ⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ, въ эпизодѣ своего пер-

1) Filocolo, II, 239 и слѣд.

2) Ameto, стр. 78 слѣд.

3) Am. Vis., с. XIV, стр. 58.

4) Сл. Fiammetta, 39: per la mia puerizia nel suo grembo teneramente allevata, per l'amor di lui verso di me continuamente portato.

ваго романа (Филоколо), онъ разсказываетъ, подъ именемъ Ида-
14 лага, какъ вступивъ однажды въ отцовскій домъ, онъ уви|дѣлъ
двухъ свирѣпыхъ медвѣдей, устремившихъ на него алчные
взгляды, какъ бы желая поглотить его. Это — его отецъ и ма-
чеха; аллегорія ясна; кто не знаетъ, какъ суровы бываютъ ма-
чехи къ пасынкамъ, говорилъ онъ впоследствии 1).

Мальчика отдали въ школу 2); позднѣе онъ вспоминалъ, какъ
его, еще совсѣмъ ребенка, неудержимо влекло къ поэзіи. «Хорошо
помню, что мнѣ не было еще и семи лѣтъ, никакія поэтическія
произведенія не попадались мнѣ на глаза, никакихъ ученыхъ я
еще не слушалъ, едва познакомился съ первыми началами гра-
мотности, а у меня по природному побужденію уже было желаніе
творить, и я написалъ нѣсколько поэтическихъ произведеній, хотя
и ничтожныхъ, ибо въ столь нѣжномъ возрастѣ на такое дѣло
не хватало духовныхъ силъ. Тѣмъ не менѣе, когда я уже почти
созрѣлъ и сталъ самостоятельнымъ, мой умъ взялъ свое, самъ
собою, никѣмъ не побуждаемый и не научаемый, несмотря на
препятствія со стороны отца, осуждавшаго такое занятіе, по-
тому, говорилъ онъ, что я мало смыслю въ поэзіи. И я увлекся
ею съ величайшею жадностью, съ особымъ удовольствіемъ искалъ
и читалъ сочиненія ея авторовъ и, насколько могъ, старался ихъ
уразумѣть. Удивительное дѣло! Я еще не понималъ, изъ какихъ
и сколькихъ стопъ слагается стихъ, а всѣ извѣстные поэты про-
звали и меня поэтомъ, хотя я усиленно того отрицался, да и те-
перь поэтомъ не сталъ. Я не сомнѣваюсь, что если бъ отецъ
отнесся къ тому правильнѣе, пока мой возрастъ былъ способнѣе,
я сталъ бы, пожалуй, однимъ изъ знаменитыхъ поэтовъ; но мой
умъ старались обратить сначала на прибыльное занятіе, затѣмъ
на прибыльную науку, оттого и вышло, что я не купецъ, не

1) Fiammetta, 120.

2) *По Filippo Villani — въ школу Giovanni (Mazzuoli) da Strada, отца Zanobi da Strada. Единственный изъ критиковъ, сомнѣвающийся въ этомъ показаніи — Crescini.

сталъ и канонистомъ и упустилъ возможность сдѣлаться выдающимся поэтомъ» ¹⁾).

Подъ прибыльнымъ занятіемъ или искусствомъ Боккаччо разумѣеть торговлю: отецъ взялъ его изъ школы и отдалъ въ науку къ «состоятельному купцу» (*maximo mercatori, ib.*), т. е. | пристроилъ, вѣроятно, къ дому Барди, чтобы приучить его съ 15 малыхъ лѣтъ къ коммерческому дѣлу. По расчету, выходящему изъ показаній самого Боккаччо, это могло быть въ 1326 году ²⁾; но къ торговлѣ онъ не ощущалъ никакой склонности; и онъ не прочь былъ бы отъ наживы, если бы ее можно было помирить съ честью, говорить онъ въ *Любовномъ Видѣніи* ³⁾; правда, поэзія не даетъ богатства, но она ведетъ къ небу ⁴⁾, тогда какъ купеческая наука сводится къ барышу и обману ⁵⁾. На противорѣчій стремленій къ богатству и поэзіи построена вся XIII-ая эклога.

Сознательно эти противорѣчія практической карьеры и поэтическихъ вожделій могли представиться Боккаччо лишь позднѣе; они то и освѣжили его дѣтскія воспоминанія. Не слѣдуетъ упускать изъ виду эту ретроспективность: что въ дѣтствѣ ощущалось, какъ неохота и отсутствіе интереса, было понято, какъ поправное въ самомъ расцвѣтѣ призваніе. Чѣмъ выше становилось для Боккаччо, особливо подъ вліяніемъ Петрарки, значеніе поэзіи, тѣмъ страстнѣе и полнѣе ощущалъ онъ свои ранніе недочеты, которые приходилось пополнять урывками и случайно. Въ этомъ смыслѣ получаетъ для насъ автобіографическое значеніе его письмо къ одному неназванному другу, писанное имъ

1) *Gen. Deor.*, XV, 10.

2) *Cochin, *Vossaccio*, 10: Б. не было десяти лѣтъ, когда его взяли изъ школы, и отецъ отдалъ его въ науку купцу на 6 лѣтъ. — По этому расчету къ купцу онъ попалъ въ 1322—3 годахъ? Сл. стр. 11: отецъ взялъ его отъ купца черезъ 6 лѣтъ, что относитъ насъ къ 1328—9 годамъ, и (стр. 13), отправляясь по дѣламъ въ Неаполь, отдалъ его въ науку юристу. Б. было тогда 16 лѣтъ; юриспруденціей онъ занимался до 22-го года (1331). Сл. далѣе у меня стр. 17—18: съ 1326 по 1332 у купца, съ 1332 занятія правомъ?

3) *Am. Vis.*, с. XIV, стр. 59—60.

4) *Gen. Deor.*, XIV, 4.

5) *Corbaccio*, 184—5.

27-го декабря того же года герцогъ выѣхалъ изъ Флоренціи; отецъ Боккаччо покинулъ ее, вѣроятно, еще раньше, потому что уже 12 января 1328 года онъ находился въ неаполитанской области вмѣстѣ съ другими общниками торговыхъ домовъ Барди, Перуцци и Аччяйюли ¹⁾). Имъ предоставлено было, въ уплату ихъ ссудъ анжуйскому двору, собрать субсидію, наложенную на населеніе для военныхъ цѣлей и доставленія средствъ на обратную поѣздку герцога калабрійскаго. Оказывается, что, работая для дома Барди, отецъ Боккаччо велъ и свои собственные обороты, ибо онъ значится въ числѣ заимодавцевъ двора; нѣсколько позже | онъ является однимъ изъ поставщиковъ герцогскаго 17 войска, стоявшаго на границахъ Абрुццъ.

Легко предположить, что, уѣзжая по дѣламъ, старикъ Боккаччо взялъ съ собою и сына. Взиманіе налоговъ, поставка въ армию, сбытъ хлѣба, — все это требовало частыхъ разъѣздовъ, въ которыхъ юный Боккаччо могъ сопровождать отца, набираясь бытовыхъ впечатлѣній; его новеллы ²⁾ и Генеалогіи ³⁾ полны воспоминаній о бродячей жизни купца, вѣчно озабоченнаго, тревожнаго, потому что на дорогахъ разбойничаютъ, особенно на горномъ пути, который велъ изъ Тосканы къ границамъ Кампаніи, и по которому Боккаччо заставляетъ возвращаться своего Филоколо ⁴⁾). Опасностей было много, но бывали и моменты поэзіи, пріятныя неожиданности, когда на ограбленнаго путника неожиданно спускалась любовная помощь св. Юліана. На морѣ его сторожили корсары изъ Монако, въ приморскихъ городахъ — своя же братья купцы, проводили ловкія гетеры; его обманывали, обирали, но онъ и самъ становился изворотливымъ и въ свою

1) * Въ концѣ 1327 г. старикъ Б. былъ въ Неаполѣ по дѣламъ, сл. Davidsohn, Forschungen z. Gesch. d. Stadt Florenz, B. III (1901 г.), стр. 181—2.—Сл. R. Davidsohn. Il padre di Giov. Boccaccio, Arch. Stor. ital., ser. V, v. 23, disp. 1 (документы, указывающіе на почетное положеніе, какое занималъ во Флоренціи отецъ Боккаччо, и на его отношенія къ королю Роберту).

2) Дек., I, 2, 5, 9; II, 3, 4; VIII, 10.

3) VII, 36.

4) Filocolo, II, 276; сл. De Blasiis, I. c., стр. 514, прим. 1.

075580

очередь проводилъ, заставляя говорить о себѣ: «у кого съ тосканцемъ дѣло, то такова ихъ злоба, что не слѣдуетъ плошать, а смотрѣть въ оба»¹⁾.

Такъ прошло шесть лѣтъ торговой выучки²⁾ до 1331 года, когда отецъ Боккаччо окончательно выѣхалъ изъ Неаполя. Убѣдившись, что изъ сына купца не сдѣлаешь, онъ рѣшился на уступку наукѣ, но наукѣ прибыльной, которая обезпечивала-бы карьеру. Таковой представлялось тогда каноническое право, открывавшее доступъ къ доходнымъ церковнымъ должностямъ. И вотъ Боккаччо становится канонистомъ противъ воли: еще около шести лѣтъ онъ проводитъ въ непроезжимомъ изуваченіи права у какого-то знаменитаго профессора³⁾. Кого онъ
18 разумѣетъ, мы не знаемъ; извѣстный легистъ и поэтъ, другъ Данте, Чино изъ Пистойи, вызванный королемъ Робертомъ на кафедру права въ 1330-мъ году, оставилъ ее въ томъ же году вслѣдствіе неприяностей, объясняющихъ его ожесточенную сирвентезу противъ Неаполя, а судя по тому, что въ пору затѣи Филоколо въ 1338 году Боккаччо еще продолжалъ изучать каноническую мудрость, начало его шестилѣтнихъ занятій восходить къ 1332 году⁴⁾. Къ нимъ онъ чувствовалъ такое же отвращеніе, какъ Петрарка; отсюда его ярыя выходки противъ легистовъ, не древнихъ, а современныхъ: тѣ были люди степенные, полные древней мудрости, эти — считаютъ излишними общіе философскіе вопросы, на которыхъ зиждется правосудіе и преусыпаніе нравственности; имъ лишь бы нагрѣть руки (*quibus unctae sunt manus*), — и да здравствуетъ Италія (*Italorum respublica*), гдѣ въ судахъ царитъ распутство и стяжаніе, рѣшенія подсказываютъ ложь и обманъ!⁵⁾. — И здѣсь знакомое намъ противоположеніе

1) Дек., VIII, 10.

2) Gen. Deor., XV, 10: *sex annis*.

3) *Sub praeceptore clarissimo fere tantundem temporis*.

4) * Въ 1332 году Чино преподавалъ въ Перуджіи. Сл. Sterzi, *La dimora di messer Cino in Perugia*, изъ *Bollett. Storico pistojese* (6 стр.) 1902 г. — Чино съ 1321 по 1326 — въ Сіенѣ.

5) De Cas., III, 10; сл. De Clar. Mul., с. 56; Gen. Deor., XIV, с. 4; сл. письмо къ Франческо да Броссано у Corazzini, стр. 383.

практической и поэтической дѣятельности, наживы и чистаго служенія наукѣ, не то принципиальное недовѣріе къ традиціонному праву, къ которому приведетъ въ послѣдствіи развитіе критическаго самосознанія.

Въ Неаполѣ, по отъѣздѣ отца, Боккаччо должно было житья свободнѣе, новая спеціальность вводила его, такъ или иначе, въ кругъ научныхъ интересовъ, которые онъ старался расширить въ любимомъ направленіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нашелъ доступъ въ общество, болѣе блестящее и рельефное, чѣмъ флорентійское. Подъ голубымъ небомъ Неаполя древность возставала передъ нимъ осязательно: его первыя письма датированы «у гробницы Виргилія»; еще шагъ,—и эта древность оживетъ не только во внѣшнемъ классическомъ аппаратѣ его перваго романа, но и въ изящныхъ образахъ его юношеской лирики. Боккаччо приѣхалъ въ Неаполь 14-тилѣтнимъ подросткомъ и провелъ тамъ лучшіе годы юности, когда слагается челоѣкъ, и |
опредѣляется его нравственный и культурный обликъ. Намъ хо- 19
тѣлось бы знать, какія силы и задатки принесъ онъ съ собою. Современники (Филиппо Виллани)¹⁾ изображаютъ его уже зрѣлымъ, онъ и самъ подсказываетъ нѣкоторыя черты: онъ былъ высокаго роста, позднѣе рыхлый и дебелый²⁾; круглолицый, съ носомъ, нѣсколько приплюснутымъ на линіи ноздрей, темными волосами³⁾, полными, хорошо очерченными губами и ямкой на подбородкѣ, на которую пріятно было смотрѣть, когда онъ смѣялся; при этомъ веселый, острякъ и говорунъ, хотя онъ нѣсколько и шепелявилъ⁴⁾. Физиономическій типъ указываетъ на влюбчивую, страстную натуру; мы уже отмѣтили складку его ха-

1) Сл. латинскій текстъ его жизнеописанія Боккаччо въ изданіи Moutier (*Opere volgari di G. B.*, ч. XVI, стр. 26—30), итальянскій — въ *Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani, Trieste, 1858, т. II, стр. 442 слѣд.*

2) Сл. *Petrarca, Sen.*, VI, 1; письмо Боккаччо къ Петраркѣ отъ 1367 года у *Corazzini*, стр. 125; къ Пидцинги, I. c., стр. 190; письмо Салутати у *Novati, Epistolario di Coluccio Salutati, Roma, 1891, ч. I, l. III, № 25.*

3) *Corbaccio*, стр. 243.

4) Эклога XIII.

рактера, отчасти определённую обстоятельствами его ранней юности: способность къ крайнимъ настроеніямъ, подъемамъ и упадкамъ духа, приливы энергіи и безпечной лѣни. Онъ самъ обвиняетъ себя въ *ignavia*¹⁾, и его упрекають въ излишней любви къ покою²⁾; когда на него находилъ моментъ самоуничженія, онъ не щадилъ себя: я нищъ и убогъ, говорилъ онъ тогда, грубъ и уродливъ, малодушенъ и сварливъ; я—косноязычный, грязный Діоней, т. е. любострастный, Діоней = Венера), даже косоглазый, что, по его собственному убѣжденію, признакъ злбнаго духа³⁾. Эти самообличенія, встрѣчающіяся уже въ одномъ изъ раннихъ его писемъ отъ 1338—39 года (къ какому-то анониму, военному человѣку), эти противорѣчія настроенія рисуютъ передъ нами цѣлый психологическій типъ. Люди такого рода сензитивны: они могутъ быть мнительны, обидчивы и—задорны, робки и самона-
20 дѣянны, у нихъ | недостаетъ въ жизни тѣхъ примиряющихъ тѣней, которыя позволяли бы имъ устроиться практически; они—неудачники, и эти неудачи, вытекающія изъ характера, снова вливаются въ него, усиливая его тонъ. Такимъ представляется намъ впоследствии Боккаччо. Жизненнаго опыта и знанія онъ могъ привезть съ собою немного; то и другое далъ ему Неаполь.

II.

Культурная жизнь Неаполя и южной Италіи сложилась при особыхъ условіяхъ, нигдѣ не повторявшихся въ такомъ смѣшеніи; нигдѣ, какъ здѣсь, такъ ярко не сказалась живучесть латинскаго начала, осилившаго рядъ инородныхъ теченій, образовательныхъ и этническихъ, явившихся на смѣну одно другому. Эллинскія основы древней «Великой Греціи» издавна поглощены были Римомъ: именно на когда-то греческомъ югѣ Италіи сложились по-

1) De Cas., VII, с. 1; VIII, с. 1.

2) Письмо къ Заноби да Страда отъ 1353 года у Corazzini, стр. 33 слѣд.

3) Com. di Giov. Boccacci sopra la Commedia, ed. Milanese, v. II, стр. 56.

этическія легенды о Виргиліи въ Неаполѣ, какъ объ Овидіи — въ Сульмонѣ, пережившія средніе вѣка и ставшія народнымъ достояніемъ. На этой уже глубоко романизованной почвѣ являются другъ за другомъ двѣ новыя народности: византійцы Юстиньяна (552) и лангобарды (568); первые — главнымъ образомъ въ городахъ по побережью, вторые — внутри страны, гдѣ долго сохраняютъ свое общинно-родовое устройство; но и они быстро проникаются чувствомъ новой осѣдлости, сознаниемъ итальянскаго туземства: своихъ враговъ, побережныхъ византійцевъ, они зовутъ греками, начинаютъ лелѣять идеалъ Рима, и архіепископъ Пандульфъ освящаетъ свою новую Капую изреченіемъ въ античномъ вкусѣ: какъ древняя Капуя была вторымъ городомъ міра послѣ Рима, такъ пусть новая — будетъ первымъ. Съ теченіемъ времени враждебныя отношенія двухъ пришлыхъ народностей сглаживаются: лангобарды входятъ въ кругъ греческаго вліянія, воспринимая и отдавая вмѣстѣ; лангобардское право вліяетъ на городское византійское, наоборотъ, лангобарды становятся носителями греческой науки. Герцогъ Арихисъ обстраиваетъ Беневентъ 21 по образу Царьграда, онъ и его сынъ славились своимъ знаніемъ древней философіи; при его дворѣ жилъ, какъ политической дѣятель и исторіографъ, лангобардъ Павелъ Варнефридъ, извѣстный Павелъ дьяконъ, вызванный Карломъ Великимъ за свои познанія въ греческомъ языкѣ. Въ половинѣ IX-го вѣка до двухсотъ тридцати философовъ, т. е. свѣтскихъ учителей, насчитывалось въ Беневентѣ, гдѣ два столѣтія спустя папа Левъ IX, находясь въ плѣну у норманновъ, хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы научиться по гречески, тогда какъ лангобардъ Гаріопонтъ поддерживаетъ въ Салерно преданіе греческой медицины: его *Passionarius* — обработка Галена.

Важнѣе прослѣдить судьбы греческаго населенія южной Италии и Сициліи¹⁾. Оно приращалось постепенно: въ первой по-

1) Къ вопросу объ эллинизации южной Италии сл. Battifol, *L'abbaye de Rossano*, Paris, 1891, съ указанной тамъ литературой, и житія греко-итальянскихъ святыхъ; о переводческой дѣятельности сл. обзоръ Hartwig'a, *Die Ueber-*

ловинѣ VII вѣка — въ Сициліи — эмиграціей изъ византійскихъ областей, опустошенныхъ персами и арабами, въ VIII-мъ — монахами, спасавшимися отъ иконоборцевъ, въ IX — X вѣкахъ — бѣглецами изъ Сициліи въ Калабрію отъ арабскаго погрома. Такъ образовались въ южной Италіи густо населенные греческіе этнические острова, и народность и общество, соединенныя однимъ языкомъ и вѣроисповѣданіемъ и культурной традиціей, выразителями которой были монастыри. Расцвѣтъ этой культуры обнимаетъ періодъ отъ второй половины IX до второй половины X вѣка; но онъ продолжается и позже, въ эпоху норманновъ, старавшихся, изъ политическихъ цѣлей, сохранить рознь подчиненныхъ имъ народностей. Основаніе важнѣйшихъ греческихъ обитателей въ южной Италіи относится къ XII-му вѣку. Ихъ исторія — это исторія южно-итальянскаго эллинизма. У нихъ былъ свой героическій періодъ, періодъ анахоретовъ-пещерниковъ, предпочитавшихъ созерцаніе грамотности, и періодъ устроены²²хъ общежитій съ школами писцовъ, бібліотеками и литературной дѣятельностью. И религіозная и интеллектуальная жизнь питалась Византіей, подчиненіе греко-итальянскихъ Церквей константинопольской со времени Льва Исавра указывало пути въ Константинополь, въ школы Солуня, на Аѳонъ съ его калабрійскимъ и амальфійскимъ монастырями. Въ Грецію ходилъ Илья Новый и Илья Пещерникъ, оттуда является въ Италію юродивый Николай Перегринъ; греко-итальянскіе отшельники были учителями знаменитаго аббата Іоахима; его соціально-мистическое ученіе, волновавшее римскую церковь въ теченіе XIII — XIV сто-

setzungslitteratur Unteritaliens in der normannisch-staufischen Periode (Leipzig, 1886); нѣсколько хорошевыихъ этюдовъ у Gothein'a, Die Culturentwicklung Süditaliens (Breslau, 1886), особливо стр. 41 слѣд.: Der Erzengel Michael, der Volksheliger der Langobarden. — *Сл. Gay, Notes sur la conservation du rite grec dans la Calabre et dans la terre d'Otrante au XIV siècle, Byzant. Zs., IV, стр. 58 слѣд.; Diehl, L'art byzantin dans l'Italie méridionale, Paris, Libr. de l'art, 1894, особенно стр. 170 слѣд.; Diehl, Études sur l'administration Byzantine dans l'Exarchat de Ravenne (Paris, 1888), p. 241 слѣд.: L'Hellénisme dans l'Italie byzantine.

лѣтій, говорило о чистотѣ греческой, какъ болѣе способной къ обновленію. Самъ Іоакимъ нѣсколько разъ бывалъ въ Греціи, іоакимитъ Іоаннъ Пармскій подолгу живалъ тамъ, туда же удаляются, гонимые Бонифациемъ VIII-мъ, нищіе отшельники папы Целестина, потому что которыхъ былъ Джакопоне изъ Тоди.

Не эти лишь религіозныя отношенія объясняютъ нашъ интересъ къ южно-итальянскому византійству. Монастыри давали не однихъ подвижниковъ и святовидцевъ, они блюли и преданія науки. Григорій Агригентскій, Петръ Сикуль, Іосифъ гимнографъ, риторъ Іоаннъ Доксопатръ принадлежатъ сицилійскому эллинизму, дѣятельность извѣстнаго проповѣдника Теофана Керамевса (XII в.) связана съ Россано, главнымъ монастырскимъ центромъ Калабріи, поэтъ Нектарій († 1235) былъ настоятелемъ обители св. Николая de Cadulis (di Casole) въ Отрантской области; но уже объ аббатѣ Проклѣ (X-го вѣка) говорится, что его сердце было сокровищницей какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ знаній; писатель житія св. Филарета калабрійскаго пишетъ восторженныя похвалы Сициліи, поминая древнюю славу ея поэтовъ и философовъ; авторъ жизнеописанія св. Ильи младшаго заставляетъ святого указывать на примѣры воздержанія Эпаминонда и Сципіона и восклицаетъ по поводу одного изъ чудесъ: что въ сравненіи съ нимъ лидійская колесница, что аргивскій Пегазъ? — Въ монастырей литературная продуктивность сказывалась въ Маркѣ отрантскомъ, мелодѣ VIII-го вѣка, въ грамматикѣ Іоаннѣ изъ | Отранта и хартофилакѣ Георгіи изъ 23 Галлиполи, воспѣвавшихъ дѣянія Фридриха II.

Международное положеніе южно-итальянскаго эллинизма, его связи съ Константинополемъ и Римомъ, опредѣлили то теченіе, по которому проникали въ Италію преданія византійскаго искусства, на Западъ — обрывки греческой литературы въ рукописяхъ и переводахъ. Въ Бамбергѣ хранится бібліотека южно-итальянскаго грека Іоанна Филагата, бывшаго учителемъ Оттона III; въ XIII-мъ вѣкѣ за греческими книгами и знатоками греческаго языка посылали въ Италію, гдѣ «во многихъ областяхъ клиръ и

народъ — греки», пишетъ Рожеръ Бэконъ (*Compendium studii philosophiæ*), какъ и старый Французскій хроникеръ утверждаетъ для того же періода, что въ Калабріи и въ Апуліи крестьяне говорили только по-гречески¹⁾. Свѣдѣнія о другой библиотекѣ раскрываютъ намъ любопытный фактъ литературнаго общенія между Византіей и Западомъ. По смерти своей благочестивой супруги, римской сенаторши Θεодоры, герцогъ Неаполя, Иоаннъ, пожелалъ собрать свѣдѣнія о всѣхъ сочиненіяхъ, обрѣтавшихся въ подвластной ему области, привести ихъ въ порядокъ, исправить и списать наново. Прежде всего обращено было вниманіе на Ветхій и Новый Завѣтъ и сочиненія церковныя, затѣмъ на историковъ и хронографовъ, Іосифа Флавія — и Ливія, Діонисія Ареопагита и многихъ другихъ. Тогда-то герцогъ вспомнилъ объ архипресвитерѣ Львѣ, ѣздившемъ въ 40-хъ годахъ X-го вѣка посломъ въ Константинополь, и побудилъ его перевести на латинскій языкъ найденную имъ тамъ особую редакцію Псевдокаллистонова романа объ Александрѣ Македонскомъ. Самъ переводчикъ рассказалъ намъ исторію этого труда въ предисловіи къ своей *Historia de praeliis*, ставшей главнымъ источникомъ западноевропейскихъ Александрій. Такимъ путемъ, черезъ южную

24 Италію, могли переходить на Западъ | многія произведенія византійской письменности и словесности, свѣтской и духовной: романъ о Семи Мудрецахъ, легенда о Варлаамѣ и Іосафатѣ; житія: Маріи Египетской, переведенное неаполитанскимъ дьякономъ Павломъ для Карла Лысаго; св. Алексѣя угодника и св. Николая, св. Катерины Александрійской и Арсѣы, св. Георгія и Христофора. Малоазіатская легенда о чудѣ архангела Михаила въ Хонахъ уже въ VII-мъ вѣкѣ приурочена въ Апуліи къ Monte Garcano и отсюда распространяется далѣе: норманны переносятъ ее на сѣверъ Франціи, на Mont St.-Michel. Въ итальянской легендѣ Гарганъ, эпонимъ горы, является крестьяниномъ, играющимъ

1) P. Meyer, *Les premières compilations françaises d'histoire ancienne*, въ *Romania*, № 53, стр. 70, прим.

нѣсколько случайную роль; въ одномъ старо-французскомъ романѣ (Florimont), написанномъ въ 1188 году и знакомомъ съ греко-итальянскими отношеніями, Гарганей — чудовищный гигантъ, съ которымъ бьется у подошвы каменной горы герой разсказа, Флоримонъ. Греческая легенда объ архистратигѣ могла пріурочиться къ какимъ-нибудь мѣстнымъ воспоминаніямъ, освященнымъ латинскимъ классическимъ именемъ. Это такое же показаніе греко-латинскаго общенія, какъ неаполитанская легенда о Виргилии, влившаяся въ формы легенды о магѣ Геліодорѣ, тогда какъ на Прочидѣ, въ день св. Михаила, женщины до сихъ поръ являются въ традиціонномъ костюмѣ, за которымъ удержалось названіе — греческаго. Наоборотъ: латинская *Passio Bartholomaei* переведена была на греческій языкъ въ южной Италиі еще въ XIII вѣкѣ 1).

Въ XIV вѣкѣ жизненность южно-итальянскаго эллинизма, существованіе котораго можно прослѣдить до XVI—XVII вѣковъ, уже ослабѣла; онъ вливается въ итальянское русло, но традиція и привлекательность культурнаго элемента за нимъ еще осталась. Петрарка пишетъ къ Гуго да Санъ-Северино (Sen., XI, 9), рекомендуя ему одного юношу, отправлявшагося по его совѣту въ Калабрію: онъ хотѣлъ было прямо поѣхать въ Константинополь, «но, узнавъ, что Греція, когда-то изобиловавшая великими талантами, нынѣ ими обѣднѣла, повѣрилъ моимъ словамъ . . . ; услышавъ отъ меня, что въ Калабріи въ наши времена было нѣсколько людей, ученѣйшихъ въ греческой литературѣ, . . . онъ рѣшился направиться | туда». Въ Калабріи, въ 25 монастырѣ св. Филарета, возлѣ Семинары, воспитался и Варлаамъ, своеобразный типъ греко-итальянскаго литерата, наставленіями котораго, если и не личными, пользовался Боккаччо. Нѣсколько ново-греческихъ фразъ, встрѣчающихся въ *Dittamondo* его современника, Фаціо дельи Уберти, подслушаны имъ, быть

1) *Max Bonnet, *La Passion de S. Barthélemy en quelle langue a-t-elle été écrite?* *Analecta Bollandiana*, XIV (1895), стр. 353 слѣд.

можетъ, у какого-нибудь южнаго греко-итальянца; раннее знакомство самого Боккаччо съ греческимъ языкомъ, обнаруживающееся уже въ первыхъ его трудахъ, могло быть практическое, отрывочное и неглубокое, путавшееся въ этимологіяхъ, указывающихъ, что онъ прислушался къ живому, ново-греческому говору: Lia = leia, Lipi = lype, Juppiter graece dicitur Zephs (Gen. Deor., I, 3). Если многого онъ и не понималъ въ чтеніи и бесѣдѣ, то къ его услугамъ всегда нашлись бы греки, владѣвшіе итальянскимъ языкомъ и византійскимъ образованіемъ: graeculi въ услуженіи Катерины de Courtenay, явившіеся изъ Греціи съ Аччъяюли; итальянцы на службѣ у Лузиньяновъ на Кипрѣ. Такъ могла быть ему рассказана новелла о Чимоне (Декамеронъ, V, 1), будто бы изъ «кипрійскихъ исторій»; въ Novellino (LI = Дек., I, 9) есть рассказъ о королѣ Кипра, вѣроятно, изъ такого же устнаго источника.

Матеріалъ гуманистическаго образованія, насколько онъ обусловленъ содержаніемъ греческой древности, былъ, такимъ образомъ, налицо, не въ однихъ только неизвѣданныхъ пока сокровищахъ бібліотекъ, но въ живомъ употребленіи языка, въ литературныхъ и художественныхъ мотивахъ, обогащавшихъ фантазію и формы искусства, въ отголоскахъ греческой науки. Все, что принималось, уходило безъ остатка въ образованіе новой культурно-этнической особи, и все это объявится снова, съ инымъ значеніемъ, когда въ самосознаніи образованнаго итальянца окрѣпнутъ латинскія начала, и объективный интересъ къ эллинизму зародится въ перспективѣ собственнаго классическаго прошлаго.

Наканунѣ норманскаго завоеванія, на почвѣ, гдѣ лангобарды и греки осѣлись среди латинской расы, уже сложилось, послѣ треній и борьбы, чувство народнаго самосознанія, общаго очага. Въ концѣ XI вѣка архіепископомъ Салерно былъ Альфанъ

(† 1085), изъ именитаго лангобардскаго рода: онъ перевелъ трактатъ Немесія «о природѣ человѣка», хотя и жалуется на одного монаха за то, что тотъ предпочитаетъ хитрыя ереси Аристотеля и Платона исполненію своихъ иноческихъ обязанностей. Онъ — хорошій латинскій поэтъ, знаетъ классиковъ — и проникнуть сознаниемъ новой народности, въ которой лангобардское чувство растворилось безслѣдно: когда въ 1077 году Робертъ Гвискаръ взялъ, послѣ долгой осады, Салерно, онъ горячо протестуетъ — противъ новыхъ германскихъ варваровъ.

Норманны явились какъ-бы за тѣмъ, чтобы крѣпче сплотить это нарождавшееся самосознаніе, давъ ему центръ и единство династіи. Не народность, а военная дружина, собиратели земли и политики, они дали итальянскому югу болѣе прочную организацію и, отнявъ Сицилію у арабовъ, ввели его въ кругъ новыхъ образовательныхъ вѣяній. Изъ Франціи они принесли феодальный строй и эпическія пѣсни, слагали и новыя¹⁾; чуткіе, какъ всякая молодая раса, къ откровеніямъ культуры, они быстро проникаются интересами новой среды: при дворѣ въ Палермо жонглеры и труверы, въ родѣ Jondeus de Brie, чередовались съ учеными греками, стихотворцами, въ родѣ Евгенія, воспѣвавшего въ политическихъ стихахъ красоты Палермо, представителями латинской науки и арабскими поэтами. Какъ при всякомъ скрещиваніи неравнобѣрныхъ культуръ, эти смѣшенія вели къ внѣшней черезполосицѣ міросозерцанія и нравственныхъ понятій; такъ въ соборѣ въ Монреале причудливо соединяются колонны базилики съ византійской иконописью и восточнымъ орнаментомъ. Рожеръ II интересуется географическими работами Эдризи, охотно прислуши-

1) *По мнѣнію Zanker'a (Das Epos von Isembard und Gormund. Halle, Neumeier, 1896) въ отрывкахъ поэмы о Гормонѣ и Изамбарѣ контаминированы двѣ пѣсни: одна — о битвѣ при Saucourt, другая, сложенная въ южной Италіи, вызванная мѣстными событіями, особенно походомъ императора Людвига II противъ сарацинъ въ 866—72 годахъ. Сл. стр. 137—8, 174 слѣд.

вается къ мусульманскимъ богословамъ и вѣрять въ Виргиліа-
 27 мага; его зовутъ язычникомъ; канцлеръ Вильгельма I Аристиппъ
 переводитъ Платоновскаго Менона и Федона, и отъ него ожи-
 дають переводовъ твореній Григорія Назіанзина и Діогена
 Лаэртія; при дворѣ Вильгельма II господствуетъ французскій
 языкъ, но онъ самъ говоритъ и читаетъ по-арабски, и ему при-
 служиваютъ евнухи. Жизнь устраивается на арабскій образецъ:
 усваивается ея болѣе утонченный обиходъ, фантастическія линіи
 арабской архитектуры, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе рациональные
 взгляды на источники народнаго богатства и задачи админи-
 страціи, — и арабская наука, сохранившая заглошшія преданія
 греческой. Рядомъ съ переводами съ греческаго языка, починъ
 которыхъ древнѣе, появляются переводы съ арабскаго; источ-
 ники знанія мѣняются: въ Салерно начинаютъ руководиться новой
 переводной литературой, — и Европа знакомится съ арабскимъ
 Аристотелемъ, водвореннымъ въ итальянскихъ университетахъ
 Фридрихомъ II. Можетъ быть, тѣмъ же путемъ и такимъ же
 посредствомъ проникали въ литературный оборотъ Запада во-
 сточные сказочные мотивы: въ 1263-мъ году Іоаннъ изъ Капуи,
 крещеный еврей, перевелъ съ еврейскаго арабскій сборникъ Ка-
 лила-ва-Димна; сюжетъ изъ сказокъ 1001-й ночи встрѣчается у
 одного итальянскаго рассказчика XIV вѣка, Серкамби; отъ Митри-
 дана въ новеллѣ у Боккаччо (Декамеронъ, X, 3) положительно
 вѣдетъ Востокомъ, къ которому относятъ насъ и такія имена, какъ
 Алатіэль и Алибекъ.

Это накопленіе образовательныхъ элементовъ должно было
 сказаться, въ сферахъ доступныхъ ихъ влиянію, сильнымъ броже-
 ніемъ освободительной, критической мысли. Тѣмъ и другимъ поль-
 зуется Фридрихъ II: онъ организуетъ норманское наслѣдіе въ
 пользу имперской власти. Свободную переводческую дѣятельность
 прежней поры онъ замѣняетъ заказной: у него официальные,
 придворные переводчики; окружнымъ посланіемъ 1232 года онъ
 также официально вводитъ въ латинскихъ переводахъ арабскаго
 Аристотеля; онъ не грубый, подувѣрно-равнодушный язычникъ,

какъ Рожеръ II: глубокіе | вопросы философскаго и религіоз- 28
наго сомнѣнія запали ему въ душу, онъ переписывается о нихъ
съ арабскимъ ученымъ Ибнъ-Сабиномъ, но въ борьбѣ съ папами
его власть представляется ему чуть не эманацией божества,
онъ — пророкъ Илія, избавляющій Израиля отъ лжепророковъ
Ваала, Іези, гдѣ онъ родился, — второй Виелеемъ; его идеаль —
идеаль христіанскаго калифата, но его золотые августалы
обличаютъ вкусъ антика, незнакомый сѣвернымъ художникамъ.
При его дворѣ мы встрѣчаемъ сирійскихъ альмей, у него есть
гаремъ въ Луцерѣ (*speciosarum feminarum greges*), — и вмѣстѣ
съ тѣмъ вокругъ него собираются поэты, подражатели трубаду-
ровъ, впервые запѣвшіе на итальянскомъ языкѣ. Это было лите-
ратурное проявленіе итальянскаго самосознанія, Фридрихъ II
участвуетъ въ его организаціи — и самъ слагаетъ пѣсни пре-
выспренней любви. Центръ былъ найденъ: при его дворѣ, куда
потянули поэты изъ другихъ мѣстностей Италиі, зародилась
итальянская лирика.

Когда на смѣну Гогенштауфеновъ явилась въ Неаполѣ фран-
цузская династія Анжю, общество настолько сплотилось, что
выдержало напоръ новой культуры, ограничившейся придвор-
ными и феодальными кружками. Замолкла на время только-что
поднявшаяся итальянская поэзія, для нея не было центра: при
дворѣ должны были интересоваться французской и провансаль-
ской модой, искусствомъ и литературой; Perrin d'Angescort, одинъ
изъ придворныхъ Карла I-го, слагаетъ пастурель о Robin et
Marion, въ свитѣ Роберта II-го, графа д'Артуа, прибывшаго
на помощь королю послѣ погрома «Сициліанскихъ вечерень», мы
встрѣчаемъ аррасскаго трувера Adans de la Halle: въ Неаполѣ,
вѣроятно, разыграна была въ 1283 году его прелестная *Jeu de*
Robin et Marion; по смерти Карла I (1285) онъ пишетъ о немъ
поэму, онъ и умеръ (до 1288 года) въ Неаполѣ, гдѣ показывали
его гробницу. Вліяніе двора несомнѣнно обновило вкусъ къ ма-
терьялу французскаго эпоса, который занесли норманны, и под-
держивали захожіе народныя пѣвцы, распѣвавшіе про «короле-

29 вичей Франціи»¹⁾; въ то время, какъ Гвидо делье Колонне | изъ Мессины педантически пересказывалъ (въ 1272—87 годахъ) латинской прозой, будто серьезную исторію, *Roman de Troie Benoît de St. Maure*, другіе сюжеты спускались на площадь; такъ прелестный романъ о *Floire и Blanceflor*, сохранившій намъ содержаніе какого-то утраченнаго византійскаго, сталъ итальянской народной поэмой, которую въ пору Боккаччо сказывали въ неаполитанскихъ кружкахъ.

И эти французскія вліянія постепенно поглощены были итальянской средой. Въ XV вѣкѣ, при аррагонцахъ, анжуйская династія ощущается какъ своя, національная, къ ней питаютъ лойяльныя чувства, но уже къ концу царствованія Карла II французскій элементъ рѣдѣетъ въ придворныхъ кружкахъ, вмѣсто того показываются итальянскія имена, между ними много флорентійскихъ, не родовитыхъ. Политическія связи съ Флоренціей упрочивались финансовою зависимостью анжуйскаго двора отъ флорентійскихъ банкировъ, отъ такихъ торговыхъ домовъ, каковы Барди, Аччяйюли, Перуцци, Фрескобальди, Буондельмонта, Скали и др. Не только южно-итальянская торговля переходитъ въ ихъ руки, но они являются и въ должностяхъ: они — королевскіе казначеи, плательщики, сборщики и откупщики податей, бьютъ монету, получаютъ угоды и рыцарское званіе, управляютъ провинціями, играютъ роль при дворѣ и вліяютъ на политику. За ними потянулась въ Неаполь цѣлая колонія флорентійцевъ: купцы, ремесленники, переписчики рукописей, профессора, художники, скоморохи. Все это приготовило литературное вліяніе Тосканы и объясняетъ въ юношескихъ произведе-

1) *Ср. *Atti di Congresso internazionale di scienze storiche* (Roma, 1—9 Aprile 1903 г.), vol. IV: *Atti della sezione III: Storia delle letterature* (Roma, tipogr. della R. Acc. dei Lincei, 1904): P. Meyer, *De l'expansion de la langue française en Italie pendant le moyen âge*: анжуйская династія не способствовала на итальянскомъ югѣ франц. литературному вліянію: извѣстенъ лишь франц. переводъ неизвѣстнаго авторомъ писемъ Сенеки, посвященный м. 1308—10 г. Bartolomeo Signiffo di Napoli, conte di Caserta (Meyer имѣлъ въ виду лишь итальянцевъ, писавшихъ по-французски).

нiяхъ Боккаччо пристрастiе къ французскимъ сюжетамъ и законченность итальянской рѣчи.

IV.

Послѣ Фридриха II и сына его Манфреда, на которыхъ какъ бы лежитъ печать новаго времени, первые Анжю отзываются чѣмъ-то болѣе средневѣковымъ, архаичнымъ, отсталымъ по отношенiю къ окружавшему ихъ обществу¹⁾. Карлъ I-й, мрачный, чуждается веселья, жонглеровъ и менестрелей, погруженъ въ страхи и честолюбивые планы, обнимавшіе, вмѣстѣ съ отторженной Сициліей, и Константинополь и Тунисъ; онъ — умный администраторъ, не гнушавшійся крутыми средствами, лишь бы упрочить свой родъ. Карлъ II, по крайней мѣрѣ въ первую половину своей жизни, — святоша и строитель церквей. Литературное преданiе предыдущаго періода держится и при нихъ: тѣ же переводчики съ арабскаго и греческаго, въ родѣ Павла Неофида и Никколо изъ Реджо, справщики, миниатюристы; переводятся, главнымъ образомъ, медицинскіе труды. Оба короля — великіе строители: въ ихъ рукахъ поднимается, обстраиваясь съ каждымъ поколѣнiемъ, дворецъ Каstellнуово, гдѣ пребываетъ дворъ, а вокругъ него вырастаетъ, рядомъ съ старымъ Неаполемъ, съ его грязью и стѣнами, монастырями и переулками, новый просторный городъ дворцовъ, съ широкими садами и улицами и новымъ портомъ; аристократическій кварталъ, средоточіе политической и элегантнои жизни, въ которомъ пришлось вращаться Боккаччо.

Когда онъ прiѣхалъ въ Неаполь, тамъ царствовалъ (съ 1309 г.) король Робертъ; онъ стоитъ уже въ сферѣ Боккаччо, и съ нимъ стоить ближе познакомиться.

1) См. для слѣдующаго отдѣла: Giuseppe De Blasiis, *Le case dei principi Angioini nella piazza di Castelnuovo* (Napoli, 1887); Palumbo, *Dell'influenza di re Roberto di Angiò nella letteratura italiana* (Napoli, 1887); Siragusa, *L'ingegno, il sapere e gl'intendimenti di Roberto d'Angiò* (Torino—Palermo, 1891); мою статью: *Король-Книголюбивый въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1891, № 10* [См. т. III наст. изд., стр. 404. *Прим. ред.*].

Робертъ извѣстенъ намъ въ двойной оцѣнкѣ современниковъ и ближайшаго къ нему поколѣнія. Панегиристы прозывали его мудрецомъ, источникомъ правосудія, покровителемъ наукъ, божественнымъ; «Тобою, Господи, славный король Робертъ покрываетъ великія царства, расточаетъ свирѣпыхъ япуловъ»,—говорить о немъ неизвѣстный авторъ одной латинской поэмы (*Libre de Theleutologio*); напоенный Тобою, онъ обращаетъ Твои полноводныя струи и подвластные Тебѣ народы. . . . и вкушаетъ отъ чаши риторики»¹⁾). Другіе отгѣняли въ немъ черту скупости, трусости, даже жестокости, смѣялись надъ его учеными вожделѣніями и страстью назидать, которую подчеркнулъ Данте²⁾. Петрарка³⁾ и Боккаччо стоятъ на сторонѣ панегиристовъ; что бы ни говорили о Робертѣ, онъ былъ образованнѣйшій, нравственнѣйшій король, любитель книгъ, умѣвшій покровительствовать достойнымъ людямъ, повторяетъ за ними Бенвенуто изъ Имолы, обращая въ похвалу ироническій отзывъ Данте⁴⁾. Петрарка нашелъ даже возможнымъ признать въ Робертѣ «мужество Ромула»⁵⁾, храбрость на войнѣ⁶⁾; но это — дѣло риторики; писатели, настроенные болѣе страстно и партійно, взводили на него вину пораженія гвельфской партіи при Монтекатини: Робертъ перенесетъ этотъ уронъ и переваритъ стыдъ, поетъ одна анонимная баллада⁷⁾, а вы, гвельфы, сдѣлайте, какъ онъ: покайтесь и простите⁸⁾; ему не править Апуліей, Абруццами и Калабрией, пусть позабудетъ о Провансѣ и Востокѣ, а сидитъ себѣ въ Неаполѣ или Аверсѣ или Капуѣ и сказываетъ свои проповѣди и часы⁹⁾. —

1) Bandini, Catal. Bibl. laur., I, p. XIII, c. XVI, p. 180.

2) Parad., VIII, 145 слѣд.

3) Ad. post.; Fam., I, 1; IV, 2, 7; V, 1; XII, 7; XXIII, 17; Sen., X, 5; Africa, 19—20; Epist. poet., l. I, 1 (къ Барбару), 4 (*Dionysio de Burgo Sepulcro S.*), 13 (*Roberto regi siculo*); II, 1, 6—11, 16; Ecl. II, X; *Ret. mem.*, I, 1, 8; I, II, 26; III, III, 65.

4) *Ben. da Imola*, ed. Lacaita, IV, 493.

5) Fam., III, 7.

6) *Egregius bello*, въ эпитафii Роберту.

7) *Rime di Cino da Pistoia e d'altri*, ed. Carducci, стр. 606.

8) *Folgore da San Geminiano*, ed. Navone, XXXII.

9) *Pietro Faytinelli*, ed. Del Prete, стр. 75.

Боккаччо намекаетъ именемъ Мидаса¹⁾ на его скаредность, о которой говорятъ и Данте²⁾, и Джьованни Виллани³⁾, и Файтинелли⁴⁾, и упомянутая выше баллада; въ общемъ онъ сохранилъ о немъ лучшія воспоминанія⁵⁾, опредѣлившія отчасти | его поли- 32 тическія симпатіи: онъ останется навсегда враждебнымъ идеалу римской имперіи германскаго народа, который лелѣялъ Данте, къ которому порой склонялся и Петрарка, и царствованіе Роберта будетъ для него типомъ золотого вѣка.

Если выдѣлить въ противоположныхъ отзывахъ о королѣ Робертѣ долю страстной оцѣнки партіи, какую приносили съ собою гибеллински-настроенный Данте и гвельфъ Виллани, то причину репутаціи выяснить легко. Ловкій, но мелочный политикъ, Робертъ сумѣлъ воспользоваться гвельфской идеей и поддержкой папъ и, орудуя средствами договора, навязаннаго протектората и казоваго намѣстничества, сталъ самымъ сильнымъ по вліянію гвельфскимъ властителемъ Италіи. Казалось, еще одинъ шагъ — и осуществится идея итальянскаго королевства, которое прогонитъ послѣднія тѣни гибеллинства, покончивъ съ неурядицей городовъ и тиранній. Уже Петрарка называлъ Роберта королемъ Италіи⁶⁾; «пошли къ намъ сына твоего Роберта, вѣнчаннаго на италійское царство», взывалъ къ папѣ Никколѣ деи Росси изъ Тревизо въ одномъ изъ своихъ политическихъ сонетовъ, а авторъ (*Convenevole da Prato*?) латинской поэмы въ похвалу Роберту (*O fulgor regum, rex docte, Roberteque legum*) звалъ его царитъ надъ латинами и міромъ. На это у Роберта не хватило ни широты взгляда, ни мужества, но идея объединенной Италіи носилась въ воздухѣ, озаряя того, отъ кого ждали ея осуществленія.

1) *Ameto*, стр. 142, и VIII-я эклога.

2) *Parad.*, VIII, 82—3.

3) XII, 9.

4) I. с., стр. 87.

5) *Sl. Gen. Deor.*, XIV, 9 и *passim*.

6) *Sen.*, X, 2; *sl. Fam.*, III, 7.

трарка изобразилъ его въ одномъ изъ своихъ стихотворныхъ посланій¹⁾—еще по слухамъ, но типъ едва ли не схваченъ вѣрно: король пріѣхалъ изъ Авиньона въ Воклюзъ, его свита гуляетъ, ищетъ развлеченій; онъ одинъ серьезенъ, потупилъ глаза; кто знаетъ, онъ, можетъ быть, ставитъ себѣ вопросы: какая сила созвѣздій вызвала стремительность рѣки; проникаетъ умственнымъ взоромъ въ пропасть, куда исчезаютъ ея воды; раздумался о тайномъ водительство судьбы, о сицильянскихъ дѣлахъ?

| Его научные интересы и связи были разнообразны. Извѣст- 34
ный Эгидій Колонна посвятилъ ему свой трудъ «in secundum septentiarum» Петра Ломбарда, не только потому, что его приводила въ изумленіе способность короля отъ чувственнаго и видимаго восходить къ пониманію невидимаго и божественнаго, но и съ цѣлью, чтобы Робертъ просмотрѣлъ и исправилъ его произведеніе, а читатель снисходительнѣе отнесся къ его опущеніямъ и восхвалялъ Бога — и монарха за раскрытыя въ немъ истины. Толкованіе минорита Maïron на книги Діонисія Ареопагита предпринято по желанію Роберта, «свѣтлѣйшую душу котораго такъ осіяла высота истинной мудрости, что, по справедливости, онъ можетъ быть названъ не только славнымъ правителемъ, но и настоящимъ философомъ». Ему, тогда еще принцу калабрійскому, посвященъ полу-алхимическій, полу-философскій трактатъ *De essentiis essentiarum*, извѣстный Арнольдъ de Villanova обращается къ нему съ своимъ посланіемъ объ алхиміи²⁾, Дино дель Гарбо — съ толкованіемъ на каноны Авиценны, *Matthaeus Salvaticus Montanus* изъ Салерно составляетъ для него свой *Liber pandectarum medicinae*, дабы онъ исправилъ его, ибо своими ме-

1) *Epist. poet.*, I, 4.

2) *Сл. Nauréau, *Hist. littéraire de la France*, XXVIII, стр. 115—7. Арнольдъ de Villanova умеръ до 15 Марта 1312 года; подъ его именемъ ходитъ трактатъ о землѣрномъ искусствѣ, будто бы написанный имъ, совмѣстно съ королемъ, въ Неаполѣ, въ четвертый годъ его воцаренія (съ 1 Августа 1312 года). Но знаменитаго Арнольда въ то время уже не было въ живыхъ; трактатъ могъ быть ему приписанъ, но это не исключаетъ сотрудничества короля съ кѣмъ-нибудь другимъ, можетъ быть, также носившимъ имя Арнольда.

дицинскими познаніями онъ превосходить всѣхъ властителей міра. Астрологія также входила въ кругъ его занятій, и его близость съ Діонисіемъ da Borgo San Sepolcro объясняется отчасти общностью ихъ интересовъ.

Робертъ наивно входилъ въ роль всезнающаго философа, которую уготовили ему панегиристы: терпѣливо слушаетъ, когда авторы читаютъ ему свои произведенія, поощряетъ ихъ, говоря, что учась и поучая, человѣкъ становится мудрѣе, мѣшается въ богословскіе споры, подвергаетъ испытанію Петрарку, рекомендуетъ медицинскому факультету въ Салерно одного профессора, ибо самъ онъ убѣдился въ его теоретическихъ и практическихъ познаніяхъ. Челядь и приживателей у Аччъяйоли угощали мясомъ опоросившейся свиньи и старыми голубями, пережареными или полусырыми, ибо, по ученію короля Роберта, это лучше для питанія, — подсмѣивается Боккаччо.

35 | Въ 1338 году, въ одно прекрасное утро, Петрарка, тогда еще не бывшій наверху своей славы и лично незнакомый съ королемъ, получилъ отъ него въ Воклюзѣ коротенькое посланіе; при немъ была эпитафія, сочиненная Робертомъ для своей племянницы Клемансы, бывшей замужемъ за французскимъ королемъ Людовикомъ X. Петрарка былъ польщенъ. «Необычайный свѣтъ ослѣпилъ мои глаза, отвѣчаетъ онъ королю; блаженно перо, начертавшее эти строки. Не знаю, чему удивляться: изумительной ли точности и возвышенности мысли, либо божественному изяществу стиха. Я никогда не повѣрилъ бы, знаменитый властитель, чтобъ столь великое содержаніе можно было выразить въ столь немногихъ, полныхъ достоинства и простоты, словахъ. Въ доказательство того, что ты по своему желанію обращаешь ключи къ человѣческому сердцу — къ чему стремятся самыя знаменитыя ораторы, ты такъ возбуждаешь чувство читателя, что, не будучи въ состояніи противиться тебѣ, покорный твоему слову, онъ влекомъ, куда ты ни пожелаешь». Самого Петрарку чтеніе эпитафіи увлекало то къ печальнымъ, то къ радостнымъ мыслямъ, отъ идеи смерти къ безсмертію, и все это

исходило изъ одного источника; никогда еще сила краснорѣчія не представилась ему столь великою. Петрарка пользуется случаемъ поговорить объ идеѣ безсмертія у древнихъ, но затѣмъ останавливаетъ себя: «Какой же я неразумный? Кому я все это говорю? Не только величайшему изъ нашихъ властителей, но царю надъ философами». Твоя Клеманса не умерла, она живетъ блаженной жизнью на небѣ, тобою — на землѣ; ея вѣчность двоякая: «одна — отъ царя небеснаго, другая — отъ земного, одна — отъ Бога, другая — отъ Роберта». Ея имя будетъ жить вѣчно, потому что будетъ вѣчна и эпитафія; многіе пожелали бы умереть раньше срока, лишь бы удостоиться такой похвалы, и, вздыхая, повторяютъ слова Александра Македонскаго объ Ахиллѣ: счастливы ты, обрѣтшій столь славнаго глашатая, написавшаго о тебѣ столь великое» ¹⁾).

| Этотъ выпрєнный отзывъ, внушенный не столько лестью, ³⁶ сколько неумѣреннымъ энтузіазмомъ слова, отличающимъ плеяду первыхъ гуманистовъ, можетъ служить показателемъ всѣхъ остальныхъ о Робертѣ «философѣ». Самъ Робертъ признавался впоследствии, что, до встрѣчи съ Петраркой, не понималъ поэзіи, въ *Виргиліи* его интересовала репутація мага; онъ поощрялъ Петрарку разыскать вторую декаду *Ливія* ²⁾, просилъ посвятить ему «Африку», но стиль его собственныхъ проповѣдей и богословскаго трактата — схоластическій, лишенный всякой граціи. Его классическія чтенія не выходили изъ общей средневѣковой нормы: классики читались не для нихъ самихъ и не въ цѣломъ, что и дало впоследствии возможность освоиться съ ихъ міросозерцаніемъ и въ немъ найти матеріалъ для критики фактовъ въ частности, а для постороннихъ цѣлей и вразбродъ. Искали цитаты, красивыхъ фразъ, вѣскихъ изреченій, прикрытыхъ какимъ-нибудь громкимъ именемъ классическаго, или и не классическаго пошиба; эта грань не чувствовалась вовсе, окутанная туманомъ баснословія; прилежно читали Валерія Максима: Ро-

1) Fam., IV, 3.

2) De Rem., I, 2.

берть ссылается на него въ своемъ трактатѣ объ апостольской нищетѣ ¹⁾, Діонисій da Borgo San Sepolcro пишетъ къ нему обстоятельныя поясненія.

Ученый типъ Діонисія, приближеннаго королемъ Робертомъ, даетъ понятіе и объ образовательномъ цензѣ послѣдняго. Монахъ Августинскаго ордена, профессоръ богословія и философіи парижскаго университета, Діонисій занимается астрологіей — и комментируетъ классиковъ (кромѣ Валерія Максима — Метаморфозы Овидія, Виргилія и Сенеку), Политику Аристотеля — и посланія ап. Павла ²⁾, и его дружба съ Петраркой, эпитеты: «блестящаго питомца музъ», «высокопарнаго глашатая Аполлона», | 37 «цвѣта поэтовъ» ³⁾, не говоритъ еще за его симпатіи къ новымъ теченіямъ гуманистической мысли. Петрарка, сблизившійся съ нимъ, вѣроятно, въ Парижѣ, въ 1333 году, искалъ у него утѣшенія и совѣта въ борьбѣ съ своей страстью, просилъ молитвъ ⁴⁾; Боккаччо говоритъ о немъ, какъ объ отцѣ и учителѣ ⁵⁾, но на этотъ титулъ онъ не скупится ⁶⁾, да и учительство Діонисія могло быть лишь кратковременнымъ: вызванный ко двору Роберта въ 1339 году, онъ въ томъ же году поставленъ былъ епископомъ монопольскимъ.

Его отчетъ объ источникахъ своего комментарія къ Валерію интересенъ своей черезполосицей; таковы могли быть и чтенія Роберта. Это цѣлая библіотека: классики — въ разбивку съ отцами церкви, Ливій бокъ-о-бокъ съ бл. Августиномъ, Ювеналь — съ безвѣстнымъ Евстаѳіемъ, исторіи объ Александрѣ и какія-то аѳинскія и испанскія хроники ⁷⁾.

1) De paupertate gentilium et philosophorum... Valerius, lib. 9, cap. 3; de hac paupertate antiquorum plura habentur folia in Valerio Maximo l. 4, c. 9. Сл. Siragusa, l. c., Appendice, стр. XVI, XVII.

2) Tiraboschi, Storia d. letterat. italiana (Modena), V, стр. 107 слѣд.

3) Epist. poet., I, 13.

4) Fam., IV, 1; сл. Sen., XV (XIV), 7.

5) Corazzini, стр. 18.

6) Сл. l. c., стр. 349 (письмо къ Пьетро ди Монтефорте).

7) Цитую по ркп. библіотеки св. Марка въ Венеціи, Zan. lat. DXXXVI (1396 г.), справляясь съ cod. CLXXVII вѣнской библ. у Endlicher, Catal. Cod.

| Характеръ комментарія — историческій, вещественный и эти- 38
 мологическій; *ludi circenses* названы, напримѣръ, потому, quia in

philologicorum lat. Bibl. Palat. Vindobonensis, 1836, стр. 85 (р.к. XV в.): Hoc autem (т. е. комментаріи) facere nullatenus potuissem nisi gesta Romanorum et (ac) alienigenarum per antiquos autores diversis in locis narrata sedulo perlegissem (consulissem), qui quod ipse Valerius breviter, diffuse narrant ac prolixè, quos ideo hic annotare curavi, ut operi certior fides detur. Nec labor videtur inanis tantorum testimonio comprobatus. Sunt autem praedicti autores quos me necessarie oportuit intueri: Titus Livius principaliter et egregii doctores Augustinus, Gregorius, Ambrosius et Ieronimus, quorum dicta, maxime Augustini libro de Civitate Dei et Ieronimi in Cronicis et Epistolis fuerunt plerumque necessaria, quamquam etiam (et) de Biblia et (a) magistro historiarum ac etiam de Decreto et de Iohanne Crisostomo aliqua prae (pro) maiori declaratione propositi sunt accepta. Praeterea hic inserta asserta (accepta) sunt de Ugone libro de sacramentis, de Ysidoro libro Ethimologiarum, de Papia, de Ugutione, de Prisciano, de Iosepho libro historiarum antiquarum, de Orosio, de Lactantio, de Macrobio de Somnio Scipionis, de Policrato, de Suetonio, de Boetio, de Sedulio, de Cassiodoro libro Variarum, de Seneca, de Tullio, de Platone, de Aristotile, de Averroy, de Avicenna libro naturalium, de Varrone, de Iure civili, de Vegetio, de Solino, de Plinio, de Frontino, de Vita Philosophorum, de Rhetorica Gualfredi (Grilli), de Compoto (Conputo), de Fabio historiographo (hystorico), de Salustio, de Paulo Longobardorum historiographo, de Iustino et Lutio (Julio) Floro. Fuit autem necessarium poetas inspicere, sicut (scilicet) Virgilium, Lucanum, Horatium, Persium, Ovidium, Juvenalem, Eustachium (Eustrachium) Venusinum, qui sub nomine poëtae introducitur et Plautus Italiae nominatur, Julium Celsum et ejus poëtriam (Julium Cesarem et ejus poëtam), Statium et Alexandri historiam tam metricè quom prosaicè scriptam. Insuper oportuit cronicas intueri, videlicet cronicam Elinandi, cronicam Atheniensium, Hispanorum et Gallorum ac etiam annalia Romanorum, quorum autor non habetur, (et) cronicam Petri Viterbensis que Pantheon appellatur et (ac) plures alios rerum gestarum et particularium narratores.

Нѣсколько замѣчаній къ тексту: вмѣсто Юлія Цезяса вѣнскій текстъ ставитъ Юлія Цесаря; извѣстно, что еще Петрарка и Боккаччо приписывали первому комментаріи второго: но что такое poëtria или poëta? — Подъ стихотворными и прозаическими повѣстями объ Александрѣ можно имѣть въ виду поэму Qualichinus изъ Сполето и Юлія Валерія, либо Historia de Praeliis. Интереснѣе ссылка на Евстаѳія Венузинскаго: разумѣется, вѣроятно, неизвѣстный (nescio quem) Боккаччо, Евстаѳій, котораго онъ цитуетъ со словъ Паоло изъ Перуджии (Gen. Deor., VII, 41). Діонисій (l. c., л. 23 recto c. 1) приводитъ его похвалу Таренту (по поводу Val. Max. l. II, c. II, § 3: Relatis Q. Fabii laudibus... Tarentina civitas), de qua poeta dicit:

Delitiis vulgata suis fit nota per orbem,
 Bino cincta mari, fertilitatis humus,
 Emulus hic Rome situs imbellisque notatus,
 Fertilis urbeque mari divitiosa suo.

circum eundo enses positi erant, unde ex una parte erant enses, ex alia parte aqua, in medio via, immo circenses quasi circa enses¹⁾; либо объясняется *Emphyares*: sic dictus ab *epy*, quod est super, et premens, eo quod suo pondere gravare videtur dormientem et suffocare. Istud autem in aliquo ydiate vocatur *Salvanellus* | (*Salvanel* сѣверо-итальянскихъ повѣрій), unde multi dicunt quod *Pan*, i. e. *diabolus*, hominem dormientem premens accipit²⁾.

Въ кружкахъ, среди которыхъ образовались Петрарка и Боккаччо, любопытно пристрастіе къ такому именно компендію анекдотовъ и летучихъ словъ, какъ сборникъ Валерія Максима. Это характеризуетъ уровень спроса на познаніе классической древности. Но популярность сборника продолжалась и позже. Бенвенуто изъ Имолы вернулся къ толкованію Валерія съ ссылками на трудъ Діонисія и критикой его; Боккаччо черпаетъ у Валерія свѣдѣнія для біографій философовъ и великихъ женщинъ; въ концѣ XIV вѣка кто-то еще читаетъ комментарий Діонисія, но полубрѣзанная глосса на поляхъ показываетъ, что ему уже извѣстны труды Боккаччо: знай, что по баснословнымъ рассказамъ поэтовъ у Юпитера было нѣсколько женъ, говорилось въ древнемъ комментарий; читатель отмѣтилъ сбоку: была у него одна жена Юнона, остальные наложницы — teste *Iohanne Vos-*

Vitibus hec variis multis frondescit olivis,
Diversis pomis, ficibus atque piris,
Pratis et silvis uberrima fert numerosa
Hec armenta, greges et genus omne fere.
Inde Ceres, bombyx, sal, quicquid fertile cultu
Terra parit cunctis delitiosa cibus.
Quis numerare queat pisces maris, ostrea, tunnos,
Auratas cephalos piscis et omne genus?

Евстацій былъ (родомъ?) изъ Венозы въ Апуліи; изъ Венозы же и *Ricardus iudex Venusinus*, авторъ «*De Paulino et Polla libellus*», посвященнаго Фридриху II-му.

1) I. с., л. 5 обор., столб. 2.

2) I. с., л. 14 обор., столб. 1.

(са)сіо ¹⁾. Интересъ къ памятнику держится и въ ту пору, когда вкусъ къ компендіямъ и цитатамъ уже уступилъ мѣсто болѣе серьезному интересу къ древности и связанному чтенію классиковъ, и Петрарка счелъ нужнымъ протестовать противъ общаго увлеченія ²⁾.

Робертъ стоитъ еще въ порѣ компендій и цитать. Его литературныя наклонности обнаружены рано: по одному документу отъ 27 Юля 1310 г. писцу Стефану было заплачено за переписку «Mogalia» короля Роберта. Что такое были эти Mogalia — мы не знаемъ; Роберту приписывали одно время стихотворный трактатъ о нравственныхъ добродѣтеляхъ (Trattato delle virtù morali), но его авторомъ оказался Граціоло деи Бамбальоли (род. ок. 1291 † ок. 1343) ³⁾, нотариусъ и канцлеръ болонской коммуны, одинъ изъ древнѣйшихъ комментаторовъ дантовскаго Ада (1324). Отношенія Бамбальоли къ кружку Роберта исчерпываются, вѣроятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что трактатъ о нравственныхъ добродѣтеляхъ посвященъ одному изъ вліятельныхъ лицъ анжуйскаго двора, Бертрану del Balzo; латинскій комментарий, которымъ Бамбальоли сопроводилъ свои стихотворенія, говоритъ о какомъ-то еще третьемъ лицѣ, авторѣ, и что самый комментарий написанъ по приказанію ⁴⁾. Разумѣется, это не даетъ намъ права разумѣть въ томъ «авторѣ» Роберта; впрочемъ, и его неизвѣстныя намъ Mogalia, можетъ быть, такъ же мало принадлежать ему, какъ и приписанныя ему Dicta et opiniones philosophorum, ходящія съ именемъ еще другого итальянскаго переводчика, Иоанна съ Прочиды ⁵⁾. Оригиналъ этихъ Dicta, краткихъ жизнеописаній, перемѣшанныхъ съ апофтегмами, — арабскій. Рядъ именъ: Гомеръ и Солонъ въ сосѣдствѣ съ св. Гри-

1) I. с., л. 6 обор., столб. 1.

2) Fam., IV, 15.

3) Сл. Frati, Giorn. Storico d. letter. italiana, fasc. 50—51, стр. 301 слѣд.

4) Non simpliciter sed violenta electione quod amodo ex auctoris arbitrio processerunt. Сл. Siragusa, I. с., стр. 37, прим. 1 и 2.

5) Knust, Mittheilungen aus dem Escorial (Bibliothek des litt. Vereins in Stuttgart, № CXLI), стр. 568, 654—5; ркп. Marc., Zan. lat. VI, CXLIV, N.

горіємъ, Александромъ Великимъ, Седекіей, Гермесомъ (Hermes Tac), очевидно, Трисмегистомъ; далѣе: Zalon, Balion, Leginon, Avesius, Macdargis, Thesilus и др. Сообщаются баснословныя біографическія свѣдѣнія, этимологія имени, загѣмъ изреченія, иногда портреты; Гомеръ, напр., былъ хорошаго роста, красивый собою, блѣдный, съ большой головой и узкими плечами; видъ у него былъ серьезный, на лицѣ знаки оспы, и былъ онъ много-рѣчивъ ¹⁾).

Но главнымъ показателемъ вкусовъ Роберта являются его *sermones*: какъ бы рядъ концептовъ, набросанныхъ начерно, съ подборомъ, въ соответствующихъ мѣстахъ, изреченій и выдержекъ, взятыхъ отовсюду и укладываемыхъ, какъ пестрый матеріаль, въ одно и то же діалектическое зданіе, полное дѣлений и подраздѣленій, ссылокъ и умозаключеній. *Sermones* были спеціальной слабостью короля: это были проповѣди, назиданія, |
41 нѣчто въ родѣ учительныхъ словъ и оффиціозныхъ политическихъ манифестовъ. Произносились онѣ по разнымъ поводамъ, но всегда съ священнымъ текстомъ, какъ точкой отправленія. Такъ, въ 1323 году король произнесъ проповѣдь по случаю канонизаціи Оомы Аквинскаго ²⁾, въ другой разъ говорилъ экспромптомъ о св. Андреѣ; либо это рѣчь по поводу возведенія кого-нибудь въ достоинство доктора, или обращеніе къ синдикамъ о необходимости субсидій для веденія войны, либо увѣщательное посланіе къ флорентинцамъ, когда въ 1333 году ихъ постигло наводненіе. Текстомъ для рѣчи по случаю заключенія мира между нимъ и

1) *Erat bonae magnitudinis, pulcre formae, remissi coloris, magni capitis et strictus inter humeros, habens gravem aspectum et in facie signa variolarum; et erat multorum verborum.* — *Сл. Marchesi, *L'Etica Nicomachea nella tradizione latina medievale*, Messina, Trimarchi, 1904, и отч. Gentile въ *Rass. bibliografica*, 1905, № 1—2, стр. 14: Marchesi «dà notizia piuttosto ampia del centone *Dicta sapientium* messo insieme di Roberto d'Angiò, e conservato nel ms. lat. VI, 144 della Marciana, tradotto in francese nei *Dicts moraulx des philosophes* (Sundry, B. Latini, Fir., 1884, 47 слѣд.) e sfruttato nel *Fiore dei filosofi*, attribuito a Brun. Latini. — In questa raccolta sono molte sentenze di Aristotile, estratte della *Nicomachea*, dall' *Epistola ad Alessandro* e dal *De coelo et mundo*».

2) *Riv. di filologia romanza*, I, 245.

генуэзцами взяты слова св. писанія: Слава въ вышнихъ Богу, на земли миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе. Ходъ проповѣди изображается графически, діалектически разобрано, по рубрикамъ, понятіе мира съ ссылками на Саллюстія и какую-то *propositio de causis* — и внушеніемъ, что міръ невозможенъ безъ королевскаго ока (*sine regali providentia*), что въ государствѣ подобаешь властвовать одному, ибо, по слову Евангелія, всякое царство, раздѣлившееся въ самомъ себѣ, запустѣетъ (Лук., XI, 17), и одинъ лишь царь всего сущаго — «по послѣднему слову философа въ книгѣ о метафизикѣ». Если въ этомъ словѣ начитанность Роберта служить политикѣ, въ другихъ случаяхъ — риторическимъ цѣлямъ: толкуя, напр., 2-е посланіе ап. Павла къ Тимошею, IV, 11, король даетъ видимо серьезное значеніе созвучіямъ *Lucas* и *lux*, различая три рода свѣта: вещественный, какъ бы погруженный въ вещество, которымъ свѣтятся нѣкоторые черви, рыба чешуя и гнилое дерево; это — низшій свѣтъ, видимый лишь ночью; второй — стихійный (пламя свѣчи и т. д.), третій — небесный, заимствованный (какъ, напримѣръ, у луны), либо исконный (солнце). Эта троичность переносится затѣмъ на тройственный свѣтъ: этики, политики и теорики; первый сіяетъ въ достойныхъ людяхъ, второй — въ лицахъ духовныхъ, третій — въ ученыхъ. Все это по поводу созвучія *Lucas* и *lux*, но предпочтеніе ученыхъ интересно: знакъ времени — и самосознанія.

| Учительное пристрастіе короля дѣйствовало заразительно, 42 его придворные пустились въ тотъ же литературный родъ, и съ именемъ Бартоломея изъ Капуи, великаго протонотарія неаполитанскаго королевства, сохранилось 27 такихъ же назидательныхъ рѣчей. Извѣстно, какъ язвительно посмѣялся Данте надъ этой королевской слабостью, назвавъ Роберта «королемъ отъ назиданій»; самая форма назиданій была тогда популярна: рѣчь Заноби да Страда, которую Боккаччо не только читалъ, но и внесъ въ свою записную тетрадь, такое же схоластическое упражненіе на текстъ изъ Притчъ Соломона: («Послушайте меня, и блаженны тѣ, которые хранятъ пути мои», VIII, 32), въ которомъ ссылки

на священное писаніе чередуются съ цитатами изъ классиковъ и Петрарки; *Virgiliевское*: *o fortunatos . . . agricolas* (*Georg.*, II, v. 458—9) объясняется въ связи съ евангельской притчей о сѣятелѣ, какъ «мудрые», и предвосхищена одна изъ невѣроятныхъ греческихъ этимологій Боккаччо (эклога IV): *doris* = *amaritudo*. Еще одинъ шагъ, и учительное содержаніе измѣнится, *sermones* короля Роберта уступятъ мѣсто риторическимъ рѣчамъ на общія темы, въ родѣ многихъ посланій Петрарки, юношескихъ писемъ Боккаччо, стилистически развивающихъ извѣстное душевное настроеніе, и популярныхъ въ XV вѣкѣ политическихъ *dicerie*.

Такова была ученость короля Роберта; она обличала честное служеніе «небесному свѣту», сіяла на престолѣ, когда во Франціи короли были безграмотны ¹⁾; онъ утверждалъ, что не поколебался бы въ выборѣ между наукой (*litteras*) и царской властью ²⁾; онъ привлекалъ, и не одно желаніе польстить Роберту побудило Петрарку подвергнуться у него предварительному испытанію, прежде чѣмъ принять вѣнецъ на Капитоли. Робертъ внялъ предложенію благодушно и серьезно, въ такомъ же горделивомъ сознаніи своего права, съ какимъ предложилъ медицинскому факультету въ Неаполѣ испытаннаго имъ врача. Въ теченіе трехъ дней король и поэтъ красовались другъ передъ другомъ своей |
43 ученостью, встрѣтились два самолюбія, средневѣковая энциклопедія состязалась съ наукой возрожденія; побѣдилъ Петрарка своей восторженной рѣчью объ искусствѣ и поэтахъ.

Боккаччо рассказалъ намъ объ этомъ диспутѣ со словъ Роберта: доблестный король, знаменитый философъ, изрядный знатокъ медицины и выдающійся богословъ своего времени, до шестидесяти шести лѣтъ пренебрегалъ *Virgiliемъ*, почитая его баснословомъ безъ всякаго содержанія, если не считать внѣшнія поэтическія прикрасы; когда же Петрарка раскрылъ ему тайное

1) *De Casibus*, посвяtitельное письмо.

2) *Petrarca*, *Reg. Mem.*, I, п, с. 26.

значеніе поэмъ, онъ пожурилъ себя, утверждая, какъ то самъ я слышалъ отъ него собственными ушами, что никогда и не подозревалъ, какой возвышенный смыслъ скрывается подъ забавной оболочкой поэтическихъ вымысловъ. Онъ искренно корилъ и себя и судьбу, что такъ поздно позналъ искусство поэзіи, и ни старость, ни сознаніе, что ему жить недолго, не помѣшали ему, отложивъ занятія болѣе видными науками (*splendentium facultatum*), отдаться чтенію *Виргилія*, дабы вполне уразумѣть его смыслъ. Лишь скорая смерть прервала занятія, которыя, безъ сомнѣнія, были бы во славу поэтовъ и на пользу итальянцевъ, предающихся этому занятію ¹⁾. Зато въ *эпитафіи Роберту Петрарка* заставилъ плакать надъ нимъ семь осиротѣлыхъ свободныхъ искусствъ и даже девять — музъ.

Диспутъ *Петрарки* происходилъ въ мартѣ 1341 года. *Боккаччо* уже успѣлъ уѣхать изъ *Неаполя*. Незамѣтно для короля-философа, вблизи придворныхъ сферъ, успѣлъ сложиться другой поэтъ *Возрожденія*, и его руководителями были люди изъ ученаго кружка того же *Роберта*.

Боккаччо зналъ его уже богословомъ и королемъ «отъ назиданій», но позади лежали другіе годы, когда во дворцѣ *Кастельнуово* знали и празднества, и веселье, и любовь. Подобно отцу и дѣду, *Робертъ* продолжалъ строиться въ *Кастельнуово*: предприняты были передѣлки въ залѣ для пировъ, расписаны | капеллы, украшены дворцовые сады; въ томъ, что прилегалъ къ ⁴⁴ морю, посажены были фазаны и другія птицы, вырыты гроты для ланей и кроликовъ, устроены фонтаны, бесѣдки, и насажены тѣнистыя деревья. *Боккаччо* описалъ этотъ садъ въ своемъ первомъ романѣ (*Filocolo*): онъ находился невдалекѣ за городскими стѣнами, къ той сторонѣ, гдѣ покоится прахъ величайшаго изъ поэтовъ, *Марона*, и авторъ представляетъ себѣ подъ его сѣнью веселое общество, среди котораго царить «дочь великаго прави-

1) *Gen. Deog.*, XIV, 22, біографія *Петрарки*, написанная *Боккаччо*; сл. *Petrarca*, *Reg. Mem.*, I. c.

теля, подъ чьимъ скипетромъ мирно пребываютъ эти области»: предметъ его страсти, Марія-Фьяметта.

Это имя переноситъ насъ къ первымъ годамъ Роберта. Незадолго до своего вѣнчанія на царство, или вскорѣ послѣ того (13 ноября 1310 года), онъ устроилъ въ Капельнуово великое празднество для своихъ приближенныхъ, и для большей торжественности самъ явился въ царственномъ одѣяннѣ. «Когда, рассказываетъ Боккаччо, серебряные сосуды предлагали обильныя яства, золотые чеканные — дорогія вина, королевскіе покои полны были родовитыхъ юношей-прислужниковъ, а разнообразныя мелодическіе звуки заставляли содрогаться сіяющей покой», король, прохаживаясь и бросая влюбленные взгляды на ту и другую даму, увлекся одной изъ нихъ, французенкой, женой графа изъ дома Аквино, занимавшаго немалую должность при дворѣ. Потомъ онъ часто видѣлъ ее и все болѣе увлекался; однажды, когда она явилась къ нему, чтобы испросить у него какой-то милости, онъ «завлекъ ее въ свои сѣти», и она стала матерью Маріи ¹⁾.

Это любовное похождение Роберта было не единственнымъ; со второй своей женой, Санціей, дочерью короля Майорки, святошей и неплодной, онъ настолько не ладилъ, что въ 1317 году она обращалась къ папѣ Іоанну XXII съ просьбой развести ее съ мужемъ, а ей позволить постричься. Папа удерживалъ ее отъ этого «дьявольскаго искушенія», увѣщевая ее быть терпѣливой и любовной, дабы ея мужъ еще болѣе не разнузданъ, и у нихъ |
45 пошли бы дѣти. Увѣщаніе не помогло; не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ перваго, какъ папа поставленъ былъ въ необходимость обратиться къ самому королю: не только общая молва, но и очевидность говоритъ о тебѣ, любезнѣйшій сынъ, что хотя изъ всѣхъ католическихъ властителей міра ты наиболѣе богатъ знаніемъ и отлично одаренъ природнымъ умомъ, одно ты исключашь изъ своихъ царственныхъ соображеній, ибо неопытныхъ

1) Ameto, стр. 142 слѣд.; Filocolo, I, стр. 4 слѣд.

юношей, низкихъ духомъ и родомъ, не умѣющихъ, по недостатку знанія и прилежанія, управлять собою, ты приблизилъ къ себѣ, неразумно вступивъ на путь Ровоама.

Но пути Ровоама ожидали Роберта въ другомъ мѣстѣ; онъ не совратился на нихъ — благодаря своей діалектикѣ.

У анжуйскаго дома были старинныя связи съ братіей св. Франциска; ударившись въ религіозность, Санція учредила обитель этого ордена рядомъ съ храмомъ св. Клары, основаннымъ ею и ея мужемъ. Броженіе, начавшееся въ средѣ ордена тотчасъ по смерти его основателя, продолжалось, и вопросъ о болѣе или менѣе широкомъ соблюденіи монашескаго устава грозилъ разрастись въ обще-церковный. Образовались партіи; положеніе, выставленное крайними изъ францисканцевъ, что ни у Христа, ни у апостоловъ не было собственности, касалось не только иноческаго обѣта нищеты, но и имущественныхъ и свѣтскихъ отношеній Церкви. Онъ шелъ въ руку сторонникамъ Людовика Баварскаго, въ Церкви онъ вызвалъ смуту. Булла папы Иоанна XXII отъ 23 января 1318 года объявила еретическимъ мнѣніе, будто существуютъ двѣ Церкви, одна — плотская, удрученная богатствами, погрязшая въ утѣхахъ, запятнанная грѣхами, т. е. Церковь папы, другая — духовная, препоясанная бѣдностью. Пока инквизиція работала, сомнѣнія объ еретическомъ характерѣ новаго ученія «братцевъ» (*fraticelli*) поднимались въ средѣ вѣрующихъ, и доминиканцы спорили о томъ съ францисканцами. Въ 1322 году, на съѣздѣ въ Перуджии, провинціалы францисканскаго ордена подъ предсѣдательствомъ своего генерала, фра Микеле изъ Чезены, положили, что ученіе о томъ, что у Христа и апостоловъ не было никакой собственности, ни общаго владѣнія, ничуть не 46 противорѣчитъ здоровымъ началамъ католической Церкви. Борьба обострилась, и фра Микеле перешелъ на сторону императора, обвинивъ въ ереси самого папу.

Какъ глава гвельфовъ и преданный сынъ Церкви, Робертъ долженъ былъ бы отнестись отрицательно къ доктринѣ, осужденной римской куріей и благопріятной Людовику Баварскому.

Тѣмъ неожиданнѣе то, что совершается теперь при дворѣ: Робертъ является защитникомъ фра Микеле, противъ котораго возбуждено было преслѣдованіе, извиняетъ, что тотъ не явился по вызову папы, ибо заболѣлъ, и самъ король посылалъ къ нему въ Тоди своего врача. Когда въ Неаполѣ поднялся процессъ противъ францисканской ереси, оказалось, что Андрей Гальяно, капелланъ короля, не только зараженъ ею, но и писалъ въ духѣ, несогласномъ съ воззрѣніями папы; что самъ король подпалъ вліянію Петра Каденета, по поводу котораго писалъ прежде папѣ, прося его удалить отъ королевы этого монаха, сѣющаго плевеи ереси. Побѣжденная, Санція отомстила: король, какъ и она, покровительствуетъ подъ рукой гонимымъ «братцамъ», братья королевы, Филиппъ, склоняется къ ихъ толку; и Робертъ, и Санція задерживаютъ папскія посланія къ инквизиторамъ; защищая Андрея Гальяно, король, въ письмѣ къ папѣ, не отрицаетъ открыто, что онъ писалъ въ защиту ереси, а говоритъ только, что онъ не изрекъ ничего, противнаго католической вѣрѣ, уваженію къ Церкви и доброй нравственности.

Все это могло быть въ Робертѣ дѣломъ убѣжденія, вліянія клерикальнаго кружка, но приводило его, гвельфа и паписта, въ противорѣчіе съ самимъ собою. Дѣло рѣшилъ король-богословъ, какъ и въ преніи съ Петраркой торжествовало самонѣніе короля-философа. Робертъ пишетъ трактатъ «о евангельской нищетѣ апостоловъ и ихъ нарочитыхъ послѣдователей» (*de apostolorum ac eos precipue imitantium evangelica paupertate*), который повергаетъ на усмотрѣніе и исправленіе святѣйшаго папскаго престола. Онъ обѣщаетъ быть краткимъ, не вполне исчерпать 47 истину, | разбираетъ вопросъ о нестяжаніи и вольной нищетѣ у древнихъ, цитуетъ Валерія Максима, Сенеку, Іоанна Златоуста, *contra Iovinianum*, Сократа (*Socrates ille Tebarius?*) и легендарнаго философа Секунда, и, переходя на христіанскую почву, обѣщаетъ пользоваться священнымъ писаніемъ и твореніями святыхъ отцовъ болѣе, чѣмъ филологическими аргументами (*filologicis illationibus?*). Вопросъ объ апостольской бѣдности ве-

детъ къ другому: объ общности владѣнія у древнихъ, объ общинѣхъ женъ у нѣкоторыхъ народовъ, наконецъ, объ общинной собственности духовныхъ братствъ. Бѣдность опредѣляется, какъ всецѣлое отсутствіе земныхъ благъ, согласно съ словами Спасителя: если хочешь быть совершенъ, поди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ (Матѣ., XIX, 21); этому должны послѣдовать всѣ, произнесшіе объѣтъ нищеты. Съ другой стороны, мы знаемъ изъ исторіи древней христіанской Церкви, что вѣрующіе продавали свое имущество и полученное повергали къ ногамъ апостоловъ, для раздачи всѣмъ. Если нѣчто раздавалось, то было, стало быть, нѣчто въ общей собственности? Какъ помирить ее съ ея евангельскимъ отрицаніемъ? Различеніемъ владѣнія, собственности,—отъ пользованія ею; это должно оправдать имущество духовенства (за исключеніемъ произнесшихъ объѣтъ нищеты) и Церкви: Церковь не владѣетъ, а управляетъ собственностью и даромъ Константина во имя всѣхъ вѣрующихъ и на пользу имъ, какъ и у Христа и апостоловъ не было имущества, а лишь его узупруктъ.

Такъ рѣшался теоретически вопросъ, оставшійся на практикѣ попрежнему открытымъ для всякаго, кто пожелалъ бы опредѣлить границы владѣнія и узупрукта. Рѣшеніе вовсе неоригинальное, какъ полагаетъ профессоръ Спрагуза, оригиналенъ развѣ ученый скарбъ, которымъ обставленъ вопросъ о собственности и пользованіи. Къ этому казуистическому различенію не разъ прибѣгали въ теченіе францисканскаго спора: его можно встрѣтить у Данте (*De Monarchia*, III, 10); Оливи пытался даже ограничить широкую идею пользованія требованіемъ одного лишь | необходимаго: *pauper usus*—это тотъ, при которомъ чело- 48
вѣкъ кажется скорѣе бѣднымъ, чѣмъ богатымъ, и ближе къ нищетѣ, чѣмъ къ благосостоянію. Едва ли такое рѣшеніе кого-нибудь удовлетворило; Робертъ былъ, очевидно, доволенъ своимъ: онъ повергаетъ на судъ новое свое писаніе, напередъ готовый повиноваться, но если бы кто-нибудь, кромѣ папы, вздумалъ взвести хулу на его ученіе, да будетъ онъ сочтенъ невѣрующимъ, ненавистникомъ, не католикомъ, а еретикомъ.

Самъ Робертъ стоялъ выше подозрѣній въ ереси; человѣкъ благочестивый, онъ съ годами становился религіонистомъ. По смерти сына, единственнаго наслѣдника, унесеннаго въ 1328 году маляріей, его характеръ замѣтно мѣняется: пораженный неожиданной утратой, онъ какъ-то сосредоточился, уходя въ науку и благочестіе; монахи и святые мужи и жены чаще навѣдываются въ Кастельнуово; подъ вліяніемъ этого набожнаго настроенія, или, какъ говорятъ, во искупленіе грѣховъ сына, Робертъ велѣлъ заново украсить обѣ дворцовыя капеллы, для чего вызванъ былъ изъ Флоренціи Джьотто. Щедрый по природѣ, онъ начинаетъ теперь копить и скряжничать, его казна въ одной изъ башенъ Кастельнуово стала легендарной ¹⁾. Боккаччо рассказываетъ о флорентійскомъ скульпторѣ Буонаккорсо, также вызванномъ королемъ, что, когда, тотчасъ по приѣздѣ, его потребовали къ нему, какъ онъ былъ, въ дорожныхъ сапогахъ и при шпорахъ, тотъ спросилъ его о стоимости нѣкоторыхъ работъ, относящихся до его искусства. Буонаккорсо отвѣчалъ скромно, но не безъ негодованія, и лишь только вышелъ изъ дворца, сѣлъ на коня и поѣхалъ обратно домой, ибо полагалъ, что его потребовали не къ королю, а къ торгашу ²⁾.

Лишь въ 1333 году, когда праздновалась помолвка малолѣтней внучки короля, Джьованны, съ малолѣтнимъ же троюроднымъ ея братомъ Андреемъ венгерскимъ, Кастельнуово снова увидѣлъ пиры и веселье. Робертъ былъ доволенъ: бракъ, заключенный имъ по политическимъ расчетамъ и разыгравшійся такъ трагически, казалось, обезнечивалъ престолъ за его родомъ. Вернулись старыя привычки: король попрежнему забавляется въ своемъ саду стрѣльбой изъ лука, обсуждая и рѣшая въ промежуткахъ государственныя дѣла ³⁾; тѣшится скоморохами и моряками, скачущими на апулійскій ладъ. Но, старѣясь, онъ впадаетъ

1) Баллада на пораженіе при Montecatini; Amor. Visione, с. 14.

2) Письмо къ Нелли у Corazzini, стр. 147.

3) Petrarca, Rer. Mem., I, 1, 8.

въ ригоризмъ: его указъ 1335 года, повторяющій запреты многихъ предыдущихъ¹⁾, направленъ противъ нѣкоторыхъ новшествъ въ костюмахъ и нравахъ, указъ 1339—1340 гг. — противъ тѣхъ, кто похищаетъ и насильно обнимаетъ дѣвушекъ. Первый заслуживаетъ особаго вниманія: въ Неаполѣ, особенно среди молодежи, завелись новые нравы, разныя привычки, кривлявыя тѣлодвиженія, разсчитанныя на то, чтобы обратить вниманіе. Вытянувъ голову, съ нечесанными волосами и отпущенной бородой, скрывавшей большую часть лица, болѣе страшные, чѣмъ привлекательные на видъ, эти люди укоротили до ягодицъ платье, бывало, доходившее до колѣнъ; ходятъ въ обтяжку, показывая, что показывать было бы стыдно: худые — свои поджарые мускулы, толстяки — одутлѣй животъ. Они разучились и верхомъ ѣздить, и носить оружіе: сидятъ на лошади бокомъ, правятъ обѣими руками, отправляясь на войну, не защищаютъ отъ ударовъ ни грудь, ни плечи. Какъ въ этомъ они уподобляются женщинамъ, такъ длинной бородой — арабскимъ анахоретамъ и философамъ; какіе гости заводятся въ грязныхъ волосахъ — про то знаютъ ихъ товарищи и господа, за которыми они ходятъ. Старики не лучше молодыхъ: имъ бы слѣдовало подавать примѣръ, а они первые увлекаются недостойными новшествами. — И Робертъ цитовалъ священное писаніе и приводилъ изъ второй книги Маккавеевъ изреченіе противъ тѣхъ, кто отечественной славы предпочиталъ похвалбу славою греческой.

Это заключеніе не совсѣмъ неожиданно: новшества, какъ внѣшность, могли быть навѣяны французской модой, но они выражали естественный ростъ общества, въ сложеніи котораго 50 участвовали гораздо болѣе зрѣлые элементы, чѣмъ французскій.

1) *О законахъ, направленныхъ противъ роскошныхъ костюмовъ флорентійскихъ женщинъ сл. Biagi, Vita italiana del Rinascimento, I, 106—7; сл. также Letterio Di Francia, Franco Sacchetti novelliere. Pisa, Nistri (1902), p. 138. — Сл. Rassegna bibliografica, V, № 2, стр. 57—8. — Сл. Papa, Alcune rubriche della «Grammatica sopra il vestire» promulgata dalla repubblica Fiorentina nel 1334 (въ Сборникѣ, изданномъ по поводу бракосочетанія Vittorio Cian, стр. 131). — Сл. Romania, XCIII, стр. 148.

Робертъ, когда-то противникъ классической поэзіи, видимо сдавшійся Петраркѣ, угадалъ одинъ изъ источниковъ явленія, пугавшаго его ригоризмъ: греческая, античная слава противопоставляется родной, какъ на турнирѣ, описанномъ Боккаччо, Памфило сравниваетъ побѣдителей съ героями Гомера и Виргилія, а неаполитанскіе аристократы скупали въ Римѣ произведенія древней скульптуры и архитектуры для украшеній своихъ дворцовъ.

Указъ короля, всюду прибитый и грозившій наказаніемъ ослушникамъ, не произвелъ никакого впечатлѣнія. Пока Робертъ и Санція старѣлись въ благочестіи, жизнь шла своимъ чередомъ: вблизи двора молодая знать веселилась, собираясь для фривольныхъ, но и вдумчивыхъ бесѣдъ, которыя Боккаччо изобразилъ въ своей Діаниной Охотѣ и эпизодахъ Филоколо; вокругъ Капельнуово, на сосѣдней площади delle Correggie, у новаго порта кишѣло народомъ: моряки и рабочіе, банкиры изъ Флоренціи и Лукки, купцы, привозившіе гентскія сукна, бѣлые татарскія шали, шитыя золотомъ, золотыя и серебряныя издѣлія; шарлатаны и мелкіе торговцы, греки на службѣ у Екатерины де Куртнэ, болгарскіе наемники эпирской деспины Анны, — все это галдѣло, спорило, веселилось; уличный гамъ такъ тревожилъ Санцію, погруженную въ благочестивыя размышленія, что пришлось прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ. Женщины вольнаго поведенія жили тутъ же: улица Мальпертуджіо, мѣсто дѣйствія одной новеллы Декамерона (II, 5), находилась у порта, недалеко отъ Каталонской улицы, названной такъ потому, что тамъ селились каталонскіе купцы. Боккаччо подслушалъ разговоръ на мѣстѣ (въ основѣ его лежитъ слѣдственное дѣло)¹⁾, новелла подсказывалась ему на улицѣ, въ садахъ Капельнуово, въ кружкахъ, возбужденныхъ вопросомъ объ апостольской нищетѣ, который жизнь не спѣшила разрѣшить къ соблазну не однихъ только вѣрующихъ. Когда-то | въ подземной церкви Ассизи Джьотто († 1336 г.) идеализовалъ нищету: красивая, исхудалая, въ

1) Архивное сообщеніе проф. De Blasiis.

лохмотьяхъ и босая, она идетъ по терніямъ, собака лаетъ на нее сзади, мальчишка бросаетъ въ нее камнями, другой палкой подвигаетъ колючки къ ея ногамъ, а она протягиваетъ руку св. Франциску, и Христось благословляетъ ихъ бракъ. И у Боккаччо ¹⁾ можно встрѣтить такую же, но гуманистическую идеализацію нищеты: она гонитъ отъ человѣка соблазны и любовь, дѣлаетъ его твердымъ и невозмутимымъ въ мірскихъ дѣлахъ, поощряетъ къ похвальнымъ занятіямъ. Это были золотые сны гуманиста, которыми онъ старался успокоить обманутыя надежды на обезпеченность ²⁾. Но дѣйствительность назойливо была въ глаза, прогоняя грезы. У Биндо Боники († 1338 г.) порицаніе любостязанія соединено съ протестомъ противъ добровольной нищеты: она мѣшаетъ помогать другимъ, дѣлать добро; благо — въ золотой серединѣ ³⁾; это тѣ же идеи, что у Франческо да Барберино ⁴⁾. Въ единственномъ дошедшемъ до насъ стихотвореніи Джьотто бѣдность далеко не польщена. Многіе прославляютъ добровольную нищету и защищаютъ ее авторитетами, говоритъ поэтъ, но я не съ ними, ибо всякая крайность вредна. Обѣтъ нищеты, произнесенный противъ воли, открываетъ путь порокамъ; не хвалю я соблюденіе ея и по избранію, ибо постыдно называть добродѣтелью то, что отрицаетъ всякое совершенствованіе (великое дѣло нищета, но выше нея — самосохраненіе, сказано въ буллѣ Іоанна XXII отъ апрѣля 1317 года). Ты скажешь, что Спаситель ее одобрилъ, но Его слова заключаютъ въ себѣ тайный, иногда двойственный, смыслъ; открой глаза, и ты увидишь, что они соотвѣтствуютъ Его святой жизни, научая насъ помогать другимъ, какъ и самъ Онъ, владѣя немногимъ, помогъ намъ спастись — отъ любостязанія. Тѣ же, которые хвалятъ нищету, живутъ не спокойно, а, какъ жадные волки, хватаются за добычу ⁵² подъ покровомъ овечьей шкуры; отъ ханжества растрѣвается

1) De Casibus, I, 15; сл. III, 1, 17, 18; VIII, 17; Gen. Deor., XIV, 4.

2) Amor. Vis., с. XIV, въ концѣ.

3) Canz. I; сл. VIII и XV.

4) Documenti d'Amore, P. II, Doc. V, Reg. LXVII.

міръ. — И Боккаччо вторилъ тому въ своей характеристикѣ монаховъ, которые «не стыдятся являться тучными, съ цвѣтущимъ лицомъ, изнѣженныя въ платьяхъ и во всемъ остальномъ; выступаютъ не какъ голуби, а гордо, какъ пѣтухи, поднявъ гребень и выпятивъ грудь; не станемъ говорить о томъ, что ихъ кельи полны баночекъ съ разными мазями и притираніями, коробокъ съ разными мастями, стклянокъ и пузырьковъ съ пахучими водами и маслами, кувшиновъ, перенолненныхъ мальвазіей, греческимъ и другими дорогими винами, такъ что, глядя, кажется, это не монашескія кельи, а москательныя и парфюмерныя лавки. Хуже того: имъ не въ стыдъ, если другіе знаютъ, что у нихъ подагра, и они воображаютъ, будто другіе не вѣдаютъ и не понимаютъ, что великіе посты, простая и въ небольшомъ количествѣ употребленная пища и умѣренная жизнь дѣлаютъ людей худыми и тощими и большею частью здоровыми, а если и заставляютъ ихъ заболѣвать, то, по крайней мѣрѣ, они болѣютъ не подагрой, противъ которой совѣтуютъ обыкновенно, какъ средство, цѣломудріе и все другое, пристойное жизни скромнаго монаха. И они воображаютъ еще, будто другіе не знаютъ, что кромѣ воздержной жизни, долгія бдѣнія и молитвы и бичеванія, по необходимости, дѣлаютъ людей блѣдными и жалкими, и что ни св. Доминикъ, ни св. Францискъ не имѣли по четыре рясы на человѣка и одѣвались не въ цвѣтныя и другія тонкія сукна, а въ рясы изъ грубой шерсти и естественнаго цвѣта, чтобы укрываться отъ холода, а не красоваться. Обо всемъ этомъ да промыслить Господь, согласно съ духовными нуждами тѣхъ простецовъ, которые ихъ кормятъ» (Дек. VII, 3).

Король-книгоцѣй уже промыслилъ объ этомъ — своей теоріей узуфрукта.

Интересный типъ, который я назвалъ бы переходнымъ, если бы любой историческій фактъ не подходилъ подъ это опредѣленіе. Робертъ и Карлъ IV подаютъ другъ другу руки. Оба серьезно
53 преданы вопросамъ знанія, но ихъ пензъ — средневѣковой, | образовательное настроеніе — діалектически-богословское: Карлъ IV

— 99 —

такъ же любить поспорить съ учеными людьми, такъ же пишетъ свои *Moralitates* и оставилъ проповѣдь на евангельской стихъ: Подобно царство небесное сокровищу (Матѣ., XIII, 44), въ стилѣ Робертовыхъ *sermones*, — а Петрарка толкуетъ имъ о поэзіи, о славѣ римскаго имени. Оба — политики-скопидомы, вотчинники, а ихъ стараются увлечь идеаломъ единой Италіи и римской имперіи. Немудрено, что Петрарка могъ вчитывать въ нихъ свои убѣждения и мечты, удивительно, что такіе трезвые, разсудительные люди увлекаются имъ въ свою очередь, зовутъ его къ себѣ, что имъ любы его восторженные рѣчи, его культъ славы и политическія грезы. Имъ чужлось въ нихъ нѣчто новое, поднимающее при всей своей неопредѣленности, обаятельное своей несбыточностью. Это — поэзія гуманизма задѣла ихъ своимъ крыломъ.

V.

Центрами элегантнои жизни вблизи королевскаго двора были двѣ французенки, невѣстки короля. Агнеса Перигорская, вышедшая въ 1321 году замужъ за Джьованни ди Дураццо, уже вдовца, воспиталась при дворѣ матери, извѣстной Бруниссенды де Фуа, въ преданіяхъ свѣтскости и блеска. По смерти мужа (въ 1335 году), она осталась, съ тремя дѣтьми, главою дома Дураццо, еще молодая, полная жизни и жажды удовольствій. Боккаччо могъ видѣть ее, мальчикомъ, во Флоренціи, куда она пріѣзжала вмѣстѣ съ Карломъ Калабрійскимъ; въ своемъ *Любовномъ Видѣніи* онъ описываетъ ее красавицей; въ одномъ эпизодѣ его перваго романа, *Филоколо*, гдѣ аллегорія и анаграмматическое извращеніе имени (*Асенга*) позволяли ему быть откровеннѣе, она — одна изъ четырехъ нимфъ, которыя, опьяненные жаромъ и виномъ, кичатся своею красотою и любовными похождениями и кощунствуютъ надъ богами, а боги наказываютъ ихъ превращеніемъ — въ стилѣ Овидіевыхъ метаморфозъ. | *Асенга* издѣ- 54
вается особенно надъ Луною, дозволяющею звать себя красивой, несмотря на то, что ея образъ мѣняется тысячу разъ въ мѣ-

сяць, и лишь одинъ изъ нихъ прекрасенъ, да и то ночью, когда и безобразныхъ легко счесть за красавицъ. Моя же красота не мѣняется отъ времени, хвастается Асенга, у меня нѣтъ затменій, мнѣ ни во что ни навѣянный югомъ облака, ни сѣверный вѣтеръ, проясняющій небо: я всегда та же, «никогда не скрывала своего чела отъ чьихъ-либо взоровъ и не намѣрена скрывать, ибо знаю свою красоту, и мнѣ пріятно, что многіе меня любятъ и мною любятъ; никогда еще не приказывала я ничего и ни о чемъ не просила, что бы не было тотчасъ же исполнено; мнѣ скорѣе пристало имя богини». Луна обращаетъ ее въ терновникъ, бѣлые цвѣты котораго держатся недолго, а черные пупыши, цвѣта луннаго затменія, доживаютъ до поры новаго листа ¹⁾.

Другой братъ Роберта, Филиппъ Тарентскій, женатый въ первомъ бракѣ на Итамарѣ, дочери Никифора Дуки Комнена, деспота Арты и Эпира, развелся съ нею по подозрѣнію въ невѣрности. Въ 1313 году, будучи уже въ лѣтахъ, онъ женился на Катеринѣ де Куртнэ, правнучкѣ Карла I и наслѣдницѣ, по своему дѣду, сыну Балдуина II, номинальныхъ правъ на латинскую имперію Константинополя. Филиппъ скончался въ 1331 году; гордая своимъ титуломъ «императрицы», падкая до роскоши и наслажденій, Катерина окружила себя поклонниками и ухаживателями; молва говорила и о любовникахъ, особливо о Никколѣ Аччяйюли, молодомъ флорентійцѣ, котораго она приблизила къ себѣ въ качествѣ совѣтника и воспитателя своихъ сыновей ²⁾.

55 Съ конца XIII-го вѣка извѣстенъ былъ во Флоренціи торговый и банкирскій домъ Аччяйюли, имѣвшій дѣла не только въ главныхъ итальянскихъ городахъ, но во Франціи и Англии, въ Тунисѣ, на Кипрѣ и въ Греціи, гдѣ у нихъ были феодалы въ Мореѣ, уступленные имъ Джьованни ди Дураццо. Это пригото-

1) Filocolo, II, стр. 263—4, 281—2.

2) О Никколѣ Аччяйюли см. Tanfani, Niccola Acciaiuoli, Firenze, 1863; Gregorovius, Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter, Stuttgart, 1889, 2-er Band, стр. 123 слѣд.; о родѣ Аччяйюли l. c. Register.

вило позднѣйшее (до 1460 года) господство Аччяйоли въ Коринѣ, Оивахъ и Афинахъ и объясняетъ рядъ именъ изъ той же семьи на епископскихъ кафедрахъ Коринѣа и Оивъ, Патраса и Кефалоніи. Въ началѣ XIV-го столѣтія отецъ Никколò Аччяйоли учредилъ въ Неаполѣ торговый домъ; денежная помощь, которую онъ оказалъ королю Роберту, не осталась безъ награды: въ 1323 году король сдѣлалъ его своимъ камергеромъ и совѣтникомъ, далъ ему баронію въ Апуліи и городъ Прато въ Тосканѣ, съ титуломъ королевскаго викарія. Въ 1331 году отецъ Аччяйоли послалъ въ Неаполь своего сына, Никколò — вести торговое дѣло; это былъ молодой человекъ, на три года моложе Боккаччо¹⁾, но уже женатый; Боккаччо²⁾ помнить, въ какомъ скромномъ видѣ онъ явился, довольствуясь однимъ слугою; отношенія ко двору Катерины побудили его промѣнять коммерческую дѣятельность на другую, болѣе видную, гдѣ онъ могъ проявить свои блестящія дарованія. Войдя въ милость къ вдовствовавшей герцогинѣ Тарента, онъ руководилъ воспитаніемъ ея дѣтей и управленіемъ ея герцогствомъ; въ 1338—41 годахъ сопровождалъ её въ Грецію, гдѣ устроилъ ея дѣла и свои собственныя, вернувшись значительнымъ феодальнымъ владѣльцемъ въ княжествѣ Ахайѣ. Въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертью короля Роберта († 1343), онъ игралъ роль, далеко выходящую за предѣлы собственно-неаполитанскихъ отношеній; ему, главнымъ образомъ, принадлежитъ умиротвореніе южно-итальянской смуты и сохраненіе престола за королевой Джьованной и ея вторымъ мужемъ, Людовикомъ Тарентскимъ, которые возвели его въ высшую придворную и государственную должность: «великаго сенешаля».

Аччяйоли представляется намъ хорошимъ типомъ тѣхъ людей, практиковъ, которыхъ движеніе гуманизма коснулось одною своею стороною, поднявъ въ нихъ самосознаніе, развивъ энергію, 56

1) Род. 10-го сентября 1310 года.

2) Въ письмѣ къ Нелли у Corazzini, стр. 152.

любовь къ славѣ и красотѣ жизни, безъ капли того яда, который вызвалъ меланхолію Петрарки и заставляетъ тревожиться Боккаччо. Умный и энергичный, онъ не даромъ восхищался изреченіемъ своего придворнаго поэта Заноби да Страда: кто боится смерти, у того нѣтъ желаній. Красивый собою, сильный и ловкій, съ блестящими глазами, бѣлокурый — онъ заслуживалъ названіе льва, какое даетъ ему Боккаччо; левъ кстати красовался въ его гербѣ. Всѣ эти достоинства онъ не только сознавалъ за собою, но и упражнялъ ихъ и холилъ: любилъ показываться въ нарядной одеждѣ, иногда въ порфирѣ, съ блестящей свитой, собиралъ рѣдкое оружіе, кичился дорогими конями; былъ щедръ (на скомороховъ, иронически замѣчаетъ разсердившійся на него Боккаччо) и гостепріименъ, умѣлъ щегольнуть блескомъ своихъ праздниковъ и пировъ, за что его сограждане, скромные флорентійскіе буржуа, обозвали его Сарданапаломъ, самъ же отличался крайней воздержностью, а по постнымъ днямъ ограничивался хлѣбомъ и водою. Снаряжаясь въ греческій походъ, онъ завѣщалъ похоронить себя въ неаполитанской Чертозѣ, и чтобъ на его гробницѣ находилось его изваяніе во всеоружіи и съ его именемъ; и онъ поясняетъ, что такое желаніе внушено ему не славолубіемъ или подобной какой суетностью, а — благимъ рвеніемъ къ Богу и міру! Это — наивная оговорка, обличающая затаенную черту характера, общій психологическій пошибъ времени: культъ личной славы, и мы готовы повѣрить ядовитому воспоминанію Боккаччо: будто Аччяйюли не разъ проговаривался при немъ, что предпочелъ бы всѣмъ своимъ богатствамъ — родословную отъ фригійскихъ боговъ! Его образованіе было нахватанное, показное, отзывавшееся переходной эпохой, но въ немъ классическіе мотивы и перечни героическихъ именъ назойливо бьютъ въ глаза: также признакъ времени и увлеченія внѣшнимъ идеаломъ древности. Боккаччо признаетъ за нимъ большія литературныя дарованія — но что въ нихъ толку, когда дѣятельность увлекаетъ его въ другую сторону? Къ тому же писанія на народномъ языкѣ еще не дѣлаютъ литераторомъ. Находясь въ Палермо, среди

военной тревоги, Аччъяйоли пишетъ какую-то книгу, можетъ быть, замѣчательную и достойную гомеровскаго стиха, но не на флорентійскомъ, а на какомъ-то смѣшанномъ языкѣ, говорить Боккаччо, и это стилистическое впечатлѣніе подтверждается письмомъ Аччъяйоли къ нотаріусу Ландольфу и политической исповѣдью, составленною, въ цѣляхъ самозащиты, для его сына Анджело, но назначенною для огласки ¹⁾: вездѣ діалектическія формы полу-наивно, полу-педантически чередуются съ латинизмами. Чѣмъ-то старымъ отзывается попытка Аччъяйоли описать по-французски, въ стилѣ романовъ Круглаго Стола, дѣянія крестноносцевъ, и новымъ — его страсть къ письмамъ, которыя не только направлялись къ извѣстному лицу, но и сознательно распространялись повсюду — во свидѣтельство краснорѣчія писавшаго. Это напоминаетъ такую же сообщительность Петрарки. — Боккаччо хвалитъ эти письма, замѣчая, впрочемъ, что въ нихъ больше красивыхъ фразъ, чѣмъ дѣла; что до своихъ латинскихъ посланій, то самъ Аччъяйоли сознавалъ ихъ стилистическіе недостатки, ихъ правила его литературные пособники, Никколò д'Алифе и Барбато изъ Сульмоны ²⁾; получивъ отъ Аччъяйоли одно такое письмо, Петрарка отвѣчаетъ, что призналъ въ немъ умъ писавшаго и, вмѣстѣ, сладкозвучное перо «нашего Барбата» ³⁾. — Какъ у человека, чуткаго къ вопросамъ дня, у Аччъяйоли было уваженіе и любовь къ литературѣ въ ея современномъ передовомъ движеніи, но въ этомъ движеніи онъ удѣлялъ себѣ роль не дѣятеля, а покровителя: между Везувіемъ и Фалерномъ онъ затѣвалъ устройство новаго Парнасса, освященнаго именемъ 58 Петрарки, котораго звалъ въ Неаполь ⁴⁾. Онъ ожидалъ и при-

1) Tanfani, l. c., стр. 201 слѣд., 211 слѣд.

2) Сл. письмо Аччъяйоли къ Петраркѣ у Cochin, *Un ami de Pétrarque, Lettres de Francesco Nelli à Pétrarque*, Paris, 1892, стр. 309—310 (*silvestri grammatica*); *militaris epystola* въ надписаніи письма ad Franciscum Petrarcham *laureatum* принадлежитъ, очевидно, не Петраркѣ, а Аччъяйоли (иначе Cochin, стр. 310). — Petr., Fam., XII, 3.

3) Fam., XIII, 9.

4) Fam., XIII, 9 (1352 г.); письмо Нелли къ Петраркѣ отъ 6 ноября 1361 г. у Cochin, l. c., № XXVII, стр. 280—2.

знанія, и панегирика, и находилъ то и другое; Петрарка, на письма котораго онъ напрашивался ¹⁾, отдѣлялся пышными фразами: твои дѣла заслуживаютъ поэмы, твое привѣтливое обращеніе, мягкость нравовъ, благость высокаго ума — лирическихъ пѣснопѣвій; ты рожденъ для высокаго подвига, я — для того, чтобы связать кое-какъ нѣсколько словъ ²⁾. Когда Петрарка писалъ эти слова, онъ еще не зналъ лично Аччяйоли, но могъ дѣйствительно увлекаться его политической ролью; въ 1360 году они познакомились, Аччяйоли сумѣлъ польстить самомнѣнію гуманиста ³⁾, и риторизмъ похвалъ не знаетъ теперь мѣры: ты — моя краса, краса родины! такъ кончается одно его письмо ⁴⁾. Боккаччо, близко стоявшій къ Аччяйоли и также прельщавшійся его блестящимъ образомъ, бросился впослѣдствіи въ другую крайность: его стала коробить литературная дружба безъ равенства, отмѣривавшая награды согласно похваламъ, и онъ обидѣлся въ одномъ изъ тѣхъ приливовъ самосознанія и гордости, которые на него находили. Аччяйоли и не могъ быть имъ доволенъ: онъ не былъ достаточно дворовымъ человѣкомъ, слишкомъ берегъ свое достоинство, свой покой (*tranquillitatum sectator*). Другое дѣло — Заноби да Страда, флорентійскій грамматикъ и поэтъ, тихій и ласковый, котораго Аччяйоли къ себѣ приблизилъ; къ нему онъ ощутилъ даже дружбу, которую не воспиталъ въ себѣ по отношенію къ обидчивому, угловатому Боккаччо.

Именно для характеристики Боккаччо, какъ и для пониманія эпохи, важно было подробнѣе познакомиться съ Аччяйоли. И тотъ и другой — талантливые проходимцы, вышли изъ торговой |
59 конторы и выработались — одинъ въ государственнаго дѣятеля, другой — въ поэта и ученаго; и тотъ и другой — показательные типы новой эпохи. Правда, Аччяйоли помогли его средства, вліяніе

1) Сл. XXVIII и XXIX письма Нелли у Cochin, I. c., стр. 286 и 296, и письмо Аччяйоли выше стр. 59, прим. 2.

2) Fam., XI, 13; Epist. poet., III, 14.

3) Fam., XXII, 6.

4) Fam., XXIII, 18.

его дома и положеніе отца, но слѣдуетъ принять во вниманіе условія флорентійской колонизаціи Неаполя и ту особенность итальянскаго развитія, что культурный раздѣлъ классовъ и тогда и позже ощущался тамъ менѣе рѣзко, чѣмъ гдѣ-либо, и ихъ общенію не представлялось большихъ преградъ. Такимъ-то образомъ сынъ небогатаго купца, Боккаччо, проникъ, еще юношей, ко двору короля Роберта ¹⁾, въ близко стоявшія къ нему общественныя и научныя сферы, гдѣ его руководителемъ могъ быть Аччяйюли, и его наблюденія обняли всю неаполитанскую жизнь — отъ народнаго квартала до элегантнаго салона, гдѣ царили красавицы, поименно описанныя имъ въ юношеской бездѣлкѣ «Діапиной Охотѣ» (*La caccia di Diana*), — и до помпы общественныхъ празднествъ. Ихъ онъ описываетъ такъ же реально, какъ бытовой типъ, подмѣченный въ улицѣ Мальпертуджіо, лишь болѣе торжественно и риторично, съ увлеченіемъ новичка, передъ которымъ нежданно открылась поэзія жизни, и онъ самъ въ ней участвуетъ.

Съ нимъ вмѣстѣ участвуемъ и мы: присутствуемъ на брачномъ пирѣ, когда послѣ свадебнаго стола начинаются танцы подъ звуки музыки либо пѣсни, и молодые люди толпятся вокругъ отдыхающихъ дамъ, которыя бесѣдуютъ о любви. Боккаччо, видимо, знакомъ съ обрядовымъ обиходомъ: вдовьи браки надо совершать ночью, пишетъ онъ много лѣтъ спустя Магинарду деи Кавальканти по поводу его свадьбы. — Съ любовью изображаетъ онъ турниры, пришлый обычай, обновленный французскимъ вліяніемъ, но утерявшій въ неаполитанской средѣ свое серьезное значеніе: любовались не силой, а ловкостью, красотой формъ и одежды. Игра продолжала быть небезопасной: Петрарка изрекъ ей проклятіе, когда на одномъ неаполитанскомъ | турнирѣ палъ 60 прекрасный юноша; такими глупостями не занимались ни Сципіонъ, ни Цезарь, писалъ онъ Уго, маркизу д'Эсте ²⁾. Въ Боккаччо, наоборотъ, онѣ вызывали рядъ античныхъ воспоминаній:

1) De Cas. Vir. illustr., IX, 26.

2) Fam., V, 4; Sen., XI, 13.

весною, когда обновляется природа и — пламя въ молодыхъ сердцахъ, неаполитанскія красавицы собираются въ лоджіяхъ, посмотрѣть на военную игру, точно снохи Пріама, когда съ другими принаряженными фригійскими женами онѣ пришли привѣтствовать свекра. Къ вечеру, когда слабѣютъ солнечные лучи, являются достохвальные правители Авзонійскаго царства; полюбовавшись на дамъ и ихъ танцы, они удаляются, съ ними и всѣ молодые люди, но чтобы вернуться въ иныхъ роскошныхъ одеждахъ, съ вѣнками и золотыми обручами на головѣ, готовые къ игрѣ. Такого блеска и великолѣпія не довелось описать ни Гомеру, ни Виргилію: здѣсь и Асканій и Деифобъ, Иракль и Ахиллъ, и свирѣпый Пирръ, и бѣлокурый Парисъ. Нѣсколько разъ объѣхавъ тихимъ шагомъ площадь, чтобы показаться народу, они принимаются за ристаніе: прямо держась въ стременихъ, закрываясь легкими щитами, съ копьями, обращенными остриемъ къ землѣ, они мчатся по аренѣ, точно вѣтеръ, тогда какъ воздухъ полонъ кликомъ народа, бряцаньемъ бубенцовъ, звуками музыки и звяканьемъ сбруи, и похвалы достаются тому, чье копье держится остриемъ ближе къ землѣ, кто лучше укрылся щитомъ и прямѣе сидитъ на конѣ. — Это не турниръ въ собственномъ смыслѣ слова, а нѣчто въ родѣ древнихъ майскихъ празднествъ, принявшихъ оболочку рыцарства.

Любимымъ центромъ неаполитанскихъ удовольствій былъ Байскій берегъ, привлекавшій еще римлянъ поэзіей своего пейзажа, цѣлебными источниками и свободой наслажденій. Боккаччо, какъ въ послѣдствіи Понтанъ¹⁾, воспѣвалъ и описывалъ его не разъ, въ сонетахъ, въ географическомъ трактатѣ (*De montibus*) и психологическомъ романѣ *Fiammetta*²⁾. Его влекла сюда и
61 живая декорація древности, древней и вмѣстѣ «новой для современныхъ душъ», — и, болѣе того, воспоминанія о личномъ счастьѣ. Здѣсь гробница великаго Мизена, открывающая путь въ цар-

1) *Hendecasyllabi l. I: ad Actium Syncerum.*

2) *Fiammetta, V, стр. 91 слѣд, 106—7.*

ство Плутона, оракуль Кумской Сивиллы, Авернское озеро, остатки Нероновскихъ сооруженій и развалины храма, посвященнаго, говорятъ, Венерѣ. Она властвуетъ попрежнему, потому что, продолжаетъ Боккаччо, парафразируя стихи Овидія ¹⁾, «хотя здѣсь и врачуются тѣлесныя недуги, но рѣдко, или почти никогда не случилось, чтобы кто-нибудь, отправившійся туда душевно-здоровымъ, вернулся здоровый духомъ, не то чтобы больныя уврачевались». Какая бы то ни была тому причина: близость ли моря, откуда вышла Венера, или вліяніе весенней поры, когда преимущественно посѣщаютъ Байи, изысканная ли пища и старыя вина, способныя оживить мертвеца, только тамъ и почтенныя женщины, отложивъ на время стыдливость, позволяютъ себѣ больше, чѣмъ прилично было бы въ иномъ мѣстѣ. Все отдано забавѣ и развлеченіямъ: охотятся за птицей, ловятъ рыбу, пируютъ на берегу въ тѣни утесовъ, либо выѣзжаютъ въ море, съ пѣснями и музыкой, останавливаясь у всякой скалы и пещеры, пока не пристанутъ къ какому-нибудь излюбленному мѣсту. Тамъ уже все полно народомъ: гдѣ только есть возможность укрыться отъ лучей солнца, сидятъ кружками, завтракаютъ, переходя изъ одной группы къ другой, приглашая раздѣлить веселье. Послѣ завтрака — пляски и пѣсни; обратный путь — съ такими же остановками и встрѣчами: красивыя дѣвушки, босыя, съ обнаженными руками, въ шелковыхъ костюмахъ, бродятъ въ водѣ, отрывая отъ морскихъ скалъ раковины, и молодые люди заглядываются на ихъ прелести. «Здѣсь сердца отверсты и свободны, и таковы тому причины, что едва ли возможно не сдѣлать того, о чемъ попросятъ»; «время проходитъ большею частью въ бездѣльи, и если проходитъ въ чемъ-либо, то въ разговорахъ о любви, женщинъ промежь себя, либо въ | обществѣ молодыхъ 62 людей», — какъ въ 6-й новеллѣ третьяго дня Декамерона ²⁾).

1) *Ars Amatoria*, I, 259.

2) Съ описаніемъ Боккаччо любопытно сличить *Senecae Epist. LI: Nos utcumque possumus contenti sumus Baiis...: locum ob hoc devitandum, cum habeat quasdam naturales dotes quia sibi illum celebrandum luxuria desumpsit...*

Въ Филоколо и Декамеронѣ Боккаччо знакомитъ насъ съ содержаніемъ этихъ бесѣдъ, крайне характерныхъ, какъ для міросозерпанія того общества, среди котораго онъ провелъ свою молодость, и сложились его взгляды, такъ и для вопроса о вліяніи французской культуры на итальянскую.

Въ Провансѣ и Франціи рыцарскій бытъ создалъ рядъ отношеній между полами, сомнительныхъ съ точки зрѣнія церковнаго и традиціоннаго брака, но получившихъ въ практикѣ жизни значеніе упрочившагося факта и право на признаніе. Самое появленіе этихъ отношеній указываетъ на то, что родовой и дѣловой бракъ, державшійся въ обществѣ, не удовлетворялъ болѣе въ развитыхъ его слояхъ требованіямъ чувства. Новыя отношенія сложились въ господствовавшихъ формахъ феодализма, прочныхъ, но болѣе свободныхъ, чѣмъ освященныя Церковью брачныя узы: настоящей любви не можетъ быть между супругами, ибо они отдаются другъ другу въ законѣ, тогда какъ любящіе связаны взаимнымъ одолженіемъ¹⁾. Рыцарскіе поэты всегда пылаютъ къ женѣ другого, она — сюзерень его помысловъ, онъ — ея вассаль, служащій ей преданно и беззавѣтно; сюзерень требовалъ вѣрности, которая скрѣплялась клятвой и поцѣлуемъ, символическимъ брадомъ, напоминавшимъ брачный; вассаль робко ждалъ себѣ | наградъ; связь покоилась на довѣріи, на оберегѣ чувства отъ законнаго надзора и непрошеннаго соглядатая; чѣмъ рѣже такія отношенія могли доходить до естественной развязки, всегда, обставленной опасеніями, тѣмъ болѣе въ нихъ преобладалъ мо-

Illic sibi plurimum luxuria permittit: illic, tamquam aliqua licentia debeatur loco magis solvitur. . . Videre ebrios per litora errantes, et commensationes navigantium, et symphoniarum cantibus perstreptentes lacus, et alia, quae velut soluta legibus luxuria non tantum peccat, sed publicat, quid meum est?

1) Сл. Andreae Capellani regii Francorum De Amore libri tres, rec. Trojel (Havniae 1892), lib. I, cap. VI, стр. 141 слѣд.; 153: amorem non posse suas inter duos jugales extendere vires. Nam amantes sibi invicem gratis omnia largiuntur nullius necessitatis ratione cogente. Jugales vero mutuis tenentur ex debito voluntatibus obedire et in nullo se ipsos sibi invicem denegare. Сл. ib. стр. 172 и lib. II, cap. VII, jud. IX, стр. 280—1, jud. XVII, стр. 290; Ov. Art. Am., II, 157—8: Non legis jussu lectum venistis in unum; Fungitur in vobis munere legis amor.

особые казуисты любви и попытки обосновать логически нелегальные отношенія. Такимъ казуистомъ былъ въ концѣ XII-го вѣка нѣкій капелланъ Андрей: въ своемъ латинскомъ трактатѣ о Любви онъ разсказалъ намъ, между прочимъ, о бесѣдахъ и преніяхъ по любовнымъ вопросамъ, поднимавшимся въ обществѣ виконтессы нарбонской Эрменгарды, Аліэноры, разведенной королевы французской, впоследствии—англійской, и Маріи Шампанской; но живую салонную болтовню, или и серьезные разговоры, нравственно обязывавшіе своимъ рѣшеніемъ заинтересованныя лица, онъ представилъ схоластически подъ видомъ суда и судоговоренія; судьи—дамы. За вычетомъ этой формы, подсказанной аллегорическими представленіями о дворѣ, судилищѣ Амура, и въ свою очередь создавшей въ исторіи литературы миѳъ о настоящихъ «судилищахъ любви», съ ихъ особой юрисдикціей и исполненіемъ нравственной кары надъ виновными, остается самое содержаніе бесѣдъ, постановка вопросовъ и вызванныя ими рѣшенія¹⁾. Различается, напр., чистая любовь (*purus amor*), ограничивающаяся умственнымъ созерцаніемъ и сердечной привязанностью, доходящая до объятія и поцѣлуя и осязанія голаго тѣла, — и любовь, смѣшанная (*mixtus amor*) съ тѣлесной похотью, недолговѣчная²⁾. Крестьяне способны лишь къ послѣдней, ихъ не слѣдуетъ обучать таинствамъ высшей любви, ибо это дѣло имъ несвойственное, они влекутся къ Венерѣ не иначе, какъ лошадь или мулъ; къ тому же, если бы посвящать ихъ въ тѣ таинства, поля остались бы невоздѣланными за недостаткомъ работниковъ³⁾. Интересно отмѣтить эту сословную исключительность въ вопросѣ чувства, не знавшаго отличія кастъ, какъ то утверждаетъ самъ Андрей⁴⁾, и на практикѣ постоянно смѣшивавшаго границы духа

1) Новѣйшую литературу о «судилищахъ любви» сл. у Crescini, *Per la quistione delle corti d'amore* (Padova, 1891); повторено въ его же: *Per gli studi Romanzi. Saggi ed Appunti*. Padova, 1892.

2) Andr. Capell., l. c., l. I, cap. VI, стр. 182 слѣд.

3) l. c., lib. I, c. XI, стр. 235—6.

4) l. c., lib. I, c. VI, стр. 17—18, 23—5, 37—8, 45, 47, 51, 53 слѣд., 59, 61, 113, 179.

и плоти. Дѣло въ томъ, что новая эволюція любви совершалась въ средѣ интеллигентной аристократіи, облакалась въ ея бытовья формы; онѣ же давали и матерьялъ для фиктивныхъ приговоровъ. Ставилось, напр., такое положеніе: рыцарь, любящій нѣкую даму, прибѣгаетъ къ посредству пріятеля, имѣющаго къ ней болѣе доступа, чѣмъ онъ, а пріятель, пользуясь случаемъ, самъ ищетъ любви дамы, которая и склоняется на его просьбы. Рѣшили: предоставить обоимъ предателямъ мирно наслаждаться плодами своей измѣны, но исключить ихъ изъ любви кого бы то ни было другого и не принимать въ общество рыцарей и дамъ, его, какъ проступившагося противъ рыцарскаго слова, ее—противъ чести дамъ. Подобное рѣшеніе дается по поводу человѣка, открывшаго довѣренную ему тайну двухъ влюбленныхъ ¹⁾.

Вся эта теорія любви и выразившія ее лирическія формулы, усвоенныя поэтами сициліанской школы, нашли въ Италіи особое развитіе. Классическое преданіе дало здѣсь новую жизненность и реальныя краски для олицетворенія Амура; философія болонской школы углубила анализъ чувства, перенеся центръ тяжести съ діалектическихъ тонкостей на психологію, поставивъ вопросъ о «благоустроенномъ сердцѣ» (*cuor gentile*), какъ естественномъ сосудѣ любви; разборъ ея разнообразныхъ аффектовъ обогатилъ поэтическій языкъ новыми выраженіями, образными въ своей отвлеченности: «духи любви» отвѣтили на всѣ процессы впечатлѣнія, увлеченія, отчаянія, духи печальные и радостные, блѣдные и рдѣющіе стыдомъ. Таковъ языкъ флорентійской поэзіи «новаго стиля»; она предполагала и въ обществѣ соотвѣтствующій интересъ къ вопросамъ любви. И здѣсь въ модѣ форма тенцоны: 66 Гвидо Кавальканти поетъ о природѣ любви въ отвѣтъ Гвидо Орланди; такова тема и перваго стихотворенія, съ которымъ Данте обращается къ другимъ итальянскимъ поэтамъ; Франческо да Барберино толкуетъ объ Амурѣ съ фра Амьери и въ

1) l. c., lib. II, cap. VII, jud. XVI (стр. 288—9), и XVIII (стр. 290—1).

18-мъ отдѣлѣ своего *Del Reggimento* наставляеть дамъ въ нѣкоторыхъ любовныхъ вопросахъ, которые имъ подобаеть знать.

Такіе же разговоры и тотъ же интересъ къ теоріи любви засталъ Боккаччо въ неаполитанскихъ салонахъ 30-хъ годовъ XIV вѣка. Онъ говоритъ о нихъ въ посвященномъ письмѣ къ своему Филострато, а въ одномъ эпизодѣ Филоколо, прототипѣ Декамерона, выводитъ передъ нами цѣлое общество мужчинъ и женщинъ, расположившихся въ саду у источника, въ тѣни деревьевъ, укрывающихъ ихъ отъ полуденнаго зноя. Бесѣда идетъ о любви, нерѣдко по поводу какого-нибудь разсказа; председательствуетъ и рѣшаетъ Фьямметта. Первый вопросъ—шутливый: за одной дѣвушкой ухаживаютъ двое; снявъ вѣнокъ съ головы одного изъ нихъ, она возлагаетъ его на себя, а свой надѣваетъ на другого. Кому она выразила болѣе любви? Последнему, ибо болѣе любятъ того, кому что-нибудь даруютъ, чѣмъ того, у кого что-либо берутъ. Это сюжетъ, напоминающій *jos partit Savaris'a de Mauleo* и одинъ анонимный итальянскій сонетъ, тенпону Адриана и Антонио изъ Пизы—и сходный мотивъ у Ямвлиха: трое соискателей ухаживаютъ за Месопотаміей, основывая свои права на заслугахъ и знакахъ любви, полученныхъ ими отъ дѣвушки: одному она подарила кубокъ, изъ котораго обыкновенно пила, на другого возложила свой вѣнокъ, третьяго поцѣловала. Бахоръ, хорошій судья любовныхъ распрей, рѣшаетъ въ пользу послѣдняго ¹⁾. — Второй вопросъ: кто несчастнѣе — та ли, которая насладилась своею любовью, и чей милый живетъ въ изгнаніи, или

67 та, | которая не насладилась потому, что разныя препятствія дер-

1) Сл. *Selbach*, *Das Streitgedicht in der prov. Lyrik*, Marburg, 1886, стр. 81; *Greif* въ *Zs. für vergl. Litteraturgeschichte u. Renaissance-Litteratur*, N. F., I B., стр. 291—3; *Bolte* въ *Vierteljahrsschrift f. Literaturgeschichte*, II, стр. 575 слѣд.— * Ein Bild zu *Thomasin v. Circlaire's* *Welschem Gast* stellt ein Weib, das in Mitten dreier Männer, deren einen sie freundlich anblickt, den andern bei der Hand ergreift, den dritten auf den Fuss tritt (*Wackernagel*, *Altfranz. Lieder u. Leiche*, Basel, 1846, 239). Сл. *Böckel*, *Deutsche Volkslieder aus Ober-Hessen*, Marb., 1885, р. XLVII; *Rich. M. Meyer*, *Alte deutsche Volksliedchen*, *Zs. f. d. Alterth.*, XXIX, стр. 234—5.

жаты ея вдали отъ любимаго челоуѣка? ¹⁾ — Несчастіе первал, ибо ея постоянно должна мучить память о быломъ счастьѣ. — Чья любовь предпочтительнѣе: дѣвушки, замуженей женщины или вдовы? (вопросъ IX). Фьялметта рѣшаетъ въ пользу вдовы, какъ Пуччи въ отвѣтномъ сонетѣ къ Боккаччо ²⁾ и Жиро Рикье въ тенционѣ съ Гильемъ Реще ³⁾. — Или ставится вопросъ (III): кого предпочесть въ любви: храбраго, обходительнаго и щедраго — или мудраго? Побѣда остается за мудрымъ, какъ въ *Consilium Romaricimontis*, въ *Altercatio Phyllidis et Flogae* и ихъ французскихъ подражаніяхъ преимущество отдано клерку передъ рыцаремъ ⁴⁾. То же прогивоположеніе мудраго, любезнаго и щедраго — храброму и именитому, и въ томъ же вопросѣ о выборѣ, даетъ содержаніе тенционамъ Рустико да Филиппо (либо *Palamidesse Berlendote*) ⁵⁾ и провансальцевъ ⁶⁾, тогда какъ сонетъ Кьяро Даванцати ⁷⁾ вводитъ насъ всецѣло въ отношенія, среди которыхъ сложился кодексъ Андрея Камеллана. Поэтъ завѣряетъ свою даму въ неизмѣнной преданности звѣздѣ своего сердца, она отвѣчаетъ его любви, но говоритъ, что теперь ему слѣдовало бы измѣнить свои привязанности и отдаться другой. Оказывается, что оба связаны — бракомъ; тѣмъ не менѣе бесѣда продолжается, и поэтъ убѣждаетъ свою даму дозволить ему любить ея попрежнему, ибо, прежде чѣмъ вступить въ брачную связь, онъ у нея же попросилъ на то дозволенія. Пожемалившись и заявивъ о своемъ

1) *Сл. *Hist. litt. de la France*, XXIII, p. 599 (дѣйствующія лица: Thibaut, comte de Champagne et roi de Navarre, и Raoul de Soissons, roi de Chypre): qu'aimeriez vous mieux, posséder votre dame sans la voir ni lui parler, ou avoir toute liberté de la voir et de lui parler, sans la posséder jamais?»

2) Сл. *Восс.*, Rime, № 101.

3) *Rev. des langues romanes*, t. XXXII, стр. 116—117; сл. Guido Cavalcanti, ed. Ercole, Livorno, 1885, стр. 58—9, и Knobloch, *Die Streitgedichte im Prov. und Altfranz.*, Breslau, 1886 стр. 47, 68.

4) Сл. еще *Andr. Cap.*, l. c., lib. I, c. VI, стр. 189.

5) О тенционахъ Adriano и Antonio da Pisa и Palamidesse Berlendote (либо Rustico da Filippo) сл. Gaspary въ *Literaturblatt f. germ. u. rom. Philol.*, 1885, p. 74. Сл. *Canzonette antiche pubblicate da Edoardo Alvisi*, Firenze, 1884, p. 42—44.

6) Knobloch, l. c., 69.

7) Между 1360 и 1280-мъ гг.

намѣреніи соблюсти вѣрность своему мужу, дама изъявляетъ о |
68 своемъ согласіи, допуская даже, что ихъ тайная любовь можетъ
быть порой увѣнчана — счастьемъ ¹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти любовныя бесѣды сложились подъ впечатлѣніемъ салонной моды, занесенной изъ Франціи, но въ Неаполѣ онѣ нашли почву, готовую къ ихъ воспріятію, какъ рыцарскія ристанія, описанныя Боккаччо, вошли въ колею майскихъ празднествъ. Если во Франціи рыцарскій идеаль любви опредѣлялся отчасти недочетами традиціоннаго брака, то въ Италіи эти отрицательныя условія должны были существовать въ болѣе рѣзкихъ формахъ. Особенно на югѣ скрещиваніе разныхъ культуръ, латинской, византійской и арабской, должно было необходимо повести къ взаимному ослабленію унаслѣдованныхъ нравственныхъ понятій, и не въ кругу лишь семьи; съ другой стороны, антицерковное движеніе XIII вѣка, во главѣ котораго сталъ Фридрихъ II, умалило сдерживающее значеніе Церкви и ея морали. И здѣсь началось разложеніе бытовой семьи, и не французскимъ вліяніемъ объясняется распушенность байскихъ правовъ; это — наслѣдіе Рима и императорскаго гарема въ Луцерѣ; въ XIV-мъ вѣкѣ Антоніо Пуччи жалуется на тлетворное вліяніе рабынь, которыхъ привозили съ Востока итальянскіе купцы. И здѣсь въ высшихъ классахъ, болѣе культурныхъ и нервно пожившихъ, чѣмъ соотвѣтствующіе во Франціи, долженъ былъ явиться спросъ на отношенія, которыя удовлетворили бы требованіямъ личности, рыцарскій амурный идеаль отвѣтилъ имъ, но и самъ вошелъ въ эволюцію новой среды. Этотъ идеаль былъ несомнѣннымъ прогрессомъ въ исторіи личнаго чувства и самосознанія, но на первыхъ порахъ прогрессомъ одностороннимъ. Его сложили мужьяны — не женщины; этого не слѣдуетъ забы-

1) Сл. Andr. Cap., l. c., lib. II, c. VII, jud. VIII, стр. 280: Quum domina quaedam satis idoneo copularetur amori, honorabili postmodum conjugio sociatur et suum coamantem subterfugit amare et solita sibi solatia negat. Эрменгарда рѣшаеть: Nova superveniens foederatio maritalis non recte priorem excludit amorem.

вать, когда говорятъ о женственномъ характерѣ среднихъ | вѣ- 69
 ковъ въ сравненіи съ эпохой Возрожденія; рыцарскіе поэты воз-
 величили любовь, какъ облагораживающее чувство, какъ жи-
 вительную силу, внушающую мужество, героизмъ подвига или
 самоотреченія; на далекихъ границахъ она сплывалась съ не-
 земною любовью, движущею небесами. Это идеальное пониманіе
 озаряло и женщину, его внушившую, но лишь условно: центръ
 тяжести лежалъ въ новой цѣнности, какую получало чувство для
 того, кто его ощутилъ. Женщина можетъ, не сдѣлавъ ничего
 замѣчательнаго, быть поводомъ мужчинѣ совершить, благодаря
 ей, великія и достойныя памяти дѣла, говоритъ Боккаччо въ
 одномъ изъ своихъ позднихъ произведеній¹⁾; она можетъ быть
 ниже внушеннаго ею чувства, или, безсознательно зародивъ его,
 обмануть, и, тогда какъ одухотворяющая сила любви превозно-
 сится до небесъ, ея орудіе топчется въ грязь. Оттого и въ эпоху
 платонизирующей рыцарской лирики, и у капеллана Андрея, и
 въ пору Возрожденія, не у одного лишь Боккаччо, это странное
 чередованіе идеализаціи и чувственности, диѳирамба любви и
 ожесточенія противъ женщинъ, подбирающаго къ нимъ всѣ
 оскорбительныя эпитеты средневѣкового ригористическаго по-
 ученія и условныя схемы восточныхъ сказокъ о злыхъ женахъ.
 Нѣтъ естественной середины, на которой могли бы успокоиться
 эти крайности: нѣтъ прочувствованнаго идеала семьи, въ немъ
 слишкомъ много долга и героизма, и слишкомъ мало мѣста для
 любви.

Для того, чтобы выйти изъ этой страдательной роли и отра-
 женнаго ореола, женщиныѣ надо было взять на себя инициативу
 всей той мысленной работы, которая привела мужчину къ поста-
 новкѣ новыхъ требованій, и не только имъ подчиниться, но и
 самостоятельно ихъ заявить. Надо было научиться мыслить и
 говорить, сумѣть защитить свои положенія, отвести нападки, не
 ища, но и не опасаясь откровенностей, знать цѣну остраго слова

1) De Claris Mulieribus, введеніе.

70 и шутки, этой необходимой принадлежности культурной | итальянской бесѣды, теорію которой далъ Петрарка, въ XV-мъ вѣкѣ — Понтанъ. Такія женщины не постоятъ за словомъ, въ границахъ, указанныхъ приличіемъ, и вообще умѣютъ разсуждать: *ben parlante* называлъ ихъ Боккаччо; для нихъ и написаны его «сто новеллъ», не для тѣхъ, кто удовлетворяется иглой, веретенномъ и мотовиломъ»¹⁾, кто рядится, полагая, что чѣмъ пестрѣе на ней платье, и чѣмъ больше на немъ полосъ и украшеній, тѣмъ болѣе ее слѣдуетъ почитать, «не помышляя о томъ, что если бѣ нашелся кто-нибудь, кто бы все это навьючилъ или навѣсилъ на осла, осель могъ бы снести гораздо большую ношу, чѣмъ любая изъ нихъ, и что за это его сочли бы не болѣе, какъ осломъ». «Такъ разукрашенныя, подкрашенныя, пестро одѣтыя, онѣ стоятъ, словно мраморныя статуи, нѣмыя и безчувственныя, и такъ отвѣчаютъ, когда ихъ спросятъ, что лучше было бы, если бы онѣ промолчали; а онѣ увѣряютъ себя, что ихъ неумѣніе вести бесѣду въ обществѣ женщинъ и достойныхъ мужчинъ исходитъ отъ чистоты духа, и свою глупость называютъ скромностью, какъ будто та женщина и честна, которая говоритъ лишь со служанкой или прачкой или своей булочницей; вѣдь если бѣ природа того хотѣла, какъ онѣ въ томъ увѣряютъ себя, другимъ бы снособомъ ограничила ихъ болтливость»²⁾. Эти простушки могутъ пасть по темпераменту и покаяться не въ глубокомъ сознаніи вины, а въ сознаніи проступка передъ ходячимъ кодексомъ нравственности; ни одна изъ нихъ не могла бы повести рѣчи Гисмонды, когда, отдавшись въ любви Гвискардо, доблестному, но худородному служителю ея отца, салернскаго принца Танкреда, она, во всемъ признаваясь, желаетъ «дѣйствительными доводами защитить свою честь». Да, я пала, говоритъ она отцу, но употребила всѣ старанія, «чтобы изъ того грѣха, къ которому увлекала меня природа, не вышло позора ни тебѣ, ни мнѣ»; Гви-

1) Декамеронъ, введеніе.

2) Декамеронъ, I, 10; сл. VI, 1.

скардо я выбрала не случайно, а «съ разумнымъ расчетомъ». 71 Онъ, говоришь ты, человѣкъ низкаго происхожденія, но развѣ это недостатокъ? спрашиваетъ она, защищая принципъ безословной любви: ты «коришь не мой грѣхъ, а грѣхъ фортуны, очень часто возвышающей недостойныхъ и оставляющей внизу достойнѣйшихъ». Вѣдь ты знаешь, «что у всѣхъ насъ плоть отъ одного и того же плотскаго вещества, и что всѣ души созданы однимъ Творцомъ съ одинаковыми свойствами, одинаковыми качествами. Лишь добродѣтель впервые различила насъ, рождавшихся и рождающихся одинаковыми, и тѣ, у которыхъ ея было больше, и они въ ней были дѣятельнѣе, были названы благородными, а остальные остались неблагородными. И хотя противоположный обычай прикрылъ внослѣдствіи этотъ законъ, онъ еще не уничтоженъ и не искорененъ ни изъ природы, ни изъ добрыхъ нравовъ; потому, кто поступаетъ добродѣтельно, открыто заявляетъ себя благороднымъ, и если называютъ его иначе, то виновенъ въ этомъ не названный, а тотъ, кто называетъ». Ты говоришь, что онъ бѣднякъ, «по бѣдность ни у кого не отнимаетъ благородства, а только достоиніе. Много королей, много великихъ властителей были бѣдняками, и многіе изъ тѣхъ, которые копаютъ землю и пасутъ овецъ, были и пребываютъ богачами». И она проситъ отца обратить свою жестокость на нее, какъ на первую причину проступка, ужъ «если допустить проступокъ», и, узнавъ о гибели милаго, сама убиваетъ себя, дабы «дѣломъ мужественно выразить величіе своего духа»¹⁾.

Такія женщины почерпаютъ свою энергію не въ одномъ только темпераментѣ, а и въ сознаніи своей индивидуальности, въ образовательномъ цензѣ, выдвинувшемъ ихъ изъ толпы и освобождавшемъ изъ узъ преданія. Это обходилось не безъ крайностей и нравственныхъ излишествъ, ибо сдерживающая сила принципа была еще впереди, къ нему еще направлялось дви-

1) Декамеронъ, IV, 1.

женіе. Данте иронически относится къ вѣтренной Гаѣ ¹⁾, презрительно — къ распущенности Чангеллы, о которой такъ потѣшно рассказываетъ Боккаччо и Бенвенуто изъ Имолы ²⁾. Но крайности выработаются въ болѣе самосознательный типъ передовой женщины XVI вѣка; платонизирующія бесѣды о вопросахъ любви обратятся тогда въ пустую моду, феррарскія дамы будутъ засыпать подъ ихъ журчанье, и флорентійскій посланникъ расскажетъ намъ, что Альфонсу II приходилось будить невнимательныхъ слушательницъ.

Боккаччо былъ самъ участникомъ этого культурнаго движенія въ его началахъ, въ періодъ новообразованій; что онъ изъ него обобщилъ и усвоилъ, то отложится позднѣе въ типахъ и этическихъ взглядахъ его Декамерона; пока онъ заноситъ пережитое въ «книгу своей памяти», гдѣ на первыхъ страницахъ стоитъ имя его Фьямметты-Маріи.

1) *Purg.*, XVI, 141; сл. *Benv. da Imola*, *Comm.* III, 451.—*Сл. *Rajna*, *Gaia da Camino* въ *Arch. stor. ital.*, ser. V, t. IX (1892), p. 291 слѣд.; *Biscaro*, *Dante e Gaia da Camino* въ *Gazetta di Treviso*, anno XV, № 282 (Treviso, 1898), и отчетъ *Novati* въ *Giorn. stor. d. lett. ital.*, fasc. 98—99, стр. 429 слѣд.

2) *Corbaccio*; *Benv. da Imola*, l. c., V, 147.

II.

НЕАПОЛЬ, НАУКА И ЛЮБОВЬ, ЮНОШЕСКАЯ ЛИРИКА И ФИЛОСТРАТО.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
PHYSICS DEPARTMENT

I.

Боккаччо такъ рассказываетъ, въ одномъ эпизодѣ своего 75 перваго романа (Филоколо), отъ имени пастуха Идалага, содержащія своей неаполитанской жизни: ребенкомъ онъ слѣдовалъ путями отца-пастуха (былъ въ наукѣ у купца), но когда окрѣпло въ немъ врожденное ему благородство духа, онъ, покинувъ низменные холмы, потщился воззойти трудными тропами къ болѣе высокимъ предметамъ, но по неосторожности впалъ въ сѣти Амура, изъ которыхъ никогда не могъ выпутаться ¹⁾. Какіе это высокіе предметы — это объясняется изъ слѣдующихъ подробностей того же эпизода: покинувъ отцовскія поля (Флоренцію), Идалагъ явился въ эти лѣсныя сѣни (Неаполь), чтобы продолжать дѣло, которому научился (торговое); здѣсь, пребывая съ почтеннымъ пастухомъ Кальметой, которому вѣдома была сущность почти всѣхъ вещей, онъ внималъ, когда, подъ звуки свирѣли, тотъ поучалъ его измѣненіямъ и движеніямъ луны, почему она то теряетъ, то обновляетъ свой свѣтъ, порой замедляется въ своемъ эпициклѣ, плыветъ то быстрѣе, то ровнѣе. Его грубый умъ увлекается этими наставленіями, и онъ усваиваетъ ихъ, не какъ арабъ въ пустынѣ, а пристальнымъ изученіемъ. Ставъ опытнымъ въ этомъ дѣлѣ, онъ разстался съ пастушеской жизнью и весь отдался Палладѣ; одиночество лѣса облегчало ему слѣдованіе по ея труднымъ стезямъ; онъ сторожится стрѣлъ Амура и все-таки становится жертвой «коварнаго стрѣлка» ²⁾.

1) Filocolo, v. II, стр. 238.

2) I. с., стр. 243, 246 слѣд.

видѣть судьбу. Боккаччо остался вѣренъ звѣздамъ, какъ и его Фьямметта ¹⁾): онъ развиваетъ это ученіе въ Генеалогіяхъ Боговъ ²⁾) и еще въ послѣднемъ трудѣ, чтеніяхъ о Божественной Комедіи, готовъ спасти принципъ астрологіи— осуждая астрологовъ. Если въ этомъ вопросѣ Петрарка представляется намъ большимъ рационалистомъ, то въ Боккаччо отразился общій типъ людей Возрожденія, среди которыхъ увлеченіе астрологіей отвѣтило спросамъ крѣпнущаго самосознанія. Личность развилась, и чѣмъ сильнѣе ощущалась ея цѣнность, тѣмъ страстнѣе было желаніе увѣренности, опредѣленія: если пути промысла неисповѣдимы, то многое вѣщаютъ звѣзды. Соединилось несоединимое: въ королѣ Робертѣ богословъ уживался съ астрологомъ; Чино изъ Пистойи проситъ Чекко д'Асколи открыть ему, какія созвѣздія ему благоприятны, какія — враждебны, — ибо «отъ ихъ суда не уйти»; личность, отважно вышедшая искать своей доли, встрѣтилась съ желѣзной стѣной фатализма; изъ противорѣчій свободы и рока выплывались софизмомъ, что мудрый даетъ законы свѣтиламъ ³⁾). Вопросъ о судьбѣ, о fortunѣ, со времени Боэція—одно изъ любимыхъ общихъ мѣстъ средневѣковой поэзіи, историческихъ «сѣтованій» (*lamenti*) ⁴⁾) и поэмъ Генриха изъ Сеттимелло и Генриха Миланскаго, сталъ теперь очереднымъ: о немъ толкуютъ Чекко деи Росси и Заноби да Страда; Томмазо дель Гарбо, флорентійскій медикъ ⁵⁾), и поэтъ Браччо Браччи обращаются къ Петраркѣ съ просьбой разъяснить имъ, что такое fortuna; о томъ же спрашиваетъ его дофинъ за столомъ французскаго короля, и Петрарка отдѣливается общими мѣстами ⁶⁾); иные дни Декамерона сами собой распредѣляются по категоріямъ счастливой или несчастной судьбы; въ трактатѣ о Роковой участи великихъ

1) *Fiammetta*, стр. 62.

2) *Gen. Deor.*, I, 10; III, 22; IX, 4.

3) *Sen.*, III, 1.

4) Сл. А. Медин, *Ballata alla Fortuna*, въ *Propugnatore*, N. S., v. II, fasc. 7—8, стр. 101 слѣд.

5) *Sen.*, VIII, 3.

6) *Fam.*, XXII, 13.

78 людей | чудовищный образъ Фортуны врывается къ поэту и запрещаетъ ее злословить.

Всѣ эти вопросы могли предстать еще юношѣ Боккаччо въ его бесѣдѣ съ Андалоне; живымъ отзвукомъ такихъ бесѣдъ, интересовавшихъ, очевидно, и ученика и учителя, является апологъ о Фортунѣ, полушкольнаго, полународнаго содержания, и такого же назидательнаго характера, какъ апологъ Павла (или Петра) діакона, переданный Петраркой ¹⁾. Рассказываетъ Боккаччо: когда еще молодымъ человѣкомъ онъ слушалъ Андалоне, попалась однажды при чтеніи такая фраза: нечего обвинять звѣзды, когда несчастный самъ снискалъ себѣ недолю ²⁾. Какъ услышалъ это Андалоне, шутникъ, несмотря на лѣта (*festivus, esto longevus*), весело замѣтилъ: Это подтверждается древней хорошенькой притчей. Боккаччо попросилъ рассказать ее, и благодушный и сговорчивый Андалоне, подозвавъ нѣсколькихъ изъ своихъ именитыхъ слушателей, началъ такъ: встрѣтились однажды Фортуна (понятая здѣсь, какъ счастье, богатство) и Нищета, или лучше бѣдная Доля, но добровольная, по собственному побужденію отказавшаяся отъ благъ Фортуны, свободная отъ ея узъ, ликующая своей свободой «кормилица Рима»; встрѣтились и вступили въ перебранку и бой, въ которомъ первая побѣждена и покоряется условіямъ побѣдительницы.— Въ дальнѣйшемъ рассказѣ значеніе Фортуны мѣняется: это уже Судьба, въ услуженіи которой стоятъ образы, знакомые народной сказкѣ: счастливой и несчастной Доли (*Fortunium* и *Infortunium*). И вотъ Нищета требуетъ: пусть счастливая Доля ходитъ свободно по свѣту, куда пошлетъ ее Судьба, а несчастную прикуютъ цѣпями къ столбу, чтобы ей нельзя было тронуться съ мѣста, ни переступить чей-либо порогъ, — развѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, кто развяжетъ ея пути. Это — сказочный мотивъ: лихая доля привязывается 79 къ тому, кто освободитъ ее, закованную, запертую; | вмѣстѣ съ

1) Fam., III, 13.

2) *Non incusanda sydera sunt, cum sibi infortunium quaesierit oppressus.*

тѣмъ это и практическій, не логическій выходъ изъ идей фатализма: несчастная доля — въ рукахъ самого человѣка 1).

Такъ могъ рѣшати, въ благодушномъ противорѣчїи съ собою, старикъ Андалоне; прислушался ли къ нему Боккаччо? Его юношеское письмо къ анониму 2) надписано: враждебный судьбѣ; такая же подпись въ письмѣ къ Аччяйоли отъ 1341 года 3); «враждебной судьбѣ» зоветъ себя 4) и непризнанная мужемъ Джилетта изъ Нарбонны. «Fata peronizant in me», говорилъ когда-то Генрихъ изъ Сеттимелло, ему враждебна Фортуна, Rhamnusia 5); раннія письма Боккаччо полны жалобъ именно на Рамнузію. И позже онъ не выходитъ изъ противорѣчїи фатума и свободы: если Фьямметта влюбилась, то такова ея доля 6), Мессалина ищетъ себѣ извиненіе въ томъ, что родилась при роковомъ сочетанїи созвѣздіи 7); долю посылаютъ небеса 8), а вмѣстѣ съ тѣмъ человѣку вольно отдаться или нѣтъ всеильному Амуру 9). Такъ и въ введенїи къ притчѣ о Фортунѣ и Нищетѣ несчастные, оказывается, сами вызвали свою судьбу.

Въ Генеалогїяхъ Боговъ 10) Боккаччо упоминаетъ и другого человѣка, которому онъ многимъ былъ обязанъ въ первые годы своей неаполитанской жизни: съ 1332 года мы встрѣчаемъ при дворѣ, въ званїи клерика, нотарїуса канцелярїи и королевскаго бібліотекаря, Паоло изъ Перуджіи, игравшаго не послѣднюю роль въ ученомъ кружкѣ Роберта. Ранняя классическая начитанность Боккаччо, особливо по отдѣлу міеологіи, идетъ изъ | этого 80

1) De Cas., I, III, c. 1. *Притча Андалоне входитъ въ рядъ народныхъ преданїй о судьбѣ и долѣ. Сл. Разысканїя въ обл. р. дух. стиховъ, XIII и XXIII, стр. 181 слѣд.

2) Corazzini, стр. 457: Sacrae famis.

3) I. c., стр. 18; сл. Amor. Vis., XXX, 17, и Canzone IV.

4) Дек., III, 9.

5) De diversitate fortunae lib. I, v. 20; I, II, v. 133, 195. — *Сл. Rhamnusia у Адольфа.

6) Fiammetta, стр. 103.

7) De Cas., VII, 3; сл. Gen. Deor., IX, 4.

8) Fiammetta, стр. 152.

9) Ib., стр. 149.

10) Gen. Deor., XV, 6.

источника. «Если былъ, когда-либо, человѣкъ, съ такимъ увлеченіемъ разыскивавшій повсюду, по приказанію своего повелителя, рѣдкія сочиненія, историческія и поэтическія, — то это былъ онъ; человѣкъ степенный, уже немолодой, полный разнообразнаго знанія, . . . онъ написалъ громадный трудъ, названный имъ *Liber Collectaneum*, гдѣ, кромѣ многихъ другихъ свѣдѣній, относящихся къ разнымъ предметамъ, собрано было все, что можно было найти о языческихъ богахъ, не только у латинянъ, но и у грековъ, собрано, какъ я полагаю, при помощи Варлаама. «Въ то время, когда я съ нимъ познакомился, ему, помнится, не было равнаго въ такого рода занятіяхъ», вспоминаетъ Боккаччо. Онъ многое извлекъ изъ его энциклопедіи; онъ и самъ — такой же собиратель: его записная тетрадь представляетъ репертуаръ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній и помѣтокъ, и въ содержаніи классической древности его всегда привлекала фабула, новелла міа. Это — свойство таланта и, можетъ быть, печать учителя. Когда впослѣдствіи, приступивъ къ своимъ Генеалогіямъ Боговъ, Боккаччо вспомнилъ о комментаріяхъ своего наставника, ихъ не оказалось налицо: Паоло покинулъ дворъ еще до смерти Роберта (1343 г.), жилъ въ нуждѣ, обремененный семействомъ, пока королева Джьованна не утвердила за нимъ мѣста нотаріуса въ Тегга ді Лавого, доходами котораго онъ жилъ, имѣя тамъ замѣстителя. Онъ умеръ въ пору чумы 1348 года, а его жена, Біэлла, находясь въ стѣсненномъ положеніи, растеряла всѣ его сочиненія. Отъ него остался лишь комментарий къ сатирамъ Персія и небольшой генеалогическій перечень древнихъ боговъ и героевъ, очевидно, предназначенный для школьнаго обихода. Онъ можетъ дать понятіе о соответствующей части *Collectanea* Паоло, которыми Боккаччо пользовался, но съ выборомъ, порой предпочитая его толкованіе міа другимъ, нерѣдко расходясь съ нимъ, постоянно его цитую, кое-гдѣ ссылаясь и на источникъ его греческой мудрости, монаха Варлаама.

Зналъ ли онъ лично этого страннаго человѣка, предшественника захожихъ въ Италію византійскихъ ученыхъ XV-го вѣка, |

подвижного и заносчиваго, тщеславнаго, но талантливаго греко- 81
итальянца, показывавшаго среди грековъ презрѣніе къ визан-
тійской культурѣ и наукѣ¹⁾, а на Западѣ предъявлявшаго свидѣ-
тельства императоровъ, именитыхъ и ученыхъ людей, что уже
давно не было мужа столь замѣчательнаго и великаго знанія,
какъ онъ?

Съ легкой руки Петрарки и Боккаччо, Варлаамъ занялъ
мѣсто въ исторіи ранняго итальянскаго Возрожденія. Они ритори-
чно преувеличили его въ своихъ воспоминаніяхъ, а историки
литературы повѣрили имъ на слово. Его роль въ подъемѣ гума-
нистическихъ интересовъ придется сильно ограничить.

Бернардо, въ монашествѣ Варлаамъ, родился въ концѣ
XIII вѣка, въ греческой Калабріи, въ Семинарѣ, гдѣ въ сосѣд-
немъ монастырѣ св. Филарета воспитывался и принялъ постри-
женіе²⁾. Насколько онъ обязанъ своимъ образованіемъ мона-
стырской либо вообще итальянской школѣ, или школамъ Солуня,
гдѣ онъ жилъ раньше, чѣмъ въ 1327—8 году объявился въ
Константинополѣ, сказать трудно; упрекъ въ крайнемъ при-
страстіи итальянцевъ къ силлогизму, который имъ такъ же не-
обходимъ, какъ лопата копачу и весло плывущему, предъяв-
ляется и Варлааму его византійскими противниками; это и поле-
мическая выходка — и свидѣтельство вліянія западной схоласти-
ческой науки.

Пробывъ нѣкоторое время въ Солуни и на Афонѣ, гдѣ по-
знакомился съ господствовавшими тамъ мистическими теченіями,
онъ переѣхалъ въ Константинополь; здѣсь онъ тотчасъ же обра-
тилъ на себя вниманіе императора Андроника младшаго и его
родственника Іоанна Кантакузина. Онъ былъ ученъ и краснорѣ-
чивъ, быстро усвоивалъ и отлично излагалъ, превозносая своимъ
знаніемъ и, какъ говорили его противники³⁾, строя свою обще-

1) Nicephori Gregorae Byz. Hist., ed. Bonnac, 1829, I, p. 555.

2) Basilii caesariensis monachum, выражается о немъ Боккаччо, Gen. Deor., XV, 6.

3) Nic. Greg., l. c.

82 ственную репутацию на принижении и порицании другихъ. Кантакузинъ, вполнѣдствіи ему враждебный, былъ совершенно увлеченъ его «латинской ученостью»; ему, пришельцу, поручено было преподаваніе богословія и толкованіе учений св. Діонисія Ареопагита ¹⁾, а въ 1331 году онъ былъ сдѣланъ настоятелемъ монастыря Пандократора, одного изъ важныхъ въ Константинополь. Полный самомибінія, онъ вызвалъ на ученый споръ Никифора Григору, но былъ пораженъ и осмѣянъ. Такъ увѣряетъ его совопросникъ, добавляя, что именно эта неудача и побудила его искать славы на другомъ поприщѣ ²⁾, когда, удалившись въ Солунь, онъ поднялъ догматическій споръ, взволновавшій византійскую Церковь: о еретическихъ мудрованіяхъ аеонскихъ иноковъ — гезихастовъ касательно таинствъ созерцательной жизни и сердечной молитвы, въ защиту которыхъ выступилъ Григорій Палама ³⁾.

Между тѣмъ Варлаамъ, въ чести у императора, ведетъ бесѣду съ послами папы Іоанна XXII, бывшими въ Константинополь по вопросу о соединеніи Церквей, а въ 1339 году отправленъ вмѣстѣ съ Стефаномъ Дандоло къ королю Роберту, Филиппу IV и Бенедикту XII толковать о томъ же соединеніи и общихъ военныхъ мѣрахъ противъ турокъ, занявшихъ малую Азію. Переговоры ни къ чему не привели, взамѣнъ того они открыли Петраркѣ и Боккаччо новые горизонты знанія.

Въ Неанолѣ, гдѣ Варлаамъ былъ весною 1339 года, отправляясь въ Авиньонъ, и на обратномъ пути въ сентябрѣ, онъ познакомился съ ученымъ кружкомъ короля Роберта и вошелъ въ

1) I. с., стр. 922.

2) I. с., стр. 555—6.

3) *Прекрасную характеристику движенія гезихастовъ въ XIII—XIV вѣкахъ представляетъ житіе св. Григорія Синаита, недавно изданное проф. Помяловскимъ. О распрѣ варлаамитовъ съ паламитами въ связи съ современными имъ движеніями въ области философской мысли см. теперь Ф. Успенскаго, Очерки по исторіи византійской образованности (Спб., 1891), стр. 246 слѣд., и отчетъ г. Безобразова, Виз. Временникъ, III, вып. 1, стр. 135 слѣд. — Сл. Échos d'Orient, 5-e année (Sept. 1903), p. 353 слѣд.: J. Bois, Les débuts de la controverse hésychaste; онъ же *ibid.*, 6 année, № 38 (Janv. 1903), p. 50 слѣд. (Le synode hésychaste de 1341).

особую дружбу съ Паоло изъ Перуджіи, которому доставилъ свѣдѣнія и толкованія по греческимъ мѣстамъ изъ какихъ-то «греческихъ анналь» ¹⁾). И Паоло и Боккаччо позволяютъ себѣ кое-когда противорѣчить его показаніямъ, но полны уваженія къ | этому «человѣчку, маленькому ростомъ, но великому зна- 83 ніемъ» ²⁾), предъявлявшему на то царскія ручательства. «Ему ли не повѣрю я, особенно въ томъ, что касается Греціи? продолжаетъ Боккаччо. Я не видѣлъ ни одного его труда, хотя слышалъ, что онъ написалъ ихъ нѣсколько; были у меня нѣкоторыя его писанія, не сведенныя въ книгу и безъ заглавія, свидѣтельствовавшія, что если въ латинской литературѣ онъ не былъ достаточно свѣдуецъ, то многое видѣлъ и проникательно уразумѣлъ».

По возвращеніи съ Запада, гдѣ онъ не достигъ цѣли своего посольства, Варлаамъ является въ Солуни и на Аѳонѣ; здѣсь и разыгралась его распря съ гезихастами и Паламой, которыхъ поддерживалъ своимъ вліяніемъ разошедшійся съ Варлаамомъ Кантакузинъ. Обличенія Варлаама побудили созвать въ св. Софїи соборъ на 11-е іюня 1341 года; соборъ рѣшилъ не въ его пользу, и онъ покинулъ Грецію; въ 1341 году онъ снова въ Неаполѣ, въ 1342 — въ Авиньонѣ. Вліяніе Петрарки доставило ему епископство въ Джераче, недалеко отъ Семинары ³⁾); здѣсь онъ и умеръ въ концѣ 40-хъ или началѣ 50-хъ годовъ.

Можетъ быть, ко второй поѣздкѣ Варлаама, скорѣе, чѣмъ къ первой, относится сближеніе Петрарки съ Варлаамомъ ⁴⁾). Когда въ Авиньонѣ явился этотъ «современный представитель греческой мудрости», Петрарка вздумалъ учиться у него по-гречески: ему хотѣлось въ подлинникѣ познакомиться съ греками, которыхъ онъ зналъ лишь въ отраженіяхъ римлянъ. У него уже

1) Gen. Deor., IX, 7; сл. IV, 47.

2) I. c., XV, 6.

3) Посвященъ въ Авиньонѣ 2 окт. 1342 года.

4) *Lo Parco, Petrarca e Barlaam. Da nuove ricerche e documenti inediti o rari. Reggio — Calabria, 1905.

былъ экземпляръ Платона¹⁾); позднѣ грекъ Николай Сигерь доставилъ ему Гомера, и Петрарка просилъ его о присылкѣ Гезіода и Еврипида²⁾), какъ нѣсколько лѣтъ спустя ждалъ отъ Леонтія Пилата списковъ Еврипида и Софокла³⁾); но они для него нѣмы; 84 онъ все | еще надѣялся научиться ихъ языку, какъ то удалось въ старости Катону, принялся было съ Варлаамомъ читать діалоги Платона en regard съ подлинникомъ, и лишь быстрый отъѣздъ учителя на епископію и его ранняя смерть помѣшали этому намѣренію⁴⁾). Зато рвенія было много: «каждый день приходилъ ко мнѣ Варлаамъ, писалъ Петрарка Сигеру⁵⁾),— и, какъ онъ самъ заявлялъ, получалъ отъ бесѣды со мною не менѣе, если не болѣе пользы, чѣмъ я отъ него. Говорилъ ли онъ такъ искренно, или изъ любезности — не знаю; вѣрно одно, что если въ греческомъ языкѣ онъ былъ краснорѣчивѣйшимъ, его латинская рѣчь лишена была всякаго изящества, и его прекрасный умъ, изобиловавшій идеями, былъ бѣденъ словами для ихъ выраженія. Потому, поочередно подавая другъ другу руку, я невѣрнымъ шагомъ робко вступалъ въ его область, онъ, подъ моимъ руководствомъ и часто съ бѣльшимъ успѣхомъ, слѣдовалъ за мною въ мою. Ибо между нами было еще и то отличіе, что онъ гораздо болѣе зналъ по-латыни, чѣмъ я по-гречески; въ послѣднемъ я былъ совсѣмъ новичкомъ, въ первомъ онъ пошелъ нѣсколько далѣе, ибо, родившись въ итальянской Греціи и будучи старше меня, онъ имѣлъ случай общаться съ латинами, они были его учителями, и ему легко было вернуться къ старой привычкѣ».

Общественная и церковная дѣятельность Варлаама производитъ впечатлѣніе какой-то двойственности и неясности, что легко вмѣнить его психологическому типу, если забыть условія времени

1) Сл. Var. 25 (къ Боккаччо); Fam., XVIII, 2; De sui ipsius et aliorum ignorantia, стр. 1053—4; Boccaccio, Comento, lez. XV, ed. Milanese, I, 370.

2) Fam., XVII, 2, отъ 1354 г.

3) Sen., IV, 1.

4) Fam., XXIV, 12; Var. 25; Sen., XI, 9; De sui ipsius et aliorum ignorantia, l. c.; De Contemptu mundi, стр. 346.

5) Fam., XVIII, 2.

и обстоятельствъ и колеблющійся обликъ личностей и народныхъ группъ, случайно ноставленныхъ на политическихъ и культурныхъ границахъ. Они — прирожденные посредники, они поневолѣ дwoятся, и эта двойственность порождаетъ въ нихъ равнодушіе или рационализмъ; въ этихъ условіяхъ переходъ на ту или другую сторону совершается при меньшемъ давленіи расчета или увлеченія, не вызывая обычныхъ идей вмѣняемости, но и роковымъ образомъ не вызывая симпатій. Калабріецъ Леонтій Пилать, 85 ученикъ Варлаама, позднѣе учитель Боккаччо, такой же двуличный типъ: итальянецъ съ греками, грекъ съ итальянцами, онъ выдаетъ себя за уроженца Солуня, бранить Италію, разставаясь съ Петраркой, и снова направляется въ эту благословенную страну, осыпая хулами все византійское. Ему недостаетъ лишь общественной, отвѣтственной дѣятельности, которая бросаетъ тѣнь на Варлаама. Уроженецъ Италіи, грекъ по исповѣданію, Варлаамъ явился естественнымъ дѣятелемъ въ вопросѣ объ единеніи Церквей; его рѣчь къ папѣ обличаетъ въ немъ ловкаго политика, докладная записка предлагаетъ обойтись безъ обсуждения догмата объ исхожденіи Св. Духа, предоставивъ ученымъ толковать о немъ и каждому исповѣдывать по-своему. Онъ пишетъ противъ Ѳомы Аквинскаго, посвящаетъ какому-то Франциску свой трактатъ противъ папскаго главенства, затѣмъ становится на сторону католичества и въ посланіи къ друзьямъ въ Греціи обличаетъ греческую схизму, поднимая вопросы о приматѣ папы и объ исхожденіи Св. Духа.

Была ли эта двойственность Варлаама выраженіемъ колебаній, вышедшихъ къ убѣжденію, — этотъ вопросъ намъ здѣсь неваженъ; существеннѣе вопросъ о двойственности его образовательнаго ценза. Если Кантакузинъ называетъ его «единомышленникомъ латинамъ», то этимъ не только выражается подозрѣніе въ религіозномъ единомысліи, но и въ качествѣ и характерѣ его знаній. Петрарка и Боккаччо ставили ихъ очень высоко, но на вѣру: они не знали писаній Варлаама по церковнымъ и догматическимъ вопросамъ, ни его Этики по ученію стоиковъ, ни его

трактатовъ по астрономіи и замѣтокъ о Гармоникѣ Птолемея по поводу двухъ главъ, дополненныхъ Григорой ¹⁾. Если присоединить къ этому его занятія Эвклидомъ, Аристотелемъ и Платономъ, то получится очень почтенный кругъ знаній, которымъ въ то время могли обладать немногіе. Григора, очевидно, искажаетъ факты, когда въ своей исторіи говоритъ о латинской лишь учености Варлаама, а эллинской онъ будто бы коснулся лишь концами | пальцевъ, и окончательно переходитъ въ преувеличеніе, изображая намъ (въ своемъ діалогѣ Флорентій) фигуру хвастливаго воина отъ науки, Ксенофана-Варлаама, Фразимахова сына. Онъ, говорятъ намъ, явился изъ Калабріи, гдѣ не осталось и слѣда не только эллинскихъ музъ, но и того языка, на которомъ говорятъ греческіе крестьяне и копачи; по рожденію латинянинъ-итальянецъ, онъ объясняется на діалектѣ, по-гречески — лишь съ затрудненіемъ. Свои знанія онъ, какъ слышно, пріобрѣлъ не въ Калабріи, а въ глубинѣ Италіи, и не обширныя, а лишь по Аристотелевой физикѣ и логикѣ, которыми особенно занимаются латиняне и итальянцы, къ тому же и не въ подлинникѣ, а въ старомъ сокращенномъ переводѣ на ихъ языкъ. Какъ человѣкъ любящій по природѣ все прекрасное, онъ возымѣлъ желаніе усовершенствоваться въ эллинскомъ языкѣ; потому, переправившись въ Калидонъ, городъ этолійцевъ, здѣсь совсѣмъ преобразилъ и языкъ, и бороду, и одежду, и манеры, и обычаи, рѣшивъ, что не слѣдуетъ брить бороды, ни одѣваться въ латинское платье, чуждое грекамъ, съ которыми ему пришлось бы общаться, а дабы ему болѣе вѣрили и его не подозрѣвали, облекся въ темную мантию. Оттуда онъ перешелъ въ нѣкій ессалійскій городъ, славившійся своею ученостью далеко за предѣлами сосѣдей и не уступавшій

1) *О Григорѣ и его дополненіяхъ къ Птолемеевой Гармоникѣ сл. Franz Boll, Studien üb. Claudius Ptolemäus, 21-er Supplem. Band des Jahrb. f. cl. Philol. 1894, p. 65 и 100 слѣд. — Сл. Carl v. Jaп, Die Harmonie der Sphären, Philologus, LI (1893), p. 13—37 (съ 33: о Никифорѣ Григорѣ, его попыткѣ дополнить Птолемею Гармонику и критикѣ, которую вызвалъ этотъ опытъ со стороны Варлаама).

въ этомъ отношеніи ни одному изъ главныхъ городовъ отъ Этоліи до Локръ Озольскихъ; онъ отстоитъ отъ Аѳинъ и Аттики не менѣе, какъ на 2000 стадій. Пробывъ здѣсь продолжительное время и пріобывкнувъ къ греческому языку, Ксенофанъ возмечталъ о себѣ, и какъ у людей, непривычныхъ къ вину, оно бьетъ въ голову, и они видятъ не видимое, и не то, что есть, такъ и онъ, исполняясь гордыни, почелъ себя великимъ человѣкомъ, чреватымъ всякой мудростью, а на другихъ смотрѣлъ свысока. Узнавъ, что въ Аѳинахъ, «этой столицѣ всякой мудрости»¹⁾, не было въ то время Митродора (Метохита, великаго логовѣта), а Никагора (Григора) наложилъ на себя невольное молчаніе, онъ 87 явился туда, надѣясь тамъ заработать себѣ славу, ибо считалъ тамошнихъ софистовъ торгующими мудростью по мелочамъ. Онъ сталъ ходить по площадямъ и на собранія, обѣщая научить всякаго въ короткое время и за малую цѣну, далеко меньшую стоимости—ему не торговаться, какъ мелочнымъ продавцамъ,— а иныхъ поучая и даромъ.

Когда онъ услышалъ о томъ, что Митродоръ вернулся изъ ссылки и снова сталъ показываться съ своимъ другомъ Никагорой, то возревновалъ къ ихъ славѣ и принялся ихъ злословить: Гдѣ эти скитальцы, такъ ложно прославленные? Пусть явятся и покажутъ, что такое они взяли у Аристотеля, что знаютъ объ искусствѣ различенія и анализа, объ аподиктическихъ и діалектическихъ силлогизмахъ? А я хочу показать аѳинянамъ нѣчто новое и совсѣмъ неожиданное. Былъ онъ человѣкъ большой памяти, и что прочелъ, то передавалъ устно, обстоятельно, точно по книгѣ, особливо толкователей всѣхъ твореній Аристотеля; только въ произношеніи словъ слышался варваризмъ, видно было, что онъ латинянинъ. Наморщивъ лобъ, онъ принимался различать ученіе о наукахъ вообще — и науку о добродѣтеляхъ, украшающихъ душу, устанавливая и еще дѣленіе, опредѣленное поня-

1) Аѳины = Константинополь; то же въ надгробномъ словѣ Григоры Метохиту: τὴν τῆς σοφίας μητρόπολιν.

тіемъ состязанія: тѣла противъ тѣла — это насиліе, и слова противъ слова — это искусство пренія; и такъ далѣе, восходя до недѣлимыхъ. Что до науки или искусства добродѣтели, не подлежащаго дальнѣйшему дѣленію, то усвоить его легко всякому, къ нему обращающемуся, за нѣсколько драхмъ. Кто бы пожелалъ, напр., узнать о справедливости и мужествѣ, какая изъ этихъ двухъ душевныхъ добродѣтелей выше, тому станетъ ясно, что мужество относится къ войнѣ и грабежу, справедливость же — къ противоположному. — Когда ему замѣтили на это съ удивленіемъ, что въ своемъ анализѣ онъ отнесъ мужество къ видамъ добродѣтелей души, а теперь относитъ его къ тѣлесной мерзости, онъ ничего другого не отвѣчалъ, какъ лишь то, что тутъ все дѣло въ словахъ, которыми пусть занимаются грамматикѣ и риторы, а не тѣ, кто хочетъ философствовать въ направленіи Аристотеля.

88 | У Ксенофана явились послѣдователи, которые повѣрили ему и уже стали было негодовать, не видя исполненія обѣщаній; они-то и побудили его вызвать на споръ Никагору: онъ теперь не въ чести у властей, да и опечаленъ, какъ собственными невзгодами, такъ и тяжелой болѣзнью друга Метохита († 1332); либо власти не позволяютъ ему выступить, либо онъ самъ не приметъ вызова, что будетъ сочтено за боязнь, и слава Ксенофана поднимется; какъ отъ блестящихъ и свѣтлыхъ предметовъ свѣтъ отражается на близкіе къ нимъ, такъ слава врага — на нападающемъ. — Такъ говорили Ксенофану его пріятели, но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовали поучиться у ихъ грамматиковъ правильному словоупотребленію, какъ бы его противникъ, не обращая вниманія на содержаніе рѣчей, не сразилъ его съ перваго слова за плохой эллинизмъ. Неужели мнѣ, такому философу, словно раку, попытаться назадъ въ ребячью школу? негодуетъ Ксенофанъ; вѣдь это значило бы желать убѣлить эіопца. Лучше я изложу вамъ вкратцѣ, что имѣю сказать, а вы пройдите по моимъ рѣчамъ вашимъ грамматическимъ канонамъ, будто губкой. Это и было сдѣлано.

Никагора принялъ вызовъ нехотя и по принужденію. Собралось много народа, одни — послушать Ксенофана, другіе, мудрецы, — поглядѣть, какъ Никагора сниметъ съ аѳинянъ позоръ: въ былое время говорили, что не слѣдъ носить въ Аѳины совѣ, теперь ни-почемъ стали галки и майскіе жуки. Ксенофанъ храбро заявляетъ превосходство своихъ знаній надъ присутствующими мудрецами, пусть спрашиваютъ его о чемъ угодно — и онъ цитуетъ стихъ Гомера. Никагора даетъ ему вопросъ изъ астрономіи, не трудный, а такой, какой доступенъ школьникамъ, дабы тѣмъ болѣе посрамить Ксенофана. И онъ дѣйствительно не отвѣчаетъ ни слова, смущенъ, колеблется и говоритъ: Зачѣмъ спрашиваешь ты меня о томъ, что недоступно смертнымъ? Кто изъ рожденных на землѣ когда-либо восходилъ на небо, чтобы повѣдать людямъ о звѣздныхъ путяхъ? Онъ отрицаетъ эту возможность, пересыпая отвѣтъ отрывками стиховъ. Въ толпѣ поднялся смѣхъ и свистъ, | Ксенофана срамятъ, а Никагора велитъ всѣмъ умолк- 89 нуть: не всѣмъ дано все знать, говоритъ онъ; немудрено, что Ксенофанъ, родившійся среди латинянъ, не знаетъ астрономіи: этой наукой, процвѣтающей у эллиновъ, тамъ не занимаются. Ксенофанъ можетъ проявить свои знанія на чемъ-либо иномъ. — На всемъ, кромѣ астрономіи и связанныхъ съ нею наукъ, соглашается Ксенофанъ и возмущенъ, когда Никагора ласково и спокойно задаетъ ему вопросъ — по грамматикѣ: въ этомъ рабскомъ, служебномъ искусствѣ, какъ и въ риторикѣ, философъ не нуждается. Напрасно Никагора указываетъ ему, что только благодаря посредству языка дошли до насъ творенія Аристотеля и Платона, что безъ риторики не обошлись ни Горгій, ни Демосѳенъ, ни Фукидидъ, ни Платонъ, величайшій изъ «эллинскихъ гла-совъ». Занятіе такими пустяками не позволяетъ украшать душу, а въ этомъ была моя высочайшая цѣль, отвѣчаетъ Ксенофанъ. — Снова зашумѣла толпа, послѣдователи Ксенофана присѣли, краснѣя, онъ самъ попался, какъ рыба въ сѣти, и, бѣшено обратившись на себя, какъ вакханки на Пенѳея, сбросивъ куколь и платье, бросился бѣжать. Когда его удержали, укоряя малоду-

шіемъ, онъ сталъ бранить Никагору, что тотъ коварно поступаетъ съ нимъ, сознательно задавая ему вопросы, на которые онъ не можетъ отвѣтить, обходя знакомые ему. Никагора, улыбаясь, успокаиваетъ его и настолько ободряетъ, что Ксенофанъ предлагаетъ испытать его въ философіи Аристотеля и во всѣхъ познаніяхъ, которыя съ нею связаны и къ ней ведутъ. Онъ утверждаетъ, что Аристотель отрицалъ, какъ служебныя и обманчивыя, занятія грамматикой и риторикой, и сознается, что никогда не видѣлъ относящихся къ этой области сочиненій Аристотеля и не слыхалъ о нихъ; что же касается физики, онъ готовъ обо всемъ разсуждать научно, путемъ діалектическихъ и аподиктическихъ силлогизмовъ. — Но силлогизмы — принадлежность низшаго пониманія, отвѣчаетъ Никагора, это — ложныя украшенія, органы, устроенныя для другой цѣли; только итальянцы и тѣ, кто, учившись у нихъ, коснулись лишь концами пальцевъ преддверій науки, не поняли, чего ради | слѣдуетъ учиться этому искусству, и на силлогизмахъ остановились, полагая, что въ нихъ — все, какъ кормчій судна счелъ бы себя искуснымъ потому лишь, что купилъ руль, или музыкантъ, приобрѣтя плектръ. Древніе изобрѣтатели философіи и логики, слѣдуя водительство разума, исходили изъ высшаго умозрѣнія и, почерпая въ немъ привычку невещественной вѣры, уже затѣмъ обращались къ вещественному, познаваемому чувствами, возводя его къ единому началу, какъ бы по лѣствицѣ, которую уготовилъ имъ свыше разумъ въ силу присущаго ему знанія. Тотъ заслуживаетъ похвалы, кто, не будучи въ состояніи изойти изъ этого начала, взберется по этой лѣствицѣ къ юдоли истиннаго знанія, но еще болѣе тотъ, кто, овладѣвъ имъ и отправившись отъ единаго по существу, обратится къ подлежащему чувствамъ, раскиданному въ разнообразіи явленій и, вмѣстѣ, вышедшему изъ одного корня, и въ пестрой связи многаго усмотритъ единое. Все это зналъ Аристотель, и, какъ поэты въ образахъ мѣта являютъ непосвященнымъ отраженія истины, такъ и онъ изобрѣлъ для нихъ же и для той же цѣли нѣсколько извѣстныхъ и обманчивыхъ методовъ. — И Ни-

Кагора пользуется возраженіемъ Ксенофана, чтобы подвергнуть критикѣ діалектической и аподиктической силлогизмы.

Въ дальнѣйшемъ спорѣ Ксенофанъ отходитъ въ сторону и выступаетъ вмѣсто него одинъ изъ его товарищей, Ксенократъ, такой же, какъ онъ, аристократикъ, но болѣе знающій и готовый убѣдиться, тогда какъ Никагора раскрываетъ, съ постоянными ссылками на то или другое сочиненіе Аристотеля, его противорѣчія и колебанія между его собственными положеніями и мнѣніями древнихъ мыслителей, Пифагора, Демокрита, Анаксимандра, Галена и Иппократа, лучшаго изъ теологовъ — Гермеса Трисмегиста, и «великаго гласа Эллады», Платона. Противъ него Аристотель тѣмъ болѣе провинился, порицая его, что является неблагодарнымъ его ученикомъ. Противорѣчія объясняются не изъ промаховъ памяти — ихъ слишкомъ много, — когда съ одной стороны говорится о безсиліи человѣческаго пониманія, съ другой — чув- 91 ственный міръ ставится впереди чувственнаго воспріятія, какъ его условіе, а человѣческое знаніе сводится къ неясному представленію истинъ, добытыхъ изъ внѣшнихъ воспріятій и запечатлѣнныхъ живописцемъ природы на скрижаляхъ души. Если захотѣтъ глубже проникнуть въ сущность вещей, я обратился бы скорѣе къ дельфійскимъ богословамъ: недоумѣваютъ и они, но близкое общеніе съ божествомъ просвѣщаетъ ихъ свыше. Но что говорить о богословахъ Дельфы, когда я могу указать на лучшихъ, чѣмъ они, и также полныхъ недоумѣнія передъ тайной сущаго? На этомъ я кончу.

Конченъ и споръ. Никагора увѣнчанъ, какъ побѣдитель, Ксенофанъ подвергается порицанію за то, что захотѣлъ вмѣшаться въ число философовъ, выдавъ за золотой или серебряный — сосудъ изъ неблагогоднаго металла. Ксенофанъ сгорѣлъ отъ стыда, готовъ провалиться или утопиться, умеръ бы съ горя, если бы кое-кто не успокоилъ его ласковыми словами. Онъ затѣваетъ отомстить за пораженіе: ходитъ къ ученикамъ Никагоры, подъ видомъ обученія, и, усвоивъ себѣ нѣчто по математикѣ и астрономіи, начинаетъ обстрѣливать Никагору тупыми стрѣлами;

«о двухъ началахъ» онъ упрекаетъ его въ пристрастіи къ діалектикѣ и греческимъ философамъ: «Посмотримъ на плоды просвѣщенія сократовскаго и платоновскаго. Чѣмъ они хороши? Ужъ не дозволеніемъ ли общенія женщинъ? Не допущеніемъ ли педерастіи? Не почитаніемъ ли демоновъ и героевъ? Не ссылкой ли нашихъ душъ съ неба въ тѣла животныхъ? . . . А Аристотелево маловникающее провидѣніе, что это такое?» Въ другомъ письмѣ Палама выступилъ противъ положенія Варлаама, будто нѣтъ никакихъ доказательствъ ни объ одномъ изъ божественныхъ дѣлъ, приводя доводы и называя доказательства Аристотеля неопредѣленными и неумѣстными ¹⁾. Еще рѣзче высказывается о Варлаамѣ патріархъ константинопольскій Нилъ въ похвалѣ Паламѣ: для Варлаама нѣтъ ничего выше эллинской мудрости, непререкаемости | силлогизмовъ и добытой такимъ путемъ истины; если 93 кто не продѣлалъ этого пути, нельзя приблизиться и къ познанію Бога, говоритъ онъ; не побывавъ въ школѣ Пифагора, Аристотеля и Платона, не научившись у нихъ законамъ природы, происхожденія и разрушенія сущаго, нельзя познать истины. А если Богъ — истина, то тотъ, кто не научился у эллинскихъ мудрецовъ движенію небесныхъ свѣтилъ и природы, т. е. истинѣ, не въ состояніи познать и Бога. Такимъ неразуміемъ зараженъ не одинъ Варлаамъ, а издавна всѣ латины ²⁾. Источникъ его знаній — Органонъ и нѣкоторыя другія сочиненія, отъ остальныхъ наукъ онъ едва вкусилъ, пишетъ о немъ Христулъ ³⁾, церковными писателями не занимался ⁴⁾. Его послѣдователи, Акиндинъ, Дмитрій Солунскій, монахъ Прохоръ — такіе же силлогисты, какъ

1) I. с., стр. 232; Migne, Patol. graec., 151, col. 384.

2) Migne, I. с., col. 663 слѣд.—*Въ похвальному словѣ въ честь Паламы Филоея говоритъ, что Варлаамъ, «пропустивъ философскія доказательства мудрыхъ богослововъ, называетъ эллинскихъ мудрецовъ, т. е. Аристотеля и Платона и ихъ послѣдователей — божественными и Богомъ просвѣщенными существами» (Успенскій, I. с., 267).

3) Сл. предисловіе къ словамъ противъ ереси Варлаама и Акиндина у Vandinii, Joh. Chrysostomi, II, стр. 128.

4) Сл. XII-е слово Филоея противъ Григоры, Migne, I. с., col. 1120,

и онъ. Меня обвиняють, говорить послѣдній, что я пользуюсь въ своихъ разсужденіяхъ силлогизмами, считая ихъ оракуломъ богословія. Но что же дѣлать? Наши очи затмились, духовные стражи слѣпотствуютъ, проповѣдники нѣмы, поучаемые расположены недоброжелательно къ учителямъ своимъ и не считаютъ себя обязанными ихъ слушаться. Неужели теперь бросить силлогизмъ, это единственно оставшееся средство къ отысканію истины? ¹⁾

Мы признали въ грубоватой характеристикѣ Варлаама у Григоры долю страстныхъ выходокъ; но это — выходки типическія. Читая нареканія Анны Комнены на Іоанна Итала, мы невольно припоминаемъ Ксенофана: Италъ столь же силенъ въ философіи Аристотеля и Платона, онъ — официальный преподаватель философіи, и его также обвиняють въ ереси и эллинскихъ мудрованіяхъ; онъ также несвѣдущъ въ грамматикѣ и не отвѣдалъ нектара риторики; греческій языкъ обличаетъ въ немъ иностранца |
94 изъ латинскихъ областей, рѣчь отличается деревенскимъ пошибомъ. Какъ Ксенофанъ, онъ страстенъ, невоздерженъ въ аффектѣ, напыщенъ, вся его сила въ страшной діалектикѣ, которою онъ онутаетъ всякаго; въ спорахъ онъ непобѣдимъ. Онъ знакомъ съ византійской школой и слушалъ Пселла, но родомъ онъ итальянскій грекъ, долго жилъ въ Сициліи, затѣмъ въ Ломбардіи; Пселлъ называетъ его ломбардомъ. Чѣмъ онъ обязанъ западному воспитанію, мы не знаемъ, — и остается открытымъ вопросъ, что опредѣлило оригинальность его философскихъ воззрѣній, оказавшихъ извѣстное вліяніе и на западную схоластику.

Въ вопросѣ о Варлаамѣ раздѣлъ западныхъ и византійскихъ теченій провести легче. Онъ прошелъ латинскую школу, это опредѣляетъ его роль въ борьбѣ съ византійцами. За противоположностью богословской и эллинской мудрости, за вопросами о границахъ разумѣнія и правахъ силлогизма, чувствуется нѣчто другое: противорѣчія аристотелевской философіи и того неоплато-

1) Migne, l. c., col. 699 и 701.

низма, котрымъ освѣщаются въ концѣ діалога «Флорентій» рѣчи Никагоры, котрымъ безсознательно питаются, въ лучшихъ своихъ представителяхъ, мистицизмъ аѳонскихъ гезихастовъ. Варлаамъ отнесся къ нему, какъ узкій рационалистъ и діалектикъ; схватывая показные концы, подходя съ силлогизмомъ къ анализу нерукотворнаго Фаворскаго свѣта и поднимая на смѣхъ монаховъ-простецовъ, выработавшихъ, какъ пріемъ созерцательнаго самоуглубленія, смотрѣніе въ пупъ. Вопросъ о преимуществѣ платоновской или аристотелевской философіи давно уже поставленъ въ Византіи: учитель Пселла, Іоаннъ Мавроподъ, былъ почитателемъ Платона, Пселлъ ставилъ его выше «философа Церкви»; это вызвало броженіе мысли, оживленный споръ аристотеликовъ съ платониками, напоминающій аналогичное движеніе въ позднѣйшемъ Возрожденіи. Въ концѣ XIII и началѣ XIV в. Никифоръ Хумнъ пишетъ прогивъ платоновской философіи — и противъ нападавшихъ на нее неумѣлыхъ аристотеликовъ; его противникомъ является платоникъ Метохитъ; Григора сознательно платонизируетъ даже въ стилѣ, и его философскимъ оппонентомъ является Агаѳангелъ; Кантакузинъ комментируетъ Аристотеля, аристотеликъ Варлаамъ втягивается въ общее теченіе, взявшись объяснить проникнутыя неоплатонизмомъ писанія Діонисія Ареопагита; Платонъ и Аристотель стоятъ на очереди въ его перепискѣ съ Георгіемъ Ланіоомъ ¹⁾.

Имя Георгія переноситъ насъ въ одинъ изъ тѣхъ центровъ культурнаго и литературнаго общенія между Западомъ и Византіей, какимъ въ то время могъ являться еще Неаполь: въ Кипрѣ, ко двору Короля Гуго IV-го. Та же помѣсь народностей, греческой и романской, но въ обратномъ отношеніи; царитъ французская династія Лузиньяновъ, и развивается потребность учиться не только греческому и французскому, но и сирійскому языку для сношенія съ восточными патріархатами; въ половинѣ XIII в.

1) *О философской традиціи въ Византіи сл. Ludwig Stein, Die Continuität der griech. Philosophie in der Gedankenwelt der Byzantiner, Archiv f. Geschichte d. Philosophie, IX (1895), стр. 225—46.

итальянецъ изъ Цовары, Филиппъ, настолько вживается въ политическіе интересы острова, что пишетъ и поетъ о нихъ — по-французски. Король Гуго извѣстенъ, какъ мудрый и счастливый администраторъ, освободившій греческое населеніе отъ рабства, въ которомъ держали его первые завоеватели Кипра; и Боккаччо и пріятель Лапиеа, Григора, написавшій риторическій панегирикъ Гуго, прославляютъ подвиги его государственнаго устроенія и любовь къ наукамъ. Онъ занимается богословіемъ и интересуется астрологіей: въ бытность свою въ Римѣ ищетъ знакомства съ Андалоне ди Negro и ведетъ дружбу съ другимъ извѣстнымъ математикомъ XIV вѣка, котораго нерѣдко цитуетъ и Боккаччо, Павломъ Геометромъ; любитъ бесѣдовать съ учеными, являвшимися къ нему въ его замокъ въ горахъ св. Иларіона; въ числѣ ихъ былъ и Георгій Лапиеъ, имѣвшій невдалекѣ прекрасное помѣстье. По словамъ Григоры, король чтитъ его, какъ за его достоинства, такъ и за обширныя познанія. Самъ Гуго былъ немало посвященъ въ латинскую мудрость, продолжаетъ Григора, и по этой причинѣ постоянно держалъ при себѣ ученыхъ латинянъ, но болѣе дорожилъ музой и обществомъ Георгія, ибо, говорилъ онъ, «правители становятся мудрыми отъ общенія съ мудрецами». Вслѣдствіе этого онъ овладѣлъ и тою и другою наукой, какъ греческой, такъ и латинской¹⁾, въ которыхъ Георгій былъ одинаково | силенъ, и любилъ присутствовать при спорахъ послѣдняго съ учеными латинянами, которыхъ онъ поражалъ силлогизмами, точно стрѣлами, особенно, когда дѣло заходило о блюденіи вѣры отцовъ; случалось, что, обрушиваясь на нихъ свѣдѣтельствами св. Писанія, Георгій заставлялъ ихъ нѣмотствовать, какъ рыбы, и, когда это сердило короля, успокаивалъ его прелестью своей рѣчи и доводами истины. Всѣ, хотя бы немного причастные греческой или латинской наукѣ, отдавали ему пальму первенства въ такого рода спорахъ, въ которыхъ ставились, вѣроятно, и вопросы по астрологій. Самъ Лапиеъ занимается ею,

1) См. тоже у Боккаччо, Gen. Deog., XV, 7.

изучаетъ Птолемея и астрологическія сочиненія древняго и новаго времени, устраняя вопросы, выходящіе за предѣлы, положенные священными законами, допуская лишь тѣ, которые позволяютъ съ надлежащей осторожностью искать причины вещей— и тѣ потому, главнымъ образомъ, чтобы не смутиться хитростью латинянъ, много занимающихся этой наукой, и самого короля, къ которому нерѣдко пріѣзжаютъ для ученыхъ споровъ арабы изъ Египта, полагающіе въ астрологіи главную суть человѣческаго знанія ¹⁾.

Богословскіе вкусы короля объясняются, какъ его религіозностью, такъ и церковными спорами, раздѣлявшими на Кипрѣ представителей той и другой Церкви, между прочимъ, по вопросу о древѣ Креста, принесенномъ на островъ царицей Еленой. Другимъ, на этотъ разъ литературнымъ интересамъ отвѣтилъ трактатъ Боккаччо о Генеалогіяхъ Боговъ. Гуго побудилъ его къ этому труду черезъ посредство одного изъ своихъ служилыхъ людей, Доннино изъ Пармы; когда въ 1350 году Боккаччо проживалъ въ Равеннѣ, къ нему явился, съ тѣмъ же напоминаніемъ, одинъ изъ ближнихъ короля, флорентинецъ Беккино Беллинчони; еще позже Гуго писалъ о томъ же знакомому Боккаччо, Павлу Геометру. Все это заставило Боккаччо приняться снова за полузабытый (*semisopitum*) трудъ ²⁾, надъ которымъ онъ продол- 97
жаетъ работать, черпая въ источникахъ, какъ прежде черпалъ изъ Коллектаней Паоло Перуджинскаго и замѣтокъ Варлаама. Последнія онъ приводитъ не разъ въ объясненіе того и другого мифа. Такъ, мифъ о Девкаліонѣ и Пиррѣ и камняхъ, которые они бросали позади себя, и которые превращались въ людей, Варлаамъ, по словамъ Паоло, толковалъ такъ, что супруги убѣдили людей, спасшихся отъ потопа въ каменные пещеры, выйти оттуда, по минованіи опасности, и снова населить землю. Сходное толкованіе давалъ онъ мифу о Діанѣ и Аполлонѣ, родившихся на

1) Nic. Greg., l. c., III, стр. 28 слѣд.

2) Сл. Gen. Deor., посвященіе и XV, 13.

окутанномъ туманомъ островѣ Ортігїи: послѣ потопа, бывшаго при царѣ Огигесѣ, отъ влажной и вмѣстѣ горячей земли пошли такія облака, что на Эгейскомъ морѣ и въ Ахайѣ не видать было ни луны, ни солнца; когда облака разрѣдились, особенно на островахъ, гдѣ испареній земли, вслѣдствіе сосѣдства моря, было меньше, случилось однажды ночью, за часъ до разсвѣта, что первыми усмотрѣны были лучи мѣсяца, а затѣмъ и солнечные. Это возбудило общую радость, и о свѣтилахъ, которыхъ считали погибшими, стали говорить, что Аполлонъ и Діана родились на островѣ Ортігїи, прозванномъ Делосомъ, ибо тамъ они какъ бы объявились впервые. — Варлаамъ, очевидно, не шелъ дальше внѣшняго евгемеризма и натурализма, въ стежахъ усвоеннаго имъ философскаго міровоззрѣнія, а Боккаччо вносилъ его показанія въ угловатыя, но грандіозныя по замыслу Генеалогїи Боговъ, пытааясь объединить поэзію и религію.

Когда въ 1339 году Варлаамъ явился въ Неаполь, Боккаччо былъ еще тамъ; онъ могъ видѣть заѣзжаго грека и заинтересоваться имъ, но показанія Боккаччо могутъ дать поводъ заключить, что личнаго знакомства между ними не было, и посредникомъ между ними являлся Паоло. Боккаччо говоритъ, напр., что Варлаамъ былъ малъ ростомъ, точно видѣлъ его; нѣкоторыя писанія Варлаама были у него въ рукахъ, но онъ могъ получить ихъ и отъ Паоло; на него онъ ѣсылается, приводя показанія Варлаама. Такъ, Паоло рассказывалъ, въ присутствїи 98 Боккаччо, будто | слышалъ отъ Варлаама, что во время оно не было во всей Греціи, на островахъ и побережьяхъ, ни одного именитаго человѣка, который не производилъ бы свой родъ отъ какого-нибудь языческаго бога.

Роль Варлаама въ судьбѣ ранняго итальянскаго гуманизма представляется внѣшней и случайной. Воспитанный въ преданїяхъ западной университетской школы, гдѣ царил а схоластика и арабскїй Аристотель, онъ и въ Греціи не освободился отъ ея метода: въ Византіи его укоряють пристрастіемъ къ діалектикѣ и Аристотелю противоплагаютъ Платона и христіанскїй неоплато-

низмъ. На Западѣ, въ кружкахъ начинателей Возрожденія, онъ засталъ сходное движеніе: Петрарка жаждетъ прочесть Платона въ подлинникѣ и жалуется, что скорый отъѣздъ Варлаама помѣшалъ ему въ этомъ дѣлѣ. И онъ также ратуетъ противъ схоластики и діалектической болтовни, забывающей изъ-за слова сущность вещей, противъ непогрѣшимаго Аристотеля, и увлекается Платономъ, котораго знаетъ изъ римскихъ писателей и немногихъ доступныхъ ему переводовъ¹⁾, но понимаетъ болѣе чутъемъ: именно имя и ученіе Платона отвѣтило его внутреннему спросу, спросу Возрожденія. Платонъ для него — «потокъ божественнаго краснорѣчія», первый изъ числа философовъ, всего ближе подошедшихъ къ поставленной небомъ цѣли, къ ученію христіанства; Боккаччо называетъ его въ своихъ Генеалогіяхъ богословомъ²⁾, человекомъ божественнаго разума³⁾, ссылаясь на «католическихъ философовъ»⁴⁾. Это почти тѣ же воззрѣнія, что и у Григоры. — Варлаамъ проходитъ мимо того и другого движенія безучастно; средневѣковой схоластикъ, противникъ платоновской философіи⁵⁾, онъ могъ подѣлиться съ своими западными друзьями лишь знаніемъ греческаго языка и обрывками эрудиціи, а его возвеличили въ силу надеждъ и чаяній, въ которыхъ выразилась самостоятельная эволюція гуманизма, и на которыя онъ не былъ въ состояніи отвѣтить.

II.

Въ 30-хъ годахъ XIV-го столѣтія вокругъ молодого Боккаччо слагалась, окутывая его, неясная пока атмосфера гуманизма, сотканная изъ просвѣтовъ и чаяній какой-то новой культуры и захватовъ въ прошлое. Движеніе опредѣляется въ поко-

1) De ignorantia, стр. 1053—4.

2) Gen. Deor., l. XIV, c. 13.

3) Comento, ed. Milanese, lez. I, vol. I, 79.

4) l. c., lez. XVI, vol. I, 379.

5) Сл. Legrand, Cent dix lettres grecques de Fr. Filelpe, Paris, Leroux, 1892, стр. 152 слѣд.

лѣнн, слѣдующемъ за учителями Боккаччо, среди людей, близко стоявшихъ ко двору, нотаріусовъ, судей, профессоровъ и представителей неаполитанской знати. Съ иными изъ нихъ Боккаччо могъ познакомиться въ свое первое неаполитанское пребываніе, съ кѣмъ — рѣшить трудно; съ другими онъ сблизился въ послѣдующія поѣздки; съ Барбатомъ — до 1353 года; Баррили онъ упоминаетъ въ Генеалогіяхъ Боговъ ¹⁾.

Барбата изъ Сульмоны, неаполитанца Джьованни Баррили и Николая д'Алифе мы встрѣчаемъ уже съ 1327 года въ должностныхъ и литературныхъ отношеніяхъ къ двору; видимъ ихъ и въ кружкѣ Аччьяйоли — и въ дружеской перепискѣ съ Петраркой. Съ Барбатомъ сблизилъ его король Робертъ въ 1341 году, когда поэтъ явился къ нему для извѣснаго намъ 100 ученаго испытанія; Баррили назначенъ былъ королемъ присутствовать при вѣнчаніи Петрарки на Капитоліи, но не поспѣлъ, задержанный разбойниками близъ Ананьи. Когда, по смерти Роберта, Петрарка снова пріѣхалъ въ Неаполь въ 1343 году, Барбата и Баррили были его руководителями въ окрестностяхъ Неаполя: съ ними онъ посѣтилъ мѣста, воспѣтыя Виргилиемъ и, ранѣе его, Гомеромъ: Байи, хранящія память не столько о доблести римлянъ, сколько объ ихъ сладострастіи, Авернское озеро съ пещерой Сивиллы, Литернумъ, гдѣ жилъ въ изгнаніи Сципіонъ, а одна дѣвушка изъ Поццуоли, силачка, напомнила ему

1) XIV, 19: покинувъ Римъ, Виргилій избралъ себѣ вблизи Неаполя *se motum locum quieto atque solitario littori proximum, ut magni spiritus homo Iohannes Barillus aiebat, inter promontorium Posilibi et Puteolos vetustissimam Graecorum coloniam, ad quem nemo fere, nisi eum quaereret, accedebat.* — О Барбатѣ и Баррили см. Faraglia, I due amici del Petrarca, Giovanni Barrili e Marco Barbato Sulmonese (Archivio d. Società storica per le provincie napoletane, IX); его же: Barbato da Sulmona e gli uomini di lettere della corte di Roberto d'Angiò, l. c. Свѣдѣнія о Барбатѣ, Баррили и Пьетро ди Монтефорте у Hortis, Studi (сл. Indice), у него же, стр. 347—8, неизданное письмо Барбата къ Пьетро ди Монтефорте. О Баррили († 1367) говоритъ Matteo Camera, *Elucubrazioni storico-diplomatiche su Giovanna I^a regina di Napoli e Carlo III di Durazzo (Salerno, 1889)*, пользовавшійся его неизданными пока лѣтописными воспоминаніями о современныхъ ему событіяхъ (сл. стр. 1—2, 263—4).

древнюю Камиллу, рожденную въ сосѣднемъ Пиперно ¹⁾. Друзья должны были толковать о многомъ, Петрарка могъ увлекать ихъ чтеніемъ эпизодовъ изъ своей Африки, отрывокъ которой, всего нѣсколько стиховъ, съ трудомъ выпросилъ у него Барбато ²⁾; на интересы къ классической древности указываетъ подаренная ему Барбатомъ ³⁾ рукопись цецероновскихъ Академикъ. Поднимались вопросы и другого характера. Петрарку просили основаться въ Неаполѣ, но онъ самъ знаетъ, что онъ — непосѣда; къ тому же положеніе Неаполя, гдѣ многое напоминало ему Роберта ⁴⁾, и все предоставлено было теперь неопытнымъ рукамъ юной королевской четы, проискавъ анжуйскихъ принцевъ и своеволю знати, внушало опасенія. Онъ ожидалъ всего худшаго, и когда три года спустя совершилась катастрофа, и убитъ былъ король Андрей, онъ напомнилъ Барбату свои прежнія бесѣды и совѣтовалъ ему быть насторожѣ. Барбато удалился отъ дѣлъ въ свою Сульмону, гдѣ пріобрѣлъ помѣстья, и гдѣ посѣтилъ его въ 1362 году, возвращаясь изъ Неаполя, Боккаччо. Съ Петраркой онъ болѣе не видѣлся, но сношенія между ними не прерывались: они продолжали обмѣниваться письмами, и Петрарка посвятилъ ему одну книгу своихъ стихотворныхъ посланій. Когда, по кончинѣ Барбата († въ 1363 году), одинъ изъ его учениковъ попросилъ Петрарку написать нѣчто въ похвалу учителю, напоминаніе дорогого имени заставило поэта отстать на время отъ «своихъ мелкихъ, быть можетъ, но многочисленныхъ и разнообразныхъ работъ», и онъ пишетъ въ отвѣтъ «о талантѣ и нравахъ Барбата Сульмонскаго». Никто болѣе его не заслужилъ поэтическаго восхваленія, говоритъ онъ; не было человѣка болѣе чистыхъ нравовъ, большаго любителя поэзіи, которой онъ жаждалъ,

101

1) Fam., V, 4; Epist. poet., II, 15; De Nolhac, Le De Viris illustribus de Pétrarque, Paris, 1890, p. 29 прим. 1 отд. оттиска, сл. его же Pétrarque et l'humanisme, Paris, 1892, стр. 130.

2) Sen., II, 1.

3) Sen., XVI, 1.

4) Epist. poet., II, 6.

какъ изысканной пищи, великодушно презирая всякую другую роскошь; не было человѣка столь остраго ума, краснорѣчиваго, писавшаго столь изящно, богатаго знаніями и памятью. Меня онъ такъ любилъ, что ни съ кѣмъ не поставилъ бы въ уровень, не то чтобы ниже кого другого; мы были связаны съ нимъ неразрывной дружбой, но въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ я его не видѣлъ, мнѣ неизвѣстно, что онъ творилъ; при его богатомъ дарованіи онъ могъ написать многое; не имѣя о томъ понятія, я, при недостаткѣ свободнаго времени, не въ состояніи ничего прибавить къ сказанному. — И онъ побуждаетъ своего корреспондента самому взяться за перо, дабы и Петрарка могъ увѣдать о содѣланномъ Барбатомъ, а его родина — возгордиться знаменитѣйшимъ изо всѣхъ своихъ гражданъ, не исключая Овидія: тотъ запятналъ дурными нравами блестящій талантъ, нашъ другъ былъ великъ умомъ, но еще выше — добродѣтелью¹⁾. — Въ поэтическомъ посланіи къ Ринальду да Виллафранка²⁾ Петрарка выразился опредѣленнѣе: Барбато является поэтомъ, его уста полны касталійскаго нектара, онъ достоинъ лавровъ, но скромно несетъ заслуженное отличіе, второй Овидій Назонъ, явившійся среди пелигновъ.

Какой изъ двухъ отзывовъ ближе къ истинѣ, сказать трудно: |
 2) поэтическіе опыты Барбата, существованіе которыхъ засвидѣтельствовано, утрачены; остался отрывокъ его толкованій одного письма Петрарки. Онъ поможетъ намъ разобраться въ вопросѣ.

Стараніями Аччяйюли, Джьованна вышла во второмъ бракѣ за бывшаго его воспитанника, Людовика Тарентскаго; смута, начавшаяся по смерти Роберта, казалось, кончилась; Аччяйюли помирилъ новаго короля съ напой; власть сосредоточилась въ рукахъ «великаго сенешаля». Петрарка зналъ издали его блестящія дарованія и, не стоя близко къ дѣлу, не вѣдая, какою

1) Sen., III, 4.

2) Epist. poet., I, II, 16; сл. II, 7.

массой интригъ и заднихъ ходовъ достигнуть былъ видимый миръ, возложилъ на Аччъяйоли радужныя надежды: онъ будетъ миротворцемъ, возстановитъ золотой вѣкъ Роберта, — и Петрарка поучаетъ его, въ какомъ духѣ ему слѣдуетъ руководить молодымъ королемъ, дабы сдѣлать изъ него идеаль правителя. Это была одна изъ тѣхъ праздныхъ фантазмагорій, какими часто увлекался поэтъ, и которыя не оправдывали ни люди, ни событія. — Въ этомъ духѣ онъ и написалъ письмо къ Аччъяйоли ¹⁾; Барбато вздумалъ его комментировать, какъ объясняютъ древній текстъ, вставляя похвалы Петраркѣ и — благодатной Кампаніи; Петраркѣ — вѣнчанному поэту, которымъ однимъ можетъ возгордиться нашъ вѣкъ, утратившій не только останки древнихъ поэтовъ, философовъ и ученыхъ, но и множество книгъ, по нерадѣнію и неправедному духу стяжанія. Похвалы Петраркѣ расточаются по категоріямъ вѣрности (памяти короля Роберта), любви (къ Барбату) и смиренія. Толкованіе текста придаетъ громадное, таинственное значеніе всякой мелочи, чередуясь съ наивными грамматическими замѣтками: многозначительнымъ является даже частица «уже» (jam), съ котораго начинается посланіе, и намъ говорятъ, что «свѣтлый» — естественный эпитетъ, напр., дня, и что въ другомъ смыслѣ употребляется «свѣтлость», когда дѣло идетъ объ имени- 101 103 104 105 106 107 108 109 110 111 112 113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151 152 153 154 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167 168 169 170 171 172 173 174 175 176 177 178 179 180 181 182 183 184 185 186 187 188 189 190 191 192 193 194 195 196 197 198 199 200 201 202 203 204 205 206 207 208 209 210 211 212 213 214 215 216 217 218 219 220 221 222 223 224 225 226 227 228 229 230 231 232 233 234 235 236 237 238 239 240 241 242 243 244 245 246 247 248 249 250 251 252 253 254 255 256 257 258 259 260 261 262 263 264 265 266 267 268 269 270 271 272 273 274 275 276 277 278 279 280 281 282 283 284 285 286 287 288 289 290 291 292 293 294 295 296 297 298 299 300 301 302 303 304 305 306 307 308 309 310 311 312 313 314 315 316 317 318 319 320 321 322 323 324 325 326 327 328 329 330 331 332 333 334 335 336 337 338 339 340 341 342 343 344 345 346 347 348 349 350 351 352 353 354 355 356 357 358 359 360 361 362 363 364 365 366 367 368 369 370 371 372 373 374 375 376 377 378 379 380 381 382 383 384 385 386 387 388 389 390 391 392 393 394 395 396 397 398 399 400 401 402 403 404 405 406 407 408 409 410 411 412 413 414 415 416 417 418 419 420 421 422 423 424 425 426 427 428 429 430 431 432 433 434 435 436 437 438 439 440 441 442 443 444 445 446 447 448 449 450 451 452 453 454 455 456 457 458 459 460 461 462 463 464 465 466 467 468 469 470 471 472 473 474 475 476 477 478 479 480 481 482 483 484 485 486 487 488 489 490 491 492 493 494 495 496 497 498 499 500 501 502 503 504 505 506 507 508 509 510 511 512 513 514 515 516 517 518 519 520 521 522 523 524 525 526 527 528 529 530 531 532 533 534 535 536 537 538 539 540 541 542 543 544 545 546 547 548 549 550 551 552 553 554 555 556 557 558 559 560 561 562 563 564 565 566 567 568 569 570 571 572 573 574 575 576 577 578 579 580 581 582 583 584 585 586 587 588 589 590 591 592 593 594 595 596 597 598 599 600 601 602 603 604 605 606 607 608 609 610 611 612 613 614 615 616 617 618 619 620 621 622 623 624 625 626 627 628 629 630 631 632 633 634 635 636 637 638 639 640 641 642 643 644 645 646 647 648 649 650 651 652 653 654 655 656 657 658 659 660 661 662 663 664 665 666 667 668 669 670 671 672 673 674 675 676 677 678 679 680 681 682 683 684 685 686 687 688 689 690 691 692 693 694 695 696 697 698 699 700 701 702 703 704 705 706 707 708 709 710 711 712 713 714 715 716 717 718 719 720 721 722 723 724 725 726 727 728 729 730 731 732 733 734 735 736 737 738 739 740 741 742 743 744 745 746 747 748 749 750 751 752 753 754 755 756 757 758 759 760 761 762 763 764 765 766 767 768 769 770 771 772 773 774 775 776 777 778 779 780 781 782 783 784 785 786 787 788 789 790 791 792 793 794 795 796 797 798 799 800 801 802 803 804 805 806 807 808 809 810 811 812 813 814 815 816 817 818 819 820 821 822 823 824 825 826 827 828 829 830 831 832 833 834 835 836 837 838 839 840 841 842 843 844 845 846 847 848 849 850 851 852 853 854 855 856 857 858 859 860 861 862 863 864 865 866 867 868 869 870 871 872 873 874 875 876 877 878 879 880 881 882 883 884 885 886 887 888 889 890 891 892 893 894 895 896 897 898 899 900 901 902 903 904 905 906 907 908 909 910 911 912 913 914 915 916 917 918 919 920 921 922 923 924 925 926 927 928 929 930 931 932 933 934 935 936 937 938 939 940 941 942 943 944 945 946 94

ретируютъ ароматическія вещества, чтобы запаху отъ нихъ было больше¹⁾. Такъ выражается онъ въ письмѣ къ Пьетро да Монтефорте, посылая ему свой комментарий — съ просьбой сдѣлать въ немъ какія нужно поправки и показать одному лишь общему пріятелю, нотаріусу Tommaso de Joha.

Съ подобной же просьбой обратился Боккаччо къ тому же Пьетро по поводу своихъ Генеалогій. Это было въ 1372 году. Профессоръ гражданскаго права и членъ Великаго суда, Пьетро де Монтефорте интересовался поэзіей и, какъ самъ онъ писалъ Боккаччо, принизилъ однажды гордыню какого-то неприваннаго судьи, позволившаго себѣ нападать на поэзію, еще не издавъ и не уразумѣвъ рѣчи поэтовъ. Отъ графа Уго да Сансеверино, гдѣ въ 1370—1 годахъ Пьетро познакомился съ Боккаччо, онъ, вѣроятно, и получилъ экземпляръ Генеалогій, еще необработанныхъ въ окончательномъ видѣ и предоставленныхъ авторомъ хозяину лишь подъ условіемъ не распространять ихъ безъ необходимыхъ исправленій. Пьетро прочелъ ихъ и написалъ Боккаччо хвалебное посланіе; тотъ отвѣчалъ: онъ еще не получалъ экземпляра своей книги съ замѣтками Пьетро, — пишетъ онъ ему, — но уже знаетъ одно изъ его возраженій: книга о языческихъ богахъ | казалась ему слишкомъ нехристианской. Боккаччо оправдывается, проситъ указаній и поправокъ, но характерно такое именно заявленіе со стороны защитника поэзіи, «щедрого хозяина Піэриды», какъ называетъ его въ своемъ посланіи Барбато.

Барбато стоитъ за многихъ: къ его имени невольно примкнули имена нѣкоторыхъ другихъ сочувственныхъ ему дѣятелей, первыхъ дѣятелей южно-итальянскаго Возрожденія; къ нимъ пристанутъ впоследствии другіе: флорентинецъ Заноби, секретарь Аччяяйоли, еще позже Нелли. Письмо Петрарки въ похвалу Барбата даетъ намъ мѣру дѣятельности этого кружка, въ кото-

1) Тотъ же образъ въ письмѣ Нелли къ Петраркѣ у Cochin, l. c., стр. 216, № XIV (punc triti ac confricati piperis fragrantis suavius sentiebam odorem — по поводу чтенія Стаціа).

ромъ страстность неясныхъ стремленій перевѣшивала слабость наивныхъ начинаній: клички второго Назона, хозяина Піэриды, воспитанника Музъ (какъ зовутъ Николая д'Алифе), указываютъ не на дѣйствительную литературную дѣятельность, а на существованіе извѣстныхъ интересовъ, на подъемъ мысли въ области поэзіи и гуманистическаго знанія — отъ вопросовъ дня, дѣловой карьеры и узкаго преданія школы. Бя печать видимо лежитъ на Барбатѣ и Пьетро де Монтефорте; это — обрывокъ цѣпи, который они унесли безсознательно на новые пути, гдѣ всякое открытіе кажется имъ откровеніемъ, одинъ порывъ къ идеалу — подвигомъ; всѣ они — Назоны, любимцы музъ; всѣ издали молятся на Петрарку: его *Canzoniere* вліяетъ на юношескую лирику Боккаччо, Гвильельмо Марамальдо, съ которымъ Петрарка подружился въ Неаполѣ, — первый неаполитанскій петраркистъ; но всего болѣе манила глубина классическаго знанія, таинственная «Африка» Петрарки. Всѣ чего-то ждуть, всѣ идеально настроены; въ этой сферѣ сложился молодой Боккаччо. — Когда, послѣ его отъѣзда, явился въ Неаполь Петрарка, это было событіемъ: бродившія силы сплотились вокругъ него въ какую-то платоновскую республику философовъ; въ ней всѣ друзья: Сильвій — Петрарка, Питій — Барбатъ, Идеи — Баррили; культъ дружбы, типичный для Возрожденія ¹⁾, поддерживался единствомъ стремленій: всѣ ищутъ того же, каждый приноситъ свою лепту, ободряя другого, интересуясь его работой, прося пересмотрѣть и исправить свою; | 105 нѣсколько стиховъ Африки, довѣренные Петраркой Барбату подъ строгой тайной, вскорѣ облетѣли весь кружокъ гуманистовъ, а Пьетро де Монтефорте достаетъ при тѣхъ же условіяхъ Генеалогіи Боговъ. Частныя письма ни для кого не тайна, они какъ бы и пишутся въ виду друзей: они — ихъ литературный органъ; таковыми они останутся въ періодѣ расцвѣта *Renaissance*, какъ позже въ эпоху преціозности. Петрарка царитъ въ этомъ кружкѣ вблизи и издали, шлетъ письма и стихотворныя посланія, дѣя-

1) *Боккаччо о дружбѣ: *Decam.*, X, 8 (*santissima cosa è l'amistà* и. т. д.).

тельно съѣтъ дружбу, спѣшить подавить проявленіе расходившихся самолюбій, пристраиваетъ Заноби у Аччяйюли и старается водворить согласіе между нимъ и недовольнымъ на него Баррили, котораго поучаетъ по этому поводу философіи Платона ¹⁾. Дѣло выше всего, и оно всѣхъ настраиваетъ торжественно: живетъ въ мірѣ идей и образовъ, облакающихся въ пластическую фразу, и эта пластичность закупаетъ настолько, что кажется дѣйствительностью; работа мысли идетъ въ этой чередѣ, принимая слово за дѣло, заслушиваясь звучныхъ періодовъ, увлеченная логикой желанья. На землѣ — Аччяйюли, неаполитанскія смуты, полосы средневѣковаго мрака; тамъ гдѣ-то, въ сіяньѣ — силуэты золотого вѣка, Римъ и Капитолій, поэзія и дружба, и императоры, подающіе руку трибунамъ народной свободы.

Когда Филиппо Виллани рассказываетъ, что Боккаччо внезапно объяло поэтическое вдохновеніе (*subitoque Pieridum raptus amore*) въ Неаполѣ у гробницы Вергилія — это совершенно въ стилѣ ранней гуманистической восторженности, и мы склонны повѣрить ему на слово. Быть можетъ, впрочемъ, источникомъ Виллани было письмо Боккаччо отъ 1338—9 года къ какому-то военному человѣку, гдѣ также говорится объ откровеніи, бывшемъ ему у гробницы Вергилія; но это было откровеніе любви: ему явилась въ свѣтломъ видѣніи его Фьямметта; не классическая, холодная и учительная муза, какою представлялъ ее себѣ впоследствии Боккаччо подъ наитіемъ Петрарки, а муза — женщина, вдохновившая его первыя произведенія, красавица-неаполитанка, не столько просвѣтленная древнимъ идеаломъ красоты, сколько наряженная въ бутафорскія принадлежности антика. «Недавно моя отвага увлекла меня въ высокій сонмъ Геликона, и я стоялъ, внимая, что тамъ творится, и о чемъ идетъ бесѣда, когда, точно лаконская красавица Париса, вышла нимфа изъ веселой рощи, съ зеленымъ вѣнкомъ на головѣ, и, подойдя ко мнѣ,

1) Fam., XII, 14.

сказала: Я та, что дѣлаю безсмертнымъ имя всякаго, слѣдующаго за мною, и вотъ я явилась сюда, готовая полюбить. Встань же и прійди. — И я всталъ, уже воспламененный ею, и, выйдя изъ ада, вступилъ въ праздникъ любви»¹⁾). Такъ и въ Лаурѣ Петрарки женщина и муза поэзіи, подающая славу (Дафне), сплетались игриво и, вмѣстѣ, сознательно. Самъ Боккаччо отлично опредѣлилъ источникъ своего юношескаго вдохновенія, отвѣчая въ введеніи къ 4-й книгѣ Декамерона своимъ хулителямъ: они говорили, что ему приличнѣе было бы пребывать съ музами на Парнассѣ, чѣмъ увлекаться женщинами, бесѣдуя съ ними и о нихъ. Совѣтъ хорошій, отвѣчалъ онъ, но мы не можемъ постоянно быть съ музами и не должны навлечь на себя порицаніе если находимъ удовольствіе въ томъ, что на нихъ похоже; музы — женщины; «женщины были мнѣ поводомъ сочинить тысячу стиховъ, тогда какъ музы никогда не дали мнѣ повода и для одного»; онъ только помогали мнѣ сочинить эту тысячу, не разъ являлись побить со мною, когда я писалъ скромнѣйшіе рассказы Декамерона, «можетъ быть, въ угоду и честь того сходства, какое съ ними имѣютъ женщины».

Указанное выше письмо Боккаччо — то самое, въ которомъ онъ, въ одномъ изъ обычныхъ упадковъ духа, называлъ себя грубымъ, уродомъ, грязнымъ Діонеемъ²⁾). Первые строки наполнены такими же картинами: мрачный шаржъ, на которомъ тѣмъ ярче выступаетъ свѣтлое видѣніе Фьямметты. Боккаччо жалуется; онъ погруженъ въ мракъ невѣжества, нѣтъ | у него ни 107 виду, ни имени; постоянная игрушка судьбы, онъ бродитъ въ извилинахъ лабиринта: принужденъ жить въ крестьянской обстановкѣ, среди «стигійскаго» дыма и грязи и ослинаго крика³⁾), питаться растительной пищей, обонять отвратительные запахи и вращаться среди всѣхъ нечистотъ «виргиліевскаго Неаполя». —

1) Сон. XXVIII.

2) Сл. Corazzini, стр. 451 слѣд.: *Cuidam viro militi*. Сл. выше стр. 20.

3) *Latratus brunellitos*, можетъ быть, отъ *Brunellus* — оселъ; дѣйствующее лицо одной средневѣковой латинской поэмы того же названія.

Если это не риторика, то преувеличеніе, подсказанное страстнымъ моментомъ: болѣе двадцати лѣтъ спустя, въ письмѣ къ Нелли, Боккаччо хвалится, какъ хорошо и даже роскошно онъ жилъ въ Неаполѣ въ юные годы ¹⁾. — При всемъ томъ онъ тщательно блюдетъ свою свободу, говорится далѣе въ письмѣ; свободу отъ любви, отъ сѣтей Амура? — И вотъ однажды, поднявшись до разсвѣта, усталый и полусонный, онъ вышелъ изъ своей конуры на берегъ моря. Уже ночь переходила въ день, и онъ спокойно гулялъ, когда у гробницы Марона ему внезапно предстала, точно молнія, сошедшая съ неба, свѣтлая жена, образъ которой и нравы какимъ-то чудомъ шли навстрѣчу его желаніямъ. Онъ пораженъ, силится, раскрывая глаза, увѣрить себя, что ему не снится; и какъ за молніей слѣдуетъ громъ, такъ за пламенемъ, которымъ объяла его ея красота, послѣдовала страстная, могучая любовь, точно вернулся къ себѣ на родину изгнанный изъ нея властитель, и все, что было тамъ враждебнаго ему, уничтожилъ, изгналъ, либо связалъ; какъ онъ овладѣлъ имъ, это его корреспондентъ узнаетъ изъ краткаго стихотворенія (*brevi Calliopeo sermone*), гдѣ объ этомъ сказано будетъ аллегорически. Говорить ли далѣе? Послѣ долгихъ усилій онъ удостоился милости Амура и, отважный, но неискусный, сохранялъ ее нѣкоторое время, но когда онъ обрѣтался на верху счастья, не вѣдая скользкихъ путей и превратностей фортуны, по какой-то причинѣ, описать которую можно развѣ слезами, но безъ всякой вины съ своей стороны, онъ навлекъ | на себя гнѣвъ своей дамы и палъ въ бездну несчастій. Не помогли ни сѣтованія, ни старанія снова войти въ милость дамы, и онъ остался одинъ, плача и неустанно поминая прежніе годы.

Въ этихъ строкахъ вся внѣшняя исторія любви Боккаччо; можетъ быть, самое раннее о ней упоминаніе.

Вообще всѣ его письма 1338—9 годовъ — ихъ немного, — отличаются какою-то странною возбужденностью, горячностью

1) Corazzini, стр. 140.

человѣка, ищущаго пути, нравственныхъ устоевъ, пробивающагося къ свѣту; поэта, закрѣпощеннаго каноническимъ правомъ и любовью. Все его письмо къ герцогу Дураццо¹⁾ полно жалобъ на фортуны и любовь; въ концѣ должно было слѣдовать стихотвореніе, но оно не дошло до насъ. Онъ пишетъ напыщенно и неправильно, его латынь искусственна, но не элегантна, отзывается средневѣковщиной, въ которой тѣмъ рѣзче и рельефнѣе выступаютъ уродливые грецизмы²⁾; его ученый скарбъ — такой же странный, неопредѣлившійся, цитаты и имена — безъ разбора. Онъ самъ сознаетъ, что не доучился, не его дѣло — писать³⁾, но онъ жаждетъ знанія: приобрѣлъ себѣ Оиваиду Стація и проситъ пріятеля прислать ему свой экземпляръ съ глоссами (можетъ быть, Лактанція Пластида⁴⁾), которыя велитъ внести въ свою рукопись, иначе, безъ учителя, ему не понять текста. Если бъ ты зналъ, какъ меня, слабаго, обуреваютъ любовь, бѣдность и судьба⁴⁾, ты поторопился бы посылкой: какъ увижу я своихъ учителей, толкователей Декреталій, такъ и бѣгу отъ нихъ, и нѣтъ мнѣ иного утѣшенія, какъ книги, которыя я принимаюсь читать, вращаясь среди нихъ, какъ гость, не какъ хозяинъ; читая о чужихъ печаляхъ, облегчаю свои собственные, по пословицѣ, что утѣшеніемъ скорбящему бываетъ товарищъ по несчастью. — И онъ ждетъ письма, успокаивающаго слова, которое разсѣяло бы его | 109
духовный мракъ, дало бы ему распознаться въ родахъ любви и, упорядочивъ права плоти и духа, позволило увлечься правильно, не принимая маловажное за серьезное, худое за доброе, и наоборотъ⁵⁾.

1) Corazzini, стр. 439—40, апрѣля 1339 г.

2) Ib. Nereus amphitritibus, стр. 441 слѣд.

3) Movortis miles extreme, ib., стр. 451 слѣд. *«Apparò grammatica da grande e per questa cagione non ebbe mai la lingua latina molto in sua balia» (Leon. Bruni Aretino, Vita del Boccaccio, ed. Galletti, стр. 54).

4) Rammeria? Сл. Ramnusia въ письмѣ: Nereus и къ герцогу Дураццо; Ramnusia въ Ameto, стр. 2.

5) Sacrae famis, Corazzini, стр. 457 слѣд., 28 іюля 1338 г.

Таково было его состояніе духа среди навязанных ему занятій Декреталіями, сильными, на свой страхъ, порывами къ поэзіи и антику и обуявшей его любовью къ Фьямметтѣ. Его видѣніе у гробницы Виргилія, очевидно, не реальная встрѣча, а риторическій образъ съ психологической подкладкой. Вращаясь въ неаполитанскомъ обществѣ, Боккаччо не разъ увлекался той и другой красавицей¹⁾ и, какъ самъ онъ говоритъ, не безъ удачи; онъ сообщилъ намъ (въ *Ameto*) фиктивные имена нѣкоторыхъ изъ нихъ: Абротонія и Пампинія являются въ числѣ рассказчицъ Декамерона; онѣ были предметомъ его первыхъ лирическихъ опытовъ. Въ біографическомъ эпизодѣ Филоколо, которымъ мы уже пользовались, говоря объ отношеніяхъ Боккаччо къ Кальметѣ = Андалоне ди Negro²⁾, эти раннія увлеченія представляются подъ видомъ охоты: Идалагъ-Боккаччо преданъ Палладѣ — наукѣ, избѣгаетъ стрѣль Амура; его занятія: поэзія (лира Орфея) и охота въ лѣсу (Неаполь) на птицъ, которыя оборачиваются въ красавицъ. На первыхъ порахъ онъ поднялъ своею стрѣлою бѣлую голубку, затѣмъ чернаго дрозда, попугая, наконецъ фазана; тутъ и поджидалъ его Амуръ: передъ нимъ явилась женщина, превышавшая всѣхъ другихъ своими прелестями, именинаго, богатаго рода. Ты бѣжишь отъ меня? спрашиваетъ она его; но никто не любитъ тебя такъ, какъ я. — Онъ хотѣлъ было удалиться: вѣдь это она издѣвается надо мной! думается ему, но благородство духа, врожденное ему не по отцу, а по матери, удержало его: оставивъ всѣ другія начинанія, онъ весь отдался желанію узнать, подъ игомъ новой власти, какую силу | проявляетъ надъ человѣческими сердцами украшенное слово³⁾. Онъ становится поэтомъ Фьямметты.

Когда она явилась на его горизонтѣ, всѣ другія страсти поблекли: онѣ были только преддверіемъ, откровеніемъ чего-то другого, что ему роковымъ образомъ суждено, чего онъ чаялъ

1) *Fiammetta*, стр. 11: *esperto in più battaglie amorose*.

2) Сл. выше стр. 77.

3) *Filocolo*, II, стр. 246—8.

и не находилъ, что, казалось, гдѣ-то видѣлъ въ смутныхъ, пророческихъ образахъ. Видѣлъ въ то утро у гробницы *Виргилія*; когда *Калеоне-Боккаччо* впервые подѣзжалъ къ *Неаполю* и уже вступилъ въ городъ, его глазамъ представилась юная красавица, граціозная и изящная, въ зеленомъ платьѣ, убранная, какъ прилично было ея лѣтамъ и древнимъ обычаямъ города; весело привѣтствовавъ его, она взяла его за руку и поцѣловала, онъ отвѣтилъ на поцѣлуй. Приди сюда, ты обрѣтешь здѣсь источникъ всѣхъ твоихъ благъ, говоритъ она ему тихимъ голосомъ; и, казалось, онъ готовъ былъ послѣдовать за ней. Тутъ онъ очнулся, едва не свалившись съ лошади¹⁾.—Позже ему приснилась *Абротонія*, которую онъ покинулъ, и *Пампинея*, которая его отвергла за его проступки: онѣ будто корили его, издѣваясь надъ его грустью, а онъ просилъ ихъ оставить его въ покоѣ, въ награду за прежнюю любовь и службу и стихи, воспѣтые въ ихъ честь.—Вскорѣ объявится та, которую ты воспоешь еще болѣе, которая такъ овладѣетъ твоимъ сердцемъ, какъ никогда не владѣли мы. Подожди, мы покажемъ ее тебѣ.—Поэтъ очнулся, ощупью бродитъ по комнатѣ, ищетъ камелька и, ожегшись углемъ, вздуваетъ огня; ночныя тѣни удалились, и онъ снова заснулъ. Видитъ *Абротонію* и *Пампинею*, между ними—красавица, одѣтая въ зеленое платье; ему говорятъ: вотъ та, которая будетъ единственной владычицей твоей души, которая подвергнетъ испытанію, насколько сильны ея доблести.—Поэтъ любитъ ея прелестями; малымъ покажется всякій трудъ тому, кто заслужилъ бы имъ ея милость, думаетъ онъ и припоминаетъ, что видѣлъ ее, когда вѣзжалъ въ *Неаполь*: это она его привѣтствовала и поцѣловала²⁾.

11-го *Апрѣля* 1338 года, въ *Страстную субботу*³⁾, онъ

1) *Ameto*, стр. 149.

2) *Ameto*, стр. 149—153.

3) **Cochin*, *Boccaccio*, 21: 27 *Марта* 1334 г., въ *Страстную субботу*. Сл. выше стр. 15 (хронологія *Cochin*). За 1334 годъ стоятъ и *Manicardi* и *Massera*, *Introduz. al testo crit. del Canzoniere del Boccaccio*, *Castelfiorentino*, 1901, p. 31, прим. 4 (противъ *Crescini*, *Gaspary*, *D'Ancona*, *Volpi* и др.); *Della Torre*: 1331 г.

встрѣтилъ впервые реальную Фьямметту за обѣдней въ храмѣ св. Лаврентія: прислонившись къ мраморной колоннѣ, онъ заглянулся на нее и не призналъ съ перваго раза: она была одѣта въ черное; но что-то подсказывало ему, что онъ ее знаетъ. На другой день онъ снова пошелъ въ церковь; Фьямметта явилась въ роскошномъ нарядѣ, блестящемъ золотомъ и драгоценными камнями. Его сердце дрогнуло, трепетъ пошелъ по всему тѣлу. Что со мной? спрашиваетъ онъ себя въ смущеніи; смотритъ въ глаза красавицы и видитъ въ нихъ Амура, столь милостиваго и сострадательнаго, что онъ готовъ служить ему, хотя до того молилъ лишь о пощадѣ. Зеленый цвѣтъ платья внезапно освѣтилъ въ его памяти все прошлое, пережитое въ пророческихъ снахъ: это — владычица моего сердца, та, что мнѣ суждена, мое «блаженство»¹⁾.

III.

Фьямметта было поэтическое имя, подъ которымъ Боккаччо воспѣвалъ Марію, считавшуюся дочерью графа Аквино — и плодомъ любви короля Роберта. Умирая, мать открыла ей тайну ея рожденія, дабы она съ тѣмъ большею увѣренностью могла пользоваться щедротами предполагаемаго отца. По смерти матери ее отдали на воспитаніе въ монастырь, на служеніе Весты, но ея красота обратила на себя вниманіе одного молодого человѣка, красиваго, богатаго, изъ хорошаго рода; она отвергла его предложеніе, но юноша обратился къ посредству того, кого считали ея родителемъ: Фьямметту убѣдили, что и замужемъ она въ состояніи будетъ питать огонь Весты, и бракъ состоялся²⁾; |
112 счастливый бракъ, полный внимательности и долга и того, что казалось любовью, пока его не посѣтила побѣдная страсть³⁾.

Марія была, кажется, однихъ лѣтъ съ Боккаччо или немногимъ старше его, что не лишне отмѣтить для характеристики ихъ

1) Ameto, стр. 153—5; Fiammetta, стр. 9; Filocolo, I, стр. 5.

2) Ameto, стр. 142 слѣд.

3) Fiammetta, стр. 4; сл. еще Filocolo, II, стр. 30

отношеній. Боккаччо не разъ описываетъ ея красоту, подъ ея именемъ и именами другихъ своихъ героинь: очевидно, красота Фьямметты казалась ему идеальной, и онъ надѣлялъ ея тѣхъ, кого надо было представить красавицами. Насколько въ его описаніи еще отзывается типъ женскаго изящества, господствовавшій въ европейской и итальянской поэзіи XIII—XIV вѣковъ, и насколько въ немъ личнаго элемента — сказать трудно. Типомъ красавицы для рыцарскихъ поэтовъ и поэтовъ старой итальянской школы ¹⁾ была блондинка; блондинкой является и Фьямметта. Боккаччо любитъ представлять ее себѣ одѣтой въ зеленый цвѣтъ; это, быть можетъ, тоже символъ: цвѣтъ надежды; но *dame Oyseuse* въ *Roman de la Rose*, изображеніе которой напоминаетъ Эмилию въ *Тезейдѣ* Боккаччо, одѣта такъ же. Тѣмъ не менѣе описаніе повторяется такъ настойчиво и въ общемъ однообразно, что поневолѣ вѣришь въ его реальность. Въ концѣ IV-го дня Декамерона Филострато возлагаетъ вѣнокъ на бѣлокурую головку Фьямметты; ея «выющіеся, длинные и золотистые волосы падали на бѣлыя, нѣжныя плечи, кругленькое личико сіяло настоящимъ цвѣтомъ алыхъ розъ и бѣлыхъ липій, смѣшанныхъ вмѣстѣ; глаза, какъ у яснаго сокола, ротъ маленькій, съ губками точно рубины» ²⁾. Амето ³⁾ любитъ ея волосами, часть которыхъ приподнята была надъ ушами, другая падала до конца затылка двумя густыми косами; скрестившись назади, онѣ снова взбирались къ вершинѣ бѣлокурой головки и опять | спускались, пряча свои концы подъ первыми, поднявшимися, и 113 здѣсь скрѣплены были золотой съ жемчугомъ булавкой, такъ что ни одинъ волосокъ не выходилъ изъ назначеннаго ему мѣста. На голову наброшенъ тончайшій вуаль, поверхъ него — вѣнокъ

1) Сл. Renier, *Il tipo estetico della donna nel medio evo* (Ancona, 1885) и отчеты въ *Riv. critica d. lett. ital.*, II, 132—141; въ *Nuova Antologia*, v. LXXXIII, 594 (Borgognoni), и *Torraca, Discussioni e ricerche letterarie*, Livorno, 1888, стр. 291; мой отчетъ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, ч. CCXIV, отд. 2, стр. 189—191.

2) Сл. мой переводъ, I, стр. 344.

3) Амето, стр. 40—2.

изъ цвѣтовъ, скрѣпленный золотомъ, укрывавшій отъ солнечныхъ лучей не менѣе, чѣмъ то дѣлаетъ греческая (данайская) шляпа. Черная лента отдѣляетъ линію золотистыхъ волосъ отъ лба, внизу котораго вырисовываются полукругами двое тонкихъ бровей, цвѣта ночного мрака, изящно раздѣленныхъ большимъ пространствомъ, а подъ ними — пара плутовскихъ въ своемъ движеніи глазокъ; что они таятъ въ себѣ, и кто въ нихъ пребываетъ, того не угадать, и смущенный Амето отводитъ отъ нихъ свой взглядъ, чтобы полюбоваться носомъ, не сгорбленнымъ, не широкимъ и не малымъ, а какому слѣдуетъ быть на красивомъ лицѣ; щечками цвѣта молока, въ которое капнула свѣжая кровь — когда красавицѣ жарко, въ иное время — цвѣта темно-блѣднаго восточнаго жемчуга и т. д.

Боккаччо стоитъ за плечами Амето, и его глаза также спускаются отъ линіи волосъ къ бровямъ, глазамъ, носу, губкамъ, подбородку, медленно подбирая чергу за чертой, не минуя ни одного мелкаго штриха, напр., что ни одинъ волосокъ не выдѣлялся изъ гладкой прически¹⁾; видимо, любясь каждой подробностью. Таковы его описанія природы, зданій, характеровъ; точно передъ нимъ ландшафтъ или оригиналъ, и онъ задался мыслью воспроизвести ихъ съ возможной точностью, предоставляя намъ схватить въ нихъ то общее, то впечатлѣніе жизни, которое выносили самъ. Средневѣковой поэмѣ, народной и бѣснѣ знакомы такіе же статистическія описанія, напр., красоты, но это — реализмъ, одереветѣвшій въ постоянно повторяющейся формулѣ; у Боккаччо она раскрылась для личныхъ цѣлей; тѣ же приемы, по задаче другая, онъ — начинатель художественнаго реализма. И онъ достигалъ своихъ цѣлей, когда дѣло шло объ объектахъ движущихся, раз|вивающихся во времени: для характеристики психологическаго или общественнаго типа дорога всякая фраза, движеніе, обрывокъ разговора, складъ рѣчи; общее получится въ концѣ, какъ выводъ, въ которомъ вы сами желаете участвовать

1) Сл. сонетъ XXXI; Teseide, XII, 54; сл. Дек., IX, 8; о Бьонделло.

работой мысли. Описаніе природы, красоты, всего покоющагося и не движущагося, должно быть выводомъ самого художника, мы не можемъ участвовать въ его работѣ, готовы раздѣлить его впечатлѣніе и не въ силахъ оживить его фотографическій снимокъ, когда, напр., при описаніи поляны намъ говорятъ, что тамъ были ели, кипарисы, лавры — и нѣсколько пиній ¹⁾, либо о веселомъ обществѣ Декамерона, что они пропѣли именно шесть пѣсенокъ ²⁾. Мы готовы принять на вѣру точную опись предестей красавицы, но пока развѣ ея плутовскіе глазки позволяютъ намъ угадать, что побудило Боккаччо назвать ее своей Искоркой, Фьямметтой, и постоянно играть въ своихъ сонетахъ словами: огонь и пламя, fuoco и fiamma ³⁾. Любовные сонеты и Филострато подскажутъ намъ многое.

Боккаччо страшно увлекся Фьямметтой, она заинтересовалась незнакомцемъ, имя котораго узнала лишь нѣсколько дней спустя послѣ встрѣчи въ Санъ-Лоренцо ⁴⁾. Влюбленный поэтъ ищетъ случаяевъ увидѣть ее, старается познакомиться съ ея родней, вступаетъ въ такую дружбу съ ея мужемъ, что тотъ не находитъ ничего пріятнаго его общества. Она замѣчаетъ это и своими дѣйствіями и движеніями тайно даетъ ему понять, что и она горитъ тѣмъ же пламенемъ; пусть только будетъ остороженъ, какъ она ⁵⁾. Однажды онъ случайно зашелъ въ церковь св. арх. Михаила при монастырѣ монахинь - бенедиктинокъ и здѣсь встрѣтилъ даму своего сердца въ веселой бесѣдѣ, къ которой допущенъ былъ и онъ съ товарищемъ. Переходя отъ одного предмета къ другому, 115 стали говорить и о приключеніяхъ доблестнаго юноши Флоріо, сына испанскаго короля Феличе, и Боккаччо рассказалъ о нихъ съ увлеченіемъ. Повѣсть понравилась Фьямметтѣ, и, съ милымъ

1) Декамеронъ, конецъ VI дня.

2) Введеніе къ IX-у дню.

3) Сл. сонеты 19, 40, 41, 46, 83, 98, 107; Filocolo, II, стр. 81—2; Amorosa Visione, стр. 7.

4) Fiammetta, стр. 14.

5) Fiammetta, стр. 29.

движеніемъ обратившись къ рассказчику, котораго она, очевидно, уже знала за поэта, она весело сказала: Какъ подумаемъ мы объ этихъ влюбленныхъ молодыхъ людяхъ, о великой твердости ихъ духа, и какъ, соединенные силой любви въ одномъ желаніи, они постоянно были вѣрны другъ другу, приходится сознаться, что ихъ память терпитъ великій уронъ, ибо ни одинъ еще поэтъ не возвеличилъ стихами ихъ славу, какъ бы то слѣдовало, и она предоставлена баснословнымъ розказнямъ невѣждъ. Вотъ почему, тщеславная тѣмъ, что буду поводомъ къ ихъ прославленію, и тѣмъ, что ощутила жалость къ ихъ судьбѣ, я хочу попросить тебя написать по-итальянски небольшую книжку, въ которой говорилось бы объ ихъ происхожденіи, любви и приключеніяхъ, все до конца ¹⁾).

Это была первая просьба Фьямметты, которой Боккаччо дорожилъ, какъ залогомъ лучшаго будущаго, и обѣщаль исполнить. Такъ затѣянъ былъ его первый романъ, *Филоколо*, съ содержаніемъ какой-нибудь византійской повѣсти, отразившейся въ французскихъ поэмахъ XII—XIII вѣка; Боккаччо могъ знать итальянскую народную поэму на тотъ же сюжетъ, пересказъ французской. Вкусъ къ романтическимъ, заходимъ изъ Франціи, сюжетамъ былъ распространенъ въ итальянскомъ обществѣ и среди дамъ: флорентійская вдова, столь жестоко осмѣянная Боккаччо, зачитывается похождениями Ланцелота и Джиневры, Тристана и Изотты, Флоріо и Бьянчифоре ²⁾); въ счастливые, но недолгіе дни любви Фьямметта охотно слушаетъ и читаетъ разныя исторіи, особенно любовныя ³⁾, и французскіе романы ⁴⁾. |

116 Чтеніе отвѣчало настроенію: въ психологическомъ этюдѣ, носящемъ имя Фьямметты, въ которомъ Боккаччо, извращая факты, представляетъ ее покинутой своимъ милымъ, она коротаетъ время, рассказывая что-либо своимъ дѣвушкамъ, либо слушая сказки;

1) *Filocolo*, I, стр. 6—7.

2) *Corbaccio*, стр. 233.

3) Сл. посвятельное письмо къ Тезейдѣ.

4) *Fiammetta*, стр. 185—186.

а когда этого нельзя устроить, припоминаетъ разные горестные случаи, которые сравниваетъ съ своимъ положеніемъ и, какъ бы найдя товарищей по несчастію, отводитъ душу ¹⁾. Повѣсть о чужомъ горѣ или счастьѣ помогала разобраться въ своемъ собственномъ, обобщая его; въ этомъ смыслѣ новеллы Декамерона и были написаны «на помощь и развлеченіе любящихъ» ²⁾: каждый рассказъ вызывалъ житейскую и психологическую оцѣнку, личные интересы рассказчиковъ сказывались въ выборѣ того или другого сюжета. Сцена въ монастырѣ св. Михаила — первый листокъ Декамерона: когда въ веселомъ кружкѣ бесѣдовали о судьбахъ Флоріо и Бьянчиѳоре, Боккаччо и Фьямметта могли безсознательно отождествлять себя съ героемъ и героиней романа, полюбившими другъ друга съ дѣтства какою-то роковою страстью, разлученными цѣлымъ рядомъ препятствій и все же кончившими гимномъ торжествующей любви.

Подъ этимъ впечатлѣніемъ начать былъ Филоколо; Боккаччо кончилъ его уже во Флоренціи, послѣ разрыва съ Фьямметтой; оттого въ немъ такъ много автобіографическихъ эпизодовъ, веселыхъ и грустныхъ воспоминаній, нерѣдко перерастающихъ канву рассказа, болѣе его не интересовавшего: дѣйствительность нарушила его поэтическія грезы.

Пока онъ счастливъ: ему сказали, что его любятъ ³⁾. «Теперь за тобой стало собратъся съ духомъ и пойти за мною, припасшей тебѣ вѣнокъ изъ столь дорогихъ тебѣ листьевъ. Что же ты намѣренъ дѣлать? Приди, говорить мнѣ красавица, которою увлекъ меня Амуръ; а я стою недвижимъ: таково мое малодушіе» ⁴⁾. Робость ли | это влюбленнаго, или недовѣрчивость, внушенная 117 ему высокимъ положеніемъ его дамы, только онъ побѣдилъ то и другое и начинаетъ ухаживать. Фьямметта становится его музой: «Когда-то я взывалъ въ своихъ нуждахъ къ музамъ Парнасса,

1) Fiammetta, стр. 181—2.

2) Введеніе, стр. 3 перев.; сл. Ameto, стр. 2.

3) Filocolo, II, стр. 248.

4) Сонетъ XXVII.

но съ тѣхъ поръ, какъ я влюбился въ тебя, мадонна, любовь заставила меня измѣнить старому обычаю. . . . Ты— моя радость и утѣшеніе, ты мнѣ Юпитеръ и Аполлонъ, моя муза; я это знаю по опыту»¹⁾. Онъ хочетъ испытать надъ нею силу «украшеннаго слова», воспѣвая ея красоту²⁾, и она расточаетъ похвалы его стихотвореніямъ³⁾. Измышленное имя Фьямметта позволяло сказать многое; Боккаччо знаетъ, что извѣстное положеніе обязываетъ къ осторожности и тайнѣ, и самъ называетъ себя то Панфиломъ⁴⁾, то Калеоне⁵⁾. Онъ выработалъ себѣ языкъ знаковъ и ипосказаній и объясняется въ любви безъ словъ; иногда, воспламененный любовью, онъ рассказываетъ, въ присутствіи близкихъ къ Фьямметтѣ людей, о ней и о Панфило, будто бы о грекахъ, о томъ, какъ они увлеклись другъ другомъ, и что затѣмъ послѣдовало, обставляя новеллу соответствующими именами лицъ и мѣстностей. Фьямметта смѣялась, порой ее разбиралъ и страхъ, какъ бы, увлекшись, Панфило не сказалъ что лишнее; но онъ былъ хитрѣе, чѣмъ ей казалось, и сама она научилась у него языку знаковъ и въ выдумкахъ превзошла любого поэта, отвѣчая разказами на иносказанія милаго⁶⁾.

Откуда ея имя? Видѣтъ ли въ немъ воздѣйствіе измышленіе автора «Фьямметты», или оно въ самомъ дѣлѣ подсказалось ему уже въ раннихъ отношеніяхъ любви? Въ III-й и V-й эклогахъ Боккаччо одинъ изъ собесѣдниковъ носить имя Панфило, что объясняется: *totus amor*, всецѣло любящій; Боккаччо могъ вы-
 118 читать его изъ анонимной поэмы XII-го вѣка, *De Amore* или *De arte amandī*, одномъ изъ популярныхъ въ средніе вѣка подражаній Овидію. Дѣйствующія въ немъ лица—Памфилъ и Галатея; ихъ имена греческія—а Боккаччо рассказываетъ о себѣ и

1) *Filostrato*, I, 1—2. Сл. посвященіе, стр. 5.

2) *Filocolo*, II, стр. 248, 261.

3) Посвященіе Тезеиды, *Corazzini*, стр. 3.

4) Фьямметта, Декамеронъ.

5) *Амето*, *Филоколо*.

6) *Fiammetta*, с. I, стр. 30—31.

Фьямметтѣ, какъ о грекахъ; Памфилъ поэмы — бѣдный юноша, горящій любовью къ богатой и родовитой Галатеѣ; это тѣ же отношенія, чтò и у Боккаччо, и у него та же робость, чтò у героя поэмы:

47 Dicitur et fateor me nobilioribus ortum,
Huic ideo metuo dicere velle meum.
Fertur, et est verum, quod me sit ditior illa,
Et decus et dotes copia saepe rogat,
Nec mihi sunt dotes decus ingens copia grandis,
Sed quod habere queo, quero labore me.

Онъ молитъ о помощи Венеры; она ободряетъ его дѣйствовать (76: labor improbus omnia vincit; 87: rebus et in multis ars adjuvat officiumque): пусть не пугается отказа, онъ явится непременно (76: Quodque precando petis prius aspera forte negabit), но за нимъ скрывается желаніе (112: Sed quod habere cupit his magis ipsa negat); сладкія рѣчи возбуждаютъ и питаютъ любовь (107: Excitat et nutrit facundia dulcis amorem), — какъ и Боккаччо пытается силу «украшеннаго слова», copiosa sermonis facundia, какъ выразился бы капелланъ Андрей. Помощь Венеры ограничивается, впрочемъ, однимъ совѣтомъ, дѣйствіе разрѣшается съ появленіемъ услужливой старухи извѣстнаго типа, прошедшаго изъ элегіи Овидія ¹⁾ и восточныхъ повѣстей въ средневѣковые фабліо, въ Roman de la Rose, поэму de Vetula и новеллу Декамерона ²⁾. Она-то и устраиваетъ любовь Памфила и Галатеи, которая увлечена и страшится, стыдлива и разумна — и горитъ желаніемъ.

Боккаччо упоминаетъ Памфила, очевидно, указанную поэму, въ Любовномъ Видѣніи ³⁾, наряду съ Пиндаромъ (Ойванскимъ), а въ посланіи къ Якову Пиццинги считаетъ его въ числѣ итальянскихъ поэтовъ, поддерживавшихъ въ средніе вѣка заглухшее пламя

1) Ам., I, 8.

2) Дек., V, 10.

3) Сар. V, str. 11.

поэзіи¹⁾. Именно ситуація поэмы могла дать ему идею перевести ея отношенія на свои собственныя: та же противоположность соціального положенія, и та же смѣсь страстности и выдержки въ Фьямметтѣ — Галатеѣ. О Фьямметтѣ онъ, очевидно, не могъ говорить, какъ о греческомъ имени; онъ, можетъ быть, и называлъ ее Галатеей, рассказывая о любви двухъ грековъ. Не она ли является въ его XII-й эклогѣ:

Me Galatea diu, me quondam Phyllis amavit;

въ XVI-й:

ludit Galatea potentem
Viribus?

Не она ли разумѣется и въ его отвѣтномъ посланіи къ Чекко да Милето? Положимъ предѣлъ нашимъ пѣснямъ, говоритъ онъ ему, онѣ неспособны къ великому, но намъ знакомы Паэось и пламя Венеры и жестокія стрѣлы Амура, ибо шаловливая Галатея, улыбаясь, даритъ меня своими вздохами — и не тушитъ грознаго пламени:

Nam placido Galatea mihi suspiria vultu
Lasciviens prestat, nec diros opprimit ignes.

Имя Галатеи²⁾ не удержалось, предпочтеніе отдано было Фьямметтѣ, можетъ быть, подсказанной Овидіемъ³⁾. Байскій берегъ видѣлъ ее нерѣдко вмѣстѣ съ Панфиломъ участниками одного изъ тѣхъ веселыхъ обществъ, которыя изобразилъ намъ Боккаччо⁴⁾.

Его лирика⁵⁾ отражаетъ все развитіе его страсти, съ ея |

1) Corazzini, стр. 194.

2) Сл. Галатею = Лауру XI-й эклоги Петрарки.

3) Ам., II, 16, v. 11: at meus *ignis* abest.

4) Fiammetta, c. V, стр. 108.

5) Цитую по изданію Moutier; сл. Carducci, Cantilene e ballate, Pisa, Nistri, 1871, l. VI: Ballate tratte dalle dieci giornate del Decameron ed altre Canzoni a ballo e Madrigali di Messer Giovanni Boccaccio. Къ библиографіи лирическихъ произведеній Боккаччо сл. Indice delle carte di Pietro Bilancioni въ Propugnatore, N. S., vol. II, fasc. 11—12, стр. 284—6.

надеждами и упоеніями, порывами плотской ревности и полетами 120 въ области любви, отвлеченной до значенія небесной добродѣтели. Фьямметта — красавица, ея прелестей не описать, говоритъ поэтъ¹⁾, но онъ пытается изобразить въ другомъ сонетѣ²⁾ типъ знакомый намъ изъ Декамерона и Амето, подчеркивая въ первой строфѣ смѣхъ Фьямметты; онъ его особенно очаровалъ: когда она смѣется, небо кажется отверстымъ, и улыбается весь міръ³⁾. Природа соединила въ ней, какъ въ своей сокровищницѣ, и золотыя кудри, и смѣющіеся глаза, блестящіе и нѣжные, изящныя движенія и степенные нравы, сдержанную шутливость и честное простодушіе рѣчи. Если я страстно вздыхаю по ней, да не порицаютъ меня тѣ, кто не вѣдаетъ, что наградой моихъ страданій — надежда⁴⁾. Онъ любитъ представлять себѣ Фьямметту на берегу моря въ обществѣ дамъ⁵⁾; либо она сидитъ подъ тѣнью деревьевъ, плетя изъ своихъ золотистыхъ волосъ сѣти, куда попадутъ всѣ, поглядѣвшіе на нее, какъ попалъ и онъ, слишкомъ понадѣявшись на себя, увлеченный невѣдомой силой⁶⁾. Чаше всего она катается въ лодкѣ и поетъ: это — воспоминаніе байскихъ прогулокъ⁷⁾; ея голосъ чарующій: дельфины слѣдуютъ за нею, какъ за пѣснью Аріона⁸⁾, но ни голосъ того, кто усыпилъ Аргуса, ни пѣсни Аріона и сиренъ не сравниваются съ тою, которую пѣла она, убирая свои волосы цвѣтами и зеленью; она-то и зажгла въ моемъ сердцѣ искорку, прибавляетъ поэтъ, риѐмуя *angioletta* и *fiammetta*⁹⁾. — Его любовь чиста, поднимаетъ его нравственно: она возжигаетъ въ немъ лишь побужденіе къ добру¹⁰⁾, онъ ничего иного не же-

1) Сонетъ XVIII.

2) Сон. III.

3) Сон. LXXXIX.

4) Сон. LXI.

5) Сон. XXXI.

6) Сон. XXXVIII.

7) Сон. XXXII; сл. *Fiammetta*, стр. 93.

8) Сон. LIII.

9) Сон. XLI.

10) Сон. LXII.

121 лаеть, какъ доставить столь прелестному созданію удовольствіе въ предѣлахъ честности¹⁾; пусть Фьямметта подаритъ его однимъ лишь вздохомъ: онъ утолитъ сжигающее его пламя²⁾. Въ ея лицѣ ему видится красота небесъ, она-то и поднимаетъ его на крыльяхъ добродѣтели³⁾, потому что любовь воспитываетъ благородный духъ въ радушіи и смиреніи и, какъ отъ врага, бѣжитъ отъ всего низкаго⁴⁾.

Такъ уже въ ранней лирикѣ Боккаччо намѣченъ мотивъ одухотворяющей любви, къ которому онъ такъ часто возвращается въ послѣдствіи. Очевидно, для него это не одна лишь мода, не лирическая формула, а вмѣстѣ и требованіе самосознанія, желаніе помирить спросы темперамента и идеализаціи. Вопросъ платонизирующей любви поставленъ уже въ одной небольшой поэмѣ его первой неаполитанской поры, въ Діаниной Охотѣ⁵⁾. Фьямметта не названа, но едва ли не она разумѣется подъ *bella donna, donna piacente, gentile*; не даромъ у нея на рукѣ царственный орелъ.

Поэтъ мечтаетъ о томъ, какъ бы ему защититься отъ любви, и слышитъ, голосъ дантовскаго *spirto gentil*, призывающій къ Діанѣ всѣхъ ея паргенопейскихъ поклонницъ. Онѣ являются, съ своими именами, принадлежащими къ родовитымъ неаполитанскимъ семьямъ; подобные перечни красавицъ были не новость въ провансальской и итальянской поэзіи⁶⁾; послѣдняя не названа, потому что ея имя достойно большей хвалы, чѣмъ на какую способенъ поэтъ; она, *bella donna* (IV п.), избранница Амура, руководитъ другими, и ей порученъ одинъ изъ четырехъ отря-

1) Сон. LXXXIV.

2) Сон. LXXXV.

3) Сон. I.

4) Сон. CIV.

5) Новое издание: *La caccia di Diana* (pubblicata per le Nozze Casini-Polsinelli da Salomone Morpurgo, Albino e Oddone Zenatti). Firenze, 1885.

6) D'Ancona, *Vita Nuova*, Pisa, 1884, стр. 45 слѣд.; Scherillo, *Alcune fonti provenzali della V. N. di Dante*, Torino, 1889, § 6. — *Сл. *Rassegna bibliografica*, 1896, IV, № 8, стр. 210 слѣд. (Crescini); *ib.*, 1897 (годъ V-й), № 9—10, стр. 226—7 (*id.*); *Nuova Antologia*, 1897, fasc. 17, стр. 87—8.

довъ, на которые Діана дѣлитъ своихъ охотницъ; | у ней на 122
рукѣ ловчій орель. Начинается охота вразсыпную, падаютъ
звѣри, между ними носорогъ и слонъ, пантера и страусъ. Послѣ
охоты Діана ожидаетъ, что вся эта добыча будетъ принесена въ
жертву Юпитеру и ей; но красавица (*donna piacente*, XVI п.)
протестуетъ: Не хотимъ мы болѣе пребывать подъ твоей властью,
ибо горимъ другимъ пламенемъ. Пока гнѣвная Діана удаляется
на небо, красавица (*donna gentile*, XVII п.) предлагаетъ всѣмъ
обратиться къ «святой Венерѣ, матери Амура», и принести ей въ
жертву добытыхъ на охотѣ звѣрей, дабы ея сила въ нихъ умно-
жилась, ихъ мысли очистились отъ всякія скверны, сердце стало
щедрымъ и привѣтливымъ; пусть покажетъ на нихъ свою силу и
исполнить ихъ желаніе, сдѣлавъ ихъ доступными любви. — На
свѣтломъ облакѣ показывается обнаженная богиня и говоритъ,
что ихъ просьба будетъ исполнена; что-то шепнула на огонь, гдѣ
лежали жертвенныя животныя, и они ожили въ человѣческомъ
образѣ, въ видѣ красивыхъ, веселыхъ юношей; они окунулись
въ рѣку и очутились въ дорогихъ одеждахъ краснаго цвѣта. По-
винуйтесь этимъ красавицамъ, говоритъ Венера, любите ихъ, и
ваши труды увѣнчаются побѣдой, и надъ вами смиляются. Богиня
вознеслась на небо, а поэту кажется, что и самъ онъ былъ при-
несенъ ей въ жертву въ видѣ оленя и такъ же преобразился, какъ
другіе, и предоставленъ въ служеніе красавицѣ (XVIII п.). Вотъ
что она сдѣлала со мною, чистая и непорочная, сошедшая съ
неба, дабы просвѣтить людскія очи, мудрая, съ разсудительной
рѣчью, величественнымъ видомъ, съ веселой, легкой поступью.
Отдавшись ей, я превратился изъ звѣря въ разумное существо;
она гонитъ печаль, дѣлаетъ милостивымъ всякаго, на нее смотря-
щаго: когда гляжу я на нее, отъ меня бѣжитъ гордость и нера-
дніе, любостяжаніе и гнѣвъ. Пусть всѣ, служащіе тому же вла-
стелину, что и я, помолятъ его, чтобы я долше пробылъ въ ея
любви и могъ достойно почтить ее. Болѣе не говорю, ибо намѣ-
ренъ воздать ей большія похвалы, отъ которыхъ еще жду
себѣ — счастья.

Съ этими мотивами мы встрѣтимся въ эпизодахъ Филоколо, |
 23 въ типахъ Амето и Чимоне, въ идеѣ Любовнаго Видѣнія. Въ
 пору своей молодой страсти къ Фьямметтѣ, Боккаччо, очевидно,
 самъ вѣрилъ въ выспренность своихъ желаній и увлекался до
 восторговъ къ неземной красотѣ небесъ, но онъ не спокоенъ:
 въ сущности, онъ надѣется на что-то другое, и надежда смѣшана
 у него со страхомъ, что всякое счастье недолговѣчно ¹⁾; онъ одинъ
 горитъ, когда природа подъ снѣгомъ; молить подать ему воды—
 и не вымолить у Амура ни капли ²⁾. Онъ жалуется на свои глаза,
 открывшіеся на красоту, отъ которой онъ погибъ ³⁾, на Амура
 и свою милую, и чувствуетъ, какъ она тайно отвѣчаетъ въ его
 сердцахъ: Моя честь мнѣ дороже твоего горя ⁴⁾! Почему Амуръ не
 поразилъ и ее, какъ поразилъ его ⁵⁾? Почему не убьетъ его ⁶⁾?
 Онъ жаждетъ смерти ⁷⁾, хотѣлъ бы бѣжать, но Амуръ остано-
 вливаетъ его: Напрасно! Одно слово, улыбка, ласковый взглядъ
 заставятъ тебя вернуться, и ты будешь болѣе связанъ, чѣмъ
 прежде ⁸⁾; оплачь свою свободу, говоритъ себѣ поэтъ, и тотчасъ же
 прибавляетъ, что нѣтъ лучше свободы, какъ быть подвластнымъ
 столь чудной красотѣ ⁹⁾. А она не хочетъ надъ нимъ сжалиться,
 гнушается имъ, бѣжитъ, лишь только его завидитъ, точно ревнуетъ
 къ себѣ, боится всякаго, кто на нее посмотритъ, какъ бы ее не
 отняли у нея самой ¹⁰⁾; то подаетъ надежду, то пугаетъ отка-
 зомъ ¹¹⁾. Ея прелестные глазки, которые влекутъ его, какъ
 птицы влекутся ночью на свѣтъ, кажутся ему коварными ¹²⁾,

1) Сон. XX.

2) Сон. LXXVII.

3) Сон. LXIII.

4) Сон. LXX.

5) Сон. LXXIX.

6) Сон. LVII.

7) Сон. LXXV.

8) Сон. LXXI.

9) Сон. XXII.

10) Сон. XLIV, XLVI, LI: мадригалъ I.

11) Сон. CVII.

12) Сон. XIV.

она какъ бы торжествуетъ въ сознаніи своей силы, когда видитъ его блѣднѣющимъ, убитымъ, измѣнившимся, и вотъ онъ хочетъ, съ 124 согласія Амура, измѣнить ладъ своихъ пѣсенъ: онъ будетъ хулить, что неразумно хвалилъ: можетъ быть, такъ онъ дождется конца своихъ страданій ¹⁾, доживетъ до поры, когда ея золотистые волосы посеребрѣютъ, лицо покроется морщинами, голосъ станетъ хриплымъ — и его печаль обратится въ смѣхъ, и онъ скажетъ: Мадонна, Амуръ васъ болѣе не любитъ, и вамъ остается оплакать свою неподатливость ²⁾.

Но вотъ въ его лирикѣ слышится новая нота: если моя дама не шутитъ надо мною, моя надежда вскорѣ будетъ увѣнчана, говорить онъ себѣ; при встрѣчѣ со мною она блѣднѣетъ, то широко уставить на меня глаза, полные желанія, то закроетъ ихъ; она вздыхаетъ, точно, подавленная чувствомъ, просить у меня мира. Я ли перестану пылать къ ней, видя, что ей это по сердцу ³⁾. Ему кажется, что и она переживаетъ то же, что и онъ ⁴⁾. — Настаетъ пора сближенія, интимныхъ бесѣдъ Памфила съ Фьямметтой, опасеній, какъ бы не дознался мужъ ⁵⁾, какъ бы не оговорили ихъ злые языки. Нѣчто подобное случилось, если канцоны IV, V и VI относятся къ Фьямметтѣ, за что говорятъ, повидимому, указанія на разницу общественныхъ положеній. Поэтъ пишетъ своей дамѣ, потому что не можетъ съ нею видѣться; к тому виною: его ли неразумное желаніе, направленное къ женщиной, стоящей выше него ⁶⁾ — или враждебная судьба? Это она настроила противъ него грубыхъ, неотесанныхъ людей, завистниковъ, распустившихъ ложные слухи и подозрѣнія, ни на чемъ не основанныя ⁷⁾, — и вотъ онъ принужденъ теперь избѣгать мѣстъ,

1) Сон. XIII.

2) Сон. LXXXII; сл. XXXVII.

3) Сон. XXVI.

4) Сон. XXIII.

5) Сон. LVI.

6) Canz. IV: Ponendo mia speranza im quella cima — Dove ma'il poder mio — Salir non può.

7) Ib. Per false conietture e segni nudi — Di ciascun verisimil fondamento.

куда влечетъ его любовь, избѣгать не по малодушію, а по благо-
 125 ра|зумію, чтобы соблюсти честь милой, и чтобы ихъ обоихъ не оху-
 лили. Эти грубые люди — служители дамы; они позволили себѣ
 оскорбить поэта словомъ и дѣломъ; онъ не можетъ забыть обиды,
 но просить даму не наказывать тѣхъ людей, а ласково внушить
 имъ, чтобы они болѣе не забывались и своими лживыми нагово-
 рами не пятнали ея чистаго имени. Судьба можетъ раздѣлить
 насъ тѣлесно, говоритъ онъ, нашихъ душъ никогда не разъеди-
 нить; если моя просьба что-либо значить, забудь, что противъ
 тебя говорили и дѣлали. — Пятая канцона спѣшить слѣдомъ за
 своей «сестрой»: та не произвела впечатлѣнія и не вызвала
 отвѣта; милая не убѣдилась; ужъ не упрекаетъ ли она его въ
 малодушія? Шестая канцона возвращается къ этому упреку,
 устраняя его; снова говорится объ оскорбленіи, нанесенномъ
 поэту; пострадалъ не одинъ онъ: оказывается, что нѣкая дама,
 носившая его имя (Джъованна?), служила ему отводомъ глазъ, и
 что подъ ея прикрытіемъ онъ являлся, гдѣ могъ видѣть свою
 милую, не обращая на себя вниманія ¹⁾. Ее-то оскорбили изъ-за
 него, теперь онъ погибъ, ему не на кого болѣе положиться.
 Извини же меня, обращается поэтъ къ своей милой, если я по-
 кажусь тебѣ, быть можетъ, слишкомъ осторожнымъ ²⁾: всѣ эти
 невзгоды возбудила ты, любовь, которую ты во мнѣ вселила; отъ
 тебя я жду помощи, отъ твоихъ прекрасныхъ глазъ, отъ звука
 ангельскихъ рѣчей.

Боккаччо прибѣгалъ, стало быть, къ тому же средству,
 которое освятилъ провансальскій любовный обиходъ и дантов-
 ская *donna dell' ischermo* ³⁾: за фиктивными, болѣе безопасными
 отношеніями онъ старался скрыть настоящую любовь. Въ юности
 я былъ твоимъ, говорится въ одномъ мадригалѣ ⁴⁾, и если |

1) Ov'io potea vedervi e non parere.

2) S'a troppo sicutà vi paio scorso.

3) Vita Nuova, § V, слѣд.

4) Если только онъ принадлежитъ Боккаччо, а не ser Durante da San Mi-
 niato, сл. Carducci, *Cantilene e ballate*, № CCCXXXII; по Laur. Red. 184, с. 80 b:
 Boccaccio.

показывалъ, что увлекался другою, то для того лишь, чтобы о насъ съ тобой не говорили ¹⁾).

Ко всему этому присоединились и муки ревности.

Каждой весной Байи отнимають у него его милую ²⁾, и ему кажется, что зефиръ навѣваетъ ему ея образъ, и она говоритъ: Посмотри, какую радость я тебѣ принесла! Онъ хочетъ схватить ее, но она уносится съ вѣтромъ ³⁾. Онъ самъ поѣхалъ бы въ Байи, но она запретила ему ⁴⁾, можетъ быть, чтобы не возбудить вниманія: о нихъ уже пошли слухи. И онъ раздражается страшными нападками противъ Бай: все его тамъ страшить, и небо, и море, и земля, и то, что дѣлается въ домахъ и внѣ дома; тамъ только о томъ и думаютъ, чтобъ веселиться среди музыки и пѣнія, подманивая пустыми рѣчами неопытные умы, бесѣдуя о побѣдахъ Амура; Венера тамъ всеильна, и часто бываетъ, что Лукреція, отправившись туда, возвращается назадъ Клеопатрой. Онъ это знаетъ и опасается, какъ бы подобнаго рода мысли не проникли и въ сердце его дамы ⁵⁾. Когда въ былое время при немъ разсуждали въ кружкахъ, что предпочтительнѣе для влюбленнаго: видѣть ли свою милую, или бесѣдовать о ней, или наконецъ мечтать о ней, Боккаччо стоялъ за послѣднее; онъ жестоко разубѣдился въ этомъ, когда Фьямметтѣ пришлось уѣхать въ Аквино (Самній), куда онъ не могъ послѣдовать за нею ни подъ какимъ благовиднымъ предлогомъ, если не желалъ принести ея честное имя въ жертву своему счастью. Онъ чувствуетъ себя одинокимъ, точно опустѣлъ съ отъѣздомъ Фьямметты и городъ, и какъ Данту ⁶⁾ по смерти Беатриче, такъ и ему подсказываются слова Иереміи: *Quomodo sedet sola civitas!* Онъ хотѣлъ бы утаить свое горе, чтобы не выдать себя, но это выше его силъ, и онъ рѣшается отвести душу, воспѣвъ въ лицѣ другого влюблен-

127

1) Madrigale II.

2) Сон. XXXIV.

3) Сон. XV.

4) Сон. XXXIII.

5) Сон. LXIX.

6) Vita Nuova, § 29; сл. § 31.

наго собственныя страданія. Онъ будетъ пѣть о любви Троила къ Грizeiдѣ¹⁾ и объ его гореваньи, когда она удалилась отъ него, какъ удалась Фьямметта. Троиль — это онъ, сраженный любовью; такъ произвольно толкуеть Боккаччю греческое слово Филострато, которымъ назвалъ свою поэму; Троиль былъ счастливъ съ Грizeiдой, но Боккаччю связанъ своимъ источникомъ и остерегаетъ насъ отъ отождествленій: если онъ говоритъ о блаженствѣ Троила, то не съ тѣмъ, чтобы увѣрить другихъ, будто ему улыбнулась судьба, а дабы изображеніемъ счастья лучше отгѣнить послѣдовавшее горе. Троиль былъ счастливъ обладаніемъ Грizeiды; онъ — лицезрѣніемъ своей дамы, котораго теперъ лишень; пусть же вернется она скорѣе, и да возжетъ въ ея сердцѣ Амуръ то чувство, въ которомъ поэтъ видитъ свое единственное блаженство.

Такъ говоритъ Боккаччю въ письмѣ, которымъ посвятилъ Фьямметтѣ свою первую законченную поэму, Филострато, — потому что Филоколо, хотя и начатый ранѣе, въ весеннюю пору любви, дописанъ былъ позднѣе, подъ совершенно иными впечатлѣніями, когда все было кончено, и рефлексія вступила въ права чувства. Онъ сочинялся медленно, Филострато вылился заразъ въ минуты аффекта, отъ котораго Боккаччю пытался освободиться, художественно изобразивъ его внѣ себя. Это изображеніе даетъ намъ мѣру его таланта; Филострато заставляетъ предчувствовать Декамеронъ: это уже новелла, хотя еще въ формахъ рыцарскаго романа; тотъ же реализмъ, тотъ же психологическій анализъ, съ его тонкостями и недочетами, то же отношеніе къ источникамъ.

IV.

Боккаччю заимствовалъ сюжетъ своей поэмы изъ Roman de Troie французскаго трувера Бенуа de Sainte More — либо изъ его латинскаго пересказа, принадлежащаго Guido delle Colonne. |

1) Форма Грizeiда вм. Бризеида придумано Боккаччю.

Прим. ред.

Выборъ палъ на эпизодъ Троила и Бризеиды, разбросанный въ 128 романѣ Бенуа и всецѣло принадлежащій его вымыслу: ничего подобнаго онъ не нашель у тѣхъ авторовъ, въ которыхъ средніе вѣка почерпали свои свѣдѣнія о «троянскихъ дѣяніяхъ», у Дарета и Диктиса. Онъ первый представилъ себѣ Троила, Пріамова сына, влюбленнымъ рыцаремъ, увлеченнымъ Бризеидой; онъ же сдѣлалъ ее дочерью Калханта и изобразилъ мастерски: она поставлена у него въ средоточіи разсказа, кокетливая красавица, полная желанія любить и нравиться и незамѣтно переходящая отъ одной привязанности къ другой, среди упрековъ самой себѣ и самооправданій, что иначе ей и нельзя было поступить.

Жрецъ Калхантъ (смѣшанный съ гомеровскимъ Хризомъ) измѣнилъ троянцамъ и перешель въ станъ грековъ, оставивъ въ Троѣ свою дочь Бризеиду. Пользуясь перемиріемъ, онъ требуетъ ея выдачи; по этому поводу мы узнаемъ впервые, что она и Троиль любятъ другъ друга: это — совершившійся фактъ, на которомъ поэтъ и не останавливается. Оба влюбленныхъ горюють; красавица плачетъ: какъ ей покинуть родной городъ для лагеря, гдѣ постыдно было бы жить и простой служанкѣ! Я не знаю тамъ ни короля, ни герцога, ни графа, который услужилъ бы мнѣ и почтилъ бы меня. И она поминаетъ Троила: ни одна женщина не любить его такъ, какъ я. — Ночь они проводятъ вмѣстѣ; на другое утро Бризеида собирается къ отъѣзду, не забывая приодѣться къ лицу и велѣтъ уложить свои платья. Троиль провожаетъ ее; онъ страстно ее любить, она опечалена, но вскорѣ успокоится и обратитъ свою любовь на другого, — и поэтъ пользуется случаемъ наговорить рядъ общихъ мѣстъ о непостоянствѣ женщинъ, у которыхъ горе держится недолго, и одинъ глазъ еще плачетъ, когда другой уже смѣется. При разставаньи оба любовника клянутся въ вѣрности другъ другу, Троиль удаляется, грустный и задумчивый, а Діомедъ, выѣхавшій навстрѣчу Бризеидѣ, тотчасъ же, на дорогѣ, начинаетъ ухаживать за нею; счастливъ тотъ, кому вы подарили свою любовь, говоритъ онъ, и не покажись это слишкомъ поспѣшнымъ, я сталъ бы молить }

129 васъ принять меня, какъ вашего рыцаря и поклонника. Вѣдь часто бываетъ, что люди, никогда не видѣвшіеся и не знавшіеся, полюбятъ другъ друга; я никогда не испытала любви, но теперь чувствую, что она мною овладѣла. — Бризеида отвѣчаетъ коротко: Было бы нехорошо и непристойно, еслибъ я дала слово полюбить человѣка, котораго никогда не видѣла и не знаю; у кого на сердцѣ такая печаль, какъ у меня, тому мало дѣла до вашихъ словъ: я разсталась съ милымъ и не знаю, увижу ли его когда-нибудь. Вы такъ мужественны, благородны и образованны, что нѣтъ на свѣтѣ женщины или дѣвушки, которая отказала бы вамъ; да и я не отказываю, только нѣтъ теперь желанія полюбить ни васъ, ни кого бы то ни было; еслибы я захотѣла отдаться этому чувству, повѣрьте, никто не былъ бы мнѣ дороже васъ. — Диомедъ видитъ, что она не дикарка; прежде чѣмъ разстаться съ нею, онъ нѣсколько разъ обратился къ ней съ той же просьбой, унесъ ей перчатку и радуется, видя, что она на то не разсердилась. — Не успѣлъ наступить четвертый вечеръ, какъ у нея прошла уже охота вернуться въ Трою. — Въ одной изъ схвагокъ Диомедъ свалилъ Троила съ коня, котораго посылаетъ въ даръ Бризеидѣ. Она говоритъ посланцу: Скажи своему хозяину, что онъ плохо меня чествуетъ; кто меня любитъ, не долженъ наносить вредъ тому, кто мнѣ милъ. Она выражаетъ надежду, что Троиль сумѣетъ отмстить за свое пораженіе — и вмѣстѣ съ тѣмъ кокетничаетъ съ Диомедомъ: Передай ему, что было бы съ моей стороны несправедливо, если бъ я его ненавидѣла за его любовь ко мнѣ. Она мучитъ Диомеда, хваля передъ нимъ храбрость Троила, и вмѣстѣ съ тѣмъ рада, что Диомедъ попался въ ея сѣти; она даетъ ему вмѣсто значка — свой рукавъ. — Когда впоследствии Троиль ранилъ Диомеда и наглумился надъ нимъ и измѣнницей, Бризеида не можетъ болѣе скрыть своего новаго чувства: она дѣйствительно полюбила Диомеда. Не хорошую пѣсню сложать обо мнѣ, говоритъ она сама себѣ: я измѣнила своему милому безъ всякой вины съ его стороны; я лжива, вѣтрена, неразумна. Но къ чему каяться, когда мое сердце уже отдано другому? Будь и

въ Троѣ, ничего подобнаго не произошло бы; здѣсь у меня не было ни друга, ни совѣтника, ни поддержки. Станутъ злословить меня тѣ, кто опоздалъ съ своимъ утѣшеніемъ; но не слѣдъ томиться и мучиться ради людей: что мнѣ за польза въ томъ, что всѣ веселы, а мое сердце печально? — Ее тревожитъ голосъ совѣсти: она то плачетъ, то весела и успокоивается сознаниемъ, что сдѣланнаго не измѣнить: Господь да пошлетъ всего хорошаго Троилю! Такъ какъ я не могу болѣе любить его, ни онъ меня, я отдаюся Діомеду; я хотѣла бы лишь одного — забыть все прошлое.

Таково содержаніе эпизода о Бризеидѣ, позднѣе мы узнаемъ, что Троиль былъ убитъ Ахилломъ.

Боккаччо воспользовался этимъ эпизодомъ: отбросивъ подробность о конѣ, иначе разработавъ мотивъ «рукава», онъ оставилъ почти безъ измѣненія общій ходъ дѣйствія, развивъ его внутренно и вдвинувъ въ болѣе культурную бытовую обстановку. Существенно измѣнены взаимныя положенія дѣйствующихъ лицъ: главный интересъ сосредоточивается не на Бризеидѣ — Бризеидѣ Боккаччо, — а на Троилѣ, въ которомъ поэтъ хотѣлъ изобразить самого себя: не наивнаго юношу французскаго романа, впервые открывающагося чувству любви, а человѣка, испытаннаго въ ней, взвѣшивающаго ея горе и радости. Гризеида очутилась вдовою; это дало Боккаччо болѣе простора: его героиня — опытная женщина, она любитъ сознательнѣе и виртуознѣе; кокетство Бризеиды почти исчезло, явилась софистика любви и роковая власть Амура. Между Гризеидой и Троиломъ стало новое лицо Пандара: типъ, созданный Боккаччо; мизогиническая философія Бенуа и монологъ Бризеиды могли лишь издали навести его на его замыселъ. Весь эпизодъ счастливой любви написанъ наново: у Бенуа его нѣтъ, Боккаччо вложилъ въ него много пережитаго.

Троиль когда-то увлекался, но позналъ цѣну любовныхъ тревогъ и непостоянство женщинъ ¹⁾ и счастливъ, что теперь |

1) Filostrato, I, 22; сл. VIII, 30.

31 онъ свободенъ, и его сердце незанято ¹⁾. Такъ было и съ Боккаччо передъ тѣмъ, какъ онъ увидѣлъ Фьямметту въ церкви Санъ-Лоренцо; Троиля видитъ Гризеиду въ храмѣ Паллады: она въ черномъ платьѣ, какъ Фьямметта. Онъ пораженъ ею; вернувшись домой, онъ предается вздохамъ; любовь овладѣла имъ, и онъ намѣренъ ее таить, дѣйствуя осторожно, потому что, открывая многимъ, она приноситъ не радость, а горе ²⁾. Онъ старается увидать Гризеиду, обратить ея вниманіе бранными подвигами, забывъ про ѣду и сонъ, поблѣднѣлъ, а она и не замѣчаетъ его страсти. Онъ плачетъ и вздыхаетъ; онъ еще будетъ падать въ обморокъ, биться объ стѣну, болѣть отъ любви; онъ не сентименталенъ, а страстно сензитивенъ, неводерженъ въ выраженіи аффектовъ, какъ южный человѣкъ, какъ Ромео — и Боккаччо; какъ онъ, энергиченъ и нерѣшителенъ. — Пока онъ предается грусти, измышляя какъ бы дать понять Гризеидѣ о своей любви, ему на помощь приходитъ его другъ Пандаръ: человѣкъ добрый, привѣтливый, легко относящійся къ жизни и обходящій противорѣчія любви и долга, дружбы и чести при помощи немудрой философіи, которая такъ рельефно выразилась въ извѣстномъ изреченіи Декамерона: скрытый грѣхъ наполовину прощенъ. Реалистъ, какъ Діонео, потѣшный рассказчикъ Декамерона, онъ не пошелъ далѣе наивнаго смѣшенія внѣшняго приличія съ нравственностью, которое однако не успокаиваетъ его; устроивъ связь Троиля съ Гризеидой, онъ говоритъ, что ради друга попралъ свою честь и совратилъ сердце честной женщины ³⁾. Софистъ въ любви, знатокъ женскихъ слабостей, онъ дѣйствуетъ на Гризеиду навѣрняка, а самъ — несчастенъ въ любви, потому будто бы, что не сумѣлъ утаить ее ⁴⁾; онъ совѣтуетъ Троилу, опечаленному предстоявшимъ отъѣздомъ Гризеиды, обратить вниманіе на другихъ троянскихъ красавицъ, потому что |

1) I, 20, 24.

2) I, 36.

3) III, 6; VIII, 23.

4) II, 11.

новая любовь прогоняет старую — и ничего не въ состояніи 132
отвѣтить на его вопросъ: почему же и онъ не поступаетъ
такъ же ¹⁾). Противорѣчіе ли это у Боккаччо, или подмѣченное
нимъ дѣйствительное противорѣчіе сердца и разсудка въ теорети-
кахъ мизантропіи, цинизма?

Узнавъ, что Троилъ любитъ Гризеиду, его родственницу,
Пандаръ начинаетъ восхвалять ее ²⁾): нѣтъ женщины болѣе нея
достойной, столь веселой и привѣтливой, такъ владѣющей сло-
вомъ, способной на все великое. Она честна и презираетъ любовь,
но онъ надѣется поддѣйствовать на нее: у него въ запасѣ есть
подходящія рѣчи, а ему удавались и болѣе трудныя дѣла. Глав-
ное — чтобы обо всемъ этомъ не стало никому извѣстно; всякому
любящему вольно слѣдовать своему влеченію, лишь бы соблюдена
была видимость, и совершившагося какъ бы не бывало. — Троилъ
счастливъ однимъ обѣщаніемъ; не думай, — увѣряетъ онъ Пан-
дара, какъ Боккаччо хотѣлъ бы увѣрить Фьялметту ³⁾), — чтобы
я желалъ учинить Гризеидѣ что-либо дурное: пусть бы она дозво-
лила любить себя.

Слѣдующій затѣмъ разговоръ Пандара съ Гризеидой прове-
денъ превосходно ⁴⁾). Онъ пришелъ къ ней и, посидѣвъ немного,
какъ то бываетъ между родственниками, сталъ пристально гля-
дѣть на нее. Что съ тобою, братецъ, говоритъ Гризеида, что ты
такъ смотришь, точно никогда меня не видѣлъ? — Потому я
смотрю, весело отвѣчалъ Пандаръ, что, коли не ошибаюсь, личико
твое удачливое: такому человѣку ты приглянулась! — Гризеида
покраснѣла, какъ утренняя роза: Не издѣвайся надо мною! тому
человѣку здѣсь дѣлать нечего, да ничего такого со мною и не
приключалось съ тѣхъ поръ, какъ я родилась. — А развѣ ты за-
мѣтила его? — Никого я не замѣтила; правда, кто-то ходитъ мимо
и все заглядываетъ на мою дверь, не знаю только, чего онъ |

1) IV, 47 слѣд.

2) II, 22 слѣд.

3) Сон. LXXXIV.

4) II, 34 слѣд.

133 ищетъ. — Пандаръ догадывается, что она говорить не о Троицѣ, и начинаетъ описывать его достоинства: Пристойно дорогому камню быть въ перстиѣ, хорошо звѣздѣ соединиться съ солнцемъ, такому молодцу — съ такой красавицей; всякому лишь однажды выпадаетъ счастье, и кто не сумѣлъ овладѣть имъ, пусть коритъ себя самъ. — Что ты — искушаешь ли меня, или за-правду говоришь, или съ ума сошелъ? спрашиваетъ Гризеида. Кому обладать мною, коли не мужу? Но кто же онъ: чужестранецъ или изъ нашихъ? — Пандаръ называетъ Троила. — Я думала, что еслибъ я влюбилась въ Троила, ты первый, блюдя мою честь, побилъ бы меня, не только бы побранилъ. Что же будутъ дѣлать другіе, если ты наводишь меня на это дѣло? Съ тѣхъ поръ, какъ я потеряла мужа, я сторонюсь отъ любви и хочу жить честно. — Пандаръ видитъ, что ему дѣлать нечего и уже собирается уходить. Я хвалилъ тебѣ Троила, какъ похвалилъ бы сестрѣ, дочери, женѣ, говоритъ онъ; онъ стоитъ больше твоей любви, а какъ онъ отъ нея страдаетъ, это я видѣлъ вчера; ты не вѣришь этому, оттого тебѣ его и не жаль; пожалѣй его ради меня: нѣтъ человѣка болѣе него вѣрнаго, умѣющаго хранить тайну. Онъ любить тебя пуще всего, а вѣдь тебѣ, молодой, хотя ты и въ траурѣ, дозволено любить; не теряй же времени, подумай и о томъ, что старость или смерть отнимутъ у тебя твою красу. — Правду ты сказалъ: годы уносятъ насъ незамѣтно, и многіе умираютъ прежде, чѣмъ завершится путь, назначенный имъ небомъ. Но бросимъ эти мысли; скажи же мнѣ, какъ дознался ты о его любви? — Пандаръ рассказываетъ, какъ онъ подслушалъ любовную пѣснь Троила, какъ засталъ его въ слезахъ и, дознавшись въ чемъ дѣло, общалъ ему помочь. — Гризеида ощутила жалость: Не такая я суровая, какъ тебѣ кажется, готова уступить твоему желанію; да онъ того и стоитъ; но пусть удовольствуется тѣмъ, что я погляжу на него, и будетъ остороженъ, чтобы ни мнѣ, ни ему не вызвать укора.

Пандаръ идетъ съ этой вѣстью къ Троилу, а Гризеида, оставшись одна, передумываетъ каждое слово, замечталась о |

Троилъ и весело разсуждаетъ про себя: Я молода и красива, 134 богата и родовита, вдова и бездѣтна — и любима. Почему мнѣ не влюбиться? Если это несогласно съ честью — то вѣдь я буду благоразумна и утаю мою страсть такъ, что о томъ никто не узнаетъ ¹⁾. Почему и мнѣ не поступить, какъ дѣлаютъ другія? Кому я понадобится, когда буду старухой ²⁾. Зачѣмъ не подарю ему мою любовь, не сжалюсь на его слезы? — Далѣе она впадаетъ въ тонъ Пандара; впадаетъ — Боккаччо, нерѣдко заставляющій свои дѣйствующія лица высказывать общія положенія и вести рѣчи, дорогія автору, но нарушающія цѣльность задуманныхъ имъ характеровъ. Такіе недочеты психологическаго анализа, или, скорѣе, композиціи, встрѣчаются и въ Декамеронѣ; слѣдующія, напр., размышленія Гризеиды поражаютъ своей неприготовленностью: Теперь и не время выходить замужъ, говоритъ она себѣ, а коли и было бы, гораздо разумнѣе сохранить свою свободу: любовь, проистекающая изъ такой связи, всегда болѣе нравится любовникамъ, и какая бы тамъ ни была красота, мужьямъ она скоро надоѣдаетъ; случайный глотокъ воды гораздо слаще вина, имѣющагося въ изобиліи, какъ тайная любовь превосходитъ ту, которую даютъ повторенныя супружескія объятія ³⁾. — Вмѣстѣ съ тѣмъ у Гризеиды поднимаются и сомнѣнія: она поминаетъ обратную сторону любви, слезы, ревность, которая хуже смерти; любовь Троила пройдетъ, будетъ открыта.

Пока она волнуется между да и нѣтъ, Пандаръ уже обрадовалъ Троила, который расцвѣлъ, какъ свернувшіеся отъ ночного 135

1) Сл. *Fiammetta*, стр. 189; *Decam.*, I, 4; IX, 2; *Ov. Art. Am.*, II, 389: *Ludite, sed furto celetur culpa modesto*; *Am.*, III, 14, 5: *Non peccat, quaecumque potest peccasse negare*.

2) Сл. *Дек.*, V, 10; *Ov. Art. Am.*, II, 59 слѣд.

3) Сл. *Filostrato*, II, 74; IV, 153; *Filocolo*, II, стр. 95; *Fiammetta*, стр. 71; *Decamerone*, III, 6; VII, 6; Сл. *Ovid. Art. Am.*, I, 347: *Sed cur fallaris, cum sit nova grata voluptas, Et capiant animos plus aliena suis? Fertilior seges est alienis semper in agris, Vicinumque pecus grandius uber habet*; III, 585—6: *Hoc est, uxores quod non patiaturs amari: Conveniunt illas, cum voluere, viri*. Сл. *Amor.*, II, 19, v. 3: *Quod licet, ingratum est, quod non licet, acrius urit*; 25: *Pinguis amor nimiumque patens in taedia nobis Vertitur et, stomacho dulcis ut esca, nocet*.

холода цвѣтки раскрываются на утреннемъ солнцѣ. Онъ идетъ посмотрѣть на Гризеиду: она стоитъ у окна, не дичится и скромно устремила взглядъ къ нему на грудь. Онъ въ восторгѣ, она внезапно увлекается имъ и мысленно горюетъ о времени, потерянномъ для любви.

Но какъ бываетъ, что вмѣстѣ съ надеждой растеть и любовь, такъ было и съ Троиломъ. Гризеида дозволила ему любоваться ею, но этого ему мало; онъ хочетъ чего-то большаго, такъ дурно направлены его желанія ¹⁾). Онъ говоритъ объ этомъ Пандару; тотъ понялъ, въ чемъ дѣло, и совѣтуетъ ему написать Гризеидѣ письмо: онъ самъ отнесетъ его и замолвить слово. — Но вѣдь женщины стыдливы: она съ негодованіемъ отвергнетъ письмо, и мое положеніе только ухудшится, замѣчаетъ Троилъ; Пандаръ успокаиваетъ его, ручаясь, что доставитъ ему собственно-ручной отвѣтъ красавицы. Съ письмомъ Троила ²⁾ онъ идетъ къ Гризеидѣ; какъ увидѣла она его, оставила свое общество и ступила нѣсколько шаговъ ему навстрѣчу, блѣдная, какъ жемчугъ Востока, и боясь, и желая вѣсти. Что привело тебя сюда? какія у тебя вѣсти? спрашиваетъ она и, узнавъ о письмѣ, говоритъ: Да будешь ты счастливъ въ любви, Пандаръ, но подумай же и обо мнѣ, не только о Троилѣ; если надо поступиться честью, чтобы облегчить страданія другого, то, ради Бога, отнеси это письмо обратно. — Вотъ еще новости! Чего женщины наиболѣе желаютъ, на то гибвуютъ и негодуютъ при людяхъ, но я вѣдь такъ долго говорилъ тебѣ объ этомъ дѣлѣ, что со мной тебѣ нечего стыдиться; не отказывайся же, прошу тебя. — При этихъ словахъ Гризеида улыбнулась, взяла письмо и, спрятавъ на груди, говоритъ: Я прочту его, когда будетъ время; если я поступаю дурно, то причина тому — желаніе сдѣлать тебѣ удовольствіе; да поможетъ Господь моей простотѣ! — Лишь только ушелъ Пандаръ, | она, оставивъ подругъ, ушла къ себѣ въ комнату, и при-

1) II, 87.

2) II, 96—106.

нялась за письмо, читаетъ и перечитываетъ каждое слово, благодаритъ Амура: надо найти время и мѣсто, чтобъ утишить это пламя, не то краски сойдутъ съ лица и обличать затаенное желаніе, а это было бы для меня не малымъ горемъ: я не хочу ни умереть, ни уморить другого. — И она отдается любовнымъ мечтамъ. Снова приходитъ къ ней Пандаръ: Ну, что же ты скажешь о письмѣ моего друга? — Право, не знаю. — Отвѣтила ли ты ему? — Отвѣчу вскорѣ. — Подумай же объ этомъ, утѣшь его! — Не знаю, какъ это сдѣлать! — Любовь хорошо тому научаешь. — Я такъ и сдѣлаю, коли тебѣ угодно, но даль бы Богъ, чтобы все пошло благополучно. — Пойдетъ, говоритъ Пандаръ, насколько это въ силахъ того, кому оно всего дороже.

По удаленіи Пандара Гризеида садится писать. Ея письмо сдержанно-страстное, все общающее и все берущее назадъ. Она готова сдѣлать пріятное Троилу — подъ условіемъ сохранить свою честность и цѣломудріе; еслибъ свѣтъ былъ таковъ, какимъ бы ему слѣдовало быть, я охотно склонилась бы на твои просьбы; теперь съ нимъ надо считаться, иначе намъ обоимъ придется страдать. Жалость влечетъ меня къ уступкамъ, но я увѣрена въ твоей доблести: ты знаешь, что мнѣ пристойно, удовлетворишься моимъ отвѣтомъ и постарайся положить предѣлъ твоимъ томленіямъ. Мнѣ это больно; поистинѣ, я сдѣлала бы все, что ты желаешь, еслибъ то было не неприлично. Быть можетъ, исполненіе выступить еще на мѣсто желанія; болѣе не пишу, но молю Бога, чтобы онъ удовлетворилъ и тебя и меня.

Прочтя это письмо, Троиль и Пандаръ заключили, что Гризеида сдалась и защищается лишь для виду. Троиль ободрился, снова засылаетъ Пандара. — Я ничего иного не въ состояніи сдѣлать, отвѣчаетъ Гризеида, дѣлаю то, что ты самъ наказалъ мнѣ, стану любить его братской любовью. Она дорожить вѣнцомъ цѣломудрія; его нахваливаютъ поны тѣмъ, съ кого не могутъ его сорвать, смѣется Пандаръ ¹⁾, просить ее бросить свою дикость |

1) Сл. Дек., III, 7 = I, стр. 234 русск. пер.

137 и прямо ставить вопросъ: Скажи же мнѣ, когда ему придти къ тебѣ? — До чего довелъ ты меня, Пандаръ! плачется она; чего ты хочешь отъ меня? Ты заставилъ меня забыть мою честь, я вѣдь не смѣю прямо посмотрѣть тебѣ въ глаза. Зачѣмъ не умерла я въ тотъ день, когда выслушала тебя, а ты заронилъ въ мое сердце желаніе, которое никогда его не покинетъ? Оно будетъ мнѣ утратой чести, причиной безконечныхъ золъ; я болѣе не въ силахъ — и готова сдѣлать все, что тебѣ угодно, лишь бы все сказанное и сдѣланное сохранилось въ тайнѣ. — Ты только не проболтайся, мы не скажемъ ни слова. Когда же придти ему? Пора доткать полотно; любовь, увѣнчанная дѣломъ, скрывается легче. — Гризеида назначаетъ время: вскорѣ праздникъ, всѣ домашніе отправятся туда, она будетъ одна.

Таково содержаніе первыхъ двухъ пѣсень Филострато, наиболѣе автобіографическихъ: Боккаччо самъ пережилъ то, что заставляетъ почувствовать Троила, какъ далѣе переживаетъ въ его лицѣ мученія разлуки. То, что въ третьей пѣснѣ говорится о счастіи Троила съ Гризеидой, принадлежитъ не области дѣйствительныхъ воспоминаній, а пылкому воображенію влюбленнаго поэта, о чемъ онъ уже предупредилъ въ посвяtitельномъ письмѣ. Троилъ расцвѣлъ отъ счастья, какъ весной расцвѣтаетъ вся природа ¹⁾; въ темную облачную ночь онъ въ первый разъ посѣщаетъ свою милую, и она опечалена, когда пѣніе пѣтуховъ возвѣстило приближеніе дня ²⁾. Въ описаніи ихъ блаженства вторгается личное нареканіе Боккаччо: противъ любостыжателей и скопидомовъ, не видящихъ ничего выше денегъ и порицающихъ тѣхъ, кто отдался печальному «безумію любви» ³⁾. Какъ понимаетъ ее Боккаччо, это видно изъ восторженнаго гимна, который поетъ ей Троилъ: гуляя по саду, подъ руку съ Пандаромъ, онъ не можетъ наговориться съ нимъ о Гризеидѣ и порой

1) III, 12.

2) III, 42—3.

3) III, 38—9.

принимается пѣть о вѣчномъ свѣтѣ, украшающемъ третье небо, | о милой солнцу дочери Юпитера, во власти которой состоитъ и 138 небо и земля, море и преисподняя, боги и люди, Юпитерь и Марсъ; она прогоняетъ малодушіе, дѣлаетъ своихъ поклонниковъ способными ко всему великому, смягчаетъ нравы; она — источникъ мира и дружбы, ей вѣдомы тайныя свойства вещей, она даетъ законы міру ¹⁾). Самъ Троилъ испытываетъ это вліяніе и преображается: онъ становится мужественнѣе, человѣчнѣе, снисходительнѣе ²⁾); это — любимый мотивъ облагораживающей любви, уже намѣченный въ лирикѣ Боккаччо ³⁾).

Но счастье длилось недолго; съ четвертой пѣснью Филострато мы впервые вступаемъ въ содержаніе французскаго романа, т. е. того эпизода, который задумалъ обработать Боккаччо. Калхантъ требуетъ выдачи Гризеиды; услышавъ о томъ, Троилъ едва удерживаетъ слезы, хочетъ помѣшать выдачѣ, любовь дѣлаетъ его готовымъ на все, — и вмѣстѣ съ тѣмъ у него является мысль, какъ бы Гризеида не разгнѣвалась на него въ своей стыдливости. Онъ мучится, желая и не желая вмѣстѣ; падаетъ, какъ лилія, подрѣзанная плугомъ и сожженная солнцемъ ⁴⁾), мятется, какъ быкъ, почувствовавшій смертельный ударъ ⁵⁾). — До сихъ поръ я пѣлъ о счастіи Троила, хотя къ этому счастію и примѣшивались вздохи, вставляетъ свое слово поэтъ, обращаясь къ Фьямметтѣ: теперь радость обратится въ горе, и я сумѣю изобразить его — такъ опечалено мое сердце твоимъ отсутствіемъ. Вернись же, если не хочешь увидать меня мертвымъ ⁶⁾). — Троилъ плачетъ, жалуется на судьбу и Амура, клянетъ Калханта; плачетъ и Пандаръ, котораго онъ позвалъ къ себѣ, но затѣмъ принимается его утѣшать: Ты, по крайней мѣрѣ, былъ счастливъ, предоставь печалиться мнѣ, который любилъ и | не 139

1) III, 74 слѣд.

2) III, 90 слѣд.

3) Сон. L и CIV.

4) IV, 18.

5) IV, 27.

6) IV, 23—25.

быль удостоенъ даже однимъ взглядомъ; въ Троѣ есть и другія красавицы. — Оставь эти рѣчи, Пандарь; ты такъ говоришь, будто меньшее несчастіе потерять любимое, чѣмъ никогда не владѣть имъ. Повѣрь мнѣ, такую любовь, какъ мою, никогда не изгнать изъ сердца, ее можетъ развѣ утолить время, горе, смерть, или бѣдность и невозможность свиданія ¹⁾. — Если тебѣ такъ больно разстаться съ ней, почему ты ее не похитишь? спрашиваетъ Пандарь. — Похищеніе бросить тѣнь на ея честное имя, отвѣчаетъ Троилъ; я хотѣлъ было попросить ее за себя у отца, но это раскрыло бы наши отношенія, да отецъ и не отдалъ бы ее за меня, потому что прочить мнѣ другую, и сказалъ бы, что она мнѣ не ровня. — Будь я такъ влюбленъ, какъ ты говоришь, я все же увезъ бы ее, несмотря ни на что: любовь не знаетъ такихъ тонкостей, не блюдетъ ни обѣщаній, ни даннаго слова, а судьба благопріятствуетъ смѣлымъ; да я и не думаю, чтобъ Гризеида разсердилась на то: вѣдь она такъ любитъ тебя. Разумѣется, мнѣ было бы непріятно, еслибъ о ней пошла худая слава; но пусть обойдется, какъ обходится Елена ²⁾. — Но Троилъ не хочетъ сдѣлать ничего, что было бы непріятно Гризеидѣ: онъ напередъ попытаетъ ее, и Пандарь обѣщаетъ устроить ихъ свиданіе. Гризеида съ своей стороны предается горю: Пандарь застаётъ ее распростертой на постелѣ, она плачетъ, бьетъ себя въ грудь, рветъ волосы: Увы, Троилъ, говоритъ она, неужели позволишь ты мнѣ удалиться и не удержишь насильно ³⁾? Увидѣвъ вошедшаго Пандара, она отъ стыда прячетъ въ рукахъ свое заплаканное лицо; самъ Пандарь разжалобился, но затѣмъ начинаетъ ее усовѣщивать: Полно плакать, подумай, вѣдь сейчасъ явится Троилъ; еслибъ онъ зналъ, что ты такъ печалуешься, онъ навѣрно убилъ бы себя. Встань и ободрись, чтобы облегчить, а не усилить его горе. — Въ свиданіи съ Троиломъ Гризеида |

1) IV, 59.

2) IV, 74.

3) IV, 91.

падаетъ замертво, а Троиль готовъ заколотъ себя, чтобы соеди- 140
 ниться съ милой, если и тамъ, какъ слышно, любятъ. Влюбленные
 бесѣдуютъ другъ съ другомъ; Гризеида говоритъ о возможности
 свиданій: она будетъ приѣзжать въ Трою во время перемирія, а
 тамъ убѣдить отца, стараго и жаднаго, и совсѣмъ оставить ее
 въ городѣ. Троилу хотѣлось бы повѣрить, что все это такъ, а
 между тѣмъ не вѣрится: Почему же такъ настоятельно требуетъ
 тебя отецъ? Нѣтъ, онъ не отпуститъ тебя. Лучше тайно убѣ-
 жимъ отсюда, несмотря на честное слово царя, и гдѣ-нибудь
 вмѣстѣ, къ обоюдной радости, проведемъ остатокъ дней; таково
 мое желаніе, если только ты на это согласна. — Но у Гризеиды
 являются сомнѣнія: она завѣряетъ Троила въ своей любви, ничто
 не отворотитъ ее отъ него, но его рѣшеніе грозитъ тремя печаль-
 ными послѣдствіями: нарушено будетъ честное слово, удаленіе
 Троила истолкуютъ, какъ боязнь и трусость, ея цѣломудріе будетъ
 запятнано. И она присоединяетъ и еще одно соображеніе, уже
 предвосхищенное выше и также неумѣстное, потому что заимство-
 ванное изъ арсенала Пандара: что тайная любовь милѣе явной
 и удовлетворяетъ дольше ¹⁾. Лучше всего остановиться на при-
 нятомъ ею рѣшеніи; черезъ десять дней она свидится съ Трои-
 лемъ. — Останься лучше, найди какое-нибудь средство, я знаю,
 ты находчива; посуди сама, каково мнѣ будетъ жить безъ тебя! —
 Увы! ты убиваешь меня, не знаешь, какъ дѣйствуетъ на меня
 твое гореванье. Вижу, ты не вѣришь моему слову; но почему же?
 Куда дѣлось твое самообладаніе? Неужели я такъ неумна, что
 не найду возможности вернуться къ тебѣ, кого люблю болѣе
 самой себя? — И она проситъ не забывать ее для другой, иначе
 она убьетъ себя. — Мнѣ ли тебя забыть? отвѣчаетъ Троиль; я
 полюбилъ тебя не за красоту, не за родовитость и богатство,
 а привлекли меня твои величавое, сановитое обхожденіе, ры-
 царственная доблесть и рѣчи, твоя несравненная привѣтливость
 и изящно-горделивая женственность, передъ которой кажется |

1) IV, 153.

141 низменнымъ всякій обычный поступокъ и желаніе ¹⁾. — За этой характеристикой Грizeiды мы невольно ищемъ Фьямметту.

Между тѣмъ изъ греческаго стана явился Діомедъ, чтобы сдать троянцамъ Антенора и увезти Грizeiду. Троиль еще разъ чувствуетъ рѣшимость отчаянія: почему бы не убить ему Діомеда, не вызвать на бой своихъ братьевъ, не стакнуться съ греками, чтобы они уступили ему Грizeiду, не отбить ее у нихъ? Но онъ не рѣшается ни на что, потому что боится, какъ бы сама Грizeiда не погибла при этомъ случаѣ. — Когда настало время отъѣзда, Грizeiда сдерживаетъ свое горе, сѣла на коня и, съ пренебреженіемъ сказавъ Діомеду: Что жъ, поѣдемъ! прищпорила лошадь, протившись лишь съ своими, не слушая ничьихъ пожеланій и никого не удостоивъ взглядомъ. Троиль съ товарищами провожаетъ ее за городскую стѣну, съ соколомъ на рукавицѣ; при разставаньи они остановились и пристально поглядѣли другъ другу въ глаза; Грizeiда не удержалась отъ слезъ, Троиль подѣхалъ ближе, взялъ ее за руку и тихо шепчетъ: Вернись же, не дай мнѣ умереть ²⁾. И онъ тотчасъ же повернулъ коня, ни слова не перемолвивъ съ Діомедомъ; тотъ хорошо понялъ, что передъ нимъ двое влюбленныхъ, и пока размышляетъ объ этомъ, самъ незамѣтно влюбляется въ Грizeiду.

Вернувшись, Троиль тоскуетъ, ищетъ утѣшенія, бесѣдуя съ Пандаромъ о Грizeiдѣ; тотъ совѣтуетъ ему разсѣяться, увлекаетъ въ лагерь Сарпедона, но Троилу не по себѣ, и уже черезъ пять дней онъ спрашиваетъ пріятеля вернуться въ городъ. Не встрѣчу ли я тамъ своей милой? говоритъ онъ, а Пандаръ про себя: Пройдутъ и десять дней, и мѣсяцъ, и годъ, прежде чѣмъ ты ее увидишь. Они идутъ посмотрѣть на домъ Грizeiды: Троиль старается казаться веселымъ, но когда увидѣлъ запертыя двери и окна, у него точно сердце разорвалось, такъ онъ измѣнился въ лицѣ. Всюду ему поминается Грizeiда; когда онъ |

1) IV, 164—5.

2) V, 12.

устаеть тосковать, забывается, тихо напѣвая о своей милой, и 142 все считаетъ дни, и кажется ему, что солнечные коня бѣгутъ не попрержнему.

Горюеть и Грizeiда; зачѣмъ не согласилась она на предложеніе Троила похитить ее? Она сдѣлаеть все, чтобы убѣжать отсюда, и пусть говорятъ о ней, что хотятъ. Влюбленный Діомедъ старается привлечь ея вниманіе; не прошелъ еще четвертый день съ ея пріѣзда, какъ, зайдя къ ней подъ какимъ-то предлогомъ, онъ засталъ ее въ такой печали, что счелъ всякое ухаживаніе напраснымъ. Надо быть великимъ искусникомъ, чтобы изгнать изъ ея сердца прежнюю любовь ¹⁾, говорить опъ себѣ, но, какъ человѣкъ рѣшительный и отважный, готовъ попытаться счастья.

Присѣвъ, онъ заводитъ рѣчь о распрѣ грековъ съ троянцами; спрашиваетъ Грizeiду, не кажутся ли ей странными обычаи грековъ, и доходитъ до вопроса: почему Калхантъ медлитъ выдать ее замужъ? Занятая своими мыслями, Грizeiда не замѣчаетъ его хитрости и «по произволенію своего властелина Амура ²⁾» отвѣчаетъ такъ, что порой печалитъ Діомеда, порой возбуждаетъ въ немъ надежды. Ободренный этимъ, онъ продолжаетъ; ему ясно, что она кого-то любитъ въ Троѣ, но пусть лучше оставитъ это, вѣдь городу не спастись, если бъ въ немъ было двѣнадцать Гекторовъ; не даромъ Калхантъ настаивалъ на твоёмъ возвращеніи, а я поощрялъ его къ тому, наслышавшись о твоихъ чудесныхъ доблестяхъ, не пощадилъ трудовъ. Итакъ, красавица, забудь ненадежную любовь къ троянцу: они всѣ варвары и необразованны, греки умѣютъ любить лучше, и твоя красота найдетъ здѣсь достойнаго поклонника. Если бы ты то дозволила, я сталъ бы охотнѣе твоимъ слугой, чѣмъ царемъ надъ греками. — Сказавъ это, онъ вспыхнулъ, голосъ у него задрожалъ, и самъ онъ потупился въ сторону; затѣмъ, быстро | спохватив- 143

1) VI, 10.

2) VI, 13.

шись, продолжалъ: Не гнѣвайся на меня, я не менѣ хорошаго рода, чѣмъ любой въ Троѣ; будь живъ мой отецъ Тидей, я былъ бы царемъ — и еще буду имъ; говорятъ, мой родъ ведется отъ боговъ. Потому отгони печаль, и если я кажусь того достойнымъ, прими меня своимъ служителемъ; я заслужу это, и Діомедъ еще будетъ твоимъ.

Слушая эти рѣчи, Гризеида горѣла, отвѣчая коротко и отрывисто; ей нравится отвага Діомеда, но пока она принадлежитъ Троилю и отвѣчаетъ тихимъ голосомъ: Я люблю мою родину, желала бы видѣть ее освобожденной; меня печалитъ, что я удалена изъ нея, — тѣмъ не менѣ я благодарна тебѣ за все, что ты предпринялъ ради меня. Греки храбры и образованны, нѣтъ спора, но неразумно хвалить себя, порицая другихъ. По смерти мужа я никого не любила, и нѣтъ у меня на то охоты; одному я дивлюсь: какъ ты, будучи царскаго рода, могъ увлечься такой простой женщиной, какъ я? Тебѣ была бы впору Елена прекрасная. Я не говорю, чтобы любовь твоя была мнѣ непріятна, но время теперь не такое, вы во всеоружіи: дай прійти побѣдѣ, которую ты ожидаешь, я посмотрю; быть можетъ, и я буду болѣе расположена къ веселью, и твои рѣчи понравятся мнѣ болѣе; кто хочетъ подѣйствовать на сердце другого, долженъ умѣть выбрать время. — Эти слова обнадежили Діомеда; онъ былъ молодъ и красивъ, высокаго роста, храбръ и краснорѣчивъ, какъ любой изъ грековъ, расположенъ къ любви. Обо всемъ этомъ раздумалась Гризеида по его уходѣ: склониться ли ей, или бѣжать отъ новой привязанности? Это и охладило ся страстное желаніе возврата, новыя надежды утолили жгучесть страданій; такъ и вышло, что Гризеида не сдержала Троилю даннаго слова.

Въ поэмѣ Боккаччо мы ея болѣе не встрѣтимъ; весь эпизодъ объ ея измѣнѣ сокращенъ въ сравненіи съ тѣмъ развитіемъ, какое онъ получилъ во французскомъ подлинникѣ. Боккаччо писалъ здѣсь не съ натуры: Фьямметта еще не была для него измѣнницей Гризеидой. Героиня французскаго романа страдаетъ и въ то же время чувствуетъ потребность утѣшенія и,

кокетничая съ Діомедомъ, втягивается въ новую любовь; 144 Боккаччо ограничивается одной сценой объясненія; Гризеида какъ-то сразу безсознательно измѣняетъ Троилу: послѣ мужа она будто бы никого не любила, говоритъ она Діомеду. Видимаго мотива нѣтъ; если Боккаччо не подсказалъ его вполсѣдствіи ¹⁾, говоря о женской вѣтрености и непостоянствѣ, то вся вина въ Амурѣ: онъ — властелинъ Гризеиды, онъ и нашептываетъ ей отвѣты, которые то печалютъ, то радуютъ Діомеда.

Насталъ десятый день, и Троиль идетъ съ Пандаромъ къ городскимъ воротамъ поджидать Гризеиду; прошелъ полдень, а она не явилась; видно, отецъ не отпустилъ ее безъ завтрака, угѣшаетъ себя Троиль; можетъ быть, и такъ, говоритъ Пандаръ. Снова возвращаются они къ воротамъ: часы проходятъ, настали сумерки, вечеръ; она навѣрно пріѣдетъ ночью, чтобъ не возбудить толковъ, говоритъ Троиль; посмотри-ка Пандаръ, что это тамъ виднѣется? — Коли не ошибаюсь — повозка. — Уже показались звѣзды, Троиль все ждетъ, а Пандаръ смѣется про себя надъ его ожиданіями; уже сторожа у воротъ готовятся запереть ихъ, Троиль велитъ имъ помедлить болѣе, чѣмъ на два часа, а затѣмъ говоритъ Пандару: Какіе же мы недогадливые! Вѣдь она сказала мнѣ, что десять дней пробудетъ съ отцомъ; она, стало-быть, пріѣдетъ завтра. Но прошелъ и слѣдующій день, и много другихъ, а Гризеиды все нѣтъ. Троиль въ отчаяніи; имъ овладѣлъ лихой духъ ревности, не знающій покоя, какъ то вѣдають всѣ, испытавшіе его ²⁾; въ вѣщемъ снѣ онъ видитъ, что вепрь набросился на Гризеиду и вырвалъ у нея сердце, а ей это какъ будто и любо; вепрь — это, навѣрно, Діомедъ: вѣдь его отецъ убилъ калидонскаго вепря. Пандаръ едва удерживаетъ Троила отъ самоубійства: Не всякому сну надо вѣрить, говоритъ онъ ему; если уже искать смерти, то вѣдь греки у воротъ; прежде, чѣмъ отчаяться, надо разсѣять подозрѣнія: почему бы не написать

1) VIII, 30.

2) VII, 18.

45 тебѣ Гризеидѣ? — | И Троиль пишетъ ей письмо¹⁾); это одно изъ лучшихъ мѣстъ поэмы: тихое увѣреніе въ любви, перѣшительные упреки, робкое подозрѣніе — не задержала ли ее новая привязанность; нѣсколько картинокъ природы, отвѣчающихъ полету чувства куда-то. «Смотрю я на волны, спускающіяся къ морю; она живетъ въ ихъ близи; и я говорю: онѣ текутъ туда, гдѣ пребываетъ небесный свѣтъ моихъ очей, и она ихъ увидитъ; почему не могу я, несчастный, быть на ихъ мѣстѣ²⁾?» — Отвѣта не было, и Троиль слегъ; однажды подслушалъ его жалобы и имя Гризеиды его братъ Деифебъ и, не показавъ виду, начинаетъ ободрять его: настала весна, насталъ и срокъ перемирія; неужели не выйдешь ты съ нами, попрежнему, на грековъ? Троиль воспрянулъ, какъ голодный левъ, завидѣвшій добычу: онъ еще слабъ, но будетъ биться за славу, такова его ненависть къ грекамъ. Понялъ Деифебъ въ чемъ дѣло, сообщилъ о томъ и братьямъ, и они посылаютъ къ нему троянскихъ женъ, развлечъ его музыкой и пѣснями. Всѣ утѣшаютъ его, одна Кассандра, прослышавъ о Гризеидѣ, клянеть Амура, посѣтившаго Троила и грозящаго гибелью имъ всѣмъ. И въ кого только онъ влюбился! Еще бы въ благородную даму, а то въ дочь негоднаго жреца, измѣнника! — Троиль не сдержалъ своего гнѣва: Твои порицанія, Кассандра, уже многимъ учинили горе; не лучше ли было бы помолчать, чѣмъ говорить такъ неводержжно? Надо мнѣ обличить твое безобразіе: ты хочешь пристыдить меня моей любовью къ Гризеидѣ, но пока плохо научилъ тебя Аполлонъ, котораго ты будто бы провела! Если бы я былъ такъ близокъ къ Гризеидѣ, какъ ты полагаешь, клянусь тебѣ, скорѣе Пріамъ предалъ бы меня смерти, чѣмъ я позволилъ ее увезти. А если бы и было такъ, развѣ она не достойна хоть какого высокопоставленнаго человѣка? — И онъ принимается восхвалять ея красоту и честность, скромность и стыдливость, ея умъ и степенные нравы. Объ ея цѣломудріи

1) VII, 52 слѣд.

2) VII, 65.

идеть | молва; что до царственной крови, то вѣдь вѣнецъ и ски- 146
петръ еще не дѣлають царемъ; дѣлаеть доблесть, не власть;
если бъ она могла, она стала бы властвовать не хуже тебя ¹⁾). —
Ступайте вы всѣ въ недобрый часть, а коли не умѣете разсуждать,
возьмитесь за пряжки и постарайтесь исправить свою мерзость, а
чужую добродѣтель оставьте въ покоѣ ²⁾).

Долгое гореванье Троила сдѣлало его выносливымъ, нена-
висть къ грекамъ, печаль по убитомъ Гекторѣ быстро подняли
его силы: онъ показывается въ битвахъ. Гризеида отвѣтила ему,
измысливъ извиненіе, завѣряя въ любви, обѣщая пріѣхать; онъ
шлетъ ей письма съ Пандаромъ, пользуясь сроками перемирія,
самъ собирается пойти къ ней въ одеждѣ паломника; но у него
растуть сомнѣнія. Однажды Деифебъ вернулся съ поля битвы
съ платьемъ раненаго Діомеда; на немъ была пряжка, та самая,
которую Троиль подарилъ Гризеидѣ въ утро передъ расста-
ваньемъ. Тогда ему стало все ясно: онъ коритъ Гризеиду, вызы-
ваетъ къ мести боговъ, ищетъ случая сразиться съ Діомедомъ;
нѣсколько разъ они бьются, осыпая другъ друга ударами и бран-
ными словами, пока Троиль не палъ подъ ударами Ахилла. Такъ
осуществились надежды, которыя Троиль возлагалъ на негодную
Гризеиду, заключаетъ свой разсказъ Боккаччо и, обращаясь
къ новичкамъ въ любви, просить ихъ поучиться на его примѣрѣ:
молодая женщина вѣтрена ³⁾), мѣрка ея красоты—не одно зеркало,
а и толпа поклонниковъ; она кичится своей молодостью, не знаетъ
ни добродѣтели, ни совѣсти, и вѣчно колеблется, какъ листъ по
вѣтру (*come foglia al vento*). Иныя изъ нихъ, высокородныя,
знающія счетъ своимъ предкамъ, полагають, что это даетъ имъ
преимущество въ любви, выступаютъ надменно, поднявъ носъ
кверху; этихъ берегитесь, онѣ—дуры, не благородныя женщины.
У женщины совершенной болѣе по|стоянства въ любви, ей нра- 147

1) VII, 99.

2) VII, 101.

3) VIII, 30: *Giovane donna è mobile*.

вится быть любимой; она разбираетъ и смотритъ, чего ей слѣдуетъ избѣгать, устраняетъ и останавливается на выборѣ, предусматриваетъ и ожидаетъ предложенія. Этихъ слѣдуетъ любить; но не надо выбирать поспѣшно, потому что не всё одинаково разумно, хотя были бы и въ лѣтахъ; такихъ и цѣнять менѣе ¹⁾).

Въ послѣдней коротенькой пѣснѣ ²⁾ Боккаччо обращается къ своей поэмѣ: пусть отправится она къ прелестной дамѣ его сердца и умолитъ ее вернуться. Я знаю и чувствую, что она можетъ обратить меня въ ничто, можетъ и вознести выше, чѣмъ я того стою; эта мысль, болѣе, чѣмъ скорбь разлуки, и сдѣлала мою поэму говорливой. — И онъ кончаетъ пожеланіемъ себѣ радостнаго отвѣта.

Даже въ нашей краткой передачѣ содержанія поэмы нетрудно было замѣтить неровности ея исполненія. Авторъ видимо спѣшитъ къ концу ³⁾: смерть Троила рассказана въ двухъ словахъ; могутъ сказать, что и Гризеида сдается Діомеду слишкомъ поспѣшно, тогда какъ здѣсь именно представлялся большой сюжетъ для психологической разработки. Можно бы объяснить эту краткость въ связи съ автобіографическими мотивами поэмы ⁴⁾, но именно по отношенію къ нимъ, а вмѣстѣ и къ хронологіи боккаччевскихъ произведеній, Филострато вызываетъ вопросъ, который мы предрѣшили, поставивъ его разборъ на первомъ мѣстѣ ⁵⁾. Точно ли слѣдуетъ отнести эту поэму къ порѣ чающей, еще неудовлетворенной страсти? Такъ завѣряетъ насъ авторъ, но у него могли быть на то свои причины, онъ желалъ отвести глаза, и отъѣздъ Фьямметты, можетъ быть, такой же его вымыселъ, какъ и увѣреніе, что Троиль и Боккаччо сходны лишь по мукамъ ревности, не по взаимности счастья. И въ самомъ |

1) VIII, 31—2.

2) IX, 1—8.

3) Сл. VIII—IX пѣсни.

4) Сл. выше стр. 137.

5) Согласно съ Crescini, Contributo, стр. 197.

дѣлѣ: Троилъ волнуется и негодуетъ, какъ обманутой, не какъ чающей любовникъ, къ послѣдному выборъ такого сюжета, какъ эпизодъ о Троилѣ, не идетъ, и немислимы страстныя нареканія на женщину, когда дѣло шло, какъ насъ увѣряюгъ, лишь объ отъѣздѣ милой. Все это какъ бы перемѣщаетъ Филострато къ другому біографическому моменту, когда сѣтованія Троила уже были мотивированы измѣной.

Къ этому присоединяются и соображенія литературно-эстетическаго характера. Въ сравненіи съ Филоколо, начатымъ въ Неаполѣ, дописанномъ во Флоренціи, Филострато является произведеніемъ болѣе цѣльнымъ, лучше скомпонованнымъ, авторъ свободнѣе орудуетъ языкомъ, обнаруживая болѣе мастерство стилиа и характеристики,—и окончательно порвалъ съ миологіей, которая переполняетъ его Филоколо, и отъ которой онъ освобождался постепенно, по мѣрѣ того, какъ зрѣлъ его талантъ.

Противъ всѣхъ этихъ соображеній могутъ быть выставлены другія, вѣскія. Нѣтъ сомнѣнія, что Боккаччо старался маскировать свои отношенія къ Фьямметтѣ, но въ данномъ случаѣ нѣтъ никакихъ особыхъ поводовъ предположить, чтобъ отъѣздъ Фьямметты былъ исключительно декорацией. Боккаччо былъ ревнивъ; вспомнимъ его горе, когда Фьямметта запретила ему сопровождать ее въ Байи. По случаю другой, болѣе долгой отлучки, ему вспомнился сѣтующій, ревнивый Троилъ, и въ этой чертѣ онъ подчеркнул самого себя; что сказано о Грizeiдѣ, воспроизводятъ черты унаслѣдованной фабулы; оттого такъ небрежно мотивирована измѣна, и едва намѣчена смерть Троила.

Стилистическій моментъ схваченъ вѣрно: дѣйствительно, въ сравненіи съ октавами Филострато проза Филоколо производитъ болѣе архаичное, скажемъ болѣе, неуклюжее впечатлѣніе, но не слѣдуетъ забывать, что въ художественномъ стилѣ своей прозы Боккаччо былъ почти начинателемъ; здѣсь преданіе его не связывало, но и не указывало путей; ему приходилось творить, и онъ нерѣдко распространялся безъ мѣры, увлекаясь эпизодами, отдаваясь | своей словоохотливости и паденію ципероновскаго 149

періода. Все это отзывается еще и въ прозѣ Декамерона. Наоборотъ, поэзія повѣствовательнаго содержанія была создана, ея стиль и техника установились, когда Боккаччо принялся писать въ ея формахъ — и формулахъ; длиннымъ назиданіямъ не было мѣста, рассказъ поневолѣ послѣдовалъ за октавой, и получалось впечатлѣніе чего-то болѣе живого, сиѣншащаго, цѣлаго. Это — хронологическіе моменты, но не по отношенію къ Боккаччо, а къ тѣмъ литературнымъ преданіямъ, въ которыхъ онъ являлся то начинателемъ, то продолжателемъ, художественно восполнявшимъ готовыя формы поэтической рѣчи: его октава бойко слѣпшится въ Филострато, тише движется въ Тезейдѣ подь стать содержанію, рѣзва и фамильярно-небрежна въ *Ninfale Fiesolano*.

Біографическимъ, не хронологическимъ моментомъ объясняется въ Филострато совершенство характеристикъ: Пандарь, Гризейда, Троиль смѣло могутъ подать руку лучшимъ образамъ Декамерона; сложный и тонкій профиль Пандара стоитъ выше многихъ изъ нихъ. Въ Филоколо нѣтъ ничего подобнаго, лица тусклы и вялы, нѣтъ того смѣха и жизнерадостности, которая проникаетъ Филострато, перебивая его скорбныя ноты. Съ Филоколо Боккаччо на нѣсколько лѣтъ уйдетъ въ гореванье и созвучный ему дантовскій аллегоризмъ; лишь переживъ то и другое, освободившись отъ гнетущаго чувства, онъ очнется, и смѣхъ и жизнерадостность наполнятъ Декамеронъ. Между Филострато и Филоколо разница не столько таланта, сколько настроенія и литературныхъ вліяній.

Остается еще одно соображеніе, заимствованное отъ міологическаго балласта. Начинающему гуманисту онъ былъ дорогъ, какъ внѣшній матерьялъ эрудиціи: такъ въ Филоколо; позже поэтъ овладѣваетъ имъ, подчиняя человѣческому дѣйствию: канва *Ninfale Fiesolano* могла бы въ сущности обойтись и безъ Діаны. Но безъ этого матерьяла Боккаччо никогда не обходится, когда сюжетъ рассказа шель ему навстрѣчу. Если Филострато стоитъ въ этомъ отношеніи особю, то потому, что находится за чертой |

сознательно-гуманистическихъ стремленій, а Французскій источникъ Боккаччо обошелся безъ мифологій.

Филострато — первая извѣстная намъ попытка художественно овладѣть той народно-эпической формой, въ которой пересказывались въ Италіи, на площадяхъ и посидѣлкахъ, сюжеты легенды, захожей новеллы и Французскаго эпоса, когда, обнаруживъ, онъ освободился отъ перенятой, вмѣстѣ съ содержаніемъ, формы долговязыхъ ассонансированныхъ тирадъ. Поэмы Флорентійца Антоніо Пуччи, современника Боккаччо, и нѣсколько другихъ, относящихся къ половинѣ XIV-го вѣка, даютъ понятіе объ этой народно-поэтической манерѣ: вмѣсто длинной вереницы стиховъ или рюмованныхъ двустипій, въ которыхъ дѣйствіе застаивалось, — октава, рѣзко очерченная, торопившая дѣйствіе отъ первой половины строфы, гдѣ поэтъ, располагая шестью стихами, могъ двигаться относительно свободно, къ послѣдней связанной рюмой парѣ, лишь временно замедляющей движеніе ритма — передъ новой октавой. Это чередованіе строфы и антистрофы вносило въ изложеніе болѣе живости, смѣха — и дѣйствіе ему отвѣчало: обыкновенно небольшая тема, фантастическое или чувствительное происшествіе, элементъ чудснаго, умѣренный благодушнымъ смѣхомъ, обращенія къ Богу и святымъ — и слушателямъ, незатѣйливыя рюмы, готовые эпитеты, общія мѣста въ описаніяхъ красоты, убранства — и преобладаніе діалога. Все это было во вкусѣ той публики, къ которой обращались народные сказители: итальянской и буржуазной, искавшей въ темахъ романа не рыцарскаго идеала, а новаго развлеченія, новеллы.

Приемы Боккаччо, въ сущности, тѣ же, но его поэтической цензъ выше, и у него публика другая: онъ пишетъ для неаполитанскихъ придворныхъ кружковъ, для Фьямметты. И у него коротенькая тема — эпизодъ любви и невѣрности, распространенный описаніями, разсужденіями, посланіями; въ нихъ много риторики, но все носитъ личную печать; и у него приемъ обращенія, но не къ слушателямъ, собравшимся вокругъ рассказ-

151 чика, | а къ новичкамъ въ любви, которые научатся на примѣрѣ Троила, — къ Фьямметтѣ, которую онъ хочетъ разжалобить.

Художникъ сказывается въ мастерствѣ діалога, въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ: вмѣсто маріонетокъ-типовъ полупромышленной эпической пѣсни въ первый разъ являются люди, мелкіе недочеты психологическаго анализа исчезаютъ въ массѣ тонко подмѣченнаго, схваченнаго въ жизни, лично пережитаго. Троиль — идеаль вълюбленнаго, Фьямметта можетъ быть спокойна: онъ сдержанъ и остороженъ, полонъ безконечной преданности и вѣренъ тайнѣ; если онъ колеблется, то потому, что не хочетъ ее выдать; когда Гризеида увѣряетъ Діомеда, что послѣ мужа она никого не любила, она говоритъ такъ по естественной стыдливости, не изъ желанія скрыть дѣйствительныя отношенія; Троиль гнѣвно устраняетъ подозрѣнія Кассандры и, восхваляя цѣломудріе Гризеиды, дѣйствуетъ въ виду одной цѣли: сохраненія тайны. Въ обращеніи къ юношамъ Боккаччо рисуетъ свой идеаль «современной» женщины, разумной въ выборѣ, постоянной въ любви, не кичащейся своимъ родомъ. Это было застѣнчивое указаніе Фьямметтѣ и вмѣстѣ усиліе освободиться отъ робости: онъ еще въ положеніи Идалага, котораго любовно манитъ къ себѣ высокородная красавица, а онъ — сынъ купца и боится, не насмѣхается ли она надъ нимъ¹⁾. Въ беззавѣтной страсти бѣдной Лизы къ королю Пьетро²⁾ Боккаччо могъ поэтически пережить моменты своихъ собственныхъ колебаній.

Но любовь взяла свое; робкіе люди способнѣе другихъ на отчаянныя выходки. Однажды ночью, въ октябрѣ³⁾, когда мужъ Фьямметты уѣхалъ въ Капуя, а она одна засыпала въ постели, ей представилось нѣчто, что было не сновидѣніемъ: рядомъ съ |

1) Сл. сон. XXVII. Сл. у Андрея Капеллана (l. c., lib. I, c. VI, стр. 40) вопросъ дамы ухаживающему за нею купцу: *Sed ubi deprehendi major audacia potest quam illius, qui totius hebdomadae tractu variis mercimoniū lucris toto mentis intendit affectu?*

2) Декамеронъ, X, 7.

3) Когда Аполлонъ умѣрялъ ядовитый холодъ Скорпіона, *Ameto*, стр. 146.

собою она увидѣла Калеоне-Боккаччо. Она хочетъ закричать, 152 но по голосу узнаеть посѣтителя и воздерживается; происходитъ страстное объясненіе: Боккаччо выйдетъ отъ нея либо счастливымъ, либо мертвымъ, говорить, какъ одолѣла его любовь отъ вѣщаго видѣнія при вѣздѣ въ Неаполь до сцены въ церкви. Фьямметта обѣщана ему, суждена издавна, заключена навѣкъ въ его сердце; пусть же отдастся ему, какъ онъ отдался ей, и тѣмъ спасетъ въ одно и то же время его жизнь и свою честь. Фьямметта слушаетъ его, она и раньше, по разнымъ признакамъ, догадывалась о его страсти; видитъ у него кинжалъ въ рукѣ, колеблется между жалостью и долгомъ, — когда покой внезапно освѣтился, и Венера грозно шепчетъ ей: пусть смилуется надъ ея подданнымъ, если ей страшень гнѣвъ боговъ. Богиня удалилась, но ея горячій лучъ коснулся красавицы и зажегъ въ ней желаніе ¹⁾).

Вся эта сцена ночного посѣщенія врасплохъ спящей красавицы встрѣчается въ мотивахъ народной поэзіи ²⁾, и мы вправѣ были бы предположить, что Боккаччо воспользовался имъ для романической разработки своихъ воспоминаній, если бъ онъ не возвращался къ нему не разъ по разнымъ поводамъ. Въ одномъ автобіографическомъ эпизодѣ Филоколо нимфа *Allegram*, т. е. въ обратномъ чтеніи *Mariella* (Марія-Фьямметта), рассказываетъ о юношѣ, котораго она приблизила къ себѣ изъ числа другихъ: онъ воснѣвалъ ея красоту, былъ рьянымъ защитникомъ ея противъ завистливыхъ наговорщиковъ; «тайный паломникъ любви», онъ невѣроятными способами доискивался того, что я впоследствии ему даровала, и наконецъ, набравшись отваги болѣе всѣхъ, когда-либо ухаживавшихъ за мною, постарался добиться и добился того, въ чемъ я ему притворно отказывала ³⁾. То же положеніе повторяется въ «Фьямметтѣ» ⁴⁾, гдѣ сама героиня раз-

1) *Ameto*, стр. 146 слѣд.

2) Напр., въ *Lancelot du Lac*.

3) *Filocolo*, II, стр. 261—2.

4) *Fiammetta*, стр. 32, 79.

153 сказываетъ, какъ для нея и Панфило дни проходили въ надеждахъ, питавшихъ ихъ страсть, и это томило обоихъ, онъ нашептывалъ ей о своихъ желаніяхъ, она притворялась, будто противится тому всѣми силами, пока Панфило, не повѣривъ тому, не выбралъ подходящее время и мѣсто, и болѣе отважный, чѣмъ разсудительный, болѣе смѣлый, чѣмъ искусный, не достигъ того, чего она сама желала, хотя показывала обратное; ночью онъ явился къ ней обманно, и она очутилась въ его объятіяхъ, прежде чѣмъ вышла изъ объятій сна. — Такъ и въ Филоколо влюбленный Флоріо проникаетъ въ башню, гдѣ эмиръ Александріи держалъ его Бьянчифоре, и посѣщаетъ ее, еще покоившуюся, и у нея сонъ также переходитъ въ дѣйствительность ¹⁾. Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ пересказовъ этого романа нѣтъ соответствующей сцены; и здѣсь, какъ часто, Боккаччо внесъ отрывокъ своей автобіографіи; онъ потому и любилъ возвращаться къ этимъ воспоминаніямъ, что переживалъ ихъ сызнова.

Боккаччо на верху счастья, Панфило поетъ отъ избытка блаженства, которымъ Амуръ такъ переполнилъ его сердце, что оно просится наружу, сіяетъ на лицѣ; забыта робость и сословные счеты; теперь, говоритъ онъ, ему легко переносить пламя Амура, потому именно, что его любовь поставлена такъ высоко ²⁾. Сонеты этой поры ³⁾ полны восторговъ, чувство бьетъ черезъ край, слова громоздятся, какъ Осса на Пеліонъ: ни одна гора въ свѣтѣ не была такъ мила своимъ пасухамъ, какъ Мизенская, гдѣ моя любовь нашла успокоеніе, — и два четверостишія сонета ⁴⁾ наполняются названіями горъ:

E Cinto, e Caucaso, Ida e Sigeo,
Libano, Serio, Carmelo ed Ermone,
Atos, Olimpo, Pindo, Citerone,
Aracinto, Menalo, Ismo e Tifeo и т. д.

1) Filocolo, II, стр. 168 слѣд.

2) Декамеронъ, VIII, стихотвореніе.

3) Сон. XLVII, XLVIII.

4) Сон. XLVII.

Какъ долго длились эти восторги, не знавшіе счетовъ съ сомнѣніями, неизвѣстно, но сомнѣнія явились. Мы знаемъ, бывали и раньше мимолетныя размовки, но Байи раскрыли поэту глаза, и онъ обрушивается на нихъ, такъ же яростно громоздя проклятія, какъ прежде воспѣвалъ блаженство Мизенскихъ горъ: своей распущенностью онъ растлили цѣломудреннѣйшую женщину, — если, недавно тому назадъ, не обманули меня мои глаза, говоритъ онъ; зачѣмъ не былъ я слѣпецъ въ ту пору ¹⁾? почему не бѣжалъ отъ мѣсты, гдѣ царятъ Вакхъ и Церера, еще раздастся пѣснь сиренъ, и нѣтъ мѣста для любви, вѣрности, чести? Зачѣмъ, зная все это, отдался я обаянію коварныхъ глазъ женщины, которая не любитъ меня, тогда какъ я былъ ей такъ вреданъ ²⁾? Онъ самъ что-то видѣлъ и не ошибся, мысль о счастливомъ соперникѣ не покидаетъ его: онъ клянеть Амура за то, что предпочелъ ему, вѣрному служителю, челоуѣка, менѣе его достойнаго ³⁾; Фьямметта забыла его, отдалась другому юношѣ ⁴⁾, отвернулась отъ него безъ его вины; напрасно онъ употребляетъ всѣ старанія и искусство, чтобы снова приобрѣсть ея расположеніе; ему остается утирать слезы, почерпая въ своемъ сердцѣ невеселыя мысли, питая печаль воспоминаніями, постоянными бесѣдами о прошломъ ⁵⁾. Его лирика полна отчаянія: если бы онъ могъ выразить терзанія, которыя онъ испытываетъ — по своей-ли винѣ, или заблужденію милой, всѣ стали бы изумляться не тому, что онъ такъ измѣнился, поблѣднѣлъ, а тому, что онъ еще не умеръ. Ему самому такъ жаль себя подчасъ, что у него является желаніе облегчить себя, повѣдавъ, въ слезахъ, о той, кто причина его горя, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боится, какъ бы горе отъ того не усилилось ⁶⁾, и не порадовались

1) Сон. IV.

2) Сон. V.

3) Сон. LV.

4) Баллата I, мадригалъ III.

5) Сл. письмо *Cuidam viro militi*.

6) Сон. XXX, LXXXVII.

тѣ, кто завидовалъ его счастью ¹⁾. Онъ перебираетъ въ мысли всевозможные роды ужасной смерти, каждая изъ нихъ, кажется, шепчетъ ему: Приди, я освобожу тебя; но онъ не можетъ рѣшиться ²⁾. Его страданія безконечны, какъ страданія Прометея: казалось бы, его сердце ослабѣло, истощилось отъ горя, а судьба тихонько обновляетъ его для новыхъ мученій ³⁾. Онъ желалъ бы выплакать глаза, впервые отразившіе въ его скорбномъ сердцѣ безжалостные взоры красавицы, нынѣ гнушающейся имъ ⁴⁾, и клянется никогда болѣе не попадаться въ сѣти Амура: онъ отнялъ у него сонъ и покой и пищу, заставилъ забыть себя, сдѣлавъ посмѣшищемъ для другихъ ⁵⁾. Нѣтъ безумнѣе человѣка, отдающаго въ руки женщины свою честь, свободу и жизнь: онѣ — не женщины, а горе, не знаютъ ни жалости, ни вѣрности, ни любви, и рады страданіямъ тѣхъ, кто наиболѣе имъ довѣрился ⁶⁾. Иногда у него является надежда, что любовь Фьямметты снова расцвѣтетъ для него, какъ подъ дыханіемъ зефира травой и цвѣтами обновляется земля ⁷⁾; если бъ только онъ могъ объясниться съ ней, его томленіе и тоска длились бы недолго, — онъ въ этомъ увѣренъ, и ея взоры склонились бы на него сострадательно, безъ гнѣва и негодованія ⁸⁾. Но она уѣхала, вмѣстѣ съ тѣмъ отлетѣла, какъ будто, и его надежда; одна лишь мысль поддерживаетъ его хилое существованіе: что она скоро вернется; теперь приходится ѣхать и ему, ѣхать противъ воли, онъ не надѣется увидѣть ее болѣе и умретъ вдали отъ желанной, оплакивая свою жестокою судьбу ⁹⁾.

Итакъ, Фьямметты не было въ Неаполѣ, когда въ началѣ 1340-го года оставилъ его и Боккаччо. Онъ долженъ былъ

1) Сон. LVIII.

2) Сон. XVI.

3) Сон. LXXII.

4) Сон. XLIII.

5) Сон. LXXXVI.

6) Сон. XXXV.

7) Сон. CV.

8) Сон. CVI.

9) Сон. CIII.

уѣхать противъ воли; въ «Фьямметтѣ»¹⁾ говорится, что Панфило | вызванъ былъ отцомъ: вдовый и старый, безъ надежды на 156 потомство, онъ будто бы желалъ видѣть единственнаго сына, оставшагося въ живыхъ; Панфило медлил нѣсколько мѣсяцевъ, измышляя предлоги, лишь бы не разстаться съ Фьямметтой; тогда отецъ сталъ дѣйствовать на него при посредствѣ друзей и родныхъ, говоря, что умереть неугѣшнымъ, если не увидитъ сына; и Панфило поѣхалъ.

Мы не знаемъ, насколько мотивъ отъѣзда принадлежитъ дѣйствительности, либо вымыслу романа, изъ котораго можно было бы почерпнуть и нѣсколько другихъ хронологическихъ данныхъ: Панфило обѣщалъ уѣхать на три или четыре мѣсяца²⁾, а въ апрѣлѣ какого-то года оказывается, что назначенный имъ срокъ прошелъ четыре раза и болѣе³⁾. Онъ уѣхалъ, стало-быть, въ августѣ, скорѣе въ апрѣлѣ 1340-го года⁴⁾, ибо апрѣль, отъ котораго вѣдетъ счетъ Фьямметта, можетъ относиться лишь къ 1339-му году, а отъѣздъ Боккаччо предполагаетъ его ночное свиданіе съ Фьямметтой въ октябрѣ, очевидно, 1338-го, перваго года ихъ знакомства. — Отмѣтимъ кстатѣ документъ, относящійся къ той же неаполитанской порѣ (1340 г.), по которому отецъ Боккаччо внесъ отъ имени сына арендную плату за земли, принадлежавшія церкви св. Лаврентія у Сросе Саруана, капуанскаго архіепископства⁵⁾.

Такъ кончились реальныя отношенія Боккаччо къ Фьямметтѣ. Мы искали ихъ отраженія въ его лирикѣ, внося въ нее извѣстную цѣльность, иногда фантастическую, потому что развитіе чувства трудно поддается хронологіи и, напр., группа лирическихъ пьесъ, пастроенныхъ ревностью и сомнѣніями, легко можетъ распредѣлиться по ту и другую сторону извѣданнаго счастья.

1) Fiammetta, стр. 38—9.

2) Fiammetta, стр. 44.

3) *И.*, стр. 166, 169

4) *Cochin, Boccaccio, 36: 1341 или 1342 г.

5) Manni, I storia del Decamerone, parte I, стр. 20—31.

Кто былъ счастливымъ соперникомъ Боккаччо? Мы не поставили бы этого вопроса, если бы Боккаччо не подвелъ насъ |
 157 самъ къ его видимому рѣшенію и не поставилъ передъ западной. Уже изъ Флоренціи онъ послалъ Фьямметтѣ, тогда далекой отъ него, свою новую поэму «Тезеиду», съ посвятительнымъ письмомъ. Герои поэмы — Арчита и Палемонъ, два пріятели, одинаково влюбленные въ прекрасную Эмилию; они поставлены въ необходимость биться изъ-за нея: она достанется побѣдителю. Арчита молитъ Марса о побѣдѣ, Палемонъ — Венеру объ обладаніи Эмилией; мольбы услышаны, боги сговорились удовлетворить того и другого. Побѣждаетъ Арчита, но его конь, напуганный Эриніей, которую вызвала изъ преисподней Венера, сбрасываетъ сѣдока и падаетъ на него всей тяжестью. Арчита побѣдилъ, но умираетъ, и передъ смертью проситъ Эмилию выйти за его соперника и друга. — То, что рассказано мною о двухъ влюбленныхъ юношахъ и дѣвушкѣ, поясняетъ авторъ въ посвященіи Фьямметтѣ, напомнитъ тебѣ, что было между нами, и что я говорилъ тебѣ, а ты — мнѣ, если только ты не обманывала меня. Какого изъ двухъ юношей я разумѣю, этого я не указываю, ты догадаешься сама; лишнее объясняется тѣмъ, что я принужденъ былъ слѣдовать рассказу (т. е. оригиналу поэмы), да и желалъ скрыть, что не годится знать никому, кромѣ насъ двоихъ ¹⁾. — Побѣдитель Арчита, въ такомъ случаѣ, Боккаччо, потому что Эмилія досталась поклоннику Венеры, Палемону. Далѣе этихъ отождествленій мы пойти не можемъ, а они ничего не объясняютъ. Портретъ Эмилиі напоминаетъ знакомое намъ изображеніе Фьямметты; обѣ являются въ числѣ собесѣдницъ Декамерона.

Боккаччо уѣхалъ изъ Неаполя надломленный, убитый разрывомъ съ Фьямметтой; онъ не устаетъ о немъ думать, возвращается къ нему страстно и настойчиво, какъ будто желая представить его себѣ снова, увѣриться. Такъ произошелъ рядъ автобіографическихъ эпизодовъ его Филоколо; они важны для

1) Teseide, стр. 3—4.

характеристики Боккаччо и Фьямметты, и мы можем пересказать их теперь же, не заходя глубоко въ содержаніе романа, 158 развивающагося въ сторонѣ.

Царственные родители Флоріо замѣтили его страсть къ Бьянчифьоре, воспитывавшейся у нихъ и, какъ они полагали, худородной, и удалили сына, подъ предлогомъ ученья, изъ Марморины (Вероны) въ Монторіо. Между тѣмъ въ Бьянчифьоре влюбился пріѣзжій рыцарь Филено; мать Флоріо поощряетъ его ухаживанія, и Бьянчифьоре не можетъ отказать ему въ своемъ вуалѣ, который служитъ ему значкомъ на турнирѣ. Увѣренный въ любви красавицы, не зная объ ея отношеніяхъ къ Флоріо, Филено хвалится тѣмъ передъ нимъ самимъ, когда однажды заѣхалъ въ Монторіо. Тотъ приходитъ въ отчаяніе, его посѣтила богиня Ревности; онъ замышляетъ отправиться въ Марморину и убить соперника, но вѣщее сновидѣніе предупреждаетъ Филено: онъ бѣжитъ, скитается по Италіи, побывалъ и въ Байяхъ и наконецъ останавливается въ долинѣ, посреди которой возвышалась гора, обросшая непроходимымъ дубовымъ лѣсомъ (Cerreto = Чертальдо), съ древнимъ храмомъ на вершинѣ, обвитымъ зеленью плюща. Здѣсь онъ остается, питаясь кореньями и свободно отдаваясь слезамъ. Онъ несчастенъ потому только, что любилъ и любить; развѣ это преступленіе? Чѣмъ провинился онъ передъ Флоріо? Какъ слѣпы тѣ, которые дѣлаютъ и зовутъ Амура богомъ своихъ неразумныхъ желаній! Филено коритъ его, а вмѣстѣ съ нимъ и женщинъ, въ глазахъ которыхъ онъ любитъ гнѣздиться. Нареканія Филено отличаются крайностью средневѣковой инвективы, не щадящей никого, отъ Евы до женъ Лемноса, въ одну ночь убившихъ своихъ мужей. Сѣтованія несчастнаго разносятся далеко; услышалъ ихъ, проходя у подножія горы, какой-то юноша — и является утѣшить его. Я несчастіѣ, чѣмъ ты, говоритъ онъ: недалеко отсюда (Чертальдо), хотя ближе къ тому городу, гдѣ ты былъ недавно, а я учился (Неаполь), жила (въ Аквино) благородная дама, которую я любилъ и люблю болѣе всего на свѣтѣ; она удостоила меня, за мое вѣрное служеніе,

159 того, чего я страстно желалъ; но это длилось недолго, | судьба обратила въ адъ прошлое блаженство, и въ то время, какъ я былъ наиболѣе увѣренъ въ ея привязанности, я увидѣлъ собственными глазами, что она покинула меня для другого, что она долго меня обманывала, говоря, что любить меня одного. Когда я убѣдился въ этомъ, моя нечаль не знала мѣры, я думалъ, что умру, но совѣты разума поддерживали меня, и, какъ видишь, я еще живъ, прикрывая горе притворной веселостью. Надо умѣть любить согласно съ природой любимаго; неразуменъ тотъ, кто пожелалъ бы извлечь сладкій сокъ изъ ядовитой цикуты, еще неразумнѣе, кто полюбитъ женщину въ надеждѣ, что она долго будетъ любить его. Онѣ по природѣ измѣнчивы, этого не измѣнить, поэтому и любить ихъ слѣдуетъ такъ, чтобы любящіе могли такъ же свободно смѣяться надъ ихъ непостоянствомъ, какъ онѣ сами. Никто не посѣтуетъ, послѣдовавъ этому совѣту; и зачѣмъ сѣтуешь ты, ничего не потерявъ? Напротивъ, возблагодари боговъ, что они во-время открыли тебѣ глаза. Если ты горюешь о твоёмъ изгнаніи, то развѣ міръ открытъ не для всѣхъ? Для добродѣтельныхъ родина — всюду, и вездѣ насъ одинаково ожидаетъ смерть. Оставь же слезы, пойди со мной, воспринявъ доблестью, забывъ свою страсть къ той дѣвушкѣ, и да снадетъ съ неба пламя и пожретъ ихъ всѣхъ! — Но Филено не можетъ совладать съ своей печалью, и сострадательный путникъ уходитъ своей дорогой ¹⁾).

Безыменный путникъ — это Боккаччо; мы встрѣтимъ его и далѣе съ тѣми же воспоминаніями.

Флоріо вернулся въ Марморину, а его Бьянчиѳоре нѣтъ; ему говорятъ, что она скончалась, онъ хочетъ убить себя; тогда отецъ и мать покаялись ему: во избѣжаніе ненавистнаго брака, они продали дѣвушку купцамъ, тѣ — александрійскому эмиру. Не зная, гдѣ она, Флоріо отправляется отыскивать ее; буря заноситъ его корабль къ Неаполю, гдѣ они ждутъ попутнаго вѣтра. Флоріо печаленъ, его встревожило свидѣніе: ему каза-

1) Filocolo, I, 244—303.

лось, что онъ находится на горѣ Фалерно (у Неаполя), видитъ 160 сокола, летѣвшаго отъ дубоваго лѣса (Cerreto = Чертальдо); фазанъ поднялся изъ долины горъ, недалеко отъ мѣста, гдѣ родился Овидій ¹⁾); соколъ настигъ его на полянѣ наверху Фалерно и, крѣпко вцѣпившись въ него, отбивался отъ слетѣвшихся птицъ ²⁾), — когда внезапно явился ³⁾ громадный, остервенѣлый отъ голода песь, откусилъ голову фазана и вырвалъ его туловище изъ когтей сокола. Флоріо чудилось, будто соколъ обратился въ горлицу, сидитъ на сухомъ деревѣ и плачетъ, какъ человѣкъ; небо заволокло тучами, точно настала ночь смерти, и свѣтъ снова обратился въ хаосъ: такой ядовитый пошелъ дождь и градъ, съ громомъ и молніей, небо и море возстали на землю; а соколъ продолжалъ сѣтовать, свернувъ крылья ⁴⁾).

Опять передъ нами Боккаччо съ его повѣстью несчастной любви: онъ любилъ Фьямметту (фазанъ), обладалъ ею, но ее отбили у него (голодный песь), онъ опечаленъ до смерти, и ему кажется, въ избыткѣ горя, что рушится и природа. Мрачная картина сознательно помѣстилась передъ свѣтлымъ воспоминаніемъ, какъ рассказъ о чумѣ — въ заголовкѣ Декамерона: еще Флоріо занятъ своимъ сномъ, а его другъ Аскальоне увлекаетъ его на прогулку; изъ одного сада раздаются звуки музыки и пѣсни; они остановились послушать, нѣсколько юношей приглашаютъ ихъ войти, раздѣлить ихъ веселье. Въ саду нѣсколько дамъ; пробывъ нѣкоторое время съ молодыми людьми, Флоріо и его товарищъ хотятъ удалиться, но одна изъ дамъ проситъ ихъ сдѣлать нѣчто и имъ въ угоду, проведя въ ихъ обществѣ остатокъ дня. Флоріо спѣшитъ согласиться; послѣ того, какъ онъ не видѣлъ своей Бьянчифьоре, никогда не встрѣчалъ онъ такой красавицы. О, какъ должны вы благодарить боговъ! говоритъ онъ одному юношѣ, съ которымъ особенно сошелся, изящныхъ нравовъ и |

1) Сульмона мѣсто Аквино, откуда родъ Марин-Фьямметты.

2) Изъ Сіены, съ берговъ Роны и Арно.

3) Отъ сосѣднихъ съ Ротреано горъ.

4) Filocolo, II, стр. 23—26.

161 краснорѣчивому, по имени Галеоне.— Почему такъ?— Вамъ такъ хорошо живется, вы сошлись въ одномъ желаніи.— Къ этому побудила насъ и въ этомъ поддерживаесть та женщина, въ которой покоятся всѣ прелести: та, что просила васъ остаться. Это — Марія, которую мы зовемъ Фьямметтой, дочь правителя этой страны и наша властительница; нѣтъ добродѣтели, достойной великаго сердца, которая не заключалась бы въ ея сердцѣ.— Уже солнце было въ полуднѣ, общество разбрелось кружками по саду, ища тѣни; съ Фьямметтой остались четыре дамы, Галеоне, съ нимъ двое юношей и Флоріо съ товарищами. Взявъ Флоріо за руку, она ведетъ всѣхъ на тѣнистый лужокъ; усѣвшись здѣсь, они начинаютъ бесѣдовать, но такъ какъ одинъ прерывалъ другого, Фьямметта предложила для большаго порядка избрать короля, которому каждый и предлагалъ бы какой-нибудь вопросъ о любви, а онъ разрѣшалъ бы сомнѣнія. Всѣ единогласно выбрали Аскальоне, какъ старшаго, но онъ пользуется своимъ правомъ лишь затѣмъ, чтобы въ свою очередь избрать Фьямметту, которую и вѣнчаетъ лавромъ: никогда не видѣлъ онъ, да ему и не называли женщины столь достойной, какъ эта Искорка (Фьямметта), присутствіемъ которой Амуръ во всѣхъ насъ заронилъ искры любви; ей вѣдомы всѣ его тайные ходы, она отвѣтитъ на всѣ наши вопросы.— Фьямметта скромно принимаетъ предложенный ей санъ, она станетъ отвѣчать по мѣрѣ своего недостаточнаго знанія, легко, не углубляясь въ суть вопросовъ и прося избѣгать тонкостей, потому что, утруждая умъ, онѣ не принесутъ удовольствія ¹⁾).

Начинаются бесѣды и рассказы, «вопросы любви», какъ называетъ ихъ Фьямметта; съ содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы уже познакомились выше ²⁾); далѣе мы раскроемъ ихъ личный элементъ. Передъ нами, въ зародышѣ, планъ Декаме-

1) Filocolo, II, 27—34.

2) Сл. стр. 66—7. Къ библиографіи перваго вопроса въ бесѣдахъ Филоколо сл. сонетъ Pietro Montanaro (Come ciò sia che duo diversi amanti). Сл. Indice delle carte di P. Bilancioni, Bologna, 1893, ed. C. e L. Frati, a. v.

ропа, | какъ сцена въ монастырѣ св. Михаила была его первымъ 162
листкомъ: то же общество въ саду, на лужайкѣ, въ числѣ бесѣ-
дующихъ—Фьяметта и Боккаччо, скрывающійся подъ именемъ
Галеоне. Такъ онъ названъ и въ извѣстномъ намъ автобіогра-
фическомъ эпизодѣ Амето. Онъ — въ періодѣ восторженнаго по-
клоненія.

Дальнѣйшее развитіе романа приводитъ насъ къ знакомому
уже намъ отчасти эпизоду объ Идалагѣ. Флоріо покинулъ Неа-
поль въ поискахъ за Бьянчифоре, находитъ ее и соединяется
съ нею послѣ разныхъ приключеній и опасностей. На обратномъ
пути, остановившись снова въ Неаполѣ, онъ посѣщаетъ его
окрестности, Байи и Мизень, Кумы и Поццуоли; однажды, охо-
тясь въ лѣсу, онъ нацѣлилъ копье на оленя, а попалъ въ сосну;
изъ нея вышла кровь, и послышался жалобный голосъ: это Ида-
лагъ-Боккаччо, обращенный въ дерево. По просьбѣ Флоріо,
къ которому подошла и Бьянчифоре, онъ рассказываетъ свою
исторію, отдѣльными подробностями которой мы уже воспользо-
вались выше¹⁾, а здѣсь перескажемъ въ порядкѣ; это — авто-
біографическій эпизодъ, съ измѣненными или вымышленными
именами, въ рамкахъ Овидіевой метаморфозы. Идалагъ начинаетъ
издалека: какъ отецъ увлекъ и обманулъ въ царствѣ Франко-
нарха (во Франціи) бѣдную Джьяппу (Giappai), и Идалагъ былъ
плодомъ этой любви; какъ плохо жилось Идалагу въ домѣ мачехи
Маргариты (Garamirta), и онъ удалился къ пастуху Кальметѣ
(въ Неаполь къ Андалоне ди Негро). Слѣдуетъ рассказъ объ
его наукѣ у Кальметы и о томъ, какъ, избѣгая Амура, онъ все же
попалъ въ его сѣти и на охотѣ погнался за фазаномъ, который,
обратившись въ красавицу, манитъ его къ себѣ. Ей онъ отдается,
ухаживаетъ за нею, воспѣваетъ ее; она склоняется къ его
желаніямъ, завѣряетъ въ своей любви, но, увлекшись кѣмъ-то
другимъ, покидаетъ его. Идалагъ самъ видѣлъ это своими гла-
зами; онъ молить, упрашиваетъ, проливаетъ слезы, его отчаяніе |

1) См. стр. 77—8, 112—113.

163 не знаетъ мѣры, и онъ уже готовъ наложить на себя руки, когда сострадательная Венера обратила его въ сосну. Сосна — его символъ; ея вѣчно-зеленія вѣтви означаютъ надежду, которая никогда не угаснетъ. Это не мѣшаетъ ему обратиться съ наставленіемъ къ тѣмъ, кто возлагаетъ надежду на мірское, особенно на женщинъ, въ которыхъ нѣтъ ни разума, ни постоянства, а испорченная воля не знаетъ узды. Онъ пошелъ бы и дальше въ этихъ пареканіяхъ, если бъ Бьянчифьоре не вступилась за добродѣтельныхъ женщинъ. Кто ты? спрашиваетъ Идалагъ; ты говоришь такъ, какъ будто сама изъ ихъ числа. Узнавъ, что это Бьянчифьоре, онъ спѣшитъ извиниться; она кажется ему большимъ чудомъ, чѣмъ его превращеніе въ сосну; о ней и о Флоріо онъ не разъ слышалъ изъ рассказовъ пастуховъ, собиравшихся подъ его тѣнь; счастливая парочка идеальныхъ любовниковъ поставлена какъ бы въ контрастъ съ поблекшимъ счастьемъ Идалага и его нимфы. Потому что и она тутъ вблизи, также превращенная, и Идалагъ проситъ своихъ собесѣдниковъ посѣтить ее на обратномъ пути въ городъ, гдѣ у прозрачнаго источника она лежитъ въ видѣ бѣло-мраморнаго камня. Двѣ дѣвушки ведутъ Флоріо и его спутниковъ въ гротъ и рассказываютъ повѣсть о кощунственныхъ нимфахъ, показанныхъ богами. Одну изъ нихъ, Асенгу (Агнесу Перигорскую), мы уже назвали, сообщивъ и содержаніе соотвѣтствующаго эпизода ¹⁾; первой названа Alleiram-Mariella, т. е. Марія-Фьямметта. Она хвалилась передъ своими товарками, что сильнѣе Венеры: не многіе изъ боговъ могутъ указать на такую родословную, какъ она; она богата и красива; кто бы ни проходилъ мимо ея дома, свои или пріѣзжіе, всѣ заглядываются на нее; но хотя она и правилась многимъ, не многіе правились ей, а она всѣхъ обнадеживала взглядомъ, выслушивала любовныя рѣчи, и сама отвѣчала любовно, всѣхъ запутывая въ свои сѣти. Много разъ Амуръ обращалъ на нее свои стрѣлы, не уязвляя ея сердца, но она представ-

1) См. стр. 55—56.

лялась уязвленной, и вот одни проживались изъ-за нея, другіе 164 тцились обратить ея вниманіе подарками, строили другъ другу ковы, падали въ самозабвеніи, сломавъ ноги, въ глубокую яму. Она надо всѣми смѣялась, выбирая изъ нихъ, съ глазомъ знатока, тѣхъ, кто, казалось, болѣе отвѣчалъ ея вкусамъ, но, еще не утоливъ жажды, она разбивала сосудъ съ водою и бросала осколки. И она рассказываетъ о своихъ отношеніяхъ къ Идалагу, не называя его: какъ она привлекла его къ себѣ, и онъ сталъ ея поэтомъ и защитникомъ и, набравшись отваги, пробрался къ ней тайно. Она измѣнила и ему, его веселье обратилось въ слезы; напрасно молилъ онъ ее, а Венера грозилъ ей въ сновидѣніяхъ: она осталась непреклонной; Идалагъ обратился въ сосну, а она похваляется, на зло Венерѣ, что еще велитъ срубить и сжечь дерево. За такія кощунственные рѣчи она и обращена въ холодный мраморъ.

Разсказъ дѣвушки наводитъ Флорію на размышленія о чело- вѣческой гордынѣ. Всѣ возвращаются въ городъ; на пути — сонъ въ руку: Флорію встрѣчаетъ Галеоне-Боккаччю, котораго видѣлъ прежде, счастливаго, въ обществѣ Фьямметты. Что съ красавицей Фьямметтой? спрашиваетъ онъ. Галеоне печально потупился; судьба измѣнила мнѣ, отвѣчаетъ онъ, исчезла въ вне- запномъ порывѣ бури звѣзда, ясный лучъ которой руководилъ мою ладью къ желанной пристани; несчастный кормчій, я остался одинъ среди волнующагося моря; боги отвернулись отъ меня, покинули ложные друзья, а истинный другъ не можетъ оказать мнѣ помощи. — Флорію утѣшаетъ его измѣнчивостью фортуны: Помнишь, какъ еще недавно тому назадъ твоя судьба была про- тивоположна моей? Ты любовался твоей желанной, я скитался печально, не зная, гдѣ моя. Теперь я счастливъ; надѣйся и ты¹⁾. Кто знаетъ, не лежитъ ли за высокими горами глубокая долина²⁾?

1) Filocolo, II, 235—276.

2) Сл. введеніе въ первый день Декамерона, стр. 5 русск. перев.

Въ IV-й и V-й книгѣ Филоколо судьба Флоріо и Бьянчиѳоре |
 165 и Галеоне и Фьямметты развиваются нѣкоторое время парал-
 лельно, какъ бы отгѣняя другъ друга обратнымъ развитіемъ;
 между двумя появленіями Галеоне, то счастливаго, то убитаго
 горемъ, аллегорическій разсказъ объ Идалагѣ приводитъ ката-
 строфу. Всѣ эти партіи могли быть написаны вмѣстѣ, или въ ко-
 роткій другъ за другомъ промежутокъ времени, такъ онѣ тѣсно
 связаны. Въ нихъ мы поищемъ объясненія любви Боккаччо къ
 Фьямметтѣ.

Если прислушаться къ страстнымъ жалобамъ Идалага — она
 безжалостная кокетка, надменная своей красотой, неспособная
 къ любви, забавлявшаяся тѣмъ, что привлекала къ себѣ поклон-
 никовъ, равнодушная къ ихъ горю. Эта характеристика, перехо-
 дящая въ крайнія нареканія противъ женщинъ вообще, объяс-
 няется художественнымъ шаржемъ, отвѣчавшимъ душевному
 настроенію: обманутаго, оскорбленнаго чувства ¹⁾. Очевидно, это
 не послѣднее слово Боккаччо, иначе трудно себѣ объяснить всю
 первую половину его литературной дѣятельности, до Декамерона
 включительно: такъ она полна любовныхъ воспоминаній о Фьям-
 меттѣ; ей посвящена Тезеида, она является дѣйствующимъ лицомъ
 въ Амето и Декамеронѣ, стоитъ въ средоточіи Любовнаго Ви-
 дѣнія и романа, названнаго ея именемъ. Сколько бы мы ни
 отнесли на счетъ идеализаціи поэта, самая ея возможность за-
 ставляетъ искать ея причинъ въ самомъ объектѣ: въ Фьямметтѣ
 могли быть чары, заставлявшія Боккаччо забывать порой ея
 вѣроломства, извинять ее, можетъ быть — винить самого себя.

Бесѣды въ саду, въ которыхъ участвуетъ Флоріо, а Фьям-
 метта является верховнымъ судьей вопросовъ любви, представ-
 ляютъ въ этомъ отношеніи любопытныя откровенія. Въ нихъ
 много общаго, но много и личнаго, что негрудно выдѣлить.
 Фьямметта говоритъ о нерушимости супружеской клятвы, о цѣ-
 ломудріи женъ, украшающемъ мужей, хотя немногимъ прихо-

1 Сл. сонетъ XXXV.

дится въ этомъ позавидовать ¹⁾; о томъ, что не слѣдуетъ добиваться любви замужней женщины, и что одна и та же любовь, 166 какъ одна и та же пища, надоѣдаетъ ²⁾. Иначе она и не могла рѣшать въ извѣстныхъ вопросахъ, не выходя изъ роли судьи; но ставились и другіе, въ общихъ формулахъ которыхъ сквозитъ отношеніе Боккаччо къ Фьяметтѣ; они понимали другъ друга на полусловѣ, какъ Панфило объяснялся съ своей милой, рассказывая ей повѣсти, интимный смыслъ которыхъ былъ ясенъ имъ однимъ. Съ этой точки зрѣнія нѣкоторые изъ вопросовъ, упомянутыхъ выше, теряютъ свою отвлеченность, проникаясь живымъ интересомъ личности. Любовь дѣлаетъ человѣка застѣнчивымъ; любящая выжидаетъ объясненія, хотя сама была бы готова объяснить первой ³⁾; лучше думать о милой, чѣмъ созерцать ее, потому что воображеніе даетъ широкій просторъ желаніямъ ⁴⁾. Какая-то дама ставитъ вопросъ: она — родовитая неаполитанская красавица, по имени Марія; долго отрицалась любви, но наконецъ не пожелала долѣе противиться закону, которому подчиняются всѣ другіе, и рѣшила влюбиться. Ей предстоитъ рѣшить выборъ между тремя ухаживающими, ей одинаково нравящимися: одинъ изъ нихъ превзошелъ бы силой самого Гектора, другой — щедръ и радушенъ, третій — исполненъ мудрости. На комъ изъ нихъ остановиться? — Фьяметта рѣшаетъ въ пользу мудраго: онъ одинъ въ состояніи долго соблюсти любовь и, вмѣстѣ, честь своей дамы, ибо его разсудокъ обуздываетъ его желанія ⁵⁾. — Вспомнимъ, что имя Фьяметты было Марія, что она такая же красавица, хорошаго рода, а Боккаччо не блисталъ ни силой, ни богатствомъ; онъ бралъ своимъ образованіемъ, и отъ него ожидали разсудительности и обузданія желаній, въ видахъ тайны, за то ему и воздастся многое. Слѣдующій во-

1) Вопросъ IV.

2) Вопросъ IX; сл. выше стр. 137 и прим. 3.

3) Вопросъ VI.

4) Вопросъ XI.

5) Вопросъ III.

прось 1) снова ставить передъ нами знакомыя отношенія Боккаччо къ Фьямметтѣ. Спрашивается: кого слѣдуетъ предпочесть изъ двухъ женщинъ, одинаково нравящихся: ту ли, которая и по роду и по состоянію выше любящаго, либо ту, которая ниже? Мужчине созданъ для того, чтобы стремиться къ высшему, отвѣчаетъ Фьямметта, къ тому же и пословица говоритъ: лучше хорошо желать, чѣмъ плохо держать; потому предпочтеніе должно быть отдано женщинѣ, выше поставленной. Если и труднѣе бываетъ добиться ея любви, то зато такую любовь и цѣнять и берегутъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болыпихъ усилій она потребовала. Если бы на это возразили, что именитая женщина станетъ стремиться къ любви человека, выше нея по положенію, и пренебрежетъ худороднымъ, на это можно отвѣтить: что самый заурядный мужчина, въ силу естественной доблести, выше самой родовитой въ свѣтѣ женщины, и что всякій, кого бы она ни избрала, будетъ превосходить ее. Потому да не отчаивается никто полюбить женщину выше себя, отчего ему послѣдуетъ благо, ибо, изъ желанія понравиться ей, онъ будетъ стараться усвоить себѣ хорошія манеры, войдетъ въ общество благородныхъ людей, изощритъ и украситъ свою рѣчь, полюбитъ роскошныя одежды, станетъ способнымъ на мужественные подвиги 2).

Такъ могла говорить Фьямметта, ободряя робкаго Боккаччо, котораго пугало неравенство ихъ общественнаго положенія: пусть осмѣлится, она подниметъ его своею любовью. Какъ она понимаетъ ее, что отъ нея ждетъ, — это разясняютъ другія ея рѣшенія. Боккаччо ревнивъ, способенъ пережить мученія Троила 3); онъ самъ видѣлъ измѣну своей милой 4), какъ безымянный утѣшитель Филена, какъ Идалагъ и пріятель Клоники въ пятомъ вопроствъ, вызывающемъ такое рѣшеніе Фьямметты:

1) Вопросъ VIII.

2) Сл. Андрея Капеллана I. с., lib. II, cap. VII, jud. III, стр. 275: *femina etenim rerum fertilitate beata laudabilis inopem sibi necit amorem.*

3) Филострато VII, 18.

4) Сон. IV.

что гораздо менѣе жалокъ человѣкъ, несчастный въ любви, чѣмъ страдающій ревностью. Мѣткая характеристика ревнивца въ устахъ Фьямметты ¹⁾ назначена для Боккаччо: вспомнимъ, 168 что и онъ находится въ ея обществѣ подъ именемъ Галеоне. И вотъ онъ и Фьямметта выступаютъ въ вопросѣ седьмомъ, поставленномъ какъ бы въ центрѣ ²⁾ и сознательно-поэтически выдвинутомъ изъ числа другихъ. Общество расположилось подъ навѣсомъ деревьевъ у фонтана; солнечный лучъ пробился сквозь вѣтви, упалъ въ волны, и его отраженіе играетъ на лицѣ и золотистыхъ волосахъ красавицы-королевы, точно огонекъ (fiammenta) спустился на нее изъ зеленой листвы. Галеоне сидитъ противъ нея по ту сторону источника и такъ погруженъ въ ея созерцаніе, что не слышитъ обращенныхъ къ нему вопросовъ. Отчего ты такъ задумался, ты, единственное, быть можетъ, желаніе той, которую ты созерцаешь? спрашиваетъ его Фьямметта; почему не говоришь и все смотришь на меня, точно никогда меня не видѣлъ? — Галеоне приходитъ въ себя, какъ человѣкъ, который боится прервать сладкое сновидѣніе; онъ видѣлъ нѣчто чудесное: будто вышелъ изъ воды какой-то духъ, граціозный и игривый, и увлекъ за собой мою душу, проникнувъ въ ваши очи, которыя загорѣлись повѣмъ блескомъ; затѣмъ онъ выступилъ изъ нихъ, оставивъ въ нихъ свой слѣдъ, взвился огонькомъ на вашъ вѣнокъ и далѣе перелетѣлъ на деревья, то прячась, то скача по вѣткамъ, какъ птичка, съ пѣснями о любви: «Я — неба третьяго прелестное созданье» (мадригаль). Много онъ пѣлъ еще, но лишь только вы заговорили, онъ снова запрятался въ ваши глазки, отъ которыхъ все здѣсь освѣгилось, какъ отъ сіянія утреннихъ звѣздъ. — Вотъ отъ какого блаженства я долженъ былъ оторваться! говоритъ Галеоне - Боккаччо, погружаясь фантазіей въ дантовскіе мотивы. — Всѣ смотрятъ на Фьямметту

1) См. ея рассказъ въ Декамеронѣ, VII, 5; Andr. Capellani l. c., lib. II, cap. VI, стр. 145 слѣд.

2) Всѣхъ вопросовъ тринадцать.

и видятъ, что казалось бы невозможнымъ; она сидитъ безмолвно, не измѣнившись въ лицѣ, окутанная смиреніемъ, а Галеоне пред-
 169 лагаетъ ей вопросъ: слѣдуетъ ли человѣку, къ своему благу, любить, или нѣтъ? — Фьямметта отвѣчаетъ, вздохнувъ: Мнѣ придется говорить противъ того, чего сама я желаю, и да проститъ мнѣ Амуръ, если, слѣдуя побужденіямъ разсудка, я скажу нѣчто противъ его божества. Есть три рода любви: одна — честная, настоящая, законная, та, которой подобаешь отдаваться всякому; любовь, соединяющая Творца съ его твореніемъ, содержащая небеса и міръ, царства и народы; въ силу ея мы можемъ удостоиться царства небеснаго, безъ нея не можемъ проявить присущія намъ силы добродѣтели. — Вторая любовь — любовь по вождѣлѣнію: это та, которой мы подвержены, наше божество; третья — презрѣнная: любовь по расчету ¹⁾. Вопросъ, поставленный Галеоне, касается, очевидно, второй любви, и Фьямметта заявляетъ, что кто желаетъ жить добродѣтельно, тому не слѣдовало бы ей отдаваться, ибо она лишаетъ чести, приноситъ скорбь, ищетъ пороки, порождаетъ заботы, отнимаетъ лучшее достояніе человѣка — свободу. Да здравствуетъ тотъ, кто способенъ остаться свободнымъ! — Галеоне пораженъ, онъ ожидалъ другого отвѣта, надѣялся, что Фьямметта поддержитъ и одобритъ любящихъ. Онъ другого мнѣнія: всякому, стремящемуся къ высокой цѣли, надо любить, ибо любовь умножаетъ добродѣтели. И онъ говоритъ объ ея облагораживающемъ вліяніи, какъ говорилъ Троиль ²⁾, приводя въ примѣръ боговъ и героевъ и поэтовъ, которыхъ любовь побудила оставить по себѣ вѣчную славу въ

1) Сл. троякое дѣленіе любви: *celestials, naturals* и *carnals* у Guiraut Riquier въ толкованіи на канцону Guiraut de Calanson и Gen. Deor., I, 15; Платонъ (у Апулея *De dogmate Platonis*) различаетъ три рода любви: *quorum primum dixit esse divinum, cum incorrupta mente et virtutis ratione convenientem; alterum degeneris animi corruptaeque voluntatis passionem; tertium ex utroque permixtum. Post quem auditor ejus Aristoteles, mutatis fere potius verbis quam sententia, aequè triplicem voluit, primum dicens propter honestum, secundum propter delectabile, tertium propter utile moventem captos a se.*

2) Filostrato, III, 74 слѣд.

священныхъ стихахъ. Что казалось имъ достойнымъ, то достойно и намъ: станемъ же любить и служить Амуру, и да здравствуетъ вѣчно нашъ властелинъ! — Ты, я знаю, влюбленъ, отвѣчаетъ 170 Фьямметта, а сужденія влюбленныхъ ложны; я въ томъ же положеніи, и какъ мнѣ то ни больно, я нарушу естественное молчаніе, дабы ты не заблуждался. Любовь — не что иное, какъ неразумное желаніе, рождающееся отъ страсти, объявившейся въ сердцѣ вслѣдствіе представшаго глазамъ сладострастнаго наслажденія, воспитанное въ неразумномъ духѣ воспоминаніемъ и тунейдствомъ мысли¹⁾. — И Фьямметта опровергаетъ такими же примѣрами все, сказанное Галеоне въ защиту облагораживающей любви²⁾; не находитъ оправданія и поэзія и краснорѣчіе влюбленныхъ: оно можетъ подвинуть даже камни, но его сила — въ лести, недостойной порядочнаго человѣка, какъ вообще все благородное, совершаемое любящими, является лишь средствомъ къ достиженію далеко не благородной цѣли, а человѣкъ измѣряется его побужденіями. Итакъ, начало любви — страхъ, въ серединѣ — грѣхъ, въ концѣ — печаль и досада. Лишь неразумные могутъ ее восхвалять, и мы охотно обошлись бы безъ нея, но поздно узнали ея вредъ, и намъ, попавшимъ въ ея сѣти, остается лишь слѣдовать по ея путямъ, пока и намъ не объявится тотъ свѣтъ, который извлекъ Энея изъ юдоли мрака, т. е. пока мы не сподобимся честной, небесной любви.

Боккаччо любилъ страстно, плотски-ревниво, и вмѣстѣ съ тѣмъ готовъ былъ поэтизировать эту любовь въ верховный принципъ міровой и человѣческой жизни, способенъ вѣрить въ ея нравственную, поднимающую силу, уноситься съ упоеніемъ въ надзвѣздныя выси платонизма — и снова падать до уровня волнуемой, оскорбленной плоти. Фьямметтѣ знакомы эти край-

1) Сл. Gen. Deor., IX, 4: *mentis quaedam passio ab exterioribus illata et per sensus corporeos introducta et intrinsecarum virtutum approbata praestantibus ad hoc supercaelestibus corporibus aptitudinem.*

2) Сл. Sanzone I и у Андрея Капеллана (l. c., lib. I, cap. VI, стр. 152 слѣд.) рѣчь дамы противъ любви.

ности раздраженной фантазіи, ореола и тины, млѣнія и титаническаго гнѣва; женщина развитая, способная встрѣтить откровенность и прочесть между строками ¹⁾, она относится съ сомнѣніемъ къ выспреннему чувству, способному, въ минуты аффекта, обратиться въ грязныя разоблаченія боккачьевской сатиры, Корбаччо. Идеальна, нравственна лишь небесная любовь, земной — мы подвластны, въ ней много горя, но съ этимъ приходится мириться, надо только умѣть упорядочить ее, избѣгая ненужной ревности, обуздывая желанія.

Съ этимъ Боккаччо пока не можетъ помириться; противорѣчія темперамента и идеализаціи въ немъ такъ же сильны, какъ желаніе объединить ихъ, оправдавъ первый цѣлями второй, — и восторженные рѣчи Галеоне найдутъ себѣ выраженіе въ аллегоріяхъ Амето и тревожныхъ признаній Любовнаго Видѣнія.

1) Chiuso parlare въ посвященіи Тезейды.

III.

ФЛОРЕНЦІЯ. АВТОБІОГРАФІЧЕСКІЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ (ФИЛОКОЛО,
АМЕТО, ЛЮБОВНОЕ ВИДѢНІЕ).

I.

Боккаччо вернулся во Флоренцію (или Чертальдо)¹⁾ «противъ 175 воли», вернулся неаполитанцемъ по привычкамъ и симпатіямъ, и ему пришлось съ трудомъ вживаться въ новыя для него отношенія. Среди тусклой домашней обстановки вспоминались неаполитанскіе придворные кружки, въ которыхъ сіяла его Фьямметта, широкое раздолье жизни и блескъ нарядовъ, вызывавшихъ нареканія флорентійскихъ буржуа, когда французы, пришедшіе съ Карломъ Калабрійскимъ (1326 г.) и герцогомъ Авинскимъ (1342 г.), принесли съ собою развращенныя моды²⁾ и такіе же нравы³⁾. Послѣднее стихотвореніе *Ameto* написано подъ впечатлѣніемъ подобнаго контраста: съ одной стороны поэтическая фантазмагорія нимфъ, воспитывающихъ юношу для высшихъ цѣлей любви, веселья бесѣды и желанія, побуждающія ко благу, съ другой—постылый домъ отца, успѣвшаго жениться во второй разъ (вѣроятно, въ 1342—3 г.)⁴⁾ на Беатриче деи Бостики. Мы знаемъ, какъ сложились отношенія Боккаччо къ отцу: онъ говоритъ о немъ съ откровенною горечью, никогда не доходящею до циническаго ожесточенія Чекко Анджьольери, но поражающею

1) Сл. въ Филоколо эпизодъ о Филено, выше стр. 161.

2) *Giov. Villani*, X, cap. 11; XII, cap. 4, 8.

3) Сл. Декам., VI, 3.

4) **Cochin*, *Voccaccio*, 37: 13 Дек. 1342 г. *B. acquistava una casa nella parrocchia di S. Ambrogio, sicchè passò poco tempo sotto il tetterpaterno. Fu indotto, forse, a lasciarlo dai nuovi progetti di matrimonio del padre suo.*

нась своею неумѣренностью ¹⁾). Въ Амето она вызвана психоло-
 176 ги|ческимъ моментомъ: память о прошломъ заставила все являться
 въ черномъ цвѣтѣ. Поэтъ разстается съ болью въ сердцѣ съ
 обществомъ нимфъ, которыми любовался, которыхъ подслуши-
 валъ изподтишка, и принужденъ идти туда, «гдѣ царить уныніе
 и вѣчная тоска; тамъ никогда не смѣются, либо изрѣдка; мрач-
 ный, молчаливый, скучный домъ принимаетъ и держитъ меня
 противъ воли, и тяжело удручаетъ суровый, печальный видъ ста-
 рика холоднаго, грубаго и скупого. Возвращеніе подъ такой
 кровь послѣ блаженныхъ дней превращаетъ то блаженство въ
 печаль и горе» ²⁾).

Въ Любовномъ Видѣніи повторяются тѣ же жалобы на ску-
 постъ и суровость отца, продолжавшаго торговать съ домомъ
 Барди ³⁾, но, вѣроятно, пострадавшаго въ флорентинскомъ банко-
 вомъ крахѣ 1342 года. Онъ могъ поневолѣ сжаться, тѣмъ болѣе
 для сына, явившагося домой не каноникомъ, а поэтомъ. Эти
 естественныя отношенія приняла въ фантазіи Боккаччо траги-
 ческій отгѣнокъ. Онъ чувствуетъ себя одинокимъ: у него нѣтъ
 друзей, кромѣ Никколѣ ди Бартоло дель Буоно; онъ одинъ по-
 нялъ «славу Чертальдо», говоритъ, разумѣя Боккаччо, Никкола
 да Монтефалько: держалъ его въ чести, поддерживалъ своими
 средствами ⁴⁾; этому единственному другу, казненному въ
 1360 году по обвиненію въ заговорѣ противъ гвельфской партіи,
 Боккаччо и посвятилъ своего Амето.

Понятно, что ему хочется вырваться изъ Флоренціи.

Въ іюнѣ 1341 года вернулся изъ Греціи Аччъяйоли ⁵⁾; Бок-
 каччо схватился за него: 28 августа онъ пишетъ ему письмо,

1) Сл. выше стр. 13 слѣд.; о Чекко Анджьольери сл. Alessandro D'Ancona, *Studi di critica e storia letteraria*, Bologna, 1880, стр. 107 слѣд.

2) Ameto, стр. 199.

3) Сл. его счета съ домомъ Барди отъ 1336—8 годовъ у Del Lungo, *Beatrice nella vita e nella poesia del secolo XIII*, Milano, 1891, стр. 162, 163.

4) *Che'n triumpho el mantenne, ed a soi spese*. Сл. Hortis, *Studj*, стр. 145, прим. 1.

5) Сл. выше стр. 57.

риторически-восторженное, въ которомъ многое показалось бы лестью, если бы не извинялось обычнымъ у Боккаччо шаржемъ | и страстностью надежды. Вашъ отъѣздъ былъ для меня столь же 177 горестенъ, какъ отъѣздъ Энея Дидонѣ, пишегъ онъ Аччяйюли; я ждалъ васъ, какъ Пенелопа Улисса; вѣсть о вашемъ возвращеніи обрадовала меня во мракѣ моихъ бѣдъ, какъ святыхъ отцовъ утѣшила въ лимбѣ вѣсть о пришествіи Христа. Я счастливъ, что вы вернулись, не столько ради себя, сколько потому, что вы заставите умолкнуть злостныхъ льстецовъ и завистниковъ и наступите на выю надменнымъ. Я ничего не пишу вамъ о моемъ невольномъ житіѣ во Флоренціи, потому что объ этомъ слѣдовало бы написать слезами, не чернилами. Одно скажу вамъ: на васъ моя надежда, что вы измѣните мою жалкую участь къ лучшему, какъ Александръ Великій измѣнилъ судьбу пирата Антигона. И эта надежда не новая; она одна и осталась у меня съ тѣхъ поръ, какъ, по Божію произволенію, отнять у меня мой отецъ и наставникъ, маэстро Діонизіо (Dionisio da Borgo San Sepolcro).—И Боккаччо кончаетъ заявленіемъ увѣренности, что вскорѣ онъ увидится съ Аччяйюли. Письмо подписано: Джьованни Боккаччо изъ Чертальдо, «враждебный фортуна» ¹⁾.

Аччяйюли пріѣхалъ во Флоренцію въ ноябрѣ 1341 года, вмѣстѣ съ знакомымъ намъ Джьованни Баррили; актомъ 8-го февраля онъ записалъ нѣкоторыя свои помѣстья за Чертозой, которую давно затѣялъ основать подъ Флоренціей, и Боккаччо было поручено, въ числѣ трехъ уполномоченныхъ, наблюдать за передачей указаннаго имущества пріорамъ будущаго монастыря ²⁾. Была ли между нимъ и Аччяйюли рѣчь о его надеждахъ — мы не знаемъ; въ сущности Аччяйюли явился во Флоренцію съ тайной миссіей, характерной для него, какъ политическаго дѣятеля, забывшаго интересы роднаго города. Дѣло шло о пріобрѣтеніи Лукки, которую Масгино делла Скала, не будучи въ состояніи

1) Tanfani, l. c., стр. 44 и слѣд.

2) Corazzini, стр. 17—18.

удержать въ своей власти, предлагалъ купить флорентійцамъ. Тѣ согласились, но пизанцы, опасаясь сильныхъ сосѣдей, по-
 178 сѣшшили ихъ предупредить, и ихъ войско подошло къ городу, куда успѣлъ проникнуть небольшой флорентійскій отрядъ. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ дѣлѣ флорентійцы были разбиты; тогда они обратились за помощью къ королю Роберту, но тотъ отдѣ-
 лывался совѣтами и обѣщаніями, а посольство Аччяйюли не имѣло иной цѣли, какъ убѣдить заинтересованныя стороны, что лучшее рѣшеніе вопроса — отдать Лукку въ руки короля. Дѣло не удалось, и Аччяйюли уѣхалъ въ концѣ февраля или началъ марта 1342 года.

Поѣхалъ ли съ нимъ Боккаччо? Лишь предположеніемъ такой, хотя бы кратковременной, поѣздки въ Неаполь объясни-
 лось бы въ біографіи Боккаччо одно загадочное обстоятельство. Выше ¹⁾ мы сказали, что его не было въ Неаполѣ, когда въ мартѣ 1341 года происходило торжественное испытаніе Петрарки королемъ Робертомъ ²⁾, иначе онъ навѣрно упомянулъ бы о томъ впоследствии, во всякомъ случаѣ постарался бы тогда же уви-
 дѣть вѣнчаннаго поэта, — а Петрарка пишетъ ему по поводу ихъ перваго свиданія въ 1350 году, что Боккаччо никогда дотолѣ его не видѣлъ ³⁾. Если въ мартѣ 1341 года онъ былъ уже во Флоренціи, то когда же слышалъ онъ изъ устъ короля Роберта похвалы поэзіи, высокое значеніе которой раскрылось ему впер-
 вые въ диспутѣ съ Петраркой? Робертъ скончался въ январѣ 1343 года; время, въ теченіе котораго Боккаччо могъ слышать отзывъ Роберта, ограждено періодомъ послѣ марта 1341 года до конца 1342, и всего естественнѣе предположить, что именно отъѣздъ Аччяйюли въ февралѣ послѣдняго года могъ еще разъ увлечь Боккаччо туда, куда тянули его воспоминанія и любовь.

1) Стр. 45.

2) Сл. Fam., IV, 7 и прим. Fracassetti.

3) Fam, XXI, 15.

Но вернемся къ флорентійскимъ отношеніямъ. 9 мая явился съ своимъ отрядомъ въ лагерь флорентійцевъ, еще продолжавшихъ войну, и по ихъ вызову, Вальтеръ Бриеннскій, котораго | они 179 уже видѣли въ своихъ стѣнахъ въ 1326 году, въ качествѣ викарія Карла Калабрійскаго. Родичъ французскаго королевскаго дома, женатый на племянницѣ короля Роберта, титулованный герцогъ Аѳинъ, съ какими-то правами на Кипръ, онъ искалъ удачи и власти: Виллани изображаетъ его жаднымъ и вѣроломнымъ, но смѣтливымъ и хитрымъ авантюристомъ; небольшого роста, некрасивый собою, непривѣтливый, онъ походилъ съ своей бородой, которая послѣ него вошла въ моду, скорѣе на грека, чѣмъ на француза¹⁾. Позднѣйшая роль Вальтера въ судьбахъ Флоренціи оправдываетъ эту характеристику; въ началѣ его храбрость оживила надежды: въ одномъ изъ тѣхъ стихотворныхъ памфлетовъ, въ которыхъ Антоніо Пуччи, воспѣвшій всѣ фазисы войны съ Луккой, выносилъ на площадь свой флорентійскій патріотизмъ, отъ мужественнаго и мудраго вождя ждали возстановленія чести; съ нимъ немного нѣмцевъ, зато его итальянцы и французы будутъ биться, какъ львы (*Come Lucca si perdè gammaricandosi Firenze*). — Между тѣмъ Флоренція продолжала искать союзниковъ и, забывъ свои гвельфскія преданія, обратилась за помощью къ Людовику Баварскому, находившемуся тогда въ Триентѣ. Эта мѣра вызвала финансовый и политическій переворотъ: Флоренція была издавна главой среднеитальянскаго гвельфизма, и ея обращеніе къ императору истолковано было, какъ переходъ въ лагерь гибеллиновъ; на гвельфовъ Неаполя это извѣстіе произвело удручающее впечатлѣніе: всѣ бросились вынимать изъ флорентійскихъ банковъ свои вклады: недовѣріе породило рядъ банкротствъ и упадокъ кредита; къ тому же обнаружались недочеты и растраты во временномъ правленіи «двадцати», учрежденномъ съ начала войны. Не зная, что начать, богатые пополаны обратились къ Вальтеру, выбрали

1) Срон., I. XII, с. 8.

его «консерваторомъ народа», начальникомъ охраны, съ верховной властью въ теченіе года на войнѣ и правомъ уголовнаго
 180 суда въ городѣ и внѣ его. | Надѣялись, что онъ умиротворить городъ, гдѣ власть находилась въ рукахъ разжившейся гвельфской буржуазіи, кунцовъ-оптиматовъ (*popolani grassi*) и большихъ цеховъ; мелкіе не участвовали въ правленіи, изъ котораго исключены были и аристократы-гвельфы, такъ называемые гранды, и черный народъ. Гранды могли лишь косвенно вліять на городскія отношенія, поскольку сидѣли въ «магистратѣ гвельфской партіи», стоявшемъ на стражѣ гвельфскихъ интересовъ вообще; они естественно стремились къ расширенію своихъ правъ и въ этомъ смыслѣ рассчитывали на Вальтера, тогда какъ богатые пополаны, потерпѣвшіе финансовое крушеніе, надѣялись при немъ поправить свои дѣла. Но раздоръ партій указалъ ему на другія цѣли: опираясь на грандовъ и плебсъ, онъ сталъ домогаться единоличной власти, и въ сентябрѣ 1342 года его провозгласили пожизненнымъ властителемъ Флоренціи, онъ сталъ подписываться: «*dux et dominus Florentinorum*». Но онъ никого не удовлетворилъ: ни грандовъ, которые ожидали, что онъ дастъ имъ участіе во власти, ни пополановъ-буржуа, ея лишившихся, ни ремесленниковъ, которыхъ заработки уменьшились при его правленіи, деспотически стремившемся къ устраненію народныхъ порядковъ, противъ чего предупреждалъ его осторожный король Робертъ. Его вымогательства и жестокія мѣры, распущенность нравовъ, которыми отличались его пособники, ихъ посягательство на честь флорентійскихъ женъ и соблазнъ необычныхъ французскихъ нарядовъ — все это питало недовольство; явились заговоры, и въ общемъ возстаніи народа герцогъ, осажденный въ Палаццо Синьоріи, принужденъ былъ удалиться (6 августа 1343 года). Послѣдовавшія затѣмъ внутреннія движенія Флоренціи привели къ новому ограниченію правъ грандовъ и поднятію цеховъ и мелкаго люда (*popolo minuto*).

Флорентійскіе демократы вздохнули свободно; въ стихахъ и прозѣ и живописи осталась память того страстнаго вниманія,

съ которымъ они слѣдили за недолговѣчной дѣятельностью герцога Аѳинскаго. 15-го сентября 1342 года, во время большого торжества въ Santa Croce по случаю водворенія новаго правителя, епископъ Флоренціи, Анджели Аччяйюли, величалъ его въ проповѣди ¹⁾; надежды, которыя на него возлагали, выразились въ сонетѣ Пьеро д'Ансельмо, написанномъ въ началѣ его власти: герцогъ названъ здѣсь «наслѣдникомъ великаго Агамемнона», онъ отмститъ похитителю Елены; «велика была мудрость твоего правленія, и болѣе въ немъ доблести, чѣмъ въ какомъ другомъ» ²⁾. Аньолю Торини Бенчивенни обратился къ нему съ канцонной, полной вѣры въ «новаго Тезея» и добрыхъ совѣтовъ, и затѣмъ съ другой, сѣтовавшей о неосуществившихся ожиданіяхъ. Когда онъ палъ, Паоло дель Абако разсказалъ въ двадцати стансахъ его исторію до изгнанія включительно, а Антоніо Пуччи сложилъ по этому поводу баллату и заставилъ самого герцога оплакивать свою участь: онъ намѣревался стать «королемъ Тосканы», а съ нимъ приключилось то же, что съ Симономъ магомъ (*Come fu cacciato di Firenze il duca d'Atene e lamento che fe'*) ³⁾. Говорятъ, Симоне изъ Сіены изобразилъ его Лонгиномъ въ сценѣ Распятія, до сихъ поръ красующейся въ S. Maria Novella, въ капеллѣ degli Spagnuoli; въ 1344 году поручено было Джьоттино написать въ Палаццо Подесты портреты герцога и его клеветовъ съ соотвѣтствующими стихотворными надписями обличительнаго характера.

Всѣ эти событія прошли передъ глазами Боккаччо и не могли не волновать его. Въ книгѣ о Роковой участи великихъ людей ⁴⁾ онъ разсказываетъ исторію Вальтера Бриенскаго, горя о Флоренціи и порицая непостоянство, вѣтреность и необдуман-

1) Giov. Villani, XII, 3.

2) Giorn. Stor. d. letterat. ital., fasc. 2, стр. 311.

3) Сл. Medin, *Il Duca d'Atene nella poesia contemporanea*, въ *Propugnatore N. S.*, v. III, f. 15, стр. 388 слѣд. и приведенную тамъ литературу. Общее обзорѣніе событій у Perrens, *Histoire de Florence* (Paris, Hachette, 1877—83), t. IV, стр. 215 слѣд.

4) IX, 24.

ность ея гражданъ. Но эта книга начата значительно позже, и въ эпизодѣ о Вальтерѣ непосредственныя впечатлѣнія чередуются въ ней съ разказами по слухамъ и показаніями Виллани. Въ Амето, написанномъ въ 1340—1 годахъ, Боккаччо такъ гордится Флоренціей: несмотря на различныя превратности судьбы, она вышла изъ пережитыхъ волненій сильнѣе и прекраснѣе прежняго; расширивъ свои владѣнія, многолюдная, она заключила въ своихъ стѣнахъ враждебныя волны; нынѣ она могущественнѣе, чѣмъ когда-либо, ея границы простерлись далеко; подчиняя *народному закону* непостоянную кичливость грандовъ и сосѣдніе города, она пребываетъ въ славѣ, готовая и на болѣе великое, если страстная зависть и жажда любостыжанія и невыносимая гордыня, въ ней властвующія, ей въ томъ не помѣшаютъ, какъ того позволено опасаться» ¹⁾. Эти опасенія оправдались на событіяхъ 1342—3 годовъ, и, удерживая Панфило, Фьямметта могла выразить взгляды Боккаччо: «самъ ты говорилъ, что твой городъ полонъ пышныхъ словъ и малодушныхъ поступковъ, руководится тысячею — не закономъ, а миѣніемъ, которыхъ столько же, сколько людей; онъ всегда въ оружіи, трепещетъ внутренней и внѣшней войною, изобилуетъ гордецами, любостыжателями и завистниками, полонъ безчисленныхъ заботъ; все это тебѣ не по сердцу. И ты хочешь покинуть Неаполь, веселый и мирный, благодатный и роскошный, къ тому же обрѣтающійся *подъ властью одного короля!* Все это тебѣ пріятно, насколько я знаю» ²⁾.

Романъ «Фьямметта», откуда взяты эти слова, написанъ до 50-го года, когда Боккаччо еще не принималъ личнаго участія въ дѣлахъ республики; его похвалы *народному закону* — и *власти одного*, смѣняющія другъ друга на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ, не противорѣчіе, не отзываются безразличіемъ чело-вѣка, стоящаго не у дѣлъ, а нападки на зависть и гордыню и

1) Ameto, стр. 180—1.

2) Fiammetta, стр. 43.

любостяжаніе — не пустыя мѣста риторики и морализаціи. Именно онѣ, въ отрицательной постановкѣ вопроса, и раскрываютъ | принципы, опредѣлившіе политическія воззрѣнія Боккаччо — 183 и Петрарки: разрывъ личности и традиціи, совершившійся въ нихъ, перенесъ центръ тяжести на личность: ее онѣ цѣнятъ и въ себѣ и въ другихъ, Петрарка холитъ ее, любовно и тревожно, Боккаччо — мастеръ схватить ея живыя черты въ герояхъ своихъ новеллъ; но и вопросы политики, республики или единовластія, разрѣшаются для нихъ, въ концѣ концовъ, въ вопросы личности: Петрарка будетъ говорить о Римѣ и имперіи и Кола ди Ріенцо, Боккаччо изобразитъ въ сновидѣніи Бьянчифоре дантовскій идеаль: папы и императора, любовно связанныхъ идеей Рима ¹⁾, но въ сущности хорошо живется тамъ, гдѣ царитъ любимецъ Паллады, Робертъ, либо властвуютъ оптиматы ума и добродѣтели, не знающіе ни гордости, ни зависти, ни любостяжанія.

Такая точка зрѣнія предполагаетъ слабый интересъ къ унаслѣдованнымъ формамъ политическаго быта, къ преданіямъ свободы, хотя бы въ формахъ олигархіи, за которыя борются флорентійскіе пополаны, и которыя воспѣваетъ народникъ Пуччи. Впослѣдствіи и Боккаччо втянется въ теченія мѣстной политики; пока онъ ушелъ въ самого себя; его письмо къ Бартоло дель Буоно съ посвященіемъ Амето проникнуто жгучимъ чувствомъ одиночества: «О ты, мой единственный другъ, дѣйствительнѣйшій примѣръ настоящей дружбы», пишетъ онъ ему ²⁾. Онъ живетъ воспоминаніями и самоанализомъ, дописывая въ Филоколо исторію своей любви.

Во Флоренцію онъ вернулся уже съ значительной латинской эрудиціей, поэтомъ и рассказчикомъ; манера Филострато показываетъ на его будущее мастерство въ новеллѣ; Филоколо начатъ въ Неаполѣ, тамъ же сложился, по живымъ слѣдамъ любви, и циклъ сонетовъ, внушенныхъ Фьямметтой. Дантовскія реми-

1) Filocolo, II, стр. 296 слѣд.

2) Corazzini, стр. 17.

нисценці встрѣчаются въ Діавиной Охотѣ, указаны были въ |
 184 Филострато: таковъ образъ цвѣтка, пораженнаго ночнымъ моро-
 зомъ и поднимающагося при лучахъ солнца ¹⁾; цитата изъ Іереміи
 (въ посвяtitельномъ письмѣ), излюбленное Боккаччо сравненіе
 съ огнемъ, быстро охватывающимъ жирные предметы ²⁾; иные
 выраженія и цѣлыя стихи Данте повторены безъ измѣненія ³⁾.
 Рядомъ съ этимъ вліяніемъ — вліяніе Петрарки сказывается въ
 Филострато и въ пѣсняхъ къ Фьямметтѣ: тѣ же мотивы, образы ⁴⁾,
 прямыя подражанія ⁵⁾, точно начинающій поэтъ учится у вели-
 каго мастера слова, состязаясь съ нимъ на одномъ и томъ же
 сюжетѣ, и не всегда счастливъ въ его выборѣ. У Петрарки есть
 сонетъ ХСVIII: ничто не утишитъ его любовнаго пламени, лишь
 близость Лауры, говоритъ онъ; это выражено образно: вмѣсто
 Лауры — рѣка Сорга и лавръ на ея берегу, символъ Лауры.
 Воды Сорги потушатъ его пламя; но образъ лавра примѣнился,
 и онъ также служить — утоленію жара. Но Петрарка не удоволь-
 ствовался неудачной постановкой параллелей, а и развилъ ихъ
 въ началѣ сонета: никакая рѣка (первое четверостишіе занято
 перечисленіемъ рѣкъ), никакое дерево — не въ состояніи утолить
 въ немъ огня любви! — Боккаччо взялся именно за этотъ со-
 нетъ, не отличающійся ни ясностью, ни вкусомъ, и, въ подра-
 жаніе ему, написалъ и свой, въ которомъ, выражая свое бла-
 женство съ Фьямметтой, нагромоздилъ названія горъ: ему надо
 было сказать, что ни одна изъ нихъ не доставила своимъ пасты-
 рямъ такого счастья, какъ ему Мизень ⁶⁾! — Иной разъ въ наив-
 номъ подражаніи проскальзываетъ реалистъ Декамерона. Если я

1) Filostrato, II; 80 = Inf., II, 127 слѣд.; сл. Teseide, IX, 18.

2) Тамъ же; сл. Ameto, стр. 16. Декамеронъ, вступленіе, стр. 7 перев.; Cor-
 baccio, стр. 177—8, и письмо къ Кавальканти, у Corazzini, стр. 296. Сл. Inf., XIX,
 28, 30.

3) Сл. VIII, 17 = Purg., VI, terz. 40; VII, 94 = Convito, tratt. IX.

4) Сл. сон. XXI = Petr., XLIX; сон. XXXVIII = Petr., madrigale III,
 сон. CXXXIX; сон. XIV = Petr., XCII; сон. LXXIX = Petr., сон. III.

5) Сон. SX = Petr., LXX.

6) Сл. выше стр. 156.

доживу до той поры, говорить Петрарка, обращаясь къ Лаурѣ, когда поблекнетъ прекрасный блескъ твоихъ очей, посереблятся твои волосы, ты оставишь вѣнки и цвѣтныя платья, и потеряешь краски твое лицо, что заставляло меня страшиться и млѣть, Амуръ дастъ мнѣ настолькоъ отваги, что я повѣдаю тебѣ о моихъ прежнихъ страданіяхъ, и твой поздній вздохъ будетъ мнѣ утѣшеніемъ въ печали. Подражаніе Боккаччо переходитъ въ риторическій шаржъ, утѣшеніе вздоха — въ злорадство: у Фьяметты сморщится лицо, высохнетъ сокровище персей, голосъ станетъ хриплымъ, — и онъ нарадуется и наглумится надъ бывшей красавицей, отъ которой отвернулся Амуръ ¹⁾. Оригинальность Боккаччо-лирика надо искать въ пьесахъ подобной же реалистической окраски; у Петрарки не найти такой изящной и чувственно-шаловливой картинки, какъ въ слѣдующемъ сонетѣ ²⁾: у источника, на лужку, среди зелени и цвѣтовъ, сидятъ три дѣвушки, болтая, быть можетъ, про свою любовь; зеленая вѣтка защищаетъ ихъ лицо, обрамляя золотистые волосы, а мягкій вѣтерокъ, кружась, смѣшиваетъ золото и зелень. Слышалъ я, одна сказала: Что если вдругъ придутъ сюда наши милые, не побѣжать ли намъ съ испуга? А двѣ другія отвѣтили: Неразумна была бы та, которая убѣжала бы отъ такого счастья.

Отъ мотивовъ Петрарки въ лирикѣ Боккаччо мы переходимъ къ осязательнымъ вѣяніямъ Данте въ его Филоколо. Но Филоколо дописанъ во Флоренціи; его старыя партіи могли быть пересмотрѣны наново, какъ и лирическія пьесы — подвергнуться новой переработкѣ. Не одинъ лишь Петрарка возвращался съ тактомъ художника къ своимъ стихотвореніямъ, къ стилю своихъ латинскихъ трактатовъ, чтобы дать имъ окончательную отдѣлку; такъ поступали и другіе, болѣе мелкіе поэты, отъ которыхъ не ожидать такого сознанія стили. Болѣе ста разъ принимался я за «созданіе» этого сонета, пишетъ Биндо Боники († 1338) къ

1) Сон. LXXXII.

2) Сон. XII.

Сеннуччо, и то же говорить Антонио Пуччи, поэтъ-народникъ, |
 186 пѣвшій съ плеча: «сто разъ и болѣе поверчусь я на постели,
 прежде чѣмъ выжму изъ себя стихи, а затѣмъ трижды напишу
 ихъ, потому что хочу ихъ исправить прежде, чѣмъ пустить въ
 народъ».

Такъ долженъ былъ работать и Боккаччо, почему труднымъ представляется рѣшеніе вопроса: какой порѣ его дѣятельности принадлежать вѣянія Данте и Петрарки, обнаруживающіяся въ его первыхъ произведеніяхъ. Тѣ и другія онъ могъ испытать уже въ Неаполѣ. Политическія и торговыя связи съ Тосканой сопровождались здѣсь и вліяніемъ литературнымъ¹⁾: тосканскіе элементы входятъ въ составъ такихъ полународныхъ дидактическихъ стихотвореній XIV-го вѣка, каковы *Regimen Sanitatis*, книга Катона и поэма объ источникахъ Поццуоли; недавно изданное загробное видѣніе, въ народныхъ формахъ октавы, съ содержаніемъ *Виргиліевской* легенды и *Божественной Комедіи* и *дантовской фразіологіей*²⁾, также относитъ насъ къ XIV-му вѣку; половинѣ того же столѣтія принадлежатъ юношескія произведенія Бартоломея Капуанскаго, графа d'Altavilla, обличающія дантовскіе мотивы. Его жена, Андреина Аччяйоли, та самая, которой Боккаччо посвятилъ въ послѣдствіи свой трактатъ объ именитыхъ женщинахъ, посылаетъ поэтическіе опыты своего мужа во Флоренцію, къ своему брату Донато, съ просьбой исправить ихъ форму, ибо, говоритъ она, здѣсь нехорошо пишутъ на нашемъ языкѣ. Позже, за Гвильельмомъ Марамальдо, пріятелемъ Петрарки, являются во второй половинѣ вѣка поэты, пишущіе въ стилѣ Петрарки и тосканцевъ.

Это — признаніе литературнаго примата Тосканы; Боккаччо выражаетъ его въ *Филострато*, въ первыхъ любовныхъ пѣсняхъ. Во Флоренціи это литературное преданіе обязало его, обступило

1) См. выше стр. 30.

2) *Una visione dell' Inferno di imitazione dantesca*, pubbl. da A. Solerti. Bologna, Zanichelli, 1892.

крѣпче, и въ немъ необходимо произошелъ подборъ | въ уровень 187 съ психическимъ настроеніемъ автора. Боккаччо пока не въ силахъ забыть прошлое и старается сохранить его отъ нравственнаго крушенія, идеализуя. Въ этой идеализаціи ясно чувствуется вліяніе Данте.

Для Италіи Божественная Комедія была откровеніемъ, надъ которымъ задумывались, которое начинали толковать, изъ котораго черпали поэты разныхъ направленій: Антоніо изъ Феррары, Фаціо делья Уберти, Ванноццо изъ Падуи, Савіоццо изъ Сіены, Доменико да Монтикьелло и др.; его аллегорія создала цѣлый литературный родъ, вызвала подражанія; благодаря ей терцина стала любимымъ итальянскимъ метромъ XIV—XV вѣковъ. Во Флоренціи этотъ культъ Данте получилъ мѣстный, домашній колоритъ, въ которомъ къ чествованію поэта примѣшивались идеи муниципальной гордости и сознаніе вины передъ гражданиномъ-изгнанникомъ. Теперь онъ сталъ славой Флоренціи, окружился народной легендой; Джьованни Виллани величаетъ его въ своей хроникѣ; такому реалисту, какъ Антоніо Пуччи, видится во снѣ семь свободныхъ искусствъ и богословіе, сѣтуюющія о смерти великаго поэта ¹⁾; въ (недошедшемъ до насъ) письмѣ къ Петраркѣ Боккаччо утверждалъ въ 1359 году, что Данте былъ ему, еще юношѣ, первымъ свѣточемъ и руководителемъ ²⁾; уже въ юношескихъ письмахъ Боккаччо чувствуется подражаніе, иногда дословное, дантовскихъ посланій. Разумѣется, въ его показаніи надо удѣлить мѣсто и риторикѣ: говорилъ же онъ по другому поводу ³⁾, что въ юности (*ineunte juventute*) больше всѣхъ другихъ почиталъ Петрарку. Но именно въ первые годы по возвращеніи изъ Неаполя, когда онъ переживалъ свою любовь къ Фьямметтѣ, и она одухотворялась въ его воспоминаніяхъ, дантовскія вѣянія могли пойти навстрѣчу его собственному настроенію: они опредѣлили черты новаго возникавшаго въ немъ |

1) Centiloquio, c. IV.

2) Сл. Petr., Fam., XXI, 15.

3) De Cas., VIII, c. 1.

188 образа, въ которомъ яркія краски страсти смягчены болѣе строгимъ, сдержаннымъ колоритомъ старо-флорентійской школы; этому отвѣтилъ и «новый (т. е. аллегорическій) стиль» Боккаччо, о которомъ онъ заявляетъ въ двухъ первыхъ сонетахъ и первой главѣ Любовнаго Видѣнія—очевидно не въ томъ смыслѣ, въ какомъ въ Филоколо говорится о «новыхъ стихахъ». Небольшой пересказъ въ терцинахъ содержанія трехъ кантикъ Божественной Комедіи ¹⁾, относящійся, вѣроятно, къ этой порѣ дѣятельности Боккаччо, входитъ въ рядъ подобныхъ же, болѣе древнихъ ²⁾; интересъ къ Данте обличаетъ здѣсь лишь выборъ, а не постановка темы. Иное значеніе получаетъ тотъ эпизодъ Любовнаго Видѣнія, гдѣ изъ сонма поэтовъ, окружающихъ Мудрость, выдѣленъ одинъ, котораго она вѣнчаетъ лавромъ. Увидѣвъ это торжество, Боккаччо подходитъ ближе; онъ не узналъ вѣнчаннаго, но аллегорическая жена говоритъ ему: Это Данте Алигьери, флорентинецъ, писавшій вамъ превосходнымъ слогомъ о высшемъ благѣ и карахъ и великой смерти. Былъ онъ при жизни славой музъ, и здѣсь онъ не чуждаются его общества ³⁾. Когда Боккаччо услышалъ имя учителя, которому онъ обязанъ всѣмъ, что есть въ немъ хорошаго, онъ возблагодарилъ Господа, сподобившаго его увидѣть, прославленнымъ, того, кого желалъ; онъ не можетъ отвести глазъ отъ «власти великаго знанія» и проклинаетъ Атропосъ, рано угашающую въ доблестныхъ людяхъ огонь, возженный Лахезисъ. «Да здравствуетъ твоя слава, о ты, знаменитая честь флорентійцевъ, неблагодарныхъ, не познавшихъ тебя при жизни! Блаженными могутъ почестъ себя тѣ, кто знали тебя, и та, которая тебя понесла». — Что ты такъ смотришь на него, точно думаешь своимъ взглядомъ вернуть ему скошенныя смертью силы? говорить, обращаясь къ Боккаччо, его руководительница, побуждая его итти далѣе; а онъ ей въ |

1) *Argumenti in terza rima alla Divina Commedia di Dante Alighieri.*

2) *Menghino Mezzani, Jacopo Alighieri, Bosone da Gubbio, Mino d'Arezzo.*

3) *Amorosa Visione, V, 25—29.*

II.

190 Выше мы предположили, что дантовскія вліянія совпали у Боккаччо съ извѣстнымъ моментомъ его любви; они важны для внутренней исторіи перваго произведенія, за окончаніе котораго онъ принялся во Флоренціи: его Филоколо. Мы уже знаемъ, что, начатый въ Неаполѣ по желанію Фьямметты, онъ лишь въ послѣдствіи разросся, параллельно съ сердечной біографіей Боккаччо, въ объемистый романъ. Едва ли такой именно романъ отвѣчалъ цѣлямъ заказчицы: ея желаніе было, чтобы какой-нибудь поэтъ воспѣлъ въ стихахъ исторію Флоріо и Бьянчифьоре ¹⁾; странно, что на нервыхъ же страницахъ своего разсказа въ прозѣ ²⁾ Боккаччо проситъ прислушаться — къ «новымъ стихамъ»; новымъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ онъ самъ называетъ себя ³⁾ «новымъ авторомъ», новичкомъ; Филострато еще не былъ написанъ, когда Боккаччо свидѣлся съ Фьямметтой въ монастырѣ св. Михаила; но онъ еще штудировалъ каноническое право ⁴⁾. Можно предположить, что упоминаніе «стиховъ», повторенное и въ серединѣ, и въ заключеніи Филоколо ⁵⁾, если оно не равносильно поэтическому замыслу вообще (*versi = carmen*), осталось въ текстѣ, какъ слѣдъ дѣйствительно задуманнаго и даже набросаннаго въ прозѣ, но нотомъ оставленнаго плана. Такъ явился, вмѣсто поэмы, въ которой мы встрѣтили бы, быть можетъ, манеру Филострато, большой романъ въ пяти книгахъ, загромаженный классическими декораціями и эпизодами личнаго характера, писавшійся исподволь, съ видимыми признаками усталости. Была сдѣлана попытка отдѣлить приблизительно тѣ его части, которыя могли быть затѣяны въ Неаполѣ, отъ написанныхъ во

1) Filocolo, I, стр. 7.

2) I, 9.

3) I. c.

4) I, 8.

5) Filocolo, II, стр. 8 (*memorevoli versi*), 376—7.

Флоренціи. Въ | Амето, котораго относятъ къ 1340—41 годамъ, 191
 Адіона говоритъ, при видѣ одной сосны, что она приняла бы ее
 за Идалага, если бъ онъ обращенъ былъ въ сосну ¹⁾. Такое
 именно превращеніе совершается съ нимъ въ Филоколо, и
 является поводъ предположить, что, когда написана была при-
 веденная выше фраза Амето, Боккаччо уже задумалъ такъ
 именно завершить эпизодъ объ Идалагѣ, но еще не сдѣлалъ этого;
 съ этимъ вмѣстѣ и все слѣдующее за эпизодомъ пришлось бы
 считать за оконченное во Флоренціи. Но съ такимъ же точно
 правомъ и въ тѣхъ же цѣляхъ мы могли бы воспользоваться
 автобіографическимъ отрывкомъ о Филено, стоящимъ въ романѣ
 значительно ранѣ Идалага: сѣтующаго Филено безыменный
 странникъ изъ Неаполя утѣшаетъ рассказомъ о своемъ собствен-
 номъ любовномъ горѣ; мѣсто дѣйствія — Чертальдо, куда Бок-
 каччо явился, покинувъ Неаполь. Мы не отнесемъ всего того,
 что слѣдуетъ далѣе въ романѣ, на счетъ Флоренціи: эпизоды
 личнаго, аллегорическаго характера могли быть писаны не въ
 связи общаго разказа, а вноситься въ него впослѣдствіи, и все
 написанное — подвергнуться новому пересмотру и обработкѣ. Въ
 этомъ смыслѣ дантовскія вліянія и являются хронологическимъ
 моментомъ: первыя страницы Филоколо не производятъ впечат-
 лѣнія жгучей, юношеской страстности, непосредственности Фило-
 страто; тонъ взятъ дантовскій, платоническій: Амуръ такъ жа-
 лостно смотритъ на поэта изъ очей его милой ²⁾, она — его бла-
 женство ³⁾.

Введеніе въ первую книгу Филоколо стоитъ еще внѣ дѣй-
 ствія романа. Юнона (аллегорія Церкви, невѣсты Христовой)
 преслѣдуетъ своею ненавистью родъ Энея, римлянъ; слышитъ,
 что въ крайнемъ углу Авзоніи еще остались потомки неблагодар-
 наго отродья, пытается процвѣсть и кичась знаменіемъ орла, лю-

1) *Ameto*, стр. 90.

2) *Filocolo*, I, 5.

3) *Ив.*, 6.

192 бимаго Юпитеромъ (Гогенштауфены). Явившись къ | своему намѣстнику (папѣ), она побуждаетъ его вызвать изъ странъ между западомъ и Бореемъ (Франціи) доблестнаго юношу, потомка того, кто когда-то освободилъ предшественниковъ папы отъ лангобардскаго ига (Карла Анжѹ), и, какъ у Виргилія она снускается въ царство Плутона, чтобы возбудить Алекто, такъ и здѣсь. — Такимъ образомъ мотивируется появленіе на сцену Карла Анжѹ, его сына и внука, короля Роберта, что даетъ поводъ рассказать о его связи съ матерью Марин-Фьямметты, о первомъ свиданіи съ нею Боккаччо въ церкви Санъ-Лоренцо и другомъ, въ монастырѣ св. Михаила, когда она попросила его воспѣть любовь Флоріо и Бьянчиѳоре. — Введеніе кончается обращеніемъ къ любящимъ: примѣръ Флоріо и Бьянчиѳоре долженъ ихъ успокоить; не они первые испытали превратности судьбы; товарищество по несчастію доставляетъ, какъ говорятъ, утѣшеніе ¹⁾, надежда облегчаетъ горе.

Начало разсказа поставлено на широкой эпической базѣ, перерастающей его скромное, сравнительно, содержаніе: говорится о древней враждѣ Юпитера (бога) и Плутона (дьявола), изгнаннаго съ его клеветами въ мрачное царство Дита; вмѣсто нихъ созданы люди; единокродный сынъ (Юпитеръ) посланъ на землю совершить тайну искупленія; изображается, въ духѣ той же классической трагедіи, распространеніе христіанства на Западъ: одинъ изъ вельможныхъ воителей Сына посланъ на далекій западъ, гдѣ безстрашно принялъ ударъ Атропосъ, и его останки покоятся въ великолѣпномъ храмѣ (св. Іаковъ въ St. Yago de Campostella). Римъ можетъ возликовать: когда-то увѣнчаный лавровымъ вѣнкомъ побѣды, онъ украсится теперь другимъ, вѣчнымъ.

Римъ и св. Іаковъ уже вводятъ насъ въ содержаніе романа, которое мы передадимъ въ краткихъ чертахъ, минуя знакомые намъ вставные эпизоды автобіографическаго характера.

1) Сл. Fiammetta, стр. 181—2.

Въ Римѣ живетъ благородный юноша, потомокъ перваго | завоевателя Кароагена, Квинтъ Лелій Африканъ; онъ женатъ 193 на Юліи Топазіи, но послѣ пятилѣтняго брака у нихъ нѣтъ дѣтей. Услышавъ о чудесахъ того «бога, что пребываетъ на далекихъ гесперійскихъ берегахъ» (св. Такова), онъ молится о ниспосланіи ему потомства, обѣщая совершить паломничество къ далекому храму святого. Святой является ему во снѣ и говоритъ, что Господь услышалъ его молитву: его жена забеременѣла. Когда мужъ собирается въ обѣщанный путь, она упрашиваетъ его со слезами взять ее съ собою: она будетъ ему тѣмъ же, чѣмъ Ипсикратея была Митридату, — и мужъ соглашается: ему также припомнился Тиверій Гракхъ и Корнелія.

На слѣдующее утро, помолившись въ храмѣ, они отправляются въ путь съ большой свитой. Печальному владыкѣ, чьи владѣнія обтекаеть Ахеронтъ, непріятны эти подвиги христіанскаго благочестія; онъ хочетъ запугать путниковъ и держитъ съ этой цѣлью рѣчь къ своимъ. Принявъ образъ рыцаря, правившаго городомъ Мармориной (Вероной) отъ имени короля Феличе, потомка Аталанта и властителя Гесперіи, онъ спѣшитъ на своемъ конѣ (онъ такъ худъ, что можно было бы пересчитать его кости), къ королю, котораго застаеть на охотѣ, и рассказываетъ ему, будто римляне ночью напали врасплохъ на Марморину, сожгли ее, а жителей перебили; враги недалеко. Кончивъ этотъ рассказъ, мнимый рыцарь упалъ бездыханный.

Король встревожень, собираетъ войско и, принеся жертву Марсу, выступаетъ по дорогѣ къ Марморинѣ. Расположившись на высокой горѣ, онъ видитъ рано утромъ Лелія и его спутниковъ, поднимавшихся изъ полной тумана долины; принявъ ихъ за непріятельскій отрядъ, онъ держитъ рѣчь къ своимъ, ободряя ихъ къ нападенію. Юлія первая увидѣла враговъ и предупреждаетъ о томъ мужа; но бѣгство невозможно; если это разбойники, надо предоставить имъ безъ боя всѣ свои драгоценности; если они имѣютъ въ виду отнять у нихъ жизнь — молить о пощадѣ, и, въ случаѣ нужды, защищаться. Въ этомъ смыслѣ Квинтъ

Лелій держить рѣчь къ своимъ, ободря ихъ примѣрами древней |
 194 доблести; пусть вспомнятъ, что ихъ враги — противники ихъ
 закона, а имъ придется защищать «законъ Юпитерова сына»
 (Христа); коли они падутъ, имъ простится многое, души ихъ
 сподобятся вѣчной жизни, ихъ прахъ — поклоненія. Готовясь
 къ отпору, Квинтъ Лелій дѣлитъ свой отрядъ на три части, по-
 ручая ихъ тремъ вождямъ; имена имъ даны классическія; одинъ
 изъ нихъ Остацій, извѣстный поэтъ, по прозванію Аргифиль,
 доблестный и могущественный. — Юлія плачетъ, умоляетъ мужа
 не оказывать сопротивленія, либо бѣжать. Куда дѣвался твой
 мужественный духъ? спрашиваетъ онъ ее: ты общала мнѣ быть
 выносливой въ войнѣ и трудахъ, какъ жена Митридата, но ты
 не походишь на твоего предка Цесаря, а царство божіе достается
 лишь въ награду мужественному подвигу. Но Юлія желала бы,
 чтобы первый ударъ, обращенный на мужа, палъ на нее, какъ
 Тисбе и въ смерти не хотѣла разстаться съ своимъ Пирамомъ.
 Ее, упавшую въ обморокъ, относятъ на ближній лужокъ; по при-
 казанію Лелія «святой мужъ» приносить жертву Юпитеру; всѣ
 молятся, Лелій проситъ знаменія; свѣтлое облачко является надъ
 ними, его блескъ слѣпнеть глаза; изъ него слышенъ голосъ,
 ободряющій къ битвѣ: Я отмщу за вашу смерть; кровь правед-
 ника искупаетъ народъ; сегодня вы будете въ храмѣ того, къ
 кому направляетесь, и я уготовлю вамъ побѣдные вѣнцы. —
 Слѣдующая за тѣмъ битва описана подробно: три отряда римлянъ
 вводятся въ бой одинъ за другимъ, происходитъ рядъ поединковъ;
 «великая тьма золь рождалась тамъ, удары и стоны, точно раз-
 верзлось облако, когда Юпитеръ мечетъ свои молніи» ¹⁾; Арги-
 филь бьется, стоя на убитомъ конѣ, кругомъ него, въ высоту
 коня, груды непріятелей, сраженныхъ его сѣкирой; отъ звука
 трубъ содрогаются пустынные поля, кони поднимаютъ такую
 пыль, какую въ степи взвѣваетъ еракійскій вѣтеръ; стрѣлы и
 копья застилаютъ свѣтъ, и въ общей давкѣ убитымъ негдѣ

1) I, 47.

упасть, они стоятъ. — Всѣ христіане перебиты; Юлія очнулась, |
 когда все было кончено, вопль ея подругъ, голоса грабителей 195
 говорятъ ей о несчастіи, ее постигшемъ; она плачетъ, рветъ
 волосы и одежду, омываетъ слезами лицо Лелія, котораго по
 оружію признала въ числѣ убитыхъ; она ищетъ смерти. Солнце
 уже зашло, а ея сѣтованія доносятся до короля, расположивша-
 гося станомъ на мѣстѣ битвы; онъ посылаетъ своего рыцаря
 Аскальоне, живавшаго въ Римѣ, узнать, въ чемъ дѣло. Увидѣвъ
 Юлію, Аскальоне самъ умиляется и плачетъ; Юлія проситъ у него
 смерти, онъ утѣшаетъ ее, приглашаетъ пойти къ королю, ручаясь
 за то, что честь ея и ея спутницъ будетъ сохранена. Хотя и сильно
 опечаленная, она сдается на просьбы, ибо не забыла драгоцѣн-
 ныхъ правилъ вѣжливости ¹⁾ и не можетъ показаться неучливой;
 она бросается на колѣни передъ королемъ, но онъ не допускаетъ
 того и узнаетъ, что поразилъ не враговъ, а паломниковъ, еще
 видѣвшихъ проѣздомъ Мраморину цвѣтущей и населенной. Это
 откровеніе его поразило: судьбы не избѣжать, говоритъ онъ; ему
 самому пристало горевать, но онъ не можетъ отдаться горю, ибо
 обязанъ выраженіемъ лица успокоить своихъ подданныхъ. Онъ
 предлагаетъ Юліи послѣдовать за нимъ: будетъ держать ее въ
 чести, выдастъ замужъ, если же она желаетъ соблюсти свою
 чистоту, станетъ беречь ее и съ почетомъ вернетъ домой, когда
 она разрѣшится отъ бремени. Юлія, все еще плача, разсудила
 разумно, что ей лучше согласиться, хотя видимо она и высказы-
 вала нежеланіе ²⁾. Велѣвъ предать сожженію тѣло Лелія и дру-
 гихъ, предоставивъ инья на пожраніе звѣрямъ, всѣ отпра-
 вляются въ Севилью, гдѣ король поручаетъ Юлію попеченію и
 любви своей супруги, а оттуда черезъ нѣсколько дней ѣдетъ въ
 Мраморину, гдѣ ему стало ясно, въ какой онъ былъ введенъ
 обманъ. Королева, также беременная, замѣтила состояніе Юліи,
 которую полюбила, и утѣшаетъ ее въ печали; и та нѣсколько

1) I, 60.

2) I, 63.

подбодрилась, начинаетъ заниматься рукодѣльемъ, выводя на тканяхъ такія фигуры, что онѣ затемнили бы собой узоры Арахны. |
 196 Небольшой эпизодъ прерываетъ здѣсь связь разсказа: Плу-
 тонъ снова затѣялъ смугу, принявъ образъ Глориціи, прибли-
 женной Юліи, и въ этомъ видѣ является въ Римъ, гдѣ пугаетъ
 родственниковъ Юліи и Лелія разсказами о томъ, что они убиты,
 и она одна спаслась отъ побоища. Сказавъ это, она падаетъ
 мертвой.

Въ маѣ мѣсяцѣ королева и Юлія разрѣшились въ одинъ и
 тотъ же день отъ бремени: та—мальчикомъ, эта—дѣвочкой. Юлія
 умираетъ тотчасъ послѣ родовъ, поручивъ свою дочку Глориціи.
 Ея смерть оплакана всѣми, королева говоритъ, что дѣвочка бу-
 детъ ей намѣсто дочери, подругой ея сына; впоследствии она
 часто вспоминала эти пророческія слова. Послѣ торжественныхъ
 похоронъ Юліи, на гробницѣ которой начертали, что она проис-
 ходитъ отъ Юлія Цезаря, король, прійдя къ королевѣ, велитъ
 показать себѣ обоихъ малютокъ, беретъ ихъ на руки, любитъ
 ихъ красотой и даетъ имъ имена, въ соотвѣтствіи съ днемъ
 ихъ рожденія, когда каждый цвѣтокъ проявляетъ свою красу:
 одному — Флорію, другой — Бьянчифоре. Они одѣты по-царски,
 растутъ и воспитываются вмѣстѣ; ихъ воспитаніе поручено
 Аскальоне, Рахео учитъ ихъ читать псалтирь и «книгу Овидія,
 гдѣ великій поэтъ показываетъ, какъ тщательно слѣдуетъ воз-
 жигать въ холодныхъ сердцахъ святое пламя Венеры»¹⁾.—Дѣти
 учатся «любовнымъ стихамъ», и Венерѣ любо упоминаніе ея
 имени; спустившись на Киоэру (monte Citereo), она побуждаетъ
 своего сына, который закалялъ въ то время новыя стрѣлы въ
 священныхъ водахъ: пусть отправится въ Марморину и, явив-
 шись къ молодымъ людямъ въ образѣ короля Феличе, вложить
 въ ихъ чистыя сердца свое тайное пламя. Амуръ такъ и дѣ-
 лаетъ: поцѣловалъ Флорію,дохнулъ на Бьянчифоре, и они
 исполнились новаго желанія, глядя другъ на друга молчаливо и

1) I, 76.

съ удивленіемъ. — Съ другой стороны и Венера посѣтила короля пророческимъ сномъ, въ которомъ ему представилась вся | судьба Флоріо и Бьянчиѳоре въ аллегорическихъ образахъ 197 звѣрей: онъ — львенокъ, она — лань; свѣтлый духъ, явившись съ неба, вскрываетъ грудь перваго и питаетъ лань его сердцемъ, и наоборотъ. Дантовскій образъ, которымъ Боккаччо воспользуется и далѣе.

Амуръ покинулъ молодыхъ людей, Флоріо закрылъ книгу и говоритъ Бьянчиѳоре: Откуда внезапно объявилась въ тебѣ такая красота? Ты прежде мнѣ такъ не правилась, теперь же я не могу наглядѣться на тебя? — Не знаю, отвѣчаетъ Бьянчиѳоре, одно только могу сказать тебѣ, что и со мной произошло подобное; можетъ быть, священные стихи, которые мы благоговѣнно читаемъ, возжгли въ насъ новое пламя, какъ то бывало съ другими. — Я думаю, что такъ и есть, какъ ты говоришь, потому что одна ты нравишься мнѣ болѣе всего на свѣтѣ. — Да и ты нравишься мнѣ не менѣе. — Такъ они бесѣдовали, а книги были закрыты; въ это время вошелъ Рахео, бранить ихъ за нерадѣніе; они покраснѣли, какъ двѣ алыхъ розы, раскрыли книги, но продолжаютъ изподтишка любоваться другъ другомъ и записываются, сказывая стихи, которые прежде давались имъ легко. — Рахео замѣтилъ это, нѣсколько разъ поглядѣлъ украдкой, какъ они невинно цѣловались, говоритъ объ этомъ Аскальоне; не желая взять на себя отвѣтственности, они рассказываютъ о томъ королю: дѣти совсѣмъ отбились отъ занятій, одинъ ничего не дѣлаетъ, не спросяся другого. Король огорченъ, но отвѣчаетъ, притворно смѣясь: пусть наставники ихъ попугаютъ; если же это не поможетъ, онъ самъ приметъ мѣры. Когда ушли наставники, онъ сидитъ, задумавшись, опустивъ лицо на руку; въ этомъ положеніи застаётъ его королева, которой онъ открываетъ, какой ударъ готовитъ имъ Фортуна: Флоріо влюбился въ дѣвушку простого званія; другое дѣло, если бъ Бьянчиѳоре была царскаго рода, а теперь онъ такъ огорченъ, что почелъ бы за счастье, если бы боги отняли у него сына въ дѣтствѣ, какъ то сдѣлали

съ Ганимедомъ; онъ не пролилъ бы надъ нимъ слезъ, какъ не пролили надъ своими сыновьями ни Ксенофонтъ, ни Анаксагоръ, |
 198 теперь же печаль довела его почти до смерти. — Королева успокоиваетъ его: любовь въ самомъ началѣ, не успѣла развиться, и ее легко прервать, — и она совѣтуетъ послать Флоріо, какъ бы для окончанія образованія, въ сосѣдній Монторіо, гдѣ властвовалъ ихъ родственникъ, герцогъ Ферамонте. — Королю понравился совѣтъ королевы; но ихъ расчеты напрасны: Венера была на вершинѣ своего эпицикла, и любовью росило даже небо Сатурна, когда родились Флоріо и Бьянчифьоре; можно различить ихъ тѣла, не души; препятствіе лишь усиливаетъ желаніе, внушая невиннымъ любящимъ незнакомыя имъ мысли; пока они пылаютъ другъ къ другу тайно, ограничиваясь обоюднымъ лице-зрѣніемъ, которое пріѣлось бы имъ, какъ все, что имѣется въ избыткѣ ¹⁾.

На другое утро отецъ объявилъ сыну о своемъ желаніи, чтобы онъ поѣхалъ въ Монторіо изучать «священныя начала Пивагора», предаться «священнымъ» наукамъ, которыя наиболѣе украшаютъ правителей. Смущенный Флоріо отговаривается: его удаленіе будетъ причиной невольныхъ тревогъ, онъ предпочелъ бы, если бъ отецъ вызвалъ учителей сюда. Король понимаетъ настоящую причину отговоровъ и начинаетъ убѣждать сына, что тревожиться будетъ нечего, до Монторіо недалеко, а молодымъ людямъ пристало знакомиться съ обычаями разныхъ народовъ; вѣдь странствовали и Андрогей и Язонъ. — Флоріо поѣхалъ бы и дальше нихъ, если бы рассчитывалъ найти то, чего болѣе всего желаетъ и что любитъ, но его дорогая Бьянчифьоре здѣсь, ея лицо, сіяющее, какъ утренняя звѣзда, — вотъ цѣль его занятій, безъ нея онъ никуда не поѣдетъ, а съ нею пусть пошлютъ его, куда угодно; онъ счастливъ, что обрѣлъ свое блаженство дома, не ища его вдалькѣ, какъ Персей и Парисъ. — Флоріо умолкъ, а

1) I, стр. 89: цитата, которую слѣдуетъ присоединить къ собраннымъ выше, стр. 137 прим. 3.

отецъ принимается гнѣвно упрекать его за то, что онъ позволилъ себѣ такъ отдаться страсти, къ тому же — къ рабѣ, выросшей въ ихъ домѣ; если бъ онъ не былъ увѣренъ, что сынъ отстанеть | отъ любви, онъ убилъ бы его тотчасъ же, но такъ какъ онъ 199
 жаляетъ, чтобы Флоріо продолжалъ свои занятія, онъ убѣждаетъ его ѣхать, обѣщая послать къ нему Бьянчиѳоре, лишь только поправится здоровье королевы, которой необходимъ ея уходъ. — Флоріо говоритъ о могуществѣ любви, которой не противостояли ни боги, ни герои, выражаетъ подозрѣнія, что Бьянчиѳоре именитаго рода; если бы этого и не было, то вѣдь истое благородство въ добродѣтели, а Бьянчиѳоре зажгла въ немъ такое пламя, что если бы онъ былъ и самаго низменнаго происхожденія, преобразился бы внезапно въ благороднаго. — Все это общія мѣста любовной теоріи, знакомыя намъ изъ Филострато; сграннымъ шаржемъ поражаетъ описаніе доблестей Бьянчиѳоре: въ ней соединились куманская Сивилла, Венера и Пенелопа; среди бѣдствій у нея твердость Катона, ея рѣчь не уступаетъ краснорѣчію древняго Цицерона!

Флоріо сдася, не подозрѣвая коварства отца; поняла его Бьянчиѳоре, подслушавшая этотъ разговоръ, и тихо плачетъ, подбирая классическія параллели къ своему горю. Какъ позволилъ себя обмануть Флоріо? Ему слѣдовало молить отца, дать себя истязать, уступить лишь силѣ; онъ наложилъ руки на себя, потому что самъ же говорилъ ей, что его душа и жизнь — съ нею; онъ удалится лишь тѣломъ, а она, бѣдная, останется, слѣдуя мыслью за нимъ, и предпочла бы обратиться въ книгу, что будетъ у него передъ глазами, чѣмъ пребывать здѣсь въ своемъ образѣ. Но боги и Фортуна по праву враждебны намъ, продолжаетъ Бьянчиѳоре, впадая въ тонъ изопренной опытомъ женщины: у насъ было достаточно времени и возможности вкусить конечныя утѣхи любви, а мы и не попытались; если бы это случилось, насъ связали бы болѣе крѣпкія узы, и насъ трудно было бы разлучить, либо онъ ослабѣли бы совсѣмъ, или отчасти, и твой отъѣздъ былъ бы мнѣ менѣе горестенъ. Вотъ это и за-

ставляетъ меня печалиться, хотя, съ другой стороны, я и довольна, что мы сохранили цѣломудріе, ибо другія отношенія не совсѣмъ
 200 пристали нашему возрасту. — Она надѣется, | что боги сохранили ихъ для лучшей доли, тѣмъ не менѣе завидуетъ судьбѣ Арегузы, Гекубы (обращенной въ собаку), Мелеагра, и кончаетъ увѣренно: Я буду рада, если меня пошлютъ къ нему; коли не пошлютъ, я явлюсь сама.

Между тѣмъ Флоріо негодуетъ на себя, что далъ согласіе отцу: Вѣдь не убилъ же бы онъ меня, можетъ-быть изгналъ бы, а я увезъ бы съ собою Бьянчифоре. Если онъ не пошлетъ ее ко мнѣ, у меня будетъ законная причина явиться самому, и впредь изъ меня уже не выжмутъ такого: да. — Онъ идетъ къ Бьянчифоре, которую застаетъ въ слезахъ; она осыпаетъ его упреками. Первый касается — не любви, а почета, котораго онъ лишить ее, удалившись: ради него, считавшагося ея братомъ, ее чествовали, теперь на нее накинутся всѣ ея завистники. Это ей подѣломъ: ей надо было подумать о своемъ низменномъ происхожденіи, прежде, чѣмъ полюбить; она наложила бы на себя руки, какъ Дидона, если бы не увѣренность, что всякая доблестная любовь возжигаетъ такую же и въ любимомъ предметѣ (Данте), лишь бы объяснилось ея пламя и не было опасенія — поразить въ самой себѣ ту малую часть любви, которую онъ къ ней питаетъ. — Такъ говорила, среди слезъ и поцѣлуевъ, Бьянчифоре; самъ Флоріо расплакался, утѣшая ее: Ты сътуешь о меньшей долѣ нашего горя, говоритъ онъ, унижаешь себя безъ нужды, когда причина почета, которымъ тебя окружали, въ самой тебѣ. Онъ снова восхваляетъ ее, помяная Аполлона, Венеру и Амфіона: ты была бы достойной супругой императора — и Юпитера, если бы мыслима была смерть Юноны. Я полюбилъ тебя за твои достоинства; вели, и я не пойду; если отецъ не отпуститъ меня къ тебѣ, я тотчасъ же вернусь; безъ тебя я не могу существовать; но не думай, чтобы моя любовь была такая же похотливая, какъ любовь Язона и другихъ. — Оба влюбленныхъ плачутъ, глядя другъ на

друга, иногда утирая слезы нѣжнымъ пальчикомъ, либо полой платья.

Разсказъ внезапно переходитѣ (не вслѣдствіе ли порчи текста?) къ битвѣ между Сципіономъ Африканскимъ и кароаген- 201-скимъ тираномъ Аннибаломъ; сраженный Сципіономъ Алхимедъ даетъ ему, въ уваженіе къ его доблести, чудесный перстень: тотъ, кому онъ его подарить, усмотритъ изъ измѣнившагося цвѣта камня, что съ его бывшимъ владѣльцемъ произошло нѣчто неприятное. Съ теченіемъ времени этотъ перстень перешелъ по наслѣдству къ Лелію, отцу Бьянчиѳоре. Лишь въ концѣ эпизода мы узнаемъ, для чего онъ былъ нуженъ: Бьянчиѳоре даетъ перстень Флоріо; если онъ потускнѣетъ, это будетъ означать, что она въ опасности; пусть ѣдетъ въ Монторіо, чтобы сдержать данное слово, пусть развлекается, но обуздаетъ глаза, «когда увидитъ красивыхъ дѣвушекъ, бродящихъ босикомъ въ прозрачной водѣ, увѣнчанныхъ дарами Цереры и поющихъ любовныя пѣсни, потому что многихъ юношей эти пѣсни плѣняли». — Боккаччо почему-то приглянулся этотъ образъ дѣвушекъ, бродящихъ въ водѣ; онъ возвращается къ нему въ Амето, Фьямметтѣ, Декамеронѣ¹⁾. Если Флоріо соблазнится, продолжаетъ красавица, я приду въ ярость, собственными руками растерзаю, испарапаю соперницу, вырву ей волосы, откушу носъ и сама убью себя. Но я полагаюсь на тебя; твое имя одно запечатлѣно въ моей памяти, всѣ мои боги — въ тебѣ, къ тебѣ я стану возсылать мои мольбы. — Она бросается, плача, на шею къ Флоріо; ихъ сердца, полныя страха смерти, призвали къ себѣ робкія душевныя силы, каждая жилка послала туда свою кровь, чтобы согрѣть ихъ, и, лишеныя ея, члены тѣла обезсилѣли и похолодѣли. Флоріо и Бьянчиѳоре падаютъ замертво; очнувшись нервнымъ, Флоріо сѣтуетъ надъ своей милой, которую считаетъ мертвой, жалуется на боговъ, на отца: Пусть ты вѣчно будешь печаленъ по моей смерти, боги да продлятъ тебѣ жизнь въ долгой нищетѣ, а мы,

1) Ameto, стр. 11; Fiammetta, стр. 107; Decam., VI, въ концѣ = пер. II, 39.

какъ здѣсь любили другъ друга, такъ будемъ любить и тамъ, среди невѣдомыхъ тѣней. — Онъ хочетъ убить себя, но Бьянчифьоре обнаружила признаки жизни. Оба предаются горю, 202 Флоріо обмѣнивается клятвами съ «властительницей его | души». Ночь прошла для нихъ слишкомъ быстро; на другой день, протясъ съ отцомъ и матерью, Флоріо поцѣловаль при нихъ свою Бьянчифьоре: Съ тобой остается моя душа, кто станетъ чувствовать тебя, у чувствуетъ и меня. Онъ съ трудомъ удерживаетъ слезы и чуть слышно произнесъ: Да сохранить васъ Господь! Бьянчифьоре провожаетъ его до послѣднихъ ступеней лѣстницы; она не говоритъ ни слова; когда онъ уѣхаль, взбирается на самую высокую часть дома и смотритъ вслѣдъ, пока было видно. Вернувшись въ свою комнату, она предается слезамъ, и Глориція, сама разстроенная, ободряетъ ее: Развеселись, слезы испортятъ твою красу, и ты перестанешь нравиться Флоріо; если онъ узнаетъ о твоей печали, онъ наложитъ на себя руки; успокойся же ради него.

Вся сцена разставанья напоминаетъ четвертую пѣснь Филострато; Пандаръ ¹⁾ говоритъ то же, что Глориція, та же сцена обморока ²⁾.

По дорогѣ спутники Флоріо забавляются охотой, но ему грезится его милая, и онъ сердится, когда его развлекаютъ. Герцогъ Монторіо выѣзжаетъ къ нему на встрѣчу съ блестящей свитой; Флоріо старается казаться веселымъ; его чествуютъ во дворцѣ: въ городѣ празднества длятся нѣсколько дней. — Съ Флоріо поѣхаль и Аскальоне.

Между тѣмъ Бьянчифьоре каждый день ходитъ на вышку, чтобы поглядѣть въ сторону Флоріо: тамъ ея желаніе и благо. Она рада вѣтерку, приносящемуся оттуда: онъ ласкалъ моего Флоріо; посѣщаетъ въ домѣ всѣ мѣста, гдѣ видѣла Флоріо, храмы и алтари; ничего не дѣляетъ, не помянувъ милаго; онъ

1) Строфа 107.

2) Ст. 117 слѣд.

видится ей во снѣ, она молится за него, отстала отъ ряженья и веселья. Такъ сѣтовалъ Боккаччю по огъздѣ Фьямметты ¹⁾; Троилю все напоминаетъ объ удалившейся Гризидѣ ²⁾. — Флоріо | переживаетъ то же: съ того дня, какъ онъ впервые воспыалъ 203 къ Бьянчифьоре, онъ не цѣловалъ ее и теперь кается; въ будущемъ онъ не будетъ такъ воздерженъ. Онъ живетъ надеждой; пока стояла зима, его любовный пылъ нѣсколько сдерживался, но когда Фебъ сталъ приближаться къ Созвѣздію Овна, и земля одѣлась зеленью и цвѣтами, расцвѣла и любовь, явилась и новая, дотолѣ незнакомая печаль: теперь въ Марморинѣ праздникъ, моя Бьянчифьоре любитъся на гарцующихъ юношей, можетъ быть, увлечется кѣмъ-нибудь? Вѣдь женщины непостоянны; вотъ та дѣвушка не знаетъ меня, а засмотрѣлась; такъ можетъ засмотрѣться на другого и Бьянчифьоре. Если Елена и Клитемнестра пали, то виною тому удаленіе ихъ мужей; я удаленъ по злостному желанію отца, котораго да погубятъ боги. — Онъ понималъ, что его обманули, не находитъ покоя ни днемъ, ни ночью, пересталъ заниматься, такъ измѣнился въ лицѣ, что всѣ дивятся; всякій день смотритъ онъ съ вышки дома на сосѣднюю Марморину, а порой ночью пробирается туда тайкомъ, не боясь ни разбойниковъ, ни звѣрей, и осыпаетъ поцѣлуями двери отцовскаго дворца, не смѣя постучаться. Нѣсколько разъ писалъ онъ отцу, что не въ состояніи заниматься по случаю жаркой погоды, и просилъ позволенія вернуться. Король уже провѣдалъ, что дѣлается съ сыномъ; сильно огорченный этимъ, онъ держитъ совѣтъ съ женой; та коритъ его за то, что онъ пощадилъ жизнь римской паломницы, матери Бьянчифьоре; ясно, что сынъ никогда не забудетъ своей милой, если не устранить ее — убійствомъ, но такъ, чтобы хула пала не на нихъ. И она даетъ совѣтъ, какъ это сдѣлать: орудіемъ будетъ ихъ сенешаль Массамутино, озлобленный на Бьянчифьоре за то, что она отвергла его любовь.

1) *Filostrato*, введеніе.

2) *L. c.*, V, ст. 51 слѣд.; VI, 4, VII, 63; сонетъ XV.

Въ разговорѣ съ сеншалемъ, король выражаетъ идею, что жизнь слѣдуетъ вести согласно съ правилами добродѣтели, но что дозволены и преступныя дѣянія, если тѣмъ можетъ быть устранена бѣлая опасность. Опъ говоритъ о своихъ опасеніяхъ, какъ бы Флорію не женился на дѣвушкѣ, которую самъ онъ лю-
 204 билъ и любитъ, но которая не ровня его сыну, и | излагаетъ планъ, затѣянный королевой: вскорѣ настанетъ день его рожденія, на праздникъ соберутся всѣ великіе бароны его царства; когда онъ будетъ съ ними за столомъ, сеншаль долженъ устроить такъ, чтобы Бьянчифоре поднесла имъ жаренаго павлина, насыщеннаго ядовитымъ зельемъ; король броситъ кусочекъ собакѣ, которая, съѣвъ его, околѣетъ; это возбудитъ подозрѣніе, что Бьянчифоре намѣревалась отравить короля за то, что не послалъ ее въ Монторію, и ее осудятъ на смерть.

Въ слѣдующемъ эпизодѣ праздника Боккаччо былъ на своей почвѣ: подробно описанъ пиршественный покой, съ мраморными изваяніями сюжетовъ изъ Оиванской и Троянской легенды, дѣяній Александра Великаго и Фарсалий; столъ короля выше другихъ, съ нимъ шесть именитѣйшихъ бароновъ, по трое съ той и другой стороны. Для сцены съ павлиномъ Боккаччо воспользовался одной подробностью рыцарскаго быта, проникшею и въ романы: въ извѣстные торжественные дни выносили къ столу павлина, благородную птицу, и столующіе клялись надъ нимъ поочередно совершить что-нибудь особое, какой-нибудь подвигъ храбрости.

Королева велѣла Бьянчифоре пріодѣться; она дѣлаетъ это неохотно, ибо ея Флорію нѣтъ. Когда сеншаль пришелъ къ королевѣ, сидѣвшей въ обществѣ, и попросилъ у нея позволенія, чтобы Бьянчифоре явилась въ качествѣ носительницы павлина, та, зная, въ чемъ дѣло, не отвѣчаетъ тотчасъ же, пока жестокое намѣреніе не побѣдило въ ней чувства жалости. — Бьянчифоре вступила въ залу, сіяя красотой, которая все освѣтила, зардѣвшись тѣмъ цвѣтомъ, который, по удаленіи зари, великое свѣтило разливаетъ по небу. Она предлагаетъ королю «священную птицу

Юноны»; король весель, ибо его планъ, видимо, удастся, и онъ клянется Юпитеромъ и богами и своими предкомъ Атлантомъ, что прежде, чѣмъ завершится годъ, онъ выдастъ Бьянчифьоре за именитѣйшаго изъ своихъ бароновъ. Онъ не зналъ, что готовить ему судьба, а Бьянчифьоре считаетъ его слова предзнаменованіемъ себѣ: она помышляетъ о Флоріо. За королемъ клянутся и | другіе; одинъ изъ нихъ, Масселино, сынъ короля Гранады, 205 обѣщаетъ поднести Бьянчифьоре, на ея брачный пиръ, десять пальмовыхъ отраслей, покрытыхъ листьями и финиками, отъ тѣхъ пальмъ, что водятся въ его странѣ, и у каждаго корешка которыхъ находится по золотому. Обойдя всѣхъ, Бьянчифьоре поставила павлина передъ королемъ; его молодой родственникъ, Сальпадино, разнимаетъ его, бросилъ на землю какую-то оконечность, которую подхватила любимая собака короля; лишь только она съѣла ее, какъ распухла и околѣла. Въ залѣ поднялся ропотъ; король спрашиваетъ: Что это такое? Повторили опытъ на другой собакѣ; когда и съ той случилось то же, король велитъ схватить Бьянчифьоре, сенешаля и Сальпадино и посадить порознь. Какъ дозволилъ ты это, Юпитеръ? Но вѣдь ты пустилъ и пиръ Тантаала, и Терей сталъ по твоей волѣ гробницей своего единственнаго сына! Можетъ быть, ты испытываешь бѣдствіями сердца людей, дабы они познали цѣну счастья, и ты могъ тѣмъ болѣе вознаградить ихъ въ послѣдствіи. — Сальпадино и сенешаль допрошены и вскорѣ освобождены; вина пала на недопрошенную Бьянчифьоре. Король, желая соблюсти видимость правосудія, собираетъ совѣтъ: онъ обвиняетъ Бьянчифьоре, Массамутино предлагаетъ казнить ее сожженіемъ; Аскальоне и герцогъ Монторіо, пріѣхавшіе на праздникъ, и другіе хотѣли бы сказать слово въ ея защиту, но молчатъ, видя, куда клонится желаніе короля. Онъ хотѣлъ бы немедленно привести въ исполненіе приговоръ, но судьи отвѣтили, что, по обычаю, въ столь торжественный день смертнаго приговора они не произносятъ, почему онъ и отложенъ до слѣдующаго утра. — Аскальоне и герцогъ уѣхали, не простившись; королева прикрываетъ слезами свое предательство; ей

въ самомъ дѣлѣ жалко Бьянчиѳоре, но она утѣшаетъ себя мыслью, что съ ея смертью пройдетъ и любовь Флоріо.

Между тѣмъ, оставшись одинъ, Флоріо предается грустнымъ мыслямъ: бывало въ этотъ день они вмѣстѣ съ Бьянчиѳоре служили за царскимъ столомъ; о, если бъ изъ всѣхъ дней, сколько ихъ есть въ году, выдался одинъ — но съ нею! Теперь ея чело |
 206 рсточаетъ новый свѣтъ mnogимъ, того недостойнымъ, а ему не дано ее видѣть. Онъ упрекаетъ себя въ трусости, хочетъ поглядѣть на нее во что бы то ни стало, вступить въ борьбу съ отцомъ, увести ее. Среди этихъ мыслей онъ засыпаетъ, и ему видится сонъ, напоминающій таковой же, уже рассказанный нами въ связи съ автобіографіей Боккаччо ¹⁾. Флоріо видится, какъ разбушевался народъ Эола, взметая песокъ; громъ и молнія повсюду; звѣзды, казалось, презрѣли законы и помѣнялись мѣстами; боги плачутъ, посѣщая одинъ другого; стигійскій мракъ заволокъ солнце, луна утратила свои лучи, гробницы Мраморины наполнились человѣческой кровью, и жители стонутъ надъ ними; дикіе звѣри боязливо попрятались въ пещерахъ, птицы падаютъ мертвыми. Святая богиня Венера предстала ему въ темномъ рубищѣ и въ слезахъ и на его вопросъ, почему плачутъ люди и боги, несетъ его въ Мраморину, гдѣ онъ видитъ все, что было съ Бьянчиѳоре. — Флоріо готовъ умереть съ нею, проситъ сказать, что онъ можетъ сдѣлать для ея спасенія. Венера говоритъ, что все это устроили боги; если они плачутъ, то потому, что опечалены были сѣтованіями природы, явившейся къ ихъ божественнымъ сѣдалищамъ въ слезахъ, что страдаетъ такое прелестное созданіе. Пусть съ наступленіемъ ночи Флоріо вооружится и тайкомъ направится къ мѣсту, куда поведутъ на казнь Бьянчиѳоре; луна будетъ свѣтить ему, окажутъ помощь боги, и Марсъ, и она, и этотъ мечъ, скованный Вулканомъ и подаренный ей ея милымъ Марсомъ: противъ него не устоитъ никакое оружіе. Не объявляя себя, онъ вызоветъ на бой всякаго, кто будетъ стоять за винов-

1) См. выше стр. 162—63.

ность Бьянчифоре; побѣда за нимъ, онъ вернетъ дѣвушку отцу, а самъ вернется въ Монгоріо, гдѣ возжетъ огни на алтаряхъ Марса и ея, а она, явившись ему воочію, увѣщанная миртомъ и лавромъ, увѣнчаетъ его, какъ побѣдителя.

Флоріо проснулся въ слезахъ; въ правой рукѣ у него мечъ; тусклый цвѣтъ перстня подтвердилъ ему правдивость видѣнія. Онъ предается страшному горю, но принимаетъ веселый видъ, 207 когда къ нему пришелъ герцогъ и рассказалъ о празднествахъ Марморины, ни словомъ не упомянувъ объ эпизодѣ съ Бьянчифоре. Флоріо догадывается, что онъ скрываетъ; вечеромъ шутить и смѣется въ его обществѣ, а самъ рассчиталъ напередъ всѣ часы ночи и, когда всѣ улеглись, стучится къ Аскальоне и проситъ у него оружіе и коня: онъ все узналъ изъ откровеній Венеры, вотъ и ея мечъ. Аскальоне пытается удержать его: Ты слишкомъ молодъ для битвы, пусть Бьянчифоре понесетъ заслуженное наказаніе; не стоитъ сражаться изъ-за худородной женщины. Флоріо отвѣчаетъ гнѣвно: Не ты ли самъ говорилъ мнѣ не разъ, что Бьянчифоре изъ хорошаго римскаго рода? Она благородна уже потому, что полна добродѣтелей. Гнѣва отца я не боюсь: я бы даже желалъ сразиться съ нимъ, преступнымъ, и послать его на берега Ахеронта, онъ заслужилъ того своей жестокостью. Я молодъ, но молоды были и Ахиллъ и Евріаль, и было бы неразумно отвернуться отъ Фортуны, милостиво обращающей на меня лицо свое. — Дивится Аскальоне мужественнымъ рѣчамъ юноши и увѣряетъ, что говорилъ такъ лишь для того, чтобъ испытать его; онъ самъ будетъ ему помощникомъ, готовъ сражаться за него, неопытнаго, и никогда не оставитъ. Но Флоріо хочетъ самъ быть защитникомъ той, кого любитъ; Аскальоне снаряжаетъ его, даетъ совѣты, какъ держаться въ единоборствѣ, цитуетъ въ примѣръ грековъ и троянцевъ, Аннибала и Протезилая, и Флоріо быстро входитъ въ роль: пока вооружается Аскальоне, онъ бѣгаетъ и прыгаетъ и на кого-то нападаетъ, поднимая и опуская копьё. — Они отправляются въ путь при свѣтѣ луны; Флоріо молится богамъ: Марсу, «вождю небес-

ныхъ силъ», Венерѣ и Астреѣ, праведный мечъ которой его отецъ готовится обагрить невинной кровью.

Бьянчифоре въ мрачной тюрьмѣ, не знаетъ, чѣмъ она провинилась, пугается всякаго шороха; ея воображеніе полно страшныхъ образовъ, она плачется на судьбу, на боговъ, на Флорію, который, очевидно, забылъ ее; онъ навѣрно увлекся одной изъ |
208 тѣхъ красавицъ Монторію, которыя поютъ и веселятся, разутыя, у прозрачныхъ источниковъ, либо на лугахъ, увѣнчанныя зеленью ¹⁾. Если онъ не забылъ ее, почему не явится на помощь? Послать бы сказать ему, — но друзья удалились вмѣстѣ со счастьемъ. — Она взываетъ къ Венерѣ, и богиня предстала ей въ сіяніи, на нее наброшено лишь пурпурное покрывало, она увѣнчана лаврами, въ рукахъ вѣтвь Паллады. Бьянчифоре бросается на колѣни, а богини говоритъ ей, что вся вина ея въ томъ, что она и Флорію — ея служители; но спасеніе близко.

При дворѣ всѣ говорятъ объ осужденіи Бьянчифоре, подозревая коварство короля и сенешаля, но никто не рѣшился выступить въ ея защиту. Король и королева, внутренно довольные, съ виду печальны; въ ночь передъ казнью Феличе не спится, проклятыя мысли не даютъ ему покоя, и онъ пускается въ риторику: солнце пошло, очевидно, на обратный путь, что такъ долго не настааетъ день; это Бьянчифоре своими молитвами задержала ночь, но на алтарѣ бога, котораго она молить, никогда не принесутъ ради нея жертвы. Явись же, о Аполлонъ, въ объятія твоей Авроры: ты видѣлъ преступленія Атрея и Тіэста, Ликаона и Прокны и т. д., и тебя нечего бояться, если я предамъ огню невинную дѣвушку: она не первая, не будетъ и послѣдней. — Судьи, созданные на другой день, боятся произнести несправедный приговоръ и желаютъ выслушать обвиняемую, но король говоритъ, что этого не нужно, потому что преступленіе очевидно, и велитъ осудить Бьянчифоре на свой страхъ. Когда ее вывели, и она услышала смертный приговоръ, пустилась въ слезы и рас-

1) Сл. выше стр. 203, прим. 1.

терзала бы себя, не будь у нея связаны руки; это удержало ее, и она сѣтуетъ молча: видно она наказана за то, что была невольной причиною смерти отца и матери; за то, что относилась къ королю съ любовью и преданностью; за свою красоту, которую она исказила бы, слѣдуя примѣру римскаго юноши Спурины, если бы знала, чему она будетъ причиною. Она взываетъ къ богамъ и мо- 209
литъ Венеру.

Когда ее ведутъ на казнь, и она увидѣла короля и королеву, смотрѣвшихъ на нее изъ окна дворца, ея горе усилилось, она пытается говорить: боги да простятъ имъ ея смерти! Но сенешаль подгоняетъ палкой ея стражей, она плачетъ и идетъ, потупивъ глаза, сѣтуя на Флоріо. У королевы явилось раскаяніе: она охотно все бы измѣнила, если бы то согласно было съ достоинствомъ короля. Всѣ въ Марморинѣ жалѣютъ Бьянчиѳоре, желаютъ ей скорой помощи, и помощь явилась: Бьянчиѳоре видитъ издали двухъ всадниковъ, ей кажется, что одинъ изъ нихъ — Флоріо, и она начинаетъ бодриться.

Прибывъ къ мѣсту до разсвѣта, Флоріо и Аскальоне спѣшились, привязали лошадей и легли отдохнуть. Что ты дѣлаешь, Флоріо? Не поступаешь ли ты противъ законовъ любви? Развѣ не знаешь ты, что такое сонъ? Что если ты заспишься, и она погибнетъ?—А Флоріо снится, будто онъ уже освободилъ ее, и она сама рассказываетъ ему о томъ, въ прелестномъ саду, гдѣ оба они сидятъ, забавляются и поютъ и цѣлуютъ другъ друга. Такъ было съ Флоріо, который и во снѣ старался не заснуть, когда на громадномъ конѣ явился чудесно вооруженный всадникъ, высокій ростомъ, свирѣпый видомъ, красный, съ большой бородой, окруженный такимъ свѣтомъ, что, казалось, онъ былъ въ огнѣ. Это Марсъ, посланный Венерой; онъ будить Флоріо, вручаетъ ему лукъ и стрѣлу, никогда не минующую цѣли; пусть не отдаетъ ее никому, иначе съ нимъ можетъ приключиться то же, что съ Прокрисъ. А теперь позови товарища и поѣдемъ. — Флоріо будить Аскальоне, и они вмѣстѣ ѣдутъ за Марсомъ: Аскальоне видитъ не его, а лишь красное сіяніе. Теперь я вѣрю, что къ

тебѣ благоволятъ боги, говоритъ онъ Флорію, узнавъ, въ чемъ дѣло. Всѣ, собравшіеся на мѣстѣ казни, дивятся этому сіянію; чужа что-то недоброе, сенешаль усматриваетъ въ немъ знаменіе, что боги готовятъ помощь Бьянчиѳоре, но храбрится съ виду, какъ Кассій въ Македоніи передъ призракомъ Цезаря. | Подскакавъ къ пріѣзжимъ рыцарямъ, онъ приказываетъ имъ понятишься, но Марсъ говоритъ Флорію, чтобы онъ не трогался съ мѣста. Между нимъ и сенешалемъ происходитъ перебранка, Флорію прослезился подъ забраломъ при видѣ Бьянчиѳоре, велитъ служителямъ развязать ее, проситъ ее рассказать, что съ ней было; онъ — другъ ея милого и готовъ биться за нее съ сенешалемъ или съ кѣмъ другимъ. Въ толпѣ одобряютъ незнамаго рыцаря; одинъ изъ судей распорядился повременить казнью, посылаетъ извѣстить короля. Сенешаль бранится, обвиняя Флорію во лжи; его приказъ служителямъ — тотчасъ же бросить Бьянчиѳоре въ огонь — остановленъ Флорію; разгнѣванный Массамутино наѣзжаетъ на него, грозитъ ему такой же карой, но Флорію сбиль его съ сѣдла ударомъ кулака и готовится ввергнуть въ костеръ. Когда сенешалья освободили, онъ сиѣшитъ съ докладомъ къ королю: проситъ у него новаго коня и вооруженія, пусть дозволигъ ему вступить въ бой съ незнакомымъ витяземъ; онъ надѣется на побѣду. Король клянеть боговъ, помѣшавшихъ его намѣренію, хочетъ отложить бой до завтра, ибо сенешаль усталъ; но это невозможно: тотъ рыцарь не отпуститъ дѣвушки, да и въ народѣ всѣ выражаютъ къ ней сочувствіе; Массамутино отправится на поединокъ и распорядится, чтобы Бьянчиѳоре сожгли, пока онъ будетъ биться.

Между тѣмъ Флорію утѣшаетъ недоумѣвающую дѣвушку. Что съ Флорію? спрашиваетъ она, — а онъ говоритъ ей, что еще вчера видѣлъ его, что онъ попрежнему ей вѣренъ, и самъ бы явился сюда, если бы не удержали его просьбы друга: вѣдь онъ умеръ бы, увидѣвъ тебя въ такомъ положеніи. — Когда явился на поле Массамутино, Бьянчиѳоре ощутила страхъ Икара, когда онъ почувствовалъ, что воскъ его крыльевъ тонится. Флорію по-

ручаетъ ее охранѣ товарищей, Марсъ дохнулъ на него, отправляя въ бой, и, когда служители сенешаля готовились схватить Бьянчиѳоре, скрываетъ ее въ своемъ сіяніи. Сенешаль сбить съ коня, чувствуетъ, что ему приходится бороться не съ здѣшной силой; онъ срубилъ голову коню Флоріо, поранилъ его мечемъ, бѣжить, но стрѣла настигаетъ его и поражаетъ смертельно. Флоріо схватилъ его | за бороду, доволочилъ до Бьянчиѳоре, 211 обагривъ поле его кровью, заставилъ признаться въ преступленіи: оказывается, что онъ мстилъ дѣвушкѣ за отверженную любовь; онъ ничего не проговорился о королѣ, ибо надѣялся, что ему сохранять жизнь, но, по требованію Марса и народа, Флоріо бросаетъ его въ костеръ.

Король притворно радуется, что Бьянчиѳоре оказалась невинной, и усматриваетъ особое покровительство боговъ въ томъ, что они наказали преступника. Когда Флоріо ведетъ Бьянчиѳоре во дворецъ, она поражена этимъ: вѣдь тамъ ожидаютъ ее еще большія опасности; почему не поѣдетъ онъ съ нею въ Монторіо?— Такова воля боговъ, чтобы ты отдана была королю, дабы онъ позналъ свой проступокъ; а Флоріо вскорѣ прибудетъ къ тебѣ.— Явившись во дворецъ, незнакомый рыцарь поручаетъ освобожденную красавицу, отъ имени Флоріо, королю, прося его не измышлять болѣе предлоговъ, которые и несправедное наказаніе могутъ представить заслуженнымъ; вѣдь истина въ концѣ все же объявится, и ты будешь обезславленъ. — Король привѣтствуетъ Бьянчиѳоре любовно, говоритъ, что виновенъ въ приговорѣ лишь настолько, насколько правосудіе помѣшало ему быть сострадательнымъ. Флоріо отказывается сказать, кто онъ, смотритъ сквозь слезы на Бьянчиѳоре, велитъ ей мужаться ради любви къ Флоріо и уѣзжаетъ. Марсъ разстается съ нимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ впервые объявился, и всѣ падаютъ ницъ передъ исчезающимъ богомъ. Въ Монторіо они приносятъ жертвы въ храмѣ Марса и Венеры; побѣдный вѣнецъ, который богиня возлагаетъ на Флоріо, онъ кладетъ на ея алтарь. — Въ Марморинѣ, гдѣ королева въ самомъ дѣлѣ обрадована спасеніемъ Бьянчиѳоре, онъ

вмѣстѣ посѣщаютъ все храмы; забыта, по ошибкѣ, одна лишь Діана; ея гнѣвъ обновляетъ въ послѣдующемъ развитіи романа элементъ верховнаго вмѣшательства, какимъ представлялась въ началѣ исконная вражда Плутона.

Флоріо вернулся къ себѣ веселый: казалось, судьба улыбнулась ему, и, въ надеждѣ на лучшее, онъ не избѣгаетъ развлеченій. Но Фортуна успѣшила обратить на него свое мрачное лицо. |
 212 Однажды, когда онъ гулялъ въ саду, видъ бѣлаго цвѣтка, выросшаго среди густыхъ терній, вызвалъ въ немъ воспоминаніе о милой: цвѣтку не разростись среди терній, Бьянчифьоре не избѣгнуть опасностей. Онъ боится коварства отца, снова упрекаетъ себя въ малодушіи, что оставилъ боязливую овечку среди кровожадныхъ волковъ; ревнуетъ отъ избытка любви; увы, какъ печальна жизнь влюбленнаго, живущаго въ такихъ опасеніяхъ¹⁾. — Какъ-то разъ, послѣ бессонной ночи, онъ не вышелъ изъ комнаты, и герцога пришелъ посѣтить его; увидѣвъ его блѣднымъ и измѣнившимся, онъ проситъ его, во имя дружбы, повѣдать ему свое горе. Флоріо говоритъ ему, какъ съ отроческихъ лѣтъ онъ увлекся Бьянчифьоре, и это увлеченіе перешло въ любовь, которую поддерживалъ ясный лучъ, проникавшій изъ ея очей въ его очи. Теперь онъ удаленъ отъ нея, боится за ея жизнь, ему кажется, что его сердце залито моремъ ея слезъ. — И онъ падаетъ на постель, его лицо стало цвѣта земли или пепла. — Самъ герцогъ не удержался отъ плача, но утѣшаетъ Флоріо: столь благородное чувство, какъ любовь, не должно порождать такого угнетеннаго состоянія духа; Флоріо слѣдовало бы веселиться: вѣдь онъ не только любитъ, но и любимъ; тутъ нѣтъ мѣста ревности; къ тому же за нимъ помощь боговъ и чудеснаго кольца; боги пекутся объ его счастья и, можетъ быть, не безъ причины держатъ его въ разлукѣ съ его милой. Утѣшенія перемежаются риторическими общими мѣстами (будто отецъ потому преслѣдуетъ Бьянчифьоре, что Флоріо ведетъ изъ-за нея печальную жизнь), и

1) Сл. Filostrato, VII, 18.

афоризмами: что сладкій плодъ любви нельзя вкусить безъ нѣкоторой горечи, и желаемое тѣмъ милѣе, чѣмъ дольше его добивались. Если бъ я былъ на твоёмъ мѣстѣ, продолжаетъ герцогъ, я, напротивъ, сталъ бы веселиться, чтобы увѣрить отца, что охладѣлъ къ Бьянчиѳоре. — Флоріо согласенъ послѣдовать дружескому совѣту, но его веселье внѣшнее; когда онъ одинъ, его мысли попрежнему отданы Бьянчиѳоре; какъ у Троила ¹⁾, у него | являются приливы рѣшимости: похитить свою милую; если ²¹³ это будетъ непріятно отцу, то такъ и быть: это лучше, чѣмъ мнѣ самому умереть съ тоски; у отца горе пройдетъ, либо оно убьетъ его; зачѣмъ только не убило оно его ранѣе! Я такъ и сдѣлаю; конецъ—всему дѣлу вѣнецъ (*cosa fatta capo ha*); вѣдь въ случаѣ неудачи отецъ развѣ изгонитъ меня? Миръ великъ, а Кадмъ, Дарданъ и Сикулъ прославились на чужбинѣ. Я такъ сдѣлаю. — И затѣмъ онъ снова принимается плакать, по цѣлымъ днямъ не вставая съ постели. Герцогъ и Аскальоне не рѣшаются оповѣстить отца и, вмѣстѣ, боятся не оповѣстить его; однажды, когда они бесѣдовали о Флоріо, Аскальоне подалъ мысль отвлечь Флоріо отъ его любви, соблазнивъ его тѣми наслажденіями, которыхъ онъ не испыталъ съ Бьянчиѳоре, и до которыхъ падки молодые люди. Герцогъ сомнѣвается въ успѣхѣ: что пользы въ томъ, что? отвязавъ его отъ одного мѣста, мы привяжемъ его къ другому, Новыя раны излѣчиваются скорѣе, чѣмъ застарѣлыя, отвѣчаетъ Аскальоне, и герцогъ соглашается. — Намѣтивъ двухъ дѣвушекъ, отличавшихся красотою и бойкимъ словомъ и влюбленныхъ въ Флоріо, онъ пригласилъ ихъ къ себѣ, какъ бы на праздникъ, говоритъ, что, желая женить Флоріо, онъ остановилъ свой выборъ на нихъ, и если одной изъ нихъ удастся отвлечь его отъ поглощающей его мысли, она станетъ его женой. Дѣвушки, Эдея и Кальмена, выражаютъ сомнѣніе: онѣ—неровни Флоріо, не богаты, боятся глумленія и стыда, но герцогъ завѣряетъ ихъ, что онъ не покушается на ихъ честь и сдержитъ свое слово. Пусть при-

1) Filostrato, IV, 144—5, V, 4—5.

нарядится и пойдутъ въ садъ, а подъ вечеръ, когда Флорію явится туда, попытаются увлечь его. Онѣ нарядились, прозрачныя ткани едва прикрываютъ ихъ члены; усѣвшись у источника, онѣ бесѣдуютъ о Флорію и поютъ. Флорію вышелъ въ садъ, погруженный въ печальныя думы, и направился къ своему бѣлому цвѣтку среди терній, когда услышалъ любовную пѣсню. Что это? спрашиваетъ онъ себя и растерянно останавливается, завидѣвъ красавицъ. Боги да исполняютъ всякое ваше желаніе! отвѣчаетъ онъ на ихъ привѣтъ. — Боги уже исполнили его, коли ты
 214 изъявишь на то свое | согласіе! — Почему же перестали вы пѣть? — Намъ нѣтъ большаго удовольствія, какъ бесѣдовать съ тобой, говорятъ онѣ; онѣ затѣмъ и отстали отъ своего общества, чтобы увидѣть его. Флорію хорошо съ ними, онъ любитъ ими, заводитъ бесѣду о любви; одна склонила голову къ нему на грудь, другая обвила его шею рукою; ему позволяютъ и большія откровенности глаза и осязанія, такъ что онъ самъ дивится. Бьянчифьоре забыта, и они дошли бы до большаго, если бъ «вѣрный Амуръ» не помогъ его сердцу своей стрѣлою. Отчего ты такъ блѣденъ? спрашиваетъ Флорію Кальмена, и онъ тотчасъ же опомнился: Что это я дѣлаю? Потунивъ глаза въ землю, онъ начинаетъ упрекать себя, что могъ такъ забыть Бьянчифьоре, стронится отъ дѣвушекъ, ушелъ бы тотчасъ, если бы не боялся учинить имъ стыдъ. Онѣ упрашиваютъ его, ласкаютъ, увѣряютъ въ своей любви; но онѣ не любятъ его, никогда не любили вообще, ибо любовь стыдлива въ первыхъ своихъ проявленіяхъ: даже Пазифая начала съ того, что приласкала быка, подманивъ его нѣжной травкой ¹⁾. Дѣвушки плачутъ, упрекаютъ его въ жестокости, просятъ хотя бы поцѣлуя; но именно его уста ему всего дороже, не будь онъ отданъ другой, онъ непремѣнно избралъ бы одну изъ нихъ. — Онъ проситъ оставить его, и онѣ удаляются, чувствуя, что пристыжены подѣломъ.

1) Сл. Filocolo, II, стр. 78, съ тѣмъ же объясненіемъ, и Amorosa Visione XXII, 10 слѣд. = Ovid. Art. Am., I, 245 слѣд.

Когда герцогъ и Аскальоне, узнавъ, какъ было дѣло, явились къ Флоріо, онъ сидитъ, опустивъ на руку бѣлокурую голову, и не замѣчаетъ ихъ. Гдѣ ты теперь, влюбленный юноша? спрашиваютъ они его, дернувъ за руку; онъ смотритъ на нихъ, не отвѣчая, точно ошеломленный, молить оставить его съ самимъ собою. Ты съ ума сошелъ! говорятъ ему его пріатели, а онъ рассказываетъ имъ, что за жизнь онъ влачитъ по милости любви; особенно одолеваетъ его ревность: дѣвушки непостоянны; вѣдь и боги, не только что онѣ, склоняются къ мольбамъ; къ | тому же 215 говорятъ, что женщины по природѣ избираютъ худшее. Все это мучитъ меня; если вамъ дорога моя жизнь, не отнимайте у меня возможности—предаваться моимъ мыслямъ.—Но для этого надо жить, воспринь же духомъ и развеселись, чтобы тебѣ можно было—мечтать, говорятъ ему его совѣтчики, и Флоріо обѣщаетъ послѣдовать ихъ совѣту. Показались уже звѣзды, когда они покинули садъ.

Слѣдующій затѣмъ эпизодъ о Филено ¹⁾— первый простран- ный эпизодъ, введенный Боккаччо въ составъ романа; до сихъ поръ измѣненія противу подлинника касались частныхъ, стили и эпическихъ мотивовъ. Разсказъ о Филено какъ бы отвѣчаетъ по- дозрѣніямъ Флоріо, что женщины всегда избираютъ худшее. Филено явился ко двору Феличе, вскорѣ послѣ суда надъ Бьян- чиѳоре, и влюбился въ нее, не зная ея отношеній къ Флоріо. Король и королева поощряютъ эту любовь. Бьянчиѳоре отвѣ- чаетъ Филено и глядитъ на него лишь въ ихъ присутствіи, въ угоду имъ, вздыхая, что Филено принимаетъ на свой счетъ; въ присутствіи королевы и съ ея поощренія онъ выпрашиваетъ у Бьянчиѳоре ея вуаль, который возлагаетъ на себя, какъ зна- чекъ, на турнирѣ («празднествѣ Марса»), изъ котораго выходитъ побѣдителемъ. Онъ увѣренъ, что дѣвушка къ нему расположена и, явившись въ Монторіо, рассказываетъ въ обществѣ герцога о

1) Сл. выше стр. 161—2.

турнирѣ и своей любви, причѣмъ неосторожно назвалъ Бьянчифоре. Слышалъ это Флоріо, измѣнился въ лицѣ и тихо вышелъ; снова вернувшись, онъ дружелюбно подошелъ къ Филено, взявъ подъ руку и повелъ въ свою комнату, чтобы точнѣе разузнать отъ него, чего въ сущности не хотѣлъ бы знать. Мнѣ сдается, ты влюбленъ, спрашиваетъ онъ его послѣ многаго другого. Тотъ отвѣтилъ утвердительно. — А любить ли тебя та, которую ты любишь? — Да, говоритъ Филено и, по просьбѣ Флоріо, указываетъ на признаки: робкіе взгляды и горячіе вздохи, подарки, радость, которую красавица обнаруживаетъ при всякой } его удачѣ. Онъ показываетъ Флоріо вуаль. Да, это признакъ вѣрный, замѣчаетъ Флоріо; но этого ему еще недостаточно: онъ допытывается имени — и узнаетъ его. Да, тебя дѣйствительно любятъ, говоритъ онъ, не измѣнившись въ лицѣ, но мой совѣтъ — любить разсудительно, не давая Амуру такъ овладѣть собою, чтобы не быть въ силахъ отдѣлаться отъ него, какъ то случилось со мною. Я любилъ и люблю дѣвушку, она подарила мнѣ это кольцо — и отдалась другому, а я не могу отстать отъ любви. Ты счастливѣе всѣхъ другихъ, отвѣчаетъ онъ на завѣреніе Филено, что его милая постоянна.

За обѣдомъ Флоріо ничего не ѣстъ; удалившись къ себѣ, бросается на постель и плачетъ, упрекая Бьянчифоре. Онъ былъ такъ постояненъ въ любви; ужъ не потому ли она отдалилась отъ него, что боялась неравенства положеній? Но вѣдь сама она происходитъ отъ римскихъ императоровъ. Далѣе этотъ аргументъ замѣненъ другимъ: Парисъ забылъ Энопу для Елены, потому что всякій предпочтетъ грубой крестьянкѣ царицу, происшедшую отъ безсмертныхъ боговъ, — но вѣдь Бьянчифоре покинула его для простаго рыцаря. Счастливъ тотъ, кто не испыталъ счастья, ибо лишь его утрата причиняетъ горе. Флоріо дивится, что его перстень не измѣнился, какъ измѣнилось сердце его милой; вынувъ ножъ, подаренный ему Бьянчифоре, онъ помышляетъ о самоубійствѣ, когда Венера насылаетъ на него сонъ. Начало его вспомнилось Боккаччо при аллегорическомъ изображеніи Амура

въ Любовномъ Видѣніи ¹⁾): на лугу—вѣнчанный повелитель, въ рукахъ у него лукъ и двѣ стрѣлы, золотая и свинцовая; онъ сидитъ на двухъ орлахъ, ноги покоятся на двухъ львахъ, за спиной—громадныя золотыя крылья. По правую сторону его стоитъ на колѣняхъ прелестная женщина и какъ бы молится: это Бьянчифоре; по лѣвую—бурное море, корабль безъ вѣтриль, а на немъ Флоріо, обнаженный, съ завязанными глазами, тогда какъ страшный черный призракъ, выйдя изъ моря, схватился | за корму и гро- 217
зится потопить судно. Флоріо взмолился къ Амуру, и ему чудится, что повязка съ него спала, чудесная красавица, покрытая лишь прозрачнымъ вуалемъ, явилась ему, велитъ отогнать тотъ мрачный духъ, подаетъ ему мечъ и вѣтвь оливы: Я—твоя Бьянчифоре, на которую ты такъ жалуешься, не зная истины, говоритъ она,—и Флоріо кажется, что онъ легко бѣжитъ по волнамъ и поражаетъ огненнымъ мечемъ чудовище. Море успокоилось, обрадованный Флоріо принимается за исправленіе снастей; тутъ онъ очнулся, возлѣ него вѣтка оливы и обнаженный ножъ, которыми онъ хотѣлъ заколоться. Онъ оставилъ мысль о смерти и обождетъ, что скажетъ Бьянчифоре на его письмо, гдѣ онъ говорить ей о своей любви, отъ которой не отвратили его ни соблазны, ни приставанье родителей — женить его на другой; а она оказалась непостоянной! Онъ упоминаетъ имя Филено и снова ставитъ вопросъ: не потому ли отвергла она его, что онъ неровня ей, ведущей свой родъ отъ римскихъ властителей? Но вѣдь Филено—простой рыцарь? А кто будетъ любить тебя такъ, какъ я? спрашиваетъ онъ; если онъ увѣрится въ своихъ подозрѣніяхъ, ему жить недолго; онъ велитъ написать на своей гробницѣ: здѣсь покоится Флоріо, погибшій отъ любви къ Бьянчифоре, и на томъ свѣтѣ вѣчно будетъ преслѣдовать ея душу. Пусть проститъ его, если въ письмѣ онъ сказалъ ей непріятное: онъ писалъ, побуждаемый любовью; онъ ждетъ ея письма, а до тѣхъ поръ ея ножъ не выйдетъ у него изъ рукъ.

1) *Amorosa Visione*, c. XV.

Когда служитель Флоріо явился къ Бьянчифьоре, она спросила его о его господинѣ и узнаеть, что онъ вздыхаетъ по ней; взявъ письмо, она возложила его себѣ на голову и тысячу разъ поцѣловала. Прочтя первую его часть, она не можетъ удержаться отъ слезъ; то ей кажется, что она не поняла его, то вѣрится, что Флоріо пишетъ серьезно. Онъ, видимо, глумится надо мной, говоря о моей знатности; вѣдь я рабыня его и его отца, осмѣлившаяся полюбить его за его красоту и доблесть. Или онъ испытываетъ меня, либо, обвиняя меня, отводитъ глаза, дабы я не имѣла повода обвинить его — въ любви къ другой. Все это
218 она выражаетъ въ | письмѣ къ нему, объясняетъ свои отношенія къ Филено, просить не грустить болѣе и надѣяться, избѣгая ненужнаго бездѣлья и не уклоняясь отъ дозволенныхъ удовольствій; и пусть не пишетъ ей подобныхъ писемъ, не тревожитъ ея душу, готовую къ смерти, ибо если у Флоріо ножъ, у ней наготовѣ петля.

Флоріо читаетъ, лежа на постелѣ, письмо Бьянчифьоре; разныя мысли ходятъ у него въ головѣ, пока онъ не остановился на одной, тревожной. Боккаччо вспомнилось здѣсь описаніе обители Зависти въ *Метаморфозахъ* Овидіа ¹⁾, но онъ не подражаетъ ему, какъ *Guillaume de Lorris* ²⁾, а пользуется его чертами, чтобы изобразить мрачное жилище Ревности, — и не теряетъ въ сравненіи съ древнимъ поэтомъ: его Ревность реальнѣе, въ ней жизнь осилила аллегорію.

Мы уже знаемъ, что Діана гнѣвается на Бьянчифьоре за то, что она забыла ее въ своихъ жертвахъ. И вотъ, готовясь отомстить ей, она спѣшитъ къ обиталищу холодной Ревности: она живетъ на высочайшихъ скалахъ Апеннинъ, въ темной пещерѣ, окруженной снѣгомъ, кругомъ никакихъ растений, кромѣ терній и крапивы, ни одной весенней птицы, только кукушка да сова. Лишь только богиня постучалась въ дверь, какъ послышался

1) II, 760 слѣд.

2) *Roman de la Rose*, v. 235—90.

изнутри собачій лай, старуха глянула въ скважину и спросила грубымъ голосомъ: Кто тамъ? Узнавъ богиню, она, тихо ступая, не безъ труда открыла роковыя двери, скрипъ которыхъ слышенъ былъ у подножья горы; заперевъ ихъ съ такимъ же скрипомъ, она провожаетъ гостью, оберегая ея бѣлое одѣяніе отъ голодныхъ псовъ, у которыхъ можно было пересчитать всѣ кости, гонить ихъ хриплымъ голосомъ и палкой, на которую опиралась. Внутри все заткано паутиной, слышна буря, будто сталкиваются и рушатся горы; стѣны одѣты влажнымъ, точно плачущимъ мохомъ; тамъ царитъ вѣчная зима, только въ углу немного золы и двѣ полутлѣющія головни, около которыхъ грѣлась тощая кошка. Ревность—худая, вялая, блѣдная старуха, | съ косыми глазами, 219 красными отъ постоянныхъ слезъ; кутаясь въ черныя одежды, она сидитъ и дрожитъ у огня, порой хватаясь за мечъ, чтобы поугаать имъ кого-то; ея сердце такъ бьется, что его колыханіе можно замѣтить подъ платьемъ; она не знаетъ сна и покоится на порогѣ, между двухъ псовъ.

Къ ней-то Діана обращается съ просьбой: отправиться къ Флоріо, поселить въ немъ недовѣріе къ его милой, внушить, что онъ обманутъ. Принявъ новый образъ, старуха спѣшитъ къ юношѣ, который все еще размышляетъ о письмѣ; онъ вѣритъ, что Бьянчиѳоре его любитъ. Лишь только Ревность коснулась его груди, его мысли измѣнились: Бьянчиѳоре написала ему такъ не отъ любви, а отъ страха; огонь питаетъ тихій вѣтерокъ, любовь — нѣжные взгляды, а меня нѣтъ съ нею! Она любитъ Филено, и я отомщу ему. — Онъ начинаетъ припоминать все, бывшее между нимъ и Бьянчиѳоре съ пріѣзда Филено, все толкуетъ въ дурную сторону, а тотчасъ же ищетъ оправданій; передумываетъ средства, которыя пускаются въ ходъ для достиженія извѣстной цѣли, и увѣренъ, что Филено испыталъ ихъ, что онъ готовъ увезти Бьянчиѳоре, съ ея согласія, посватался за нее. Нѣтъ, этого не можетъ быть, я заблуждаюсь, вѣдь обо всемъ этомъ я что-либо да услышалъ бы! Бьянчиѳоре невинна, но какъ знать, что будетъ? — И онъ рѣшается вернуться въ

Марморину: либо онъ убьетъ Филено, либо заставить его удалиться.

О любовь, прелестнѣйшая страсть для тѣхъ, кто счастливъ твоими благами, полная страха и тревогъ, кто бы могъ подумать, что твой сладкій корень производитъ столь горькій плодъ, какъ ревность! Рожденная отъ одного съ тобою начала, она враждебна тебѣ, и несчастнѣйшимъ изъ несчастныхъ можно почестъ того, кто спознался съ нею.

Діана знаетъ о рѣшеніи Флоріо и, желая спасти Филено, спѣшитъ къ обители Сна, которую Боккаччо изобразилъ, снова подражая Овидію ¹⁾. По просьбѣ богини, властитель Сна шлетъ 220 къ Филено | нѣсколькихъ изъ своихъ сыновей, — и вотъ Филено представляется въ сновидѣніи, будто его пріятель предупреждаетъ его: Флоріо разгнѣванъ на тебя за Бьянчифьоре, хочетъ убить тебя, сейчасъ явится; бѣги! Ему кажется, что Флоріо уже здѣсь, а самъ онъ смертельно раненъ. — Когда на слѣдующій день Филено рассказалъ свой сонъ пріятелю, тотъ пораженъ: боги явно покровительствуютъ тебѣ, говоритъ онъ, я самъ слышалъ въ Монторіо, что Флоріо жаждетъ твоей смерти. Пріятель также совѣтуетъ бѣгство, и Филено рѣшается на это, чтобы въ изгнаніи жить надеждой; его другъ пусть останется и дастъ ему знать, когда ему можно будетъ вернуться.

Путешествіе Филено нѣсколько странное, запутанное; онъ посѣщаетъ послѣдовательно Падую, Венецію, Равенну, Мантую, Флоренцію, Кьюзи, Римъ, Гаэту, Поццуоли, Байи и Неаполь; Самній (куда уѣзжала, какъ мы помнимъ, Марія-Фьямметта ²⁾), Капую, Сульмону, Перуджію и наконецъ — Чертальдо. Обозначеніе городовъ частью описательное: Падуя — городъ Антенора; примѣшиваются классическія и средневѣковыя городскія легенды; у Филено такая же жилка антикварія, какую увидимъ и у Флоріо:

1) *Metam.*, XI, 592 слѣд.; сл. *De Gen. Deor.*, I, 31, и описаніе обители Сна у *Стація*, *Theb.*, X, 85 слѣд.

2) Сл. выше стр. 129.

Римъ приводитъ его въ восхищеніе. Чергальдо также названъ иносказательно: дубовый лѣсъ, сегreto, на верху горы; здѣсь останавливается и остается сѣтовать Филено, — и введенъ уже разобранный нами ¹⁾ автобіографическій эпизодъ: о печальномъ странникѣ изъ Неаполя, Боккаччо, подслушавшемъ жалобы Филено и утѣшающемъ его разговоромъ о своей несчастной любви. Эпизодъ этотъ могъ быть написанъ лишь послѣ разрыва съ Фьямметтой, но, какъ сказано выше ²⁾, это не даетъ права заключить, что и все слѣдующее написано позже: рассказъ о Филено совершенно мыслимъ безъ нѣскольکو внѣшняго появленія странника, и легко представить себѣ, что эта подробность была внесена позднѣе въ готовое положеніе. |

Услышавъ о бѣгствѣ Филено, Флоріо ободрился, но Діана 221 недовольна; она готовитъ новыя препятствія и, представъ на охотѣ королю, говоритъ ему: Ты предаешься удовольствіямъ, а твой сынъ гибнетъ отъ любви къ живущей у тебя дѣвушкѣ; если ты не примешь мѣръ, она похититъ его у тебя. Съ этими словами она исчезла, а Феличе, пораженный видѣніемъ, совѣтуется съ женой: Что ему дѣлать? Эта негодница опоила его какимъ-нибудь зельемъ. Онъ готовъ убить ее, а жена снова указываетъ ему на болѣе безобидное средство: въ ихъ портъ пришло судно, Бьянчифоре можно продать купцамъ, увѣрить Флоріо, что она умерла, а для вида устроить ей великолѣпный намятникъ. Посланцы короля разузнали, что прибыли изъ Александріи купцы, Менонъ и Антоній, родомъ изъ Неаполя (изъ крайнихъ предѣловъ авзонійской излучины, по сосѣдству съ Помпеей), ихъ занесла сюда непогода, и они готовятся отплыть, нагрузивъ корабль. Тогда король велитъ предложить имъ, не купятъ ли они у него, за большую цѣну, красавицу-дѣвушку; она провинилась передъ нимъ, онъ пощадилъ ея жизнь ради ея красоты, но не желаетъ оставить ее безъ наказанія.—Купцы явились съ большою казною,

1) Сл. выше стр. 161—2.

2) Сл. выше стр. 192.

и Бьянчифьоре выходить къ нимъ; королева обманула ее, велѣвъ принарядиться, будто бы для прїѣзда Флоріо. Когда она показалась, покой точно солнцемъ освѣтило; купцы просятъ короля взять себѣ изъ ихъ казны, сколько ему надобно, да сверхъ того дарятъ прекрасный золотой кубокъ, на которомъ искуснѣйшимъ образомъ изображено было эмалью паденіе Трои. Король говоритъ втихомолку купцамъ, чтобы они отплыли немедленно, а Бьянчифьоре объявляетъ, что исполнилъ свое обѣщаніе—выдать ее замужъ: ее повезутъ къ Сардану, властителю древняго Кароагена, его другу и родственнику. Какъ услышала это Бьянчифьоре, измѣнилась въ лицѣ: она поклялась Діанѣ въ вѣчномъ дѣвствѣ, говоритъ она, богиня разгнѣвается на меня! — Не станеть гнѣваться, отвѣчаетъ король; да тебѣ надо было сказать мнѣ о томъ прежде. — Глориція будетъ сопровождать ее въ качествѣ служанки. — Бьянчифьоре замѣтила и тайные переговоры |
 222 короля, и одежду купцовъ, и предложенную ими казну, и единственную, отпущенную съ нею служанку; такъ по невѣсту не посылаютъ, ее — продали; и она принимается плакать. Король ушелъ, чтобы не смягчиться, купцы взяли Бьянчифьоре изъ объятій полумертвой королевы и отнесли на корабль. Теперь предательство короля стало ей яснымъ, и она отдается сѣтованіямъ, клянеть жизнь; я люблю и буду любить Флоріо, говоритъ она и—повторяетъ, что говорила и прежде: Ничто такъ не печалитъ меня, какъ потерянное время, когда мы могли пользоваться желаннымъ наслажденіемъ и не воспользовались и даромъ потратили время, полагая, что оно не можетъ не настать; теперь я знаю, что у кого есть досугъ, а онъ дожидаетъ его, навѣрно его пропустить¹⁾. Она плачется на несчастную долю: это у нея въ роду. Ея глаза закатились, руки сжались судорожно, поблѣднѣвъ, она упала навзничъ въ объятія Глориціи. Купцы ухаживаютъ за ней, какъ за сестрой, утѣшаютъ ее; она молится Венерѣ и Діанѣ, пока не забылась сномъ.

1) Сл. Filocolo, I, стр. 316 (chi tempo ha, e quello attende, quello si perde) = Filocolo, II, стр. 110; сл. выше стр. 201 (= Filocolo, I, стр. 108).

Діана удовлетворена, смѣнивъ гнѣвъ на милость; она сжалась надъ дѣвушкой; вмѣстѣ съ Венерой она явилась ей во снѣ, вѣщая, что никто не осмѣлится лишить ее того, что она намѣрена соблюсти.

По пути они останавливаются въ Сициліи, тамъ, гдѣ умеръ Анхизъ; нѣкая Сизифа, у которой они пристали, пытается утѣшить Бьянчифьоре: пусть постарается вообразить себѣ, будто она никогда не видала Флоріо; кто тебѣ понравится, тотъ пусть и будетъ тебѣ Флоріо.— Плохо ты знаешь законы любви, возражаетъ ей Бьянчифьоре: кто любитъ, никогда не забываетъ.

Послѣ остановки въ Родосѣ у Беллизана, они прибыли въ Александрію, гдѣ александріецъ Дарій принялъ ихъ съ великимъ почетомъ. Черезъ нѣсколько дней явился туда эмиръ (ammiraglio) могущественнаго вавилонскаго царя, отъ имени котораго онъ управлялъ тою страной. Провѣдавъ о Бьянчифьоре, онъ купилъ ее, чтобы подарить своему властителю: тотъ сдѣлаетъ ее старшей | среди своихъ женъ и украситъ ея чело вѣнцомъ Семи- 223 пирамиды. Пока она помѣщена въ башнѣ вмѣстѣ съ Глориціей и другими дѣвушками.

По отъѣздѣ Бьянчифьоре король распорядился соорудить памятникъ, будто бы надъ нею, а подъ нимъ похоронена была въ ея одеждахъ другая дѣвушка. Устроено это было такъ ловко, что всѣ въ городѣ повѣрили смерти Бьянчифьоре, а Флоріо послали сказать, что она больна, и онъ поспѣшилъ бы проститься съ нею. Страшно опечаленный, онъ спѣшилъ въ Мраморину къ ночи; коварная мать вышла ему навстрѣчу и на его вопросъ, чтѣ съ Бьянчифьоре, молча обняла его, заплакала и ведетъ къ отцу. Онъ въ траурной одеждѣ, знаменіи печали, говоритъ сыну, что Бьянчифьоре удостоилась царствія небеснаго, что Юпитеръ и другіе небожители взяли ее къ себѣ, можетъ быть, завидуя тому благу, которое мы ощущали, любя ее, потому что она того стоила, и ты ее любилъ. Онъ сулитъ сыну другую супругу, говоритъ, что покойница просила ихъ утѣшить его, не велѣла плакать, ибо слезы умаляютъ ея блаженство. — Ты убилъ ее, пре-

ступный! кричитъ Флорію, разодралъ на себѣ одежды и падаетъ замертво, скосивъ глаза и сжавъ кулаки. Онъ проситъ мать повести его къ гробницѣ Бьянчиѳоре, и та напрасно молитъ его отложить это посѣщеніе, говоритъ ему о красавицѣ, дочери короля Гранады. Ты обманула меня, восклицаетъ сынъ, безумень тотъ, кто избираетъ врачомъ себѣ врага, поразившаго его насмерть! И онъ бросается на гробницу; въ городѣ поднялось общее сѣтованіе, всѣ облеклись въ трауръ, плачь былъ такой, что не слышанъ былъ бы шумъ битвы боговъ съ гигантами. — У Флорію выхватили ножъ, которымъ онъ готовился убить себя, и встревоженная мать говоритъ ему: Твоя Бьянчиѳоре еще жива! Сынъ не хочетъ вѣрить, его такъ часто обманывали. Тогда, вернувшись во дворецъ, мать открываетъ ему, что они устроили съ Бьянчиѳоре. Флорію приходитъ въ ярость: Безжалостная! говоритъ онъ, другія матери даютъ свободу рабынямъ, любимымъ ихъ сыновьями, ты продала въ | рабство свободную женщину, потому что я люблю ее. Въ тебя вселился духъ Прокны и Медеи; но я еще надѣюсь дожждаться радостнаго дня, когда вы оба, жестокой старикъ и ты, въ приливъ собственнаго гнѣва, обремените собою печальныя балки вашего дворца, какъ Арахна. Вы продали Бьянчиѳоре; будь она здѣсь, клянусь богами, я изгналъ бы васъ, какъ Юпитеръ изгналъ изъ храма Сатурна, и заставилъ бы испытать горемычное плутаніе по свѣту, на которое я осужденъ. Будь у меня, какъ у васъ, сердце изъ камня, и не бойся я укоровъ совѣсти, я не оставилъ бы васъ въ живыхъ!

Напрасны извиненія матери, которой стало ясно, что она напророчила сама себѣ, когда о родившейся Бьянчиѳоре сказала, что она будетъ товаркой и родней ея сыну. Король также припоминаетъ все бывшее со смерти Лелія и убѣждается, что волѣ боговъ не слѣдуетъ перечить. Между тѣмъ Флорію велитъ позвать Аскальоне и Парменьона, Менедона и Массалина, и сообщаетъ имъ о своемъ рѣшеніи, въ которомъ никто не разубѣдитъ его: онъ отправится на поиски Бьянчиѳоре; гдѣ она, онъ не знаетъ, но ея красота ее объявитъ. Онъ проситъ ихъ сопутство-

вать ему, старика Аскальоне—быть ихъ руководителемъ, и тотъ готовъ спуститься съ Флорію хотя бы въ мрачное царство Плутона. Когда всѣ согласились, онъ объявляетъ обо всемъ отцу: дозволить ли онъ, или нѣтъ, онъ все-таки поѣдетъ. Тотъ уже рѣшилъ предоставить его — его судьбѣ; пусть беретъ казну, которую дали ему за Бьянчиьоре, сколько хочетъ отъ его сокровищъ, и прежде всего направить путь въ Александрію, куда поѣхали купцы. — Мать проситъ Флорію погодить отъѣздомъ до болѣе благопріятнаго времени, но онъ удивленъ ея просьбой; Вы такъ глубоко оскорбили меня, что я никогда не прощу вамъ. Она даритъ ему при разставаньи перстень, когда-то принадлежавшій Ярбѣ, королю гетулійцевъ: кто его носитъ, всѣмъ будетъ миль, не погибнетъ ни въ водѣ, ни въ огнѣ. — Къ обществу Флорію присоединяется и герцогъ Ферамонге, а Флорію, не желая быть признаннымъ, что помѣшало бы ему въ его поискахъ, велитъ называть себя Фило|коло, отъ греческаго *philos*—любящій и *colos*: 225 трудъ, трудность; никто болѣе не понесъ *трудоу* изъ-за любви, оттуда принятое имъ имя, странная этимологія котораго всецѣло падаетъ на Боккаччо. — Принеся жертвы богамъ, они велѣли корабельщикамъ отвести судно въ гавань Алфеи (Пизы), куда направились верхомъ, ибо рѣка была бурная.

Съ четвертой книги романа начинаются странствованія Флорію-Филоколо. По волѣ судьбы его путь идетъ не прямо, а излучинами: въ Мангю, черезъ Секкію, долину Арно («брата царственнаго Тибра»), къ уединенной долинкѣ, съ дубовымъ лѣсомъ на горѣ, куда удалился Филено, и пристають наши путники, испуганные разливомъ горныхъ водъ. Флорію входитъ въ запущенный храмъ и на алтарѣ, который очищаетъ отъ травы и терній, приносить жертву «незнаемымъ богамъ». И далѣе говорится о «незнаемомъ богѣ», который оказывается, однако, Юпитеромъ. Тихій шорохъ слышится въ храмѣ, точно отъ камешковъ, влекомыхъ потокомъ, и голосъ вѣщаетъ, что Флорію прибудетъ въ Алфею, оттуда, не безъ препятствій, къ Огненному острову (Сицилія) и далѣе туда, гдѣ обрѣтается его милая. «Почти это мѣсто,

ибо отсюда выйдет тотъ, кто въ достойныхъ памяти стихахъ объявить невѣдающимъ твои приключенія, и имя его будетъ полно благодати». Разумѣется имя Иоанна, т. е. Боккаччо, который выйдетъ изъ Чертальдо; и на этотъ разъ, какъ въ началѣ романа, говорится о — стихахъ¹⁾.

Флоріо хочетъ зачерпнуть воды изъ прекраснаго источника, на поверхности котораго видны были двѣ бившія изъ глубины струйки; нѣсколько разъ повелъ онъ въ водѣ чашей, когда воды вздулись, и изъ нихъ послышался голосъ Филено, съ мольбой, не беспокоить его. На вопросъ Флоріо, онъ рассказываетъ исторію своей несчастной любви: онъ тяготился жизнью, и боги услышали его, превративъ въ источникъ. Превращеніе рассказано очень удачно, въ стилѣ Овидія; тѣ струйки исходятъ изъ 226 изъ глазъ Филено, зеленая пелена на водѣ—вуаль | Бьянчифоре. По просьбѣ Филено повѣдать ему, кто онъ, Флоріо называетъ себя Филоколо и рассказываетъ о горѣ, постигшемъ Флоріо; правда, онъ злоумышлялъ противъ тебя, но теперь боги воздали ему, хотя твое бѣгство было ему неприятно. Это были слова утѣшенія, вовсе не выражавшія дѣйствительныхъ чувствъ Флоріо въ пору бѣгства его соперника.

Флоріо бесѣдуетъ съ своими спутниками о видѣнномъ имъ дивѣ; вотъ до чего доводитъ любовь, и счастливъ тотъ, кто, обходясь безъ нея, живетъ добродѣтельно! Онъ хотѣлъ бы еще болѣе почтить боговъ, обновивъ ихъ храмъ, но Аскальоне убѣждаетъ его оставить это до возвращенія; вѣдь боги не ради нашихъ приношеній творятъ намъ благое, имъ только пріятно выраженіе нашей благодарности.

По мановенію «незнаемаго бога» воды спали, путники, добравшись до Алфеи, сѣли на корабль; но враждебная судьба не покидаетъ Флоріо: на пути разыгралась страшная буря. Флоріо сѣтуетъ на Фортуны и боговъ, плачутъ его спутники, одинъ Аскальоне, какъ челоуѣкъ бывалый, утѣшаетъ ихъ; на другой

1) Сл. выше стр. 192.

день вѣтеръ занесъ ихъ корабль въ гавань древней Партенопе (Неаполь). Здѣсь они пристали у одного пріятеля Аскальоне и принуждены пять мѣсяцевъ ждать наступленія благопріятной погоды. Эта проволочка печалитъ Флоріо; онъ ходитъ на берегъ, смотритъ въ ту сторону, гдѣ живетъ его милая; если бы Нептунъ былъ такъ же свирѣпъ къ тѣмъ людямъ, что подошли къ его твердынѣ съ греческимъ огнемъ (греки подъ Трою), они стояли бы тамъ и понынѣ.

Настала весна, солнце вступило въ созвѣздіе Блинецовъ (май), когда Флоріо проснулся однажды подъ впечатлѣніемъ страннаго сна. Аскальоне успокоиваетъ его, приглашаетъ развлечься; они идутъ гулять и привлечены въ общество Фьямметты, вершающей въ саду вопросы любви. Какъ содержаніе сна, такъ и весь эпизодъ любовныхъ вопросовъ принадлежатъ автобіографіи Боккаччо и съ этой точки зрѣнія разобраны были выше¹⁾. |

Можетъ быть, еще и другими подробностями этого эпизода 227 слѣдуетъ воспользоваться для біографическихъ цѣлей. Боккаччо увидѣлъ Фьямметту въ апрѣлѣ 1338 года; вскорѣ послѣ того она попросила его пересказать для нея приключенія Флоріо и Бьянчифоре, и онъ принялся за дѣло; любовныя бесѣды романа, въ которыхъ Галеоне-Боккаччо еще является въ нѣмомъ, ожидательномъ созерцаніи своей милой, отнесены, повидимому, къ тому же времени: къ маю («когда Титанъ находился въ объятіяхъ Кастора и Поллукса»²⁾). Непосредственно за тѣмъ Флоріо отправляется въ путь; въ маѣ, очевидно, слѣдующаго года (судя по тому, что снова упоминаются мартъ и апрѣль), онъ проникаетъ въ башню къ Бьянчифоре³⁾, десять мѣсяцевъ спустя, въ мартѣ, когда Фебъ только-что вступилъ въ созвѣздіе Овна, онъ помышляетъ о возвращеніи, и, вѣроятно, въ томъ же мѣсяцѣ, либо въ апрѣлѣ, мы встрѣчаемъ его снова въ Неанолѣ, на этотъ разъ

1) Сл. стр. 162 слѣд.

2) *Filosofo*, II, стр. 22.

3) *Ив.*, стр. 149, 169.

съ освобожденной имъ Бьянчифьоре¹⁾. Если взять за точку отправления апрѣль 1338 года, это было бы въ мартѣ или апрѣлѣ 1340; именно въ апрѣлѣ этого года Боккаччо могъ покинуть Неаполь²⁾; между апрѣлемъ 1338-го и мартомъ-апрѣлемъ 1340-го года прошла любовь Боккаччо, и совершился его разрывъ съ Фьямметтой, о которой Галеоне уже рассказываетъ вернушемуся Флоріо. Мы увидимъ далѣе, что онъ сопутствуетъ Флоріо на его пути домой и остается тамъ, гдѣ впоследствии возникъ — Чергальдо. Онъ и безымянный странникъ въ эпизодѣ о Филеано³⁾ — двойники Боккаччо.

Разумѣется, наша хронологія приближительная, основанная на предположеніи, что въ рассказѣ Боккаччо автобиографическіе мотивы смѣшаны съ унаслѣдованными изъ его источника. Мѣсяць май, когда родились герои его романа, для нихъ роковой, оттого | и посѣщеніе спящей Бьянчифьоре ея милымъ также приурочено къ маю. Боккаччо могъ воспроизвести въ этой подробности эпизодъ своей любви, не внося своей личной хронологіи: его ночное свиданіе съ Фьямметтой было въ октябрѣ⁴⁾ или сентябрѣ⁵⁾. Тѣмъ не менѣе въ его числовыхъ указаніяхъ есть прочныя пункты, если любовныя бесѣды Филоколо отнести, вмѣстѣ съ нами, къ маю 1338-го года.

Но вернемся къ роману. Любовныя бесѣды кончились, Фьямметта говоритъ, что рѣшала вопросы, какъ умѣла, рѣшенія болѣе мудрыя пусть дадутъ аѳинскіе философы. Уже солнце склонялось къ западу, когда, снявъ съ себя лавровый вѣнокъ, она положила его на мѣсто, гдѣ сидѣла, со словами: Я оставляю здѣсь вѣнецъ — мой и вашъ почетъ, — пока мы снова не явимся сюда для бесѣды. — Затѣмъ всѣ присоединились къ остальному обществу и веселились, пока не наступила ночь, и всѣ пошли въ го-

1) Ib., стр. 231 слѣд.

2) Сл. выше стр. 159.

3) Сл. выше стр. 16f—2, 193.

4) Сл. выше стр. 154.

5) *Amorosa Visione*, XLIV, 21; XLVI, 6.

родъ. Прощаясь съ Фьямметтой, Флоріо завѣряетъ ее, что будъ онъ свободенъ, онъ отдался бы ей, но и теперь воспламененъ ея доблестями, насколько его бѣдное сердце доступно другому чувству. Ночью любовные вопросы и красота Фьямметты не даютъ ему покоя, — и тревожатъ мысли о Бьянчифоре. Проходить еще нѣсколько дней ожиданія, которые Флоріо коротааетъ, посѣщая окрестности древняго Неаполя. Однажды, сидя въ саду, онъ замечтался: его грѣзы напоминаютъ вѣщій сонъ послѣ бѣсѣды съ Филено¹⁾; съ такими же, какъ и тамъ, мотивами Любовнаго Видѣнія и дантовской символики. На тихомъ морѣ ладья, въ ней съ одной стороны четыре женщины, которыхъ Флоріо какъ-будто уже видѣлъ; къ сторонѣ кормы три, еще болѣе красивыя, но совсѣмъ ему незнакомыя; мачта высится до неба, не трогаясь, какъ ни колеблется судно. Его зовутъ, и онъ входитъ и садится съ первой группой; видитъ, какая-то женщина, злобнаго вида, съ завязанными глазами, уцѣпилась сна-ружки за ладью и, кажется, готова потопить ее. Онъ страшится, ²²⁹ но ему говорятъ: не бойся. Тогда онъ начинаетъ разглядывать своихъ сосѣдокъ: одна въ одеждѣ какъ бы чистѣйшаго золота, на головѣ черный вуаль, въ правой рукѣ зеркало, въ которое она смотрится, въ лѣвой книга; другая — въ одеждѣ огненнаго цвѣта, подъ бѣлымъ покрываломъ, въ одной рукѣ у нея острый мечъ, другой она опирается на сломанное копье. Платье третьей блеститъ, какъ алмазъ, лѣвой ногой она вращаетъ громадный шаръ, на которомъ изображены земля, и море, и царства, и климаты; на все она смотритъ одинаково равнодушно, въ ея десницѣ — царскій скипетръ. Наконецъ, четвертая облечена въ цвѣтъ фіалки, на ней простой вуаль, правая рука на груди, указательный палецъ лѣвой приставленъ ко рту; казалось, всѣ остальные руководились ея желаніемъ. Флоріо любо быть съ ними; вдругъ на кормѣ показался роскошно одѣтый юноша, у него на рукахъ красавица, обнаженная и сильно горевавшая. Флоріо чудится,

1) См. выше стр. 218—219.

что это Бьянчиьоре, что юноша зоветъ его: Видишь ли какую тревогу ты ей причиняешь? Онъ едва въ состоянїи удержаться, чтобы не броситься къ ней; зачѣмъ позвали вы меня? спрашиваетъ онъ своихъ собесѣдницъ, а онѣ что-то говорятъ ему, но онъ ничего не понимаетъ, такъ его мысль занята Бьянчиьоре. И вотъ онъ съ нею, она радостно привѣтствуетъ его, но тутъ поднялась страшная буря, изъ устъ того чудовища, чтó держалось за бортъ судна, раздался громовой голосъ, и вѣтеръ, поднявшись, снесъ въ какое-то мрачное мѣсто и Флоріо, и Бьянчиьоре, и юношу. Они предаются плачу, когда внезапно снова очутились на ладѣ, море успокоилось, лицо страшнаго призрака предстало не гнѣвнымъ, а веселымъ. Съ его согласія Флоріо снова садится къ тѣмъ четыремъ женщинамъ, а какой-то величавый, вѣнчаный старецъ объясняетъ ему, кто три незнакомыя ему дѣвы, и мнится Флоріо, что онъ сгораешь желаніемъ познать ихъ всецѣло. Тогда въ чудесномъ сіяніи сходитъ съ неба лучезарная жена, въ рукахъ у нея золотой сосудъ съ чудесной влагой, которой она омыла Флоріо. Его зрѣніе изошрилось, онъ сталъ |
 30 лучше разумѣть, какъ мірское, такъ и небесное, любитъ то и другое по достоинству, дивуется тому и видитъ себя и Бьянчиьоре въ обществѣ трехъ дѣвъ: одна изъ нихъ казалась огненной, другая зеленѣе изумруда, третья превосходитъ бѣлизною снѣгъ. Ведомая ими, его ладья паритъ въ высоту, тогда какъ другія четыре женщины, оставшіяся на морѣ, поднимаютъ ее снизу. Онъ очутился въ области боговъ, познаётъ движенія и влїянія небесныхъ свѣтилъ и неизреченную славу, исходящую отъ лица Юпитера.

Аскальоне и Парменьоне едва могли расшевелить Флоріо, чтобы вывести его изъ области мечтаній. Пора въ путь! корабельщики зовутъ насъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, еще не было столь благоприятной погоды!

Видѣніе Флоріо приготовляетъ насъ къ тѣмъ аллегорическимъ поэмамъ, въ которыхъ наиболѣе ясно сказалось у Боккаччо внѣшнее усвоеніе дантовскаго стиля. Амето написанъ въ

1340—1 годахъ, когда Филоколо, можетъ быть, еще не былъ оконченъ¹⁾; Любовное Видѣніе вышло въ 1342-мъ вмѣстѣ съ Филоколо, вѣроятно, позже его. Именно отношенія аллегорической сцены въ послѣднемъ романѣ къ соответствующему эпизоду Любовнаго Видѣнія позволяютъ предположить такую послѣдовательность. Начнемъ съ мотивовъ, навѣянныхъ Данте. Въ 29-й пѣснѣ Чистилища ему видится чудесная процессія: грифъ везетъ торжественную колесницу, у праваго колеса движутся въ пляскѣ три женщины: одна такая красная, что ее едва можно было бы разглядѣть и въ огнѣ, у другой тѣло и кости точно изъ изумруда, третья бѣла, какъ снѣгъ. Это три богословскія добродѣтели: Любовь, Надежда и Вѣра. У лѣваго колеса четыре женскихъ фигуры, одѣтыя въ пурпуръ; это основныя житейскія добродѣтели: впереди Благоразуміе, съ тремя глазами на челѣ, за нею Правосудіе, Умѣренность и Крѣпость. Слѣдуетъ въ 30-й пѣснѣ явленіе небесной Беатриче въ облакѣ цвѣтовъ; въ 31-й — Матильда | омываетъ Данте въ водахъ Леты и ведетъ къ сонму четырехъ 231 дѣвъ; мы здѣсь нимфы, говорятъ онѣ, въ небѣ мы звѣзды; прежде, чѣмъ Беатриче объявилась въ мірѣ, мы были представлены ей прислужницами; мы поведемъ тебя къ ней, а тѣ три, болѣе насъ проникающія въ глубь, изощрятъ твои глаза, дабы ты могъ лицезрѣть ее. — Отмѣтимъ одинъ еще дантовскій мотивъ изъ Vita Nuova: образъ Амура, держащаго на рукахъ спящую Беатриче; онъ будитъ ее и питаетъ сердцемъ поэта; ея радость обращается въ горе: откинувшись на руки Амура, она горько плачетъ, и оба уносятся въ небо.

Вотъ какими матерьялами воспользовался Боккаччо для фантазмагоріи Флоріо. Его герою издавна знакомы четыре женщины, чтó сидѣли у носа ладьи: очевидно, житейскія добродѣтели, только-что Боккаччо обставилъ ихъ болѣе вычурными атрибутами, чѣмъ Данте. Флоріо любитъ, но Фортуна (грозящая потопить судно) гнѣвается на него: когда онъ бросается къ призраку

1) Сл. выше стр. 193.

Бьянчиѳоре, падаетъ въ пучину, — и затѣмъ онъ снова на кораблѣ, вмѣстѣ съ милой, въ обществѣ тѣхъ женъ, ибо Фортуна ему улыбнулась. До сихъ поръ все въ видѣніи логично и прозрачно: Флоріо соединится съ Бьянчиѳоре. Что слѣдуетъ далѣе, представляется какъ бы аллегорическимъ привѣскомъ: и проповѣдь старца, вѣщающаго о трехъ божественныхъ добродѣтеляхъ, — ибо это онѣ, съ тѣми же символическими признаками, что и у Данте; и явленіе небесной жены, и вознесеніе на небо. Передъ нами одна изъ попытокъ Боккаччо увѣнчать небеснымъ ореоломъ житейскую любовь; въ Амето онъ вернется къ тому же вопросу, семь добродѣтелей предстанутъ намъ нимфами; въ Любовномъ Видѣніи матеріалы фантазмагоріи тѣ же, но авторъ владѣетъ ими свободнѣе. Я имѣю въ виду описаніе фонтана съ четырьмя аллегорическими фигурами, поддерживающими его чашу, и тремя другими, стоящими посреди нея на колоннѣ. Вы ожидаете обычныхъ группъ — житейскихъ и богословскихъ добродѣтелей, но развѣ первыхъ можно усмотрѣть въ сидящихъ 232 женахъ, окруженныхъ своеобразной символикой; | что до трехъ, стоящихъ на колоннѣ, онѣ объявятся послѣ, какъ три вида любви. Боккаччо избралъ земную — и не позналъ небеснаго просвѣтлѣнія, которое сулилъ Флоріо.

Флоріо съ товарищами отправляются въ дальнѣйшій путь; пристали къ Сициліи, и здѣсь судьба направляетъ Флоріо въ сосѣдство съ Сизифой, у которой останавливалась и Бьянчиѳоре. Однажды, выглянувъ изъ окна, она увидѣла его грустнаго, сидѣвшаго напротивъ ея дома на камнѣ изъ древняго мрамора. Онъ поразилъ ее своимъ сходствомъ съ Бьянчиѳоре; не по ней ли онъ груститъ? И, сойдя внизъ, она спрашиваетъ его: Скажи мнѣ, почему ты такъ печаленъ, что всѣхъ, кто ни поглядитъ на тебя, разбираетъ жалость? Флоріо закупленъ ея красотой и состраданіемъ, какъ Данте при видѣ *donna gentile* (*Vita Nuova*), и рассказываетъ ей о себѣ и Бьянчиѳоре; вотъ уже болѣе семи мѣсяцевъ, какъ онъ ее ищетъ; себя онъ зоветъ Филоколо, Бьянчиѳоре — своей сестрой. Сизифа говоритъ, что мѣсяцевъ шесть

тому назадъ два ея родственника провезли здѣсь Бьянчифьоре; она сильно плакалась о своемъ миломъ Флоріо. — Я хорошо его знаю, замѣчаетъ Филоколо: онъ любилъ ее съ дѣтства и долженъ былъ жениться на ней, но судьба помѣшала. Тогда Сизифа объясняетъ ему, что купцы повезли ее въ Родосъ, затѣмъ въ Александрію; пусть обратится къ нимъ отъ ея имени, это можетъ быть ему полезнымъ.

Путь къ Родосу описанъ подробно, съ указаніемъ мѣстностей, мимо которыхъ слѣдовали путники. Въ Родосѣ они останавливаются у Беллизана, пріютившаго у себя передъ тѣмъ и Бьянчифьоре. Онъ старый знакомый Аскальоне, съ которымъ вмѣстѣ служилъ въ Римѣ, и многимъ обязанъ отцу Бьянчифьоре. Онъ прослезился, когда ему рассказали объ ея судьбѣ; если бъ онъ призналъ ее, отдалъ бы все, что у него есть, чтобы выкупить ее у купцовъ; теперь, несмотря на свои годы, онъ предлагаетъ путникамъ сопровождать ихъ въ Александрію. Здѣсь они пристають у большого пріятеля Беллизана, Дарія, которому и открываются по прошествіи нѣсколькихъ дней, прося совѣта. — Велика твоя | сила въ людяхъ, о свѣтило, украшающее третье небо! восклицаетъ Дарій; до чего довело ты Медею и Дидону, Деяниру и другихъ! Всему этому поневолѣ повѣришь на примѣрѣ Филоколо. — И онъ рассказываетъ, что ему — и намъ извѣстно о судьбѣ Бьянчифьоре: ее купилъ эмиръ; каждыя десять лѣтъ онъ обязанъ представлять властителю Вавилона, въ видѣ дани, кромѣ большой казны, сто дѣвушекъ-красавицъ. Бьянчифьоре попала въ это число; теперь она живетъ въ башнѣ, чудеса которой напоминаютъ диковинки дворца баснословнаго пресвитера Іоанна, идеализовавшія византійскую придворную дѣйствительность, и западныхъ повѣстей, повторявшихъ подробности греческихъ. Въ башнѣ сто прекрасныхъ покоевъ; двадцать четыре порфировыхъ столба поддерживаютъ одну изъ залъ, иные изъ нихъ такъ прозрачны, что сквозь нихъ все видно; на стѣнахъ изображенія древнихъ дѣяній боговъ и предковъ эмира; и столы и утварь — все изъ золота. А изъ числа ста покоевъ нѣтъ краше того, что

отведенъ Бьянчиѳоре: нѣтъ человѣка, какъ бы ни былъ онъ печаленъ, который не повеселѣлъ бы, полюбывшись на потолокъ, хитро украшенный сапфирами, изумрудами и другими драгоценными камнями. Противъ входной двери на колоннѣ, сіяющей точно пламя, статуя обнаженнаго Амура, съ большими золотыми крыльями, лукомъ и стрѣлами; онъ какъ бы готовится метнуть стрѣлу; его глаза не завязаны, въ каждомъ изъ нихъ по карбункулу; они разливаютъ въ комнатѣ точно солнечный цвѣтъ. По угламъ четыре золотыхъ дерева, съ плодами изъ изумрудовъ, жемчуга и другихъ драгоценныхъ камней; стоитъ ударить тростью по стволу, какъ раздастся сладкогласное пѣніе всевозможныхъ птицъ. Здѣсь покоится Бьянчиѳоре на ложѣ изъ слоновой кости, поддерживаемомъ четырьмя золотыми львами. — А на верху башни разведенъ прелестный садъ, съ прозрачнымъ источникомъ и диковиннымъ деревомъ, никогда не теряющимъ ни листьевъ, ни плодовъ; говорятъ, оно посажено было здѣсь Діаной и Церерой. Когда эмиръ желаетъ испытать дѣвственность какой-нибудь изъ живущихъ у него красавиць, ведетъ ее на |
234 зарѣ подъ то дерево; если она соблюла цѣломудріе, на нее упадетъ цвѣтокъ, вода объявится еще болѣе чистой и прозрачной; иначе она замутится, и цвѣтокъ не спадетъ. Изъ башни ни одна дѣвушка не можетъ выйти, ихъ сторожитъ евнухъ-арабъ, по имени Садокъ, съ нимъ служилые люди, никого не пускающіе на пространнѣй лугъ передъ башней.

Дарій кончилъ свой рассказъ среди общаго молчанія. Передъ Флоріо три пути, говоритъ онъ: либо вымолить Бьянчиѳоре у эмира, либо похитить ее силой, либо хитрымъ образомъ войти въ дружбу со сторожемъ башни, что всего лучше: онъ надмененъ и жаденъ, любитъ болѣе всего на свѣтѣ играть — и выигрывать въ шахматы; пусть Флоріо подладится къ нему, затѣетъ съ нимъ игру, закупить его подарками; когда онъ сдружится съ нимъ, видно будетъ, что далѣе предпринять, лишь бы все это осталось между нами тайной. Когда кончились совѣщанія, Филоколо начинаеть раздумывать о слышанномъ; онъ и радъ и страшится,

припоминая прошлыя опасности и представляя себѣ будущія. Въ немъ начинается борьба между благоразуміемъ и любовью; послѣдняя одерживаетъ верхъ, но благоразуміе выступаетъ слишкомъ откровенно и назойливо въ спорѣ съ чувствомъ, и душевныя колебанія выражаются въ риторическихъ формахъ, не отвѣчающихъ настроенію психическаго момента. О безумецъ, до чего довела тебя любовь—къ женщинѣ! говоритъ себѣ Флорію; развѣ мыслимо любить другого болѣе себя? Всякая благоразумная любовь начинается съ себялюбія. — Но оно есть у меня, отвѣчаетъ другой Флорію. — Нѣтъ, иначе ты не подвергалъ бы такимъ опасностямъ свою жизнь. — Я не погибну, отвѣчаетъ голосъ. — Но кто же увѣрилъ тебя въ этомъ? — Бесѣда продолжается далѣе, Флорію двоится между да и нѣтъ: полюбить другую — но это немислимо; а что если Бьянчифьоре бросила его для другого? Возможно ли представить себѣ, чтобы купцы не взяли съ нея поцѣлуя — и большаго, чтобъ у эмира не было особыхъ причинъ, почему онъ такъ дорожить ею? — Изъ этой внутренней распри Флорію выходитъ побѣдителемъ: у него явилась рѣшимость; онъ |
 молитъ боговъ о помощи, поднявъ лицо, и ему кажется, онъ видитъ 235
 Бьянчифьоре на рукахъ у Венеры: она смотритъ печально, будто слышала рѣчи Флорію, и его самого разбираетъ и жалость и стыдъ.

Долгое время ему не удастся приступить къ дѣлу; онъ ходитъ поглядѣть на тюрьму Бьянчифьоре, смотритъ на нее издали съ вышки Даріева дома. Такъ прошло время до той поры, когда Фебъ вступилъ въ созвѣздіе Овна (мартъ), и любовныя чувства Флорію разгорѣлись, какъ разгорѣлась любовью вся природа. Однажды, въ апрѣлѣ, Флорію выѣхалъ по обычаю къ башнѣ; женская фигура показалась въ окнѣ; ему кажется, что это Бьянчифьоре, и онъ отпустилъ узду и своему желанію и коню, который принесъ его къ самой башнѣ; онъ обнимаетъ и цѣлуетъ ея стѣны, ибо онъ сторожатъ его милую. Когда Садокъ выбѣжалъ къ нему съ палицей въ рукахъ, Флорію страшится его угрозъ, но память о Бьянчифьоре его поддержала: онъ извиняется, говоритъ, что выѣхалъ на охоту, его соколъ улетѣлъ на башню, а

корзина поднята подъ ея окно; Флоріо ослышался, вообразилъ, что его приметъ Бьянчиѳоре, и открылъ лицо; испуганная Глориція испустила пронзительный крикъ, но, признавъ Флоріо, снова прикрыла его. Дѣвушкамъ, сбѣжавшимся на крикъ, она говорить, что испугана была птичкой, выпорхнувшей изъ корзины, и одна, съ помощью невидимой богини, переносить ее въ покой Бьянчиѳоре. Пошли разспросы, пока Глориція не убѣдилась окончательно, что передъ нею Флоріо. Онъ хотѣлъ бы тотчасъ же свидѣться съ своей милой, но это немислимо: она выдала бы себя; пока Флоріо долженъ ограничиться тѣмъ, что изъ сосѣдней комнаты можетъ наблюдать, что будетъ происходить въ этой, куда къ Бьянчиѳоре придугъ ея товарки, а когда наступитъ ночь, Глориція спрячетъ его у ложа Бьянчиѳоре, за опущеннымъ пологомъ; пусть дождется, пока она заснетъ.

Оставивъ Флоріо, Глориція идетъ къ Бьянчиѳоре. Она лежитъ на постели ничкомъ, предаваясь грустнымъ мыслямъ: вѣдь это день рожденія ея и Флоріо! Живъ ли онъ, не забылъ ли меня? Глориція утѣшаетъ ее; ей былъ сонъ, будто Флоріо явился сюда, въ одеждѣ цвѣта алой розы, и говорить, показывая на |
238 спавшую Бьянчиѳоре: Не могу я жить безъ моего сердца, оно у ней. — Эти рѣчи ободрили дѣвушку, которая бросается на шею Глориціи; вскорѣ явились и ея товарки; Флоріо все видитъ изъ сосѣдней комнаты, его прежняя страсть разгорѣлась. Знаешь ли ты, Бьянчиѳоре, что я здѣсь? Отчего же не снѣшишь ты въ мои объятія? Какого бы страху набрались мой неправедный отецъ, моя жестокая мать, если бъ знали, въ какой опасности я обрѣтаюсь изъ-за тебя!

Когда дѣвушки удалились, Бьянчиѳоре и Глориція долго еще бесѣдуютъ о Флоріо, а Бьянчиѳоре осыпаетъ поцѣлуями подаренный имъ кушакъ. Желала ли бы ты, чтобы Флоріо былъ съ тобою? спрашиваетъ ее Глориція. Бьянчиѳоре испустила глубокий вздохъ; будь я свободна, говорить она, я не побоялась бы пойти искать его по всему свѣту; не знаю, сдѣлалъ ли бы онъ то же для меня; разумѣется, я не хотѣла бы, чтобъ онъ под-

вергся опасности, но если бы онъ былъ теперь со мною, смерть была бы мнѣ нипочемъ. Знаешь ли, что съ тѣхъ поръ, какъ ты рассказала мнѣ о своемъ снѣ, сердце у меня забилось, лишь только я вошла въ эту комнату, и все мнѣ кажется, что Флоріо— здѣсь. Я увѣрена, что онъ меня ищетъ.

Сонъ Глориціи не даетъ ей покоя и позже, когда она легла спать. Она плачетъ и причитываетъ: О, если бы боги дозволили мнѣ и тебѣ, чего не досталось намъ до сихъ поръ! О, если бы ты былъ теперь въ моихъ объятіяхъ! Развѣ хорошо робкой дѣвушкѣ спать одной на столь просторномъ ложѣ? Я вся горю; помоги мнѣ, о Венера, дай мнѣ увидѣть его хотя бы въ сновидѣніи! Вотъ, я засыпаю и жажду обнять мое желанное благо.

Филоколо все это слышитъ, и ему не разъ приходитъ мысль объявить себя. Когда она заснула, онъ ложится къ ней; въ комнатѣ свѣтло отъ карбункуловъ, какъ днемъ, но Бьянчифьоре не просыпается, ей снится, что она съ Флоріо. Онъ любитъ ея прелестями, боится разбудить ее и тихо зоветъ. Когда она наконецъ очулась съ словами: Кто отнялъ тебя у меня, душа моя! она готова закричать, увидѣвъ себя въ объятіяхъ Флоріо, | но, признавъ его, приходитъ въ неописанную радость. Теперь ²³⁹ не время рассказывать, какъ я попалъ сюда, говоритъ Флоріо, забудемъ прошлыя опасности. Бьянчифьоре озабочена предстоящей; спрашиваетъ Флоріо, при немъ ли ея перстень; узнавъ, что онъ съ нимъ, она увѣрилась, что правдиво было обѣщаніе короля Феличе—выдать ее по прошествіи года за именитѣйшаго барона его царства. Тотъ перстень будетъ имъ вѣнчальнымъ; оба идутъ къ статуѣ Амура и молятся, колѣнопреклонясь: пусть будетъ онъ имъ Гименеемъ, ихъ Юноной. Глаза Амура засіяли, его лицо прояснилось, когда въ его присутствіи Флоріо обручился съ Бьянчифьоре, и она поцѣловала его, какъ супруга. Она зоветъ Глорицію; та пришла, точно ничего не знала; какъ намъ отпраздновать такую свадьбу безъ музыки? говоритъ она; здѣсь нѣтъ ни гидравлическихъ органовъ, ни кнѳаристовъ; она стучитъ тростью по механическимъ деревьямъ, и раздалась сладкая ме-

лодія. Когда совершился бракъ, въ покоѣ засіяли свѣточн, зажженные не человѣческой рукой, явились Гименей и Венера и Діана, они радуются союзу, увѣнчавшему столь долгое цѣломудріе. — Бьянчиѳоре рассказываетъ Флорію, чѣмъ была для нея статуя Амура: она любила представлять себѣ, будто это — Флорію, называла ее этимъ именемъ, вѣнчала, цѣловала ее, повѣряла свои желанія.

Мы уже знаемъ, что вся сцена ночного посѣщенія Флорію спящей Бьянчиѳоре — отрывокъ изъ любовной автобіографіи Боккаччо; обрученіе передъ статуей Амура напоминаетъ третью новеллу 2-го дня и 8-ю десятаго; слѣдующее за тѣмъ неожиданное появленіе эмира и обреченіе на костеръ — рассказъ о Джьянни изъ Прочиды¹⁾.

Прошла еще такая же ночь, когда Фортуна еще разъ обратилась противъ влюбленныхъ, учинивъ имъ бѣльшій страхъ, чѣмъ когда-либо. На третье утро послѣ того, какъ Флорію проникъ въ башню, явился туда, влекомый неяснымъ желаніемъ, |
240 печальный эмиръ; мы въ первый разъ узнаемъ по этому поводу, что онъ, готовившій Бьянчиѳоре въ подарокъ султану, самъ страстно влюбленъ въ нее. Заставъ ее въ объятіяхъ Флорію, онъ приходитъ въ страшный гнѣвъ, готовъ поразить ихъ, но Венера невидимо принимаетъ на себя его удары, и онъ самъ отложилъ свое намѣреніе убить двухъ спящихъ. По его приказанію они, обнаженные и связанные, спущены съ башни тѣмъ самымъ путемъ, какимъ подняты были цвѣты. Въ башнѣ поднялось движеніе: дѣвушки оплакиваютъ Бьянчиѳоре и, поглядѣвъ на красоту Флорію, извиняютъ ея вину; на поляну сбѣжалось множество народа посмотреть на двухъ молодыхъ людей, которыхъ эмиръ велитъ продержатъ нѣкоторое время подвѣшенными, а затѣмъ спустить; они осуждены на костеръ. Флорію сдерживаетъ слезы, Бьянчиѳоре плачетъ, какъ чреватый влагой воздухъ обильно орошаетъ землю, когда Фебъ обрѣтается въ со-

1) Декамеронъ, V, 6.

звѣздѣн Льва; каждый изъ нихъ винить самого себя, снимая отвѣтственность съ другого; Флоріо клянетъ отца и мать, Бьянчифьоре—свою роковую красоту, оказывающуюся для нея гибельной¹⁾: Флоріо невиненъ, онъ поступилъ, какъ велѣлъ ему Амуръ, а я, преступная, не соблюла моего долга эмиру, которому подчинила меня судьба, и родители Флоріо, вина меня въ его смерти, будутъ преслѣдовать меня и въ царствѣ мрачныхъ тѣней.

Два ливійца, черные и свирѣпые, Иркутскомось и Флаганей, зажгли педалеко отъ башни два костра; Флоріо проситъ, чтобъ ихъ обоихъ возвели на одинъ, и имъ умереть бы вмѣстѣ. Иркутскомось притворился, что не слышалъ этой просьбы, жалость ему незнакома; Флаганей соглашается коварно. Сѣтованія Бьянчифьоре о Флоріо на кострѣ и у него вызываютъ слезы; она не хочетъ взять у Флоріо перстень, оберегающій отъ пламени; они обнимаются, и перстень спасаетъ ихъ обоихъ, приходятъ на помощь и боги: Венера отводитъ отъ нихъ дымъ на тѣхъ, что стояли кругомъ, и, объявившись влюбленнымъ, говоритъ, что это послѣдняя ихъ невзгода, близокъ конецъ страданій, въ знакъ 241 чего она оставляетъ въ ихъ рукахъ вѣтку оливы. Напрасно исполнители казни гонятъ своихъ служителей къ огню и въ дымъ, велятъ поразить Флоріо и Бьянчифьоре стрѣлами; ихъ не видно, и стрѣлы до нихъ не доходятъ.

Между тѣмъ Аскальоне, обезпоенному отсутствіемъ Флоріо, снится, будто среди терній и крапивы онъ видитъ изрѣзанныхъ, обнаженныхъ Флоріо и Бьянчифьоре; они молятъ о помощи; видятъ ихъ затѣмъ на кострѣ. Проснувшись, онъ совѣтуется съ друзьями, хочетъ отправиться къ Садоку — узнать, что случилось съ Филоколо, когда и до нихъ дошла вѣсть, что Бьянчифьоре и какой-то юноша обречены на сожженіе. Они еще не успѣли согласиться, что предпринять, когда среди нихъ явился молодой, высокій ростомъ и страшный видомъ всадникъ. Что же вы медлите? спрашиваетъ онъ ихъ; слѣдуйте за мною, надо поскорѣе

1) См. то же о красотѣ Алатіэль, Декамеронъ, II, 7.

освободить Филоколо. Никто не призналъ въ юношѣ Марса, но лишь только слышали имя Флоріо, всё, какъ безъ памяти, кинулись къ оружію; такъ бѣшено мечутся быки, почувявъ ударъ тяжелой палицы.

Подъ башней происходитъ схватка; сравненія слѣдуютъ одно за другимъ: Иркускомось — точно вепрь среди охотничьихъ псовъ, Аскальоне, ошеломленный, поднимается свирѣпо, какъ левъ, увидѣвшій собственную кровь; при видѣ Марса всё враги бѣгутъ, какъ передъ силой южнаго вѣтра несетя легкій песокъ.

Вся долина опустѣла; Филоколо слышитъ, что шумъ стихъ, и окликаетъ подѣхавшихъ къ костру товарищей. Бьянчиѳоре узнала Аскальоне по голосу, она болѣе жаждетъ его лицезрѣнія, чѣмъ костеръ — ихъ смерти. Она и Флоріо еще окутаны дымомъ.

Когда Иркускомось, у котораго отрублена рука, явился къ эмиру съ рассказомъ о необычайныхъ происшествіяхъ подъ башней, тотъ пришелъ въ ярость: велитъ вооруженнымъ людямъ слѣдовать за нимъ на поляну, по у входа въ нее ихъ кони помчались обратно, у всадниковъ волосы стали дыбомъ, какъ то бываетъ съ богачомъ купцомъ, когда въ лѣсу онъ завидитъ разбойниковъ. Эмиръ догадывается, въ чемъ дѣло: Неладно я сдѣлалъ, говоритъ онъ себѣ, осудивъ безъ вопроса молодыхъ людей. Лишь когда онъ вступилъ на поляну безоружный, въ бѣлой одеждѣ, съ вѣткой оливы въ рукахъ, прося мира, доступъ оказался свободнымъ. Будь спокоенъ, отвѣчаетъ ему Аскальоне, вели освободить связанныхъ тобою, верни ихъ отъ безславія къ славѣ и соблюди миръ, коли не желаешь навлечь гнѣвъ боговъ и нашъ. Эмиръ посылаетъ безоружныхъ людей разсѣять дымъ, по Венера уже позаботилась объ этомъ, и молодые люди предстали передъ всѣми, свѣжіе, какъ роза, сорванная утромъ по росѣ. Ихъ облакаютъ въ драгоценныя одежды, и всё вмѣстѣ ѣдутъ въ городъ; на вопросъ эмира, Флоріо считаетъ возможнымъ открыться: ставъ «паломникомъ любви»¹⁾, онъ измѣнилъ свое

1) Ст. Filocolo, II, стр. 262: о Боккаччо, любовникѣ Alleiram.

имя въ Филоколо; онъ рассказываетъ, кто онъ, и какъ, наученный волшебнымъ хитростямъ своей матерью, которой боги открыли, чему научили Медю, онъ прилетѣлъ въ башню Бьянчиѳоре и соединился съ нею въ томъ образѣ, въ какомъ Юпитеръ сочелся съ Ледой. — Такой выдумкой Флоріо, очевидно, выгораживалъ Садока. — Эмиръ приходитъ въ восторгъ: онъ дядя Флоріо по матери; отчего не открылся онъ ему ранѣе! Садокъ и Глориція, схваченные, освобождены; на другой день приносятъ жертвы богамъ, и, по соглашенію съ Флоріо, эмиръ устраиваетъ брачное торжество, чтобы увѣнчать имъ тайный союзъ. На пиру многіе изъ спутниковъ Флоріо, когда-то поклявшіеся надъ павлиномъ за столомъ короля Феличе, исполняютъ свое обѣщаніе, и въ числѣ другихъ является и подарокъ Садока: кубокъ, отданный за Бьянчиѳоре.

Между тѣмъ, какъ все это происходило, родители Флоріо жили въ слезахъ и печали; съ ними вмѣстѣ печалится и ихъ народъ. Былъ мѣсяцъ мартъ, десятый съ той поры, какъ Флоріо добылъ свою Бьянчиѳоре, когда онъ вспомнилъ объ оставленныхъ отцѣ и матери. Онъ снаряжается въ обратный путь; когда онъ отправлялся на поиски за своей милой, его паруса и одежда 243 были темнаго, фіолетоваго цвѣта, теперь то и другое бѣлое: мотивъ изъ разказовъ о Тезеѣ и Тристанѣ. По пути они останавливаются въ Родосѣ у Беллизана и въ Сициліи у Сизифы; изъ Неаполя Флоріо отправляетъ часть своихъ людей въ Марморину съ вѣстью о своемъ возвращеніи, а самъ остается, чтобы прислушаться къ автобіографическимъ откровеніямъ Идалага и превращенныхъ нимфъ и утѣшить Галеоне-Боккаччо, огорченнаго своимъ разрывомъ съ Фьямметтой ¹⁾. Филоколо обѣщаетъ Галеоне быть кормчимъ его ладьи, привести къ тихой гавани, и Галеоне отдается ему, провожаетъ его на дальнѣйшемъ пути и остается правителемъ ново-основаннаго города, въ которомъ легко признать Чергальдо. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего

1) Сл. выше стр. 55—6, 77, 112, 165—167, 229.

біографическаго, кромѣ развѣ той черты, что возвращеніе Галеоне въ Тоскану отвѣтило огъзду Боккаччо изъ Неаполя; вмѣстѣ съ тѣмъ мы покидаемъ и почву той романтической канвы, которой Боккаччо слѣдовалъ до сихъ поръ, украшая ее эпизодами антикварнаго и личнаго характера. Весь копецъ V-й книги представляетъ риторическую разработку двухъ-трехъ мотивовъ основнаго разсказа, полную длиннотъ и причудливыхъ маршрутовъ и случайно связанныхъ эпизодовъ. Боккаччо хотѣлось до-сказать безъ остатка исторію всѣхъ лицъ, выведенныхъ имъ въ романѣ, и онъ затормозилъ его движеніе утомительной обстоятельностью.

Филоколо начинаеть тосковать по роднымъ и отиравается въ путь черезъ Каписъ (Капую), Теано, Сульмону¹⁾; ночь застаеть ихъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то сѣтовалъ Филено, обращенный въ источникъ, а теперъ совершается его обратная метаморфоза. Скажи мнѣ правду, о чемъ я тебя спрошу, говоритъ Флоріо Бьянчиѳоре: любила ли ты когда-либо Филено? Вспоминаешь ли о немъ? Бьянчиѳоре зардѣлась, но мракъ ночи |
 244 покрылъ ея румянецъ: Флоріо знаетъ всю правду; если ей жалко Филено, то не по любви, а потому, что онъ пострадалъ безвинно. Флоріо обѣщаетъ вернуть ему человѣческій образъ, о томъ же молятъ его и Менедонъ; голосъ изъ источника говоритъ, что боги навѣрно совершили бы это чудо, если бы Флоріо вернулъ свое расположеніе Филено. И чѣмъ я въ сущности провинился, спрашиваетъ онъ, играя софизмомъ: вѣдь я любилъ не дѣвушку, къ которой Флоріо былъ бы расположенъ враждебно, а ту, которую онъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ. — Флоріо согласенъ вернуть ему свою дружбу и поручаетъ Бьянчиѳоре повѣдать о томъ источнику; лишь только ея образъ въ немъ отразился, какъ его обычное волненіе прекратилось, и въ нѣжномъ колыханіи воды послышался голосъ, благодарившій боговъ, что та, кто была причиной его незаслуженнаго страданія, явилась вѣстницей и

1) Сл. выше стр. 17.

его спасенія. И воды стали сгущаться, и въ нихъ обрисовался человѣческій образъ: передъ всѣми предсталъ Филено; красота Бьянчифьоре показала ему обольстительнѣй прежняго, и онъ рѣшился любить ее попрежнему, тайно, ибо безъ этого чувства его жизнь не имѣетъ цѣны.

Къ этому эпизоду, доводящему до конца исторію Филено, примыкаетъ другой, посторонній: рассказъ объ основаніи Чертальдо. Путники слышатъ крики и видятъ страшное зрѣлище, изображенное съ нѣскольکو комическимъ шаржемъ: на берегахъ небольшой рѣчки сошлись съ той и другой стороны нестройныя толпы; вмѣсто палатокъ у нихъ вѣтви дерева, дающія имъ тѣнь; они вооружены палками, щитами изъ древесной коры, пращами и луками, стрѣлы которыхъ заострены при помощи ножа, небольшими мечами, которые гнулись при ударѣ, и копьями изъ тростника; у нихъ нѣтъ ни шлемовъ, ни копей, знамя у одной толпы бѣлое съ краснымъ, у другой — того же цвѣта въ обратномъ порядкѣ; красный цвѣтъ добытъ, очевидно, изъ овечьей крови. Это два народца, Калоны и Чиреты, одни выходцы изъ Фьезоле вмѣстѣ съ Катилиной, другіе пришли сюда позже, когда Аттила разорилъ Флоренцію. Между старыми и новыми поселенцами происходитъ | постоянная распря изъ-за земель, и ежегодно они 245 сходятся здѣсь для боя: кто кого вытѣснить. Флоріо видитъ ихъ схватку среди рѣчки, достигавшей имъ до пояса, потѣшается ихъ неумѣlostью, — и вмѣстѣ съ тѣмъ его разобрала жалость: онъ хочетъ помирить ихъ и соединить, построить имъ городъ, дать мудраго правителя. Съ этой цѣлью онъ держитъ рѣчь ихъ представителямъ, обѣщая имъ плоды міра и культуры; тѣ не знаютъ, что отвѣтить, пожимаютъ плечами, но закуплены обѣщаніями, готовы сдѣлать все, что онъ прикажетъ. Миръ заключенъ въ храмъ клятвенно; Галеоне указываетъ на дубовый лѣсъ, *cerreto*, гдѣ быть новому городу, Чертальдо, и вѣковыя деревья падаютъ подъ ударами топора; Флоріо первый приложилъ руки, помолвившись богамъ, обитавшимъ въ лѣсу, простить его святотатство: онъ уготовилъ имъ лучшее обиталище.

Эта культурная картинка прерывается неожиданно: мы на географической широтѣ Чертальядо, на пути къ Веронѣ, а Глоринци вдругъ вспомнился Римъ, и она уговариваетъ Бьянчиѳоре посѣтить его: тамъ ея родина, памятники римской старины. Бьянчиѳоре согласна, если на то согласенъ ея Флоріо; но она не хочетъ отвлекать его отъ желанія увидаться съ родителями; поѣздку въ Римъ можно отложить. Ночью ей предстала въ видѣннѣ величавая жена, аллегорія Рима: въ одной рукѣ у ней вѣтка оливы, въ другой золотая держава, два грифа, казалось, уносятъ ее къ звѣздамъ, подъ ногами глобусъ съ изображеніемъ всѣхъ странъ свѣта. По сторонамъ Рима двѣ аллегорическія фигуры, очевидно, папа и императоръ: одинъ — старикъ, съ ключами въ рукахъ, возсѣдающій на агницѣ, другой — юноша, сидящій на львѣ, съ орломъ на одной рукѣ, мечомъ въ другой, которымъ онъ чертитъ что-то на глобусѣ, что подъ ногами у аллегорической жены; сіяніе отъ его вѣнца, отражается и на ней и на старцѣ, а жена говоритъ: Я твой Римъ, приди къ твоему благу и къ благу мужа.

Когда Бьянчиѳоре рассказала объ этомъ Флоріо, онъ рѣшается ѣхать: обвелъ плугомъ, запряженнымъ быками, городскую черту, а постросніе города и культуру ея жителей представляетъ Галеоне. Мы знаемъ, что Галеоне или Калеоне — прозвище, которое усвоилъ себѣ Боккаччо; не по связи ли съ Калонами, древними аборигенами Чертальядо? Ты любишь жестокосердую красавицу и не любимъ, говоритъ ему Флоріо; заботы отвлекутъ тебя отъ любовныхъ мыслей, и именно такія, какія тебѣ предстоятъ: если бы я далъ тебѣ управлять народомъ болѣе благоустроеннымъ и мирнымъ, тебя это не тревожило бы, и ты остался бы при своихъ думамъ; на разныя болѣзни у медика разные пластыри. — И Галеоне остается устраивать городъ: выводитъ стѣны и башни и дома, даетъ законы и покрой одежды, обращаетъ однихъ къ изученію свободныхъ искусствъ, другихъ — къ ремесламъ. Городъ выросъ на мѣстѣ пустыря; не отсюда ли аллегорическое названіе, которое дается въ этомъ эпизодѣ Чер-

тальдо: Calosire, въ возможномъ греческомъ толкованіи: прекрасный вертоградъ? Городъ вскорѣ разросся, по вполсѣдствіи роковымъ образомъ подпалъ власти другого правителя.

Между тѣмъ Флоріо съ товарищами остановились въ Римѣ въ гостиницѣ, у древняго Неронова дворца, а затѣмъ въ домѣ Менилія Африкана, признавашаго Аскальоне и унросившаго ихъ переѣхать къ нему. Менилій оказывается братомъ Лелія, отца Бьянчиѳоре; пристыженный его радушнымъ пріемомъ, Аскальоне упрекаетъ себя, что не обнаружилъ достаточнаго мужества, когда дѣло шло о погребеніи его друга Лелія, и мало приходилъ на помощь Юліи и Бьянчиѳоре. Онъ наказываетъ Глориціи не говорить Бьянчиѳоре, кто ея хозяйева, и, открывъ это Флоріо, совѣтуетъ ему уѣхать отъ возможной бѣды, если узнаютъ, кто они. Флоріо въ восторгѣ, узнавъ, какого высокаго рода его жена, гнѣвно напоминаетъ Аскальоне, что онъ когда-то говорилъ о Бьянчиѳоре, и не хочетъ удалиться, не помирившись съ ея родственниками. Аскальоне совѣтуетъ обождать и скрывать, пока онъ не найдетъ случая все уладить. Кромѣ Менилія у Бьянчиѳоре оказывается еще другой дядя, Квинтилій, и тетка Клелія. |

Однажды, осматривая достопримѣчательности Рима, Флоріо 247 и Менедонъ зашли въ храмъ, украшенный именемъ того, кто первый проповѣдывалъ въ пустынѣ покаяніе, возвѣщая близость царства небеснаго. Это соборъ св. Іоанна въ Латеранѣ. Здѣсь они поражены изображеніемъ распятаго Спасителя, не зная, что это такое. Былъ тамъ священникъ, старикъ Иларій, изъ хорошаго аонинскаго рода, пришедшій въ Римъ вмѣстѣ съ патриціемъ римскимъ Беллизаномъ, сыномъ императора Юстиньяна, недавно обращеннаго въ лоно католичества папой Агапетомъ. Къ нему-то и обратился за объясненіемъ Филоколо; тотъ пораженъ, узнавъ, что они язычники, недоумѣваетъ, какъ они здѣсь, велитъ имъ выйти, чтобы не осквернять храма.—Но чѣмъ же мы виноваты, что не вѣдаемъ твоего закона? спрашиваетъ Филоколо; если бы я внялъ ему, можетъ быть, оставилъ бы свой. Тогда Иларій

излагаетъ имъ въ длинномъ поученіи суть библейско-христіанской исторіи въ связи съ исторіей другихъ царствъ, располагая то и другое по шести вѣкамъ, до сошествія св. Духа и проповѣди христіанства. Интересно, что ни въ этомъ поученіи, ни въ символѣ вѣры, который Иларій преподаетъ имъ нѣсколько дней спустя, рядомъ съ другими именами Библии и Евангелія нѣтъ имени І. Христа: говорится лишь о Сынѣ Божіемъ, тогда какъ Плутонъ и Юпитеръ выражаютъ понятія Бога и дьявола. — Филоколо и Менедонъ уже обращены и готовы креститься, только хотятъ переговорить съ своими товарищами, которые тотчасъ же склоняются на краснорѣчивыя убѣжденія Филоколо, равно какъ Аскальоне и Бьянчифьоре; первый давно хотѣлъ обратиться въ христіанство и не дѣлалъ того лишь по вялости духа, а Бьянчифьоре наставила на путь истины ея святая тетка Кледія. — Прежде чѣмъ креститься, Филоколо бесѣдуетъ съ Иларіемъ наединѣ, рассказываетъ о себѣ и Бьянчифьоре, отъ которой у него шестилѣтній сынъ Лелій, и проситъ уладить его миръ съ родственниками жены. Дивится его разсказу Иларій и обнадеживаетъ его: онъ пріятель Квинтилія, подѣйствуетъ на патриція Беллизана и папу Вигилія. — Позвавъ къ себѣ Квинтилія и Менилія, Иларій говоритъ имъ, что слышалъ, будто бы, отъ какого-то испанца, о судьбѣ ихъ племянницы, и что ея мужъ очень ихъ любитъ и желалъ бы явиться къ нимъ, если бъ былъ увѣренъ, что они не захотятъ отомстить на немъ смерть брата. Онъ представляетъ выгоды мира, не перечая ихъ чести, и они по нѣкоторомъ колебаніи соглашаются, въ чемъ и клянутся Иларію. А онъ велитъ Филоколо и его спутникамъ выбратъся куда-нибудь поблизости отъ Рима, чтобы имъ можно было явиться — будто изъ Испаніи. Они уѣзжаютъ въ Альбу. Въ назначенный день двѣ торжественныхъ процессіи двинулись навстрѣчу другъ другу, одна изъ Альбы, другая изъ Рима; Менилій и Квинтилій удивлены, узнавъ въ пріѣзжихъ своихъ гостей, которыхъ у воротъ города встрѣчаетъ папа Вигилій; его коня ведутъ Тиберій и Беллизанъ, сынъ императора; та же идеальная связь имперіи и

папства, что и въ видѣніи Бьянчифьоре. Поѣздъ направляется въ храмъ св. Іоанна, гдѣ совершается крещеніе Филоколо и его спутниковъ, и Флоріо снова принимаетъ свое имя.

Глориція также разыскала своихъ родныхъ, которые не признаютъ ее, и вынуждена почти насильно навязаться имъ: Что это ты говоришь! кричитъ она на брата; не завираюсь я; знаю я, слава Богу, что изъ числа женщинъ я принадлежу къ скромнѣйшимъ! — Призналъ ее полузрячій старикъ отецъ; Боккаччо нашелъ возможнымъ пристроить ее замужъ за ея бывшаго жениха, успѣвшаго жениться на другой и овдовѣть. — Аскальоне умираетъ и горячо оплакавъ Флоріо, которому папа показываетъ христіанскія святыни и мощи Рима и котораго напутствуетъ, отправивъ съ нимъ и Иларія, для проповѣди христіанства. Флоріо посылаетъ сказать отцу, что явится къ нему лишь подъ условіемъ, если и онъ приметъ его вѣру. Старый король, который все еще не знаетъ высокаго происхожденія Бьянчифьоре и продолжаетъ злоумышлять противъ нея, приходитъ въ обычную ярость, клянетъ сына, забывшаго благодѣтельныхъ боговъ; я молилъ объ его рожденіи, а мнѣ слѣдовало бы прибавить частицу и къ моему имени: Felice (счастливый): съ тѣхъ поръ, какъ онъ родился, я несчастенъ (Infelice). Онъ мой худшій врагъ, пусть никогда не является мнѣ на глаза. — Послы Флоріо уже хотятъ идти съ этою отповѣдью, но королева упрасиваетъ ихъ не передавать ея сыну: пусть явится, отецъ смягчится, лишь только его увидитъ. И самъ король проситъ ихъ о томъ же: онъ готовъ все сдѣлать, ночью ему былъ голосъ того, «кто все можетъ», онъ грозилъ ему страшными карами. — Флоріо вѣзжаетъ въ Морморину въ бѣлой одеждѣ, не въ фіолетовой, въ которой удалился въ знакъ печали; отецъ обрадованъ царственнымъ происхожденіемъ снохи; всѣ принимаютъ христіанство; Сарра и Массалипъ являются исполнить то, что посулили Бьянчифьоре, когда клялись надъ павлиномъ. Флоріо счастливъ, одаряетъ и отпускаетъ на покой своихъ спутниковъ и проводитъ зиму, рассказывая своимъ о своихъ приключеніяхъ, рисуя тростью планъ башни Садока и т. д.

Весной у него явилось желаніе посѣтить святыню св. Іакова, куда не удалось доѣхать Лелію и Юлію; съ ними ѣдутъ старый король и королева, остающіеся въ Кордовѣ, тогда какъ остальные отправляются далѣе. На пути въ долину бѣлѣются кости, какой-то конюшій говоритъ Флорію, что здѣсь пале Лелій со своими; путники остановились, разбили шатры, начинаютъ собирать кости, но какъ отобрать останки римлянъ отъ звѣриныхъ? Ночью Бьянчифоре видитъ во снѣ отца и мать: Лелій указываетъ ей, гдѣ онъ погребенъ, а кости римлянъ они узнаютъ по красному сіянію, которое отличить ихъ отъ другихъ¹⁾. Отбери наши кости, вѣщаетъ Лелій, и схорони въ Римѣ вмѣстѣ съ моимъ тѣломъ и тѣломъ Юліи, которое вы возьмете въ Мраморинѣ. — Такъ Флорію и сдѣлалъ. — Въ Римѣ до него дошла вѣсть, что отецъ его при смерти; оставивъ Бьянчифоре, онъ спѣшилъ въ Кордову, гдѣ на смертномъ ложѣ отецъ долго и пространно наставляетъ его въ обязанностяхъ правителя, по категоріямъ грѣховъ, которыхъ надо остерегаться (гордость, гнѣвъ, зависть, любостыжаніе, нерадѣніе, чревоугодіе, сладострастіе), и желательныхъ добродѣтелей (благоразуміе, правосудіе, крѣпость духа, умѣренность, милосердіе). Пусть молится по душѣ его, столь его любившей, что изъ-за него она нерѣдко бывала внѣ себя.

Романъ кончается воцареніемъ и вѣнчаніемъ Флорію и Бьянчифоре, при которомъ присутствуютъ Галеоне и Филено и другіе участники разсказа. Всѣ разъѣзжаются, а Иларій, вернувшись въ Римъ, пишетъ по-гречески о приключеніяхъ молодого короля, счастливо зажившаго съ своей супругой.

Въ заключеніе авторъ обращается къ своей книжкѣ (*riccolo mio libretto*), которая была ему утѣхой въ теченіе многихъ лѣтъ: ты кончена, и тебѣ будетъ лучшей наградой, если прекрасная и доблестная дама, чье имя начертано на твоемъ челѣ, возьметъ

1) Это напоминаетъ разсказъ *Kaiserchronik* и житія св. Трочима о чудѣ, бывшемъ Карлу Великому подъ Арлемъ; см. еще *D'Ancona, Il Tesoro di Brunetto Latini versificato, Roma, 1888, стр. 132.*

а слѣдуй за нею издали, поклоняясь ея слѣдамъ; если зависть омрачить тебя, она надеть, и по моей смерти тебѣ еще воздадутъ достойныя хвалы. — Боккаччо присоединилъ къ имени *Виргилія* имя *Флорентинца Данте*.

Послѣднее слово романа, какъ и первыя страницы, обращены къ *Фьямметтѣ*: она охладѣла къ *Боккаччо*, но онъ все еще на что-то надѣется, какъ *Идалагъ*, и любить ея и молить ограничиться любовью *одного*.

Нашъ подробный анализъ *Филоколо*, старавшійся передать порой литературныя приемы *Боккаччо*, но негнушавшійся длиннотъ, далеко не отвѣчаетъ его поэтическому достоинству. Мы не говоримъ о поэзіи древней легенды, а о томъ, чѣмъ она стала у *Боккаччо*, загроможденная автобіографическими эпизодами, рѣчами и видѣніями и миѳологическою ученостью. Что поражаетъ прежде всего — это странная неряшливость композиціи въ тѣхъ частяхъ, которыя принадлежатъ самому *Боккаччо*: вспомнимъ маршрутъ скитающагося *Филена*, странный для автора географическаго сочиненія *De Montibus* и т. д., сумѣвшаго точно описать путь *Филоколо* изъ *Сициліи* въ *Родось*; вспомнимъ возвращеніе *Флоріо* изъ *Чертальдо* въ *Римъ*, когда путь его лежалъ [252 на *Марморину-Верону*: въ *Чертальдо* надо было приурочить эпизодъ о превращеніи *Филена* въ человѣка и рассказъ о построеніи города. *Боккаччо* писалъ свою книгу нѣсколько лѣтъ: она была ему утѣхой, поскольку вызывала воспоминанія о *Фьямметтѣ* и — автобіографическіе эпизоды, но къ сюжету онъ охладѣлъ, и цѣльность исчезла. Изъ короткой пѣсни о любви двухъ молодыхъ людей подъ его руками выросла книга, въ четыре или пять разъ превышавшая размѣры любой изъ поэмъ, воспѣвавшихъ до него похождения *Флоріо* и *Бьянчифоре*; въ какомъ бы видѣ ни затѣянъ былъ впервые пересказъ, вызванный просьбой *Фьямметты*, то, что вышло, очевидно не лежало въ его первоначальномъ планѣ: сюжетъ средневѣковаго романа проникнутъ матеріалами автобіографіи и обработанъ по приемамъ и средствами классической эпопеи. Все это производитъ впечатлѣніе чего-то

и эпизодамъ въ *Чертальдо*. Такъ создавалась причудливая географія *Филоколо*, которой авторъ, очевидно, не смущался, какъ не смущался и историческими несообразностями, которыхъ самъ былъ виною. Арабскій король *Фелпче* царитъ отъ *Севилян* и *Кордовы* до *Вероны*; его народъ — язычники, но ихъ боги римскіе, классическіе, тогда какъ въ *Александріи* и *Вавилонѣ* властвуютъ эмиръ и султанъ, а Римъ представляется *Боккаччо*, вспомнившаго здѣсь *Данте*¹⁾, подвластнымъ императору *Юстиньяну* и папѣ *Вигилію*. На этой фантастической сценѣ разыгрывается сюжетъ рыцарскаго романа, который *Боккаччо* развиваетъ, вводя новыя лица, мотивы и подробности; мы не говоримъ здѣсь о новыхъ, совершенно постороннихъ дѣйствио-эпизодахъ. Среднимъ вѣкамъ принадлежитъ здѣсь не многое: на похвалѣ за столомъ короля *Фелпче*²⁾ указано было выше; когда посланный *Венерой* *Амуръ* впервые вселилъ въ *Флоріо* и *Бьянчифоре* неизвѣстное имъ дотогѣ желаніе, и они смущены и удивлены невѣдомымъ чувствомъ, — это напоминаетъ извѣстную сцену, когда подъ вліяніемъ любовнаго напитка *Тристанъ* и *Изольда* внезапно возгораются другъ къ другу страстью. Имя *Садока* также принадлежитъ французскимъ романамъ. — Сравнительно съ средневѣковою, классическая древность дала *Боккаччо* наибольшія средства развитія, тогда какъ въ прежнихъ обработкахъ романа указанія на нее не выходятъ за общій средневѣковой уровень, въ родѣ «книги *Овидія*», по которой *Флоріо* и *Бьянчифоре* учатся любить. Если вообще *Боккаччо* повысилъ (какъ и въ *Филострато*) культурную среду своего оригинала, и даже лица, у которыхъ пристаеетъ *Флоріо* во время своихъ странствованій, обратились изъ гостиниковъ въ почтенныхъ и именитыхъ людей, то именно внесенію классической окраски надо приписать сознательно поднятый тонъ всего разсказа. Положенія и лица по возможности ороманизованы: рядомъ съ *Садокомъ*,

1) *Parad.*, VI, 13—18 слѣд.

2) Сл. выше стр. 206 слѣд.

Менаабомъ и немногими другими, преобладаютъ римскія имена; дѣйствующія лица цигуютъ непрерывно примѣры классической мудрости и доблести, хорошо свѣдуши въ мифологii и исторii; иныя сцены, вычитанныя изъ римскихъ поэтовъ, безъ труда укладывались въ эту псевдоклассическую травестию: намъ уже извѣстны источники двухъ эпизодовъ въ Филоколо — объ обителяхъ Ревности и Сна; но подобныхъ навѣянныхъ мотивовъ представляется нѣсколько. Разказъ о мнимомъ взятii Марморины¹⁾ является подражанiемъ *Virgiliu* въ эпизодѣ о разрушенii Трои и др.²⁾; въ сценахъ битвы Лелiя и Феличе встрѣчается рядъ *virgiliевскихъ* воспоминанiй. Юлiя, отыскивающая на полѣ тѣло мужа³⁾, напоминаетъ *Argiu* Стацiя⁴⁾, ищущую тѣло Полиника; Венера, посылающая Амура возжечь любовь въ молодыхъ людяхъ⁵⁾, — сходную сцену *Энеиды*⁶⁾; *Бьянчифоре*⁷⁾ сѣтуетъ, какъ | *Дидона*⁸⁾; какъ у *Virgiliя* Венера является сыну, чтобы вру- 255
чить ему оружье, скованное *Вулканомъ*⁹⁾, такъ у *Боккаччо*¹⁰⁾ она отдаетъ его *Флорiо*; такими же классическими параллелями¹¹⁾ навѣяна сцена, когда *Флорiо* и *Аскальоне* посвящаютъ свое оружье *Марсу* въ его храмѣ¹²⁾. Красный, окруженный огненнымъ заревомъ *Марсъ* — обобщенiе древняго образа¹³⁾.

1) *Filos.*, I, 20 слѣд.

2) *Aen.*, II.

3) *Filos.*, I, 54.

4) *Thebaid.*, XII, 280 слѣд.; сл. *ib.*, 105 слѣд. и III, 133 слѣд.

5) *Filos.*, I, 54.

6) I, 657 слѣд.

7) I, 105 слѣд.

8) IV, 304 слѣд. Слезы — вешнiя воды, *Filocolo*, II, 191; сл. *Statii Thebaid.*, IX, 193—5.

9) *Aen.*, VIII, 608 слѣд.

10) *Filos.*, I, 151.

11) *Aen.*, VII, 183, XI, 5—11; *Thebaid.*, II, 704 слѣд.

12) *Filos.*, I, 207—8.

13) *Aen.*, XII, 332: *Sanguineus Mavors*; *Statii Theb.*, III, 225—6: *clipeique cruenta* — *Lux*. — *Бьянчифоре* представляетъ себѣ, что статуя Амура — ея *Филоколо*; она поступала, какъ египетскiй *Ксирофанъ* (*qual Sirofane Egiziano fece del perduto figliuolo*, *Filos.*, II, 184). Сл. у *Овидiя* (*Heroid.*, XIII, 151 слѣд.) *Лаодамию* и *ласки*, которыя она расточаетъ восковому изображенiю своего мужа *Протезилая*.

тѣснѣ: легенда о Персеѣ, поразившемъ Горгону и вознесшемся на небо, изобразить вознесеніе Спасителя, поправшаго дьявола. Библейское прообразованіе дало форму новому, классическому.

Мы выразились о Филоколо, что это романъ въ формахъ эпопеи, только написанный прозой. Ни въ чемъ этотъ замыселъ не выразился такъ ясно, какъ въ разбѣрахъ, которые Боккаччо даетъ вмѣшательству боговъ. Размышленія о Фортунѣ, встрѣчающіяся на всемъ протяженіи романа, не указываютъ необходимо на гуманистическіе источники; введеніе боговъ, какъ силъ, руководящихъ человѣческими дѣйствіями, прямо относитъ насъ къ типамъ Виргилія и Гомера. Боккаччо хорошо помнитъ «гнѣвъ богини» и не разъ пользуется имъ, забывая разницу между интересомъ, который должны были возбуждать, и въ богахъ и въ людяхъ, событія Троянской войны—и участь двухъ юныхъ любовниковъ. Мы поймемъ отчасти замыселъ введенія, гдѣ Юнона, явившись къ своему намѣстнику и Алекто¹⁾, обрушиваетъ свой гнѣвъ на неблагодарныхъ троянцевъ (Гогенштау- 257 фены), но когда все дѣйствіе романа обусловлено распрей Юпитера и Плутона и, далѣе, противоположностью Венеры и Марса—и оскорбленной Діаны, это производитъ впечатлѣніе картины, исчезающей въ своей рамѣ. Все это водительство боговъ принадлежитъ вымыслу Боккаччо: старыя поэмы о Флоріо его не знаютъ, и можно ожидать, что такое перенесеніе ввысь, на Венеру и Діану, мотивовъ дѣйствія невыгодно отразится на психологіи дѣйствующихъ лицъ. Но уже въ оригиналѣ Боккаччо они, въ сущности, недѣятельны, отданы одному роковому чувству, предоставлены судьбѣ, случаю, помощи волшебнаго перстня; вмѣсто энергіи у нихъ героизмъ выносливости. Боккаччо оставалось лишь развить этотъ типъ; въ немъ онъ выразилъ свое пониманіе любви, съ ея плотскою страстностью, которую возбуждаетъ весенняя пора²⁾, и неловкими порывами къ небесному идеалу;

1) Сл. Аен., I, 50 слѣд.; VII, 323 слѣд.

2) Сл. Filoc., I, 122, II, 149.

одна сторона чувства всегда оставалась ему закрытой: юная, наивная стадія любви, неясной въ своихъ вождельніяхъ, полной восторговъ и безилотной поэзіи. Такъ поняли начинающуюся любовь Флоріо и Бьянчиѳоре авторы французской и нѣмецкой поэмъ; герои Боккаччо почти дѣти, затѣмъ юноши, но періодъ безсознательности быстро минуетъ для нихъ съ посѣщеніемъ посланнаго Венерой Амура, и они становятся не по лѣтамъ, какъ-то старчески сознательны: Бьянчиѳоре серьезно говоритъ, что она и Флоріо пропустили случай насладиться конечными восторгами любви ¹⁾, страстно призываетъ къ себѣ милаго въ ночь передъ посѣщеніемъ въ башнѣ ²⁾; чувство уходитъ въ риторику и софизмъ; Флоріо силлогизируетъ между да и нѣтъ, прежде чѣмъ рѣшится проникнуть къ милой ³⁾; самъ едва не подавшись оболещеніямъ другихъ красавицъ, онъ страстно ревнуетъ Бьянчиѳоре (напомнимъ лишь эпизодъ о Филено), а |
 258 она ревнуетъ его къ полунагимъ красавицамъ Монторіо, грозитъ откусить носъ у своей соперницы ⁴⁾, и сама богиня Рима, представшая ей въ видѣніи, возбуждаетъ въ ней ревнивое чувство ⁵⁾. Ко всему этому не идетъ ни аллегорическое видѣніе Флоріо передъ отъѣздомъ изъ Неаполя, кончающееся въ небѣ ⁶⁾, ни его желаніе уразумѣть мірское и небесное и научиться любить то и другое по достоинству: неосуществимое желаніе, издавна тревожившее Боккаччо ⁷⁾; ни рѣшимость Филено — любить безнадежно, ибо это облагораживаетъ его ⁸⁾.

Вокругъ двухъ главныхъ героевъ Боккаччо сгруппироваль другіе эпизоды любви: Филено и эмиръ пылаютъ къ Бьянчиѳоре, даже вражда сенешаля, ничѣмъ не мотивированная въ другихъ

1) I, 103, 316.

2) II, 176—177.

3) II, 145 слѣд.

4) I, 113.

5) II, 297—8.

6) II, 121 слѣд.

7) Сл. выше стр. 231—232 и 111 (письмо отъ 28 іюля 1338 года).

8) Filos., II, 284.

гося въ немъ человѣчнаго чувства; Глориція и Аскальоне — типы няньки - наперсницы и дядьки - педагога древней комедіи; Аскальоне — добрый и услужливый старикъ, податливый на ту и другую сторону, онъ и христіанства долго не принималъ по вялости, или нерѣшительности. Король и королева любятъ своего сына и ненавидятъ Бьянчиѳоре, потому что она ему неровня; королева — охотница до ковъ, хотя готова расплакаться, когда онъ приводятся въ исполненіе; король, въ постоянномъ пароксизмѣ самодовольства или гигантскаго гнѣва, клянеть сына и Бьянчиѳоре и внезапно успокоивается, узнавъ, что она все-таки именитаго рода. Сынъ отвѣчаетъ ему такими же страстными упреками, которые нерѣдко прерываются заявленіемъ, что Флоріо захотѣлось повидать своихъ стариковъ. Во всемъ много шаржа, свойственнаго психологіи Боккаччо: его герои любятъ и ненавидятъ неистово, быстро переходя отъ одного аффекта къ другому; психическія движенія выражены образно, иногда дословно, }
 260 когда, напр., Флоріо и Бьянчиѳоре падаютъ замертво, закативъ глаза и судорожно сжавъ пальцы ¹⁾; ихъ любовь заразительна, какъ обаяніе Фьямметты на общество, бесѣдовавшее въ саду, какъ печаль Феличе, которую раздѣляетъ весь народъ; когда разнесся слухъ о смерти Бьянчиѳоре, въ городѣ поднялся такой вопль, что не слышно было бы шума борьбы боговъ съ гигантами. Мы въ мірѣ повышенныхъ ощущеній и впечатлѣній, преобладаетъ превосходная степень и постоянный, выдѣляющій слово эпитетъ; въ Декамеронѣ я ощущаю это, какъ манеру, въ Филоколо это идетъ къ общему котурну: тонкія кушанья ²⁾, сухія поля ³⁾, цѣломудренныя объятія ⁴⁾, благопріятныя вѣтры и летящій корабль ⁵⁾, короткая лѣстница и сухіе

1) См. выше стр. 224—226 и Filocolo, I, 318 (con travolti occhi e colle pugna chaise) и 334 (con le pugna serrate e con gli occhi torti).

2) Dilicati cibi, I, 15.

3) Secchi campi, I, 49.

4) Casti abbracciamenti, I, 65.

5) Graziosi venti — volante nave, II, 233.

пески ¹⁾ и т. д. То же въ Ameto: слезливая зима ²⁾, обоняющій ³⁾, не тупой нось ⁴⁾, зубы серебряной бѣлизны, неширокая талія ⁵⁾ и др. Все это — принадлежность эпического стиля, какъ представлялъ его себѣ Боккаччо; той же цѣли отвѣчаетъ накопленіе сравненій ⁶⁾, описаній ⁷⁾, обращеній и молитвъ, рѣчей и назиданій, пророческихъ видѣній и явленій боговъ. Дѣйствіе романа сплошь да рядомъ тормозится этими общими мѣстами и присущей Боккаччо страстью къ обстоятельности: какъ о своихъ герояхъ онъ хочетъ рассказать все, что о нихъ знаетъ, исчерпывая до мелочей всякое положеніе, такъ онъ увлекается темой бесѣды, поученія и, забывая лицо, впадаетъ въ стиль проповѣди на данную тему, полную риторическихъ длиннотъ, ²⁶¹ съ краткими афоризмами вмѣсто точекъ. Снаряжаетъ ли Аскальоне Флоріо на бранный подвигъ, его рѣчь обращается въ поученіе, какъ держаться на поединкѣ ⁸⁾; предсмертное наставленіе Феличе — цѣлый трактатъ о достоинствахъ правителя; не забыть и афоризмъ, когда-то высказанный королемъ сенешалю: что обязанность властителя, если онъ и огорченъ, являть подданнымъ привѣтливое чело ⁹⁾. Рядомъ съ этой противоположностью характеровъ и абстрактной морали — другая: характера и положенія. Юлія не забываетъ своей благовоспитанности даже въ моментъ, когда огорчена смертью мужа, и Аскальоне хочетъ вести ее къ королю.

Всѣ эти недочеты останутся въ извѣстной мѣрѣ и за авторомъ Фьямметты и Декамерона: и шаржъ, и до мелочи выписанные подробности, противорѣчія характеровъ и положеній, харак-

1) II, 234.

2) Ameto, стр. 21.

3) I. с., стр. 31.

4) I. с., стр. 32.

5) I. с., стр. 33.

6) Fіlos., I, стр. 29—31: камень, песь, рѣка, лань и др.

7) Послѣ битвы звѣри сбѣгаются на падалъ, I. с., I, 64 и др.

8) I, 161 слѣд.

9) I, 63; II, 370.

теровъ и общихъ мѣстъ учительнаго содержанія. Въ Декамеронѣ многое сгладится: широкое наблюденіе жизни дастъ перевѣсъ реализму надъ риторикой, поставитъ Боккаччо на почву жанра, новеллы, пристального, любовнаго наблюденія ограниченнаго въ самомъ себѣ житейскаго факта. Къ поэмѣ съ широкимъ планомъ Боккаччо былъ неспособенъ: его Филострато — новелла въ стихахъ, вся новеллистическая часть Филоколо, такъ или иначе связанная съ автобіографіей поэта, рѣзко отличается отъ другой, романической, съ ея вѣшней, причудливой спайкой средневѣковаго и интимнаго. И это противорѣчіе Боккаччо побѣдитъ впоследствии въ поэтическомъ синкретизмѣ своего *Ninfale Fiesolano*. И *Ninfale* и Декамеронъ одинаково вышли изъ безформенныхъ массъ Филоколо. Къ его безформенности прибавимъ и его недодѣланность; неряшливость стиля тамъ и здѣсь, повтореніе одного и того же слова встрѣчаются и въ Декамеронѣ, которому авторъ не успѣлъ дать окончательной отдѣлки; въ Филоколо къ этому |
12 присоединяются очевидныя противорѣчія: на гробницѣ Юліи начертаны слова, что она Цезарева рода, король не могъ не знать этого, какъ зналъ Аскальоне, а между тѣмъ весь романъ держится на противодѣйствіи родителей неравному браку сына. Боккаччо видимо охладѣлъ къ своему роману, куда въ теченіе долгихъ лѣтъ вносилъ свои воспоминанія.

III.

Затѣя эпоса въ прозѣ не удалась, но Филоколо былъ школой для группы поэтическихъ произведеній, раздѣльнѣе и полнѣе разработавшихъ его формальные элементы: дантовскій аллегоризмъ и эпическій матерьялъ древности. Первый сталъ на очередь ранѣе второго, Амето (1340—1)¹⁾ и Любовное Видѣніе (1342) и по времени примыкаютъ къ Филоколо (1342); и

1) Сл. указаніе Боккаччо: что двѣ пятыхъ части 14-аго вѣка уже comprise.

понятно почему: для объективности Тезейды и особливо *Ninfale Fiesolano* Боккаччо еще слишком беспокоенъ, слишком занятъ собою, своими отношеніями къ Фьямметтѣ, создавшими лучшіе эпизоды его *Филоколо*. Онъ переживалъ свои воспоминанія, обвиняя и оправдывая себя, надѣясь и страдая. Особенно тревожитъ его одинъ вопросъ, когда-то поставленный въ обществѣ Фьямметты: о земной, низменной любви, какъ облагораживающей, поднимающей человѣка силѣ. Боккаччо стоялъ тогда на точкѣ зрѣнія трубадуровъ, искалъ оправданія своей реальной страсти въ общемъ мѣстѣ средневѣковой лирики; Фьямметта являлась болѣе разсудительной, рѣзко подѣляя области плоти и духа. Последнее слово осталось за нею¹⁾; это былъ укоръ и разочарованіе, удалявшіе миражъ поэзии и возможность идеализаціи. Боккаччо не можетъ успокоиться на этомъ, для него это вопросъ самоопредѣленія, и онъ отвѣтилъ на него — своимъ *Амето*.

Амето, ἀδμητος — это человѣкъ неразвитой, непосредственно|простодушный, какъ сынъ пустынника въ введеніи къ 4-му дню 263 *Декамерона*, Чимоне въ 1-й новеллѣ V-го дня; наивный, какъ *Дафнисъ* у Лонга, грубый и неотесанный, какъ *Полифемъ* въ идеализаціи *Теокрита* и *Овидія* 2). Суровый циклопъ, надменно кощунствующій надъ олимпійцами, полюбилъ *Галатею* и ощутилъ впервые, что такое любовь. Объятый страстнымъ желаніемъ, онъ пламенѣеть, забывая свои стада и берлоги; начинаетъ заботиться о своей наружности, хочетъ понравиться, расчесываетъ граблями свои всклокоченные волосы, серпомъ обрѣзаетъ бороду и смотрится въ воду, охорашивая свое свирѣпое лицо 3).

1) Сл. выше стр. 170 слѣд.

2) *Metam.*, XIII.

3) 762 *Quid sit amor, sentit, validaque cupidine captus,
Uritur, oblitus pecorum antrorumque suorum.
Jamque tibi formae, jamque est tibi cura placendi,
Jam rigidos pectis rastris, Polypheme, capillos:
Jam libet hirsutam tibi falce recidere barbam
Et spectare feros in aqua et componere vultus.*

Его одинокая, призывная пѣсня къ Галатеѣ — откровеніе свѣжаго, только-что проснушагося чувства. Ты — красавица, поетъ онъ, ты цвѣтешь краше луга, ты выше ольхи, свѣтлѣе кристалла, шаловливѣе молодого козленка, стройнѣе высокаго платана, прозрачнѣе льда, слаще спѣлаго винограда ¹⁾).

Онъ манитъ ее къ себѣ; тебѣ будетъ хорошо: есть у меня для тебя яблоки, тяжело нависшія на сучьяхъ, есть на длинныхъ лозьяхъ гроздья винограда, золотыя и пурпурныя: тѣ и другія я берегу про тебя и т. д. ²⁾).

Для нея припасены у него подарки: лани, зайцы и козлы, пара голубей изъ гнѣзда, добытаго на вершинѣ дерева; нашель я на высокихъ горахъ двухъ мохнатыхъ медвѣжатъ, они будутъ | играть съ тобой; они такъ похожи другъ на друга, что ты ихъ не различишь. Нашель и сказалъ себѣ: припасу я ихъ для моей владычицы ³⁾!

Амето — это овидіевскій Полифемъ, спустившійся къ роли пастуха Виргилиевой эклоги: онъ живетъ въ природѣ, недоступенъ высшимъ порывамъ, пока его не цивилизовала и не просвѣтила любовь; показатель цѣлаго ряда другихъ юношей, также испытавшихъ благое вліяніе любви; въ извѣстной мѣрѣ — самого Боккаччо. Являясь типомъ, отчасти навѣяннымъ литературнымъ преданіемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежитъ флорентійской

1) 790 *Floridior pratis, longa procerior alno,
Splendidior vitro, tenero lascivior haedo. . . .*

794 *Nobilior palma, platano conspectior alta,
Lucidior glacie, matura dulcior uva.*

2) 812 *sunt poma gravantia ramos,
Sunt auro similes longis in vitibus uvae,
Sunt et purpureae: tibi et has servamus, et illas.*

3) 832 *damae leporesque caperque,
Parve columbarum, demptusve cacumine nidus:
Inveni geminos, qui tecum ludere possint,
Inter se similes, vix ut dignoscere possis,
Villosae catulos in summis montibus ursae.
Inveni et dixi: «dominae servabimus istas».*

дѣйствительности: его мать была изъ семьи Нерли, жившихъ по ту сторону Арно ¹⁾; нимфа Лія, которой онъ обязанъ своимъ превращеніемъ, аллегорія Вѣры, родилась во Флоренціи ²⁾; инносказательное онисаніе Боккаччо позволило приблизительно отождествить ее съ дѣйствительнымъ лицомъ, какъ и большую часть другихъ нимфъ, являющихся въ разсказѣ. Боккаччо любитъ поэтическіе перечни красавицъ: уже въ поэмѣ его юношеской поры неаполитанскія красавицы изображены въ аллегорической охотѣ, съ ихъ именами и фамиліями ³⁾, въ *Capitolo* ⁴⁾, написанномъ, вѣроятно, въ началѣ 40-хъ годовъ, передъ поэтомъ, погруженнымъ въ сладостныя мечты любви, Амуръ выводитъ въ пляскѣ двѣнадцать прелестныхъ женщинъ, флорентинокъ, въ среду которыхъ вмѣшалась и Фьямметта: это она «угодила тебѣ стрѣлою въ сердце, оттого и теперь еще ты страдаешь», говоритъ ему Амуръ; «она такъ красива, что тому не повѣритъ никто, | кто не поглядитъ на нее твоими глазами, ибо никому не всмотрѣться столь глубоко». Подобный же перечень встрѣтится намъ и въ *Любовномъ Видѣніи*; Фьямметта, какъ всюду, съ своимъ *pot de guerre*. Въ *Амето* личныя указанія не столь прозрачны: поэтъ ограничивается инносказаніемъ, описаніемъ герба и семейнаго прозвища, мѣста рожденія и т. д.; имена нимфъ вымышленныя, отчасти аллегорическія: Мопса, Эмилиа, Адіона, Акримонія, Агапе, Фьямметта, Лія. Всѣ онѣ влюблены и разсказываютъ о своихъ привязанностяхъ, по виду отнюдь не идеальныхъ, нерѣдко въ откровенномъ тонѣ Декамерона. Молодые люди, взысканные, иногда насильно, этой любовью, дѣлаются отъ нея лучше и выше, потому что всѣ эти любовныя похождения надо понимать аллегорически: передъ нами уже не женщины изъ семьи Торнаквинчи или Борнчелли, а три житейскихъ и четыре богословскихъ добродѣтели: Монса — мудрость или благоразуміе, Эмилиа — справед-

1) *Ameto*, стр. 181—2.

2) *l. c.*, стр. 181.

3) *La Caccia di Diana*, сл. выше стр. 124—125.

4) *Ed. Moutier*, v. XVI, p. 116 слѣд.; сл. *D'Ancona*, *Vita Nuova*, 2-a ed., p. 46.

ливость, Адіона — умѣренность, Акримонія — нравственная крѣпость, Агапе — любовь, Фьямметта — надежда, Ліа — вѣра ¹⁾. Каждая изъ нихъ отдана культу своей богини, но всѣ онѣ възсыканы Венерой — и полюбили: добродѣтель, изощренная любовью, поднимаетъ любимаго человѣка къ откровенію небесной любви, Венеры, объявляющейся въ таинственныхъ чертахъ триипостаснаго Бога.

Такова общая идея Амето, аллегоріи въ формахъ пасторали. Боккаччо подслушалъ эту форму у Виргилія и его подражателей, но воспользовался ею самостоятельно и сталъ родоначальникомъ пасторальнаго романа въ новой Европѣ. Нѣсколько мотивовъ, напоминающихъ романъ Лонга, навѣяны сходствомъ положеній и не вызываютъ вопроса о какихъ бы то ни было неизвѣстныхъ намъ источникахъ, тѣмъ менѣе рассказъ Низами о персидскомъ царевичѣ Бехрамѣ и его семи женахъ, одѣтыхъ каждая въ особый цвѣтъ въ соотвѣтствіи съ одной изъ семи планетъ ²⁾. |

Авторъ начинаетъ съ небольшого введенія (Prologo): разные случайности и превратности судьбы вызываютъ въ сердцахъ смертныхъ множество желаній; вотъ почему одни любятъ слушать про битвы, побѣды и замиренія, другіе — про любовныя приключенія, утѣшаясь рассказомъ о чужомъ горѣ, возбуждаясь къ великому, или къ новой любви — чтеніемъ про старую. Что до автора, онъ станетъ говорить объ Амурѣ, надѣясь, что его не осудятъ тѣ, кто съ должнымъ вниманіемъ отнесется къ прославленію любви, какъ высшей нормѣ и руководительницѣ человѣческой жизни, прославленію, повторяющему восторги Троила ³⁾ и разсужденія Галеоне ⁴⁾. Поэтъ будетъ пѣть про побѣды своего

1) Сл. пѣснь Амето, стр. 194—6.

2) Сл. Italo Pizzi, *l'Ameto persiano*, Giorn stor. della lett. ital., fasc. 49, стр. 81 слѣд., и его книгу: *Le somiglianze e le relazioni tra la poesia persiana e la nostra del Medio Evo* (Torino, 1892). Противъ сближеній автора сл. V. Crescini, *Qualche appunto sopra l'Ameto del Boccaccio*, Padova, 1893 (оттискъ изъ *Atti e Memorie Падуанской академіи*, vol. IX, дѣл. 1, любезно доставленный мнѣ авторомъ).

3) *Filostrato*, III, 74; сл. выше стр. 140—1.

4) *Filostrato*, въ 7-мъ вопросѣ любовной бесѣды; сл. выше стр. 172—173.

вождя, а слѣдовать за нимъ побуждаетъ его женщина, подобной которой по красотѣ не создали своими священными дланями ни природа, ни искусство; станетъ пѣть въ стилѣ, отвѣчающемъ его низменной долѣ, не боясь укоровъ, не какъ поэтъ, а какъ влюбленный. — Въ стихотворной пьесѣ, кончающей введеііе и написанной терцинами, какъ всѣ стихотворныя партіи Амето, авторъ обращается къ Китереѣ и Амуру, прося его «утолить *новое пламя*», которое онъ зажегъ въ его сердцѣ. А ты прелестное созданіе, *donna gentile*, которой душа моя подвластна, даже и въ мукахъ чувствуя себя счастливой, помолись о томъ, чтобы твой служитель могъ достойно воспѣть твою красоту. Я ничего не стою, безъ тебя — еще менѣе; да снизойдетъ на меня твоя помощь, и я покажу, что Юпитеръ поскунился для другихъ на прелести, которыми сіяешь ты и твои подруги, что бесѣдовали съ тобой, подъ тѣнью цвѣтущаго лавра, въ ту сладостную пору, когда поютъ птицы. И вотъ я принимаюсь слагать разсказъ о милыхъ рѣчахъ и веселыхъ забавахъ и чудесномъ спасеніи, совершенномъ вами въ области любви, и ожидаю, что твое наитіе доставитъ хвалу моимъ словамъ, а твоя доблесть вознесется до звѣздъ.

Какое это новое пламя, и какая *donna gentile* возносится до звѣздъ, этотъ вопросъ можетъ быть выясненъ лишь въ концѣ слѣдующаго разбора.

Мѣсто дѣйствія Амето въ Италіи, и именно въ Этруріи, посрединѣ которой поднимается гора, въ древности называвшаяся Коритомъ (нынѣ Фьезоле). На ея склонахъ растетъ густой боръ, который часто посѣщаетъ бродячій охотникъ Амето, чувствуя жертвами фавновъ и дріадъ, точно родичей, а они въ отплату за то посылали ему въ охотѣ удачу. Однажды, нагруженный добычей, онъ остановился отдохнуть въ долину, тамъ, гдѣ замираютъ въ Арно воды Муньоне; разлегся на травѣ, распахнулся, грубой рукою отеръ потъ съ лица, освѣжилъ ротъ, пожевавъ зеленыхъ листьевъ; отдохнувъ, сталъ баловаться со своими псами: кого схватить за морду, кого за хвостъ или за ноги, а тѣ бросаются

на него, играя, вырвать клочекъ его небогатой одежды, а онъ сердится. Вдругъ до него донесся съ рѣчки прелестный голосъ и звуки неслыханной пѣсни. Это боги спустились на землю, думаетъ онъ; я что-то замѣтилъ сегодня, да не повѣрилъ себѣ: въ лѣсу звѣрей было какъ-будто больше, солнце свѣтило ярче, гуще трава и цвѣты. Онъ хочетъ пойти поглядѣть на нихъ, принести имъ въ даръ свою добычу. Укротивъ собакъ ласкою и гнѣвнымъ взоромъ и палкой, онъ начинаетъ прислушиваться, склонивъ голову на лѣвое плечо, затѣмъ, привязавъ псовъ къ дубу, взявъ въ руки суковатую палку и идетъ по направленію голоса. На берегу рѣчки, въ тѣни кустарниковъ, онъ видитъ молодыхъ женщинъ — нимфъ; онѣ отдыхаютъ; инья, въ любимой у Боккаччо позѣ, бродятъ, разувшись, въ водѣ, другія, засучивъ рукава, чистятъ луки и стрѣлы, третьи прислушиваются къ пѣснѣ, которую пѣла одна изъ нихъ. Считая ихъ богинями, Амето попятился и сталъ на колѣни, не зная, что и подумать; когда собаки нимфъ набросились на него, онъ отбивается, полумертвый отъ страха: ему припомнилась судьба Актеона. Нимфы уняли собакъ, радушно |
 8 успокоили Амето, и пѣвица, Лія, снова принялась за пѣсню. Она поетъ про своего отца Кефисса, мать Лиріону и брата Нарцисса, обращеннаго въ цвѣтокъ; онъ погибъ отъ своего жестоко-сердїя, ибо не внималъ ничьей любви; мнѣ же она мила, я хочу быть любимой, продолжаетъ Лія: кто пожелаетъ открыть очи сердца на мою красоту и удержать ее въ нихъ, тому я дамъ вкусить наслажденїя, которое для любящихъ выше знойнаго, сильнаго желанїя, и никогда не будетъ знать печали, кто разумно увлечется моею красою, какъ увлеклись тѣ, которыхъ послѣ долгихъ усилій я возвела на вершину высшаго блага. Мнѣ имя — Лія отъ моего художества, я горю въ томъ пламени, которымъ горитъ гора Цитеры. — Лія понята, вѣроятно, въ связи съ греч. λεία (добыча, особенно охотничья), какъ охотница: Лія-вѣра улавливаетъ души.

Пока пѣлась пѣсня, Амето робкими шагами подошелъ ближе и, оставивъ руки и бороду на посохъ, стоялъ, какъ вкопанный,

заглядѣвшись на пѣвицу; когда пѣсня кончилась, онъ очнулся отъ самозабвенія, какъ человекъ, внезапно разбуженный и не признающій, гдѣ онъ ¹⁾. При видѣ его, подруги Ліи едва удержались отъ смѣха, уже показавшагося въ ихъ глазахъ; Амето едва устоялъ, нѣ говоря ни слова, опустился на траву и весь погрузился въ созерцаніе Ліи, рѣзвившейся на лугу съ товарками. Все въ ней ему нравится; блаженъ тотъ, кому достанется ея любовь, говоритъ онъ себѣ и то считаетъ себя ея достойнымъ, то, принявшись разбирать свой грубый образъ, уличаетъ себя въ смѣлости — и снова возвращается къ первой мысли. Среди такой внутренней борьбы онъ возгорается къ той, которую до тѣхъ поръ никогда не видѣлъ, и чѣмъ яснѣе у него представленіе, что его желаніе не будетъ удовлетворено, тѣмъ сильнѣе онъ его ощущаетъ. Новичекъ и неопытный въ этомъ дѣлѣ, онъ не понимаетъ, откуда взялась у него эта страсть, и что ее возбудило, и, созерцая нимфу, открываетъ незнакомые пути любви и уже начинаетъ догадываться по глазамъ красавицы, что его желаніе встрѣ- 269 чено сочувствіемъ; онъ хочетъ удовлетворить его, но еще болѣе разжигаетъ, пристальнѣе взглядываясь въ тѣ глаза. Такъ, самъ не зная, что творитъ, онъ впиваетъ въ себя незнакомое ему пламя, и какъ огонь, внезапно охвативъ маслянистые предметы, то отхлынетъ отъ нихъ, то снова ихъ охватитъ, такъ приликала и отликала волнами страсть Амето ²⁾. Опъ передумываетъ пѣсню Ліи, ему понятны всѣ ея слова — но что такое Амуръ? Это единственный изъ боговъ, о которомъ онъ не имѣетъ понятія, а она поетъ о немъ, слѣдуетъ за нимъ; пусть онъ откроется ему, дабы онъ могъ угодить той, чьи очи заставили его забыть лѣсныя сѣни, охоту, его лукъ и псовъ. Она одна нравится мнѣ; не это ли Амуръ? Если такъ, она дороже мнѣ всего; если нѣтъ — она все же мнѣ мила. — Тутъ онъ спохватился: вспомнилъ о жестокой власти, которую проявляютъ красавицы, о своей свободѣ. Что же онъ

1) Стр. 14; сл. Dante, Purg., XI, v. 34—6.

2) Сл. выше стр. 186, прим. 2.

намѣревается сдѣлать съ собой? Боги да удалятъ отъ него обуявшую его страсть; она ему не къ лицу, онъ слишкомъ неотесанъ, нѣтъ у него красоты Зевса и Адониса, сокровищъ Мидаса, кивары Орфея. — Брошу я все это, говоритъ онъ себѣ, но поглядѣлъ на Лію, и снова ему захотѣлось понравиться ей: онъ оправилъ волосы, набѣжавшіе на лицо, пригладилъ бороду, привелъ въ порядокъ дырявое платье; упрекаетъ себя въ малодушіи: почему же ему не попытаться? Если самъ я не приглянусь, угрожу дѣломъ: она охотница, я буду ей спутникомъ, стану носить ея оружіе, указывать логовища звѣрей, срывать вѣтки съ густыхъ дубовъ—на вѣнки. У него не разъ является желаніе обясниться, попытать новаго брода, но до того не допустило его свойство новаго властелина, которому онъ отдался; онъ отступилъ назадъ, и лишь загорѣлое лицо не дало разглядѣть на немъ краски стыда. Онъ спѣшитъ къ мѣсту, гдѣ оставилъ свою добычу, и, подбодрившись, скрывая внутреннюю робость, приноситъ ее въ даръ Ліи, бормоча несвязныя рѣчи. Его приняли |
270 въ общество нимфъ, и ни шуточки, ни намеки, которыхъ онъ, быть можетъ, и не понималъ, не заставили его отстать отъ нихъ до самой ночи.

Съ тѣхъ поръ всѣ мысли Амето отданы его нимфѣ; онъ клянетъ долгія ночи, лишь только забрезжетъ свѣтъ, спѣшитъ въ лѣсъ, поджидаетъ нимфъ, охотится съ ними и отдыхаетъ на берегу рѣки. Но настала «плакучая» зима, и его веселье кончилось; описаніе зимы и занятій, которыми влюбленный коротаеть время, исправляя сѣти и охотничій снарядъ ¹⁾, напоминаетъ эпизодъ въ романѣ Лонга, гдѣ Дафнисъ также томится, не видя Хлои. Но вотъ солнце вступило въ созвѣздіе Овна (мартъ), и снова Амето охотится въ лѣсахъ вмѣстѣ съ Ліей и ея подругами. Однажды, долго побродивъ и разыскавъ ее, онъ разлегся на травѣ и принялся пѣть. Его пѣсни напоминаютъ мотивы Овидіева Полифема, стиль тосканскаго stornello, и милый шаржъ ея народ-

1) Стр. 21—3.

ныхъ образовъ и сравненій идетъ къ типу наивнаго Амето: Фебъ поднялся на средину неба, всѣ ищутъ тѣни, одна лишь ты ски-таешься въ солнечныхъ лучахъ. Приди же! «Ты свѣтлѣ стекла, слаще сиѣлаго винограда; я молюсь на тебя въ моемъ сердцѣ, въ которомъ постоянно тебя ощущаю. Какъ пальма поднимается въ высоту, такъ и ты; ты граціознѣ молодого ягненка на паст-бищѣ, милѣ и отраднѣе, чѣмъ студеная вода для усталаго тѣла, чѣмъ огонь для похолодѣвшихъ членовъ. Часто сравнивалъ я твои кудрявые волосы съ сухой, золотистой соломой Цереры; если бы не боязнь надоѣсть тебѣ, я бы вымолилъ у Юпитера, какъ высшей милости, позволенія—вѣчно глядѣть на тебя. Приди, я принесъ для тебя веселые подарки: набралъ цвѣтовъ, краси-выхъ и пахучихъ, поберегъ, по моему обыкновенію, вишень — но ты медлишь, и они, чай, согрѣлись. Есть у меня для тебя шел-ковичныя ягоды, бѣлыя и красныя, какъ огонь, миндаль и сливы и земляника, славныя груши и фиги. Нашелъ я гнѣздо горлицы, такихъ красивыхъ птенчиковъ не отыскать, ты по цѣлымъ часамъ будешь заниматься ими; да еще поймалъ я двухъ зайчиковъ отъ | раненой матки, такихъ граціозныхъ, что ихъ жаль было убивать. 271 И много еще другого принесъ я для тебя, моя красавица».

Но красавица не явилась, и Амето ушелъ, проклиная свою собственную нерасторопность.

Настали дни, посвященные издревле чествованію Венеры; народъ стекается въ храмы, особливо въ одинъ, возвышавшійся на мраморныхъ колоннахъ между Арно и Муньоне. Сюда явились нимфы, фавны и дріады, сатиры и наяды; принарядился Амето, пришла и Лія. Когда отошла служба въ храмѣ, всѣ разбрелись по тѣнистымъ мѣстамъ, кто игралъ на свирѣли, кто на китарѣ, иные вообразили себя такими же судьями въ боѣ животныхъ, какъ Александръ—Парисъ; другіе занялись рукодѣльемъ. Амето не отстаеетъ отъ Ліи, которая усѣлась со своими на дугу, защи-щенномъ отъ солнца, и тихо повела рѣчь о вышнихъ богахъ и людскихъ недостаткахъ. Не успѣла она начать, какъ явились двѣ нимфы-красавицы, которыя и подсѣли къ остальному об-

шеству, Амето внимательно разглядывает ихъ, а Боккаччо вторитъ ему точнымъ описаніемъ - портретомъ; и такъ всегда, когда явятся новыя гости. Съ стилемъ этихъ портретовъ мы уже знакомы по изображенію Фьямметты ¹⁾: художникъ идетъ сверху внизъ, отъ прически до крохотныхъ ножекъ, останавливаясь на всякой подробности костюма — и того, что онъ пластически скрываетъ. Читанныя вмѣстѣ, подъ рядъ, эти описанія производятъ впечатлѣніе скуки; ихъ надо перенести на бумагу, карандашемъ, чтобы понять, сколько въ нихъ разнообразія, и признать въ Боккаччо сильное чувство контура и складки ²⁾ и свѣта. Бѣлое, шитое золотомъ платье нимфы мелкаетъ промежъ деревьевъ, указывая ея путь ³⁾; поклонникъ гладко-прилаженныхъ причесокъ ⁴⁾, Боккаччо помнитъ Овидія ⁵⁾ и умѣетъ найти прелесть въ волосахъ, распущенныхъ въ живописномъ беспорядкѣ: волосы — краса женщины ⁶⁾, и его художественному реализму не претитъ образъ нимфы, отирающей прекрасною ручкою и тончайшимъ платкомъ «блестящія искорки» пота, исполосившія ея лицо ⁷⁾.

Лія кончила между тѣмъ свою рѣчь, и нимфы спѣшаютъ на звуки свирѣли: то пастухъ Теогапень слагаетъ пѣснь въ похвалу богини, которой только-что принесли жертвы. Содержаніе его пѣсни какъ бы раскрываетъ внутренній смыслъ всего, что далѣе развивается въ пасторали: это гимнъ возвышенной любви, изошряющей человѣка ко всему лучшему, дѣлающей его добродѣтельнымъ; на кого падаетъ ея лучъ, тотъ пренебрегаетъ мірскимъ, бѣжитъ Вакха и Цереры и неумѣренныхъ вождельній плоти, его конечное стремленіе — возойти къ вѣчному царству любви, красоты котораго вѣщаютъ Бога.

1) Сл. выше стр. 115—116.

2) Сл. Амето, стр. 53—4.

3) Сл. ib. стр. 49.

4) Сл. выше стр. 116.

5) Сл. Art. Am. II, 137 слѣд.

6) Сл. Амето, стр. 38, 54, 121.

7) I. c., стр. 37.

Двѣ новыхъ красавицы подошли къ Ліи; нимфы благодарятъ пѣвца: его пѣсня была имъ мила, какъ усталому сонъ на зеленомъ лугу, жаждущему — студеной ключъ ¹⁾, а Теоганенъ просить нимфъ, въ награду за пѣсню, быть судьями въ поэтическомъ спорѣ двухъ пастуховъ: Ахатена изъ Академіи и Альцеста изъ Аркадіи; побѣдителю достанется вѣнокъ, Теоганенъ подыгрываетъ имъ на свирѣли. Альцестъ поетъ про горы, на которыя съ зарей онъ выгоняетъ свое маленькое стадо; оно питается тощей травой, растущей на скалахъ, пьетъ ключевую воду и бываетъ здорово, а пастухъ печется о немъ, сторожитъ ночью и бережетъ отъ вѣтра. — Ахатенъ издѣвается надъ нимъ: ему такъ нечего водить свое стадо въ горы, на роскошныхъ полянахъ вдоволь травы и поила; ему нѣтъ дѣла до того, каково то и другое, лишь бы стадо множилось, а оно множится, есть, что и волку унестъ; нѣтъ нужды сторожить овецъ или сѣтовать, что онѣ не слушаются: лишь бы набить глотку и кошель. — На эту тему 273 развивается преніе, кончающееся побѣдой Альцеста и заявленіемъ, что его противникъ не пастырь, а скорѣе врагъ своему стаду. — Пренія имѣютъ, очевидно, иносказательный смыслъ: дѣло идетъ о паствѣ душъ и о пастыряхъ, о нихъ радѣющихъ или нерадивыхъ. Это — частная аллегорія, входящая въ планъ общей: Лія также упасетъ Амета на стезяхъ спасающей любви.

Еще двѣ нимфы увеличили общество Ліи; онѣ усѣлись, вмѣстѣ съ ними Амето; долго онъ глядитъ на нихъ и затѣмъ заводитъ пѣсню: благодаритъ боговъ, что сподобили его такого блага, Амура, вырвавшего его изъ грубой, безсознательной жизни — взорами Ліи. Подъ ея руководствомъ онъ будетъ вѣчно служить ему, броситъ охоту и звѣрей, станетъ слѣдовать за красавицами. Онъ клянеть утраченное время и, какъ Данте въ одномъ юношескомъ сонетѣ, выражаетъ желаніе, чтобы боги навѣки оставили ихъ вмѣстѣ въ томъ положеніи, какъ теперь, юными и веселыми, безупречными, всегда пылающими огнемъ Амура.

1) l. c., стр. 42 сл. Virgil., Ecl. V, 45—7.

Нимфы отдыхаютъ: та бродитъ босая въ холодныхъ струяхъ, другая, распахнувшись, машетъ на себя покрываломъ, призывая Зефира, третьей не видно въ травѣ, гдѣ она разлеглась, положивъ бѣлокурую головку на свернутый плащъ. Всѣ прислушиваются къ пѣснѣ Амето, котораго боги, должно быть, не одарили слухомъ, и хихикаютъ и шутятъ надъ нимъ. Когда онъ умолкъ, Лія повела такую рѣчь: еще солнце въ полудни, намъ нечего уходить отсюда пока оно не склонится къ западу, и нѣтъ другого развлеченія, кромѣ бесѣлъ. Въ виду нынѣшняго празднества будемъ говорить о нашихъ привязанностяхъ; такъ мы проведемъ день въ занятіи, не во снѣ и тунеядствѣ, какъ то дѣлаютъ другіе, жалкіе. — Всѣ согласились, и такъ какъ каждая изъ нихъ была почитательницей какой-нибудь богини, порѣшили, чтобы каждый рассказъ кончался хвалебнымъ ей гимномъ. Амето будетъ распорядителемъ¹⁾, онъ предлагаетъ начать Мопсѣ. |

274 Слѣдующая часть пасторали напоминаетъ не столько извѣстныя намъ бесѣды въ саду, изображенныя въ Филоколо, сколько болѣе выработанный планъ Декамерона; Боккаччо подходилъ къ нему постепенно. Одна нимфа за другой выступаетъ съ своей повѣстью по назначенію Амето, съ такими же приемами, какіе характерны для зачала новеллъ Декамерона: рассказчица начинается нѣсколькими общими мѣстами, она смущена, готова повиноваться, говорить, что ей лучше было бы не сказывать послѣ новеллъ ея подругъ. Гимны, вѣнчающіе каждый рассказъ, обратились въ Декамеронѣ въ канцону, завершающую день.

Мопса начинается съ нѣсколькихъ біографическихъ данныхъ о себѣ, выраженныхъ иносказательно; ясно одно, что имя ея мужа было Неронъ, — а въ числѣ красавицъ, восиѣтыхъ Боккаччо въ его *Capitolo*²⁾, является и *monna Lottiera di Neron Gigi*. Съ юности отецъ посвятилъ ее служенію Палладѣ, она выросла среди музъ и отвѣдала касталійскаго источника; Палладѣ она

1) Antiste, стр. 59.

2) Сл. выше стр. 266—7.

Ея отецъ родился на берегахъ Арно, мать родомъ изъ Фъезоле; отъ юности она посвятила себя Діанѣ, которой продолжаетъ служить и позже, выйдя замужъ за человѣка, избраннаго ея матерью. У нея родился сынъ, но ея бракъ неудачливъ, ибо на нее негодуетъ за культъ Діаны устроительница браковъ, Юнона. Однажды въ храмѣ Венера предстала ей и поразила ее своимъ пламенемъ; позже ей представляется видѣніе: на огненной колесницѣ, влекомой драконами, несется сіяющая, вооруженная жена, на шлемѣ гребень; она правитъ щитомъ, рядомъ съ ней пламенный, какъ она, духъ. Они мчатся стрѣлою, пытаясь пропикнуть въ небо; горделивой самонадѣянностью звучатъ ихъ пѣсни: мы низвергнемъ боговъ-правителей, наша доблесть выше звѣздъ; нѣтъ благородства тамъ, гдѣ богатство можетъ восполнить его недостатокъ; наша сильная, прекрасная молодость даетъ намъ увѣренность и крѣпость духа; до неба недалеко, и |

276 если намъ откажутъ въ доступѣ, мы сождемъ его, какъ сжегъ Фазтонгъ.—Эмилиа вдумывается въ содержаніе пѣсни, опустила глаза и видитъ: на лугу, точно Елена надъ тѣломъ Париса, сидитъ Венера надъ юношей, казавшемся бездыханнымъ, и держитъ за поводъ его коня; въ рукѣ щитъ и конь. Эмилиа подходит къ ней, молитъ повѣдать причину ея грусти и то, что случилось. Этому юношу, съ дѣтства оставленнаго мнѣ его матерью, я воспитала въ услуженіе себѣ, отвѣчаетъ богиня, поставила его себѣ рыцаремъ, и мои долгія заботы обѣщали увѣнчаться успехомъ, когда, подъ наитіемъ какой-то богини, онъ отсталъ отъ меня, и его духъ блуждаетъ въ пространствахъ, въ обществѣ моей обидчицы, какъ ты сама это видѣла.—Богинѣ нельзя перечить рѣшенію сверстницы, но Эмилиа предлагаетъ свои слабыя услуги: подошла къ юношѣ, разоружила его, отогрѣла руками, и покинувшіе его жизненные духи вернулись къ нему постепенно, въ членахъ показались слабыя движенія, точно на поверхности воды, тронутой вѣтеркомъ. Онъ очнулся, еще не владѣетъ голосомъ и знаками проситъ прощенія у богини. Та прощаетъ ему, велитъ не протупаться болѣе и налагаетъ эпитимью: онъ обязанъ

слѣдовать за Эмилией, чувствуя ее, какъ спасительницу своей жизни.

Богиня исчезла, а Ибрида рассказываетъ Эмилии о себѣ и о своемъ происхожденіи: предки его матери — троянцы, переселившіеся на берега Сены. Родилась она, когда протекли двѣнадцать вѣковъ и девять частей тринадцатаго¹⁾, «какъ теперь изъ пяти частей четырнадцатаго прошли двѣ», — что опредѣляетъ 1340—1-мъ годомъ время написанія Амето. Мать Ибриды, вышедшая за военнаго человѣка (armigero di Marte), рано овдовѣла и, повѣривъ увѣщаніямъ пріѣзжаго молодца, отдалась ему; его имя, «какъ не заслуживающее извѣстности, я умалчиваю», говоритъ рассказчикъ. Мы знаемъ, какими чертами характеризуетъ Боккаччо своего отца, когда поминаетъ о его вѣроломномъ поступкѣ съ его матерью²⁾. Плодомъ этой связи былъ — Ибрида; | оставленная своимъ соблазнителемъ, бѣдная женщина 277 умерла, самъ онъ женился, но боги, попустившіе вѣроломство «столь низкаго» человѣка, «обманщика», уготовили ему наказаніе, лишивъ его большей части средствъ, принесенныхъ женою, поспѣтивъ смертью ее самое, ея собственныхъ (отъ перваго брака?) и общихъ дѣтей³⁾.

Главными подробностями этого разсказа, поддержанными сходнымъ разсказомъ Идалага, мы уже воспользовались, говоря о дѣтствѣ Боккаччо; слѣдующіе вызываютъ вопросъ — относительно ихъ біографической стоимости. Ибрида продолжаетъ рассказывать о себѣ: онъ выросалъ подъ охраной Венеры; отдавшись позднѣе упрямствіямъ Паллады, сталъ испытывать свои силы, и такъ благосклонна была къ нему судьба, что многіе считали и считаютъ его хорошимъ бойцомъ. Но прекрасный цвѣтокъ далъ неожиданно печальный плодъ: возгордившись первыми успѣхами, Ибрида возмнилъ себя Геркулесомъ и прогнѣвъ воли боговъ сталъ возноситься духомъ къ тайнамъ неба. Это —

1) Т. е. въ 1290 г.

2) Сл. выше стр. 12.

3) Амето, стр. 77—81.

онъ былъ въ колесницѣ, явившейся Эмилиі; богиня рядомъ съ нимъ, несомнѣнно, Паллада. Но небеса не раскрылись передъ нимъ, силъ у него не хватило, и ему угрожала неминуемая смерть, когда Эмилиа воззвала его къ жизни и обязала служить ей: пусть скажетъ, что ему дѣлать. Эмилиа ободряетъ его трудиться и искать плодовъ на поприщѣ, на которомъ уже объявились столь прекрасные цвѣты, а она обѣщаетъ наградить его дарами, которыми располагаетъ Венера. — Разсказъ завершается хвалебною пѣснею Діанѣ.

Если бъ совопросницей Ибриды явилась Фьямметта, мы не усомнились бы привлечь къ біографіи Боккаччо все сказанное о походженіяхъ Ибриды на стезяхъ Паллады. Боккаччо смолуду былъ подвластенъ Венерѣ, какъ Ибрида; какъ онъ, увлекался наукой: его астрономическія штудіи съ Андалоне ди Негро легко было бы сопоставить съ аллегорическимъ полетомъ на колесницѣ | Минервы къ вратамъ неба. Фьямметта поощряла его поэтическіе опыты, какъ Эмилиа — стремленіе Ибриды; крайнее увлеченіе наукой, которое упорядочила любовь, было бы новой чертой въ характеристикѣ поэта въ бурную пору его молодости. Въ Эмилиі подозрѣвали Эмильяну деи Торнаквинчи, упоминаемую въ извѣстномъ *Capitolo* Боккаччо; можетъ быть, это лишь наполовину дѣйствительное лицо, наполовину поэтическое *grêtem*, къ которому Боккаччо пристроилъ часть своей біографіи. Героиня Тезеиды также названа Эмилией и также служительница Діаны, и Боккаччо предоставляетъ Фьямметтѣ разгадать въ отношеніяхъ Эмилиі къ одному изъ дѣйствующихъ лицъ поэмы — ихъ собственныя, извѣстныя имъ однимъ.

Какъ Эмилиа — аллегорія справедливости, такъ Адіона — умѣренности. Въ отличіе отъ другихъ разсказчицъ она счастлива въ супружествѣ: ея мужъ поклонникъ Вертумна, какъ она — Помоны, которой Боккаччо придаетъ особое культурно-нравственное значеніе. Она ведетъ Адіону въ свой садъ, описанный еще болѣе геометрически-точно, чѣмъ въ введеніи къ 3-му дню Декамерона, съ множествомъ роскошныхъ растеній, стволами

Филемона и Бавкиды, деревомъ, въ которое обращенъ былъ мальчикъ Кипарисъ, — и прозаическими лукомъ и рѣпой. Наставивъ Адіону въ своемъ искусствѣ, она говоритъ ей о себѣ, что стара, какъ мѣръ, но что первое людское поколѣніе не находило въ ней нужды: при Сатурнѣ земля была обильнѣе всякими благами, чѣмъ жителями, люди питались желудями, питьемъ служила вода¹⁾, высокія деревья подавали имъ сѣнь, и, какъ у животныхъ, плотскія вожделѣнія ограничены были цѣлью продолженія рода. Съ воцареніемъ Юпитера все измѣнилось: явились Церера и Вакхъ, съ ними сѣбди и напитки, возбуждающія похоть; левъ подалъ нити для охотничьихъ сѣтей, горы и глина — матерьялъ, устранившій древесныя сѣни; Минерва научила людей пряжѣ, у Амура, до тѣхъ поръ покоившагося на лонѣ матери, отросли крылья, и онъ сталъ летать по свѣту, меча свои стрѣлы. Явился 279 Сарданапалъ и научилъ людей роскошнымъ постройкамъ²⁾; гордыня гигантовъ и преступленія Девкаліона вызвали потопа и измѣненія, зло запало въ людскія души, — и я стала нужна развращенному поколѣнію и занялась своимъ садомъ.— Болѣе, чѣмъ изъ этого пессимистическаго обзора мірового развитія³⁾, выясняется роль Помоны изъ гимна, которымъ заключается рассказъ: она обуздываетъ Вакха, умѣряетъ Цереру, обязываетъ Венеру предѣлами супружескаго долга; она — богиня простого, воздержнаго сельскаго быта, имя ея поклонницы Адіоны — отрицательное отъ Діоны, матери Венеры; юноша, котораго она перевоспитываетъ, названъ, наоборотъ, Діонеемъ, т. е. невоздержнымъ, какъ называетъ себя порою Боккаччо. Венера предстала ей однажды,дохнула, и она загорѣлась, какъ на полянахъ горы Гаргано вспыхиваетъ подожженная крестьянами солома. Въ саду она встрѣчаетъ однажды красиваго юношу: онъ покоится въ тѣни, одѣтъ богато и пестро, точно женщина, не можетъ стряхнуть съ себя сна отъ излишне-принятой нищи, его движенія

1) Слѣдуетъ перечисленіе историческихъ рѣкъ, Ameto, стр. 93—4.

2) Сл. Div. Comm., Parad., XV, 107.

3) Сл. Ovid., Metam., I.

развязны, языкъ претыкается. Ее влечетъ къ нему, хотя сама она осуждаетъ себя за выборъ; онъ не обращаетъ на нее вниманія. Встрѣтивъ его въ храмѣ, она допрашиваетъ его, кто онъ; онъ удивляется, что она его не знаетъ, онъ всѣмъ извѣстенъ, звать его Діонео, онъ — сынъ Цереры и Вакха, и у него одно горе, что онъ не безсмертенъ, какъ боги. Адіона обѣщаетъ ему безсмертіе, пусть только повинуется ея велѣніямъ. И она начинаетъ воспитывать его: заставляетъ одѣваться просто, какъ растенія довольствуются одной одеждой, и какъ онѣ въ мѣру ищутъ влаги, такъ и она научила его умѣренности. Онъ бросилъ сонъ, сталъ бдительнымъ и воздержнымъ, — и она счастлива.

Мѣсто дѣйствія новеллы на Кипрѣ, гдѣ приурочена и извѣстная новелла о Чимоне¹⁾; онъ такъ же красивъ и такъ же всѣмъ |
30 извѣстенъ, какъ Діонео, и такъ же воспитанъ любовью, какъ Боккаччо-Діонео Фьямметтой, когда, покинувъ мелкія привязанности, онъ живетъ ею одной.

Амето между тѣмъ любитъ красавицами нимфами, не зная, которой отдать предпочтеніе. Онъ еще человѣкъ плоти, и его воображеніе разыгрывается въ этомъ направленіи: онъ мысленно осязаетъ, ощущаетъ ихъ прелестныя формы, его желаніе не знаетъ мѣры; онъ готовъ открыться одной изъ красавиць, а самъ содрогается отъ этой мысли, улыбается и краснѣетъ и не слышитъ разсказа Адіоны: пришлось обратить его вниманіе на то, что разсказъ конченъ.

Слѣдующій принадлежитъ Акримоніи. Она — аллегорія нравственной крѣпости—и вмѣстѣ дѣйствительное лицо, до сихъ поръ не отождествленное, несмотря на массу аллюзій. Она родомъ изъ Сициліи, въ юности отдавалась не только пряжѣ, но и другимъ занятіямъ; опасности, грозившія любимому ею отцу отъ неблагодарной черни, побудили ее обратиться съ мольбами къ Беллонѣ, и когда богиня оказалась къ ней благосклонной, она стала ея служительницей. Шестнадцать лѣтъ ее выдали замужъ за сици-

1) Decam., V, 1.

лианца, хилаго юношу, вовсе не соответствовавшего ей. Съ нимъ она переѣхала въ Римъ, и Боккаччо, по обыкновенію, подробно описываетъ ихъ маршрутъ. Здѣсь ея необычайная красота обра- щаетъ всеобщее вниманіе: ее зовутъ не иначе, какъ прекрасная лигурійка (*la formosa Ligura*), приѣзжіе именитые люди загля- дываются на нее, ухаживаютъ за нею, а она остается холодна, какъ мраморъ. Ея подруги упрекаютъ ее: пусть не раздражаетъ Венеры, которой не противостояли ни боги, ни герон; юность не возвращается, какъ рѣки не текутъ вспять, все въ мірѣ идетъ къ худшему; что станешь ты дѣлать, когда состаришься? ста- рость или смерть — грустные предѣлы юности, и ты еще пожа- лѣешь, что не любила. Это общія мѣста сонетовъ Боккаччо¹⁾, увѣщаній [Пандара²⁾ и старухи въ одной новеллѣ Декаме- рона³⁾. — Но Акримонія погрѣшила не въ мѣру своей холод- ностью, отказавъ людямъ, которымъ нѣтъ отказа: въ Римѣ, къ престолу великаго понтифекса боговъ (= папѣ), приѣзжаютъ со всѣхъ концовъ свѣта именитые люди, и у всѣхъ ты на примѣтъ; за тобой ухаживаетъ сынъ Зевса, нынѣ правящій богатой руд- никами Богеміей, вѣнчанпый; онъ былъ бы достоинъ любой бо- гини, говорятъ ей подруги; если онъ старъ⁴⁾, то вѣдь и прави- тель цизальпинской Галліи⁵⁾ любовался тобою и, если бы ты

1) №№ XXXVII и LXXXII.

2) Сл. выше стр. 136.

3) Декамеронъ, V, 10.

4) Разумѣется, очевидно, король Иоаннъ, итальянскія отношенія котораго относятся къ 1330—1333 годамъ.

5) *Che i togati Gallici regge*. Въ *Amorosa Visione*, XLII, 7 говорится объ одной красавицѣ, къ которой пылалъ (*unica intendanza*) «миланецъ». Историче- скія аллюзіи всей строфы указываютъ на битву при Альтопашо (1325 г.), въ которой Каструччо Кастракани и Анцо Висконти («миланецъ», правитель цизальпійскихъ галловъ?) сражались противъ войскъ Раймонда Кардона. — Столь же загадочна, какъ прекрасная лигурійка, *la bella Lombarda* въ *Capitolo*, 16, и *Amorosa Visione*, XL, 22; ея имя *Giovanna*; *Catenacci* (*L'Amorosa Visione di G. Vossaccio*, стр. 41, прим. 48) указываетъ на анаграмму *Annavoi* (= *Iovanna*) въ эпизодѣ о превращеніи нимфъ въ Филоколо (сл. выше стр. 55—6, 166—7); если ужъ оставаться на почвѣ предположеній, то можно бы припомнить и Джьованну VI-й канцоны (сл. выше стр. 128).

согласилась, выразилъ бы тебѣ свои желанія. Онъ былъ для тебя слишкомъ знатенъ, но тебѣ былъ бы парой тотъ, кто править въ Кимврїи богатыми народами Минервы: онъ всегда перевозносилъ тебя, испытывалъ твои взгляды. Даже священнослужители, стерегушіе на Капитолїи алтари великаго Юпитера, — и тѣ не отводятъ глазъ отъ твоей красоты; избери же кого-нибудь, избѣгая справедливаго гнѣва Амура. — И Венера уже приготовила ей мечь: Акримонія вернулась въ Сицилію, вошла однажды въ храмъ и, съ притворнымъ равнодушіемъ оглядывая всѣхъ, видитъ, что нѣтъ ея красивѣе. Всѣ смотрятъ на нее съ изумленіемъ, особливо одинъ юноша, красивый, но грубый и распущенный, по имени Апатенъ, близкій родственникъ Мопсы¹⁾. Онъ всюду за нею слѣдуетъ, по ночамъ поетъ ей серенады; она нечувствительна, какъ всегда, — пока однажды въ томъ же храмѣ, когда Апатенъ страстно молился Венерѣ о помощи, разгнѣванная богиня не предстала бывшей тамъ же Акримонїи и не пригрозила ей, если она не откроется любви и не призритъ на юношу, готоваго выйти изъ состоянія грубости. И онъ дѣйствительно воспитывается подъ вліяніемъ любви, Акримонія увлеклась имъ, а онъ, дотогѣ презрѣнный ею, имѣлъ бы право въ свою очередь презирать ее, если бы захотѣлъ.

Пока Акримонія рассказывала и пѣла гимнъ Беллонѣ, Амето впалъ въ прежнія мысли, но его желанія приняли другой, болѣе идеальный оборотъ: онъ счастливъ уже тѣмъ, что видитъ, и мысленно благодаритъ любимую Лію, прислушивается къ разсказу нимфы и молить Феба замедлить свой бѣгъ, чтобы продлились бесѣды.

Красавица Агапе разгорѣлась, ея волосы распустились отъ жары, она рассказываетъ, смѣясь, громкимъ голосомъ, и ея разсказъ напоминаетъ у Боккаччо беззагнчивую характеристику его отца и нѣкоторыя откровенныя страницы Декамерона, гдѣ старый, противный супругъ Агапе обратится въ плачевно-коми-

1) Ameto, стр. 112.

чeskій типъ мессера Риччяардо ди Кинзика¹⁾. О своемъ отцѣ и матери Агапе желала бы скорѣе умолчать; не будь она ихъ дочь, она сочла бы одного не заслуживающимъ памяти, другую — достойной безславія. Они не заставили себя любить, ибо одинъ терзалъ народъ острыми когтями, другая, лъстя языкомъ, высасывала изъ него кровь. Меня знаютъ по нимъ, точнѣе я себя не называю, продолжаетъ Агапе, очевидно, дѣйствительное лицо; дальнѣйшее упоминаніе Ахайи указываетъ, быть можетъ, на греко-итальянскія отношенія XIV-го вѣка: напомнимъ такія именно отношенія семьи Аччяйюли²⁾. Предки отца Агапе были родомъ изъ Ахайи, крестьяне, прошедшіе въ кущы; но было бы лучше, если бъ они не бросили мотыки: молва объ ихъ роскоши, которая падетъ столь же быстро, какъ возросла, наполнила весь свѣтъ; плебеи, прошедшіе въ знать, они не знаютъ мѣры и, возгордившись своими богатствами, безпокойной мыслью стремятся къ небу, но уже близится возмездіе по дѣламъ, пока еще скрытое отъ ихъ глазъ, имѣющихъ вскорѣ смежиться навѣки. Но къ чему пророчу я свою собственную невзгуду? прерываетъ себя рассказчица. Изъ таковыхъ-то былъ ея отецъ; родители ея матери, богатые, но незнатные, занимались ростовщичествомъ и, обвѣшанные золотомъ, носили въ красномъ полѣ серебряный серпъ луны³⁾. Отецъ, не обращая вниманія на презрѣнное ремесло, позарился на богатство невѣсты и женился; отъ этого брака и родилась Агапе. Ея образованіе было запущено, выдали ее замужъ за богатаго старика, видѣвшаго, быть можетъ, болѣе столѣтій, чѣмъ молодѣющій съ вѣками олень: на головѣ остатки сѣдыхъ волосъ, щеки и лобъ въ морщинахъ, длинная борода колется, какъ иглы ежа, красные, слезящіеся глаза выглядываютъ изъ подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей, блѣдныя губы, отвисшія, какъ ослиныя уши, не скрываютъ желтыхъ, порченыхъ зубовъ, въ которыхъ много недочета; на тощей, дрожащей шеѣ

1) Декам., II, 10.

2) Сл. выше стр. 57.

3) I. с., стр. 122.

кожа обвисла и болтается съ каждымъ поворотомъ головы, руки хилыя, грудь высохла. Все другое въ томъ же родѣ; позже Боккаччо превзойдетъ это описаніе въ портретѣ вдовы Корбаччо. Такой-то мнѣ достался мужъ, жалуется нимфамъ Агапе. Въ описаніи супружескихъ ночей есть много непереводимаго: и бесиліе грязнаго старика, страдающаго безсонницей и не дающаго спать женѣ, и его хвастливые рассказы о его прежнихъ любовныхъ похожденияхъ, и мораль и застращиваніе, когда онъ порицаетъ шашни боговъ и говоритъ о невзгодахъ, постигшихъ тѣхъ, кто пресупилъ законъ. Вотъ она готова заснуть, а онъ начинаетъ сызнова: Счастлива ты, и благосклонны были къ тебѣ боги, что ты досталась мнѣ, а не какому-нибудь молодому! Ты у меня хозяйка, все мое блаженство въ твоихъ объятіяхъ, а у юношей |
 284 тысяча привязанностей, кто имъ ближе и доступнѣе, ту они меньше любятъ¹⁾, и они безумно стремятся къ чужому ложу; а Боже упаси, чтобы я когда-либо промѣнялъ тебя на другую!

Такъ проходили докучливыя ночи. Агапе рѣшается обратиться къ служенію Венеры: до тѣхъ поръ она не знала никакого божества²⁾. Молится въ храмѣ и — перенесена на колесницѣ, запряженной голубями, на огненную вершину горы Цитеры, гдѣ Венера является ей въ миртовомъ лѣсу, краше той, какую изобразилъ Пракситель: она обнажена, лишь тончайшій пурпурный вуаль спускается двумя складками на лѣвое плечо, золотистые волосы лежатъ по плечамъ. Она показываетъ Агапе Амура, кующаго свои стрѣлы и закаляющаго ихъ въ серебряномъ источникѣ, описаніе котораго повторяетъ Овидія³⁾. Внезапно онъ улетѣлъ; Венера увлекаетъ Агапе въ волны, цѣлуетъ ее, говоритъ, отвѣчая на ея вопросъ, что послала сына за юношей, котораго ей назначила. Онъ уже здѣсь, Агапе видитъ его среди кустовъ, онъ приближается къ нимъ, робкій и блѣдный; она застыдилась,

1) Сл. выше стр. 137, прим. 3 и стр. 200, прим. 1.

2) Ameto, стр. 123.

3) Metam., III, v. 407—412; сл. Ameto, стр. 129—130.

онъ, увидѣвъ ее, измѣнился въ лицѣ и остановился. Когда богиня и Агапе одѣлись, Венера представляетъ ей Апироса: онъ застѣнчивъ, питай тщательно пламя, которое я въ немъ зажгла, изгнавъ холодность, уподобляющую его Аглавру. Такъ она сказала, а я очнулась, полная страха, въ храмѣ передъ алтаремъ; оглянулась, чтобы посмотрѣть на Апироса, и увидѣла блѣднаго юношу, устремившаго на меня свои глаза; онъ, какъ и я, пораженъ былъ стрѣлою, — и я засмѣялась.

Хвалебная нѣсня Агапе посвящена Венерѣ, чудесный свѣтъ ея горы простирается въ небо, другая часть спускается къ землѣ, все украшая на свѣтѣ, воспламеняя холодные умы къ познанію Бога, возбуждая стремленіе къ небу, сѣя братскую любовь. |

Разсказъ Агапе страстно возбудилъ Амето; что бы онъ далъ, 285 чтобы быть на мѣстѣ Апироса? Но онъ худороденъ, небогатъ, на что ему его красота? Онъ то раздражается жалобами на судьбу и бѣдность, какъ Боккаччо, то воображаетъ себя на мѣстѣ Апироса и, обращаясь къ Фьямметтѣ съ просьбой продолжать разсказы, молить боговъ, чтобъ ея рѣчи пришлось ему болѣе по сердцу, чѣмъ рѣчи умолкнувшей нимфы.

Фьямметта одѣта въ зеленый цвѣтъ, это ея символическій признакъ у Боккаччо. Она говоритъ съ достоинствомъ: много у ней на памяти привязанностей, она расскажетъ о самой сильной. Разсказъ ведется издалека, съ изгнанія Сатурна, о томъ, какъ основана была древняя Паргенопе — Неаполь¹⁾, какъ одинъ изъ предковъ ея (мнимаго) отца подчинилъ себѣ древній градъ Ювенала²⁾, откуда, съ теченіемъ времени, другіе переселились въ Неаполь, гдѣ они и до сихъ поръ занимаютъ высокое положеніе при дворѣ правителя, по праву прозваннаго Мидасомъ³⁾. Здѣсь ея отецъ женился на молодой французкѣ знатнаго рода;

1) Ameto, стр. 137 слѣд.

2) Аквино, сл. 1. с., стр. 142.

3) Робертъ † 1343, сл. выше стр. 33.

Фьямметта не называетъ ее, а обозначаетъ аллегорически: богиня ста рѣкъ¹⁾. — Что слѣдуетъ далѣе въ ея повѣсти, уже послужило намъ для біографіи Боккаччо²⁾: встрѣча Роберта на балу съ матерью Фьямметты и связь съ нею; воспитаніе дѣвочки въ монастырѣ, въ услуженіи Весты; ея замужство; рассказъ, какъ Фьямметта предстала Боккаччо въ видѣннѣи, въ вѣщемъ снѣ, въ церкви; отъѣздъ мужа въ Калую и ночное посѣщеніе Галеоне-Боккаччо. — Такъ я стала его, онъ — моимъ, и такъ будетъ всегда, заключаетъ Фьямметта; она любитъ одѣваться въ зеленый цвѣтъ, потому что Галеоне позналъ ее незрѣлой, неготовой для любви, прежде чѣмъ она къ нему воспылала. Ея гимнъ
 236 поетъ про небесный вѣнецъ Ариадны, который | сулила ей Венера, если она станетъ блюсти ея огонь. Боккаччо, очевидно, соединяетъ съ мифомъ о золотомъ вѣнцѣ, даромъ Венеры Ариаднѣ, перенесенномъ Вакхомъ на небо въ число свѣтилъ³⁾, — понятіе высокаго, самоотверженнаго подвига: къ нему стремились Персей и Тезей, Брутъ и Кимонъ, Фабрицій и Цицеронъ; Дидона и Библида не наложили бы на себя рукъ, если бъ духъ побѣдилъ въ нихъ тѣло. Я сама, заключаетъ Фьямметта, перенесла изъ-за любви всѣ печали, какія испытываетъ человекъ, желающій сбересть ее, выжидая, подчиняя свою волю страданіямъ, — и я надѣюсь выйти съ побѣдой и насладиться ею, увѣнчанная вѣчной славой.

Такъ впервые мимолетно намѣчается новый образъ страдающей Фьямметты, приготовляющій насъ къ аллегорическимъ откровеніямъ Любовнаго Видѣннѣи и объективности повѣсти, образъ, которымъ кончается любовный романъ Боккаччо о Фьямметтѣ.

Разлегшись на травѣ, опустивъ голову на лѣвую руку⁴⁾, Амето внимательно слѣдитъ за Фьямметтой глазами и ухомъ.

1) Dea credo di cento fiumi.

2) Сл. выше стр. 46, 112—115, 154—5.

3) Сл. Gen. Deor., XI, 29; иначе Ovid. Fast., III, 503; Metam., VIII, 177 слѣд.

4) И Филоколо сидитъ, опустивъ голову на лѣвую руку. Отлѣтимъ эту графическую подробность, опущенную въ нашемъ пересказѣ, выше стр. 217.

Ему любы рассказы о древней Партеоне, онъ слышалъ, что тамъ въ обилии водятся молодыя, игривыя козочки, быстрыя лани и олени самки, приученныя къ охотѣ: очевидно, аллегорическую охоту Идалага¹⁾. Онъ дивится смѣлости Галеоне и вмѣстѣ поощряетъ ее: изъ-за такой женщины счастье и умереть.

Послѣдній рассказъ оставался за Лией. Когда Амето поднялъ на нее глаза, онъ внезапно пораженъ ея чудесной красотой и упрекаетъ себя въ желаніи, которое не разъ выражалъ про себя: быть на мѣстѣ Ибриды, Діонео, Калеоне. Онъ счастливъ однимъ сознаниемъ, что любить и любимъ.

Лія—флорентинка; пользуясь тѣмъ, что солнце еще высоко, и времени много, она рассказываетъ легенду объ основаніи Флоренціи. Боккаччо любитъ возвращаться къ этой легендѣ, популярной въ хроникахъ XIII—XIV вѣковъ, начиная съ *Libro fi-* 287
solano; онъ коснулся ея въ *Филоколо*²⁾ въ эпизодѣ о построеніи Черталдо, а теперь расцвѣчиваетъ классическими именами и мотивами: на сценѣ Италъ, сынь Корита (Фьезоле), и Ахименидъ, внукъ Лайя, мальчикомъ спасенный отъ разгрома Эивъ Тезеемъ; онъ основатель новыхъ Эивъ, имя Флоренціи дано Марсомъ въ честь Венеры; боги участвуютъ и прещираются въ наименованіи города, какъ въ мифѣ объ основаніи Аѳинъ. Далѣе рассказъ впадаетъ въ колену хроникъ, съ «жестокимъ Вандаломъ»³⁾, вмѣсто обычнаго Аттилы или Тотилы, и Карломъ Великимъ, третьимъ обновителемъ города. — Въ немъ родились предки Лии и она сама; съ юности преданная Цибелѣ, она воспыкала пламенемъ Венеры; рано потерявъ перваго мужа, она вышла за второго и счастлива въ бракѣ, а теперь, какъ видите, я увлекла собою Амето⁴⁾ и сама, имъ увлеченная, излѣчила его моимъ свѣтомъ отъ духовной слѣпоты, расположила къ откровенію высокаго и неоцѣнимаго. Ея гимнъ Цибелѣ, начинающійся парафра-

1) Сл. выше стр. 112.

2) Сл. выше стр. 247.

3) Ameto, стр. 180.

4) *Presi Ameto del mio piacere*, стр. 181.

зой дантовскаго стиха ⁴⁾), вводитъ въ фантазмагорію отвлеченныхъ добродѣтелей и классическихъ богинь — элементъ христіанства. Естественный разумъ не пойметъ тайнъ, раскрытыхъ мнѣ Цибелой, если не будетъ вѣры, простодушной, не ищущей причинъ, говоритъ Лія, и ея пѣсня не что иное, какъ парафраза символа вѣры ⁵⁾), гдѣ имена Иордана и Моисея чередуются съ Плутономъ, Церера и Вакхъ — символы евхаристіи, а въ концѣ выражена надежда, что душа Ліи, чистая, свободная отъ всякія скверны, увидитъ въ небѣ — свою Цибелу.

288 День склонялся къ вечеру, когда Лія умолкла; Амето видитъ въ небѣ битву семи бѣлыхъ лебедей и семи аистовъ, кончающуюся побѣдою первыхъ, — и не понимаетъ смысла видѣннаго имъ (очевидно, борьба добродѣтелей съ пороками), когда пораженъ явленіемъ съ неба огненнаго столба. Изъ него слышится голосъ: Я — небесный свѣтъ, единый и троичный, начало и конецъ всего; кто послѣдуетъ за мною, никогда не будетъ блуждать въ юдоли мрака и печали. — Это не та Венера, которую зовутъ богиней невѣжды, живущіе своими беспорядочными вождельніями, а та, отъ которой нисходитъ къ смертнымъ настоящая, праведная любовь. — Лица нимфъ просвѣтились, особливо Ліи и Агапе; ободренный этимъ, Амето пытается взглядѣться въ огненный столбъ, но въ состояніи схватить лишь очертанія какого-то тѣла, искрившагося, какъ желѣзо, вынутое изъ кузни. Снова слышится голосъ, побуждающій нимфъ просвѣтить затемненныя очи Амето, дабы онъ могъ пересказать людямъ, что дозволено лицедрѣть смертному. Нимфы совершаютъ надъ нимъ символическіе обряды: Лія сняла съ него грубыя одежды и, погрузивъ въ источникъ, сдала Фьямметтѣ, Мопса отерла его глаза, Эмилія направила ихъ, Акримонія изошрила, Адіона одѣла его въ драгоценное платье, Агапе вдохнула въ него невѣдомое пламя; устремивъ

1) Стр. 182: O voi che avete chiari gl'intelletti; сл. стр. 68: Rendendo quindi gl'intelletti sani.

2) Сл. такую же парафразу въ Филоколо, выше стр. 250.

взоры на неизреченную красоту, онъ изумляется не менѣе, чѣмъ изумились ахейцы, узрѣвъ Язона пастухомъ¹⁾, и уже различаетъ въ огненной колоннѣ прекрасный человѣческій обликъ, то въ одномъ, то въ нѣсколькихъ видахъ. Онъ молится триединому Божеству, единственному свѣту неба и земли, что взыскалъ его такимъ благомъ: семь огней (добродѣтелей) обвили его душу, какъ плющъ обвиваетъ вязъ, сосутъ ее, но ему не больно, и онъ не старается отъ нихъ избавиться; да будетъ такъ всегда, дабы душа его безпрепятственно могла вернуться, откуда пришла, когда Атропось отрѣшитъ ее отъ тѣла. — Надѣйся и твори доброе, и твое желаніе исполнится, вѣщаетъ, исчезая, богиня, а нимфы поощряютъ Амето своимъ пѣснопѣніемъ: онѣ, рожденныя въ первые дни творенія на лонѣ неизреченной любви, являютъ ея свѣтъ | въ мірѣ, въ небѣ же горять звѣздами²⁾, — какъ нимфы 289 дантовскаго Чистилища³⁾, уже навѣявшаго одно изъ сновидѣній Флоріо⁴⁾.

Теперь только Амето приходитъ къ сознанию того, чѣмъ онъ былъ, и чѣмъ онъ сталъ. Ему понятнѣе пѣсни нимфъ, и онъ начинаетъ разумѣть, чтó означалъ и гимнъ Ліи и преніе пастуховъ; нимфы, дотолѣ нравившіяся его тѣлеснымъ очамъ, прельщаютъ теперь его духовныя очи; онъ стыдится своихъ прежнихъ вожделѣній, понимаетъ, чтó такое любовь нимфъ, и счастливъ сознаниемъ, что въ состояніи любить многихъ. Изъ грубаго животнаго онъ сталъ человѣкомъ, и заключительная пѣснь пасторали — благодарственный гимнъ Амето къ триединому Божеству⁵⁾, воззвавшему его къ новой жизни воздѣйствіемъ нимфъ-добродѣтелей. Повѣсть о бывшемъ съ нимъ онъ завѣщаетъ тѣмъ, кто бы пожелалъ увлечься ими, подобно ему: пусть хранятъ его стихи отъ завистливой или небрежной руки, дабы ихъ не растеряли,

1) Стр. 189; сл. Parad., II, v. 16—18.

2) Стр. 191: Così nel ciel ciascuna appare stella.

3) Purg., XXXI, 106: Noi sem qui ninfe e nel ciel semo stelle.

4) Сл. выше стр. 233.

5) O Diva luce in tre persone, стр. 194.

не употребили бы на обертку и на другія низменные подѣлки; пусть лучше стануть они жертвою пламени 1).

Стемнѣло; замолкли птицы на вѣткахъ, трели цикады смѣнились трещаньемъ кузнечиковъ въ разсѣлинахъ высохшей земли, на западѣ, въ теплыхъ лучахъ заходившаго солнца, показалась вечерняя звѣзда. Всѣ расходятся, и Амето бредеть домой, полный веселья и любви.

Такова попытка Боккаччо обосновать теорію платонизма на фактахъ житейской любви; попытка, въ литературномъ отношеніи, оригинальная, по смѣшенію пасторали съ аллегоріей, новеллы съ отвлеченіемъ, прозы съ дантовской терциной, рѣдко выходящей за предѣлы посредственнаго подражанія. Несмотря на эту гибридную форму, которую Боккаччо оставитъ для реализма своего *Ninfale Fiesolano*, Амето достигаетъ поэтическаго впечатлѣнія: надо прочесть его цѣликомъ, тогда забудутся его длинноты, слащавый риторизмъ и будничная откровенность, — и въ памяти отложится идиллія, полная неясныхъ мелодій, цвѣтовъ и картинокъ природы, сказка о любви, воспитавшейся отъ наивности къ человѣчности въ границахъ благоухающаго весенняго дня подъ пологомъ лѣсовъ. Боккаччо могъ обманывать себя насчетъ осуществимости этой сказки, но, очевидно, мы имѣемъ дѣло не съ одной лишь риторической игрой въ аллегорію, могущей раскрыть все во всемъ, а съ чѣмъ-то болѣе серьезнымъ, что въ извѣстную пору волновало автора: отъ бесѣдъ въ Филоколо до Любовнаго Видѣнія одинъ и тотъ же вопросъ повторяется неизмѣнно, отражаясь своими мотивами и въ новеллѣ о Чимоне. Но въ Декамеронѣ Боккаччо стоялъ на высотѣ своего объективнаго творчества, борьба для него прошла, вмѣстѣ съ тѣмъ отпали шлаки идеализма и аллегоризма, въ которыхъ онъ искалъ успокоить мятежное чувство, и выяснилось пластически одно положеніе, что любовь и красота поднимаютъ нравственный тонъ человѣка. Не къ такому скромному рѣшенію приготовлялъ, каза-

1) Стр. 195 — 6.

лось, Амето: здѣсь вопросъ поставленъ шире, смѣлѣе и вмѣстѣ жизненнѣе; всякая кроха земной любви упала съ неба, пламя Цитеры поднимается до него и въ то же время окутываетъ землю, міръ — гигантская лѣстница звуковъ и красокъ, снующихъ одну и ту же мелодію, одинъ и тотъ же образъ, внизу они гуще и матерьяльнѣе, наверху ихъ очертанія теряются въ лонѣ божества. У Петрарки ¹⁾ эта міровая обязательность любви представляется абстрактнѣе, у Боккаччо поражаетъ излишняя откровенность въ разсказахъ объ увлеченіи Мопсы, о супружескихъ невзгодахъ Агапе, которыя и не идутъ къ дѣлу; но Адіона счастлива въ супружествѣ, Лія — во второмъ бракѣ, и обѣ горятъ Амуромъ и силою чувства поднимаютъ до своего уровня матеріалпета Діоненя и непочатую натуру Амето, раскрывая передъ ними въ перспективѣ образы небесной Венеры и — триединого Бога. Образы 291 сливаются, Боккаччо стоитъ еще на синкретизмѣ Филоколо, но тамъ онъ не служилъ, какъ здѣсь, цѣлямъ философскаго обобщенія, и въ письмѣ къ Бартоло дель Буоно авторъ спѣшитъ подчинить свои взгляды суду «нашей матери и наставницы, святѣйшей римской Церкви».

Страстный идеализмъ Амето отражаетъ психологическій моментъ, въ которомъ онъ былъ писанъ; заключительныя терцины пасторали, стоящія внѣ ея дѣйствія, и письмо къ Бартоло дель Буоно ²⁾ проливаютъ на него свѣтъ. Авторъ говоритъ, что, скрытый въ густой листвѣ, онъ невидимо присутствовалъ при любовной бесѣдѣ. Онъ переживаетъ положеніе своего героя, подсказываетъ ему свои желанія, когда, еще непросвѣщенный, Амето пожираетъ глазами красавицъ-нимфъ. Его взгляды должны были смущать ихъ, и авторъ готовъ показаться, чтобы помѣшать ему, но рѣшимость его оставляла, когда самъ онъ принимался созерцать нимфъ и слушалъ ихъ сладостное пѣніе. *Новое пламя обновило ея немъ старое*, заглохшее, сердце больнѣе ощутило свои

1) Fam., III, 11: до 1340 г.; сл. Ep. metr., II, 9.

2) Сл. выше стр. 178.

раны при видѣ чужого счастья, и *чистое* наслажденіе, которое онъ испыталъ вначалѣ, замутилось желаніемъ того, что невозможно, неосуществимо. — Полный грустныхъ мыслей, жажды смерти, онъ возвращается подъ постылый отеческій кровъ.

Прими эту розу, выросшую среди терній моего бѣдственнаго существованія, о мой единственный другъ, настоящій образецъ дружбы, пишетъ Боккаччо къ Бартоло дель Буоно въ заключеніи Амето: я былъ въ крайней печали, когда этотъ цвѣтокъ насильно выростила изъ грубыхъ терній флорентинская красавица, доставивъ мнѣ удовольствіе — изобразить ее. Да приметь мой оиміамъ богиня, помогавшая мнѣ въ этомъ трудѣ, вѣнокъ — красавица, давшая къ нему поводъ. А ты прими мою книгу, какъ свою, береги на лонѣ, какъ любовно питалъ пославшаго ее, утѣшь ласковыми словами сирую, подобно мнѣ разлученную съ своей |
292 властительницей, пока, соединившись съ нею, она не ощутитъ полноты радости.

Это послѣсловіе уясняетъ положеніе, намѣченное въ послѣднихъ терцинахъ автора. Новое пламя — не новая страсть, а обновившаяся примѣромъ другой, счастливой и идеальной, проявившей свое чистое вѣяніе на Ибридѣ, на Амето. Въ какой изъ нимфъ скрывается флорентинская красавица — мы, вѣроятно, никогда не узнаемъ: можетъ быть, въ Ліи, героинѣ пасторали, или въ Эмилии, къ которой Боккаччо пріурочилъ часть своей біографіи. Въ томъ и другомъ случаѣ чистое наслажденіе, имъ испытанное, заставило его съ новой страстью обратиться къ памяти о своей *donna gentile*, идеализуя, подъ стать другимъ, ея отношенія къ Калеоне. Почему же Калеоне несчастенъ, къ чему привело воспитаніе любовью, обѣщавшее такъ много и такъ надолго? Въ комъ вина? Смыслъ Любовнаго Видѣнія, на нашъ взглядъ, лежитъ въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ: мы раскрываемъ еще одну любопытную страницу въ любовныхъ переживаніяхъ Боккаччо.

IV.

Поэма затѣяна вскорѣ послѣ Амето ¹⁾; если допустить догадку ²⁾, что въ 1342 году Боккаччо снова на короткое время былъ въ Неаполѣ, то Любовное Видѣніе написано послѣ поѣздки: такъ много въ немъ неаполитанскихъ воспоминаній. Одинъ сонетъ ³⁾ говоритъ о возвращеніи поэта откуда-то по горамъ, лѣсамъ и долинамъ и бурному морю; его окрыляетъ надежда увидѣть свою милую, ласковую, сострадательную (*pietosa*), — а она почему-то на него негодуетъ, и онъ клянеть и горы и море, что они позволили ему вернуться. Въ результатѣ явится попытка ²⁹³ идеально пережить свою любовь. Любовное Видѣніе — это рефлексія въ терцинахъ и аллегорическомъ стилѣ, съ мотивами овидіевскихъ *Метаморфозъ* и *Героидъ*, подъ еще ббльшимъ вліяніемъ дантовской манеры, чѣмъ Амето. Три посвячительныхъ сонета ⁴⁾, обращенныхъ къ *Фьямметтѣ* ⁵⁾, составлены такъ, что каждый стихъ начинается съ начальной буквы всѣхъ, послѣдовательно, терцинъ, наполняющихъ пятьдесятъ пѣсенъ поэмы ⁶⁾. Авторъ, называющій себя полнымъ именемъ ⁷⁾, искалъ утѣшенія, вспоминая образъ своей милой: это миритъ его съ самимъ собою; съ этой цѣлью онъ снова принялся за свои рѣзны и посылаетъ ихъ *Фьям-*

1) На котораго ссылается въ XLI, 12. Изъ новѣйшихъ работъ о Любовномъ Видѣніи укажемъ на: Vincenzo Catenacci, *L'Amorosa Visione di G. Boccaccio*, Monteleone, 1892. Дантовскія заимствованія у Боккаччо отмѣчены здѣсь особенно полно. — *О заимствованіяхъ изъ *Amorosa Visione* въ *Триумфахъ* Петрарки сл. введеніе Appel'я, *Die Triumphe Petrarca's*, Halle a. S., Niemeyer, 1901 г.

2) Сл. выше стр. 180.

3) Сон. LIX.

4) Третій: *sonetto doppio codato*.

5) *Madama Maria, saga Fiamma*.

6) Каждая пѣсня содержитъ 27 терцинъ и заключительный стихъ, лишь въ послѣдней пѣснѣ терцинъ 28, замѣчаетъ Catenacci (I. c., стр. 8). На самомъ дѣлѣ за исключеніемъ 26-й (30 терцинъ), 44-й (28 терцинъ) и 50-й (31 терцина) пѣсенъ, всѣ остальные содержатъ по 29 терцинъ.

7) *Giovanni di Boccaccio da Certaldo*.

метѣ въ знакъ любви: пусть оцѣнитъ ихъ по достоинству; можетъ быть, со временемъ, она и сжалится надъ нимъ.

Затѣмъ мы вступаемъ въ область видѣній, которыя покажутся Фьяметтѣ чудесными, какъ и новыи (nuovo stile), т. е. аллегорическій стиль изложенія. Поэту снится, что онъ бѣжитъ въ непонятномъ страхѣ по морскому берегу, когда ему предстала величавая жена; послѣдуй за мною, говоритъ она ему, коли хочешь достигнуть неизреченнаго блага и удовлетворить всякое твое желаніе; оставь всѣ эти утѣхи ¹⁾, пойдѣмъ къ тому замку на горѣ; много чудеснаго ты еще увидишь, прежде чѣмъ достигнешь вершины, гдѣ расцвѣтетъ твоя душа. Только надо идти тихо, замѣчаетъ она поэту, рьяно отозвавшемуся на ея зовъ: надо умѣрить желаніе ²⁾, кто спѣшитъ, нерѣдко возвращается вспять въ горѣ. — Такъ вѣщаетъ ему жена — аллегорія Разума.

Они у подножія замка; древняя стѣна преградила имъ путь; ²⁹⁴ справа тѣсный проходъ, съ крутымъ подъемомъ; начертанныя слова говорятъ, что это путь жизни; это то, къ чему ты стремишься, объясняетъ поэту его спутница; слѣва просторныя ворота, за ними свѣтъ и гулъ веселья; надпись обѣщаетъ всякому вступившему богатство и санъ, славу и любовь. Аллегорическая жена хочеть увлечь поэта направо, но онъ желалъ бы взглянуть сначала на блага, обѣщанныя лѣвой стороной: вѣдь нѣтъ грѣха въ познаніи мірскаго, тѣмъ отраднѣе будетъ впослѣдствіи искать небрепнаго. Двое юношей выступили изъ воротъ, одинъ въ бѣлой, другой въ красной одеждѣ; это—безпокойныя, мірскія желанія; они начинаютъ уговаривать странника послѣдовать за ними: здѣсь не будетъ тебѣ недостатка въ утѣхахъ и удовольствіи, а подѣ конецъ жизни ты еще послѣдешь и на горній путь. Между ними и женой завязывается борьба, каждый тянетъ поэта въ свою сторону, но онъ отдается тѣмъ тревожнымъ желаніямъ ³⁾, отъ кото-

1) Gran diletti, I, 17.

2) Ib.: con voler temperato, 28.

3) Molesti disii, III, 27.

рых хотѣла его спасти его руководительница. Но она не оставитъ его и теперь, на пути темныхъ дѣяній.

Всѣ вмѣстѣ входятъ въ пространный голубой покой; онъ сіяетъ золотомъ, на стѣнѣ фреска: такую не написать никому, развѣ Джьотто, отъ котораго природа не скрыла ничего изъ тайнъ своего творчества ¹⁾). Посреди изображена аллегорическая фигура Мудрости, кругомъ нея семь женъ — семь свободныхъ искусствъ, по правую руку, на зеленомъ полѣ — философы и ученые, по лѣвую — поэты и историки; слѣдуетъ перечисленіе именъ, преимущественно классическихъ, въ случайномъ порядкѣ; краткія характеристики вызваны требованіемъ наполнить стихъ и отвѣтить рифмѣ. Мудрость вѣнчаетъ лавромъ великаго поэта, и всѣ чествуютъ его: это Данте Алигьери, «властитель всякаго знанія ²⁾). Боккаччо выражаетъ по этому поводу негодованіе на флорентинцевъ, не признавшихъ славы Флоренціи; блаженны тѣ, кто |
зналъ тебя, восклицаетъ онъ; онъ не можетъ на него наглядѣться, но его спутница увлекаетъ его далѣе — къ ряду аллегорическихъ процессій-картинъ, скорѣе напоминающихъ такія же изображенія средневѣковыхъ поэмъ, чѣмъ видѣнія въ *Trionfi* Петрарки. Первымъ является кортежъ мірской Славы: она въ вѣнцѣ и царскомъ облаченіи, влекома на колесницѣ; за ней тянутся длинной вереницей герои и героини античнаго міра, Библіи, древней и новой исторіи и рыцарскаго романа. Характеристики становятся подробнѣе, то или другое имя отмѣчено изреченіемъ лица, намекомъ на рассказъ о немъ; всюду своеобразная травестія антика, характерная для средневѣковыхъ графическихъ представленій языческихъ божествъ и для ранняго ренессанса, когда Орфея писали въ штанахъ въ обтяжку, въ туникѣ, съ широкими, трубой, рукавами, а Елена носила корсетъ и прическу въ видѣ башни. Такъ изображенъ у Боккаччо Цезарь: съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, чернымъ имперскимъ орломъ на щитѣ и значкомъ на копѣѣ. Никто мнѣ такъ не понравился, какъ онъ, говоритъ

1) IV, 6.

2) VI, 3; сл. выше стр. 190—1.

поэтъ¹⁾. Далѣе являются Артуръ и рыцари Круглаго Стола, съ Джиневрой и бѣлокурой Изоттой: она идетъ, взявъ за руку Тристана, и часто бросаетъ на него взгляды; она побѣждена любовью, точно говоритъ всѣмъ своимъ существомъ, объята робостью: Ты—единственное мое желаніе²⁾. Карлъ Великій, нѣкогда столь славный, ѣдетъ на сѣромъ конѣ, еще увѣнчанный своими побѣдами въ Святой землѣ³⁾; за нимъ паладины, далѣе Готфридъ и Робертъ Гвискаръ, Фридрихъ II и Барбаросса, на сильномъ бѣломъ скакунѣ, отважный и статный и надменный⁴⁾; Карлъ I Анжю, съ мужественнымъ носомъ, завоеватель Апуліи: онъ гнѣвно прокладываетъ себѣ путь мечемъ; въ концѣ, печальные, Манфредъ и Конрадинъ.

За триумфомъ Славы — торжество Богатства: жены, возсѣ-
296 дающей на золотомъ престолѣ; все на ней золотое; рядомъ гора изъ золота, серебра и драгоценныхъ камней, толпа людей суетится вокругъ съ молотами, мотыками и корзинами, стараясь отбить кусокъ побольше; они ссорятся, толкаютъ и грабятъ другъ друга. Въ число историческихъ стяжателей попалъ Аттила⁵⁾ и Неронъ⁶⁾; много «новыхъ фарисеевъ»⁷⁾, духовныхъ лицъ, между которыми Боккаччо призналъ знакомыхъ⁸⁾: они хлопчутъ вокругъ сокровища, а сами говорятъ, что имущество имъ въ тягость, и въ томъ же убѣждаютъ другихъ⁹⁾. Много золота откололъ себѣ и припряталъ внукъ того носатаго короля¹⁰⁾, иному едва удается отколупнуть малую долю ногтями: Боккаччо узнаетъ въ немъ своего отца¹¹⁾.

1) X, 9 слѣд.

2) XI, 16.

3) XI, 21.

4) XI, 28—9.

5) XIII, 5.

6) Ib., 10.

7) XIV, 1.

8) Ib., 6.

9) Ib., 2; сл. Дек., III, 7, I, стр. 234 перевода.

10) Робертъ, сл. ib., 9 и выше стр. 32—3.

11) Ib., 15; сл. выше стр. 13.

Обратившись въ другую сторону, онъ видитъ на свѣжемъ лугу, среди цвѣтовъ и невиданныхъ деревьевъ, чудснаго властелина: онъ сидитъ на двухъ орлахъ, ноги опираются на двухъ покоящихся львахъ, на золотистыхъ волосахъ вѣнокъ, золотыя крылья за плечами, въ одной рукѣ золотая и свинцовыя стрѣлы, въ другой—лукъ. Это—такой же фантастическій образъ Амура, какъ въ Филоколо¹⁾ и въ описаніи у Франческо да Барберино²⁾, которое Боккаччо зналъ³⁾; въ немъ не осталось ничего античнаго, кромѣ имени. Рядомъ съ нимъ прелестная женщина, скромная, милостивая; ея глаза сіяютъ, какъ два огонька⁴⁾; лишь лавровый вѣнокъ отличаетъ ее отъ Амура⁵⁾; она представляется Боккаччо ангеломъ, Венерой; при ея видѣ его сердце робко дрогнуло, его | мысль всегда будетъ и была отдана ей. Ему ка- 297 жется, она говоритъ: Я сошла съ неба, чтобы явить вамъ въ моемъ лицѣ высшую красоту; Состраданіе—моя сестра, я—источникъ Милости; нѣтъ женщины, болѣе меня любящей, и нѣтъ во мнѣ мѣста негодованію. Я избранный сосудъ Амура, мнѣ не тягостны его страданія, и слѣпы тѣ, которые надѣются достигъ своихъ желаній безъ труда и вздоховъ⁶⁾. Она говорила и другое, но поэтъ не помнитъ всего: такъ онъ на нее засмотрѣлся. Имени ея онъ не услышалъ, но онъ предупреждаетъ, что увидитъ ее впоследствии, въ другомъ мѣстѣ; пусть догадаются тогда желающіе узнать⁷⁾.

Это — Фьямметта, женская ипостась Амура; Боккаччо еще не знаетъ ея имени, какъ не зналъ и тогда, когда она предстала ему въ вѣщихъ видѣніяхъ у гробницы Виргилія, при вѣздѣ въ Неаполь, во снѣ. Въ новой обстановкѣ мы опять на почвѣ ста-

1) Сл. выше стр. 219.

2) Въ его канцонѣ: *Tractatus amoris et operum ejus*.

3) Сл. *Canzone I*, в. 64—5, и *Gen. Deor.*, l. IX, с. 4.

4) XV, 21.

5) *Ib.*, 17.

6) XVI, 1—7.

7) l. с., 14—16.

рых автобіографическихъ воспоминаній, которыя Боккаччо не устаетъ лелѣять.

Власть Амура иллюстрирована цѣлымъ рядомъ изображеній, на которыя заглядывается Боккаччо. Здѣсь онъ могъ проявить ту начитанность въ классическихъ мифахъ, которою надѣлилъ его впервые Паоло изъ Перуджіи; онъ рассказываетъ ихъ подробно, умиляясь и размышляя. Передъ нами проходятъ любовныя шашпи Юпитера, Марса, Вакха и другихъ боговъ; басня объ Алкменѣ рассказана по передѣлкѣ плавтовскаго Амфитріона, принадлежащей Виталию изъ Блуа¹⁾; мифъ о Марсѣ и Венерѣ, которыхъ засталъ Вулканъ, вызываетъ тѣ же практическіе со-вѣты²⁾, какъ и въ новеллѣ о королѣ Агилульфѣ³⁾; рассказывается плачевная повѣсть о Пирамѣ и Тисбе⁴⁾, любовныя приключенія Язона⁵⁾; поэтъ умиляется пѣснѣ Орфея въ похвалу |
298 облагораживающей силы Амура⁶⁾, говоритъ, по поводу, о под-
вигахъ Иракла⁷⁾, о судѣ Париса⁸⁾, пересказываетъ по Вергилію блаженство и сѣтованія Дидоны⁹⁾. Любовники рыцарскаго ро-
мана (Флоріо, Ланцелотъ, Тристанъ) упомянуты вскользь, — и Боккаччо снова устремляетъ взоры на сидѣвшую рядомъ съ Аму-
ромъ красавицу: Да восхваленъ будетъ создавшій тебя! Если бы когда вибудь онъ снова замыслилъ сотворить нѣчто столь же прекрасное, я увѣренъ, возвеселились бы небо и адъ, святые спустились бы къ такому сіянію, а тѣ, что въ преисподней, устремились бы къ нему. Счастливы тотъ, чьи желанія направ-
лены къ такому блаженству, если онъ не поспѣшитъ искать удовлетворенія—въ низменномъ актѣ¹⁰⁾! — Это такая же абстракт-

1) XVIII, 24 слѣд.

2) XIX, 11—13.

3) Дек., III, 2, = I, стр. 197 русск. пер.

4) XX, 15 слѣд.

5) XXI.

6) XXIII, 10.

7) XXVI, 14 слѣд.

8) XXVII, 1 слѣд.

9) XXVIII.

10) XXIX, 23.

ція отъ всякой чувственности, какъ у Данте¹⁾, гдѣ источникомъ любви являются глаза Беатриче, ея цѣлью — ея уста, посылающія привѣтъ.

Какое было счастье лицезрѣть все то, что ты такъ хулила! говоритъ поэтъ, обращаясь къ своей руководительницѣ, а она продолжаетъ убѣждать его, что все это обманъ, и онъ заблуждается, истинное благо можно обрѣсти лишь на тѣсномъ пути; я покажу тебѣ, въ какую печаль и плачъ обратились слава и веселья пѣсни людей, возлагавшихъ свою надежду на Фортуна. И она ведетъ его въ слѣдующій покой, гдѣ изображена Фортуна, съ завязанными глазами, то веселая, то печальная; она вращаетъ колесо, люди взбираются на его верхъ и падаютъ, а она не внемлетъ ничьимъ просьбамъ, точно глухая. Она и мнѣ враждебна съ колыбели, говоритъ поэтъ; а ты еще обуреваемъ желаніемъ мірскихъ благъ? смѣется его руководительница; вѣдь счастливѣе всего тѣ, къ которымъ она неблагосклонна. Люди |
взываютъ къ ней, прося кто богатства, кто славы, кто именитаго 299
рода, не зная, сколько сопряжено съ ними горя и безпокойства²⁾; что до благородства, то податель его не доля, а доблесть³⁾. Передъ поэтомъ встаютъ въ картинѣ образы людей, возвеличенныхъ и сброшенныхъ Фортуной, Александръ Великій и Сципіонъ, Діонисій Сиракузскій и Цезарь⁴⁾: сюжетъ, издавна занимавшій автора — до мрачнаго пессимизма его книги о Роковой участи именитыхъ людей.

Поэтъ видимо убѣдился, теперь онъ горитъ желаніемъ пойти туда, куда обѣщаетъ повести его чудесная жена. Они идутъ; по дорогѣ въ дверь налѣво виденъ цвѣтущій садъ, изъ котораго несутся веселья пѣсни. Войдемъ туда и отдохнемъ, говоритъ поэтъ; юноши побуждаютъ его; онъ колеблется, потому что руко-

1) Vita Nuova, XIX.

2) XXXII; сл. Дек., II, 7, начало.

3) XXXIII; сл. Filostrato, VII, 99; Filocolo, сл. выше стр. 209; Дек., IV, 1, 8; Corbaccio, стр. 199 слѣд.

4) XXXIV—XXXVII, 7.

водительница его отговариваетъ: вижу я, что ты во всемъ хочешь слѣдовать твоему влеченію; пойдемъ, но ты еще можешь раскаяться и когда захочешь вернуться со мною, я оставлю тебя одного въ страданіяхъ.

Слѣдующія пѣсни¹⁾ вводятъ насъ снова въ область лично-пережитаго; та же знакомая повѣсть любви, только въ другой обстановкѣ и съ новымъ освѣщеніемъ.

Путникамъ представляется на зеленомъ лугу большой фонтанъ, украшенный изваяніями; четыре женскія, очевидно, аллегорическія фигуры²⁾ поддерживаютъ чашу изъ краснаго мрамора, изъ нея поднимается круглая, точно алмазная колонна, увѣнчанная золотой капителью, на которой стоитъ группа изъ трехъ женщинъ, обращенныхъ другъ къ другу спиною: одна изъ нихъ бѣлая, другая красная, третья черная. Онѣ-то и источаютъ воду; та, что исходитъ отъ бѣлой фигуры, выйдя черезъ львиную |
300 пасть, струится медленно въ берегахъ, не знающихъ осени и отцвѣта, вѣчно приносящихъ цвѣты и плоды. Влага отъ красной статуи истекаетъ изъ головы быка, и отъ нея все зеленѣетъ и живетъ, но не постоянно, а временами, тогда какъ пустыня стелется вокругъ темной струи, бьющей черезъ волчью пасть отъ черной женщины³⁾. Такъ иносказательно изображаются три рода любви, о которыхъ разсуждала Фьяметта въ обществѣ Галеоне: небесной, житейской и продажной. Она отдавала предпочтеніе

1) XXXIX слѣд.

2) Четыре житейскихъ добродѣтели; см. выше стр. 233—4.

3) Сходень аллегоризмъ въ легендѣ (*De poenis mulierum non amantium*), разсказанной Андреемъ Капелланомъ (*De Amore*, ed. Trojel, I. I, с. VI, р. 99 слѣд.): изъ-подъ чудеснаго дерева, подъ которымъ возсѣдаетъ царица любви, бьетъ источникъ, и воды его неравномѣрно распредѣляются въ трехъ concentрическихъ кругахъ. Внутренній зовется *amoenitas*; второй *humiditas*: *rivuli quidem, qui propriis contenti alveis irrigabant amoenitatem, in hac parte secunda suas nimio vires ostendebant et totam humiditatem ita scilicet, quod herba mixta simul apparebat cum aqua, sicut tempore veris solet in pratis pluvialibus apparere diebus*. Это пребываніе женщинъ, грѣшившихъ *immoderata sui largitione et hominum indiscreta susceptione*. Внешній кругъ — это *siccitas*: здѣсь томятся недоступныя любви.

первой, и какъ Галеоне стоялъ тогда за вторую, такъ и теперь Боккаччо: его руководительница хочетъ идти по пути, отъ котораго всего ближе къ тропѣ, ведущей къ миру, а онъ направляется по теченію воды, истекающей изъ головы быка¹⁾. Не заботясь о моемъ благѣ болѣе, чѣмъ я того желаю; будетъ время, и я сумѣю обратиться къ твоей помощи²⁾, говоритъ онъ спутницѣ и, влекомый юношами, покидаетъ ее, къ добру или къ злу, самъ того не зная.

Припомнимъ знакомыя намъ біографическіе факты: Боккаччо вступаетъ въ Неаполь подъ впечатлѣніемъ чудеснаго видѣнія Фьямметты; возвращается въ обществѣ неаполитанскихъ дамъ, въ сферѣ житейской любви, увлеченъ Пампинеей, Абротоніей, и забываетъ ихъ, когда Фьямметта предстала ему воочію. Такъ и въ Любовномъ Видѣніи: вначалѣ вѣщее видѣніе Фьямметты, возсѣдающей съ Амуромъ, затѣмъ странствованіе по берегамъ | потока, истекавшаго изъ головы быка, — и группы неаполитан- 301 скихъ и тосканскихъ красавицъ по пути. Онѣ поютъ, пляшутъ, рвутъ цвѣты; Боккаччо называетъ ихъ такъ прозрачно, намекая на имена, гербы и семейныя отношенія, что многія изъ указанныхъ имъ личностей могли быть отождествлены; инныя изъ нихъ встрѣчались и въ Діаниной Охотѣ и въ Capitolо. Здѣсь и Агнеса Перигорская³⁾, и внучка короля Роберта, Джьованна⁴⁾, Андреина Аччяйюли, сестра великаго сенешаля⁵⁾, и Дельфина Баросса⁶⁾, и Элеонора Джьянфильяцци⁷⁾. Поэтъ любитъся ими, загораюсь новою страстью⁸⁾, но сдерживаетъ желаніе⁹⁾. Въ одномъ кружкѣ сидѣли дамы, бесѣдуя о любви. Онѣ отличаются степенностью

1) XXXIX.

2) XL, 3.

3) XLI, 4 слѣд. Сл. выше стр. 55—6.

4) XLII, 5—6.

5) XLII, 12 слѣд.

6) Ib., 17 слѣд.

7) XLIV, 3 слѣд.

8) XL, 26.

9) XLI, 26—27.

нравовъ, разумомъ и добродѣтелью и красотою; но всё ихъ преимуществва поблѣднѣли передъ одною, которая овладѣетъ сердцемъ поэта: въ бесѣдѣ съ Элеонорой Къярамонте¹⁾ онъ увидѣлъ Фьямметту²⁾: она изъ рода Томы Аквината, ей имя Марія; на ней вѣнокъ изъ лавровъ, она рветъ цвѣты, чтобы еще болѣе украсить себя, сочувственно прислушиваясь къ печальной повѣсти своей собесѣдницы. — Боккаччо проходитъ мимо — къ описанію другихъ красавицъ, какъ вдругъ его поразило что-то невѣдомое; онъ оглядывается въ трепетѣ и видитъ одиноко сидящую красавицу: онъ припоминаетъ, что видѣлъ ее уже ранѣе, въ обществѣ дамъ, еще раньше — въ окруженіи Амура³⁾. У него является страстное желаніе войти въ сферу того сіянія, которое исходитъ отъ ея глазъ, и онъ вступаетъ въ него и самъ издѣвается надъ такой смѣлостью⁴⁾. Ему кажется, что такъ прошли 24 дня⁵⁾, | 302 когда ему послышался голосъ, сладостный и страшный: Не издѣвайся надъ моею властью, не пугайся моего величія, оно смирится передъ тобою, коли ты того пожелаешь; почти мою красу и забудь о всякой другой, если ты не хочешь испытать моего гнѣва⁶⁾. Она обвила его сердце своими волосами⁷⁾, а онъ будто отвѣчаетъ ей: Я въ твоей власти и теперь и всегда, ибо того желаю. — Онъ чувствуетъ, что новая страсть увлекаетъ его болѣе, чѣмъ прилично, чѣмъ слѣдуетъ⁸⁾; а она явилась къ нему, вскрыла его сердце, начертала въ немъ золотомъ свое имя, а на палецъ надѣла перстень, отъ котораго шла цѣлочка къ ея сердцу. Съ тѣхъ поръ онъ весь во власти ея глазъ, заколдованъ въ кругу ихъ блеска, и не будь его желанія чрезмѣрны⁹⁾, онъ могъ бы похва-

1) XLIII, 8 слѣд. Или Camiola Turenga? Сл. Catenacci, I. с., стр. 27—8.

2) Ib., 13 слѣд.

3) XLIV, 15.

4) Ib., 20.

5) Ib., 21.

6) XLIV, 25—6.

7) Сл. сон. XXXVIII.

8) XLV, 2.

9) Ib., 16.

литься благосклонностью Амура: когда онъ желалъ увидѣть свою милую, Амуръ являлъ ей красоту, но это лишь болѣе разжигало его страсть. И она не противилась бы ей, если бъ не сознание опасности, она допускала его скорбѣть, поддерживая его своимъ состраданіемъ, управляя желаніями. А онъ все стремится къ конечной цѣли, знаетъ, что исполненіе надеждъ далеко, но начинаетъ замѣчать, что и она готова сжалиться, склониться и, дѣйствуя осторожно, положить конецъ его мукамъ¹⁾. Онъ умоляетъ ее о томъ—въ предѣлахъ чести, подобающей ей нравамъ²⁾.

И вотъ цѣль достигнута; хронологическая помѣтка Боккаччо убѣждаетъ насъ, насколько въ основѣ его иносказаній лежатъ дѣйствительные факты: въ апрѣлѣ 1338 года онъ увидѣлъ Фьямметту въ церкви Санъ-Лоренцо, Амето относитъ извѣстное намъ ночное посѣщеніе къ октябрю, вѣроятно, того же года³⁾; двадцать четыре дня оставался Боккаччо въ нерѣшительности, 303 говорится въ нашемъ Видѣніи⁴⁾, 135 дней находился онъ подъ ея сладостнымъ игомъ⁵⁾, когда ему досталось въ удѣлъ блаженство, котораго онъ чаялъ. Считая отъ 11-го апрѣля, это было бы въ сентябрѣ; отличіе, объяснимое, быть можетъ, не колебаніемъ воспоминаній, а требованіями стиха и иносказательной тайны.

Боккаччо не вѣритъ своему счастью, оно кажется ему сномъ, а Фьямметта спрашиваетъ его тихо и нѣжно: Скажи мнѣ, душа моя, какъ ты сюда явился?—Амуръ отверзъ мнѣ глаза на твою красоту, отвѣчаетъ онъ и рассказываетъ о своихъ руководителяхъ-юношахъ и женѣ, долго его сопровождавшей. Фьямметта задумалась: Ступай и отыщи ее, говоритъ она, и слѣдуй ей во всемъ, потому что она наставляетъ на правый путь всякаго заблудшаго; только въ одномъ не будь ей послушенъ, если бъ она пожелала заставить тебя забыть меня. Повинуйся ей, содержи

1) *Ib.*, 25.

2) XLVI, 5.

3) *Сл. выше стр. 154; сл. стр. 230.*

4) XLIV, 21.

5) XLVI, 6.

меня въ твоёмъ сердцѣ, и благо тебѣ будетъ; теперь я желала дать тебѣ лишь залогъ того, что прекратить твою печаль¹⁾).

Поэтъ медленно возвращается вспять: онъ счастливъ, но неутоленъ, его любовь разгорѣлась, кто ее потушить? Его руководительница встрѣчаетъ его съ распростертыми объятіями, онъ говоритъ ей, кѣмъ посланъ: пойдѣмъ къ ней, побудѣмъ вмѣстѣ, а тамъ отправимся втроемъ, куда ты пожелаешь. — Твоя просьба неразумна, отвѣчаетъ она; я хорошо знаю, зачѣмъ я тебѣ нужна, и въ чемъ твое желаніе, но твоя милая болѣе согласна со мною, чѣмъ ты²⁾). Пойди сначала за мною, послѣ вернемся и къ ней. — Но поэтъ несогласенъ, и его руководительница склоняется на его просьбы, если онъ поклянется не дѣлать ничего противъ ея воли. — Только не вели — не любить ее, отвѣчаетъ онъ; ты могла бы гнѣваться по праву, если бъ я любилъ ее лишь страстнымъ вожделѣніемъ, но я люблю ее, какъ ближняго, служу ей и 304 честную ея благодать³⁾). — Посмотрю я, правду ли говорятъ твои слова, отвѣчаетъ аллегорическая жена. И они идутъ; увидѣвъ Фьямметту, она говоритъ Боккаччо: Теперь мнѣ легче будетъ оказать тебѣ милость, а прежде было трудно; вѣдь она — милая мнѣ, дорогая сестра, и мы давно были бы у нея, если бъ ты ее назвалъ; она ничего не дѣлаетъ и не говоритъ безъ моего совѣта. Потому обуздай свое желаніе и отдайся тому истинному блаженству, на которое я не разъ тебѣ указывала; слѣдуй ей во всемъ, ибо она расположена къ тебѣ такъ же, какъ и я. — Дщерь добродѣтели, обращается она къ красавицѣ, соединяя ея руку съ рукой Боккаччо: вотъ онъ оставилъ всѣ увлеченія, чтобы слѣдовать за тобою; въ этомъ его спасеніе; его юность не знала узды, но я нашла ее, направивъ его къ той высотѣ, откуда спустилась ты, чтобы объявить міру свою красу. Подними же его своею честною рѣчью, чтобы и ему быть въ почетѣ, къ твоему и его

1) LXVI, 24 слѣд.

2) LXVII, 17.

3) Ib., 23—24.

удовольствію; тебѣ я его дарую: пусть онъ вѣчно будетъ твоимъ, не осмѣливаясь преступить твои велѣнія. — Жена совѣтуетъ имъ отдохнуть въ цвѣтущей мѣстности, чтобы набраться силъ для общаго восхожденія. Они гуляютъ, весело смѣясь, бесѣдуя о любви, срывая цвѣты; ихъ спутница отстала, и они рѣшаются обождать ее въ глухой лѣсной чащѣ ¹⁾. Они одни, Фьямметта полудремлетъ на травѣ. Чего я жду, почему не воспользуюсь случаемъ совершить то, чего жажду, чего желаетъ и она? Ему снится, что она противится, колеблется, готова склониться, — и моментъ восторга отлетаетъ вмѣстѣ съ сновидѣніемъ ²⁾.

Любовное Видѣніе еще не кончилось, но кончились признанія: послѣдняя ³⁾ пѣсня досказываетъ лишь надежды опечаленнаго поэта, когда вдали отъ Фьямметты онъ передумывалъ: кто виновать, онъ или она? И ему казалось, что не все кончено, потому что аллегорическая жена снова предстала ему и говорить: Все, что тебѣ видѣлось, еще будетъ твоимъ, если ты меня не поки- 308 нуль. Идти къ ней теперь же, какъ ты того желаешь, нельзя, не обдумавъ серьезно, ибо ты можешь раскаяться; послѣдуй за мною, и я доставлю тебѣ миръ и утѣшеніе красоты, которую твоя душа постоянно являетъ твоему сердцу ⁴⁾. — И онъ готовъ, если это угодно той, кому онъ принадлежитъ всецѣло, вступаетъ на тѣсный путь ⁵⁾ и надѣется, что Фьямметта еще сжалится надъ нимъ и утолитъ скрытое въ его груди пламя, въ которомъ онъ горитъ съ каждымъ днемъ болѣе ⁶⁾.

Любовное Видѣніе дополняетъ признанія Филоколо, отрицая ихъ. Въ Филоколо Идалагъ-Галеоне — несчастный любовникъ, покинутый своей милой; онъ — страдалецъ, она — безжалостная кокетка. Амето выдвинулъ новыя точки зрѣнія, приготавливая Лю-

1) XLVIII.

2) XLIX.

3) L.

4) I. с., 9.

5) Ib., 17.

6) Ib., 27—31.

отъ излишней горячности духа, воспитанной неупорядоченнымъ желаніемъ»¹⁾.

Эта неутолимая горячность духа, едва коснувшаяся наслажденія, очищенная сознаниемъ вины и робкимъ ожиданіемъ, и сдѣлала его пѣвцомъ Фьямметты; она подняла его надъ реализмомъ Діонео, надъ ревнивою страстью Троила и безсильной попыткой Амето помирить антично-плотскую любовь съ порывами неземной и мистической, — на высоту того художественно-самоотреченнаго чувства, на которой виновнымъ оказался Памфило-Боккаччо, человѣчески ревнуетъ и страдаетъ Фьямметта. Такъ произошелъ романъ, носящій ея имя, — и мы предвкушаемъ психологически-разнообразную объективность Декамерона. — Ни Данте, ни Петрарка не были къ ней способны, никто изъ нихъ не пережилъ такъ широко и не выразилъ такъ откровенно всей скалы любовныхъ ощущеній. Правда, среди нихъ мотивы плотскаго, пластичнаго подчеркнуты рѣзко, выходъ изъ нихъ совершается не безъ борьбы, но она человѣчна; идеализація Фьямметты никогда не заставляетъ насъ забывать, среди дантовскихъ формулъ, что она — женщина; есть | у Боккаччо и паденія, которыя и ³⁰⁷ ощущаются, какъ таковыя: съ вдовой Корбаччо, съ безыменной матерью его дѣтей. Это была такая же дань чувственности, какъ и у Петрарки; семья отдана дѣлу и долгу, строгой поэзіи обряда и мирнымъ радостямъ очага; чувство воспитывали Беатриче, Лаура, Фьямметта, мистически-разсудочное, художественно-виртуозное, сентиментально-страстное. Декамеронъ знаетъ его во всѣхъ отгѣнкахъ, и лишь беззастѣнчивая чувственность нѣкого-рыхъ его новеллъ заставляетъ насъ забывать его значеніе въ литературной эволюціи чувства любви. |

1) Введеніе, стр. 1 русск. пер.; сл. Corbaccio, стр. 123: disordinato appetito.

IV.

ВЫХОДЪ КЪ СВОБОДНОМУ ТВОРЧЕСТВУ (ТЕЗЕИДА И НИМФЫ
ФЪЕЗОЛЕ),

I.

Въ сравненіи съ Амето и Любовнымъ Видѣніемъ, Тезеида и 311 *Ninfale Fiesolano* отличаются бѣльшимъ спокойствіемъ: автобіографическій моментъ не такъ тревоженъ, болѣзненная идеализація не ищетъ болѣе дантовской терцины, она принесена въ жертву октавѣ Филострато, и прирожденная *Lust zum Fabuliren* идетъ навстрѣчу античнымъ мотивамъ. И Амето и Любовное Видѣніе полны классическихъ воспоминаній, но тамъ они служебны, теперь они даютъ дѣйствіе и мѣтятъ на колоритъ. Боккаччо какъ бы находитъ въ нихъ освобожденіе отъ страстности; Амето онъ писалъ, какъ влюбленный, не какъ поэтъ¹⁾, теперь отношенія измѣнились: *Ninfale Fiesolano*—такая же пастораль, какъ Амето, но она сбросила оковы аллегоріи; Тезеида — новая попытка въ области классическаго эпоса, послѣ неудачи Филоколо. При отсутствіи другихъ хронологическихъ данныхъ, художественный и психологическій критерій является рѣшающимъ: Тезеида и *Ninfale Fiesolano* написаны позже аллегорическихъ поэмъ, во Флоренціи, вѣроятно, въ половинѣ 40-хъ годовъ.

Тезеида—первая въ новыхъ литературахъ поэма, написанная по типу классическихъ. Боккаччо сознавалъ это новшество и ставилъ его въ заслугу себѣ: съ тѣхъ поръ, какъ «обнаженные» (т. е. народныя) музы объявились среди смертныхъ, говоритъ онъ въ послѣдней пѣснѣ²⁾, очевидно, повторяя дѣленіе Данте³⁾,

1) Сл. выше стр. 268—9.

2) XII, 84—86.

3) *De Vulg. Eloquentia*, II, с. 2.

12 были | люди, писавшіе въ прекрасномъ стилѣ о вещахъ серьезныхъ ¹⁾, другіе пѣли про любовь, ты же, о моя книга, впервые воспѣла о трудныхъ дѣлахъ Марса, о которыхъ никто еще не читалъ на народномъ итальянскомъ языкѣ ²⁾. А такъ какъ ты впервые пускаешься по волнамъ, по которымъ до тебя никто еще не плавалъ, быть можетъ, и тебѣ, хотя и низменной, достанется, въ числѣ другихъ, нѣкій почетъ; а ты, явясь въ ихъ среду, почти, какъ старшихъ, своихъ предшественниковъ, научая тѣхъ, кого опередила ³⁾. Авторъ ждетъ себѣ награды и лавроваго вѣнка ⁴⁾, очевидно, не за вымыселъ поэмы, о которомъ не упоминаетъ ни одинъ латинскій писатель ⁵⁾, а за починъ эпическаго пѣснопѣнія въ классическомъ стилѣ.

Что до замысла и эпическихъ пріемовъ, Тезеида стоитъ на точкѣ зрѣнія Филоколо. Боккаччо наивно заявляетъ, что будетъ пѣть о дѣлахъ Марса, тогда какъ въ основѣ лежитъ новелла о двухъ друзьяхъ, влюбленныхъ въ одну и ту же женщину, и все дѣло вертится на конфликтѣ между чувствомъ дружбы и любовью. Къ подобному сюжету Боккаччо вернется въ одной изъ новеллъ Декамерона ⁶⁾; пока онъ поставилъ его въ центрѣ эпическаго дѣйствія, матеріалы котораго заимствованы изъ Эиваиды Стація и какой-нибудь версіи Roman de Thèbes, отдѣльныя подробности— изъ Виргилія и Овидія—и Roman de la Rose ⁷⁾, тогда какъ стиль попрежнему полонъ дантовскихъ воспоминаній. Внѣшній колоритъ классическихъ источниковъ перенесенъ и на новеллу, |

1) Con bello stile in onesto parlare, XII, 84.

2) Volgar lazio; сл. De Vulg. Eloquentia: Arma vero nullum Italum adhuc invenio poetasse.

3) Materia dando a cui dietro hai lasciato; сл. Theb., XII, 810, гдѣ Стацій упоминаетъ Виргилія.

4) Сл. въ концѣ поэмы сонетъ къ музамъ.

5) I, 2.

6) X, 8. Въ основѣ новеллы лежитъ кака-нибудь версія романа объ Athis и Prophilias. Сл. Crescini, Contributo, стр. 237, прим. 1.

7) Объ источникахъ Тезейды, особенно о заимствованияхъ у Стація, сл. Crescini, I. c., стр. 220 слѣд. Наши случайныя указанія имѣютъ въ виду его обстоятельный разборъ.

составляющую главное содержаніе поэмы: имена ея героевъ, 313 Арчиты и Палемона, по всей вѣроятности, также подслушаны у Стація, гдѣ Палемонъ—имя витязя¹⁾, Athys—женихъ Исмены, преобразившійся у Боккаччо въ Арчиту, можетъ быть, подъ вліяніемъ Гораціева Archytas. Чтобы поднять новеллу на высоту эпическаго дѣйствія Боккаччо прибѣгаетъ къ тѣмъ же средствамъ, какъ и въ Филоколо: его влюбленные герои, потомки Кадма, готовы объяснить свои несчастія гнѣвомъ Юноны, тяготящимъ надъ ихъ родомъ, героиня свои сердечныя неудачи — карой Діаны за то, что она рѣшилась отречься отъ дѣвственности амазонки. Болѣе того: всѣ герои греческой древности выступаютъ на сцену и бьются на турнирѣ, чтобы рѣшить вопросъ, кому изъ двухъ соперниковъ будетъ принадлежать прекрасная Эмілія, и когда одинъ изъ нихъ, Арчита, скончался, о немъ говорится, что ни одинъ доблестный мужъ въ Греціи не былъ оплаканъ такъ, какъ онъ²⁾. Такой сюжетъ дѣйствительно не могъ воспѣть ни одинъ «латинскій авторъ». Какъ въ Филоколо, такъ и въ Тезейдѣ, классическіе и средневѣковые моменты сплелись въ какое-то фантастическое представленіе жизни, напоминающее не столько средневѣковые романы о Троѣ и Александрѣ Великомъ, сколько старо-итальянскихъ мастеровъ: въ пестрой смѣси предпочтеніе явно отдано классическому моменту, но самая смѣсь ровнѣе, устроениѣе, чѣмъ въ Филоколо, и мы склонны признать за ней нѣкоторую призрачную жизненность. Описаніе классическихъ обрядовъ, требъ и игръ, чередуется съ представленіемъ христіанскаго ада³⁾ и средневѣковой дуэлью; греческихъ героевъ посвящаютъ въ рыцари, гремятъ трубы, накрываютъ барабаны⁴⁾, турниръ происходитъ въ амфитеатрѣ, вооруженіе, смѣшанное изъ стараго и новаго, менестрели и буффоны потѣшаютъ гостей и |

1) Thebaid., VIII, 135.

2) XII, 14.

3) Eterna fornace, X, 106.

4) II, 54.

4 награждены подарками ¹⁾; самъ Тезей носитъ хорошо знакомый Боккаччо, и не только по Roman de Thèbes, титулъ герцога Аѳинскаго — и влюбленъ. Боги вмѣшиваются въ людскія дѣла, но не такъ назойливо и часто, какъ въ Филоколо, и, по самому свойству сюжета, нѣтъ классической трагестіи христіанства; лишь порой въ размышленіяхъ о будущей жизни слышны неясные христіанскіе мотивы.

Написать поэму въ двадцать пѣсенъ на сюжетъ новеллы о конфликтѣ любви и дружбы Боккаччо удалось лишь при помощи общихъ мѣстъ эпикки: описаній, портретовъ, рѣчей и сравненій ²⁾; двѣ первыя пѣсни еще стоятъ внѣ дѣйствія поэмы, являясь какъ бы историческимъ введеніемъ. При царѣ аѳинскомъ Эгеѣ жилъ въ Скиѳіи жестокій народъ амазонокъ, съ царицей Инполитой. Подобно внучкамъ (piroti) Бела онѣ перебили у себя всѣхъ мужчинъ и умерщвляли всѣхъ, кого заносило къ нимъ случайно. Тезей, до котораго дошли на то жалобы, рѣшается положить конецъ неуправству. Въ то время кровавый Марсъ возвращался изъ лѣса, куда водилъ, въ недобрый часъ, сонмы свирѣпаго виванскаго царя; Тезей чувствуетъ его горячее присутствіе, когда онъ направлялся на колесницѣ въ свои палаты на Рифейскихъ горахъ, всюду воспламеняя небо и напередъ зная, что должно случиться. — Огненный, красный Марсъ типиченъ для Боккаччо ³⁾. — Собравъ своихъ бароновъ, Тезей объявляетъ имъ |

1) VII, 99; XII, 80.

2) I, 38: кабанъ (сл. VII, 119 слѣд.; Inf., XIII, v. 112 и Stat. Theb., XI, 530 слѣд.); 42: левъ при видѣ добычи; 67: моряки, бросающіеся впасть съ гибнущаго корабля; 74: волкъ, кидаящійся на овецъ; III, 27: вѣтры, вырывающіеся изъ пещеръ Эола; 33: укушеніе змѣей; V, 99: поблекшая роза, обновляющаяся на зарѣ или подъ вѣяніемъ зефира (сл. IX, 28; Inf., II, 127 слѣд.; Filostrato, II, 80); VII, 106 – 7: страхъ охотника въ ожиданіи льва; 115: левъ среди безрогаго стада; 129: человекъ, внезапно пробужденный шумомъ; 844: облако, надвигнувшееся на солнце; VIII, 8: лучъ, отраженный отъ воды или стекла; 26: львица въ поискахъ за своими львятами; 49: левъ, не насытившійся добычей; 63: борьба между змѣемъ и орломъ, защищающимъ своихъ птенцовъ, сл. 121; XI, 44: срѣзанныя розы.

3) Сл. Filocolo, выше, стр. 257; Fiammetta, стр. 23.

походъ; Ипполита прознала о немъ, ободряетъ своихъ въ про- 315 странной рѣчи: пусть покажутъ свою мужественность, онѣ, объявившія войну Амуру¹⁾. Пока она снаряжается къ защитѣ, греческій флотъ минуетъ Макронъ, Андросъ, Тенедосъ, Византію и вошелъ въ море Танаиса²⁾. Мирныя предложенія Тезея отвергнуты амазонками, которыя стараются помѣшать высадкѣ враговъ, при чемъ пущенъ въ дѣло и (греческій) огонь³⁾; крикъ стоялъ такой, что подобнаго не слыхалъ ни Нептунъ, ни Главкъ⁴⁾. Тезей внѣ себя отъ гнѣва: коригъ Марса и Минерву, имъ не дождаться отъ него жертвъ, бранить своихъ за трусость, что побѣжали передъ женщинами⁵⁾; пусть вернутся вспять и выберутъ себѣ новаго вождя. Велѣвъ притянуть свое судно, онъ одинъ спрыгнулъ въ воду и добрался до берега, за нимъ пошли и другіе; началась битва, часть грековъ сражается на коняхъ, сбросившихъ своихъ наѣздницъ; амазонки принуждены отступить въ крѣпость, которую греки осаждаютъ. Нѣсколько мѣсяцевъ стоятъ они подъ нею, среди постоянныхъ вылазокъ и битвъ, когда однажды, объѣзжая стѣны, Тезей надумался, что крѣпость можно взять, подкопавъ ея стѣны. Какъ услышала о томъ Ипполита, велѣла заложить внутри города другой, болѣе узкій кругъ стѣнъ, а сама пишетъ къ Тезею письмо, которое онъ велитъ прочесть въ присутствіи своихъ бароновъ. Она укоряетъ его за неожиданное, невызванное нападеніе; я не Медея, не готовилась отравить тебя, напротивъ, я всегда была поклонницей твоей доблести, желала видѣть тебя. Ты разубѣдилъ меня, и я не столько печалюсь за мою жизнь, сколько за твое достоинство. Вздумавъ воевать съ женщинами, ты поступилъ не по-рыцарски, говоритъ она, какъ амазонки въ посланіи къ Александру Македонскому; не |

1) I, 24.

2) Tanas, I, 41.

3) I, 52.

4) I, 55.

5) I, 61: Ah vituperio della gente achiva! *Сл. Inferno, XXXIII, 79: Ahi Pisa, vituperio delle genti.*

рыцарское также дѣло воевать подѣ землею. Ради твоей чести оставь насъ въ покоѣ, не то я заставлю тебя уйти отсюда насильно и съ урономъ¹⁾. — Выслушавъ содержаніе письма, Тезей улыбнулся: Счастливъ же я, что уберегъ свою жизнь, благодаря этой женщинѣ, поучающей меня, какъ мнѣ соблюсти въ людяхъ мою честь! — Въ отвѣтномъ посланіи онъ говоритъ, что обязанъ мстить за зло, учиненное его людямъ, и совѣтуетъ покориться; посланницамъ Ипполиты онъ показываетъ свои силы, подкопанныя стѣны; ему было бы жаль, если бѣ ему пришлось свирѣпствовать противъ враговъ. — Собравъ своихъ, Ипполита сообщаетъ имъ рѣшеніе Тезея; праведно гнѣвается на насъ Венера, съ нею и Марсъ; по моему мнѣнію, лучше всего подчиниться мужу, столь храброму и славному, милостивому и ласковому со всѣми, кто смирится передъ нимъ; отъ этого наша честь не пострадаетъ: всѣ же считаютъ насъ женщинами, а онъ — герцогъ Аѳинъ. — Въ толпѣ послышались противорѣчивые голоса, но никто не рѣшается выступить открыто, а Ипполита снова шлетъ къ Тезею своихъ посланницъ; пусть не являются назадъ безъ мира. Условія таковы, что Тезей женится на Ипполитѣ и станетъ править ея царствомъ по ея законамъ. Греки вошли въ городъ мирно, никому не нанеся ущерба; красавица Ипполита выѣхала навстрѣчу Тезею, съ нею ея младшая сестра Эмилиа; Амуръ былъ тутъ какъ тутъ и многихъ ранилъ въ сердце; самъ Тезей смотритъ на Ипполиту и говоритъ: она прелестнѣе Елены, которую я когда-то похитилъ; и его поразила стрѣла Амура, и ему пріятны невзгоды, понесенныя изъ-за красавицы. Амазонки преобразились: сломали заржавленное оружіе, стали попрежнему красивыми, милыми, свѣжими и привлекательными; злосчастные клики смѣнились шумными рѣчами и пѣснями, бранная поступь — межкими шажками. Вернулся и стыдъ, который онѣ отложили въ ту ночь, когда перебили своихъ мужей; онѣ принарядились, и вновь были открытъ забытый храмъ Венеры, гдѣ брачается съ Ипполитой |

1) I, 99—107.

Тезей. Тогда же совершились и другіе браки амазонокъ съ гре- 317
ческими витязями, а Эмилию Тезей прочить за своего пріятеля
Ахата.

До сихъ поръ Боккаччо стоятъ на почвѣ своихъ классиче-
скихъ чтеній и воспоминаній; Стацій и Roman de Thèbes и ле-
генда о женщинахъ Лемноса, рассказы объ амазонкахъ, объ ихъ
войнѣ съ Тезеемъ и его любви къ Антиопѣ—вотъ его источники;
въ одномъ изъ нихъ, очевидно, позднемъ, онъ нашелъ и анахро-
низмъ: старый Эгей еще живъ, тогда какъ древній мнѡз изобра-
жалъ его уже умершимъ.

Два года наслаждается Тезей съ своей Ипполитой, забывъ
обо всемъ остальномъ. Однажды весною, когда небо украшаетъ
долины и горы травой и цвѣтами, птицы поютъ на вѣткахъ про
любовь, а дѣвушки сильнѣе ощущаютъ пламя Венеры, Тезей
былъ въ саду, предаваясь любовнымъ мечтамъ, когда ему пока-
залось, что ему предсталъ его другъ Перитой и гнѣвно говоритъ
ему: Что же ты тунедствуешь въ Скиѡи, забывъ ради любви
свою славу? Вернись въ Грецію, или ты сталъ малодушень, и
твое мужество утратилось на лонѣ Ипполиты?—Перитой исчезъ,
но Тезей познаетъ въ этомъ знаменіи голосъ какого-нибудь бо-
жества, пекущагося объ его чести. Онъ рѣшается ѣхать и, вмѣстѣ
съ Ипполитой и Эмилией, направляется въ Аѳины.

Съ десятой строфы второй пѣсни главнымъ источникомъ
Боккаччо служила Энваида Стація, не только для эпической
рамки, которой онъ обвелъ свою новеллу, но и для нѣкоторыхъ
бытовыхъ подробностей послѣдней, особливо въ XI-й книгѣ.

Напомнивъ въ короткихъ чертахъ¹⁾ объ ужасахъ Эванской ле-
генды, Боккаччо переходитъ къ тому ея моменту, когда Креонтъ
запретилъ арголійскимъ женамъ предавать погребенію тѣла род-
ныхъ, падшихъ подъ Эвами. Жены отправляются въ Аѳины
молить Тезея о справедливости и защитѣ; ихъ принимаютъ ра-
душно, приглашаютъ въ дома, но онѣ ищутъ убѣжища въ храмѣ }

1) II, 11.

318 Милосердія (Clemenza). — Въ это время и вернулся Тезей; описанъ его торжественный вѣздъ въ городъ, вмѣстѣ съ Ипполитой и Эмилией, на колесницѣ, въ царской мантии и съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Онъ приноситъ жертву въ храмѣ Паллады; когда онъ проѣзжалъ мимо храма Милосердія, толпа женщинъ бросилась къ нему неистово, съ крикомъ и плачемъ. Онъ пораженъ; онѣ гнушаются моею славой, которая радуется другихъ, думается ему. Кто вы и почему такъ плачете? Выслушавъ рассказъ одной изъ нихъ, онъ рѣшается тотчасъ же исполнить ихъ желаніе и, не отдохнувъ, отправиться въ новый походъ. Ипполита останется пока съ Эгеемъ; она бы и сама отправилась, если бѣ Тезею пріятно было снова увидѣть ее съ оружіемъ въ рукахъ. Войско бодро откликнулось на его призывъ; не повидавъ ни отца, ни пріятелей, онъ покинулъ Аѳины и черезъ нѣсколько дней сталъ станомъ подъ Фивами, на поляхъ, надъ которыми еще носился смрадъ отъ покинутыхъ безъ погребенія труповъ. Вызовъ Тезея принять Креонтомъ, битва рѣшается ихъ единоборствомъ: Тезей сбрасываетъ замертво противника; пришелъ твой послѣдній день, говоритъ онъ ему, теперь ты понесешь должное наказаніе: твое оружіе я посвящу Марсу, тѣло отдамъ женамъ, которыхъ ты опечалилъ. Креонтъ отвѣчаетъ надменно, не измѣнившись въ лицѣ ¹⁾: Кончай скорѣе, лишь бы мнѣ умереть, прежде чѣмъ побѣда будетъ на твоей сторонѣ; пока я доволенъ, ибо могу рассказать подземнымъ богамъ, что преимущество было за моими. Онъ умолкъ, Тезей сталъ разоруживать его, уже похолодѣвшаго, потому что душа покинула тѣло. Побѣда остается за Тезеемъ, побѣжденные бѣгутъ въ горы и лѣса, за ними — горожане; Тезей позволяетъ своему войску разграбить городъ, щадя святыни, велитъ совершить похоронный обрядъ надъ тѣломъ Креонта, дабы онъ могъ принести адскимъ тѣнямъ лучшее о немъ свидѣтельство, чѣмъ именитые мужи, которыхъ тотъ лишилъ погребенія. Грече-

1) II, 63: nè sembianza mutò l'ardita fronte. Сл. Inf., X, 74—75 о Фаринатѣ: non mutò aspetto.

скимъ женамъ предоставлено совершить тризны надъ ихъ род- 319
ными, предоставленъ и самый городъ; предавъ его сожженію,
онѣ уносятъ съ собою прахъ своихъ ближнихъ.

Здѣсь и привязывается новелла, которую Боккаччо поста-
вилъ въ центрѣ своей поэмы. Откуда онъ ее заимствовалъ —
остается неизвѣстнымъ; имена не говорятъ сами по себѣ за клас-
сическій источникъ, всего менѣе — за греческій: типъ именъ латин-
скій, навѣянный чтеніями Боккаччо. На полѣ битвы нашли двухъ
раненыхъ юношей, ихъ видъ и блестящее вооруженіе даютъ по-
водъ предположить, что они царственнаго рода; ихъ не обезору-
живаютъ, а бережно несутъ къ Тезею; это Арчита и Палемонъ,
внуки Кадма, пріятели. Тезей велитъ уврачевать ихъ раны и бе-
реть съ собою; при его побѣдномъ вступленіи въ Афины, они
идутъ передъ его колесницей; въ храмъ Марса онъ повѣсилъ
оружіе Креонта и свой лавровый вѣнокъ; прибывъ во дворець,
разсказываетъ Ипполитѣ о своихъ подвигахъ и невзгодахъ, а она
пристально смотритъ на него своими плутовскими глазками, и
ему кажется, что онъ въ раю. Арчиту и Палемона онъ хотѣлъ
было предать смерти, чая отъ нихъ опасности, но затѣмъ осудилъ
на вѣчное заключеніе въ одномъ покоѣ своего дворца.

Умалился гнѣвъ Юноны съ паденіемъ Ѡивъ, Марсъ ушелъ
въ свою холодную обитель, и я стану въ болѣе пространной рѣчи
пѣть про Амура, да будетъ онъ мнѣ помощень! Такъ начинается
Боккаччо свою третью пѣсню. Прошелъ почти годъ съ тѣхъ
поръ, какъ двое юныхъ Ѡиванцевъ томились въ заключеніи, когда
Венера явилась имъ причиною новыхъ вздоховъ. Была весна¹⁾,
и все въ природѣ дышало любовью²⁾, когда однажды утромъ
красавица Эмилія вышла, по обыкновенію, въ садъ, въ юбкѣ и
босая; распѣвая любовныя пѣсни, она срывала бѣлой ручкой мо-
лодыя розы съ шиповъ и, усѣвшись на травѣ, плела вѣнокъ | для 320

1) Фебъ былъ въ созвѣздіи того мирнаго животнаго, которое увлекло
Европу, III, 5.

2) I. с., 6—7.

бѣлокурой головки. Услышавъ ея голосъ, Арчита открылъ окно и просунулъ голову за рѣшетку; было темно, ибо солнце еще невысоко стояло надъ горизонтомъ, но онъ разглядѣлъ красавицу. Подойди сюда, шепчетъ онъ Палемону: навѣрно сюда спустилась Венера; слышишь, какъ она поетъ? Палемонъ также смотритъ: это Цитерея, говоритъ онъ, я не видѣлъ ничего красивѣе. — Замѣчаешь ли и ты то же, что и я, въ ея прелестныхъ глазкахъ? спрашиваетъ Арчита. — Что такое? — Я вижу того, кто поразилъ красотой Дафны Аполлона; у него въ рукахъ двѣ золоченыхъ стрѣлы, вотъ онъ положилъ одну на тетиву и смотритъ на одного меня; можетъ быть, онъ недоволенъ, что я гляжу на красавицу. — Вижу и я, но, должно быть, онъ уже метнулъ стрѣлу, у него въ рукахъ всего одна. — Онъ такъ ранилъ меня, что боль уже подступаетъ къ сердцу, если эта богиня не поможетъ мнѣ. — Увы! вскрикнулъ ошеломленный Палемонъ, другая стрѣла угодила въ меня. — При этомъ увы! дѣвушка повернулась къ окошку, покраснѣлась, увидѣвъ незнакомыя лица, потомъ, ободрившись, поднялась и пошла съ собранными цвѣтами. Это увы! заставило ее задуматься; она еще не созрѣла для любви, но понимала, къ чему любовь стремится¹⁾, поняла, что сама она понравилась; это радуетъ ее, и она стала прихорашиваться всякій разъ, когда выходила въ садъ.

Оба юноши²⁾ повѣряютъ другъ другу свои чувства. Не знаю, чѣмъ угодилъ въ мое сердце суровый стрѣлокъ! говоритъ Арчита; образъ красавицы не выходитъ у него изъ ума, для него было бы высшимъ блаженствомъ понравиться ей, какъ она нравится ему. — И во мнѣ происходитъ то же, отвѣчаетъ Палемонъ; ничего подобнаго я не ощущалъ; ужъ не попали ли мы подъ власть Амура, болѣе удручающаго меня, чѣмъ тюрьма Тезея? — Такъ бесѣдуютъ между собою новые влюбленные, не зная, кто такая Эмилия, богиня или смертная; ихъ вздохи, чтó вѣтры, вы-

1) Affetta, III, 19.

2) Пока не рыцари, а конюшіе, III, 20.

рывающіеся изъ пещеръ Эола. — А Эмилиа продолжаетъ пока- 321
зыватья въ саду, поглядывая украдкой на окошко, откуда ей по-
слышалось увы! Палемона; не то, чтобы побуждалъ ее къ тому
Амуръ, а чтобы увѣриться, смотреть ли на нее. Когда она видѣла,
что на нее глядятъ, она, будто ничего не замѣчая, принималась
пѣть и частила ножками, пробираясь среди кустовъ, облеченная
скромной женственной граціей. Ей хотѣлось понравиться, но ее
увлекала къ тому не любовь, а врожденное женщинамъ тщеслав-
ное желаніе показать свою красоту: если у нихъ и пѣтъ другихъ
достоинствъ, онѣ довольны, если ихъ красоту похвалятъ; такъ,
желая приглянуться, онѣ овладѣвають другими, сами оставаясь
свободными ¹⁾).

Каждое утро оба влюбленныхъ стоятъ у окошка, надѣясь уто-
лить лицезрѣніемъ жажду любви, но еще болѣе растравляя рану.
Отъ долгихъ бдѣній и отсутствія аппетита оба они измѣнились,
но обманываютъ себя, говоря, что это отъ тюрьмы; уже отъ
вздоховъ дѣло дошло до слезъ, Оивы забыты, и узниковъ пугаетъ
мысль, что, освободившись изъ заключенія, они не увидятъ болѣе
свою милую. Они слагаютъ любовныя пѣсни въ честь Эмилии и
узнаютъ отъ одного служителя, кто она.

Такъ прошло лѣто; съ наступленіемъ осени Эмилиа перестала
являться въ садъ, и страданія влюбленныхъ усилились. Въ эту
пору пріѣхалъ къ Тезею его другъ Перитой; по его просьбѣ ему
показали еванскихъ плѣнниковъ; ихъ портреты не характерны ²⁾.
Перитой тотчасъ же призналъ Арчиту, своего пріятеля, и про-
ситъ Тезея дать ему свободу; тотъ согласенъ, но съ условіемъ,
чтобы онъ никогда не являлся въ его царство, подъ страхомъ
смерти. Арчита благодаритъ его: онъ весь въ его власти, готовъ
положить за него жизнь; къ такому страстному желанію влечетъ
обувавшая меня любовь — къ тебѣ и твоимъ. — Тезею невдомѣкъ,
чѣмъ подсказаны эти рѣчи, и онъ принимаетъ ихъ дословно, тогда |

1) III, 28—30.

2) III, 49—50.

322 какъ Арчита печалится объ отъѣздѣ, а Палемонъ, котораго снова отвели въ тюрьму, начинаетъ завидовать свободѣ товарища, которая дастъ ему и болѣе свободы — для любви¹⁾.

Перитой снаряжаетъ Арчиту, торопить отъѣздомъ, но въ Арчитѣ происходитъ борьба: Ты знаешь, какое тягостное скитаніе по свѣту предстоить мнѣ, говоритъ онъ; мы всѣмъ ненавистны, боги враждебны намъ, я хотѣлъ бы остаться здѣсь, чьимъ-нибудь служителемъ. Все это подсказываетъ Амуръ, но Перитой не догадывался; Арчита предпочелъ бы тюрьму свободѣ, но нѣкоторыя соображенія останавливаютъ его, какъ парализовали рѣшенія Троила²⁾: вѣдь его произвольное пребываніе въ тюрьмѣ объяснять не любовью, а малодушіемъ, тогда какъ свобода дастъ ему возможность вернуться, хотя бы и тайкомъ, пробраться къ Эмилиі, если бъ ее выдали замужъ въ чужую землю, и если не добиться ея любви, то хотя бы поглядѣть па нее. Прощаясь съ Палемонъ, онъ проситъ его мысленно напоминать о немъ его милой, когда онъ увидитъ ее; Палемонъ плачетъ: Я остаюсь одинокій, печальный, ты многое увидишь, и это развлечетъ тебя, я же хотя и буду иногда утѣшаться, видя Эмилию, стану пылать еще болѣе въ ея отсутствіи. Оба товарища падаютъ въ изнеможеніи, такъ что ихъ конюшимъ пришлось ихъ ободрить и поддержать. Уѣзжая, Арчита молить объ одномъ, чтобы ему еще разъ увидѣть Эмилию, и его молитва дошла до небесъ: Эмилиа показались на балконѣ съ своей служанкой и съ сожалѣніемъ глядитъ на удаляющагося въ изгнаніе. Арчита принимаетъ это за хорошее предзнаменованіе и еще часто озирается въ сторону Эмилиі, останавливая коня, какъ бы за тѣмъ, чтобы поправиться.

Арчита выѣхалъ изъ Аѳинъ въ осеннюю непогоду, какъ Флоріо и, какъ онъ, перемѣнилъ свое имя, дабы его не узнали: онъ назовется Пентеемъ. Всѣ его мысли отданы Эмилиі: О, если бы мнѣ пожить въ Аѳинахъ на свободѣ, чтобы возбудить въ тебѣ

1) III, 60.

2) Сл. выше стр. 142—143.

страсть, которой я сгораю! Я легче перенесъ бы мою разлуку; 328 но ты не можешь сочувствовать моему горю, а мнѣ и то было бы утѣшеніемъ, если бы по моей смерти ты сказала: да, онъ беззавѣтно любилъ меня! А вы, мрачныя области Дита, велите успокоиться всѣмъ, кто въ васъ томится, ибо, хотя я и живу, у меня мукъ больше, чѣмъ у любого изъ живущихъ или мертвыхъ.

Такъ среди нарекалій Амуру и Фортунѣ онъ добрался до Оивъ. Видъ разрушеннаго города приводитъ ему на память плачевную судьбу Кадмова рода и гнѣвъ Юноны, продолжающей тяготѣть и на его потомкахъ: на немъ и Палемонѣ.

Проведя короткое время въ Коринѣ и около года въ Микенахъ на службѣ у Менелая, онъ переѣхалъ въ Эгину, гдѣ пристроился у Тезея; его никто не узнаетъ, такъ измѣнило его горе, и кто бы ни приѣзжалъ изъ Аѳинъ, онъ у всѣхъ проситъ вѣстей, незамѣтно вставляя вопросъ объ Эмилиі. — Мотивъ, напоминающій новеллу о Тедалдо¹⁾, какъ слѣдующее за тѣмъ служеніе Арчиты у Тезея — сходное положеніе въ Декамеронѣ²⁾.

Однажды, когда, по обыкновенію, Арчита гулялъ по берегу, и ему пріятель былъ самый вѣтеръ, вѣявшій со стороны Аѳинъ, ибо онъ коснулся Эмилиі, въ гавань вошла лодка. Изъ разспросовъ Арчита узнаетъ, что нареченный женихъ Эмилиі, Ахатъ, умеръ три дня тому назадъ, и вотъ въ немъ внезапно возгорѣлась и старая любовь и желаніе вернуться; онъ такъ измѣнился, что ему нетрудно будетъ поступить, неузнаннымъ, въ услуженіе Тезея; а коли его узнаютъ, то вѣдь лучше умереть, чѣмъ вести такую жизнь. Нѣсколько дней живетъ онъ въ Аѳинахъ, скрываясь, и никто не призналъ его; молится въ храмѣ Аполлона, дабы онъ помогъ ему устроиться при Тезеѣ: у него не осталось ничего, онъ обѣднѣлъ, и онъ молитъ бога принять отъ него невиданную жертву: его слезы, вздохи и страданія и желаніе любви; ими онъ богатъ. По нѣкоторомъ времени онъ поступилъ на службу |

1) Декамеронъ, III, 7.

2) I. с., VII, 7.

324 къ Тезею, увидѣлъ Эмилию и ожилъ. Она тотчасъ же признала его, улыбнулась, но никому о томъ не сказала и самому Арчитѣ не подала вида. «Удивительное дѣло — любовь! Рѣдко бываетъ, чтобы любимая женщина, хотя бы она и не открыла своего сердца любящему, не содержала его въ своихъ мысляхъ; если она видимо и гнѣвается, тѣмъ не менѣе ухаживаніе ей пріятно, и если она не любитъ другого, ей придется, мало ли, много ли, полюбить ухаживающаго»¹⁾. Это — развитіе дантовскаго афоризма, что любовь не можетъ не вызвать любви²⁾, и вмѣстѣ характеристика Эмили: она полюбитъ потому, что любима.

Вскорѣ Арчита-Пентей такъ пришелся по сердцу Тезею, что сталъ ближнимъ къ нему человѣкомъ; свою страсть онъ скрываетъ и ведетъ себя осторожно, изрѣдка поглядывая на Эмилию, которая представляется, что не вѣдаетъ любви, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она уже понимала въ ней нѣчто, ибо такія пришли гѣта. Арчита весель, распѣваетъ, рядится, показываетъ свое искусство въ воинскихъ упражненіяхъ; но Эмилиа вѣдь не знаетъ, для кого онъ все это дѣлаетъ, а ему некому въ томъ открыться. И вотъ по ночамъ онъ уходитъ въ одну рощу и здѣсь бесѣдуетъ самъ съ собою. Амуръ обидѣлъ его, ибо онъ любитъ, но нелюбимъ; пусть поможетъ ему, это въ его власти, а онъ вѣчно будетъ славословить его въ своихъ нѣсношѣніяхъ. Среди такихъ жалобъ онъ засыпалъ и обновлялъ ихъ на зарѣ, передъ тѣмъ, какъ вернуться домой. Однажды утромъ онъ плакался на Фортуну, припоминая свои приключенія до той поры, когда, подъ именемъ Пентея, онъ ради Эмилиіи вернулся въ Аоины. Слышитъ эти сѣтованія Памфило, слуга Палемона, и снѣшитъ доложить о томъ своему господину.

Между тѣмъ Палемонъ отдавался въ тюрьмѣ нечальнымъ мыслямъ: то ему казалось, что Эмилиа достанется Арчитѣ, и его обуревала ревность, то являлась твердая увѣренность, что она |

1) IV, 55.

2) Amor a null' amato amar perdona, Inf., V, 103.

будетъ принадлежать ему, лишь бы ему выйти изъ тюрьмы. Выслушавъ разсказъ Памфило, онъ дивится любви и вмѣстѣ неразумію Арчиты, не велитъ Памфило сказывать о томъ, что знаетъ; если самъ онъ и ревнуетъ къ Арчитѣ, безъ его вины, то не желаетъ ему вреда; если боги благосклоннѣе къ нему, пусть будетъ ему удача, а мнѣ уронъ. Но затѣмъ мысли увлекаютъ его въ другую сторону: ему хотѣлось бы вырваться изъ тюрьмы, сосчитаться съ Арчитой съ оружіемъ въ рукахъ, ибо любовь и власть не знаютъ раздѣла. Онъ проситъ Памфило помочь ему, и тотъ придумываетъ разныя средства: полетъ въ родѣ того, которымъ освободился изъ заключенія Дедалъ съ Икаромъ; насильный увозъ, подкупъ стражей — все это оказывается невозможнымъ. Остановились на слѣдующемъ: какъ разъ въ ту пору прибылъ извѣстный врачъ Алиметъ; Памфило приведетъ его къ Палемону, который представится больнымъ и выйдетъ изъ тюрьмы въ одеждѣ врача, тогда какъ Алиметъ одѣнется въ платье Памфило. Бѣгство удастся, ибо Памфило подпоилъ стражей. Отдохнувъ въ гостиницѣ ¹⁾ и вооружившись, Палемонъ отправляется на поиски Арчиты, моля дочь Латоны помочь ему, направивъ его стопы, какъ направила путь Леандру. Арчиту онъ находитъ спящимъ подъ сосной; онъ не узналъ бы его, если бъ Фебея не освѣтила его лица своими лучами. Онъ не хочетъ будить его, а сталъ рядомъ и говорить про себя: О милый другъ, если бы ты теперь проснулся, между нами все бы скоро кончилось! — Уже близится день, и запѣли птички, когда Арчита пробудился; чего ты ищешь здѣсь, да еще вооруженный? спрашиваетъ онъ Палемона. — Тебя, товарищъ; тебя одного желалъ я встрѣтить, почему и бѣжалъ изъ тюрьмы. — И онъ радушно поздоровался съ нимъ, оба были рады другъ другу и разсказали свои похождения. Послушай, дорогой другъ, началъ Палемонъ, пылая любовью: я такъ люблю Эмилию, что не нахожу покоя ни днемъ, ни ночью; ты также лю-

1) Ostiere, V, 27.

326 бишь ее, но она можетъ принадлежать лишь одному; умоляю |
 тебя, согласишься, чтобы она была моею. — Арчита побагровѣлъ
 отъ гнѣва: Ты знаешь, Палемонъ, какимъ опасностямъ подвергъ
 я свою жизнь лишь затѣмъ, чтобы имѣть возможность служить
 Эмилии. То, чего ты просишь для себя, то уступи твоему родичу
 Арчитѣ. — Не того ожидалъ я отъ твоей дружбы; если ты отка-
 зываешь мнѣ въ дарѣ, клянусь Юпитеромъ и Венерой, мы рѣшимъ
 это дѣло оружіемъ, прежде чѣмъ разойдемся. — Къ чему хочешь
 ты подвергать себя и меня опасности, можетъ быть, смерти? Есть
 другое, лучшее рѣшеніе: пусть каждый изъ насъ постарается
 приобрести любовь Эмилии, и кому предоставитъ ее Фортуна, того
 она и будетъ. Если о насъ узнаютъ, намъ не видать ее, ибо насъ
 предадутъ смерти; потому будемъ оба любить тайно, пока не рѣ-
 шитъ иначе Юпитеръ. Положеніе дѣлъ можетъ измѣниться, я
 могу уѣхать, моя любовь — охладѣть, ты — попасть, какъ я, въ
 милость Тезея. — Палемонъ ничего не хочетъ слышать, а Арчита
 продолжаетъ уговаривать его: если ты убьешь меня, тебѣ будетъ
 не легче, придется вернуться въ тюрьму, либо бѣжать; а если бѣ-
 ты и полюбилъ Тезею, неужели ты убѣжденъ, что онъ отдастъ
 за тебя Эмилию? У него болѣе высокіе виды; я у него служу, а
 едва осмѣливаюсь поглядѣть на нее, а ты хочешь попросить ее
 за себя! Съ другой стороны, если бѣ я поклялся тебѣ не любить
 ее, неужели ты думаешь, что я въ состояніи сдѣлать это при
 всемъ стараніи? Что же хочешь ты предпринять? Станемъ ли
 мы биться, чтобы подѣлать мечемъ то, что намъ не принадле-
 житъ? Брось свой неразумный замыселъ, бѣги, пока не насталъ
 день, да и я не увѣренъ въ прощеніи, если меня узнаютъ. —
 О моемъ спасеніи прошу не заботиться, отвѣчаетъ Палемонъ; обо
 всемъ, что ты мнѣ говорилъ, я и самъ передумалъ. Потому, либо
 дай слово не любить Эмилии, либо готовься къ бою. — Арчита
 вздохнулъ, снова вспомнилъ ему гнѣвъ Юноны, гнетущій родъ
 Када до его послѣднихъ потомковъ; готовясь къ бою, онъ при-
 зываетъ боговъ въ свидѣтели, что не онъ его вызвалъ: его же-
 ланіе было бы и любить Эмилию и быть въ ладахъ съ пріятелемъ.

Дѣйствіе дошло до своего перелома: одна битва, и мы ожи-
 3 даемъ развязки, между тѣмъ поэма тянется еще на цѣлыхъ семь
 пѣсень. Шестая и седьмая полны эническихъ chevilles: общихъ
 мѣстъ объ измѣнчивости Фортуны¹⁾, о веселой, роскошной жизни,
 которую ведутъ старые пріятели, обновившіе дружбу; они опо-
 вѣщаютъ своихъ знакомыхъ, прося ихъ явиться на состязаніе,
 и тѣ приходятъ въ почти полномъ составѣ греческаго героиче-
 скаго міаа: Ликургъ и Пелей, Низъ и Агамемнонъ, Касторъ и
 Поллуксъ, Ипподамъ и Несторъ и друг.; описывается ихъ внѣш-
 ній видъ, вооруженіе, девизы на щитахъ; Агамемнонъ является
 на колесницѣ, запряженной быками, съ всклокоченными воло-
 сами, въ ржавомъ вооруженіи, съ медвѣжьей шкурой на пле-
 чачь²⁾: Боккаччо пустилъ здѣсь въ ходъ и свою классическую
 эрудицію и фантазію, въ которой много средневѣковаго; не яви-
 лись Нарциссъ, ибо успѣлъ обратиться въ цвѣтокъ, Леандръ,
 погибшій на пути къ Геро, и Эризихтонъ, обезсилѣвшій съ го-
 лоду, съ тѣхъ поръ, какъ велѣлъ срубить священное дерево Це-
 реры³⁾. Всѣ они приняты съ почестями и не дивятся Арчатѣ и
 Палемону, что они подвергли себя опасностямъ изъ-за такой кра-
 савицы: владѣть ею большее благо, чѣмъ быть властителемъ

1) VI, 1—5.

2) VI, 21—2.

3) VI, 61—63. Сл. подобныя перечни героевъ и народовъ въ Оивандѣ,
 кн. VII и XII. Слѣдующая строфа Тезенды (VI, 61) парафразируетъ три стиха
 Стація (VII, 340—3):

Avrebbe quivi Cefiso mandato
 Narciso, se non fosse ch'egli in fiore.
 Già ne' campi tespiani mutato
 Era, per troppo a sè avere amore:
 Spesso dal padre fu'l lito bagnato,
 Siccom'io credo, per troppo dolore
 D'aver perduto in la sua fanciullezza
 Il caro figlio per troppa bellezza.

Tu quoque praeclarum forma, Cephise, dedisses
 Narcissum, sed Thespiacis iam pallet in agris
 Trux puer; orbata florem, pater, adluis unda.

Өивъ, и счастливы всѣ, призванные проявить свою доблесть въ |
 такомъ дѣлѣ. — Собравъ прїѣзжихъ витязей въ театрѣ, Тезей 329
 держитъ нмъ рѣчь: онъ не ожидалъ, что столько доблестныхъ
 героевъ соберется для рѣшенія такого маловажнаго вопроса;
 дѣло идетъ не о царствѣ или наслѣдствѣ либо отместкѣ, а о
 любви, и бой долженъ быть любовный, не ненавистный, ибо онъ
 не желаетъ напраснаго пролитія крови: теперь не тѣ времена, и
 не тѣ страсти. Пусть каждый изъ влюбленныхъ выберетъ себѣ
 соратниковъ, чтобы съ каждой стороны ихъ было по сту; бой
 долженъ происходить на мечахъ и палицахъ, не на болѣе опас-
 ныхъ копьяхъ. — Именно число *сто* дало поводъ предположить,
 что Боккаччо въ изображеніи своего боя могъ руководиться слу-
 хами о несостоявшемся турнирѣ между Карломъ I Анжуйскимъ
 и Петромъ Аррагонскимъ, гдѣ съ каждой стороны должно было
 выступить такое же число бойцовъ¹⁾. — Въ народѣ слышались
 хвалебные крики, Арчита и Палемонъ выбираютъ себѣ сторон-
 никовъ, и Тезей ведетъ ихъ по городу; каждый изъ нихъ зналъ,
 съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло, но не было между ними вражды, и
 всѣ старались угодить другъ другу.

Въ ночь передъ боемъ Арчита молится о побѣдѣ въ храмѣ
 Марса, и его молитва проникаетъ въ палаты бога и страшится
 ихъ вида, какъ страшится Меркурій у Стація, которому Бок-
 каччо здѣсь подражаетъ. Палаты стоятъ на еракійскихъ равни-
 нахъ, въ лѣсу, окруженныя бурей, дождемъ и снѣгомъ, сталь-
 нныя, съ алмазными воротами. Все расписано внутри изображе-
 ніями дѣлъ, любыхъ Марсу, и полно аллегорическихъ существъ:
 здѣсь и бѣшенный Натискъ, и слѣпой Грѣхъ, и Стонъ, и багров-
 вые Гнѣвы, и блѣдный Страхъ²⁾. Молитва Арчиты услышана, 330

1) C. John Schmidt, La Théseide de Boccace et la Théseide grecque, у J. Psi-
 chari, Études de philologie néogrecque, Paris, 1892, стр. 306 слѣд.

2) Theb., VII, 47 слѣд.:

primis salit Impetus amens
 E foribus caecumque Nefas Iraeque rubentes
 Exanguesque Metus, occultisque ensibus adstant

онъ видитъ тому знаменіе: жертвенные огни загорѣлись ярче, дымъ опіама потянулся къ изображенію бога, и его оружіе тихо зазвенѣло ¹⁾).

Палемонъ между тѣмъ приноситъ жертву въ храмъ Венеры, но онъ проспѣтъ не о побѣдѣ, а объ обладаніи Эмилией. И его молитва проникаетъ въ обитель богини на верху Цитеры и созерцаетъ ея красоты ²⁾. И здѣсь то же царство аллегорій, но сцена въ прелестномъ саду, среди ручьевъ и щебетанія птичекъ, гдѣ Амуръ куетъ свои срѣлы, съ нимъ Сладострастіе и Досугъ, далѣе: Служеніе дамъ (Cortesie)—и тѣ художества (Arti), которыя невольно сводятъ съ ума; Красота, созерцающая свои обнаженные прелести, и Юность, безумная Смѣлость и Лесть. Юноши и дѣвушки пляшутъ вокругъ храма, у входа котораго сидятъ Миръ и блѣдное Терпѣніе и ложныя Обѣщанія, гдѣ царитъ Ревность и Пріапъ, и новѣшены надломленные луки бывшихъ служительницъ Діаны. Въ потаенномъ покоѣ, охраняемомъ Богатствомъ, покоится на ложѣ полуобнаженная богиня Любви, около нея сидятъ Вакхъ и Церера, а сама она держитъ въ рукахъ яблоко, которое когда-то перебила у сестеръ въ Идеиской равнинѣ.

Всю ночь пробылъ Палемонъ въ храмѣ, какъ то было, вѣроятно, въ обычаѣ, когда конюшаго предстояло посвятить въ рыцари ³⁾. Его молитва услышана, но между Марсомъ и Венерой |

Insidiae geminumque tenens Discordia ferrum.
Innumeris strepit aula Minis, tristissima Virtus
Stat medio, laetusque Furor voltuque cruento
Mors armata sedet.

Tescide, VII, 33: Lì gl'Impeti dementi parve a lei Veder. . . . Ed il cieco Peccare, ed ogni Omei. . . . Videvi l'Ire rosse come fuoco E la Paura pallida in quel loco; 34: E con gli occulti ferri i Tradimenti Vide, e le Insidie con giusta apparenza; Lì Discordia sedeva, e sanguinenti Ferri avie in mano. . . . E'n mezzo il loco la Virtù tristissima; 35: Videvi ancora l'allegro Furore, E oltre a ciò con volto sanguinoso La Morte armata vide e lo Stupore.

1) Сл. VII, 24: оружіе Марса, pe' qua' rase D'ardir le fronti furo agli orgogliosi Fi' della Terra. Сл. Inf., VIII, 118: le ciglia aveau rase D'ogni baldanza.

2) VII, 50 слѣд. и описаніе въ Ameto, стр. 127 слѣд.

3) VII, 68.

поднялась въ небѣ распря, которую они хитро порѣшили между 331 собой, такъ чтобы удовлетворить того и другого молящаго¹⁾.

Эмилія также приноситъ жертвы въ храмѣ Діаны²⁾: если уже ей суждено покинуть сонмъ богини, пусть утолитъ пылъ любящихъ ее юношей, помирить ихъ, поможетъ имъ въ бою, и если быть тому, что положили боги, пусть достанется ей тотъ, къ которому она ближе желаніемъ, и кто сильнѣе ее любитъ³⁾. Она возжигаетъ одинъ огонь для Арчиты, другой для Палемона, и ждетъ знаменія; голосъ Діаны велитъ ей глядѣть, что будетъ: одно пламя потухло и вновь разгорѣлось, другое потускнѣло, его языки заблестѣли цвѣтомъ сѣры, заметались и погасшія головни, стеная, испуская будто слезы. Эмилія не поняла этого знаменія и уходитъ домой, полная страховъ.

На другое утро Арчита и Палемонъ, каждый съ своими соратниками, идутъ во дворецъ Тезея, въ храмѣ Марса онъ опоясываетъ ихъ мечемъ, посвящая въ рыцари⁴⁾, и всѣ отправляются въ амфитеатръ, лежавшій за городомъ⁵⁾: Боккаччю припомнилось это описаніе, когда въ концѣ VI-го дня Декамерона онъ изобразилъ Долину Дамъ амфитеатромъ. Арчита и Палемонъ подошли къ нему почти одновременно, съ разныхъ сторонъ; они еще не видятъ другъ друга, но звуки трубъ и крики толпы отрезвили въ нихъ страстное желаніе боя, какъ страшится въ засадѣ охотникъ, заслышавъ, что левъ поднялся. Оба противника выгѣзжаютъ на арену съ своими товарищами и декурьонами⁶⁾; Арчита поднялъ глаза на Эмилію, явившуюся съ Тезеемъ поглядѣть на битву: О красавица, достойная скорѣе Зевса, чѣмъ смертнаго, не гнущайся моею любовью, не поскупись для меня своими молитвами; я не смѣю молить тебя о томъ, но ты, разумная, поймешь мои мол-

1) Сл. Thebaid., III, 260 слѣд.: распря и уговоръ между Венерой и Марсомъ.

2) VII, 70 слѣд.

3) VII, 85.

4) VII, 103.

5) VII, 108 слѣд.

6) VII, 114.

322 чаливыя просьбы: вѣдь исполненіе гласной просьбы кажется скорѣе оплатой, чѣмъ даромъ¹⁾. — Палемонъ не такъ словоохотливъ: онъ молчитъ; то не дѣвушка, а богиня, думаетъ онъ, глядя на Эмилию. Звукъ трубы ошеломилъ ихъ, и они пришли въ себя, какъ тревожно просыпается человѣкъ, разбуженный внезапнымъ шумомъ. Тезей дѣлаетъ распоряженія: чтобы побѣжденные въ бою не брались болѣе за оружіе, вышедшіе изъ амфитеатра въ него не возвращались. Арчита держитъ рѣчь къ своимъ: онъ надеется на помощь Марса, зачинщикъ не онъ: я хотѣлъ любить Эмилию сообща съ Палемономъ, мирно, онъ не желалъ того²⁾; помните, что боги положили честию увѣнчать на этомъ полѣ дѣла доблести; здѣсь покажутъ себя тѣ, кто былъ когда-либо влюбленъ.

Палемонъ также говоритъ своимъ, и по третьему звуку трубы начинается битва, наполняющая всю восьмую пѣсню. Начало отличается шаржемъ и накопленіемъ сравненій: не даромъ поэтъ еще разъ призвалъ на помощь свою музу — не классическую, ибо то, что происходитъ на сценѣ, напоминаетъ, подъ античными именами, средневѣковые турниры и военные игры въ честь дамъ, въ служеніи любви. Битва распадается на рядъ поединковъ и схватокъ, въ описаніе которыхъ Боккаччо вноситъ извѣстное разнообразіе: Ида вскочилъ сзади на сѣдло Арчиты, обхватилъ его руками и самъ хочетъ пришпорить его коня, чтобы увлечь его въ свою сторону, но Арчита изловчился повернуть свою лошадь, тѣло Иды, продолжавшаго держаться за него, служить ему защитой отъ вражескихъ ударовъ; такъ онъ увлекъ его къ своимъ; Ида хочетъ прыгнуть и бѣжать, но зацѣпилъ шпорой и растянулся на землѣ³⁾. Другая свалка происходитъ вокругъ знамени⁴⁾. Арчита усталъ, вышелъ изъ боя, отеръ потъ и кровь, но, увидѣвъ веселые глазки Эмили, снова воспрянулъ, какъ Антей, коснув-

1) VII, 127.

2) VII, 136.

3) VIII, 58 слѣд.

4) VIII, 66 слѣд.

шись земли: витязи валятся подъ его ударами, Филонъ, племянникъ Палемона, умирая, шлетъ ему пожеланіе: пусть Эмилиа 333 угоститъ его такимъ же поцѣлуемъ, какимъ угостилъ онъ его ¹⁾). Палемонъ также совершаетъ чудеса храбрости; отъ множества крови пыль и паръ осѣлись на аренѣ. Тезей любитъ боемъ, покраснѣлъ отъ волненія, едва удерживается отъ участія въ немъ, и въ Ипполитѣ проснулся ея мужественный духъ; лишь Эмилиа смотреть на все изумленно и растерянно, принимая каждаго сраженнаго за Арчиту или Палемона, коря Амура и судьбу за свою роковую красоту ²⁾). Къ чему такое кровопролитіе изъ-за нея одной? Ей припоминаются примѣры античныхъ богинь и красавицъ, добытыхъ съ меньшими усиліями. Хорошо, если бъ одинъ изъ соперниковъ правился ей болѣе другого, но оба они такъ благородны и прекрасны, что я не знаю, кого бы я предпочла. Вотъ въ какое затрудненіе поставилъ меня Амуръ: я боюсь за того и за другого, не знаю, кому я желала бы помочь, надъ кѣмъ разжалобиться, кого болѣе жалѣть; смотрю на того и другого и одинаково вздыхаю. Отчего не предоставлѣ имъ Тезей рѣшить промежъ собою дѣло поединкомъ въ лѣсу? Она принадлежала бы одному, не испытавъ изъ-за нихъ ни гнѣва, ни печали. Вотъ что ты сдѣлалъ со мною, Амуръ; я болѣе не въ силахъ, влюблена — безъ любви. Ты пожираешь, тяготишь меня, поразилъ меня невѣданной стрѣлою; хотя бы мнѣ быть увѣренной, что одинъ изъ нихъ останется въ живыхъ и будетъ мнѣ супругомъ!

Между тѣмъ ряды сражающихся порѣдѣли, и бой притихъ, когда Марсъ, смотрѣвшій на него сверху вмѣстѣ съ Венерой, спустился, полный гнѣва, и, представъ Арчитѣ въ образѣ Тезея, началъ корить его: Что ты тутъ дѣлаешь, негодный витязь? Развѣ не видишь ты, какъ сражается Палемонъ, глумясь, что подъ именемъ Пентея ты хотѣлъ овладѣть Эмилией, ибо не на-

1) VIII, 83; сл. Theb., II, 641: hos tibi complexus, haec dent, ait, oscula nati.

2) VIII, 95 слѣд.

дѣлся добыть ее оружіемъ? — Эти слова, тайная, огневая бли-
 334 зость бога снова возбудили Арчиту: онъ бросается въ схватку, Палемонъ выѣзжаетъ къ нему на встрѣчу: конь Кромиса, чело-
 вѣкоядецъ, схватилъ Палемона за руку и стащилъ съ сѣдла. Едва освободили его отъ коня, а Арчита спѣшитъ обезоружить его, чтобы посвятить его оружіе Марсу, если побѣда останется за нимъ.

Опечалился Палемонъ, опечалилась и Эмилія, зная, какія между ними положены были условія, но, увѣрившись, что она будетъ принадлежать Арчитѣ, тотчасъ же обратила къ нему свои мысли и любовь. Такъ быстро измѣнилось ея настроеніе; потому да остережется всякій, чтобы не упасть, замѣчаетъ, не безъ пропіи, поэтъ; развѣ ему желательно узнать, кто его другъ, кто недругъ. Тотъ, кого прежде любили подъ сомнѣніемъ, теперь покинутъ откровенно; прежде Арчита и Палемонъ казались равными, теперь всѣ похвалы отданы красотѣ и храбрости Арчиты. Эмилія убѣждена, что боги предоставили ей лучшаго, начинаетъ втайнѣ любить его, бой кажется ей слишкомъ долгимъ и опаснымъ для Арчиты; новое, небывалое чувство проснулось въ ея сердцѣ, образъ Арчиты не покидаетъ ее, и она его не сторонится ¹⁾).

Немного бойцовъ осталось на мѣстѣ, они сдаются Арчитѣ, который гордо объѣзжаетъ поле битвы. Но уже судьба повернулась въ другую сторону, какъ часто бываетъ, что чѣмъ выше вознесется человѣкъ, тѣмъ ближе къ своему паденію. Твое дѣло сдѣлано, говоритъ Венера Марсу и принимается за свое: спустилась въ мрачныя обители Дита и вызвала оттуда Эриннію ²⁾; ея страшный видъ ³⁾ наводитъ трепеть на всѣхъ, собравшихся въ амфитеатрѣ, измученный конь Арчиты упалъ навзничь и смялъ

1) VIII, 124 слѣд.

2) Сл. Thebaid., I, 88 слѣд. (Эдипъ вызываетъ Тизифону; сл. XI, 57 слѣд.); Аеп., VII, 323 слѣд.

3) IX, 5.

подъ собою сѣдока¹⁾); когда его освободили, онъ еще бросился было | бѣжать, такъ страшить его Эриннія. Эмилиа поблѣднѣла, 335 точно трупъ, который несутъ на костеръ; она любитъ Арчиту и боится за него; какъ кратко было мое счастье! говоритъ она; что-то подсказываетъ ей, что ея любовь будетъ такъ же полна тревогъ, какъ и всякая другая, и она поняла теперь, что пророчила ей Діана. Арчиту разоружили, всѣ ухаживаютъ за нимъ; старикъ Эгей положилъ его голову на колѣни, подоспѣла и Эмилиа; раненый слышитъ все, но не въ состояніи отвѣтить: молящія глаза переходятъ безсмысленно отъ одного къ другому; Эмилиа печалится, и слезы борются въ ней со стыдливостью. Опечаленъ и Палемонъ и за свою неудачу и за Арчиту: онъ же ему родичъ. Первымъ вопросомъ Арчиты, когда къ нему вернулась рѣчь, было: за кѣмъ осталась побѣда? Онъ счастливъ, проситъ Тезея позвать Эмилию: ему хочется услышать ея рѣчь, умереть на ея рукахъ, ибо онъ увѣренъ, что ему не жить. Тезей и Эмилиа утѣшаютъ его; увидѣвъ ее, онъ ожилъ, какъ цвѣтокъ на утреннемъ солнцѣ, и въ состояніи участвовать въ побѣдномъ шествіи, которое устраиваетъ ему Тезей: его посадили на колесницу, какой не было ни въ триумфѣ Сципіона, ни у Фаэгонта, увѣнчали лавромъ; побѣжденные шествуютъ впереди, безоружные, но не въ цѣпяхъ; идутъ не по принужденію: Палемонъ просилъ ихъ доставить это утѣшеніе Арчитѣ; несутъ оружіе Палемона; рядомъ съ Арчятой сидитъ, зардѣвшись и опустивъ глаза, Эмилиа; всѣ смотрятъ на нее, показываютъ другъ другу на бойцовъ, которые идутъ, потупивъ голову, одни гнѣвные, другіе смущенные. Обойдя городъ, шествіе достигло дворца; Арчиту уложили; Тезей держитъ рѣчь къ побѣжденнымъ: Мы во власти судьбы, говоритъ онъ, и не за вами стало, если не на вашей сторонѣ побѣда; вы исполнили свое дѣло и свободны; станемъ же веселиться. А Па-

1) Сл. Thebaid., VI, 496 слѣд.: Аполлонъ пугаетъ коней: *Anguicomam monstri effigiem, saevissima visu Ora, movet sive ille Erebo, seu finxit in astus Temporis, innumera certe formidine cultum Tollit in astra nefas.*

лѣмонъ идетъ къ Эмилиі: Я вашъ плѣнникъ, какимъ былъ всегда съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ васъ; дѣлайте со мной, что хотите, |
 336 осудите на смерть, она мнѣ краше жизни. Эмилиа смущена, едва сдерживаетъ слезы: Если бъ боги послали меня въ свѣтъ твоей единственной надеждой, мнѣ было бы грѣшно не полюбить тебя, и я любила, пока было возможно; но боги назначили меня другому, и я не могу болѣе утѣшить тебя, да и тебѣ желать того не слѣдуетъ. Много красавицъ въ городахъ Греціи, съ ними ты будешь счастливѣе. Пожалѣй себя, а я не буду къ тебѣ жестокой. — И она даруетъ ему свободу, кольцо на память: глядя на него, пусть воспоминаетъ о ней и — потщится преданно полюбить другую; ожерелье¹⁾, похожее на то, по которому узнали объ убѣжищѣ Амфіарая²⁾, и мечъ, лукъ и колчанъ и чудеснаго коня: ему слѣдуетъ служить Марсу, не Амуру. — Палемонъ благодаритъ за дары, но да упасетъ его Богъ отъ любви къ другой: пока онъ живъ, онъ никогда другой не полюбитъ. — Всѣмъ понравились рѣчи Эмилиі и смѣлый отвѣтъ Палемона, особенно Арчитѣ. Онъ торопитъ бракъ съ Эмилией, и они обручены, свадьба отложена до его выздоровленія.

Дабы ничто не помѣшало празднику, тѣла павшихъ преданы сожженію ночью, раненымъ доставлень ухоть, одному Арчитѣ неможется; врачъ Исхіонъ, вызванный изъ Эпидавра, говоритъ, что ему не миновать смерти; ему хуже съ каждымъ днемъ; позвавъ Тезея, онъ молить исполнить его просьбы, ибо самъ онъ поидетъ лицезрѣть мученія несчастныхъ, молящихъ о помилованіи³⁾. Онъ проситъ отдать все его достояніе Палемону, говорить о своей любви къ Эмилиі, ради которой онъ сталъ служителемъ Тезея, какъ Фебъ у Адмета; эта любовь подняла его, облагородила⁴⁾; если онъ умретъ, пусть Эмилиа станетъ супругой Палемона, котораго онъ такъ любитъ: глядя на него, она будетъ по-

1) Collana, въ изд. Moutier, IX, 71: cintura.

2) Сл. dirum monile Aprii у Stat. Theb., II, 266.

3) X, 19.

4) X, 23.

минать Арчиту. — Когда по его просьбѣ позвали Палемона, онъ смотритъ на него долго и пристально, точно никогда его не видѣлъ. Небо рѣшило, что мнѣ не быть здѣсь долѣе, говорить онъ 337 ему; мы одни остались изъ Кадмова рода, и мнѣ хотѣлось повидать тебя еще разъ и услышать твой голосъ, дорогой другъ и товарищъ. Онъ проситъ его закрыть ему глаза и похоронить; проситъ Тезея отдать ему въ жены Эмилию: не отказывайся отъ нея; если она была жалостлива ко мнѣ и меня любить, это ея долгъ, я съ своей стороны не взялъ отъ нея ничего, кромѣ какого-нибудь поцѣлуя; если, быть можетъ, она прольетъ надо мной слезы, утѣшь ее, и моя душа пойдетъ въ среду сѣтующаго сонма смѣлѣе, не столь печальная¹⁾. — Палемонъ утѣшаетъ друга, оба примолкли и плачутъ, когда вошли Ипполита и Эмилиа; Арчита долго созерцаетъ красавицу и затѣмъ принимается горевать въ дантовскомъ стилѣ²⁾: Плачетъ Амуръ въ печальномъ сердцѣ, откуда смерть хочеть изгнать его насильно. Ему нельзя оставаться, и выйти онъ не можетъ, и я слышу, какъ онъ тоскуетъ во мнѣ и стонетъ, такъ что мнѣ самому становится жаль себя. Духи зрѣнія являютъ мнѣ ангельскій образъ, который далъ Амуру власть надъ моимъ сердцемъ, и спрашиваютъ: Неужели быть такому горю, что тебѣ и намъ придется покинуть столь благородное созданіе? А онъ отвѣчаетъ имъ, обнимая, и говоритъ: Смерть меня гонитъ. — Обѣ дамы проливаютъ слезы; какъ мнѣ быть безъ тебя? спрашиваетъ Эмилиа, ты мое благо, моя радость! — Арчита говоритъ ей о Палемонѣ: будь его женой, если не можешь быть моею; такъ рѣшила судьба; отъ тебя же, дорогая супруга, я жду послѣднихъ поцѣлуевъ. — Я одна причина твоей смерти, отвѣчаетъ въ слезахъ Эмилиа; гнѣвъ Венеры лежитъ на нашемъ родѣ: скончался Ахатъ, удалишься и ты. Отчего не умерла я въ тотъ день, когда родилась! Если бы я уразумѣла знаменіе Діаны, умолила бы тебя оставить бой. Увы! Тѣ цвѣты, которые я рвала,

1) X, 47.

2) X, 54 слѣд.

пѣсни, которыя распѣвала, — все это внушила Эриннія. я чувствовала это тогда же, ибо иногда дрожала въ непонятномъ |
 338 страхѣ, не зная причины, не воображая, что станется. Ты велишь мнѣ избрать Палемона, и твои слова для меня священны; я знаю, онъ меня любить, но я принесу ему нечестіе, такова моя недоля; Тезею слѣдовало бы отдать меня за какого-нибудь изъ своихъ враговъ.—Если она переживетъ Арчиту, останется въ услуженіи Діаны; ея поцѣлуи умирающему будутъ ея послѣдними. Какъ бѣшеная, она бросается цѣловать Арчиту и падаетъ въ обморокъ; такихъ ли поцѣлуевъ ждала я отъ Арчиты, любившаго меня болѣе себя? говоритъ она, очнувшись. Онъ обнялъ ее; теперь ему легче будетъ умереть. — Лица обоихъ увлажнились слезами, какъ чело Менала, когда солнце въ знакѣ Овна растопитъ его снѣговую одежду.

Фебъ закрылся тучами, чтобы не видать смерти Арчиты; въ разсказѣ о ней есть черты Фиваиды Стація¹⁾, гдѣ раненый смертельно Атисъ также умираетъ въ присутствіи невѣсты Исмены. Совершивъ жертву Меркурію, Арчита предается послѣднимъ сѣтованіямъ. Онъ молить Бога перенести его къ блаженнымъ душамъ Элизія, ибо его дѣла не заслужили той атмосферы смерти²⁾, гдѣ томятся, покаранные Юноной, его предки; единственное зло, имъ совершенное, это то, что онъ поднялъ оружіе противъ Палемона, за это онъ и наказанъ. Онъ недостойнъ неба и не молить о немъ; онъ доволенъ будетъ Элизіемъ³⁾; но какъ ему быть, когда онъ не увидитъ болѣе Эмилиі? Напрасно станеть онъ молить о второй смерти⁴⁾, но и въ вѣчномъ огнѣ⁵⁾ Эмилия будетъ для него — его миромъ⁶⁾. — Еще разъ онъ уставилъ на нее свои глаза, повелъ ими вокругъ и увидѣлъ, что всѣ

1) VIII, 637—51.

2) X, 94: *aura morta*; сл. Dante, *Purg.*, I, 17.

3) X, 98.

4) *Seconda morte*, X, 104; сл. *Inf.*, I, 115, *Par.*, XX, 112.

5) *Eterna fornace*, X, 106.

6) *Donna... della mia pace*.

плачуть. Смерть приближалась, охватывая его постепенно; уже глаза не видят ничего, онъ что-то еще шепчетъ, и шопоть | слагается въ слова: Прощай, Эмилія! Его душа поднялась къ ³³⁹ восьмому небу, любуясь блуждающими звѣздами, слушая сладостныя мелодіи; она смотритъ сверху на крохотный земной шаръ, вокругъ котораго стлались море, воздухъ и огонь; все это ничто передъ небомъ, и ему кажутся смѣшными и сѣтованія и увлеченіе мірскими заботами¹⁾.

Одиннадцатая книга посвящена описанію торжественнаго погребенія Арчиты и тризны въ честь его; здѣсь главнымъ источникомъ Боккаччо была VI-ая книга Оиваиды. Костерь устроенъ въ роцѣ, куда онъ уходилъ мечтать; для этого срубленъ вѣковой лѣсъ, откуда съ плачемъ удалились нимфы и фавны и Панъ, властитель тѣней. Тѣло несутъ на плечахъ именитѣйшіе греческіе витязи, Эмилія причитаетъ, бросаетъ на костерь кольца, подаренныя ей Арчитой, Палемонъ — остриженные волосы и бороду. Вокругъ громаднаго костра, на которомъ горѣли, испуская трескъ, сложенные на немъ драгоценности, оружіе и сосуды, вино и медъ и молоко, объѣзжаютъ всадники: три раза въ лѣвую сторону, одинъ разъ въ правую, послѣ чего они побросали въ огонь свое платье, какое было поверхъ оружія, и попоны съ коней. На другой день устраиваются въ честь умершаго военныя игры, а Палемонъ воздвигаетъ храмъ, посвященный Юнонѣ и расписанный изображеніями изъ жизни Арчиты; только его паденіе съ коня забылъ написать художникъ. Здѣсь положенъ прахъ Арчиты, совершаются по немъ триэтеріи, и надпись гласитъ: Пусть каждый, любящій безъ мѣры, поучится на мнѣ; я умеръ изъ-за любви; берегись Амура!

Когда прошло нѣсколько дней по горестномъ событіи, Тезей позвалъ къ себѣ Палемона и ведетъ съ нимъ бесѣду, полную общихъ мѣствъ, на тему, что смерти не избѣжать, надо подчи-

1) XI, 1—3; сл. Parad., XXII, 127 слѣд.

340 ниться обстоятельствамъ¹⁾, и неразумно предаваться безмёрной | печали. Онъ говоритъ еще о послѣдней волѣ Арчиты, а что ее слѣдуетъ исполнить, то сказалъ ихъ первый законодатель, Фороней²⁾. Палемонъ молчитъ: ему пріятно предложеніе, но онъ боится стыда, хочетъ побороть желаніе разсудкомъ; боги тому свидѣтелемъ, что онъ никого такъ горячо не любилъ, какъ Арчиту; если онъ вызвалъ его на бой, то лишь вслѣдствіе того безумія, которое у нихъ въ роду, обуяло ихъ предковъ; бракъ съ Эмилией былъ бы отрицаніемъ этой любви; если, умирая, Арчита хотѣлъ сдѣлать угодное ему, то вѣдь нѣтъ закона, который бы обязывалъ его повиноваться желанію друга. — Онъ стоитъ, потушивъ полныя слезы глаза, а Тезей ободряетъ его: никто его не осудитъ, развѣ мы не видимъ, что невѣста одного брата выходитъ за другого? И Палемонъ склоняется, воззвавъ о прощеніи къ Юпитеру, Діанѣ и Венерѣ и къ милостивой тѣни Арчиты. Колебанія Эмилиі также побѣждены: она ссылается на гнѣвъ Діаны, которой хочетъ обречь себя; не такова твоя красота, чтобы служить ей, говоритъ ей Тезей; если бъ она гнѣвалась на тебя, пострадала бы ты, а не другіе.

И вотъ печаль смѣнилась весельемъ, всѣ принарядились, вмѣстѣ съ другими и Эмилиа, хотя пока — по принужденію. Арчиту забыли — и, готовясь къ описанію брачнаго торжества, поэтъ даетъ намъ³⁾ портретъ Эмилиі; она одѣта въ зеленый цвѣтъ⁴⁾, кажется всѣмъ Венерой, Менелаю — прекраснѣе его Елены. Въ храмѣ Венеры обручился съ ней Палемонъ и, по обычаю, поцѣловалъ ее. Свадьба отпразднована музыкой и пляской и военными играми; на другой день молодой посылаетъ богатые дары въ храмъ богини, и греческіе цари пристають къ нему съ шутливыми разспросами, хорошо ли провелъ онъ ночь.

1) XII, 11: far della necessitate Virtù.

2) XII, 18.

3) XII, 53 слѣд.

4) XII, 65.

Разъѣздомъ гостей кончается поэма, за которую авторъ ждетъ себѣ вѣнца¹⁾. Слѣдуютъ два сонета: одинъ—поэта къ музамъ; онъ подобралъ нѣсколько крохъ, упавшихъ съ ихъ трапезы и, какъ сумѣлъ, связалъ ихъ; пусть понесутъ его трудъ дамъ, въ которой пребываетъ все его блаженство, хотя, быть можетъ, она о томъ и не думаетъ, съ нею вмѣстѣ пусть дадутъ онѣ названіе поэмѣ и пустятъ въ ходъ²⁾, если она обратитъ на нее вниманіе.—Музы отвѣчаютъ сонетомъ: онѣ исполнили порученіе своего дорогого питомца; а твоя дама, болѣе—твоя, чѣмъ Эмилія была для Арчиты и Палемона³⁾, прочтя объ ихъ любви и поразмысливъ, сказала про себя: Какова была въ нихъ сила Амура! И, сама возгорѣвшись любовнымъ пламенемъ, она попросила насъ, чтобы прекрасно написанный рассказъ о подвигахъ и красотѣ не оставался безызвѣстнымъ, и назвала его, по дѣламъ Тезея и устроенному имъ браку, Тезеидой, а мы распространимъ повсюду его громкую славу⁴⁾.

Изъ посвятительнаго письма къ поэмѣ мы узнаемъ, что эта дама была Фьямметта. Къ немногимъ извлеченіямъ изъ письма, сообщеннымъ выше⁵⁾, мы присоединимъ нѣсколько новыхъ. Хотя воспоминанія о бывшемъ счастіи и печалитъ меня въ томъ удрученномъ состояніи, въ какомъ я теперь обрѣтаюсь⁶⁾, тѣмъ не менѣе мнѣ пріятно припоминать, о жестокая красавица, твой прелестный образъ, подчинившій меня, еще юнаго годами и разумомъ, и противъ моего намѣренія⁷⁾, тебѣ и Амуру. Когда я созерцаю этотъ образъ духовными очами, я какъ бы забываю свои невзгоды, какая-то тайная сладость разливается по сердцу, и я говорю себѣ смиренно: это она, Фьямметта, чьи глаза впер-

1) XII, 84 слѣд.

2) Il nome date e'l canto — E'l corso.

3) La più tua donna, ch'essa di coloro.

4) Fama... immensa.

5) Сл. выше стр. 159—60.

6) Сл. Inf., V, 121: Nessun maggior dolore.

7) Più possente che'l mio proponimento.

вые зажгли мои, удовлетворивъ своимъ мановеніемъ большей части моихъ страстныхъ желаній! Это утѣшаетъ меня, ибо я мысленно переношусь къ той порѣ, когда я былъ въ самомъ дѣлѣ |
 342 счастливъ; воображеніе подсказываетъ мнѣ послѣднія цѣли блаженства, и не будь заботъ, которыми окружила меня моя несчастная судьба, я бы, кажется, умеръ. Такъ я постоянно перепошусь ко времени, продолжительному, но представляющемуся мнѣ едва бывшимъ; въ какое это приводитъ меня состояніе, про то знаетъ Амуръ, не покидающій меня, хотя ты несправедливо смѣнила привѣтъ на негодованіе. Но ни невзгоды, ни твой гнѣвный видъ не въ состояніи потушить во мнѣ пламени, которое поддерживается вѣчно юной¹⁾ надеждой. Я попрежнему твой, этого ты у меня не отнимешь; знаю, что смиренное служеніе побѣждаетъ всякую строптивость и бываетъ вознаграждено; не знаю, оправдается ли это надо мною, но я всегда буду твоимъ покорнымъ служителемъ. — Такъ говорить поэтъ и хочетъ доказать это дѣломъ: въ счастливые, но короткіе дни, которые онъ вспоминаетъ, Фьямметта любила слышать или читать рассказы, особливо любовные, ибо и она пылала тогда, какъ пылаетъ онъ; можетъ быть, она дѣлала то съ цѣлью, дабы досугъ не увлекъ ее къ болѣе докучнымъ мыслямъ²⁾. Когда-то она превозносила его стихи³⁾, теперь, оторвавшись отъ другихъ заботъ, онъ пишетъ для нея поэму, въ которой пересказалъ, по-итальянски и въ стихахъ, древнюю исторію, о которой мало кто слышалъ. Пересказалъ для нея, потому что подъ именемъ одного изъ влюбленныхъ и Эмилиі говорится о многомъ, что было между Фьямметтой и имъ; она разгадаетъ, чтò именно, отдѣливъ лишнее, и узнаетъ, какова была его жизнь, съ тѣхъ поръ, какъ она его отвергла. Еще по другому признаку она догадается, что поэма написана для нея: онъ не стѣснялся выборомъ рассказовъ, стилемъ, аллюзіями⁴⁾; обыкновенныя жен-

1) Verdissima.

2) Nocevoli.

3) Con sommo titolo.

4) Chiuso parlare.

и не желаетъ побѣды, лишь бы Эмилія ему досталась, и его мольбы обращены къ Венерѣ. Арчита напоминаетъ рефлексію Троила; насколько здѣсь автобіографическихъ чертъ — мы не знаемъ. Въ изображеніи Эмиліи¹⁾ есть много общаго съ знакомымъ намъ портретомъ Фьямметты; она даже одѣта въ зеленый цвѣтъ, какъ Фьямметта и — Dame Oyseuse въ Roman de la Rose²⁾; дѣйствительность теряется въ типѣ и подражаніи. Эмилія любитъ, потому что любима; это дѣвственная Гризеида. — Отмѣтимъ и еще одинъ, можетъ быть, біографическій намекъ: въ концѣ VII дня Декамерона Фьямметта и Діонео-Боккаччо поютъ объ Арчитѣ и Палемонѣ.

II.

Какъ эпическая поэма о «дѣлахъ Марса», Тезеида не достигла своей цѣли, но она представляетъ значительный прогрессъ на пути, начертанномъ въ Филоколо: въ поэтическомъ сплоченіи античнаго и средневѣковаго въ образахъ и декораціи, въ поднятомъ тонѣ жизни. Удалите «дѣла Марса», задачи эпоса, къ которымъ Боккаччо былъ неспособенъ, и мы придемъ къ замыслу прелестной идилліи, античной и вмѣстѣ съ тѣмъ отдающей реализмомъ итальянской деревни. Нигдѣ, быть можетъ, Боккаччо не былъ такимъ поэтомъ, какъ въ своемъ *Ninfale Fiesolano*, нигдѣ поэзія дѣйствительности не сливалась у него такъ тѣсно съ поэзіей классическихъ мотивовъ. Въ числѣ юношескихъ сонетовъ Боккаччо есть одинъ, гдѣ на Фьямметту, рѣзвившуюся, на берегу, заглядѣлись — морскіе боги: «Уже въ созвѣздіи Рака рдѣло солнце; седьмой былъ часъ; дулъ мягкій вѣтерокъ, чудесная стояла погода, море было тихо — когда на берегу, куда еще не заглянуло солнце, я узрѣлъ ту, что возлюбило небо. Она рѣз-

1) Эмилія и Симонетта въ Стансахъ Полиціана, *Rass. Critica*, I, № 2, p. 26 (Zumbini).

2) Сл. выше стр. 115.

вилась съ другими дамами, золотистый вуаль такъ облегалъ ея головку, что ни одинъ волосокъ не выходилъ изъ чудесной связи. Нептунъ и Главкъ и Форкъ, великая Оетида любовались на нее изъ волнъ, такъ радостно, словно говорили: Юпитеръ, иного счастья намъ не надо! Я же любовно устремилъ на нее глаза, стоя на скалѣ, и такъ ошеломлены были мои чувства, что, ка- залось, я и скала были — одно и то же»¹⁾. — Таково впечатлѣніе *Ninfale*²⁾.

Сюжетъ напоминаетъ мотивы Овидіевыхъ *Метаморфозъ*, уже навѣявшихъ автору нѣсколько эпизодовъ его *Филоколо*; у *Партенія*³⁾ и *Павзанія*⁴⁾ есть рассказъ о *Дафидѣ*, поклонницѣ *Діаны*, которой *Левкишъ* пытался овладѣть, переодѣвшись дѣвушкой; есть и мотивъ купанья, хотя съ иной развязкою, чѣмъ у *Боккаччо*⁵⁾. Но именно для оцѣнки *Ninfale* вопросъ о сюжетѣ и его источникахъ является несущественнымъ: нимфу, нарушившую свой обѣтъ, юношу, посягнувшаго на дѣвственность нимфы, наказанныхъ превращеніемъ въ источникъ или рѣчку, *Боккаччо* не разъ встрѣчалъ въ своихъ классическихъ чтеніяхъ, легенда, въ родѣ *Паргеніевой*, могла дойти до него въ рассказѣ, либо въ какой-нибудь средне-латинской обработкѣ; эти легенды онъ и затѣялъ перенести въ окрестности *Фьезоле* и *Флоренціи*, въ со- сѣдство съ небольшимъ дворомъ, который былъ у него въ округѣ (*ропо*) *Мајапо*: потоки *Аффрико* и *Мензола*, текущіе съ холма *Фьезоле*, *Муньоне*, смѣшивающій свои волны съ водами *Арно* — все это *метаморфозы влюбленныхъ*. Это было давно, когда люди еще не знали употребленія хлѣба и вина, нимфы не вступали съ смертными въ брачныя союзы, люди молились ложнымъ богамъ,

1) Соп. XXXI.

2) * Сл. новое изданіе *Ninfale* у *Torraca*, *Poemetti mitologici de' secoli XIV, XV, XVI* (*Livorno*, 1888). Прекрасный этюдъ *Zumbini*, появившійся впервые въ *Nuova Antologia* 1884, 1-o marzo, перепечатанъ недавно въ *Bibl. critica d. letteratura italiana*, dir. da *Franc. Torraca*, № 14 (*Firenze*, *Sansoni*, 1896).

3) *De amatorii affectibus*, XV.

4) VIII, 20.

5) *Geneal. Deorum*, IV, 67; III, 21.

полагая, что и въ небѣ они такъ же милостивы и прекрасны, какъ казались здѣсь¹⁾; боги общились съ людьми запросто, наставляя, помогая и карая. Къ этому міру боговъ Боккаччо относится съ такой же свободой поэтической ироніи, какъ Аріосто къ идеаламъ рыцарства. «Царствовала въ то время богиня, которая звалась Діаной»²⁾; многія женщины служили ей, особливо тѣ, которыя желали соблюсти дѣвственность и избѣжать сладострастія; а |
 346 пныхъ дѣвушекъ ей посвящали отцы и матери въ исполненіе
 объѣта, или въ благодарность за оказанныя щедроты; посвящен-
 нныя облекались въ особыя одежды, какъ монахини³⁾. Богиня
 принимала ихъ съ распростертыми объятіями; звали ихъ тогда
 нимфами. Когда она являлась посѣтить тѣхъ, чтò жили на хол-
 махъ Фьезоле, собирала ихъ у источника, подь сѣнью зеленыхъ
 вѣтвей, а зимой у камелька⁴⁾, поучала блюсти цѣломудріе, порой
 рассказывала о своихъ охотахъ и, удаляясь, передавала свою
 власть намѣстницѣ. Точно аббатисса въ епархіальныхъ раз-
 ѣздахъ; у ней нѣтъ даже божественной прозорливости: о про-
 ступкѣ Мензолы она догадывается по крику ребенка и, уже на-
 казавъ бѣдную нимфу, ощущаетъ къ ней жалость, когда ей раз-
 сказали, что она уступила насилію. Это, разумѣется, лишь отчасти
 оправдываетъ Мензолу, потому что впослѣдствіи она дѣйстви-
 тельно полюбила своего соблазнителя, но Діана не пользуется этимъ
 мотивомъ обвиненія, потому что, въ сущности, для дѣйствія она
 не нужна, какъ не нужна и Венера: всесильная богиня любви,
 она обѣщаетъ Аффрико свою помощь и совѣтуетъ ему прибѣг-
 нуть—къ приему новеллы: переодѣванію. Отмѣтимъ кстати пред-
 ставленіе Венеры, навѣянное христіанской иконографіей: Амуръ
 у ней на рукахъ⁵⁾. Боги и нимфы положительно опростились,
 но они даютъ золотой, античный фонъ дали, въ которой разы-

1) I, 6.

2) I, 7.

3) VI, 10.

4) I, 14.

5) I, 43; III, 49.

грывается трагическая идиллія любви. Это не идиллія Амето, искусственно поставленная въ лунномъ освѣщеніи аллегоріи, а обыкновенная исторія деревенской любви, не идеальной, но юношески-здоровой, внезапно овладѣвшей всѣмъ существомъ въ майское утро, когда цвѣтутъ луга, и поютъ соловьи¹⁾, и также быстро прерванной разлукой и смертью. Боккаччо знаетъ эту поэзію смерти, посѣщающей молодые всходы любви; на нихъ остается вѣчная печать ликующей весны, которую сожгло бы лѣто, унесла | бы житейская осень; это тема Ромео и Джульетты; та- 347
кова любовь Анджели и Габріотто, Симоны и Пасквино въ Декамеронѣ²⁾, Мензолы и Аффрико въ *Ninfale Fiesolano*. Всего три встрѣчи; Аффрико пораженъ съ перваго раза, съ начала и до конца онъ остается подъ обаяніемъ одной и той же страсти; Мензола сначала бѣжить отъ него, но когда, метнувъ въ него копьемъ, она, внезапно почувствовавъ жалость, обернулась съ крикомъ: Поберегись!³⁾—она уже отчасти сдалась. Аффрико овладѣваетъ ею насильно, но уже послѣ перваго и единственнаго страстнаго объясненія она любить его; правда, Амуръ поразилъ ее въ сердце⁴⁾, но это вмѣшательство посторонней силы не мѣшаетъ естественному росту чувства. Оно растетъ въ отдаленіи отъ Аффрико: нѣсколько разъ Мензола порывается къ нему на встрѣчу, но ее удерживаетъ боязнь Діаны. Эту любовь она переноситъ на своего ребенка; нигдѣ впоследствии Боккаччо не изображалъ наивное зарожденіе материнской любви, и мы не встрѣтимъ у него болѣе благодушныхъ, поэтическихъ стариковъ, чѣмъ отецъ и мать Аффрико, дрожащихъ надъ сыномъ, понимающихъ, что онъ что-то скрываетъ отъ нихъ, и позволяющихъ себя обманывать. Боккаччо былъ чутокъ и къ такимъ оттѣнкамъ чувства, которые не нашли отзвука въ новеллахъ Декамерона.

1) I, 18.

2) IV, 6, 7.

3) II, 39.

4) V, 95.

Все это рассказано въ октавахъ, небрежныхъ, какъ проза, съ простодушными обращеніями къ читателямъ¹⁾, возвращеніями назадъ²⁾ и кое-гдѣ съ наивными оборотами народной пѣсни и ея лирическими повтореніями³⁾.

Въ майское утро Діана собрала своихъ нимфъ у источника, что теперь зовется fonte Aqueli, у подошвы горы Чечеро⁴⁾; |
348 одна изъ нимфъ затрубила въ рогъ, призывая ко вниманію, и Діана держитъ рѣчь: она увѣщаетъ ихъ строго блюсти ея завѣты и на время своего отсутствія назначаетъ наибольшей нимфу Альфиню. — Всего этого былъ случайнымъ свидѣтелемъ юноша Аффрико, жившій недалеко оттуда съ отцомъ и матерью; притаившись въ чащѣ, онъ наблюдаетъ за нимфами; красота одной поразила его въ сердце: какъ бы счастливъ онъ былъ, если бы она досталась ему въ жены! Если бы не боязнь Діаны, онъ взялъ бы ее силой. Между тѣмъ солнце пошло на закатъ, и нимфы стали съ пѣснями взбираться на холмъ; Пойдемъ, Мензола! кликнула одна изъ нихъ; такъ онъ узналъ имя своей милой. Какъ разыскать ее, какъ дать ей знать, что онъ, котораго она не видѣла, по ней страдаетъ? Онъ садится на мѣстѣ, гдѣ, видѣлъ, сидѣла Мензола, уткнулся лицомъ въ траву, цѣлуетъ ее. Вѣдь она ненавидитъ мужчинъ и убѣжала бы, если бы я показался, думаетъ онъ и вмѣстѣ чувствуетъ, что таить свою любовь ему было бы еще тяжеле. Солнце зашло, вызвѣздило небо, и онъ идетъ домой, желая, чтобъ уже настало утро. Его домъ лежалъ въ долинѣ, можетъ быть въ четверти мили отъ источника, или и менѣе; не думайте, только, чтобы въ то время были дома и дворцы, какіе теперь: люди довольствовались хатой изъ дерева и камня, сложеннаго безъ извести, а иные — мазанкой изъ земли и тростника. Не перекинувшись словомъ съ отцомъ и матерью, Аффрико бросился на постель и проводитъ безсонную ночь.

1) I, 40.

2) I, 30.

3) I, 2, II, 32, 70, VII, 48.

4) I, 19.

Прошло около мѣсяца, а Аффрико еще не удалось увидѣть Мензолы, когда однажды ночью ему предстала въ сновидѣніи лучезарная жена съ мальчикомъ на рукахъ. Это Венера, она упрекаетъ Аффрико въ малодушіи, косности: приободрись, отправься на поиски, и ты найдешь Мензолу; Діана далеко, ея нечего бояться. — Она обѣщаетъ ему свою помощь: по ея приказанію мальчикъ Амуръ натянулъ свой лукъ съ такою силой, что сошлись оба его конца, и когда Аффрико проснулся, невольно хватился за мѣсто, гдѣ, казалось, была рана. Сцена у источника живо представилась ему во всей ея прелести, обновились желанія и, ободренный словами богини, онъ выходитъ изъ дому съ 349 разсвѣтомъ: посидѣлъ и повздыхалъ у источника, затѣмъ пустился въ горы, настороживъ уши и держа наготовѣ ноги, чтобы тотчасъ же броситься вдогонку; зашелеститъ ли листокъ, ему кажется, что это Мензола. Проплутавъ даромъ, онъ рѣшился пойти въ другую сторону: спустился въ долину и не прошелъ полу-мили, какъ на одной лужайкѣ, притаившейся среди двухъ горъ, услышалъ пѣніе. Дай-то Богъ, чтобы это была она! восклицаетъ онъ, сталъ на колѣни и крестомъ сложилъ руки на груди, въ мольбѣ къ Юпитеру¹⁾; затѣмъ пошелъ по направленію къ пѣснѣ, молча, дѣлая длинные, рѣдкіе и легкіе шаги, точно чловѣкъ, готовящійся словить кузнечика²⁾. Видитъ трехъ нимфъ, онѣ поютъ, а имъ подпѣваютъ птички; двѣ изъ нихъ сидѣли у ручья и мыли ноги, третья, стоя, срывала вѣтки и плела вѣнокъ, который возложила на свои бѣлокурые, вьющіеся волосы, а два другихъ надѣла на распущенные нечесанные локоны подругъ. Между ними нѣтъ Мензолы; Аффрико клянеть свою долю; что ему дѣлать? Онъ рѣшается подойти къ нимфамъ: Не пугайтесь, не бѣгите, дорогія сестрицы! говоритъ онъ тихимъ, молящимъ голосомъ, вотъ ужъ мѣсяць, какъ я ищу одну изъ вашего сонма; скажите мнѣ, гдѣ Мензола? Какъ услышали онѣ его, пустились

1) I, 56.

2) I, 57.

бѣжать съ криками, точно овцы отъ волка, или куры, на которыхъ напала лиса, побросавъ оружіе и подобравъ полы, что обнаружило ихъ прелестныя икры. Аффрико за ними: Подождите, послушайте, кричитъ онъ, гонясь за ними, но ихъ и слѣдъ простылъ. Не успѣлъ онъ оглянуться, какъ наступилъ вечеръ; уже луна выглянула на лазурномъ небѣ, когда онъ вернулся домой, гдѣ отецъ началъ беспокоиться, не съѣли ли его дикіе звѣри, не повстрѣчался ли онъ съ Діаной, враждебной его роду. Гдѣ былъ ты, дорогой мой, свѣжій ты мой цвѣтокъ? голубить его мать, мы по тебѣ намаялись. — Ты такъ день-денской ничего и не ѣлъ? |
 350 спрашиваетъ его отецъ. Аффрико задумался, что ему отвѣчать, но Амуръ, изощряющій умы дѣйствительно влюбленныхъ, подсказалъ ему басни; онъ отвѣчаетъ аллегоріей, но прозрачной аллегоріей народной пѣсни, съ образами лани-дѣвушки¹⁾ и преслѣдующаго ее влюбленнаго-охотника. Охотникъ — Аффрико; нѣсколько дней тому назадъ онъ будто бы видѣлъ въ горахъ лань, да такую красивую, что навѣрно Господь сотворилъ ее собственными руками: походка легкая, какъ у журавля, цвѣтомъ она бѣлѣе снѣга. Она такъ ему приглянулась, что онъ погнался за нею, но не догналъ; и вотъ въ это утро онъ снова рѣшился попытать счастья, долго бродилъ, когда замѣтилъ и услышалъ шелестъ свѣжей дубовой листвы: то паслись на лугу три лани; ему захотѣлось поймать одну изъ нихъ, и онъ осторожно направился къ нимъ, съ пучкомъ травы въ рукахъ, въ видѣ приманки; но лишь только онѣ завидѣли его, пустились бѣжать; время и ушло въ погонѣ за ними.

Джирaffeоне (такъ звали отца), человекъ бывалый, отлично понимаетъ, что такое тѣ прелестныя лани, но, не желая смутить сына, представляется, что повѣрилъ ему; между тѣмъ надо же предупредить его, отвлечь отъ возможной опасности. Берегись ты этихъ ланей, говоритъ онъ ему, повѣрь мнѣ, онѣ принадлежатъ Діанѣ, и коли она замѣтитъ, что ты ихъ выслѣживаешь,

1) Сл. Декамеронъ, IV, 6.

поразить тебя стрѣлою, обратитьъ въ рѣку, птицу или дерево. Со многими она такъ учинила, извела двухъ твоихъ братьевъ, моего отца Муньоне. И онъ рассказываетъ сыну, что случилось съ его отцомъ, и что — приключится съ самимъ АФфрико; его дѣда звали Муньоне; однажды, преслѣдуя одну нимфу, онъ настигъ ее на берегу рѣки и овладѣлъ ею, изнеможенною; увидѣла это Діана и поразила обоихъ одною стрѣлою; тѣло Муньоне покоится въ рѣкѣ, на которую перешло его имя, нимфа обратилась въ источникъ у берега.

Такъ рассказывалъ, со слезами на глазахъ, старикъ Джирafone, а сынъ слушалъ внимательно, но хотя его и пробиралъ 351 страхъ, онъ остался при своей думѣ. Не бойся, говоритъ онъ отцу, я за ними гоняться не стану, а теперь пойдемъ отдохнуть, я сегодня усталъ, ходя по горамъ.

Только-что разсвѣло, какъ онъ снова пошелъ въ горы, и такъ устроилъ Амуръ, что Мензола показала ему на разстояніи выстрѣла изъ лука. Она увидѣла его раньше и бросилась бѣжать; это, навѣрно, Мензола, говоритъ онъ себѣ, гонится за нею, называетъ по имени, молитъ: Подожди меня, не вражда, а любовь заставляютъ меня искать тебя, я не соколъ, что гонится за куропаткою, не жадный волкъ, бросающійся на бѣдную овечку; ты моя надежда, моя желанная; что неприятно тебѣ, было бы неприятно и мнѣ. Клянусь богами, я возьму тебя въ жены, стану любить тебя; не желай моей смерти. «Если ты убѣжишь, ты жесточе медвѣдицы, ходящей съ медвѣжатами, горче желчи, тверже мрамора; коли дождешься меня — ты слаще меда или винограда, источающаго сладкое вино, прекраснѣе и ярче солнца, нѣжная, бѣлая, милая, какъ ангелъ»¹⁾. Но Мензола бѣжитъ, и любовь АФфрико находитъ мотивы самоотверженія: онъ молитъ боговъ уравниять путь подъ ея прелестными ножками, обративъ въ мураву и луга — горы, деревья и тернія; я же останусь одинъ съ своей недолей и умру.

1) II, 32.

Между тѣмъ Мензола мчалась, заткнувъ полы за поясъ и показывая поверхъ обуви колѣна и икры, въ которыя можно было бы влюбиться. Отбѣжавъ нѣсколько, она обернулась съ свирѣпымъ видомъ, боязнь придава ей храбрости, и она такъ метнула копьемъ въ Аффрико, что положила бы его на мѣстѣ, если бъ не промахнулась: копье попало въ дубъ и прошло его насквозь. Метнула — и тотчасъ же спохватилась, лишь только ея взглядъ упалъ на красиваго юношу: Поберегись, кричитъ она ему, поберегись, теперь я уже не въ силахъ помочь тебѣ: И она рада, что все такъ случилось, ибо Амуръ смягчилъ ея сердце.—

352 Когда Аффрико увидѣлъ, что Мензола бросила въ него копьемъ, нѣсколько смутился, но ея крикъ и жалостливые глаза, которые она на него устремила, вновь возбудили его желаніе; такъ разгорается отъ вѣтра искорка, притаившаяся въ потухшей головнѣ. И онъ снова пускается преслѣдовать удалявшуюся нимфу: вотъ она на горѣ, спустилась по ту сторону, онъ не видитъ ея болѣе, и бѣгаетъ туда и сюда, какъ охотникъ, у котораго снялась птица, и онъ ищетъ ее, поднявъ голову, растерянно и суетливо. Мензолы не найти въ лѣсу; пойти ему домой или искать? Солнце уже склонялось, Аффрико приходитъ на мысль рассказы отца, Амуръ подсказываетъ съ другой стороны: Какое мнѣ дѣло до Діаны, лишь бы разъ добиться своего! Такъ колебался Аффрико пока не рѣшилъ вернуться, чтобъ не опечалить отца; идетъ и все оглядывается: не видать ли Мензолы. Придя домой онъ бросается на постель ничкомъ; его вздохи привлекаютъ мать. Что съ тобою сынокъ? говорить она, обнимая его; что у тебя болитъ, дай я полечу. Подними же голову, дорогой мой, скажи нѣсколько словъ: вѣдь я твоя мать, вскормила тебя молокомъ, девять мѣсяцевъ носила. — Неприятно было Аффрико, что мать замѣтила его печаль; сегодня утромъ, возвращаясь, я упалъ и весь разбился, еще и теперь осталась боль въ боку, говорить онъ; если ты меня любишь, оставь теперь меня, говорить мнѣ — ядъ.—Мать выходитъ изъ комнаты, а Аффрико сѣтуетъ на свободѣ, взывая къ неподатливой красавицѣ, Венерѣ и смерти; онъ плачетъ, — и

вдругъ ему вспоминаются слова Мензолы, когда она предупредила его объ опасности, выраженіе ея глазъ, — и къ его скорби примѣшивается надежда.

Между тѣмъ искусная мать, Алимена, набрала травъ, чтобы приготовить для сына ванну противъ той боли. Пришелъ ли АФфрико? спрашиваетъ, вернувшись домой, Джиррафоне. Мать рассказываетъ, что знаетъ: Оставь его въ покоѣ, пусть отдохнетъ, а тамъ мы сдѣлаемъ ему хорошую ванну, она прогонитъ всякую немочь; теперь ему и говорить больно. — Но отецъ не вытерпѣлъ, пробрался въ комнату сына, прикрылъ его, спавшаго. — Онъ спитъ, говоритъ онъ, вернувшись, женѣ, жаль было 353 будить его. — Разумѣется, отвѣчаетъ Алимена, не тревожь его болѣе.

АФфрико проснулся для новаго гореванья, но, не желая, чтобы отецъ это замѣтилъ, оправился, отеръ слѣды слезъ и вышелъ къ отцу и матери. Какъ тебѣ можется? спрашиваетъ она его. — Теперь какъ-будто ничего, отвѣчаетъ онъ, боль прошла сномъ. Тѣмъ не менѣе ему пришлось взять ванну. Не умѣешь ты лѣчить, о Джиррафоне, отъ ванны не пройдетъ сердечная рана!

Такъ миновалъ второй, третій и четвертый день, АФфрико отбился отъ дѣла, исхудалъ, старается быть одинъ, чтобъ свободнѣе предаваться печали. Скажи, что съ тобою? пытаются его отецъ и мать, мы сдѣлаемъ все, что можно, лишь бы тебѣ было легче. АФфрико отговаривается, что у него болитъ голова или что-то другое, и всякій разъ его лѣчатъ не отъ того недуга, отъ котораго бы слѣдовало.

Однажды онъ прибрелъ съ своимъ стадомъ къ прелестному источнику, сѣлъ и призадумался, опустивъ голову на руку, опирая локоть на колѣно. Вода отразила его блѣдное, измѣнившееся лицо, и его разобрала жалость къ самому себѣ. Кругомъ него рѣзвятся стадо, поютъ птицы; счастливы звѣри, имъ нѣтъ запрета любить, а я печалюсь день и ночь! Онъ плачетъ, ведя бесѣду съ своимъ собственнымъ отраженіемъ въ водѣ. Но вѣдь Венера

подала ему надежду; ужъ не забыла ли она о немъ? Онъ хочетъ напомнить ей о себѣ: развелъ костеръ, закололъ овцу, кровью которой оросилъ огонь; затѣмъ, раздѣливъ ее на двѣ части, возложилъ на костеръ, одну часть во имя Мензолы, другую въ свое. Онъ молитъ богиню смягчить Мензолу, настолько по крайней мѣрѣ, чтобы его смерть, которой онъ чаеъ, не была ей въ радость, какъ ненавистна его жизнь. — Передъ нимъ совершается чудо: части овцы поднялись и срослись, овца постояла нѣкоторое время и, громко проблевавъ, снова ушла въ огонь. Это видѣніе, напоминающее причудливую аллегорію Діаниной |
354 Охоты¹⁾, ободрило Аффрико; повидимому, онъ не понялъ его вѣщаго смысла: онъ соединится съ Мензолой, какъ части жертвеннаго звѣря, но соединится — для смерти.

Довольный, онъ ведетъ домой свое стадо, поужиналъ со своими, ночью долго провозился въ постели, а подъ утро ему привидѣлась Венера, съ сыномъ на рукахъ: она поможетъ ему, если онъ послѣдуетъ ея совѣту, пусть только нарядится нимфой и вмѣшается въ толпу другихъ. Коли встрѣтишь Мензолу, вступи съ нею въ бесѣду о вещахъ святыхъ и божественныхъ и, когда улужишь время, не зѣвай, ибо если она вырвется изъ рукъ, никакія утѣшанія потомъ не помогутъ; не бойся наслія, ибо Амуръ такъ овладѣетъ ею, что она не вырвется изъ его когтей.

Аффрико готовъ исполнить совѣтъ богини, надежда разожгла его желаніе. Онъ вспомнилъ, что у матери есть хорошее платье, которое она рѣдко надѣвала; выждавъ, когда никого не было дома, онъ досталъ платье и спряталъ его въ дальнемъ мѣстѣ, куда явился на другое утро. Должно быть, Венера помогла его переодѣванью: его не признать было за мужчину, съ колчаномъ на боку и лукомъ въ рукахъ онъ совѣмъ походилъ на нимфу, и въ его блѣдности, нажитой горемъ, было что-то женственное. — Онъ идетъ въ горы, слышитъ крики: нѣсколько нимфъ кричатъ ему издали: Стой, подожди звѣря! То несся кабанъ, нѣсколько

1) Сл. выше стр. 125.

стрѣль торчали у него въ спинѣ; стрѣла Аффрико уложила его. Мензола хвалить ударъ, такого она еще не видала, а Аффрико счастливъ отъ ея близости, ея похвалы ему пріятны; онъ рѣшился бы и на большее, если бѣ не боялся вооруженныхъ нимфъ. Всѣ разсуждаютъ, какой кто далъ выстрѣль: Вотъ былъ бы подарокъ Діанѣ, если бѣ она была здѣсь! восклицаетъ Мензола. Затѣмъ принялись стрѣлять въ цѣль, и стрѣлы Мензолы и Аффрико оказываются ближе всѣхъ къ цѣли. Уже новая нимфа начинаетъ правиться Мензолѣ, что скажетъ одна, то поддержитъ | другая; 355 онѣ сидятъ рядомъ за охотничьимъ обѣдомъ: столомъ служитъ скала подъ лавровымъ деревомъ, кабанье мясо жарено безъ приправъ, хлѣбъ изъ каштановъ, другого еще не знали, вмѣсто вина вода, сваренная съ медомъ и какими-то травами. Послѣ обѣда нимфы расходятся съ нѣснями, Аффрико идетъ въ общество Мензолы и трехъ нимфъ. Его сердце бьется; открыться или нѣтъ? думаетъ онъ про себя; вотъ если бы тѣ нимфы ушли, и мнѣ бы остаться одному! Если погодить, то такой случай можетъ и не представиться. — Онъ хочетъ дѣйствовать — и воздерживается, а пламя любви разгорается пуще, пока онъ колеблется между да и нѣтъ¹⁾.

Онѣ подходятъ къ долині, что лежала промежъ двухъ горъ, слышать журчаніе воды. Двѣ нимфы купаются въ озеркѣ; не раздѣться ли и намъ? спрашиваютъ спутницы Аффрико; хочешь съ нами купаться? говоритъ Мензола. Онъ разсчиталъ, какъ ему поступить, и входитъ въ воду, раздѣвшись послѣднимъ. Какъ волкъ бросается на стадо овецъ и схватываетъ одну, тогда какъ другія бѣгутъ, пугливо блея, такъ побѣжали при видѣ мужчины нимфы, кое-какъ прикрываясь платьемъ, забывъ объ оружіи, тогда какъ Аффрико крѣпко обхватилъ Мензолу, цѣлуетъ ее; она плачетъ, отбивается, но напрасно. Когда она поняла, что съ нею случилось, она приходитъ въ отчаяніе; Аффрико печалитъ ея слезы и вмѣстѣ разжигаютъ его страсть; онъ вырываетъ у нея

1) IV, 25.

я сама наложила бы на себя руки. Твои рѣчи отвлекли меня отъ моего жестокаго рѣшенія; но остаться съ тобой, какъ ты говоришь, я никогда не соглашусь: тебя узнають тѣ нимфы, которыя тебя видѣли, либо догадаются о томъ, о чемъ еще не знаютъ. Потому уйди, прошу тебя, оставь меня съ моимъ горемъ, я какъ-нибудь помирюсь съ нимъ.

Аффрико понялъ, что любовь уже посѣтила ея сердце, и она только стыдится, и онъ говоритъ про себя: Прежде чѣмъ я уйду отсюда, ты еще запоешь у меня другую пѣсню! Да развѣ я могу | уйти? спрашиваетъ онъ; безъ тебя мнѣ жизнь не въ жизнь; если бъ 357 я и могъ уйти, какъ быть мнѣ спокойнымъ, когда ты въ такомъ горѣ? — Онъ предлагаетъ ей отправиться съ нимъ: его мать будетъ ей матерью; но на это Мензола рѣшительно несогласна: это значило бы обнаружить грѣхъ, коснѣть во злѣ. Пусть Аффрико поидетъ, ради него ей мила теперь жизнь, она будетъ любить его и часто сюда являться: здѣсь онъ можетъ увидѣть ее, побесѣдовать съ нею — по чести. Она сдержитъ слово, ибо, говоритъ она, ты меня наполовину связалъ и, мнѣ кажется, я тебя полюбила.

Аффрико пользуется этимъ объясненіемъ, чтобы попросить большаго. Мензола борется: Времени немного, насъ могутъ застать, да и Діана накажетъ меня, если узнаетъ, что на то было мое согласіе. — Никогда не узнаетъ о томъ Діана, видитъ насъ только Богъ¹⁾, убѣждаетъ Аффрико. — Нѣтъ такой башни, которая не пала бы отъ ударовъ, а Мензола была не стальная²⁾. Не знаю, что за судьба моя, или такая у меня доля, что я не въ состояніи исполнить твоего желанія, говоритъ она; я сдаюсь, у меня нѣтъ силъ противъ Амура.

День близился къ концу, и Аффрико надо идти; онъ клянеть темную ночь, которая ихъ разлучаетъ; Мензола стоитъ, смущенная, проситъ его удалиться, — хотя это и противъ ея желанія;

1) V, 36.

2) V, 39, 40; сл. Декамеронъ, VIII, 4.

всякій шелестъ листа заставляеть ее страшиться нимфъ. Она проситъ Аффрико сказать ей свое имя; прощаніе длится долго¹⁾, такъ овладѣла ими любовь, что они едва не надрываются. Условившись о встрѣчѣ, они расходятся въ разныя стороны, долго еще оглядываясь и дѣлая другъ другу знаки.

Аффрико спѣшитъ къ мѣсту, гдѣ спрятали свое платье, переодѣлся и идетъ домой, гдѣ отецъ и мать уже тревожились о немъ. Много понадобилось ему выдумокъ, чтобы не обнаружить |
58 возбужденнаго состоянія духа. Мысли о завтрашнемъ днѣ не даютъ ему уснуть.

А Мензола, возвращаясь къ себѣ, предается раздумью, мысль о проступкѣ, совершенномъ ею, не покидаеть ее, и, прійдя къ себѣ въ пещеру, она начинаеть горевать. Какъ предстать ей передъ лицо Діаны, что подумали бы подруги, если бъ знали? Ей вспоминается судьба нимфы Каллисто, Муньоне и Чалы²⁾, чудится, что сама она уже обращена въ рѣку, звѣря или дерево. Что сказали бы отецъ и мать, братья и сестры, обязавшіе ее строго блюсти обѣты, которые возложили на нее вмѣстѣ съ священнымъ облаченіемъ³⁾? Они навѣрно убили бы ее, грѣховодницу. — Лишь подъ утро она заснула въ слезахъ. — Аффрико былъ уже на условленномъ мѣстѣ, поджидая ее, плететь вѣнки, одинъ себѣ, другой для ея бѣлокурой головки, и часто поглядываетъ на рощу, не идетъ ли Мензола. Прошелъ уже третій часъ, солнце палитъ, и Аффрико дивится, почему это нѣтъ его милой, и, какъ человѣкъ, желающій, чтобы что-нибудь совершилось, придумываетъ разныя объясненія. — Такъ Троилъ напрасно поджидаль Гризиду. — Насталь и вечеръ, Аффрико рѣшается пойти домой: быть можетъ, Мензола повстрѣчалась на пути съ подругами, онѣ ее и задержали. Онъ вернется завтра.

Между тѣмъ Мензола проснулась около девятаго часа, разбитая, измученная; разныя мысли бродять у нея въ головѣ, пу-

1) V, 44, 45.

2) VI, 80.

3) VI, 10.

гая; она не забыла своего обѣщанія Аффрико, но рѣшилась не ходить къ нему: она любитъ его, держитъ въ сердцѣ, но страхъ передъ Діаной превозмогъ. Такъ прошелъ и второй день и третій, и цѣлый мѣсяць; Аффрико все ходитъ на свиданіе въ урочное мѣсто, бродитъ по горамъ, не встрѣтитъ ли Мензолы, но Фортуна, всегда непостоянная, уже взглянула на него завистливымъ окомъ. Онъ совсѣмъ опустился, обезсилѣлъ отъ горя, почти не говоритъ. Однажды, когда онъ пасъ свое стадо, ему захотѣлось взглянуть на мѣсто, гдѣ Мензола отдалась ему, куда обѣщала вернуться. Онъ осматривается кругомъ: здѣсь они взяли другъ друга за руки, она поклялась придти; здѣсь они разстались; но ея клятвы были лживы, онъ не ожидалъ такого предательства и не въ силахъ пережить своей тоски: склонившись надъ рѣчкой, онъ бросается на копьѣ. Прощайте, отецъ и мать, говоритъ онъ, умирая, оставайтесь съ Богомъ, я иду въ мучительный адъ¹⁾, ты же, рѣчка, станешь носить мое имя и, окрашенная моею кровью, будешь свидѣтельствовать всякому, до чего довела меня любовь.

Та рѣчка раздѣлялась нѣсколько пониже, какъ и теперь, на два рукава, изъ которыхъ одинъ, чтó поменьше, протекалъ мимо дома Аффрико. Его отецъ былъ на берегу, багровый цвѣтъ воды подсказалъ его сердцу, что случилось. Онъ идетъ искать сына, не найдя его при стадѣ, поднимается вверхъ по берегу, откуда начиналась багровая струя. Какъ увидѣлъ тѣло Аффрико, едва устоялъ на ногахъ. Какой злодѣй убилъ тебя! плачется онъ; что скажетъ твоя бѣдная мать, что станемъ мы дѣлать безъ тебя, осиротѣлые! Видно погубила тебя безжалостная Діана! Чго довело тебя до смерти? спрашиваетъ онъ, признавъ копьѣ сына. Вытащивъ тѣло изъ воды, онъ взвалилъ его на плечи и понесъ домой; здѣсь все рассказалъ женѣ, показалъ и копьѣ, которое онъ извлекъ изъ раны. Какъ плакала и стонала мать, припавъ къ лицу сына, нечего и спрашивать; по тогдашнему обычаю,

1) VI, 33.

тѣло его предали сожженію, среди сѣтованій и воплей, а пепель похоронили на берегу рѣки. Съ тѣхъ поръ она назвалась и еще зовется АФфрико.

Но вернемся къ Мензолѣ. Ея печаль нѣсколько улеглась, и она стала выносить ее терпѣливѣе, стала показываться среди нимфъ, и тѣ повѣрили ея разсказу, что она, какъ и другія, ушла отъ преслѣдованія АФфрико. Она поминаетъ его и частенько вздыхаетъ о немъ втихомолку; охотясь съ подругами, ищетъ глазами мѣсто, | гдѣ АФфрико былъ съ нею счастливъ. «Что ты дѣлаешь, не знаю, но навѣрно страдаешь по мнѣ; въ этомъ не моя вина, страхъ отнялъ у меня всякую смѣлость». И она охотно доставила бы ему удовольствіе, если бъ не Діана и ея нимфы.

Такъ она жила, пораженная и любовью и боязнью, когда случилось, чего, въ своей наивности, она не вѣдала. Она пополнѣла въ бокахъ, ей неможется; она дивится, не находя тому причины; не беременна ли она? Жила въ той мѣстности, въ дикой пещерѣ, мудрая нимфа Синедекія; ей было лѣтъ сто или болѣе, она вѣдала многое и была искусна во врачевномъ дѣлѣ. Къ ней-то за совѣтомъ пошла Мензола. Покачавъ головою, старуха сказала съ гнѣвнымъ видомъ: Нечего скрывать, дочь моя, ты согрѣшила съ мужчиной. Мензола покраснѣла отъ стыда, хотѣла было представиться непонимающей, но видитъ, что отъ всевѣдущей старухи ничего не утаишь, и она потушилась, молчитъ и плачетъ. Старуха видитъ ея смущеніе и чистоту, и ей кажется, что дѣвушка согрѣшила не по своей волѣ. Она ощутила къ ней жалость: Неладно ты сдѣлала, говоритъ она ей, но не надо такъ отчаиваться; подумаемъ о средствахъ; скажи, какъ все было? — Мензола молчитъ, прильнула къ груди Синедекіи и тихо плачетъ. Когда, наконецъ, она во всемъ призналась, старуха, пожуривъ ее и наставивъ впредь быть осторожнѣе, говоритъ, что ей слѣдуетъ дѣлать: пусть не выходитъ изъ своей пещеры, развѣ къ ней за совѣтомъ, и платье носить пошире, безъ пояса, чтобы о грѣхѣ не довѣдались; когда настанутъ роды, пусть призоветъ

Луцину, и она окажетъ ей помощь; а о ребенкѣ позаботится она, Синедеккія. — И вотъ Мензола начинаетъ слѣдовать ея совѣтамъ; дитя еще не успѣло родиться, а уже явилось новою связью между ней и Аффрико: она чаще вспоминаетъ о немъ, сильнѣе его любить, раскаивается, что избѣгала его. Нѣсколько разъ ходила она туда, гдѣ въ первый разъ съ нимъ спозналась, надѣясь его встрѣтить и пойти съ нимъ въ его домъ. Одна идти она не рѣшалась: бывало подойдетъ — и назадъ. Не знала она, что изъ-за нея онъ погубилъ себя. |

Такъ благосклонна была къ ней судьба, что ни одна нимфа 361 ни о чемъ не догадалась, хотя всѣ и недоумѣвали, отчего она такъ похудѣла и не ходитъ на охоту. Когда снова явилась въ Фьезоле Діана, Мензола, по совѣту старой нимфы, не показывается ей; между тѣмъ наступило время родовъ: Луцина пришла къ ней на помощь, подняла съ земли новорожденнаго и подала матери. Та счастлива, не можетъ налюбоваться мальчикомъ, тотчасъ же одѣла его, приложила къ груди, ласкаетъ, гладитъ по головкѣ; онъ такой красивый, кудрявый, глазами весь въ отца. Она не въ силахъ разстаться съ нимъ, отдать Синедеккію; на этомъ избыткѣ материнской любви, пересилившей опасеніе, построена развязка.

Діана, очень любившая Мензолу, спрашиваетъ о ней у ея подругъ; однѣ говорятъ, что давно ея не видѣли, другія, что ей нездоровится. Тогда богиня сама отправляется къ ней, сопутствуемая тремя нимфами; Мензолы въ то время не было въ пещерѣ, она пошла къ рѣкѣ, гдѣ ея мальчикъ игралъ на солнцѣ. Ея еще не видать, но она уже увидѣла богиню, слышитъ, что ее зовутъ. Быстро спрятавъ ребенка въ кусты терновника¹⁾, она молча пустилась бѣжать промежъ дубовъ по направленію къ рѣкѣ. Видитъ это Діана, слышитъ громкій крикъ ребенка. — Не бѣги, коли я не захочу, тебѣ не перейти рѣки, не избѣжать моихъ стрѣлъ, грозитъ она Мензолѣ, но та не слушается,

1) Pruni, VII, 10.

уже вступила въ рѣку, когда Діана произнесла какія-то слова, и бѣдная нимфа слабѣетъ, разлилась волною; съ тѣхъ поръ та рѣка зовется Мензолой; «я рассказалъ вамъ, откуда она взялась» ¹⁾).

Нимфы плачутъ отъ жалости, но Діана говоритъ, что Мензола того заслужила, и ведетъ ихъ посмотрѣть на мальчика. Онѣ ласкаютъ его, хотѣли бы пріютить у себя въ горахъ, но богиня велитъ отнести его къ Синедеккіи, которой рассказываетъ, какъ Мензола забросила ребенка въ кусты съ цѣлью скрыть свой грѣхъ, и какъ она ее наказала. Старуха расплакалась: Никто, кромѣ меня, не зналъ объ ея проступкѣ, говоритъ она, не будь меня, она наложила бы на себя руки; къ тому же она была обманута. Какъ услышала это богиня, разжалобилась, но, въ примѣръ другимъ, сохраняетъ видимую суровость, а Синедеккія проситъ у нея позволенія взять мальчика и отнести въ дальнія долины, гдѣ его воспитаютъ люди. Она слышала отъ Мензолы пмя Аффрико; онъ, должно быть, живетъ гдѣ-нибудь по близости; и вотъ она идетъ въ долину, гдѣ дымилась хата, встрѣчаетъ Алимену: Я къ тебѣ по важному дѣлу; послушай-ка, въ какой печали родился этотъ ребенокъ. — Пока она рассказываетъ о любви Аффрико и Мензолы и ихъ судьбѣ, Алимена взглянула на ребенка: Боже мой, да вѣдь онъ совсѣмъ въ моего Аффрико! Она беретъ на руки внука, цѣлуетъ его, прослезилась отъ радости; тяжело мнѣ будетъ, дорогой ты мой, повести съ тобою рѣчь о томъ, какъ умеръ твой отецъ, приговариваетъ она, и сама рассказываетъ о томъ старухѣ. Обѣ горюютъ; тутъ подошелъ Джирafone; узнавъ, въ чемъ дѣло, расплакался отъ радости и горя, ласкаетъ ребенка, и тотъ улыбається ему, побуждаемый природой. Назвали его Прунео, потому что найденъ онъ былъ въ терновникѣ ²⁾, и выросъ онъ красивымъ молодцомъ, точно написали его кистью, ловкимъ и храбрымъ, всѣмъ въ отца.

1) VII, 13.

2) Pruni, VII, 33.

Какъ разъ въ то время пришелъ въ Европу Атлантъ съ множествомъ народа¹⁾; построилъ Фьезоле, нимфы, не успѣвшія удалиться, должны были повыходить за смертныхъ. Джипрафоне сталъ наибольшимъ совѣтникомъ Атланта, Прунео — его сенешалемъ; Атлантъ женилъ его на Тироніи, дочери одного важнаго барона, и далъ ему въ собственность уголь между рѣками Мензолой и Муньоне; построившись повыше церкви, что теперь въ | Маяно, Прунео могъ обозрѣвать оттуда свои владѣнія, которыя 363 вывелъ изъ состоянія дикости. Потомки десяти его сыновей становятся гражданами Фьезоле, пока разгромъ города римлянами не заставилъ ихъ переселиться въ новую римскую колонію, Флоренцію. Здѣсь они освоились, перероднились, и когда Тотила разрушилъ Флоренцію и пустилъ кличь, чтобы всѣ шли жить въ обновленный имъ Фьезоле, потомки Аффрико предпочли выселиться въ свои волости. Они-то впоследствии и обратились къ Карлу Великому и папѣ, умоляя ихъ вспомнить про забытое римское поселеніе. Императоръ вновь отстраняетъ Флоренцію, и родъ Аффрико снова переселяется туда; и въ другихъ мѣстностяхъ отъ нихъ пошли именитые люди.

Боккаччо уже не разъ обращался къ легендарной исторіи Флоренціи и ея окрестностей²⁾, которой завершаетъ свой рассказъ о судьбахъ Аффрико и Мензолы. Его могла интересовать и фабула и характерная для него культурно-историческая точка зрѣнія: онъ любитъ представлять себѣ развитіе общественности изъ формъ дикаго быта, какъ развитіе человѣчности подъ вліяніемъ любви. У трубадуровъ и старыхъ итальянскихъ лириковъ, какъ теперь еще въ народныхъ повѣрьяхъ, «дикій человѣкъ» — символъ наивной простоты, соединенной съ непочатой мудростью; и у Боккаччо мы встрѣтили и еще встрѣтимъ эту точку зрѣнія,

1) Gen. Deor., IV, 31, различаетъ трехъ Атлантовъ, изъ нихъ одинъ *Athlas italicus, qui ut vulgo fertur (?) antiquissimus apud Fessulas imperavit, cujus quoniam parentes non comperi, non apposui.* Сл. Com. sopra la Comm., I, стр. 342.

2) Filocolo, Ameto; сл. выше стр. 217, 289.

восхваленіе золотого вѣка¹⁾ и сельской простоты²⁾, соединенное съ пессимистической оцѣнкой позднѣйшей культуры, по Филоколо еще смѣется надъ безпомощностью автохтоновъ Чертальдо, онъ такой же цивилизаторъ, какъ Прунео. — Все это не объясняетъ появленія разсказа о немъ въ концѣ нашей поэмы: по отношенію къ содержанію цѣлаго это такой же лишній привѣсокъ, какъ пятая книга Филоколо. Недочетъ ли это композиціи, или авторъ желалъ разрѣшить веселой нотой свой поэтическій раз-
 364 сказъ о любви и скорби? Такое именно непосредственно-свѣжее поэтическое впечатлѣніе производитъ его коротенькая поэма, несмотря на двѣ-три подробности наивно-реалистическаго характера (первое свиданіе съ Мензолой), которыя современный романистъ предпочелъ бы умолчать, либо, смотря по школѣ, представить въ полусвѣтѣ неясныхъ формъ и страстныхъ намековъ. Есть ли въ этой грустной исторіи что-нибудь автобіографическое, хотя бы скрытое подъ пологомъ причудливыхъ стиховъ³⁾? Мы невольно ищемъ этихъ отзвуковъ, ищемъ Фьяметты; такъ пріучили насъ полуоткровенія Филоколо, Амето и Любовнаго Видѣнія и посвященіе Тезейды. Отвѣтъ на это даютъ первыя и послѣднія октавы *Ninfale*. Поэта побуждаетъ говорить любовь, давно обитающая въ его сердцѣ, любовь къ красавицѣ, по которой онъ тоскуетъ день и ночь. Амуръ ведетъ моимъ перомъ, ему принадлежитъ честь этого произведенія, ему, посланному моею дамой, въ сравненіи съ которой блѣднѣютъ достоинства всѣхъ другихъ; одного ей недостаетъ: немного жалости. Авторъ ставитъ себя подъ защиту всѣхъ любящихъ противъ зависти и злословія и людей, не понимающихъ любви, а дамы пусть умолятъ его горделивую красавицу не быть столь жестокой къ своему служителю⁴⁾. — То же повторяется съ пзмѣненіями, въ заключительныхъ строфахъ

1) См. разсказъ Адіоны въ Амето, выше стр. 280—2.

2) *Fiammetta*, стр. 115 слѣд.

3) *Sotto il velame dei versi strani*.

4) I, 1—4.

поэмы¹⁾: Амуръ, которому подчинила его дама, повелѣлъ поэту сложить этотъ рассказъ, и онъ исполнилъ это, насколько позволилъ талантъ, изощрившійся въ услуженіи ему. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хочетъ пожаловаться Амуру²⁾, и эта жалоба обращается³⁾ въ просьбу, чтобы его книга не попала въ руки невѣждъ и негодныхъ людей, не знающихъ, что такое Амуръ, и готовыхъ порицать всякое писаніе о немъ⁴⁾. Пусть читаютъ его лишь тѣ, | душевно-благовоспитанные⁵⁾, въ сердцахъ которыхъ онъ ца- 365
ригъ. — И Амуръ отвѣчаетъ поэту, какъ нимфы въ заключительныхъ сонетахъ Тезеиды: Добро пожаловать, покорный мой слуга, я принимаю мою книжку, ибо знаю, что она такова, какъ я желалъ; она будетъ храниться у меня вмѣстѣ съ другими повѣстями о моихъ великихъ дѣянiяхъ, и я уберегу ее отъ людей, никогда не послужившихъ мнѣ, не потому, чтобъ я боялся ихъ нареканiй, а дабы мое имя не упоминалось въ ихъ средѣ.

Боккаччо говоритъ о людяхъ, не понимающихъ любви и, вмѣстѣ, о завистникахъ и пенависнникахъ⁶⁾. О нихъ идетъ рѣчь въ концѣ Филоколо, еще рѣзче — въ послѣдней молитвѣ Амето. Это, быть можетъ, проявленіе того литературнаго самосозпанiя, воспріимчиваго и обидчиваго, которое и позже заставляло Боккаччо, и не его лишь одного, говорить объ окружающей ихъ отовсюду *invidia*; или это отвѣтъ ригористамъ, отметникамъ Амура, порицавшимъ Боккаччо за его Декамеронъ и получившимъ извѣстную отповѣдь въ введенiи къ четвертому дню? Амуръ царитъ въ *Ninfale*, это — его книга; красавица, овладѣвшая поэтомъ во имя его, несомнѣнно, Фьямметта, но какъ блѣдно она выступаетъ, какъ мало страстности въ упоминанiи ея! Торжествуеть чувство любви, но любовь къ Фьямметтѣ перестала

1) VII, 65—73.

2) VII, 66.

3) VII, 70.

4) *Ogni tuo bel trattato*.

5) *Animi gentili*, VII, 71.

6) *Invidiosi*.

быть стономъ сердца и уже становится поэтическимъ мотивомъ, готовымъ для объективнаго анализа романа, которому она дала свое имя. Самъ Боккаччо говоритъ намъ о своемъ выходѣ изъ періода страстности, когда любовь оставила въ его сердцѣ лишь то наслажденіе, какое она обычно доставляетъ людямъ, не слишкомъ далеко пускающимся въ ея мрачныя волны¹⁾. |

1) Декамеронъ, Введеніе, пер. I, стр. 2.

V.

НА ВЫСОТѢ (ФЪЯММЕТТА И ДЕКАМЕРОНЪ).

I.

Какъ мы видѣли, сороковые годы были особенно производи- 369
 тельны для поэтической дѣятельности Боккаччо: въ ихъ началѣ
 законченъ былъ Филоколо, созданы Амето и Любовное Видѣніе,
 нѣсколько позднѣе — Тезеида и *Ninfale*; извѣстное изображеніе
 чумы, открывающее Декамеронъ, указываетъ, что по крайней
 мѣрѣ эта часть написана была въ 1348 году или вскорѣ послѣ
 него; послѣдняя лирическая пьеса въ Декамеронѣ, жалоба ревную-
 щей Фьямметты, предполагаетъ положеніе, разработанное въ ро-
 манѣ, носящемъ ея имя. «Фьямметта» и Декамеронъ, въ которыхъ
 Боккаччо стоитъ на высотѣ своего психологическаго и худо-
 жественнаго реализма, вяжутся между собой внутренно, вызывая
 рядъ хронологическихъ вопросовъ, до сихъ поръ мало выяснен-
 ныхъ. Дѣло касается вѣднѣйшей біографіи Боккаччо и его неапо-
 литанскихъ отношеній по возвращеніи во Флоренцію въ 1340 году.
 Его поѣздка въ Неаполь въ 1342 году остается предположе-
 ніемъ¹⁾, какъ и его пребываніе тамъ въ 1345—6²⁾ и 1348-мъ
 годахъ; все это сомнительно или неясно, и мы не знаемъ по-
 дробностей. Видѣлся ли онъ съ Фьямметтой? Ни Тезеида, ни *Nin-
 fale* не даютъ никакихъ указаній; біографическая нить личнаго

1) Сл. выше стр. 180, 295.

2) *Сл. дальше стр. 373—4, 377, 382—4. Нескер, *Vossaccio-Funde*, *Braunschweig*, 1902, стр. 81, прим. 2, считаетъ вѣроятнымъ это пребываніе (доказа-
 тельно ли, въ смыслѣ показанія очевидца, выраженіе: *in qua (historia) quaedam
 auribus, quaedam oculis sumpta meis describam*. Сл. далѣе у меня на стр. 377
 прим. 3: *ferre*).

романа теряется, и мы ловимъ ее на почвѣ писемъ и политической эклоги.

Въ 1343 году умеръ король Робертъ, оплаканный Петраркой и Боккаччо — и безыменнымъ провансальскимъ поэтомъ, котор³⁷⁰ый прославляетъ его не только за мудрость и знаніе¹⁾, но и за щедрость, — а въ этомъ поэтѣ, очевидно, зналъ толкъ: глаголь «платить» не сходитъ у него съ языка. Многіе достойные люди были на жалованьи у короля²⁾, говоритъ онъ, теперь имъ придется вернуться восвояси; онъ помогалъ совѣтомъ всякому, кто являлся въ Неаполь безпомощнымъ³⁾.

Тогда начались неурядицы, которыя предвидѣлъ Петрарка и самъ Робертъ; «на смертномъ одрѣ его лебединая пѣсня была поистинѣ философская, царственная, пророческая; онъ такъ ясно представилъ слушателямъ ужасныя бѣды, предстоявшія его царству, какъ будто для него было настоящимъ, что для другихъ было будущимъ»⁴⁾; Angelo De Tummolillis da Sant Elia рассказываетъ въ своей лѣтописи⁵⁾, что когда король лежалъ на смертномъ одрѣ, и при немъ говорили о Джованнѣ, онъ провѣщилъ: Она выйдетъ за другого, горе царству! *Nubetur alio*: въ *alio* соединены инициалы ея четырехъ мужей⁶⁾!

Робертъ назначилъ своей наслѣдницей Джованну, а до ея совершеннолѣтія подчинилъ ее совѣту подъ предсѣдательствомъ вдовствующей королевы Санціи. Но Санція не въ силахъ была справиться съ начинавшейся придворной смутой и ушла въ монастырь; власть очутилась въ рукахъ юной, царственной красавицы, обаятельной и страстной, отдавшейся вліянію женщинъ, которыя руководили ею, потворствуя ея слабостямъ. Объ ея любовныхъ шашняхъ говорили подъ рукою многое, особенно объ

1) *Cap e razis en sciensa fondat.*

2) *Prenian gage.*

3) *Bartsch, Denkmäler der prov. Litteratur, Stuttgart, 1856, стр. 50—57.*

4) *Petrarca, Sen., II, 1.*

5) Конца XIV, нач. XV вѣка: *Notabilia Temporum, ed. Costantino Corsivieri, c. III.*

6) *Andreas, Ludovicus, Jacobus, Otto.*

ея отношеніяхъ къ дядѣ, Людовику Тарентскому, воспитаннику Аччяйюли, сыну знакомой намъ Катерины de Courtenay¹⁾, | ко- 371
торая не прочь была воспользоваться этой связью въ цѣляхъ политической интриги. Другой совѣтчицей королевы была Филиппа изъ Катаніи, когда-то прачка, взятая ко двору въ качествѣ няньки; впослѣдствіи ей было поручено воспитаніе Джьованны; благодаря ея вліянію, ея мужъ, бывшій рабъ изъ мавровъ²⁾, и сыновья получили значительныя должности при дворѣ.

Мужа своего Джьованна не любила; это былъ добрый, тяжеловѣсный мадьяръ, падкій до кулинарныхъ удовольствій, тяготившійся ролью мужа не у дѣлъ; еще при жизни Роберта неаполитанскіе магнаты приняли присягу на вѣрность одной Джьованнѣ. Это положеніе его раздражало; съ помощью брата, Людовика Венгерскаго, онъ добился у папы Климента признанія и за нимъ королевскаго достоинства; это шло наперекоръ завѣщанію Роберта, да и Джьованна хотѣла царствовать одна; ея пренебрежительное отношеніе къ мужу сообщалось лицамъ, ее окружавшимъ, ему не отдавали должнаго почета, королева и ея дворяне позволяли себѣ издѣваться надъ нимъ: позовутъ его, бывало, будто по дѣлу, а потомъ и скажутъ, что не надо, и посмѣются. Это выводило его изъ себя, онъ раздражался угрозами; отъ него ожидали въ будущемъ строгихъ мѣръ, и придворная знать не прочь была сбить его съ рукъ. Между тѣмъ какъ Катерина de Courtenay мечтала о престолѣ для своего сына, другой дядя королевы, женатый на ея сестрѣ, Карлъ Дурацкій, рассчитывалъ на права своей жены. Знать интриговала, венгерская партія кичливо поднимала голову, при дворѣ безстыдно распоряжался монахъ Робертъ, мерзкое «треногое животное» Петрарки. Въ воздухѣ пахло грозой, интересы любви и политики вели къ одной цѣли: уже посланные съ панской буллой для короля Андрея пристали въ Гаэтѣ, когда въ ночь на 18 сентября

1) Сл. выше стр. 56.

2) Эѳіопъ у Боккаччо, De Casibus.

1345 года, въ Аверзѣ, его вызвали подъ ложными предлогами изъ спальни жены, задушили въ сосѣдней комнатѣ, а тѣло вы-
бросили въ садъ. Королева могла слышать шумъ борьбы, но не |
372 вышла изъ своего покоя; заговорщики бѣжали, и только какая-то
венгерка подняла крикъ ¹⁾).

Насколько Джьованна виновна въ смерти своего мужа, по-
пустила ли она ее или вызвала, это едва ли когда-либо разъяс-
нится вполнѣ. Первое слѣдствіе произведено было подъ давленіемъ
народа, взволнованнаго преступленіемъ, и по требованію папы,
приславшаго инквизиторовъ съ тайнымъ наказомъ: если бы ока-
зались виновными королева и принцы, не разглашать того, а
ограничиться донесеніемъ папской куріи. Въ убійствѣ подозрѣ-
вали принцевъ ²⁾); можетъ быть, еще въ 1347 году написана
была баллата, оплакивавшая гибель юнаго короля: его кровь
взываетъ къ мести, какъ кровь Авеля ³⁾). Казнены были второ-
степенныя лица, въ томъ числѣ Филиппа, но народное сознаніе
обвиняло Джьованну; прорицанія какого-то мага, грозившія ко-
ролевѣ карой неба, составлены, вѣроятно, уже по смерти коро-
левы; рассказъ въ хроникѣ *De Tummolillis* ⁴⁾ также клонится
къ ея обвиненію: будто бы веревка, на которой Андрея повѣсили
на оконницѣ Аверзскаго замка, сплетена была съ вѣдома коро-
левы одной изъ ея прислужницъ; король еще спросилъ ее, что
это она дѣлаетъ, а она отвѣчала ему: Много есть бѣдъ, о кото-
рыхъ не знаютъ, а кто знаетъ, не говоритъ! Король разсмѣялся,
не понявъ значенія словъ. — Всѣ эти подозрѣнія отложились въ
современной народной легендѣ о Джьованнѣ: въ Неаполѣ ея имя
привязалось къ палаццо донны Анны, къ замкамъ въ Кагель

1) Сл. Matteo Villani, l. I, c. 9; Boccaccio, *De Cas.*, IX, 16; 2-я эклога Петрарки и комментарий Бенвенуто изъ Имолы и Донато дельи Альбанцани. Сл. Hortis, *Studi*, стр. 10.

2) *Nepotibus regis Roberti* въ старой редакціи комментарія Pietro Alighieri къ Божественной Комедіи. Сл. Rosca, *Di alcuni com. della Div. Comm.*, Firenze, 1891, стр. 403, прим. 1.

3) *Medin, Ballata in morte di Andrea d'Ungheria, Propugnatore*, N. S., I, II.

4) l. c.

Капуано и Ночерѣ; вездѣ она является съ типомъ Тамары, насыщенной въ своемъ сладострастьи, окруженной тайной; она привлекала въ свой дворецъ красивыхъ юношей и, насладившись, | отсылала, но всѣ они неизбежно проваливались въ западню и 373 погибали въ морѣ. Ты точно королева Джованна, говорится до сихъ поръ о невоздержной въ своихъ вождельнiяхъ женщинѣ 1). Такъ сложилась легенда; Боккаччо стоялъ при ея зарожденiи, и его первые отзывы о Джованнѣ навѣяны голосомъ народа.

Года два спустя по смерти Андрея, Людовикъ Тарентскiй женился на его вдовѣ; Аччяйюли, очевидно дорожившiй этимъ политическимъ бракомъ, принудилъ его къ тому почти насильно, не дожидаясь папскаго разрѣшенiя: въ одинъ прекрасный день, онъ привелъ жениха къ покоямъ королевы и втолкнулъ его туда; такъ они стали мужемъ и женой 2). Между тѣмъ въ королевствѣ царилъ анархiя: сторонники Джованны боролись съ сторонниками Карла Дурацкаго; явились и другiя партiи. Этимъ объясняется невѣроятный успѣхъ венгерскаго короля Людовика, явившагося отмстить за смерть брата: 3 ноября 1347 года онъ выступилъ изъ Пешта и 24 января 1348 года совершилъ торжественный въѣздъ въ Неаполь. Карлъ Дурацкiй былъ казненъ, нѣкоторые анжуйскiе принцы и малолѣтнiй сынъ Джованны, родившiйся по смерти отца, были отосланы въ Венгрiю; Джованна и ея мужъ успѣли бѣжать незадолго передъ тѣмъ: послѣднiй—въ Тоскану вмѣстѣ съ Аччяйюли, первая—въ Провансъ. Моровая язва 1348 года побудила венгерскаго короля уже въ маѣ удалиться изъ Неаполя, куда Джованна съ мужемъ вернулись въ августѣ

1) Сл. Gaetano Amalfi, *La Regina Giovanna nella tradizione*, Giambattista Basile, VII, № 11. Въ иномъ, благоприятномъ освѣщенiи является Джованна въ легендахъ Прованса: крестьяне долго не вѣрили тамъ, что она умерла, и не хотѣли признавать ея наслѣдника. «En 1820 on voyait à la pointe d'un clocher de Sisteron un étincellement de feux: c'était un bloc cristal de roche. Le peuple l'appelait le diamant de la reine Jeanne. Les paysans pour signifier que quelq'un a de l'argent disent: Il sait où Jeanne dort. Et en parlant d'un beau diseur: Il parle comme la belle Jeanne». Jules Lemaitre, въ *Journ. des Débats* 1890, 11 Avr., прив. въ *Archivio per lo studio d. trad. popolari*, v. X, стр. 275.

2) 20 августа 1347 года.

того же года: продажа Авиньона папамъ доставила ей средства 374 для дальнѣйшей борьбы, обновившейся съ возвращеніемъ венгерскаго короля въ 1350 году; ея бракъ признанъ былъ законнымъ, назначенные папой кардиналы, по повомъ разслѣдованіи дѣла, нашли ее невинной въ убійствѣ мужа. Въ январѣ 1352 года Людовикъ Венгерскій согласился на миръ, тѣмъ болѣе, что и сынъ Андрея, изъ-за правъ котораго предпринять былъ походъ, скончался въ 1348 году. 28 мая 1352 года Джованна съ мужемъ были вѣнчаны на царство; въ ожиданіи именно этого событія и написано было ¹⁾ увѣщательное посланіе Петрарки, гдѣ Аччьяйоли преподавались совѣты, какъ сдѣлать изъ его воспитанника достойнаго правителя ²⁾).

Ни для кого не было тайной, что и вѣнчаніе Людовика было дѣломъ великаго сенешаля: ни королева, жившая не въ ладахъ съ своимъ мужемъ, ни анжуйская знать не желала того, говорить Барбато въ своемъ комментарий къ посланію Петрарки, живо характеризую Людовика: ни въ первое, ни во второе вторженіе венгровъ, ни во все время между тѣмъ и другимъ, онъ не обнаружилъ ни храбрости, ни доблести; его защитой было отчаяніе и упадокъ духа; титулъ славнѣйшаго, который даетъ ему Петрарка, Барбато равнодушно-наивно понимаетъ, какъ метонимію, относя его не къ королю, а къ королевству. Понятно, почему онъ желалъ, чтобъ его комментарий попалъ лишь въ извѣстныя руки ³⁾. Тайное мнѣніе Петрарки сводилось, быть можетъ, къ подобной же оцѣнкѣ нравственной личности Людовика; иначе онъ не подчеркнул бы особо — идею воспитанія; когда Людовикъ умеръ, Петрарка писалъ Аччьяйоли: тебѣ удалось облегчить ему путь къ престолу, а не украсить его духъ царственными добродѣтелями; напрасно мы оба трудились для этой цѣли, я — перомъ, ты — словомъ ⁴⁾).

1) 20 февраля 1352 года.

2) *Гам.*, XII, 3. Сл. выше стр. 104.

3) Сл. выше стр. 104—5.

4) *Гам.*, XXII, 18.

За всѣми этими событіями Петрарка¹⁾ и Боккаччо слѣдили съ живѣйшимъ интересомъ, послѣдній—съ колебаніями симпатій, 375 невольно поднимающими вопросъ о вмѣняемости. Прежде всего— гдѣ былъ онъ въ пору трагедіи въ Аверзѣ? Рассказывая²⁾ о казни Филиппы Катанской, онъ говоритъ, какими неожиданными путями она и мужъ прошли въ люди: это я слышалъ отъ стариковъ, а вотъ это я самъ *чуть* не видѣлъ³⁾, — и онъ продолжаетъ сообщать объ ихъ дальнѣйшемъ возвышеніи, а затѣмъ уже о казни Филиппы въ 1346 году. Принадлежитъ ли это событіе къ числу тѣхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, остается неяснымъ. Изъ одного письма къ нему Петрарки⁴⁾ видно, что въ 1346 году онъ жилъ въ Равеннѣ, при дворѣ Остаджіо да Полента, одного изъ культурныхъ итальянскихъ тирановъ XIV-го вѣка; по его просьбѣ онъ перевелъ на итальянскій языкъ четвертую декаду Тита Ливія⁵⁾; въ Равеннѣ, какъ оказывается, у него были родственники⁶⁾, и жили старые пріятели и поклонники Данте въ его изгнаніи, Пьеро Джьярдино, Дино Перини, Менгино Меццани, сообщавшіе ему свѣдѣнія о великомъ поэтѣ; не даромъ въ письмѣ отъ 1365 года Петрарка, обращаясь къ Боккаччо, говоритъ: «твой равенцы»⁷⁾.

Остаджіо умеръ 14 ноября 1346 года; вѣроятно, въ томъ же или въ 1347 году⁸⁾ Боккаччо переѣхалъ въ Форлі къ Франческо дельи Орделаффи, другому такому же тирану, любителю охоты и поэзіи, «дружественному хозяину пѣриды», поклоннику Петрарки; его секретаремъ былъ Чекко деи Росси да Милето, недурной поэтъ, переписывавшійся съ Петраркой и Бок-

1) Fam., V, 3; VI, 5; VII, 1; Sen., X, 2; сл. Ecloga II.

2) De Casibus, I. IX, с. 25—6.

3) Sed quae fere viderim ipse, jam venient.

4) Fam., XXIII, 19.

5) Hortis, Studi, стр. 7—8, прим. 4, и 307 слѣд.; его же Cenni di G. Vossaccio intorno a Tito Livio, Trieste, 1877, стр. 24.

6) Ricci, L'ultimo rifugio di Dante Alighieri, Milano, 1891, стр. 212—213 * (Б. въ Равеннѣ въ 1346 г.).

7) Sen., V, 1.

8) *Cochin, Vossaccio, 68, прим. 1: въ Форлі, вѣроятно, въ 1348 г.

каччю¹⁾, Ланчилотто Ангвиссола и Антонио изъ Феррары²⁾; въ стихотворномъ | посланіи пасторальнаго стиля Боккаччо побуждалъ его къ пѣснямъ: Пока волею судебъ Италія терзаема войною, поищемъ же утѣшенія въ поэзій; начини-ка ты, мой Мерисъ (Чекко), я отзовусь: камены вѣдь любятъ взаимность³⁾; будемъ нѣтъ о любви, о моей Галатеѣ, которая дарить меня вздохами, не погашая любви⁴⁾, а Мопсу (Петраркѣ) предоставимъ подвиги боговъ и героевъ. — Мерисъ отвѣчаетъ своему Меналку (Боккаччо): поэзія теперь не къ лицу, поля выжжены, міръ объятъ пожаромъ; станемъ ли нѣтъ, намъ не будутъ внимать, и стихи наши разнесетъ вѣтеръ.

Гдѣ былъ въ то время Чекко, изъ его отвѣтнаго посланія не видно; если ты желаешь отвѣтить мнѣ, пишетъ ему Боккаччо, то знай, что я пребываю подъ сѣнью, уготованною мнѣ Фавномъ⁵⁾. Такъ называетъ Боккаччо Франческо дельи Орделаффи въ эклогѣ, съ содержаніемъ которой мы познакоимся далѣе.

Боккаччо находился въ Форли, когда Людовикъ Венгерскій прибылъ туда на пути въ Неаполь; 16 декабря 1347 года опъ вышелъ изъ Форли, Орделаффи долженъ былъ послѣдовать за нимъ съ вспомогательнымъ войскомъ, при немъ и Боккаччо. Мы узнаемъ это изъ письма Боккаччо къ грамматіку Заноби да Страда изъ Флоренціи, письма, относящагося, вѣроятно, къ началу 1348 года, ибо въ февралѣ Орделаффи былъ уже въ Ануліи⁶⁾. — Письмо начинается риторическимъ прославленіемъ дружбы, съ цитатами изъ древности; Заноби что-то сдѣлалъ для Боккаччо, не щадя усилій: о томъ сказывалъ посланецъ Заноби, говорятъ его письма и результаты хлопотъ, и Боккаччо

1) Сонетъ № XCIX.

2) Zenone da Pistoia, ed. Zambrini, Bologna, Romagnoli, 1874, стр. XXI, прим.; сл. Giorn. Stor. della lett. ital., fasc. 58—59, стр. 178—181.

3) Amant alterna Camenae = Virg. Ecl. III, 59.

4) Fiammetta? сл. выше стр. 122 и Virg., l. c., 65—6: Malo me Galatea petit, lasciva puella, — Et fugit ad salices et se cupit ante videri.

5) Hortis, Studi, стр. 351—3.

6) Corazzini, 447—9.

эмфатически подчеркиваетъ, что съ Заноби его связываетъ не только единство родины, но и дружба; лишь за это одно онъ и благодарить свою Форуну, не благодарить Заноби, потому что другъ — второй я, а себя не благодарять. — Далѣе идутъ литературныя дѣла: переписчику Діонисія (вѣроятно Ареонагита?), 377 кажется, заплачено, или большею частью, пишетъ Боккаччо; такъ сообщилъ мнѣ нашъ Анджело; остальное будетъ додано; книгу передайте Анджело, который въ свое время перешлетъ ее мнѣ. — Боккаччо восторженно благодаритъ за доставленіе ему той рѣчи Заноби, которую мы характеризовали въ другомъ мѣстѣ ¹⁾: онъ не только читалъ ее и перечитывалъ, но и списалъ для себя, а оригиналь обѣщаетъ доставить съ вѣрнымъ человекомъ. Варрона я еще не получалъ, получилъ бы вскорѣ, если бы не предстояло отправиться къ королю Венгріи въ крайніе предѣлы Абрुццъ и Кампаніи; мой славный господинъ и дружественный хозяинъ піэридъ (Орделаффи) снаряжается туда же, чтобы поддержать праведно поднятое оружіе ²⁾, и я поѣду съ нимъ, по его приказанію, не какъ воинъ, а, такъ сказать, въ качествѣ судьи того, что имѣетъ произойти; съ помощью Божіей мы вскорѣ вернемся съ побѣдой. — А что ты пишешь о дружбѣ ко мнѣ мессера Коппо, моего доблестнаго отца, для меня не новость; по чѣмъ воздамъ я ему? Ничего моя судьба-мачеха не оставила мнѣ, кромѣ меня самого; я весь принадлежу ему. — Письмо кончается извиненіемъ, если оно отвлекло Заноби отъ его «великонскихъ размышленій», и просьбой доставить все то, что произвела муза Заноби съ тѣхъ поръ, какъ Боккаччо выѣхалъ изъ Флоренціи.

Посланіе поражаетъ обычной у Боккаччо риторичностью, не дѣланною, притворно скрывающею другія отношенія, а откровенно-наивною: въ 1348 году онъ могъ находиться въ дѣйствительно хорошихъ отношеніяхъ съ Заноби, но примѣры античной

1) Сл. выше стр. 43.

2) *Ut sua imitetur arma justissima.*

дружбы и идеализация поэтического акта заставили его, всегда сенситивнаго, поднять тонъ, и Заноби является у него чѣмъ-то необыкновеннымъ; тѣмъ рѣзче было паденіе съ пьедестала, когда пріятель не отвѣтилъ ожиданіямъ. Другихъ своихъ флорентинскихъ друзей, Анджело (можетъ быть, Торини?) и Конпо ди Боргезе | Доменики, Боккаччо поминаетъ и въ другомъ письмѣ къ Заноби отъ 1353 года, и позже не разъ; къ Конпо, блюстителю старыхъ нравовъ, онъ питаетъ особое уваженіе и не знаетъ, чѣмъ ему воздать за его дружбу: вѣдь у него ничего нѣтъ, кромѣ самого себя; онъ обиженъ судьбой, — а мы знаемъ, что онъ живетъ въ довольствѣ, отіа, уготованномъ ему Орделаффи, и забываетъ итальянскія смуты — въ пѣсняхъ о любви. Это приготовляетъ насъ къ оцѣнкѣ подобныхъ же сѣтованій Боккаччо на Фортуны и бѣдность; въ нихъ много нервнаго шаржа.

Что особенно интересно для насъ — это отношеніе къ неаполитанскимъ событіямъ, проглядывающее въ письмѣ. Оружіе, поднятое венгерскимъ королемъ, «праведное»; Боккаччо готовъ послѣдовать за Орделаффи и ожидаетъ побѣды; въ канцонѣ ¹⁾), написанной вскорѣ послѣ убійства Андрея, говорится о бѣдствіяхъ, причиняемыхъ любовью: изъ-за нея Медея покинула отца, задушенъ былъ, можно сказать вчера, юноша Андрей.

Третья эклога (Faunus), написанная, быть можетъ, въ Форлі ²⁾), когда Людовикъ Венгерскій уже шелъ на Неаполь, примыкаетъ по содержанию къ разобранной выше поэтической бесѣдѣ Чекко и Боккаччо, поясняя ее. Самъ Боккаччо раскрылъ въ ней одно лишь имя: Faunus — это Франческо Орделаффи, объявить другія было неудобно ³⁾). Thestylis находится въ какихъ-то близкихъ отношеніяхъ къ Франческо: мать его, либо

1) № 1.

2) *Hauvette, Sulla cronologia d. egloghe latine del Boccaccio, Giorn. stor. d. letter. ital., 82—3, стр. 156—7, относитъ ея первый, изданный имъ набросокъ къ послѣднимъ недѣлямъ 1347 года; ея позднѣйшая, формально болѣе совершенная переработка отражаетъ вліяніе Петrarковой Буколики.

3) Minime videretur opportunum.

просто аллегорія Форлі¹⁾? Памфило — житель Форлі²⁾, Палемонъ — Боккаччо, Мерись — Чекко.

Что за крики оглашаютъ лѣсъ? спрашиваетъ Палемонъ. Время было прелестное, пастухи предавались сну или играмъ, пока ихъ козы покоились подъ тѣнью высокихъ дубовъ, я же плелъ вѣнокъ изъ аканѳа, приберегая его до той поры, когда мой свирѣль споетъ нѣчто достойное вѣнчаннаго Мопса (Петрарки), | какъ раздались отчаянные крики Тестились: Что за безуміе овла- 379
дѣло тобою, о Фавнѣ, что ты охотишься въ горахъ за медвѣдями? У тебя нѣтъ заботы ни о себѣ, ни о твоёмъ маломъ стадѣ, ни о матери. Развѣ не знаешь ты, что ихъ окружаетъ злоба волковъ-Аллоброговъ? Я женщина, у меня псовъ (molossis) немного, и мнѣ не отбиться отъ опасностей. — Фавнѣ вѣчно ихъ ищетъ, замѣчаетъ Памфило, а Мерись говоритъ: Будто тебѣ неизвѣстны частыя ссоры Фавна и Тестились? Отъ ихъ криковъ обездолѣлъ лѣсъ, облетѣла листва, а ты еще спрашиваешь: поетъ ли Филомела, пасется ли мирно козелъ! — Палемонъ проситъ Мериса подѣсть къ нимъ, они будутъ пѣть втроемъ. — Мнѣ пѣть въ этихъ лѣсахъ! Да вѣдь они стали, къ нашему позору, жилищемъ цикадъ, коршуновъ и вороновъ. — Такъ будемъ пѣть для себя, для Мопса, говоритъ Палемонъ, и Мерись соглашается: музы ему выше всего. Онъ поетъ о благословенномъ царствованіи Аргуса (король Робертъ) въ авзонійскихъ поляхъ; все было тамъ полно довольства и веселья, пока онъ былъ въ живыхъ, все опечалилось послѣ его смерти, и юный Алексисъ (Андрей), которому онъ поручилъ свои лѣса и стада, недостаточно осторожный³⁾, палъ жертвой беременной волчицы⁴⁾. Такъ говорятъ, говорятъ также, что въ тѣхъ лѣсахъ водятся львы и дикіе звѣри, причинившіе смерть суровому⁵⁾ Адонису. И вотъ отъ утеса⁶⁾ у Истра

1) Какъ, быть можетъ, и во 2-й эклогѣ.

2) Сл. Pamphile, tu patrio recubans hic lentus in antro

3) Cautus modicum.

4) Gravidam . . . lupam.

5) Severus.

6) De rupe saeva.

услышалъ о томъ братъ Алексиса, Титиръ (Людовикъ Венгерскій) и, собравъ безчисленные сонмы пастуховъ и псовъ, отправился, чтобы словить и волчицу и львовъ ¹⁾ и наказать по заслугамъ ²⁾. Ты развѣ не помнишь, какъ онъ проходилъ здѣсь, по этимъ лѣсамъ, полный ярости? Многіе изъ нашихъ слѣдуютъ за нимъ, между ними и Фавнъ; о немъ-то печалится, его-то напрасно |
380 зоветъ Тестились. — Пойду и я, говорить Палемонъ и просить Памфило побережь его стадо.

Смысль эклоги ясенъ, равно какъ и точка зрѣнія Боккаччо на неаполитанскія событія. *Говорятъ*, Андрей погибъ происками Джьованны, тогда дѣйствительно беременной ³⁾ сыномъ; львы — анжуйскіе принцы, можетъ быть, Аччъяйоли, въ гербѣ котораго былъ левъ: онъ могъ быть заинтересованъ въ судьбѣ своего воспитанника, Людовика Тарентскаго, связь котораго съ Джьованной была извѣстна; второй мужъ его сестры, Андреины, которой Боккаччо посвятилъ свою книгу о знаменитыхъ женщинахъ, былъ въ числѣ убійцъ короля. Оружіе Людовика Венгерскаго — праведное, Боккаччо-Палемонъ намѣренъ отправиться къ нему вмѣстѣ съ Орделаффи.

Послѣдовалъ ли онъ за нимъ въ Неаполь — мы не знаемъ; судя по письму къ Заноби, онъ могъ быть тамъ весною 1348 года и видѣть ужасы чумы, побудившей Людовика Венгерскаго выступить изъ Неаполя въ маѣ того же года; чумы во Флоренціи Боккаччо не видѣлъ ⁴⁾. Есть одно его письмо изъ Неаполя, которое относятъ къ 1349 году; собственно два письма къ юному Франческо di messer Alessandro dei Bardi ⁵⁾, флорентинскому купцу въ Гаэтѣ: одно — итальянское, въ обычномъ періодическомъ стилѣ Боккаччо, съ цитатами изъ древности, на тему, что всякому дѣловому, занятому человѣку необходимо развлеченіе; въ

1) Flavosque leones.

2) Ut poenas tribuat meritis.

3) Gravida lupa.

4) Сл. Com. sopra la Comm., II, стр. 19.

5) Въ одной рукописи — Giovanni. Сл. Hortis, Studi, стр. 311, прим. 1.

изданіи Дони (Prose) оно помѣчено 15 мая 1349 года; въ рукописяхъ никакой отмѣтки нѣтъ; другое—на неаполитанскомъ діалектѣ, назначенное развеселить молодого деи Барди крупною солью неаполитанскаго фарса¹⁾. «Итакъ, извѣщаю тебя, дорогой братецъ, что въ первый день декабря мѣсяца Макинта родила хорошенькаго мальчика, да сохранить его Господь! Бабка и кумъ говорятъ, что онъ весь въ отца. Далъ бы Богъ такого же сына | нашей королевѣ!». Въ этомъ стилѣ продолжается далѣе: Макинта, 381 только-что родившая, съѣдаетъ цѣлаго поросенка, и хоть бы кусочекъ намъ дала, да поразить ее паршъ! Описываются въ комическомъ видѣ крестины мальчика, котораго назвали по имени святого Антонія, покровителя свиней; имена присутствующихъ пародныя — изъ лучшихъ домовъ Неаполя. Живетъ здѣсь, какъ тебѣ извѣстно, продолжаетъ авторъ письма, аббатъ Янетто Боккаччо, и днемъ и ночью то и дѣлаетъ, что пишетъ; толковалъ я ему о томъ много разъ, чуть не поругался, а онъ смѣется, говорить: Убирайся, пошелъ играть со школьниками, а я это дѣлаю, потому что хочу научиться. Судья Баррили увѣряетъ меня, что у него знаній больше, чѣмъ у дьявола или у соррентинскаго мага Скаччянесполе. Не знаю, откуда онъ это знаетъ, но клянусь Мадонной Пьедигротты, мнѣ жаль его. Меня спросятъ: Тебѣ-то что за дѣло? Скажу тебѣ, я люблю его, какъ отца, и не желалъ бы, чтобы вышло что-либо непріятное ему да и мнѣ. Напиши-ка ты ему о томъ. — Письмо подписано: въ день св. Аньелло²⁾ твой *Jannetto di Parisse dalla Ruoccia*; это былъ единственный случай, что Боккаччо назвалъ себя, въ шуточномъ письмѣ, родомъ изъ Парижа, намекая на свое происхожденіе. Содержаніе письма чисто личное, кружковое: аббатъ Боккаччо, судья Баррили, молодой Барди, изъ торговаго дома, въ которомъ когда-то служилъ Боккаччо, — всѣ они могли интересоваться Макинтой. Историческихъ указаній никакихъ, кромѣ желанія, чтобы *наша* королева

1) Corazzini, стр. 21—4.

2) Св. Антонія.

обзавелась сыномъ. Наша королева—то-есть Джьованна? Именно въ 1348 году она съ мужемъ вернулась въ Неаполь, чтобы продолжать борьбу съ венгерской партіей, а между тѣмъ въ письмѣ нѣтъ никакихъ намековъ на эту борьбу, въ которой Боккаччо только-что подалъ голосъ за другую сторону. Къ этому присоединяются и инья затрудненія: итальянское письмо, тѣсно связанное съ неаполитанскимъ, помѣчено 15 мая, тогда какъ второе писано въ день св. Антонія, т. е. 15 декабря, на что указываетъ и свѣдѣніе, что Макинта родила 1 числа того же мѣсяца. Придется оба письма отнести къ 15 декабря, но это не рѣшаетъ дѣла. Желаніе чтобы у королевы явилось потомство, можетъ относиться ко времени до смерти Андрея, къ началу 1345 года или ранѣе, до трагедіи въ Аверзѣ, когда Джьованна осталась беременной на четвертомъ мѣсяцѣ, либо ко времени не только ея брака съ Людовикомъ Тарентскимъ, но и ея признанія королевой. Самый стиль письма, потѣшный и безнечный, говоритъ скорѣе за первое; въ такомъ случаѣ Боккаччо могъ въ самомъ дѣлѣ сказать о себѣ, что *чуть* не видѣлъ казни Филиппы Катанской, и уѣхать въ Равенну подъ впечатлѣніемъ первыхъ слуховъ о виновности королевы, которые раздѣлялъ и Петрарка и комментаторы его эклогъ.

Въ іюлѣ 1348 года отецъ Боккаччо написалъ свою духовную; вскорѣ послѣ того онъ, вѣроятно, и умеръ, потому что въ одномъ актѣ отъ 26 января 1350 года нашъ Боккаччо является въ качествѣ опекуна своего своднаго брата Якова (отъ второй жены отца)¹⁾. Повидимому, этотъ братъ не игралъ въ жизни поэта особой роли, и духовной близости у нихъ не было. Когда въ 1361 году Боккаччо думалъ совсѣмъ перебраться въ Неаполь, онъ взялъ съ собою и брата; но года два спустя онъ же писалъ Пино деи Росси, что блаженствуетъ въ уединеніи Чертальдо — независимо отъ того, есть ли у него братъ, по милости Божіей,

1) Manni, Istoria del Decamerone, Firenze, 1742, parte I, 21.

или нѣтъ¹⁾. — Боккаччо вступилъ въ часть отцовскаго наслѣдства²⁾; онъ былъ теперь самостоятеленъ, но не обезпеченъ; ему недоставало otium Петrarки и приходилось самому списывать себѣ библіотеку. Въ его жалобахъ на бѣдность много риторичнаго, преувеличеннаго воображеніемъ, по воображеніемъ чловѣка, мечтавшаго жить исключительно для поэзіи, для самоусовершенствованія. Его мечты, повидимому, устремлены на | Неа- 383
поль; судя по одному документу 1351 года, который мы приведемъ далѣе, онъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Аччяйюли. Куда же дѣлись нареканія III-й эклоги и ея иносказательные «львы», если они дѣйствительно имѣютъ въ виду великаго сенешала? — Дѣло въ томъ, что отношенія Боккаччо къ неаполитанскимъ событіямъ измѣнились, и IV-я, V-я и VI-я эклоги стоятъ въ прямомъ противорѣчій съ III-й. Онъ самъ объяснилъ содержаніе первыхъ въ нисъмѣ къ монаху Мартину изъ Синыи.

Четвертая эклога (Dogus) описываетъ бѣгство Людовика Тарентскаго — Dogus (будто бы отъ греческаго слова dogis означающаго горестъ)³⁾ и Аччяйюли, его преданнѣйшаго друга, почему онъ и названъ Pithyas⁴⁾. Мы уже знаемъ, что въ январѣ 1348 года, до прихода венгерскаго короля, они удалились въ Тоскану; здѣсь Вольтерра дала имъ убѣжище, но флорентійцы не пустили ихъ въ свои стѣны, и пока Людовикъ проживалъ въ Val di Peso на виллѣ Аччяйюли, приставили къ нему досмотрщиковъ. На этихъ данныхъ построена эклога: Монтанъ⁵⁾ спрашиваетъ Дора, почему онъ такъ тревожно блуждаетъ, не зная отдыха. — Не мѣшай мнѣ бѣжать, отвѣчаетъ тотъ, я всего боюсь⁶⁾. — Когда Монтанъ предлагаетъ ему вступить подъ его

1) Corazzini, l. c., стр. 96—7.

2) Crescini, Contributo, стр. 257—8.

3) См. ту же этимологию въ Gen. Deor., IV 45, VII, 8, и выше стр. 26.

4) A nomine Pithyae amici Damonis.

5) Какой-нибудь житель Вольтерры.

6) Припомнимъ трусливаго, отчавшагося Людовика въ характеристикѣ Барбато, выше стр. 376.

кровь, онъ говорить, что ничего не желаетъ, кромѣ вѣрнаго убѣ-
 жища, и, ободренный Питіей-Аччяйюли, принимаетъ гостепріим-
 ство. Завязывается разговоръ: Доръ плачется, полонъ страховъ;
 я надѣялся успокоиться тамъ, гдѣ тихій Арно течетъ у Фло-
 ренціи, говорить онъ пріятелю: часто слыхалъ я отъ тебя, пока
 Фортуна мнѣ еще улыбалась, о древней вѣрности флорентійцевъ.
 Питія разубѣждаетъ его, и Доръ принимается рассказывать о
 своихъ бѣдствіяхъ, начиная со смерти Аргуса (Роберта): мало
 пролили надъ нимъ слезъ, но вѣрно сказали тогда вѣщатели: тѣ
 384 слезы выпадутъ на долю бѣдному Алексису (Андрею), онъ палъ
 жертвой смерти, ибо былъ слишкомъ суровъ къ своей паствѣ и
 неуживчивъ въ лѣсахъ¹⁾. Стараніями Питіи я сочетался съ кра-
 савицей Ликорисъ (Джьованной), вмѣстѣ съ внуками²⁾ Аргуса
 правилъ его стадами³⁾, но пока насъ, юношей, терзала Эринія,
 явился съ береговъ Истра Полифемъ (Людовикъ Венгерскій),
 рожденный отъ нашей крови, но вскормленный, полагаю, звѣри-
 нымъ молокомъ; движимый праведнымъ гнѣвомъ⁴⁾, онъ, точно
 горный потокъ, все разрушалъ на пути. Недовольный наказа-
 ніемъ виновныхъ, онъ обагривъ звѣзды кровью невиннаго Пафа
 (Карль Дурацкій), обременилъ узами дѣтей прелестныхъ нимфъ⁵⁾,
 все предалъ варварскому опустошенію.— Доръ кончаетъ расска-
 зомъ о своемъ бѣгствѣ съ Питіей, единственнымъ другомъ, не
 оставившимъ его въ его горѣ.— Его много впереди, говорить
 Монтанъ, ложная надежда часто будетъ соблазнять тебя, но ты
 все побѣдишь выдержкой.

Настроеніе этой эклоги не оставляетъ никакихъ сомнѣній:
 гнѣвъ венгерскаго короля попрежнему «праведный», и также
 оплакивается участь бѣднаго Андрея, но онъ палъ жертвою своей
 суровости, о виновности «красавицы Ликорисъ» ни слова,

1) Gregibus nimium durus, silvisque molestus.

2) Nepotes.

3) Septas.

4) Justa rabie succensus et ira.

5) Королевскихъ дѣтей, отправленныхъ въ плѣнъ въ Венгрію.

Аччъяйоли — образец друга; если на кого падаетъ нареканіе, то на венгерскаго короля, увлеченнаго праведнымъ гнѣвомъ къ казни невинныхъ.

Пятая эклога¹⁾ досказываетъ предыдущую, обѣ по настроенію и восторженнымъ похваламъ Роберту напоминаютъ вторую эклогу Петрарки (Argus). Бесѣдуютъ Калліопъ и Памфило²⁾: первый описываетъ старыя блаженныя времена Неаполя, когда правилъ Титирь (Робертъ), въ пѣсняхъ изрекая лѣсамъ спасительные законы; | все разрушилъ Полифемъ (Людовикъ Венгер- 385 скій), пастухи покинули лѣса, Альцестъ и Ликорисъ (Людовикъ Тарентскій и Джьованна) бѣжали³⁾. Почему же не попытался ты утѣшить несчастныхъ ласковыми рѣчами? спрашиваетъ Памфило. — Я боялся, какъ бы не настигъ меня свирѣпый Полифемъ, потому и поспѣшилъ въ твои поляны.

Въ шестой эклогѣ Аминта спрашиваетъ Мелибея, почему онъ такъ грустенъ; тотъ указываетъ на плачевное состояніе страны, когда-то счастливой подъ скипетромъ Аргуса (Роберта); что случилось съ Алцестомъ? — Не плачь, отвѣчаетъ, ликуя, Аминта: свирѣпый Полифемъ удалился, къ намъ вернулся Альцестъ (Людовикъ Тарентскій). — Мелибей сначала не вѣритъ, но потомъ приходитъ въ восторгъ: Принесемъ жертвы, станемъ водить хороводы вокругъ храмовъ, станемъ пѣть взапуски; лучше насъ никто не поетъ на сицилійскихъ поляхъ, развѣ Гола (Петрарка), тотъ выше всѣхъ, какъ кипарисъ выше кустарника. — Начинай же ты первый, говоритъ Аминта, ты сильнѣе меня въ пѣсняхъ⁴⁾, начни съ похвалы Филлидѣ, или лучше Альцесту; нѣтъ болѣе достойнаго его; или же воспой подвиги Питіи (Аччъяйоли), онъ по праву заслужилъ пѣснопѣнія Стилъбона. — Филлида пусть забавляется на лугу, отвѣчаетъ Мелибей, а Питія повременить: если ты вѣришь предзнаменованіямъ, ему предстоитъ великое буду-

1) *Silva cadens.*

2) Что означаетъ по-гречески: *totus Amor.*

3) *Turpique fuga nemus omne relictum est.*

4) *Carminе maior.*

щее; станемъ пѣть объ Альцестѣ.—Начинаетъ Мелибей, продолжаетъ Аминта: вернулся къ намъ Альцестъ, вернулся, онъ водворилъ изгнанную Астрею, предоставилъ музамъ должныя почести, будетъ свѣточемъ, украшеніемъ лѣсовъ, пастырей, дѣвушекъ, и по смерти не узритъ порога Дита, а станетъ новымъ дельфійцемъ среди небожителей. Тосканецъ Азила извлечетъ звуки изъ тростника, Дамонъ и Питія станутъ подпѣвать; будущія поколѣнія едва повѣрятъ его славу, но его подвиги будутъ начертаны на корѣ деревьевъ. Вернулся къ намъ Альцестъ, вернулся! |

386

Не всѣ аллюзіи этой эклоги понятны; кто такая Филлида? Можетъ быть, типическое лицо, вообще, красавица? Пусть Филлида забавляется на лугу, т. е. Мелибей не хочетъ пѣть о любви. Тосканецъ Азила непонятенъ; если въ XIII-й эклогѣ Азила означаетъ отца Боккаччо, то здѣсь, быть можетъ, подъ этимъ именемъ скрылся самъ поэтъ; не онъ ли воспоетъ хвалы Альцесту? *Furibundus Asylas* IV-й эклоги стоитъ совсѣмъ особо: это кто-либо изъ неаполитанскихъ магнатовъ. Несомнѣнно, что Питія — Аччяйоли, Альцестъ — Людовикъ Тарентскій: на немъ сосредоточены вычурныя похвалы, отъ него ожидаютъ покровительства музамъ; одно его имя и истолковалъ Боккаччо въ письмѣ къ Мартину изъ Синьи: *alce* значитъ *virtus*, *aestus* — *fervor*, отсюда Альцестъ, ибо «подъ конецъ своей жизни» Людовикъ «воспріялъ нравы благого, доблестнаго короля».

Къ какому времени относится этотъ панегирикъ Людовику Венгерскій король — Полифемъ — удалился изъ Неаполя 24 мая 1348 года; 31 августа снова вступили на итальянскій берегъ Джованна и Людовикъ Тарентскій — Альцестъ. Ихъ торжественная встрѣча, описанная Виллани¹⁾, напоминаетъ ликованія Аминты и Мелибея. Но до водворенія Астреи было еще далеко: въ 1350 году снова явился Полифемъ, и борьба продолжалась до 1352 года. Если бы подъ Сильбономъ можно было разумѣть Заноби да Страда, пристроившагося къ Аччяйоли въ маѣ 1352 года,—на

1) Matteo Villani, l. I, c. XX.

что нѣтъ данныхъ, то время написанія VI-й эклоги было бы опредѣлено. Объясненіе Боккаччо, что въ послѣдніе годы жизни Людовикъ († 1362) сталъ проявлять качества хорошаго правителя, принадлежить, очевидно, позднѣйшему времени и не доказательно для хронологіи самой эклоги. Замѣчательно въ ней отсутствіе упоминанія Джьованны, восхваленіе отдано Людовику, затѣмъ, косвенно, Аччяйоли, проведшему его на престолъ. Можетъ быть, Боккаччо въ самомъ дѣлѣ возлагалъ надежды на короля; мы увидимъ далѣе, что какъ-разъ въ 1352 году онъ разсчитывалъ устроиться въ Неаполѣ при помощи Аччяйоли; VI-я 387 эклога какъ бы готовится къ этому, выражаетъ надежды, но она же поднимаетъ вопросъ о нравственномъ характерѣ Боккаччо. Какъ помирить его третью эклогу съ четвертой, пятой и шестой? Если онъ стоялъ за дѣло венгерскаго короля, какъ правое, его панегирикъ анжуйцамъ былъ бы внушенъ расчетомъ и лестью, одѣтой въ цвѣты риторики. Риторикѣ я не исключаю: разгромъ королевства, романтическое бѣгство и торжественное водвореніе Астреи — все это являлось благодарной поэтической темой, какъ и картины довольства и счастья въ старыя времена Роберта. А Боккаччо любилъ Неаполь, привязался къ анжуйской династіи; первыя слухи объ убійствѣ Андрея освѣтили для него односторонне и трагично положеніе дѣла, — и онъ увлекся образомъ чреватой волчицы и освободительнымъ подвигомъ венгерскаго короля. Но его походъ повелъ къ разгрому и неурядицамъ, вопросъ о виновности Джьованны оказался темнымъ, невыясненнымъ, ходили подозрѣнія, но явилось и торжественное оправданіе¹⁾; Барбато толкуетъ именно въ этомъ смыслѣ «упрямую ложь и лживое упрямство» въ посланіи Петрарки, имѣя въ виду обвиненіе, взведенное на Джьованну, по разбитое молотомъ истины. Такимъ путемъ и Боккаччо могъ незамѣтно перейти къ другой оцѣнкѣ событій и прежнимъ анжуйскимъ симпатіямъ. Онъ могъ впослед-

1) Сл. папскую буллу 1351 г. и Matteo Villani, II, 24.

ствіи, и рѣзко, разоитись съ Аччыйоли, въ заключительной главѣ De Casibus говоритъ о Людовикѣ, какъ о ненавистномъ всѣмъ своимъ приближеннымъ, но его позднѣйшія сужденія о Джьованнѣ отличаются большею мягкостью и переходятъ въ похвалу. Въ книгѣ о Роковой участи великихъ мужей онъ говоритъ объ ея отношеніяхъ къ Филиппѣ Катанской и ея семьѣ, которую она возымѣла не по заслугамъ, удаляя всѣхъ другихъ изъ своего совѣта. Пустили даже слухъ о связи королевы съ сыномъ Филиппы, Робертомъ, прибавляетъ онъ, замѣчая, что всѣмъ этимъ подозрѣніямъ не слѣдуетъ давать вѣры: извѣстно, какая молва идетъ даже о честнѣйшихъ 388 женщинахъ, если онѣ хотя немного общаются съ мужчинами; о виновности Джьованны въ убійствѣ мужа нѣтъ болѣе рѣчи: говорится о распряхъ, которыя успѣли посѣять между супругами еще при жизни Роберта, когда присяга принесена была на одно лишь имя Джьованны; Людовикъ Венгерскій, недовольный унижительнымъ положеніемъ, какое создали брату его жена и ея сообщники, добивался у папы его вѣнчанія; уже дѣло было рѣшено, и посланные пристали къ Гаэтѣ, когда составился заговоръ вельможъ, боявшихся королевскаго возмездія.

Особенно въ трактатѣ объ «Именитыхъ женщинахъ», конченномъ по смерти Людовика Тарентскаго (1362), Боккаччо является панегиристомъ Джьованны: онъ посвятилъ бы ей и свою книгу, если бъ не опасался, что ея царственное имя затмитъ его скромный трудъ. Послѣдняя глава наполнена похвалами ей: нѣтъ женщины выше ея по роду, могуществу и нравамъ; несмотря на свой полъ, она мудро править громадными областями, очищая города, горы и лѣса отъ злыхъ людей, преслѣдуя ихъ, осаждая въ ихъ твердыняхъ и достигая цѣли, о которой не помышляли и которой не могли достигъ предыдущіе правители. Теперь не только бѣднякъ, но и богатый человекъ можетъ идти, куда ему угодно, днемъ и ночью, распѣвая пѣсни; она исправила распущенные нравы принцевъ и бароновъ и настолько смирила ихъ, что они, прежде ни во что не ставившіе короля, боятся ея гнѣвнаго взгляда. Разумная и стойкая, она испытала преврат-

ности судьбы¹⁾: распри братьевъ короля, войны, бѣгство и изгнаніе—*за чужое преступленіе*²⁾, суровые нравы мужей (стало быть и Людовика Тарентскаго), интриги знати, *незаслуженное безславіе*³⁾ и угрозы панъ. Все это она перенесла мужественно, па-диво — для женщины. При всемъ томъ она отличается красотой, веселымъ нравомъ, привѣтливой рѣчью⁴⁾; царственное величіе ужи[вается въ ней съ простотой, снисходительностью и 389 добротой, такъ что она кажется скорѣе сверстницей (*sociam*), чѣмъ властительницей своихъ подданныхъ. Она — единственное украшеніе Италіи, подобнаго которому не являлось еще ни въ одномъ народѣ.

Таково послѣднее представленіе Боккаччо о Джованнѣ. Въ немъ многое, можетъ быть, преувеличено, но едва ли весь образъ подсказанъ лестью, желаніемъ обратить на себя вниманіе королевы, быть прочтеннымъ ею, какъ даетъ понять Донато дельи Альбанцани въ добавленіи къ біографіи Джованны, допуская, впрочемъ, что Боккаччо могъ по обыкновенію увлечься къ одностороннимъ похваламъ страстью къ стилю и морализаціи по поводу⁵⁾. Въ 1362 году Боккаччо дѣйствительно сдѣлалъ еще одну, столь же неудачную, какъ и прежнія, попытку устроиться въ Неаполѣ при Аччяйоли; не разсчитывалъ ли онъ и на Джованцу? Мы видѣли что онъ готовился посвятить ей свою книгу объ именитыхъ женщинахъ, но, испугавшись ея величія, посвятилъ Андреинѣ Аччяйоли. Можетъ быть, мотивъ, измѣнившій его намѣренія, и не настоящій; послѣдній фактическій намекъ въ папегирикѣ Джованны — смерть ея мужа Людовика — относитъ насъ именно къ 1362 году, году неудачной попытки. О прежнихъ отношеніяхъ Боккаччо къ Джованнѣ, пока она не отложила для него въ образъ мудрой и твердой, неповинно обезславленной

1) *Fortunae saevienti insultus.*

2) *Alieno crimine.*

3) *Sinistram nec meritam famam.*

4) *Eloquium mite et cunctis grata facundia.*

5) *Hortis, Studi, стр. 114.*

правительницы, мы ничего не знаемъ; когда въ 1372 году, отрекаясь отъ своего Декамерона, онъ извинялъ себя тѣмъ, что писалъ его еще молодымъ человѣкомъ и по приказанію *власть имущаго*¹⁾,— въ этомъ лицѣ нельзя предполагать, вмѣстѣ съ другими, Джьованну: въ 1340 году, когда Боккаччо покинулъ Неаполь, ей было 14 лѣтъ; его пребываніе въ Неаполѣ въ 1342 и 1345—6 годахъ могло быть лишь кратковременно. Очень вѣроятно, что подѣ «власть имущимъ», наибольшимъ, слѣдуетъ разумѣть Фьямметту; Боккаччо никогда не забывалъ разницу положенія. Она внушила |
 90 ему Филоколо, побудила и къ рассказамъ; они могли писаться исподволь; позже, въ 1348 году, или вскорѣ послѣ него, написано было, гдѣ-то, введеніе къ Декамерону, и первыя три книги пошли въ обращеніе, вызывая смѣхъ и критику и нападки, на которыя Боккаччо пришлось отвѣчать въ введеніи къ 4-му дню.

Это введеніе какъ бы дѣлитъ Декамеронъ на двѣ неравныя части, изъ которыхъ первал²⁾ представляется болѣе свободной по композиціи, вторая³⁾ обнаруживаетъ нѣкоторую сознательность плана. Рассказчики и рассказчицы тѣ же; имена нѣкоторыхъ намъ знакомы: Фьямметта, Пампиня, которую мы знаемъ изъ біографическихъ воспоминаній Амето, Эмилиа изъ того же Амето и Тезейды. Рассказчиковъ трое: имя Діонео встрѣчается въ Амето⁴⁾ съ тѣмъ же самымъ значеніемъ человѣка несдержанно-плотскаго, какое давалъ ему Боккаччо въ письмѣ 1338 года, примѣняя его къ себѣ въ порывѣ самообличенія⁵⁾; въ Декамеронѣ этотъ типъ значительно смягченъ: это веселый болтунъ, у котораго всегда наготовѣ гривуазныя новеллы, отъ которыхъ всѣ покатываются со смѣху, общій баловень, которому въ концѣ 1-го дня предоставлена льгота рассказывать послѣднимъ и о чемъ угодно, и онъ поль-

1) *Majori coactus imperio.*

2) I—III дни.

3) IV—X дни.

4) Сл. выше стр. 281.

5) Сл. выше стр. 20, 109.

зуются этимъ съ лихою, чтобы въ концѣ 10-го дня поразить насъ слезной новеллой о Гризельдѣ.—Филострато, второй рассказчикъ,—также Боккаччо, но въ другомъ своемъ проявленіи: это Боккаччо-Троиль известной намъ поэмы, влюбленный и вздыхающій, болѣе всего—ревнивый. Наконецъ, Памфило. Ничто не обязываетъ насъ къ предположенію, что въ первую часть Декамерона это имя попало изъ готоваго уже романа о Фьямметтѣ; кличка могла быть старая, отвѣчавшая счастливому періоду любви¹⁾, къ тому же и новеллы, которыя Памфило и Филострато | рассказываютъ въ первые три дня, ничуть не отвѣчаютъ ихъ 391 типамъ, какъ они задуманы въ Фьямметтѣ и Филострато: Памфило принадлежитъ серьезная по настроенію повѣсть о Чапеллетто²⁾ и фривольныя новеллы о невѣстѣ короля дель Гарбо³⁾ и простотѣ донъ-Феличе⁴⁾; того же характера два рассказа Филострато⁵⁾, третій сводится къ остроумной находчивости «потѣшнаго» человѣка⁶⁾; въ концѣ третьяго дня его шутки отличаются вольностью, но когда его назначили королемъ, его настроеніе внезапно мѣняется: онъ самъ несчастенъ въ своей привязанности, и потому сюжетомъ новеллы слѣдующаго дня будетъ случай любви, кончившейся плачевно.

Перейдемъ ко второй части Декамерона. Открывается она подъ предсѣдательствомъ Филострато, его повѣсть одна изъ самыхъ трагическихъ⁷⁾; когда Фьямметта рассказала новеллу о Гвискардо и Гисмондѣ⁸⁾, онъ говоритъ, что отдалъ бы жизнь за половину испытаннаго ими блаженства, ибо самъ испытываетъ ежедневно тысячи смертей. Онъ недоволенъ рассказомъ Пампи-

1) Сл. выше стр. 120 слѣд.

2) Декамеронъ, I, 1.

3) Дек., II, 7.

4) Дек., III, 4.

5) II, 2; III, 1.

6) I, 7.

7) IV, 9.

8) IV, 1.

пен¹⁾, потому что въ ней было надъ чѣмъ посмѣяться, такъ что Лауретта говоритъ ему: Вы ужь очень жестоки къ любящимъ, если только и желаете ихъ злополучнаго конца²⁾! А Діонео доволенъ, что плачевные сюжеты исчерпаны, и забавляетъ всѣхъ рассказомъ о любовной шашнѣ, кончившейся неудачно, но разрѣшившейся смѣхомъ³⁾. Въ заключеніе дня Филострато вѣнчаетъ королевой слѣдующаго — Фьямметту, ибо, говоритъ онъ, она лучше, чѣмъ всякая другая, сумѣетъ утѣшить ихъ выбо-
2 ромъ сюжета для новеллъ. Фьямметта сіяетъ красотой: Боккаччо съ умысломъ помѣстилъ здѣсь ея портретъ; она знаетъ, каково можетъ быть содержаніе пѣсенъ Филострато, и велитъ ему спѣть, чтобы его очередь не пришлась на другой день, и грустное настроеніе не возобновилось. Филострато, дѣйствительно, поетъ о безнадежной, обманутой любви; всѣ поняли его настроеніе, поняли бы и болѣе, если бъ сумракъ ночи не скрылъ румянца, вспыхнуващаго на лицѣ одной изъ дамъ.

Какъ видно, это психологическое состояніе Тропла-Филострато и Гризеиды, перенесенное на планъ 4-го дня: Филострато-Боккаччо страдаетъ, утѣшить его можетъ одна лишь Фьямметта: 5-й день проходитъ подъ ея предсѣдательствомъ въ бесѣдахъ о тѣхъ, чья любовь, послѣ разныхъ препятствій, была увѣнчана удачей.

Первый, кому она назначаетъ рассказывать, — Памфило: его новелла о Чимоне⁴⁾ — повѣсть любви, воспитывающей къ человѣчности. Въ концѣ того же дня Діонео усиленно паясничаетъ, предлагая загѣвы пѣсенъ, одну фривольнѣе другой. Королева смѣется и сердится: Оставь эти пѣсни, говоритъ она, спой намъ хорошую, коли нѣтъ — ты можешь испытать на себѣ, какъ я умѣю гнѣваться⁵⁾. И балагуръ Діонео становится вдругъ вздыхающимъ поэтомъ :

1) IV, 2.

2) IV, 3.

3) IV, 10.

4) V, 1.

5) I, стр. 416 русск. перевода.

Амуръ! то чудное сіянье,
Что льется изъ ся божественныхъ очей,
Меня содѣлало рабомъ тебѣ и ей.

Опъ одного лишь боится:

извѣстно ль, какъ велика
Страсть чудная, мнѣ въ грудь вселенная тобой,
И сила вѣрности — извѣстна ль той всецѣло,
Которая моимъ такъ духомъ завладѣла,
Что я ни въ комъ иномъ не буду средъ людей —
И не хочу — искать покоя души моей. }

Пусть Амуръ испросить у нея благоволенія и самого его 393
ведеть туда скорѣй¹⁾).

Опять передъ нами мотивъ, который мы можемъ провѣрить
данными біографіи: Боккаччо-Діонео — молодой повѣса, безза-
ботный поклонникъ Діонеи; Фьямметта любитъ его въ этомъ
видѣ, снисходить и журить и вмѣстѣ поднимаетъ своею любовью,
когда, бросивъ всѣ другія увлеченія, онъ отдался ей одной и сталъ
ей поэтомъ.

Въ концѣ Декамерона снова обнаруживаются очертанія
рамки, которыя мы намѣтили съ четвертаго дня. Пѣснь Памфило
въ заключеніи 8-го дня полна счастьемъ тайнаго обладанія.

Амуръ, такія наслажденія,
Веселья, радости ты доставляешь мнѣ,
Что я блаженствую, горя въ твоемъ огнѣ.

Такого счастья онъ не ожидалъ,

Такъ высокъ, такъ видно помѣстилась
Моя любовь. . . .
Кто бъ думалъ, что туда дойдутъ мои объятія,
Гдѣ ихъ раскрыть мнѣ было суждено?

Таковы были отношенія Памфило-Боккаччо къ высокопо-
ставленной Фьямметтѣ. На десятый день руководство бесѣдой
предоставлено ему: онъ началъ циклъ Декамерона рассказомъ о

1) 1. с., стр. 417.

Чашпеллетто, онъ же является послѣднимъ предсѣдателемъ веселаго кружка, и отъ него ожидаютъ, что онъ исправитъ промахи своихъ предшественниковъ¹⁾. Сюжетъ разсказовъ — о великодушїи, обнаруженномъ въ дѣлахъ любви, либо другихъ; заключается онъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кругъ Декамерона, пѣніемъ Фьямметты. Ея настроеніе ясно съ первыхъ словъ:

Когда бъ любовь могла существовать одна,
Безъ ревности, — я женщины бъ не знала
Счастливѣе меня, кто бъ ни была она. |

394 Ея милый прекрасенъ, но другія женщины такъ же смѣтливы, какъ и она, и могутъ отнять его у нея. Эта мысль ее мучить.

Когда бъ властитель мой внушилъ мнѣ столько жъ вѣры
Умнѣемъ любить, какъ доблестью душевной,
Я ревности не знала бъ никакой;
Но всѣ мужчины — лицемѣры,
Мѣнять предметъ любви готовы ежедневно.
Вотъ это-то и губить мой покой.

Она ревнуетъ ко всѣмъ женщинамъ и всѣхъ предупреждаетъ — ничего не предпринимать къ ея ущербу, иначе онѣ вѣчно будутъ проклинать свое безуміе. «Вы сдѣлали бы большое удовольствіе, смѣется Діонео, назвавъ всѣмъ своего милаго, для того, чтобы вслѣдствіе невѣдѣнія у васъ не отняли владѣнія».

Заключительныя пѣсни 4-го и 10-го дней противопоставлены какъ бы съ умысломъ: тамъ сѣтуетъ Филострато, здѣсь ревнуетъ Фьямметта. Ревнующая, оставленная Памфиломъ Фьямметта — таковъ мотивъ романа, обозначеннаго ея именемъ; если мы не ошиблись, признавъ нѣкоторую сознательность въ планѣ второй части Декамерона, то романъ могъ быть написанъ до ея появленія, и когда три первыхъ дня уже находились въ рукахъ читающихъ. Ближайшее хронологическое опредѣленіе едва ли удастся; одинъ эпизодъ²⁾ давалъ видимый поводъ предположить, что Фьямметта

1) Сл. конецъ IX дня.

2) Fiammetta, стр. 45.

написана до смерти короля Роберта (въ январѣ 1343 г.), но противъ этого говоритъ многое: и совершенство психологическаго анализа, побуждающее подвинуть *Фьямметту* ближе къ *Декамерону*, и невѣроятность, чтобы въ теченіе 1340—3 гг. Боккаччо могъ присоединить ко многому, имъ написанному, еще и цѣлый романъ. Съ другой стороны, указаніе на короля Роберта вызвано дѣйствительнымъ фактомъ, который и легъ въ основу разсказа: отъѣздомъ Боккаччо-Памфило изъ Неаполя именно при Робертѣ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы самый романъ не могъ быть написанъ позднѣе, ретроспективно; иначе мы имѣли бы такое же основаніе заключить, что шестой день *Декамерона*, несомнѣнно написанный позже 1348 года, оконченъ былъ именно въ этомъ году, потому что о чумѣ говорится, какъ о продолжающей свирѣпствовать¹⁾. Но для этого надо забыть, что по идеѣ Боккаччо новеллы *Декамерона* разсказываются въ теченіе десяти дней (съ перерывами), и что упоминаніе чумы принадлежитъ декорации.

II.

Фьямметту, либо «*Элегію мадонны Фьямметты*»²⁾ называли не разъ первымъ психологическимъ романомъ въ новыхъ литературахъ, и это одно опредѣляетъ его историческое значеніе; на его мѣсто въ сердечныхъ переживаніяхъ и художественномъ развитіи Боккаччо указано было не разъ. Его форма — исповѣдь, признаніе; дѣйствія почти нѣтъ, за вычетомъ нѣсколькихъ біографическихъ и бытовыхъ эпизодовъ, содержаніемъ которыхъ мы уже воспользовались; все сводится къ анализу чувствъ любящей женщины, оставленной своимъ милымъ. Боккаччо заставилъ *Фьямметту* пережить всю ту бурю ревности, негодованій и надеждъ, которую испыталъ самъ въ лицѣ *Троила*, *Галеоне*,

1) Сл. VI, 3.

2) *Ркп. Laurent. XLII, 7; Magliab. Strozzi, II, II, 21 (объ конца XIV в.); Riccard. 1082 (окончена написаніемъ въ октябрѣ 1411 г.).

Филоколо. Такое переживаніе въ умѣ предполагаетъ извѣстное отрѣшеніе отъ страстности, наступленіе художественнаго покоя; лишь при такихъ условіяхъ возможенъ такой анализъ болевыхъ ощущеній, доходящій до мелочей, чуткій къ каждому движенію, заботливо отмѣчающій всякую черту. Передъ нами уже великій художникъ Декамерона: тѣ изъ его типовъ, которые Боккаччо способенъ былъ пережить, какъ пережилъ любовь и ревность, предполагаютъ такое же богатство непоказнаго анализа. Въ «Фьямметтѣ» онъ весь наружу, со всѣми его топкостями и недочетами, которые мы отмѣтили въ Филоколо: общими разсужденіями, логически вытекающими изъ даннаго душевнаго настроенія, но часто психологически невысказанными въ заинтересованномъ лицѣ. Фьямметта очень тонко наблюдаетъ, но иногда утомительно разсудочно-болтлива; Боккаччо нерѣдко забываетъ ее ради любви къ прелести слова, къ баюканью періодической рѣчи, къ классическимъ цитатамъ. Для него онѣ не виѣшнее риторическое украшеніе, а нѣчто столь родственное, что плѣтъ мысли и положенія, которое естественно не освятилось бы воспоминаніями Греціи и Рима, какъ болѣе духовные процессы любви столь же естественно искали выраженія въ формулахъ дантовскаго стиля. Сама любовь, плотская въ основѣ, никогда не переходитъ въ откровенности Декамерона и даже Амето: передъ нами признанія женщины.

Состраданіе облегчаетъ сѣтующимъ печаль: съ этой цѣлью Фьямметта и обращается съ своею исповѣдью къ женщинамъ; мужчины погдумятся надъ нею, всѣ они похожи на того, чью суровость¹⁾ она испытала. Она станетъ писать не о греческихъ басняхъ, украшенныхъ вымыслами, не о троянскихъ ратяхъ, обильныхъ кровью, а о любовныхъ, возбуждаемыхъ многими желаніями. И женщины прольютъ слезы надъ ея разсказомъ, потому что судьба измѣнчива, и съ ними можетъ случиться то же, что и съ ней. Но если есть въ небѣ божество, ощущающее къ

1) Acerbità.

ней жалость, пусть поможет ея памяти и укрѣпитъ дрожащую руку, готовую начертать печальную повѣсть ¹⁾).

Разсказъ начинается издалека. Фьямметта родилась весною, когда земля является во всей своей красѣ, отъ именитыхъ и богатыхъ родителей; отчего ея жизнь не протекла такъ же быстро, какъ существованіе тѣхъ, что вышли изъ зубовъ, посѣянныхъ Кадмомъ? Почтенная наставница воспитала ее, какъ прилично дѣвушка хорошаго рода; съ годами расцвѣтала ея красота, причина ея бѣдствій, похвалы приучили ее гордиться ею, лелѣять ее, и она стала сознавать, что нравится. Многіе ухаживали за ней, сватались, но отстали, когда она вышла замужъ за человѣка, во всѣхъ отношеніяхъ къ ней подходившаго ²⁾).

Она была счастлива, довольна, какъ подобаетъ ³⁾, своимъ мужемъ, была его единственнымъ блаженствомъ, не было ея желанія, котораго онъ не послѣшилъ бы исполнить; и она отвѣчала его любви. Какъ бы счастлива была она, если бъ продолжалась эта любовь! Но судьба, завидуя благамъ, ею самой ниспосланнымъ, уже правила ее на путь бѣдствій, а она не поняла предупрежденій о бѣдствіи, которое судили ей боги. Ей снилось, что въ прекрасный, ясный день она гуляетъ по лугу, сплетая вѣнки изъ цвѣтовъ и распѣвая; прилегла на травѣ, когда змѣя укусила ее въ лѣвую грудь; ей больно, а она прячетъ змѣю на груди, точно желая уластить ее, пригрѣвъ; но та, напившись ея крови, юркнула въ траву и исчезла въ ней, какъ бѣлый камешекъ понемногу теряется въ глубокой водѣ. Небо смерклося среди молній и грома; казалось, отъ змѣйнаго яда распухло все ея тѣло, и она катается по травѣ, ожидая смерти, когда сонъ былъ нарушенъ. Солнечный лучъ проникъ черезъ скважину въ спальню Фьямметты, и она смѣется надъ вѣщимъ сновидѣніемъ ⁴⁾).

1) Prologo.

2) A me per ogni cosa dicevole, стр. 4.

3) Debitamente, l. с.

4) Сл. вѣщіе сны въ Дек., IV, 6; IX, 7.

Насталъ день, торжественный для всего міра (Воскресеніе Христова), Фьямметта принарядилась, чтобъ идти въ церковь, любитъ собою, какъ павлинь своими перьями, зацѣпила вѣнкомъ за пологъ постели, и одинъ цвѣтокъ упалъ наземь. Она беззаботно подняла его, не внимая новому знаменію неба; не будь ея умъ помраченъ, ей не выходить бы въ тотъ день изъ дома; но боги лишаютъ разсудка тѣхъ, на кого гнѣваются, и, предупреждая ихъ, въ одно и то же время исполняютъ свой долгъ и удовлетворяютъ гнѣву.

Лишь только она вступила въ церковь, какъ всѣ оглянулись на нее, мужчины и женщины, точно вошла Венера или Минерва. |
 398 Фьямметта внутренно радуется, молодые люди окружили ее, превозносятъ ея красоту; она смотритъ въ сторону, точно занятая другимъ, но насторожила уши, ей нравятся похвалы, и она благодаритъ ласковымъ взглядомъ¹⁾. Такъ она опутывала другихъ, какъ сама опутана была плачевно. Скромно поднявъ глаза на толпу юношей, она увидѣла прямо противъ себя молодого человека и, побуждаемая какимъ-то рокомъ, начинаетъ его разсматривать, чего съ нею прежде не бывало. Онъ стоялъ, прислонившись къ мраморной колоннѣ, красивый, изящный въ движеніяхъ; курчавый пушокъ на щекахъ говорилъ о его молодости. Стоя за другими, онъ смотритъ на нее умоляющими глазами, а она еще въ силахъ отвести отъ него свои, но уже любитъ внутренно оставшимся у нея образомъ, иногда взглянетъ изподлобья, смотритъ ли онъ на нее, то, уставившись на него, читаетъ въ его глазахъ: Ты—мое блаженство! Она вздыхаетъ: А ты—мое! подсказываетъ ей сердце. Если бъ боги не отняли у нея разумѣнія, она и теперъ была бы свободна, но она дала волю своимъ глазамъ, и какъ огонь перекидывается съ одной стороны на другую, такъ тонкій лучъ свѣта проникъ изъ его глазъ въ ея собственные и невѣдомыми путями спустился въ сердце; оно боязливо всполохнулось и, призвавъ къ себѣ всѣ другія жизненныя силы,

1) См. въ Амето повѣсть Акримоніи, выше стр. 282 слѣд.

оставило ее блѣдной и холодной¹⁾; не прошло много времени, какъ оно разгорѣлось, вернулись силы, повсюду разнося теплоту, ей самой жарко, она вспыхнула, вздохнула, не знаетъ, отчего все это съ ней стало; съ тѣхъ поръ у ней нѣтъ другого желанія, какъ понравиться — ему.

А юноша, очевидно, опытный въ дѣлахъ любви²⁾, продолжалъ смотрѣть на нее, съ еще большей мольбой въ глазахъ. Скольکو обмана было въ этой мольбѣ! Его ли то было искусство, либо такъ устроила судьба, только Фьямметта почувствовала себя охваченной любовью. Вотъ тотъ, кого я избрала моимъ | первымъ и послѣднимъ, единственнымъ властелиномъ, говорить 399 она, тотъ, кого я полюбила и теперь еще люблю. Ея лирической паоосъ выражается рядомъ повтореній: вотъ онъ, увы мнѣ³⁾! Подавленная новымъ чувствомъ, она сидитъ среди другихъ дамъ, забывшись, едва прислушиваясь къ божественной службѣ; уже ей надоѣдаютъ молодые люди, которые ластяютъ ея милаго, а его она начинаетъ корить, что онъ держится поодаль, вмѣняя ему въ равнодушіе, что было только осторожностью. Кончилась служба, она поднялась вмѣстѣ съ другими и чаетъ въ его глазахъ, что хотѣла показать и показала своими собственными: что ей неохота уйти. И она удаляется, вздыхая и не узнавъ, кто онъ.

Никогда бы она не повѣрила, что можно такъ увлечься съ нерваго раза человѣкомъ, котораго дотолѣ никогда не видѣла! Говорятъ, любовь зачинается и крѣпнеть исподволь, ею она овладѣла сразу и владѣетъ съ той же силой; къ себѣ она вернулась не свободной, а рабой. Оставшись одна, она отдается различнымъ желаніямъ и мыслямъ, и всѣ они сводятся къ образу дорогаго юноши. Ея забота теперь — не подавить любовь, а скрыть ее въ груди; какъ это трудно, знаютъ лишь тѣ, кто это испыталь. Любовь преобразила ея жизнь: ея единственная утѣха —

1) Сл. сходный образъ въ Филоколо, выше стр. 203.

2) *Esperto in più battaglie amoroze*, стр. 13.

3) Стр. 11; сл. 13: Кто скажетъ? стр. 157—8: Сегодня и т. д.

мечтать о миломъ, имя котораго она осторожно узнала; часто она пытается не думать о немъ, чтобы какъ-нибудь не выдать себя, но ея намѣренія напрасны. Въ былое время она посѣщала храмы и празднества, и морской берегъ, и сады съ единственной цѣлью увидѣть подругъ; тецерь у нея явились другія цѣли. Исчезла самоувѣренность красоты, она чаще совѣтуется съ своимъ зеркаломъ и рядится — для него; почетъ, которымъ она пользовалась по своей родовитости, ей пріятенъ, потому что можетъ возвысить ее въ его глазахъ. Исчезло прирожденное женщинамъ любостяжаніе¹⁾, прибыло смѣлости, глаза научились искусно играть. |

400 Съ своей стороны молодой человекъ оказался смышленнымъ, какъ то показалъ опытъ: являясь туда, гдѣ была Фьямметта, онъ бросалъ на нее осторожные взгляды, точно сговорился съ нею — скрывать свое пламя. Если бъ она сказала, что это не умножало ея любовь, она сказала бы неправду; зато какое было горе, когда свиданіе прекращалось! Тогда она бывала сама не своя, всѣ дивились на нее, и ей приходилось измышлять объясненія. Она отбилась отъ сна и пищи, часто выходитъ изъ себя. Ея старая, умная нянька догадалась, что съ ней такое; нѣсколько разъ останавливала она ее и однажды, когда Фьямметта, убитая, лежала на постели, спросила ее: Что съ тобою, дочка?—Слѣдующій разговоръ старухи съ Фьямметтой воспроизводитъ, иногда буквально, сцену Федры съ своей нянькой въ «Ипполитѣ» Сенеки. Фьямметта прикинулась, будто она въ забытїи и не слышала вопроса, а вмѣстѣ съ тѣмъ выгадала время, чтобы обдумать отвѣтъ. Ничего, отвѣчаетъ она, я только задумчивѣе обыкновеннаго. — Не обманывай меня, старуху, отъ меня нечего скрывать, я все поняла. — Если знаешь, то къ чему и спрашивать? говоритъ Фьямметта, въ одно и то же время и жалуясь, и надѣясь, и гнѣваясь. Но старуха давно пріучилась скрывать, что слѣдуетъ, на этотъ счетъ Фьямметта можетъ быть спокойна, но

1) Стр. 21—3.

ей пора опомниться, изгнать изъ непорочнаго сердца грѣшныя мысли, надо потушить въ груди грѣшное пламя, подавить нечистыя надежды¹⁾; кто въ самомъ началѣ противостоялъ любви — выходить побѣдителемъ²⁾, кто отдастся ей — подпадаетъ ея игу. — Увы, отвѣчаетъ Фьямметта, какъ легко все это на словахъ и какъ трудно на дѣлѣ! — Хоть и трудно, но возможно, и сдѣлать это слѣдуетъ; вспомни о своемъ родѣ, имени, мужѣ, который такъ тебя любить; уже въ одномъ желаніи излѣчиться есть доля здоровья! — И я знаю, что все это правда, милая няня, но какое-то бѣшенство влечетъ меня къ худшему, такъ овладѣлъ моимъ⁴⁰¹ разумомъ Амуръ, а ты знаешь, что противиться ему небезопасно³⁾. — Такъ сказавъ, она въ изнеможеніи опустила руки, тогда какъ няня держитъ ей суровую проповѣдь, напоминающую своимъ содержаніемъ рѣчи Фьямметты въ Филоколо о тщетѣ земной любви⁴⁾: Вы, молодыя женщины, воспламеняясь страстью, называете богомъ Амура, когда настоящее имя ему было бы Бѣшенство⁵⁾, и, почитая его сыномъ Венеры, почерняющимъ свои силы въ третьемъ небѣ, свое неразуміе оправдываете необходимою. Но это не богъ, а помѣшательство людей, избилующихъ мірскими благами. Священная Венера обитаетъ среди бѣдняковъ, ограниченная лишь тѣмъ, что необходимо для продолженія рода⁶⁾; Амуръ, какъ чума, гнѣздится въ дворцахъ⁷⁾, гнушаясь естественныхъ яствъ и простой одежды⁸⁾. Ты заражена его ядомъ. —

1) Senecae Hippol. (Phaedra), v. 131—133: Nefanda casto pectore exturba ocus! — Extingue flammam neve te dirae spei Praebeat obsequentem.

2) I. c., v. 133—4: quisquis in primo obstitit Populitque amorem, totus ac victor fuit.

3) I. c., v. 178 слѣд.

4) См. выше стр. 172.

5) Hippol., v. 195—7: Deum esse Amorem turpis et vitio favens — Finxit libido, quoque liberior foret, Titulum furori numinis falsi addidit.

6) I. c., стр. v. 212—3: Cur sancta parvis habitat in tectis Venus — Mediumque sanos vulgus affectus tenet.

7) I. c., v. 210: delicatas eligens pestis domos.

8) I. c., v. 207—8: non placent suetae dapes, Non tecta sani moris aut vilis scyphus.

Замолчишь ли ты, старуха! Не говори противъ Амура, ты порочишь его теперъ, потому что имъ отвержена, и не мнѣ давать ему новое имя, когда его звали такъ другія, болѣе меня мудрыя и могущественныя. Я ему подвластна, противостоять не въ силахъ: либо смерть, либо обладаніе юношей. Если ты не хочешь помочь мнѣ, не растравляй по крайней мѣрѣ раны.

Старуха вышла, что-то ворча; оставшись одна, Фьямметта задумалась; въ словахъ старухи много было правды, Фьямметта начинаетъ колебаться, ужъ хочетъ позвать няню, когда внезапно ей предстала въ сіяніи прелестная жена. Это Венера, въ типическомъ, уже знакомомъ намъ ¹⁾ изображеніи | Боккаччо: она обнажена, легкій пурпурный покровъ на столько скрываетъ нѣкоторыя части ея тѣла, на сколько прозрачное стекло какой-нибудь предметъ; на головѣ вѣнокъ изъ мирта. Ей пріятно, что Фьямметта любитъ ея, и она сама обнажаетъ передъ ней свои прелести. О вѣтреная красавица, говоритъ она ей, что это ты задумала сдѣлать, слѣдуя совѣтамъ твоей старой няньки? Развѣ не знаешь, что послѣдовать имъ труднѣе, чѣмъ за Амуромъ, котораго ты желаешь избѣжать? Ты неразумна, лишь недавно стала нашей, еще не знаешь, каковы наши утѣхи, — и богиня развиваегь знакомую намъ теорію всеильнаго Амура, властвующаго на землѣ и на небѣ; даже мачехъ онъ дѣлаетъ милостивыми къ пасынкамъ, что не малое диво ²⁾; одна Діана избѣжала его, или, скорѣе, укрылась отъ него; передъ нимъ падаютъ гнѣвъ и ненависть. Не бойся подчиниться ему, подчинялись и болѣе сильные, чѣмъ ты. Ты скажешь: я замужемъ, связана священными законами и словомъ; но Амуръ отмѣняетъ другіе законы и постановляетъ свои. Примѣрами полна древность, весь свѣтъ, полонъ твой городъ: погляди на твоихъ подругъ и знай, что содѣланное многими не можетъ быть названо непристойнымъ.

1) Сл. Filocolo, выше стр. 210 и рассказъ Агапе въ Ameto, выше стр. 286.

2) Стр. 25; сл. стр. 120.

Да будетъ твоя воля! говорить, опускаясь на колѣни, Фьямметта, о вѣчная, божественная краса, единственная властительница души моей! Прости мнѣ мое сопротивленіе и располагай мною, какъ знаешь. Богиня подошла къ ней, въ страстномъ движеніи поцѣловала ее въ лобъ, дохнула на нее, и ея желанія разгорѣлись; распахнула пурпурное покрывало и, показавъ ей на груди образъ ея милаго, говорить: Погляди, красавица, это не Лисса, не Гета и не Биррія; онъ достоинъ богини, любитъ тебя и будетъ любить вѣчно; потому отдайся ему въ любви. Такъ сказавъ, она исчезла. Но то была не Венера, а Тизифона, отложившая свои страшныя кудри, плачется Фьямметта, а я, бѣдная, повѣривъ ей, презрѣла вѣрность и стыдъ и цѣломудріе, единственное сокровище женщины! |

Посѣщеніе богини настроило ее страстно, оставивъ въ ней 403 лишь одно сознаніе: что открытая любовь никогда не приходитъ къ благополучному концу. И у нея достало мужества скрыть ее, есть на то силы и теперь, говорить она въ своихъ признаніяхъ, «потому что хотя я и пишу о томъ, что дѣйствительно было, я все такъ устроила, что кромѣ того, кто про то знаетъ, какъ знаю я, и всему былъ причиной, никто другой, какъ бы онъ ни былъ проникателенъ, не догадается, кто—я. А его я умоляю, если эта книжка случайно попадетъ ему въ руки, утаить ради любви, которую онъ питалъ ко мнѣ, то, что не было бы ему ни въ пользу и ни къ чести, если онъ бы то открылъ. Онъ отнял у меня, безъ всякаго повода съ моей стороны, самого себя, пусть не лишаетъ чести, хотя бы и незаслуженной, которую, даже при желаніи, онъ не можетъ мнѣ вернуть»¹⁾).

И вотъ Фьямметта пытается осторожно возбудить въ юношѣ ту же страсть, которую она къ нему питала, и это ей удастся. Онъ такъ же остороженъ, какъ она: входитъ въ ея общество, дружится съ мужемъ, что даетъ ему возможность говорить съ нею при всѣхъ. Иногда, бесѣдуя съ другимъ, онъ имѣетъ въ виду

1) Стр. 28—9.

ее, рассчитывая, что она пойметъ его; объясняется съ нею знаками, либо рассказываетъ подъ вымышленными именами Памфило и Фьямметты про себя и свою милую, будто дѣло шло о какихъ-то грекахъ¹⁾, и Фьямметта боится, какъ бы онъ не выдалъ себя²⁾. Они пользуются услугами преданной горничной, которой довѣрили свою тайну, прибѣгаютъ къ невѣроятнымъ ухищреніямъ, и хотя я знаю, говоритъ Фьямметта, что онѣ были мнѣ во вредъ, тѣмъ не менѣе не раскаиваюсь, что познала ихъ.

404 Готовясь рассказать о конечныхъ цѣляхъ своей любви, она просить у читательницъ состраданія и снисхожденія: ихъ собственные чувства да извиняютъ ея рассказъ. А ты, честная стыдливость, поздно мною познанная, удались, не пугай робкихъ женщинъ, пусть онѣ прочтутъ о томъ, къ чему, любя, устремляются сами.

День шель за днемъ въ надеждахъ, страстныхъ намекахъ и стыдливыхъ отнѣкиваніяхъ, прикрывавшихъ желаніе, и Памфило достигъ блаженства³⁾. Если бъ только это было причиной моей любви къ нему, признаюсь, я безмѣрно страдала бы отъ одного лишь воспоминанія; но Богъ мнѣ свидѣтель, что то малѣйшая причина, хотя не скрою, что тогда это доставляло мнѣ удовольствіе, какъ доставило бы и теперь. Но найдется ли столь неразумная, которая не предпочла бы близость любимаго предмета отдаленію отъ него⁴⁾?

Теперь то время прошло, какъ быстро проносится вѣтеръ. Многое она пересказала бы о быломъ счастьѣ, о поцѣлуяхъ и долгихъ бесѣдахъ ночью, если бы не стыдъ; она и сама знаетъ, что было бы пристойнѣе умолчать многое изъ того, что она напи-

1) Сл. выше стр. 120 и Ovid. Her., XVI, о Парисѣ: v. 255—6: *Et modo cantabam vetres resupinus amores, Et modo per nutum signa tegenda dabam; v. 241—4: Al quotiens aliquem narravi potus amorem, Ad vultus referens singula verba tuos? Indiciumque mei ficto sub nomine feci Ille ego, si nescis, verus amator eram.*

2) Ovid. Her., XVII, v. 83—4, объ Еленѣ: *Et saepe extimui, ne vir meus illa videret, Non satis occultis erubique notis.* Сл. ib. v. 151—3.

3) Сл. выше стр. 153 слѣд.

4) Стр. 32.

сала, нѣсколько разъ бросала она перо, но ей надо было повинываться Амуру. Его она прославляла тогда, забыты были совѣты старой няньки, и она порицала въ другихъ лишь то, что ей самой было всего милѣе. Весь свѣтъ былъ ей ни во что, казалось, головой она доросла до неба, а враждебная Фортуна уже готовила ей всю горечь своего яда. Ее самое разбираетъ жалость къ себѣ, когда она принимается за повѣсть своихъ страданій, за свою элегію; вторая глава рассказываетъ о ея разлукѣ съ Памфило.

Была холодная, дождливая пора, когда однажды Фьямметта забылась на ложѣ рядомъ съ Памфило, и до нея дошли его сдержанныя жалобы. Она хочетъ спросить его, что съ нимъ, но продолжаетъ прислушиваться: онъ рыдалъ. Тысячу мыслей промелькнуло въ ея головѣ, но всѣ исчезли въ одной: не влюбленъ ли онъ? Она не рѣшается спросить его, дабы онъ не смутился своего плача, отвела отъ него глаза, чтобы ея слезы, упавъ на него, не дали ему понять, что она видѣла его плачущимъ. Но ⁴⁰⁵ желаніе взяло верхъ: она боязливо вскрикнула, будто только-что проснулась отъ страшнаго сна, обвила его рукою. Чего ты испугалась? спрашиваетъ онъ ее съ видимо веселымъ видомъ. — Мнѣ казалось, я утратила тебя. — Одна смерть въ силахъ это сдѣлать, отвѣчаетъ онъ, глубоко вздохнувъ. — Почему же ты плакала? — Памфило пускается въ слезы, рыданія мѣшаютъ ему говорить: Не безъ горестной причины, отвѣчаетъ онъ, мнѣ надо раздвоиться, удовлетворить въ одно и то же время любви и долгу, и я не знаю, что дѣлать. — Фьямметта еще не понимаетъ всего, но уже плачетъ неутѣшно, какъ никогда, — а Памфило говоритъ ей, что его вызываетъ отецъ, одинокій старикъ, у котораго не осталось, кромѣ него, ни одного сына; нѣсколько разъ отговаривался Памфило, но отецъ закликаетъ его пріѣхать, просить о томъ чрезъ друзей и родныхъ¹⁾, и Памфило хочетъ исполнить сыновній долгъ, — такъ сильны естественныя связи; но онъ скоро вернется, потому что не можетъ жить безъ Фьямметты.

1) Сл. выше стр. 158—9.

Какъ велико было ея горе при этихъ словахъ, пойметъ лишь тотъ, кто страстно любилъ. Нѣкоторое время она не въ состоянїи произнести слова, глаза усталились неподвижно, но хлынули слезы, и она обращается къ «властелину своей жизни», страстно уговаривая его — и излишне рассуждая. Ты колеблешься между любовью и жалостью и рискуешь будущимъ, говорить она; если ты любишь меня, какъ утверждалъ не разъ, твой выборъ уже сдѣланъ. Развѣ ты не понимаешь, что твой отъѣздъ убьетъ меня? Ты скажешь, что, тая любовь, я мужественно переносила и другія печали, и ты правъ; но тогда надежда, воспитанная моимъ желанїемъ, облегчала мнѣ то, что при чужомъ желанїи мнѣ трудно перенести; къ тому же я еще мало тебя знала, теперь ты сталъ мнѣ дороже. — Кому не извѣстно, продолжаетъ она въ тонѣ любовныхъ пренїй Филоколо, что грустиѣ утратить то, что имѣешь, чѣмъ то, на что рассчитываешь; а твоя жалость |
406 къ отцу будетъ причиной моей смерти. Кто любить тебя такъ, какъ я? Почему не пожалѣешь ты скорѣе меня, чѣмъ отца? Онъ старъ, много лѣтъ жилъ безъ тебя, пусть и живетъ, либо умретъ, потому что онъ жилъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и съ твоей стороны было бы большимъ состраданїемъ — дать ему умереть, чѣмъ своимъ присутствїемъ продлить его бѣдственную жизнь. А я еще молода, не жила безъ тебя и хочу долго прожить съ тобою въ радости. Наконецъ, пожалѣй хоть себя: что ты станешь дѣлать безъ меня? твоя жизнь будетъ хуже смерти, а ты знаешь, что кто себя не любитъ, у того ничего нѣтъ. Я не сомнѣваюсь, что если бъ позволено было открыть твоему отцу наши отношенїя, онъ сказалъ бы тебѣ, побуждаемый разумомъ или сожалѣнїемъ: Оставайся! Представь себѣ, что онъ такъ сказалъ, — и брось эту поѣздку. Ты любишь этотъ городъ, веселый, богатый, мирно покоящїйся подъ властью одного короля, а въ твоемъ городѣ господствуютъ, какъ ты самъ говорилъ, распри и пороки и пышныя слова вмѣсто дѣла¹⁾.

1) Сл. выше стр. 184.

Такъ она говорила, среди слезъ и поцѣлуевъ, и Памфило согласенъ съ ея доводами, а между тѣмъ его призываетъ долгъ; если бъ позволено было противопоставить одну жалость другой, открывъ причину, которая заставляетъ его отказаться отъ поѣздки, — его бы извинили; но это невозможно. Черезъ три-четыре мѣсяца, даже раньше, она увидитъ его снова, а теперь пусть отпустить его, если, какъ и прежде, ей дорога его честь и польза. Но Фьямметта продолжаетъ его упрашивать: она постоянно будетъ бояться за него; признается, застыдившись, въ своихъ опасеніяхъ, что онъ забудетъ ее для другой; пусть повременить: теперь время года неблагопріятное, это говоритъ за нее¹⁾, она уснѣетъ освоиться съ мыслью о разлукѣ. — Памфило устраняетъ одинъ за другимъ ея доводы: никогда онъ не полюбитъ |
никого, кромѣ Фьямметты; отдалить отъѣздъ значило бы умно- 407
жить ихъ печаль, онъ вернется раньше, чѣмъ истечетъ срокъ, котораго она проситъ, чтобы пріучиться страдать. — Она ожидала другого отвѣта, молча опустила къ нему на грудь отяжелѣвшую голову. Дѣлай, какъ знаешь! говоритъ она ему, когда же ты вернешься?

Черезъ нѣсколько дней пришлось разстаться; послѣдняя ночь прошла въ слезахъ, бесѣдахъ и поцѣлуяхъ. Кто отнимаетъ тебя у меня! говоритъ Фьямметта, когда обниму я тебя снова? Вѣщее сердце подсказываетъ мнѣ: Никогда! Она проситъ Памфило скрѣпить свои слова клятвой, и онъ клянется богами, что не пройдетъ четырехъ мѣсяцевъ, какъ онъ будетъ здѣсь; взявъ Фьямметту за правую руку, онъ ведетъ ее къ изображеніямъ боговъ и призываетъ на себя ихъ гнѣвъ, постигшій Еризихтона, Актеона, Семелу, если онъ не сдержитъ своего слова. Прощай! говоритъ онъ надорваннымъ голосомъ, крѣпко обнимая ее; она отвѣчаетъ ему съ трудомъ, провожаетъ до порога, но здѣсь голосъ у нея отнялся, и она упала на руки служанки, какъ падаетъ въ открытомъ полѣ

1) Сл. Ovid., Her., VII, 41: Елена: Quo fugis? Obstat hiemps, hiemis mihi gratia prosit.

и блекнетъ роза подь лучами солнца. Когда служанка привела ее въ чувство, она бросается къ ней, принимая ее за Памфило, какъ мечется яростный быкъ, ощутивъ смертельный ударъ¹⁾. Но Памфило нѣтъ, она въ своей комнатѣ; что было съ нею? итакъ, онъ ушелъ? что дѣлалъ онъ, что говорилъ? Все это она узнаётъ отъ служанки: когда она упала въ обморокъ, Памфило отнесъ ее сюда и долго плакалъ, умоляя боговъ обратитъ свой гнѣвъ на него, а не на неповинную Фьямметту. Ему хочется, чтобъ она очнулась, увидала его на разставаньи; когда она не приходила въ себя, онъ уложилъ ее въ постель и все ходилъ отъ постели къ двери и назадъ; то взглянуть на окно, гдѣ брезжило враждебное ему утро, то вдругъ обернется и окликнетъ Фьямметту. На прощаньи онъ обнялъ ее, моля небо послать ей утѣшеніе, сохранить до его возврата, и такъ рыдалъ, что служанка боя-
 408 лась, | какъ бы не услышали домашніе и сосѣди. Но уже разсвѣтало; сказавъ: прости! точно влекомый какой-то силой, онъ вышелъ изъ комнаты, запнувшись о порогъ, все время озираясь на ходу, не очнулась ли Фьямметта и не смотритъ ли на него.

И вотъ она осталась одна и тоскуеть. Все ей напоминаетъ Памфило: здѣсь онъ сидѣлъ, здѣсь обѣщаль онъ мнѣ вернуться, здѣсь я его поцѣловала; порой ей казалось, что вотъ-вотъ онъ войдетъ, и она оборачивалась къ двери и печалилась, обманутая сознательнымъ воображеніемъ. Она гонитъ отъ себя эти мысли, хочетъ заняться дѣломъ, но у ней ничего не идетъ на ладъ; сердце билось, ей приходитъ на память многое, что она хотѣла было сказать ему, и то, что сказала, и что онъ отвѣтилъ. Прошло нѣсколько дней, и у нея явились новыя, неотвязныя думы: она не видѣла его при прощаньи, не могла отвѣтить на его поцѣлуй; онъ приметъ это за дурное предзнаменованіе²⁾; но нѣтъ: я вѣдь не простилась съ нимъ, стало быть отпустила его не на долгую отлучку. Тутъ ей приходитъ на память рассказъ служанки, что,

1) Стр. 50, 159 и выше стр. 141 (Filostrato).

2) Стр. 53; сл. стр. 13 и Ovid. Her., III, 14: Бризеида.

удаляясь, Памфило зашнулся о порогъ: по такому знаменію Лаодамія узнала, что Протезилай не вернется¹⁾. Однѣ мысли тѣснили другія: она прочла въ стихахъ Овидія²⁾, что трудъ и усталость изгоняють у юношей любовныя мечты,—а путешествіе Памфило трудное, онъ можетъ забыть ее; еще хуже—заболѣть.

Наконецъ пришло отъ него письмо; онъ пріѣхалъ, общается вернуться. Теперъ старикъ-отецъ, не выдавшій его цѣлые годы, принимаетъ его съ радостью; пожалуй, онъ и не вспомнитъ обо мнѣ и клянеть то время, которое потратилъ на меня, ничего иного не умѣвшую, какъ—любить его. Но этого быть не можетъ! утѣшала она себя, а между тѣмъ сердце содрогалось въ какомъ-то предчувствіи. Тамъ много красавицъ, никто не умѣетъ такъ обольстить, какъ онѣ; если онъ не увлечется желаніемъ, его могутъ увлечь силой; вѣдь и со мной было то же, а новый 409 предметъ всегда нравится больше стараго³⁾. Но она бѣжитъ отъ этой мысли: въ сердцѣ Памфило нѣтъ мѣста для другой любви; вѣдь пытались же проникнуть въ него другія, достойныя его, и не только при помощи взглядовъ, и все было напрасно. А его слово, его благоразуміе? Неразумень тотъ, кто покидаетъ обладаемое для того, чего у него еще нѣтъ; а я вѣдь была бы красавицей и среди красавицъ его города. Кого онъ найдетъ, кто бы любилъ его такъ, какъ я? Къ тому же онъ опытенъ (esperto) и знаетъ, какъ трудно внушить любовь женщинамъ, всегда показывающимъ отвращеніе къ тому, чего желаютъ⁴⁾.

Ея занятія шли въ уровень съ мечтами. Рѣдко проходило утро, чтобы, взобравшись на вышку дома, она не наблюдала за теченіемъ солнца; какъ моряки высматривають близость земли, такъ она считала, сколько убыло дня. Древніе отмѣчали бѣлыми и черными камешками счастливые и несчастные дни; и у ней былъ счетъ по камешкамъ: одни откладывались для прожитыхъ

1) Сл. Ovid. Her., XIII, v. 85 слѣд.

2) Стр. 54.

3) Сл. стр. 56 и выше стр. 137 прим. 3 и стр. 200 прим. 1.

4) Сл. выше стр. 138.

дней, другіе обозначали, сколько ихъ еще осталось до возвращенія Памфило. Она отлично помнила, сколько ихъ тамъ и здѣсь, и тѣмъ не менѣе пересчитывала, какъ бы надѣясь, что однихъ прибавилось, другихъ убыло. — Она любила оставаться одна въ комнатѣ; достанетъ изъ сундука его вещи, любитъ ими, цѣлуетъ, спрашиваетъ: Когда-то пожалуетъ сюда вашъ хозяинъ? Перечитываетъ его письма и утѣшается, точно говорить съ нимъ, либо позоветъ служанку и заведетъ съ ней бесѣду: скоро ли, по ея мнѣнію, вернется Памфило, и какъ онъ ей нравится, и не слышала ли она о немъ вѣстей; та отвѣчала иногда дѣло, порою, что попало, лишь бы угодить госпожѣ, и та находила въ томъ утѣшеніе. Она любила ходить въ церковь, либо сидѣть съ подругами у воротъ: въ бесѣдѣ забывались грустныя мысли, приходили молодые люди, которыхъ она видала въ обществѣ Памфило; 410 она невольно ищетъ его глазами и не находитъ; тѣмъ не менѣе тѣ юноши ей милы, ей кажется, что они такъ же грустны и осиротѣли, какъ она. Нѣсколько разъ порывалась она спросить о немъ и бывала счастлива, когда ей доводилось уловить изъ ихъ разговора, что онъ скоро вернется.

Наступала ночь; съ молодости она боялась ее, пока Амуръ не вселилъ въ нее отвагу. Съ той же вышки дома она смотритъ на луну, на которую, быть можетъ, устремлены теперь и глаза Памфило, и ей кажется, что ея серце не растетъ, и, слѣдуя суевѣрію древнихъ, она старается шумомъ и звономъ ускорить ея ростъ. Или луна слишкомъ долго оставалась полной; ей, разумѣется, милѣе пребывать съ матерью, чѣмъ возвращаться въ мрачную обитель супруга, и Фьямметта извиняетъ ее, но все же молить, переходить къ угрозамъ, и ей представляется порой, что устрешенная Фебея, ускоряетъ свой ходъ. Кто бы повѣрилъ, что Амуръ научилъ меня астрологіи? спрашиваетъ Фьямметта. Въ облачныя ночи она собирала вокругъ себя своихъ служанокъ и рассказывала и заставляла рассказывать разныя исторіи, и чѣмъ далѣе онѣ были отъ дѣйствительности, какъ большею частью у людей такого рода, тѣмъ болѣе прогоняли

печаль и развлекали до смѣха. Не то она принималась искать въ разныхъ книгахъ повѣсти о чужихъ несчастіяхъ и, сравнивая ихъ со своими, утѣшалась, чувствуя, что она не одна.

«Не знаю, что мнѣ было пріятнѣе: то ли, что такимъ образомъ проходило время, или сознаніе, что оно прошло среди другихъ занятій». Ночью, въ постелѣ, въ головѣ роились мысли, но она старалась прогнать ихъ; то представляла себѣ, что Памфило былъ именно здѣсь, на этомъ ложѣ¹⁾, звала его, просила вернуться поскорѣе; либо воображала, что онъ пріѣхалъ, и она разспрашиваетъ его и отвѣчаетъ за него. Такъ ей удавалось иногда заснуть, и во снѣ она видѣла себя и Памфило: они въ прелестномъ саду, держатъ другъ друга за руку, далекіе отъ всякихъ | опасеній; она проситъ его рассказать, что съ нимъ было, и пре- 411
рываетъ его рассказъ поцѣлуями: Неужели ты въ самомъ дѣлѣ вернулся? Неужели ты со мною?—Или они вмѣстѣ на морскомъ берегу, на веселомъ праздникѣ, и она говоритъ себѣ: Да, это не сонъ!—Но сонъ проходилъ, и хотя она просыпалась печальной, весь день бывала хорошо настроена, ожидая такой же ночи. Но бывали и страшныя сновидѣнія: Памфило являлся ей въ рубищѣ, блѣдный и испуганный, точно за нимъ погоня, и просилъ помощи; либо ей говорили объ его смерти, и она видѣла его мертвымъ. Тогда она благодарила Бога, что то было лишь сновидѣніе, и хотя не вѣрила снамъ, не бывала покойна, пока искуснымъ образомъ не добудетъ вѣстей о миломъ.

Съ приближеніемъ срока, она рѣшилась вести болѣе веселую жизнь, чтобы поправиться, поднять красоту, поблекшую отъ горя; снова ее видятъ на празднествахъ, и какъ рыцарь оправляетъ свое оружіе передъ битвой, такъ она обновила свои наряды. И мысли ея измѣнились, забыты предчувствія, ревность; оставалась недѣля до срока, а она разчитываетъ: Чай, Памфило собирается теперь, можетъ быть, уже въ пути; какъ-то я его встрѣчу? Я такъ его расцѣлую, что не дамъ сказать ни слова,

1) Сл. Ovid. Her., X, 51 слѣд.: объ Ариаднѣ.

готова обнять его при всѣхъ. — Кто бы ни вошелъ, чей бы ни слышался голосъ, все ей кажется, что придутъ сказать о Памфило; разъ сто выглянетъ она въ окно и, припомнивъ, что Памфило долженъ былъ что-то привезти ея мужу, даже рѣшается спросить, когда его ждутъ.

Но срокъ миновалъ, вмѣстѣ съ нимъ и веселыя мысли, и въ ея головѣ возникли другія. Фьямметта старается объяснить себѣ мѣшканье Памфило: у него могли явиться непредвидѣнные дѣла, задержала жалость къ отцу. А что если онъ уѣхалъ, и съ нимъ по дорогѣ случилось несчастье: его корабль разбило, занесло на необитаемую скалу, либо онъ попался къ разбойникамъ, заболѣлъ? Ей страшно при одной мысли о томъ, точно опасность у ней на глазахъ, она молитъ объ ея отвращеніи, обливаясь холоднымъ потомъ. Пусть лучше остается тамъ, лишь бы ничего |
 412 такого не случилось! Но этого не было, объ этомъ узнали бы здѣсь: я вѣдь провѣдываю о немъ. Онъ либо скоро явится, либо напишетъ. — Такъ возвращались къ ней надежды, когда она вспоминала любовь Памфило, его слезы и клятвы: все это не можетъ быть обманомъ. Но сомнѣнія шагъ за шагомъ вкрадывались въ ея душу, обновляя въ памяти дурныя предзнаменованія и иныя печали. Особенно мучила ее ревность: Памфило забылъ ее для другой. Онъ вѣдь столько времени тебя не видѣлъ, говорить она себѣ, а въ мірѣ ничто не вѣчно; новое всегда нравится болѣе стараго, человѣкъ болѣе вожделѣетъ къ тому, чего у него нѣтъ, чѣмъ къ обладаемому, и даже любимое отъ долгаго употребленія надоѣдаетъ¹⁾. Почему ты знаешь, что его любовь не была показной, слезы не притворныя? Вѣдь слезамъ и клятвамъ и обманамъ молодые люди научаются прежде чѣмъ начинаютъ любить. На что ты надѣнешься? Брось эту любовь. — Эти мысли приводили ее въ ярость, но она разрѣшалась слезами, и Фьямметта снова начинала манить къ себѣ, пустыми доводами, отлетѣвшую надежду.

1) Сл. выше стр. 411 прим. 3.

До сихъ поръ она много плакала, но это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что съ ней случилось, когда до нея дошла вѣсть, будто Памфило женился. По разнообразію психологическаго анализа, пятая глава принадлежитъ къ числу лучшихъ, тема ревности разработана вдвойнѣ и параллельно: Фьямметта ревнуетъ не только къ женѣ Памфило, но и къ той, которая смутилась, услышавъ о его бракѣ.

Болѣе мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ Памфило долженъ былъ пріѣхать, когда Фьямметта зашла однажды въ женскій монастырь, чтобы попросить помолиться о себѣ. Пока она бесѣдовала съ монахинями, среди которыхъ были и ея родственницы и старыя знакомыя, явился купецъ и разложилъ передъ ними свои драгоценности, какъ Улиссъ и Діомедъ передъ Дейдамией и ея сестрами. По его выговору Фьямметта догадалась, что онъ | родомъ оттуда же, откуда и Памфило, что онъ и подтвердилъ на 413 вопросъ одной изъ присутствующихъ, молодой и красивой женщины, хорошаго рода. Начали съ нимъ торговаться, иное купили; затѣмъ пошли разговоры и шутки; та красавица и спрашиваетъ его: не знакомъ ли онъ съ Памфило? Фьямметта, обрадовавшись, насторожила уши.—Какъ не знать? прошло порядкомъ времени, какъ отецъ вызвалъ его къ себѣ.—Давно ли ты его видѣлъ?—Не прошло и двухъ недѣль.—Какъ же онъ поживаетъ?—Очень хорошо.—И купецъ рассказываетъ, что въ день своего отъѣзда онъ былъ свидѣтелемъ, съ какимъ торжествомъ ввели въ домъ Памфило молодую красавицу, говорятъ, его невѣсту. Фьямметта страшно поражена этой вѣстью и вмѣстѣ съ тѣмъ не спускаетъ глазъ съ собесѣдницы: Зачѣмъ спросила она о Памфило?—точно никакая другая женщина не могла и знать его помимо нея! И ей кажется, что при вѣсти о бракѣ Памфило та вспыхнула, опустила глаза, слова замерли у ней на устахъ, и она сдерживаетъ слезы. Можетъ быть, у нея такія же законныя причины горевать, какъ у меня самой, говоритъ себѣ Фьямметта, и къ ея прежнимъ страданіямъ присоединились новыя.

Памфило, сдѣлала ли я что-либо такое, чѣмъ заслужила быть преданною тобою съ такимъ коварствомъ? Никакого проступка я не совершила, кромѣ того развѣ, что неразумно увлеклась тобой и больше, чѣмъ слѣдовало, довѣрилась тебѣ и полюбила тебя; но за этотъ проступокъ я не заслужила отъ тебя такого наказанія¹⁾. Одно злодѣянiе я знаю за собою, совершивъ которое, навлекла на себя гнѣвъ боговъ: это то, что я приняла тебя, преступнаго и безжалостнаго юношу, на свое ложе, допустила твоимъ чресламъ коснуться моихъ²⁾, хотя въ этомъ, то знаютъ боги, виновна не я, а ты, ибо смѣлый, привычный къ подобнымъ обманамъ, ты засталъ меня въ молчанiи ночи, схватилъ въ объятiя и почти насильно | овладѣлъ моею стыдливостью, прежде 415 чѣмъ я очнулась отъ сна. Что мнѣ было дѣлать? Кричать, снискавъ себѣ безславіе — и смерть тебѣ, котораго я любила болѣе себя? Я противилась, насколько могла, но ты былъ сильнѣе меня. Увы! отчего день, предшествовавшій той ночи, не былъ послѣднимъ, чтобъ умереть мнѣ честной³⁾! Теперь ты, чай, рассказываешь своей молодой женѣ о своихъ старыхъ привязанностяхъ, станешь хулить мою красоту и нравы⁴⁾; лучше расскажи о своихъ коварствахъ, о томъ, какъ за мной ухаживали другіе, украшая цвѣтами мои двери, пока я была предметомъ ихъ распрей, возбуждала къ доблести — и не сдалась. Пусть она узнаетъ о всемъ этомъ, сторонится твоего коварства и будетъ тебѣ гѣмъ, чѣмъ Клитемнестра была Агамемнону, по крайней мѣрѣ, чѣмъ сама Фьямметта стала по отношенію къ мужу, не заслужившему такого оскорбленія. Пусть дойдешь ты до того, что заставишь меня пролить о тебѣ слезы, которыя я проливаю о себѣ.

1) II, 27—30: Dic mihi, quid feci, nisi non sapienter amavi? Crimine te potui demeruisse meo. Unum in me scelus est, quod te, scelerate, recepi, Sed scelus hoc meriti pondus et instar habet.

2) II, 57—8: Turpiter hospitium lecto cumulasse jugali Poenitet et lateri conseruisse latus.

3) II, 59—60: Quae fuit ante illam, malleme suprema fuisset Nox mihi, dum potui Phyllis honesta mori!

4) Ovid. Her., I, 77—79: Пенелопа Улиссу: Forsitan et narres, quam sit tibi rustica conjunx, Quae tantum lanas non sinat esse rudes.

Тутъ ей приходило на память смущеніе той красавицы. Памфило, стало быть, уже здѣсь измѣнилъ ей? Кто знаетъ, ея соперница узнала объ ея связи, и ея молитвы, болѣе доходяія къ богамъ, навлекли на нее такое горе. Кто бы она ни была, пусть проститъ ей, ибо она согрѣшила по невѣднію. А ты, Памфило, ты также клялся ей, также проливалъ слезы? Ты, впрочемъ, можешь быть спокоенъ; что отдано многимъ, не принадлежитъ никому. Возможно ли, чтобы человѣкъ, полонившій столько сердца, ни разу не попался въ свою очередь? Но вѣдь попалась же я; теперь овладѣли имъ, я въ этомъ убѣждена. Если ты не хочешь вернуться ко мнѣ, вернись по крайней мѣрѣ къ той, которая такъ плохо скрыла свою любовь, къ тѣмъ, которымъ клялся ранѣе меня. — Но пусть лучше не возвращается; теперь тебѣ тяжело, тогда будетъ еще тяжелѣе, говоритъ себѣ | Фьямметта: пока ты неувѣрена, любить ли онъ тебя, или нѣтъ, тогда ты увѣришься, что его увлекла другая. Будь довольна тѣмъ, что ты не одна въ такомъ горѣ; несчастные находятъ утѣшеніе въ товарищахъ по бѣдствію.

Въ такихъ думахъ проходили цѣлые дни, а затѣмъ возвращались и надежда и любовь, которую враждебныя ей мысли питаютъ такъ же, какъ вѣтры пламя. Фьямметта начинаетъ даже стыдиться своего гнѣва, точно Памфило слышалъ ея рѣчи, и она утѣшаетъ себя положеніемъ, которое когда-то обсуждали именитыя дамы капеллана Андрея: что бракъ не предполагаетъ любви. Можетъ быть то, о чемъ разсказалъ купецъ, и не такъ; а если бъ и было, то что же тутъ новаго? Памфило могъ жениться въ угоду отцу; не всѣ же мужья любятъ своихъ женъ, какъ другихъ женщинъ; если то и бываетъ въ началѣ, впоследствии онѣ нуждаются отъ излишней доступности¹⁾; можетъ быть, уже и теперь она приѣлась ему, и онъ любитъ тебя попрежнему. А что та красавица смутилась, то и тому удивляться нечего: будто ты не

1) Сл. выше стр. 414 прим. 1.

знаешь, что и тебя многіе любятъ втунѣ. — И ея нареканія смѣнялись молитвами. Но веселье не приходило. Въ первыхъ норывахъ гнѣва она побросала камешки, служившіе ей для счета дней, сожгла письма Памфило; она болѣе не наблюдаетъ неба, нѣтъ прежней охоты къ разсказамъ; она никуда не показывается, въ бессонныя ночи молится Венерѣ. Гдѣ ты теперь, Памфило? Что дѣлаешь? Можетъ быть, сладко спишь и не вспомнишь обо мнѣ? Отчего не порвешь удерживающія тебя узы? Ничто не удержало бы меня, если бъ я только могла. Отецъ довольно на тебя наглядѣлся; я вѣдь частенько молю — о его смерти; это онъ тебя не пускаетъ. Никто не доставитъ тебѣ такого наслажденія, какое доставляла я, припомни только; вотъ почему я не вѣрю, что ты женился, а если и такъ, ты все же вернешься. Приди же, тебя зоветъ сердце. Ужъ не знаю, какъ я умѣрю свою радость, чтобъ не показать ее на людяхъ! приди посмотрѣть, сумѣешь ли ты | такъ же изловчиться въ счастли- 417
выхъ обстоятельствахъ, какъ мы изворачивались въ неблагопріятныхъ. Приди только, а тамъ пусть обо всемъ узнаютъ, я на все найду средства. — Снова она бѣгаетъ къ окну, смотритъ на дверь, и напрасное ожиданіе скашиваетъ ее, какъ волна покрываетъ разбитое бурей судно. Она силится заснуть, закрываетъ глаза и манитъ къ себѣ сонъ, пусть спустится на ея блѣдныя очи этотъ тихій образъ суровой смерти, смѣшивающій ложное съ правдой, пріучающій боязливое человѣчество къ идеѣ безконечнаго покоя; пусть овладѣетъ ею и удалитъ нездоровыя волненія, безцѣльно тревожащія ея душу. И сонъ являлся, нехотя и медленно, но не являлся покой.

Гореванье и слезы Фьямметты, ея блѣдность и худоба обратили вниманіе ея мужа. Она ссылается на желудокъ и даетъ себя врачевать; но единственное средство противъ ея болѣзни было далеко. Тогда мужъ совѣтуетъ ей поѣздку въ Байи, гдѣ она развлечется и поправится отъ желудка и отъ обуявшей ее меланхолии. Фьямметта ѣдетъ, хотя и послѣ нѣкоторыхъ колебаній: неравно явится Памфило.

Намъ извѣстна характеристика байской жизни и байскихъ удовольствій¹⁾; здѣсь они являются въ особомъ освѣщеніи элегическихъ воспоминаній о невозвратномъ счастьѣ. Мужъ повезъ Фьямметту, чтобъ исцѣлить ее отъ «любвонной горячки», а въ Байяхъ все напоминаетъ ей Памфило: здѣсь она была съ нимъ, тамъ онъ сказалъ мнѣ то-то, и мы то-то дѣлали. На охотѣ у ней валяются изъ рукъ лукъ и стрѣлы; нехотя принимаетъ она участіе въ танцахъ, затѣмъ, удалившись въ сторону, предается своимъ мыслямъ. Звуки музыки будятъ въ ней любовныя чувства²⁾, и она старается запомнить тѣ пѣсни, въ которыхъ говорилось о такихъ же страданіяхъ, какъ ея собственныя, чтобы, распѣвая ихъ, ей можно было сѣтовать о себѣ при всѣхъ. Среди юношей, толпившихся около дамъ, она не видитъ болѣе Памфило; онъ |
418 былъ бы лучше другихъ; ея глазъ перебѣгаетъ отъ одного къ другому: тотъ любитъ, тотъ отвергаетъ любовь, эти счастливы. Да будетъ продолжительно ваше счастье, чтобы мнѣ одной остаться съ моей бѣдой и перейти въ потомство съ вѣчной славой Дидоны. И у ней являлось что-то въ родѣ улыбки, когда она видѣла кого-нибудь, печально удалявшагося съ праздника, гдѣ онъ не увидѣлъ своей милой. У ней были товарищи.

Бя недугъ не проходилъ, врачи и мужъ отчаивались въ ея выздоровленіи, и она переѣзжала въ городъ. Но и здѣсь все то же; нехотя показывается она въ люди, начнетъ одѣваться, задумается надъ своей былой красотой, выронитъ изъ рукъ гребень и сидитъ, пока не напомнитъ ей служанка. На брачномъ торжествѣ³⁾ ей вспоминается счастливое время, когда такое же торжество совершалось для нея, невинной, свободной и веселой; затѣмъ вспоминается Памфило; она слышитъ, какъ молодые люди шепчутся, или и воображаетъ себѣ ихъ разговоръ: Посмотри-ка, что случилось съ этой красавицей? Что съ ней? Одни говорятъ,

1) Сл. выше стр. 62—3.

2) Давтовскій *spiritello d'amore*, стр. 95.

3) Сл. выше стр. 61.

что она перенесла болѣзнь, другіе, что влюблена; не можетъ быть, говорятъ третьи, не такая она женщина, чтобы отдаться любви. Увы, какъ далеки были они отъ истины, считая меня не влюбленной потому только, что я не выносила моего чувства напоказъ, какъ другія! вздыхаетъ Фьямметта, и ей больно слышать, что поблекла ея красота. Часто случалось, что заходила въ кружкѣ дамъ бесѣда о сердечныхъ невзгодахъ, и она убѣждалась, что никто такъ не несчастенъ, какъ она. Другія шли къ танцамъ, она оставалась и презрительнымъ взглядомъ слѣдила за движеніями танцующихъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ ей завидно: будь здѣсь Памфило, она сдѣлала бы то же самое. Тогда она удалялась куда-нибудь въ сторону и принималась сѣтовать на Фортуну: не знала она, неопытная, что Фортуна такъ властна въ дѣлахъ любви; она отдалась ей, а судьба не переставала ей досаждать: вначалѣ она ухищрялась тѣмъ или другимъ способомъ смущать души влюбленныхъ, заставляя ихъ глазами выдавать тайную 419 страсть, переносила отъ одного къ другому недобрыя рѣчи. Все это они побѣдили, потому что хотя Фортуна—богиня, силы души ей не подвластны. Тогда она прибѣгла къ другимъ мѣрамъ, различивъ ее съ Памфило. Но вѣдь онъ любитъ меня, а тебѣ что за дѣло до любви? Почему не обратишь ты своего гнѣва на мои дома и поля и достояніе? Ты, видно, никогда не любила. Но я все прощу тебѣ, отдай лишь мнѣ моего Памфило, и я поставлю въ храмѣ свое изображеніе съ стихотворной надписью: Это Фьямметта, возведенная Фортуной отъ крайняго бѣдствія на верхъ счастья.

Образъ Памфило преслѣдуетъ ее повсюду: и въ прогулкахъ по морю и въ веселыхъ пирахъ на берегу ¹⁾, гдѣ звуки каждаго инструмента заставляютъ ее спрашивать, кто это играетъ, хотя ея Памфило игралъ лишь на одномъ. Она безучастно смотритъ на блестящія военныя игры ²⁾; когда-то и Памфило бывалъ на

1) Сл. выше стр. 63.

2) Сл. выше стр. 62.

этомъ празднествѣ: юный годами, не мудростью, онъ сидѣлъ съ стариками, какъ мальчикъ Даніиль съ священниками въ домѣ Сусанны, и также судилъ, приравнивая наѣздниковъ къ тому или другому герою древности, не голословно, а съ убѣдительными доказательствами¹⁾. Его нѣтъ, и, вернувшись домой, Фьямметта клянеть ложный блескъ свѣтскихъ удовольствій, противопоставляя имъ простоту сельскаго быта и невинность золотого вѣка. Эта же точка зрѣнія, что и въ рассказѣ Адіоны²⁾, вызванная элегическимъ настроеніемъ рассказчицы. «Блаженъ тотъ, кто пребываетъ невинно въ сельскомъ уединеніи подъ покровомъ неба! Почему судьба не уготовила и ей такой же участи? Къ чему ей роскошные дворцы, пышныя ложа и множество челяди? Какъ хорошо было бы жить тамъ, свободной и покойной, гулять по берегу быстрой рѣки и подъ ея ропотъ безмятежно покоиться на травѣ, утоляя голодъ плодами лѣса, жажду—водой изъ пригоршни! А мы изобрѣли множество яствъ, не столько поддерживающихъ тѣло, сколько портящихъ его соки, и въ оправѣ золота и рѣзныхъ камней уготовивъ себѣ мудреные напитки, пьемъ студеной ядь и, во всякомъ случаѣ, любовь. Тѣ люди не знаютъ Венеры и ея двуликаго сына, а коли знаютъ, то она является имъ грубой и необольстительной. Какъ плохо цѣнимъ мы эту жизнь! Такъ жили въ золотомъ вѣкѣ, пока Юпитеръ не изгналъ еще Сатурна, царили святыя законы, люди не знали ни царской власти, ни неустойчивыхъ мнѣній черни, ни зависти, ни колебаній Фортуны; не знали иныхъ орудій брани, кромѣ вѣтвей и камней; Амура еще не было на свѣтѣ, и существовало лишь естественное возжелѣніе. А затѣмъ явились любостяжаніе и гнѣвъ и сладострастіе, и нарушены были святыя законы природы; явилась жажда власти, и насиліе стало давать законъ. Уже Семирамида сдѣлала Венеру распущенной, Сарданапалъ сдѣлалъ ее изящной, Церера и Вакхъ приняли другой обликъ, и

1) Сл. выше стр. 117.

2) Въ Ameto, сл. выше стр. 281, 365—6.

Марсъ избрѣлъ новыя орудія смерти. Грѣхъ и преступленіе вошли въ міръ, разрушивъ родственныя связи, гибли города и царства, — и вождь и начинатель всему злу былъ Амурь.

Таково было настроеніе Фьямметты. Въ люди она почти не показывается, и когда въ виду какого-нибудь церковнаго праздника служанка приготовитъ ей одѣться, она бросается на нее съ бранью, точно дикій звѣрь на собакъ. Когда случалось ей выходить, она, просто одѣтая, садилась гдѣ-нибудь въ невидномъ мѣстѣ. Что съ нею? слышались голоса; другіе говорили: Не пристало тебѣ такъ одѣваться, ты еще молода, будетъ время, когда нельзя будетъ и рядиться. А она отвѣчала смиренно: Мы ходимъ въ храмъ не для людей, а для Бога, въ чемъ бы ни былъ одѣтъ человѣкъ, лишь душа была бы украшена добродѣтелью; я горюю о своей прошлой суетности, потому и желаю показаться вамъ, насколько могу, презрѣнной. Эта лицемѣрная выходка вызываетъ у ней слезы: Не вмѣняй мнѣ въ грѣхъ лживыя рѣчи, Господи, вѣдающій наши сердца, скорѣе вмѣни мнѣ въ заслугу, что я подаю хорошій примѣръ, скрывая дурное. Мнѣ больно лгать, представляться святою, | взысканною тобою. О неразум- 421 ные люди, на васъ лицемѣрная внѣшность дѣйствуетъ болѣе, чѣмъ праведность духа, если скрыты дѣла. Я — святая! да если бъ я могла, я разубѣдила бы въ томъ всѣхъ и cadaго; только этого нельзя сдѣлать. — Что стало съ твоей красотой? Куда дѣвались краски, отчего ты такъ блѣдна? спрашиваетъ Фьямметту одна дама. — Человѣческая красота — бранный цвѣтокъ; кто далъ мнѣ ее, ее и отнялъ и можетъ вернуть. Такъ отвѣчаетъ Фьямметта, а сама, закутавшись, горько плачетъ, проклиная свою роковую красоту: въ ней главная причина всѣхъ ея бѣдъ, и она развиваетъ эту тему, къ которой любятъ возвращаться героини Боккаччо, и онъ самъ вернется въ другомъ, болѣе легкомысленномъ освѣщеніи¹⁾. Не будь она красива, она осталась бы непо-

1) Декамеронъ, VII, 2.

рочной; счастливы тѣ, которые, избѣгая соблазна, исказили себя, какъ достойный вѣчной славы Спурина!

Перестань же, Фьямметта! говорить ей знакомыя, что это ты все плачешь? Развѣ не надѣешься на Божіе милосердіе? Подбодришь, утри слезы и внемли священникамъ, приносящимъ жертву великому Юпитеру ¹⁾.—Она оправилась, но уже не обводитъ вокругъ глазами, ибо знаетъ, что не встрѣтитъ Памфило, и начинаетъ страстно молиться: она проситъ властителя вышняго неба вернуть ей Памфило. Онъ, кому все извѣстно, знаетъ, что она не въ силахъ отдѣлаться отъ этой мысли; пусть же допустить меньшее зло вмѣсто большаго, лучше ей обладать своимъ милымъ и, можетъ быть, исправиться, чѣмъ загубить, вмѣстѣ съ тѣломъ, и душу. И, воскуривъ олимпіамъ на алгаряхъ, она возвращается въ свою печальную обитель.

До сихъ поръ Фьямметту смущала вѣсть о бракѣ Памфило, но она старалась успокоить себя, отдѣляя ее отъ любви. Что случилось съ ней послѣ, о томъ она боится рассказать: ей стыдно своего гнѣва, а онъ навѣрно обновится при воспоминаніи.

Прошелъ годъ съ отъѣзда Памфило, и Фьямметта уже 422 приучилась переносить свое горе, когда вернулся ея слуга. Онъ былъ на родинѣ Памфило, былъ имъ обласканъ. Фьямметта чуть не бросилась ему на шею. Что дѣлаетъ Памфило, намѣренъ ли вернуться?—Да я счелъ бы его дуракомъ, какъ прежде считалъ умнымъ: такая красавица его полюбила! Да и онъ, кажется, любить ее.—У Фьямметты унало сердце, но она крѣпится и шутить, какъ Флоріо въ бесѣдѣ съ Филено ²⁾: Разумѣется, такъ ему и слѣдуетъ поступить; но кто—его жена?—Какая тамъ жена! Говорили, что онъ женился, но то женился его отецъ.—Какъ слышала это Фьямметта, ея бѣдное сердце затрепетало, какъ трепещутъ крылья Прокны надъ блѣдующими берегами, содрогнулись жизненные духи, какъ дрожить зыбь на морѣ, или

1) Fiammetta, стр. 126.

2) Сл. выше стр. 217—18

гибкій тростникъ отъ легкаго вѣтерка. Удалившись въ свою комнату, она плачетъ, едва удерживаясь отъ стонovahъ; бросается на постель и теряетъ сознание; когда ее привели въ чувство, она сѣтуетъ, что ее вернули къ жизни, и объясняетъ, какъ можетъ, свое недомоганіе; теперь ей лучше. Оставшись одна съ нянькой и служанкой, которыя были посвящены въ ея печаль, она свободно выражаетъ свое горе. Памфило предалъ ее; ей больно было слышать, что онъ соединился съ другой «по закону Юноны», т. е. въ бракѣ, но она помирилась съ этимъ, ибо связи, соединившія его съ нею, были выше брачныхъ. Теперь другое дѣло, она обманута. И зачѣмъ было столько ухищреній, почему не разстался онъ съ нею безъ лживыхъ слезъ? Теперь она была бы свободна въ смерти или забвеніи. Ты никогда не любишь, ибо былъ бы еще моимъ. А развѣ я не нравилась тебѣ, не отвѣчала твоимъ желаніямъ, мое благородство не приличествовало твоему— и не было больше?

Такъ говоря, она мечется на постелѣ; ночью не спитъ, ея слезы будятъ мужа. Что съ тобою? допрашиваетъ онъ ее ласково; ты о чемъ-то горюешь, и я страдаю; откройся мнѣ, я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ; ты мое единственное утѣшеніе и | благо! Фьямметта, уже пріобыкшая къ обману, говоритъ, 423 что ей постоянно видится ея братъ, предательски убитый; блѣдный и окровавленный онъ показываетъ ей свои раны и проситъ отмстить за него. Эта выдумка позволила ей горевать открыто и при людяхъ — будто о братѣ. Мужъ вѣрять ей, пытается утѣшить; когда онъ заснулъ, его внимательность и довѣрчивая доброта даютъ новую пищу ея горю: она призываетъ на себя кару боговъ, гнѣвъ мужа, пусть накажетъ ее, проступившуюся передъ законной любовью для прелюбодѣйной. Она могла и должна была воздержаться отъ нея, но не поняла знаменій, и боги, прогнѣвавшись на нее, подавъ знаменіе, отняли разуміе, какъ Аполлонъ у любимой имъ Кассандры.

Ночь прошла безъ сна; утромъ, лишь только мужъ вышелъ изъ опочивальни, явилась нянька; она все предугадала; обнявъ

Фьямметту, она отираетъ дрожащей рукой слезы, а сама говорить: Жаль мнѣ тебя, жаль было бы и больше, если бъ я тебя обо всемъ не предупредила; но ты не послушалась меня. Всегда есть время вернуться на добрый путь; съ Памфило ты утѣшалась и повѣрь, если бъ онъ вернулся, было бы все то же. Судьба къ тебѣ благоволитъ, ибо твое имя не запятнано; представь себѣ, что Памфило ты никогда не видала, и что твой мужъ—Памфило; для воображенія нѣтъ ничего невозможнаго. — Такъ утѣшала Сизифа Бьянчифьоре: кто ей поправится, тотъ пусть и будетъ ея Флоріо¹⁾.

Фьямметта слушаетъ, бывало, такія рѣчи серьезно и сосредоточенно, ибо отвѣчать на нихъ было нечего, и вдругъ зарвется въ страшномъ гнѣвѣ, непристойномъ женщиной: посылаетъ на соперницу всѣхъ фурій и гарпій и хаосъ; боги да разлучать ихъ любовь. Презрѣнная! она должна была знать, поглядѣвъ на Памфило, что у него не можетъ не быть милой; какъ же посягнула она на чужое достояніе? Я вѣчно буду питать надежду на ея смерть, и пусть смерть эта будетъ ужасна; не перестану клясть 124 ее, | и моя вражда уляжется развѣ тогда, когда небесная Медвѣдица погрязнетъ въ океанѣ, умолкнуть псы Сциллы, Іонійское море принесетъ жатву. И по смерти я не устану тебя преслѣдовать; если ты переживешь меня, наведу на тебя бѣшенство, по ночамъ стану пугать моимъ страшнымъ образомъ. — Но что говорю я, несчастная! Я угрожаю ей, она — паносить мнѣ вредъ. О, если бъ была у меня хитрость Дедала, колесница Медеи, я отыскала бы васъ въ вашемъ убѣжищѣ, осыпала бы упреками, дала бы волю своему гнѣву: я вырвала бы у тебя волосы, исцарапала бы лицо, всю бы искусала! — Она говоритъ это, сжавъ зубы и кулаки, точно ея жертва налицо и не избѣжитъ мести. Когда нянька проситъ ее уняться, пощадить свою честь, какъ-бы не услышалъ мужъ, она отвѣчаетъ, что Памфило уже отмстилъ за него съ лихвою, а смерти она не страшится; муки Тиція, Тан-

1) Сл. выше стр. 225.

тала, Иксиона, Данаидъ не сравниются съ ея собственными, смерть будетъ ей освобожденіемъ.—Что ты, дочь моя? Вѣдь и я, старуха, знала, что такое любовь, а на мелкихъ людяхъ его ядъ сказывается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе у нихъ возможности удовлетворить ее. Послушай-ка меня: Ты любишь Памфило и, но законамъ любви, онъ долженъ былъ бы любить тебя и ноступаетъ дурно, коли того не дѣлаетъ, но принудить его къ тому нельзя: всякому вольно располагать своей свободой. Велики, безъ сомнѣнія, силы Амура, но и тебя онъ увлекъ не по принужденію, ты сама ему отдалась. Поэтому нечего винить его, нечего, быть можетъ, винить и ту, которой ты такъ угрожаешь: она могла быть увлечена, могла и увлечь Памфило, какъ то сдѣлала ты. Кто мѣшаетъ тебѣ испытать это на другомъ? Надъ клятвами и обѣщаніями влюбленныхъ смѣется самъ Юпитеръ¹⁾, когда ихъ нарушаютъ; сдержатъ слово нарушившему его почтиается нынѣ неразуміемъ, мудростью — отплатить обманомъ за обманъ. Ты не первая и не послѣдняя: вспомни Дейяниру, покинутую Иракломъ для Юлы, Филлиду, Пенелопу; нельзя назвать невыносимыми | тѣ страданія, гдѣ у человѣка есть товарищи²⁾. 425
Брось эти мысли и подумай, что сказали бы мужъ; если ты не боишься смерти, подумай о вѣчномъ стыдѣ, который легъ бы на твоемъ имени. На свѣгѣ все измѣнчиво, все путаешь Клото, не позволяя судьбѣ быть постоянной; нами править Фатумъ, что уготовано въ небѣ, нелегко измѣнить, и первый день твоей жизни опредѣлилъ и послѣдній. Потому лучше не печалиться, а ждать, надѣясь на боговъ и живя добродѣтельно: бываетъ такъ, что счастье, кажется, далеко, а оно невзначай уже подошло къ человѣку, и блекнуть зеленыя вѣтви, окруженные уходомъ, тогда какъ другія, пораженные молніей, одѣваются листомъ.

Такъ не разъ утѣшала старуха Фьямметту, но она почти не слушала ее, и мысль о смерти глубоко у ней запала. Она рѣши-

1) Ovid., Art. Am. I, 633; сл. III, 457 слѣд.

2) Стр. 151.

лась умереть, но какъ? Ей воспоминается Дидона и Библида, самосожженіе сагунтинцевъ и кончина Сократа. Она выбираетъ родъ смерти: ножъ запятналъ бы ея честное имя, ядовитого зелья долго искать — пожалуй, пройдетъ и охота; она выбросится съ высоты дома, какъ Пердика; скажутъ, что упала она нечаянно. При этой мысли она содрогалась, холодъ проходилъ по всѣмъ суставамъ: Неужели хочешь ты перестать быть? Почему не постарайся жить? Когда-нибудь Памфило да вернется, любовно или враждебно — все равно: ты все же будешь любить его. Онъ не изъ дуба и не изъ камня, не вскормленъ молокомъ тигра; если онъ не смягчится, будетъ еще время умереть, и ты умрешь въ надеждѣ, что какъ бы онъ ни былъ жестокъ, онъ прольетъ по тебѣ слезы. — Такъ говорила себѣ Фьямметта, но Мегера вновь овладѣвала ею, побуждая дѣйствовать. Она рѣшилась, и отсылаетъ отъ себя няньку, подъ предлогомъ, что хочетъ заснуть; но та не уходитъ, чуя что-то недоброе. Фьямметта представилась спящей. Насталъ твой послѣдній день, думаетъ она про себя, сегодня кончатся твои страданія, сегодня Памфило освободится отъ даннаго слова, сегодня ты узнаешь, для кого 426 онъ тебя покинулъ¹⁾! Она молить боговъ, чтобъ ея смерть не покрыла ее безславіемъ; если она грѣшитъ, ея наказаніе — въ невозможности объяснить причину самоубійства. Да поддержать боги ея мужа: если бъ она сумѣла сохранить его любовь, она молила бы ихъ теперъ продлить ея жизнь. Тутъ ея глазамъ представилъ страшный ликъ Тизифоны, пугая ее еще большими бѣдствіями въ будущемъ, побуждая къ рѣшимости, ибо что испытывается однажды, не можетъ быть труднымъ. А нянька все не уходитъ; Фьямметта боится ожиданія, случайной помѣхи; прощается съ своимъ ложемъ, съ покоемъ; страхъ борется въ ней съ рѣшимостью гнѣва, нѣсколько разъ она падаетъ въ обморокъ, блѣдная, какъ смерть, мечется, словно быкъ, почувство-

1) Стр. 157—8.

вавшій смертельный ударъ¹⁾, и наконецъ бѣжить на вышку дома за призракомъ Тизифоны, произнося несвязныя слова, прощаясь съ домомъ и дорогимъ мужемъ. Она бѣшено мчится, но нянька замѣтила ее, бросила прялку и бросилась за нею, зоветь на помощь служанокъ. У Фьямметты точно выросли крылья, но ея платье зацѣпилось на бѣгу, она пытается освободить его, но еще болѣе занутывается. Когда ее схватили и привели въ ея комнату, она осыпаетъ бранью няньку, бьетъ служанокъ, готова растерзать самое себя. Старуха старается ее успокоить: Кто, подобно тебѣ, покончилъ расчеты съ судьбою²⁾ и презрѣлъ блага жизни, тому нечего искать смерти: это малодушіе, да и неразумно: своею смертью ты утратишь, не вернешь Памфило.

Между тѣмъ на крики сбѣжались слуги и мужъ и родные; Фьямметта отдѣливается какой-то небылицей; одни смотрятъ на нее, какъ на бѣшеную, другіе соболѣзнуютъ. За нею наблюдаютъ, и время взяло свое: она стала спокойнѣе, любовь вступила въ фазу меланхоліи. Она совѣщается съ нянькой, какъ ей вызвать Памфило: пишетъ ему жалобныя письма, но онѣ остаются безъ | отвѣта; хочетъ послать къ нему кого-нибудь,⁴²⁷ хотѣ бы няньку, но это неудобно; пойти самой въ одеждѣ паломника, но это опасно для ея чести. Наконецъ она придумала одно средство, къ которому обратится, если только доживетъ: говорить мужу, что обѣщала совершить хожденіе къ святымъ мѣстамъ — путь долженъ былъ идти черезъ страну Памфило; и мужъ готовъ устроить это, надо только выждать благопріятное время года. Пока она коротааетъ дни, совѣтуясь съ тѣми, кто видѣлъ чудеса Гекаты: одни обѣщаютъ ей перенести ее къ Памфило, другіе — отвлечь его отъ всякой другой любви, третьи — освободить ее отъ ея собственной. Всѣ, оказалось, болѣе сулили, чѣмъ дѣлали; оставалось ждать.

1) Стр. 159; сл. выше стр. 410.

2) I suoi fati abbatteo, стр. 163.

До сихъ поръ горе Фьямметты шло, возрастая: отъ слуховъ о бракѣ Памфило къ вѣсти, что онъ полюбилъ другую. Фьямметта только-что успокоилась идеей поѣздки, какъ судьба помянула ее исполненіемъ ея завѣтнаго желанія, чтобы тотчасъ же его разрушить. Чѣмъ ближе казалось счастье, тѣмъ полнѣе отчаяніе. Боккаччо сознательно провелъ эту постепенность; всякая другая показалось бы избитой: поставленная лицомъ къ лицу съ Памфило, Фьямметта не могла бы ни почувствовать, ни сдѣлать ничего болѣе того, что общала, потому что ея воображеніе ярче дѣйствительности. И насъ эта дѣйствительность не интересуетъ: Фьямметта также бы страдала, если бъ Памфило измѣнилъ однимъ отсутствіемъ. Все дѣло въ психическомъ процесѣ, гдѣ ревность создаетъ подозрѣнія, и подозрѣнія оборачиваются фактами, надъ которыми неустанно работаетъ логика страсти.

Еще разъ наступила весна. Боккаччо любить ея параллелизмъ съ расцвѣтающей или обновляющейся любовью; это общее мѣсто средневѣковой лирики, выраженное въ классическихъ символахъ. Уже Телець, когда-то похитившій Европу, обнималъ своими лучами Феба (апрѣль), дни, заступая часть ночи, удлинились, и цвѣтоносный Зефиръ, успокоивъ своимъ мягкимъ, мирнымъ дуновеніемъ стремительныя волненія Борея, очистилъ холодный воздухъ отъ мглы, согналъ съ горныхъ вершинъ бѣлые |
 128 снѣга, осушилъ луга, увлажненные дождями, и все вновь украсилъ листвою и цвѣтами. На каждой полянѣ явился свой Нарциссъ; мать Вакха уже обнаруживала признаки своей беременности и болѣе обычнаго облегала своего спутника, ильму; повеселѣли, сбросивъ зимній покровъ, Дріопа и жалостныя сестры Фаэтонта, всюду слышался радостный птичій кликъ, и властелинъ Амуръ обновилъ въ молодыхъ сердцахъ желаніе. Весь городъ въ праздникъ; театры, полные пѣсенъ и музыки, манятъ къ себѣ влюбленныхъ, молодые люди красуются на турнирахъ, гарцуютъ на своихъ коняхъ, тогда какъ красавицы смотрятъ, каждая на своего милаго, изъ оконъ и дверей, поощряя ихъ словомъ и взглядомъ и подаркомъ. А Фьямметта одна, неутѣшная; чужое счастье ей

завидно, ей по сердцу рассказы о чужомъ горѣ. Тутъ и подшутила надъ нею судьба, обративъ къ ней веселый ликъ, дабы, доврѣвшись ему, она низверглась, какъ бѣдный Икаръ; ложная радость готовила ей большую печаль, какъ африканскіе бараны разбѣгаются, чтобы боднуть сильнѣе.

Уже болѣе четырехъ разъ миновалъ срокъ, назначенный Памфило, когда однажды нянька Фьямметты вошла къ ней, болѣе поспѣшно, чѣмъ то позволялъ ея возрастъ, морщинистое лицо въ поту, сама она веселая; она сѣла и принимается говорить, но рѣчь у нея обрывается, такъ она запыхалась. Что съ тобой, какія у тебя вѣсти? спрашиваетъ Фьямметта, веселья или нѣтъ, не мучь меня. — Радуйся, милая моя дочка, говоритъ, придя въ себя, старуха, твой милый возвращается. — Внезапная радость блеснула въ глазахъ Фьямметты, но долгій навѣкъ горя осилилъ ее, она не вѣритъ и съ слезами проситъ няньку не издѣваться надъ нею. — Шутить въ мои годы мнѣ не пристало, твоя нянька не обманываетъ тебя! — Какъ же узнала ты о томъ? обрадуй меня поскорѣе! спрашиваетъ Фьямметта, подойдя къ старухѣ. Та рассказываетъ, что утромъ она была на морскомъ берегу, когда какой-то молодой человѣкъ, прыгая изъ лодки, неловко задѣлъ ее, стоявшую къ нему спиною. Она пожурила его, а затѣмъ, заключивъ по его одеждѣ, что онъ съ родины Памфило, вступила | съ нимъ въ разговоръ. Онъ оказался изъ То- 429 сканы, и именно изъ Флоренціи, знаетъ Памфило, который сбирался съ нимъ ѣхать, только его что-то задержало, но черезъ нѣсколько дней онъ будетъ здѣсь. Въ это время сошли на берегъ товарищи моряка, онъ ушелъ съ ними, а она побѣжала обо всемъ рассказать Фьямметтѣ. — Та бросилась къ старухѣ, цѣлуетъ ее въ голову, заставляетъ поклясться, что все это правда, и хотя «да» и «нѣтъ» борются въ ея сердцѣ¹⁾, благодарить боговъ, повеселѣла, какъ соколъ, съ котораго сняли клубочекъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ, что ее обула какая-то вялость: кто изстра-

1) *Benchè! sì e'! no. . . nel capo mi vacillasse*; сл. *Inf.*, VIII, 111.

дался, не вѣрить счастью, ему все кажется, что это—сонъ. Что мѣшаетъ твоему веселью? спрашиваетъ она себя, и сама отвѣчаетъ: не знаю что, но что-то мѣшаетъ. И у нея невольно на-вертываются слезы; она точно предчувствуетъ бѣду; такъ море волнуется порой безъ вѣтра, вѣщая великую бурю. И вмѣстѣ съ тѣмъ ей не хочется въ это вѣрить, она гонитъ отъ себя предчувствія и сомнѣнія, начинаетъ заботиться о своей красотѣ о нарядахъ; всѣ дивятся ея переменѣ; вмѣстѣ съ ней все въ домѣ повеселѣло. Снова она принялась считать медленно потянувшіеся дни, коря себя за то, что заподозрила своего милаго, вѣрила слухамъ. Сколько было ненужнаго горя, пролито даромъ слезъ! Но вѣдь влюбленные легковѣрны, а любовь всегда опаслива. Памфило не узнаетъ объ этомъ, а если и узнаетъ, скажетъ: Какъ горячо она меня любила! Я почти увѣрена, что онъ и отъѣздъ свой замедлилъ, чтобъ испытать меня; моя твердость и гореванье только усилить его любовь. Когда же я его увижу! восклицаетъ Фьямметта, и моменты страстнаго ожиданія выражаются въ знакомыхъ намъ образахъ: Боккаччо повторяется. Какъ ей удержаться, чтобы не расцѣловать его при всѣхъ, не вернуть ему поцѣлуи, которыми онъ осыпалъ мое помергѣвшее лицо ¹⁾? Я тогда не простила съ нимъ и извлекла дурное предзнаменованіе |
430 изъ того, что, наоборотъ, было добрымъ знаменіемъ. — Не проходитъ дня, чтобы она не посылала старуху провѣдать о Памфило, постоянно подбѣгаетъ то къ двери, то къ окну, глядитъ на дорогу, и когда ее отзовутъ по дѣлу, боится, какъ бы не пропустить Памфило. Когда насталъ день ожидаемаго приѣзда, она разодѣлась, какъ Алкмена при вѣсти о возвращеніи Амфитріона, и лишь мысль, что самъ Памфило поспѣшитъ къ ней, удержала ее отъ намѣренія пойти встрѣтить его на берегу. Но его нѣтъ; она начинаетъ дивиться, насильно подавила сомнѣнія, посылаетъ няньку справиться; какъ долго ходитъ старуха! Вотъ она вернулась, идетъ не спѣша, и лицо у нея печально. Не умеръ ли Пам-

1) Сл. стр. 176 и 53 (сл. выше стр. 410).

фило, не заболѣлъ ли? Въ одинъ мигъ на ея лицѣ смѣнились тысячи красокъ. Какія у тебя вѣсти? Говори скорѣе, живъ ли онъ? спрашиваетъ она, подбѣгая къ медленно тащившейся старухѣ. Та не прибавила шагу и, не говоря ни слова, сѣла и смотритъ на нее; Фьямметта дрожитъ, какъ листъ, едва удерживая слезы, готова растерзать на себѣ одежды, если нянька не провѣщится: отчего у ней такое печальное лицо? Пусть ничего не скрываетъ; живъ ли онъ? — Живъ. — Въ чемъ-же дѣло? Не боленъ ли онъ, почему онъ медлитъ? — Не знаю, что его задерживаетъ, болѣзнь или что другое. — Ты, стало быть, не видѣла его, или онъ не пріѣхалъ? — Видѣть-то я его видѣла, да это не тотъ, кого мы ожидали! — Какъ же ты узнала о томъ, вѣдь ты не видала прежде Памфило? — Старуха рассказываетъ, какъ было дѣло: тотъ молодой человекъ, который оповѣстилъ ее объ его пріѣздѣ, подвелъ ее къ кому-то, она стала спрашивать его объ его здоровьѣ и отцѣ, и почему онъ такъ замедлилъ пріѣздомъ. Тотъ отвѣчалъ, что отца своего не знавалъ, ибо родился но его смерти, а здѣсь никогда не былъ и не намѣренъ долго заживаться; зовется онъ — Памфило. Насъ обмануло сходство имени! заключаетъ старуха, и Фьямметта падаетъ на лѣстницѣ за смертью, только у ней и силъ осталось, чтобы сказать: Увы! Когда ее привели въ чувство, она еще разъ допрашиваетъ старуху: Памфило остороженъ, онъ могъ не высказаться нянькѣ, съ которой | никогда не говорилъ; можетъ быть, это и онъ. Но нянька описываетъ ей наружность, лицо, одежду пріѣзжаго, сомнѣніе невозможно. Фьямметтѣ остается попрежнему горевать, и лишь надежда на будущее путешествіе удерживаетъ ее отъ мысли о смерти.

Мотивомъ надежды, неясной и болѣзненной, страстно живучей, кончается седьмая книга романа; это то же настроеніе, что у Идалага-Галеоне, оставленнаго Фьямметтой. Седьмой книгой кончается и самый романъ; восьмая портитъ его цѣльность: это риторическое упражненіе на тему, уже намѣченную выше, но теперь освѣщенную на-ново, съ свойственнымъ Боккаччю шар-

жемь. Психологическое развитіе отъ этого не выигрываетъ, авторъ увлекся разработкой незначительнаго стилистическаго момента — до ошибки въ композиціи; восьмая книга также перерастаетъ планъ цѣлаго, какъ послѣдняя часть Филоколо.

Фьямметта живетъ надеждой на путешествіе; пока она находитъ утѣшеніе въ томъ, что сравниваетъ свое горе съ тѣмъ, которое встарь испытали другія. Она не первая, сказала ей нянька; ея страданія превышаютъ муки Тантала, Иксіона и т. д., говорила она раньше¹⁾, теперь она гордится этимъ ореоломъ страданій; до такихъ крайностей аффекта доводила самого Боккаччо его нервность и неудержная фантазія, когда онъ говорилъ о себѣ, какъ объ избранникѣ недоли²⁾. И вотъ Фьямметта воображаетъ себѣ³⁾ героевъ и героинь несчастья; передъ ней проходятъ несчастные въ любви, затѣмъ вообще сраженные судьбою⁴⁾: Іо и Библида, Пирамъ и Тисбэ, Дидона и Геро, Тристанъ и Изотта⁵⁾, Федра, Іокаста, Корнелія и Клеопатра, Улиссъ, Изифила и другіе. Всѣ они были счастливы, и всѣ кончили пла-
432чевно; это такой же смотръ бѣднымъ жертвамъ Фортуны, какъ позднѣе въ латинскихъ трактатахъ Боккаччо: О роковой участи именитыхъ людей и о знаменитыхъ женщинахъ. Кое-гдѣ въ размышленіяхъ Фьямметты пробивается и педантическое ушко: о Библидѣ рассказывалось раньше⁶⁾, что она повѣсилась⁷⁾, теперь Фьямметта спохватывается: иные говорятъ такъ, другіе, что она обратилась въ источникъ⁸⁾! Все это освѣщается, согласно съ общей идеей, въ примѣненіи къ Фьямметтѣ и преимуществу ея горя: другіе были счастливы въ несчастіи. Тисбэ лишила

1) Стр. 146—7.

2) *Nimico della fortuna.*

3) *Figura*, стр. 182.

4) Стр. 187 слѣд.

5) Если позволено вѣрить французскимъ романамъ, которые Фьямметта читала, стр. 186.

6) Стр. 154.

7) Сл. Амето, въ рассказѣ Фьямметты; стр. 150.

8) Стр. 183.

себя жизни на тѣлѣ любимаго Пирама; о блаженныя души, если и на томъ свѣтѣ любятъ, какъ въ этомъ ¹⁾, блаженны Тристанъ и Изогта, если они умерли съ этой увѣренностью ²⁾. Токаста вынесла безконечное горе, но она возбудила гнѣвъ боговъ, я же его не возбуждала, говоритъ Фьямметта и защищается отъ возможныхъ обвиненій, что она нарушила священные законы, осквернивъ брачное ложе: не могла она противостоятъ тому, чему покоряются боги; она и не одна, весь свѣтъ ей въ товарищахъ, и законы извиняютъ и щадятъ общій грѣхъ ³⁾. Къ тому же ея проступокъ былъ скрытъ отъ всѣхъ; кто бы ни увлекъ ее, Амуръ или Памфило, почему боги не обратили своей кары на увлекшаго? — Несчастіе Улисса вызываетъ ее на размышленія, напоминающія нѣсколько строкъ изъ Введенія въ Декамеронъ: онъ — мужчина, привычный къ трудамъ и опасностямъ, она — слабая женщина, привыкшая тѣшиться съ игривымъ Амуромъ, невыносливая къ малѣйшимъ страданіямъ; онъ среди опасностей чаялъ себѣ славы и чести, она отъ своихъ ожидала позора и безславія ⁴⁾. — Горевала Изифила, покинутая Язономъ для Медеи, но она утѣшилась, когда Медея была оставлена въ свою 433 очередь. Я не говорю, чтобы и мои бѣдствія прекратились, если бы подобное случилось съ моей соперницей (развѣ я заняла бы ея мѣсто), но онѣ уменьшились бы несомнѣнно.

Итакъ, за мной преимущество страданій, кончаетъ свой обзоръ Фьямметта, заключая откровеннымъ софизмомъ: если она никого не убѣдила, пусть убѣдятся хоть тѣмъ, что, почитая чужое горе меньшимъ своего собственнаго, она оказывается завистливой, а кто завидуетъ, всегда несчастнѣе того, на кого обращена зависть! — Теперь она несчастнѣе, чѣмъ была до надежды, поманившей ее возвратомъ Памфило; возвратная лихорадка поражаетъ сильнѣе, — и Фьямметта рѣшается умолкнуть,

1) Стр. 184.

2) Стр. 186.

3) Moltitudine, стр. 189.

4) Стр. 196.

щадя своихъ читательницъ: она не желаетъ удручать ихъ болѣе разсказомъ о своихъ бѣдахъ, разсказомъ, который лишь настолько даетъ понятіе объ испытываемомъ ею, насколько изображеніе огня — о настоящемъ. Да пошлетъ Господь, вашими молитвами, влагу, которая утолила бы меня смертью, либо радостнымъ возвращеніемъ Памфило.

Малая моя книжица, извлеченная какъ бы изъ гробницы своей госпожи, облитая ея слезами, ступай къ любящимъ женщинамъ, онѣ охотно примутъ тебя, если не измѣнились еще законы любви! — Такъ напутствуетъ Фьямметта свои признанія¹⁾, парафразируя начало Овидіевыхъ Трестій: Не стыдись показаться въ столь печальной одеждѣ, лишенной всякихъ прикрасъ: ты въ меня; другія пусть являются въ разноцвѣтной оберткѣ, гладко обрѣзанныя, съ прелестными миниатюрами на лощеной бумагѣ и пышнымъ титуломъ. Это книги для счастливыхъ; тебѣ присталь твой скорбный видъ, ты возбудишь жалость, будешь примѣромъ для другихъ²⁾. Куда мнѣ послать тебя — не знаю; |
 134 иди, куда поведетъ судьба, предоставь себя ей волѣ, какъ судно безъ вѣтриль подъ беззвѣзднымъ небомъ. Если ты попадешь въ руки какой-нибудь счастливой своей любовью, и она поглумится надъ тобою, вынеси смиренно ея шутки и напомни объ измѣчивости судьбы; кто поплачетъ надъ тобой, прими ея слезы на свои страницы, рядомъ съ моими, и попроси помолиться за меня Амуру, а я и теперь молюсь за нее, чтобы она никогда не познала горя, подобнаго моему. Не попадайся никогда на глаза моей соперницѣ, дабы она не порадовалась моему несчастью; если попадешься, то предстань ей такъ, чтобы возбудить въ ней

1) Гл. IX.

2) *Parve, nec invidio, sine me, liber, ibis in Urbem. . . Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse: Infelix, habitum temporis huius habe. Nec te purpureo velent vaccinia fuco: Non est conveniens luctibus ille color; Nec titulus minio, nec cedro charta notetur, Candida nec nigra cornua fronte geras. Felices ornent haec instrumenta libellos: Fortunae memorem te decet esse meae. Neve fragili geminae poliantur pumice frontes, Hirsutus passis ut vidcare comis. Nec liturarum pudeat. Qui viderit illas, De lacrimis factas sentiat esse meis. Trist., I, 1 слѣд.*

не смѣхъ, а слезы. Бѣги общества мужчинъ, неблагодарнаго отродья, ругающагося надъ простодушными женщинами. Если увидишь того, кто былъ причиною всѣхъ моихъ золъ, закричи ему издали: Бѣги отсюда, не оскверняй меня твоими руками, если ты не созналъ своей вины и не желаешь вернуться къ той, которая готова простить тебѣ. Можетъ быть, иная дама подивится на твои грубо сложенные рѣчи; ей скажи, что украшенная рѣчь требуетъ яснаго расположенія духа и спокойствія; пусть лучше подивится, что ты вообще могла быть написана, когда мою душу терзали въ разныя стороны любовь и ревность. Зависти не бойся, пусть тебя поносятъ, ниже тебѣ некуда пасть; если случилось бы что худшее, я перенесу и это: я состарѣлась въ бѣдствіяхъ. Итакъ, живи, ибо никто не въ силахъ лишить тебя этого, и будь для счастливыхъ и несчастныхъ вѣчнымъ свидѣтельствомъ моихъ страданій.

III.

Таково содержаніе «элегіи мадонны Фьямметты»; въ литературной автобіографіи Боккаччо она заканчиваетъ повѣсть его любви, въ европейской поэзіи она была откровеніемъ, къ которому привязывается развитіе психологическаго романа. До тѣхъ поръ литература эпоса разрабатывала канву внѣшнихъ происшествій съ типическими характеристиками героевъ; мотивы личной жизни находили себѣ выраженіе въ лирикѣ, но отлагались здѣсь въ формахъ, ограниченныхъ условіями рыцарскихъ отношеній; человекъ не исчерпывался до дна, чувство анализировалось подъ извѣстными, немногими углами зрѣнія, подъ призмой условнаго платонизма; отсюда бѣдность психологическихъ положеній, поражающихъ насъ своею односторонностью, потому, быть можетъ, что они намъ ничего не подсказываютъ, какъ подсказывали современникамъ; они для насъ не суггестивны. Психологія рыцарскаго романа отличается такой же ограниченностью личныхъ мотивовъ, подлежащихъ идеализаціи; оттого она и могла

удовлетвориться незначительнымъ количествомъ сюжетовъ, но именно эти сюжеты вели къ болѣе человѣчному изображенію любви, оправданной всевластнымъ чувствомъ и роковой силой красоты. Овидій научилъ любить изящную плоть и въ ней указалъ цѣли наслажденія; не ту разнузданную плоть, которая вызывала безпринципный смѣхъ Фабліо. Чтобы объединить всѣ эти элементы наблюденія и условности, надлежало явиться не только сильному таланту, но и мощному сознанию индивидуальности, для которой цѣнна всякая душевная мелочь, всякая складка сердца; въ моменты художественнаго переживанія все это станетъ для нея объектомъ идеализаціи, — и Данте напишетъ свой біографическій романъ: *Vita Nuova*. Онъ идетъ въ сравненіе съ любовными романами Боккаччо, особенно съ Фьямметтой: типы двухъ почти смежныхъ эпохъ и показатели совершившейся индивидуальной и еще болѣе литературной эволюціи. Данте и Беатриче въ *Vita Nuova* просвѣтлены уже въ пору весенней встрѣчи на берегахъ Мульоне, просятся въ обстановку стараго католическаго храма, среди мелодій и вечернихъ лучей, льющихся изъ разноцвѣтныхъ оконъ; Фьямметту и Памфило не оторвать отъ пейзажа байскаго берега и пряной атмосферы

436 неаполитанскаго салона. Тамъ юношеская любовь, взлелѣянная цѣломудреннымъ воспоминаніемъ до значенія мірового факта, здѣсь повѣсть знойной страсти, захватывающей духъ, но въ сущности очень обыденной, съ ея реальными восторгамъ и паденіями — и просьбой простого людскаго счастья. *Vita Nuova* — отрывокъ жизни, еще разъ страстно пережитой поэтомъ, голова котораго полна была таинственныхъ соотвѣтствій и созвучій чиселъ и звуковъ, небснаго и земнаго; Фьямметта — литературное переживаніе психологическаго момента, который пересталъ тревожить сердце, но продолжаетъ занимать воображеніе.

Canzoniere Петрарки не идетъ въ сравненіе: это также исторія любви, но составленная въ цѣляхъ апологіи и художественнаго анализа личнаго чувства. Когда-то Петрарка увлекался, и не одной лишь неприступной Лаурой; но прошли годы,

и онъ вздумалъ увѣрить другихъ, быть можетъ, увѣрилъ и себя, что онъ любилъ и воспѣвалъ лишь одну ее, чистую — чистый, *parthenias*. *Canzoniere* — плодъ этого, не только художественнаго самообмана: сводъ лирическихъ перловъ, вызванныхъ иногда случайными привязанностями, выбранныхъ и смягченныхъ и переработанныхъ — и приведенныхъ къ единству Лауры¹⁾. Въ сущности, единство и не въ ней, а въ чувствѣ поэта, которое развивается передъ нами въ дивной виртуозности формъ и положеній, художественно и монотонно, потому что реальность смягчена, нѣтъ страстнаго біографическаго субстрата, а холодная архитектурная линия, ведущая отъ «жизни» къ «смерти» Лауры; нѣтъ движенія, нѣтъ развитія обыкновенной земной страсти во всѣхъ ея отѣнкахъ, отъ первыхъ знойныхъ порывовъ и тихой истомы до объективно-художественной идеализаціи. Все это мы находимъ у Боккаччо; въ этомъ литературномъ отношеніи къ фактамъ собственной душевной жизни, во всей откровенности ихъ развитія и состоитъ его новшество, онъ не только самъ глубоко заинтересованъ пережитымъ, но хочетъ заинтересовать имъ и другихъ. Это былъ шагъ впередъ на пути личнаго самосознанія, и читатели, очевидно, шли навстрѣчу поэту, если онъ рѣшился откровенно рассказать имъ исторію своихъ любовныхъ тревогъ, послѣдовательно изображая ихъ въ цѣломъ или въ біографическихъ эпизодахъ. Именно эта послѣдовательность устраняетъ мысль, что тотъ или другой мотивъ, случайно вырванный изъ связи жизни, могъ давать ему поводъ къ творчеству, и что цѣпь литературныхъ фактовъ не воспроизводитъ въ общемъ связи дѣйствительности. Разумѣется, эта дѣйствительность не фотографическая, а та, какою представлялъ ее себѣ Боккаччо, когда на нее налегла волшебная пелена времени, очертанія прошлаго еще не измѣнились, но кое-что предстало въ усиленномъ освѣщеніи аффекта, другое забыто въ тѣни, иное,

1) *Таковы результаты Cesareo, *Le «Poesie volgari» del Petrarca secondo le indagini più recenti*, вѣ Nuova Antologia 1895, 15 Giugno, стр. 615 слѣд.

7 забытое, | внезапно возникало, какъ эстетическій мотивъ, — и до-
сказывались недосказанныя слова любви¹⁾. Такъ Петрарка про-
должалъ писать въ похвалу живой Лаурѣ и послѣ ея смерти и
въ сознательномъ распорядкѣ своего *Canzoniere* слѣдовалъ болѣе
эстетическо-психологической, чѣмъ хронологической правдѣ. Но
между той и другой, между *Wahrheit und Dichtung*, въ сущ-
ности нѣтъ границъ: лишь на минуту мы бываемъ въ сферѣ фо-
тографическихъ впечатлѣній дѣйствительности, чтобы тотчасъ же
вступить въ область украшающаго или расцвѣчивающаго воспо-
минанія. Это основа фантазіи, а Боккаччо былъ поэтъ, и мы
никогда не различимъ въ образѣ Фьямметты, чѣмъ она была
ему на самомъ дѣлѣ, и чѣмъ онъ самъ надѣлилъ ее въ поэзіи, что
въ этой поэзіи пережитаго, и что безсознательно вылилось въ
формы ходячей эстетической идеализаціи.

Что особенно выдѣляетъ Фьямметту изъ другихъ автобіо-
графическихъ памятей Боккаччо — это перенесеніе ихъ внѣ
себя, на другое лицо, дезинтеграція своего собственнаго я. Все,
что поэтъ перечувствовалъ въ своей любви, тревогу ожиданій,
ненужные страхи, опасенія и надежды, привязывающіяся къ
какой-нибудь суевѣрной примѣтѣ, слухи, кажущіеся дѣйстви-
тельностью, дѣйствительность, разрушаемая софизмами сердца,
муки ревности и отчаянія — все это онъ воплотилъ въ Фьям-
меттѣ; біографія и «признанія» уступили мѣсто психологическому
этиуду.

На этотъ разъ его вдохновилъ не Данте, а классики: образъ
Дидоны, покинутой Энеемъ, героини Овидія, оплакивающія
своихъ милыхъ. Овидій, болѣе, чѣмъ кто другой, опредѣлилъ
міросозерпаніе того цикла любовныхъ, автобіографическихъ при-
знаній, которыя завершаются «Фьямметтой»; Петрарка зачиты-
вается имъ въ юности²⁾, вторя его мотивамъ въ строфахъ *Can-
zoniere*; для молодого Боккаччо онъ по преимуществу поэтъ,

1) *Stecchetti: Le parole d'amor che non ti dissi.*

2) *Secretum, III, 361.*

художникъ любви¹⁾, любовная философія Овидія приплась по его страстной, | нѣсколько чувственной натурѣ, его чувство такое же 488 знойное, колоритное, лишь порой смягченное лунными бликами дантовскаго идеализма. И вотъ его Флоріо и Бьянчифьоре научаются любить, читая *Ars Amatoria*²⁾, Филоколо полонъ овидіевскихъ воспоминаній³⁾, не только въ эпизодахъ метаморфозъ, аллегорическихъ сновидѣній и чаръ; *Ninfale Fiesolano* — не подражаніе Овидію, но въ немъ чувствуется та же игривость и та же изящная меланхолія; Амето — сентиментальный Полифемъ. Героидами, которыя Боккаччо цитуетъ не разъ⁴⁾, онъ продолжалъ интересоваться еще на старости лѣтъ: онъ живетъ въ Чертальдо, больной и угрюмый, отказавшись отъ *Ars Amatoria*, грѣшнаго Овидія⁵⁾ и грѣховъ Декамерона, а *Carlo di Figiovanni* ходитъ къ нему съ своимъ переводомъ Героидъ, и старикъ помогаетъ ему въ работѣ надъ текстомъ, нашедшемъ въ томъ же вѣкѣ и другихъ переводчиковъ въ лицѣ *Domenico da Montichiello* и *Filippo Ceffi*. Овидій уже представлялся ему въ то время поэтомъ соблазна, какъ и Петраркѣ⁶⁾, но онъ останется для того и другого учителемъ вкуса; любовь забыта, осталась поэзія образовъ и изящныхъ сентенцій.

Въ пору Фьямметты Овидій еще вдохновлялъ Боккаччо всецѣло; можетъ быть, Героиды⁷⁾ навѣяли и ея планъ; Боккаччо пользуется ихъ матерьяломъ, афоризмами, выраженіями, усваиваетъ, какъ въ Амето, цѣлыя группы стиховъ. Они не даромъ являются на его зовъ: они принадлежать ему по праву, потому что все это онъ самъ пережилъ и, заставляя переживать другое лицо, беретъ готовые образы; не будь они готовы, онъ

1) *Amorosa Visione*, V, 9.

2) *Filocolo*, I, 76.

3) *Ib.*, I, 291; II, 24, 49, 159.

4) *Geneal. Deorum*, l. XI, c. 24; *Comento*, lez. XIX, v. I, ed. Milanese, стр. 472.

5) *Com.*, I, стр. 408.

6) *Sen.*, II, 1: *lascivissimus poetarum*; сл. *De Vit. Sol.*, II, стр. 279.

7) *Ит. *героиды* въ подражаніе Овидію — сл. *Flamini* въ *Rass. bibliogr. d. lett. ital.*, II, № 11, стр. 301.

набрелъ бы на нихъ самъ. Это не свидѣтельство заимствованій, не подыскиваніе центона, а результатъ начитанности, встрѣчности настроенія и темперамента. Приходилось отбиваться отъ 439 воспоминаній: Петрарка, риторизмъ котораго воспитанъ на классикахъ, итальянская лирика полна мотивовъ Овидія, Горация, Проперція и Виргилія, сознается Боккаччо, что въ его шестую эклогу закралось окончаніе одного виргиліевскаго стиха¹⁾, а въ V-й указываетъ на невольныя заимствованія изъ Виргилія и Овидія²⁾. У него страхъ передъ такимъ плагіатомъ, подражаніе должно стремиться не къ сходству портрета съ оригиналомъ, а къ родственному, подсказывающему въ сынѣ черты отца. Боккаччо относится свободнѣе къ такимъ повтореніямъ, не поднимая во мнѣ вопроса центона. Поэзія вагантовъ и средневѣковыхъ школьныхъ пѣнговъ также полна образовъ и выраженій, вычитанныхъ въ классикахъ, а между тѣмъ отъ нея отдаетъ средними вѣками, это — булыжная кладка, въ которую вставили античные мраморы. У Боккаччо этихъ противорѣчій меньше, чувствуются какъ бы контуры цѣльнаго, своеобразнаго зданія, потому что онъ глубже проникся Овидіемъ, онъ ему сроднѣе; оттого и въ подражаніи онъ оригиналенъ, свободно развиваетъ данныя положенія, анализируетъ ихъ раздѣльно, переходитъ къ творчеству. Филлида плачется на Демофонта, медлящаго возвратомъ³⁾; клянеть Тезея, который не отпускаетъ его, какъ Памфило задержали слезы и мольбы отца. Затѣмъ у нея является страхъ: не погибъ ли корабль ея милаго⁴⁾, «преданная любовь вообразила все, что можетъ быть помѣхой спѣшущимъ; я была изобрѣтательна въ измышленіи причинъ»⁵⁾, говоритъ Филлида, а Фьямметта развиваетъ эти опасенія: гибель корабля, голодная смерть на утесистомъ островѣ, дикіе звѣри, бурныя рѣчки, раз-

1) Aen., VI, 607; сл. Fam., XXIII, 19: atque intonat ore.

2) Fam., XXII, 2.

3) Her., II.

4) Ib., vv. 15—16

5) Vv. 21—22.

бойники и болѣзнь. Точно такъ же разработано внезапное подозрѣніе Филлиды, что она покинута для другой¹⁾. Анализъ идетъ въ частности, раскрывая мелкіе психическіе моменты, но нерѣдко 440 забывая ихъ для — стилистическихъ. Боккаччо — стилистъ: гуманисты открыли чарующую красоту слова и въ ней самой нашли ея цѣль; искусство слова цѣнится само по себѣ, независимо отъ содержанія: это напоминаетъ отзывъ Овидія о Каллимахъ: *Quamvis ingenio non valet, arte valet*. Значеніе, какое получила риторика въ средневѣковой итальянской школѣ, продолжается то же преданіе, въ которое откровенно вступаютъ гуманисты. Коррективомъ къ такому увлеченію фразой, звучнымъ общимъ мѣстомъ, могъ явиться изощренный вкусъ писателя, но врачеваніе исходило изъ того же источника, что и недугъ — а недугъ остался, какъ печать эпохи; Боккаччо кромѣ того слишкомъ долго былъ въ овидіевской школѣ. Оттого и въ его *Фьямметтѣ* и въ другихъ прозаическихъ сочиненіяхъ внутреннее развитіе часто принесено въ жертву внѣшнему, но стоитъ лишь вчитаться въ *Фьямметту*, чтобы все ненужное затушевалось: и изобиліе лирическихъ изліяній, и восьмая книга съ ея героями несчастья, и отложилось въ памяти одно лишь здоровое и цѣльное — признаніе *Фьямметты* съ ея быстро миновавшимъ счастьемъ и долгимъ сѣтованіемъ, развивающимся въ художественной постепенности роста и паденія. На этотъ художественный пріемъ, не подсказанный Героидами, мы обратили вниманіе выше; соотвѣтствующіе психическіе моменты были подмѣчены въ жизни или въ самомъ дѣлѣ пережиты, но заслуга Боккаччо въ томъ, что онъ первый сдѣлалъ ихъ предметомъ поэтической идеализаціи.

И современники Боккаччо вчитывались въ *Фьямметту*, но выносили изъ нея не столько уроки психологіи, сколько обаяніе риторичности и закупающей слухъ фразы. Таково ея отраженіе у новеллистовъ, слѣдующихъ за Боккаччо, у Леонъ Баттиста

1) Vv. 103—104.

Альберти въ его «Деифирѣ» и даже въ лучшей изъ повѣстей психологическаго типа, въ повѣсти Энея Сильвія Пикколомини о Лукреціи и Евріалѣ. Живая струя надолго теряется въ пескахъ, чтобы пробиться въ другомъ мѣстѣ: въ «Принцессѣ Клевской» *M-me de La Fayette*.

VI.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ И ЭТИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ ДЕКАМЕРОНА.

I.

Когда художник «Фьямметты» возьмется за рассказы, кото- 443
рыми потѣшалъ встарь неаполитанскіе кружки, онъ отнесется
къ нимъ съ приемами изощреннаго психологическаго анализа,
съ знакомымъ намъ вкусомъ къ витіеватости и тѣмъ тонкимъ
чутьемъ къ разнообразію жизненныхъ типовъ, которое до сихъ
поръ заслонялось отъ насъ исключительностью его литератур-
ныхъ сюжетовъ. Въ ихъ центрѣ стояла Фьямметта, разработа-
вались лишь двѣ темы, упоенія и отчаянія, но уже въ характерѣ
Гризеиды, съ ея сдержанной страстностью и наивнымъ лукав-
ствомъ отказовъ и обѣщаній, многое подмѣчено объективно, внѣ
сферы личныхъ воспоминаній, а своеобразный типъ Пандара
можетъ потягаться съ лучшими въ Декамеронѣ. И тотъ и другой
располагаютъ васъ къ смѣху, котораго не слышно было въ слѣ-
дующихъ произведеніяхъ Боккаччо, написанныхъ въ маніи
удрученности и дантовскихъ увлеченій; когда онъ освободится
отъ нихъ, смѣхъ раздастся снова, здоровый смѣхъ, забирающій
всего человѣка, не завязанный ни предубѣжденіемъ, ни злобой;
сатира типовъ и общественныхъ порядковъ получалась, какъ
выводъ, не навязанный авторомъ; это не точка отправления Де-
камерона, какъ не было ея и въ цѣляхъ старофранцузскихъ
фаблѣ: ихъ назначеніе — развлечь и потѣшить:

Nes a ceux qui sont plein d'ire
Si lor fait il grand alegance |

Et oublier duel et pesance
Et mauvaistié et pensement 1).

Боккаччо также желаетъ доставить своимъ слушательницамъ утѣшеніе и удовольствіе, но вмѣстѣ и совѣтъ, чего слѣдуетъ избѣгать и къ чему стремиться²⁾. Странно сказать, по именно эта учительная сторона дѣла и явилась роковой для его репутаціи.

Всѣ эти качества психолога-наблюдателя, веселаго рассказчика и сознательнаго стилиста сказались въ ста новеллахъ Декамерона далеко не равномерно: это точно салонъ художника, гдѣ прелестные жанры чередуются съ набросками, и этюды съ натуры стоятъ рядомъ съ торжественными академическими полотнами, оконченными до зализанности. Рамка рассказовъ уже знакома намъ изъ Филоколо и Амето: общество мужчинъ и дамъ, сошедшееся для веселыхъ, но и серьезныхъ бесѣдъ въ роскошныхъ неаполитанскихъ садахъ, либо въ тосканской кампаньѣ; только въ Декамеронѣ оно помѣщено вблизи зараженнаго чумой города, гдѣ люди умираютъ сотнями, гдѣ страхъ и отчаяніе и судорожная любовь къ жизни разнуздали среди здоровыхъ всѣ силы эгоизма: больные и умирающіе заброшены, живые бѣгутъ отъ заразы, неминуемость смерти порождаетъ панику; сколько здоровыхъ людей еще «утромъ обѣдали съ родными, товарищами и друзьями, а на слѣдующій вечеръ ужинали со своими предками на томъ свѣтѣ»³⁾! Мессеръ Чино и его жена заболѣли въ своемъ подгородномъ помѣстьѣ, рассказываетъ Донато Веллуги; рѣшили отправиться въ городъ, ее несли на носилкахъ, онъ поѣхалъ верхомъ; здѣсь братья жены побудили его написать духовную. Я былъ у нихъ, когда они уѣхали, пошелъ въ Borgo San Sepolcro посѣтить могилу Бернардо Марсила, скончавшагося въ должности пріора въ зданіи думы. Возвращаюсь, когда

1) Montaignon et Raynaud, Recueil général et complet des fabliaux des XIII et XIV siècles (Paris, 1872—83), VI, 68.

2) Декамеронъ, Введеніе, перев. I, стр. 2, 3.

3) Декамеронъ, Вступленіе, пер. I, 12.

у входа въ переулочъ со | мной повстрѣчалось двое. Мадонна 445
 Лиза умерла, говорить одинъ; Чино скончался въ Olmo da San
 Gaggio, возвращаясь верхомъ, говорить другой. Я велѣлъ ихъ
 похоронить¹⁾.

Съ паникой явились суевѣрные «страхи и фантази»²⁾; Бок-
 каччо не было во Флоренци въ 1348 году, но ему рассказы-
 вали, что многіе изъ пораженныхъ язвой, кончаясь, называли
 по имени одного или нѣсколькихъ пріятелей: Приди такой-то и
 такой-то! — и тѣ умирали въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ
 были названы³⁾. — Здоровые, которымъ не удалось бѣжать,
 предаются разгулу, хотятъ забыться, вырвать у жизни все, что
 она еще можетъ дать; иные запираются отъ всѣхъ и живутъ
 кружками, употребляя съ большой умѣренностью изысканнѣйшую
 пищу и лучшія вина, избѣгая всякаго излишества, проводя время
 среди музыки и удовольствій; были и такіе, которые считали
 за лучшее вести умѣренную жизнь и не запирались, а гулять,
 держа въ рукахъ, кто цвѣты, кто пахучія травы, кто какое дру-
 гое душистое вещество, которое часто обоняли, полагая полез-
 нымъ освѣжать мозгъ такими ароматами⁴⁾. Эти профилактиче-
 скія мѣры указываютъ на безсиліе медицины; не даромъ встрѣ-
 чались врачи, которые, разувѣрившись въ своемъ искусствѣ,
 возвращали по смерти больного полученныя ими деньги⁵⁾. Два
 анонимныхъ итальянскихъ сонета ограничиваются практическими
 указаніями: избѣгать излишествъ, не ѣсть, когда нѣтъ охоты,
 хорошо прожевывать пищу и лишь хорошо сваренную, пить часто,
 но понемногу, не спать въ полдень, сторониться толпы, беречься
 меланхоліи, душевнаго разстройства и усталости⁶⁾. Совѣты про-

1) I. Del Lungo, La donna fiorentina nei primi secoli del comune, изъ Ras-
 segna Nazionale, v. XXV, fasc. 16, Maggio, 1887, стр. 36—7.

2) Декамеронъ, Вступленіе, пер. I, стр. 6.

3) Com. sopra la Comm., II, 19.

4) Декамеронъ, Вступленіе, перев. стр. 7—8.

5) Matteo Villani, l. I, c. 2.

6) La pestilenza del 1348. Rime antiche. Firenze, 1884 (ed. Morpurgo). Сл. ги-
 гиеническіе совѣты противъ чумы Giovanni Morelli у-Perrens, Hist. de Florence
 (Paris, 1877—83), IV, стр. 520—1.

446 тивъ чумы, рекомендованныя, по предложенію Филиппа Валуа, парижскимъ медицинскимъ факультетомъ, отличаются тѣмъ же предохранительнымъ характеромъ: чистый воздухъ, удаленіе отъ болотъ, низкихъ мѣстъ и кладбищъ, окуриваніе, опрыскиваніе жилья водой и уксусомъ; изысканная, сочная пища: молодые кролики, кашлуны, куропатки, фазаны, кушанья, приправленные ароматическими пряностями, нѣжная, удобоваримая рыба и плоды съ пріятной кислотой. Надо остерегаться крѣпкихъ винъ, полезны частыя кровопусканія, банки, слабительныя; необходимо избѣгать сильныхъ ощущеній радости, печали, надежды, любви; если при всемъ этомъ принимать драгоцѣнную микстуру, составленную изъ самыхъ тонкихъ и рѣдкихъ снадобій, то можно ручаться за здоровье богатыхъ людей; что до бѣдныхъ, то имъ рекомендуется молиться Богу, да спасетъ онъ ихъ отъ смерти и напасти, какъ и у Боккаччо деревенскіе жители оказываются обездоленнѣ горожанъ.

Среди общаго смятенія раздавались голоса, взывавшіе къ покаянію, какъ Петрарка¹⁾, къ спокойствію и самообладанію, какъ Пуччи въ своемъ *Sermintese*²⁾. Отъ смерти не уйти, устройте душу, говорилъ онъ, возвратите неправедно отнятое, примиритесь другъ съ другомъ — вотъ лучшее средство, чтобы престалъ Божій гнѣвъ; искусственныя снадобья бесполезны. Что же дѣлаютъ флорентійцы? Въ былое время больного посѣщали любовно, и многимъ было оттого лучше, теперъ братъ оставляетъ брата, отецъ — сына изъ боязни заразы, и многіе умираютъ отъ недостатка совѣта и помощи; вѣдь не слѣдовало бы покидать даже сарацинъ, евреевъ, отверженныхъ. Вы, медики, священники, монахи, навѣщайте сострадательно тѣхъ, кто о томъ васъ проситъ; взирайте на свою душу, не на барышъ; вы же, родные, сосѣди, товарищи, не бойтесь ободрить сѣтующаго, можетъ быть, и спасете его или утѣшите при смерти; а онъ, чай,

1) Petr., Epist. poet., I, 14, и Canz. Io vo pensando.

2) La pestilenza del 1348, l. c.

отчаивается, не получая утѣшенія. А выходитъ такъ, что сосѣдь 447 говоритъ: онъ не навѣстилъ меня, когда мнѣ было тяжело, не пойду и я; такъ и покидаютъ друга. Глупо бояться заразы, ибо по Божію изволенію она явится, если бы больной и недохнулъ на тебя. — И серминтеза кончается увѣщаніемъ: позаботиться во-время о духовной, вѣдь смерть посѣтила и Цезаря и другихъ великихъ людей; не забыть о бѣдныхъ, напутствовать къ могилаѣ усопшихъ и покаяться.

Разсказчики и разсказчицы Декамерона слѣдуютъ примѣру многихъ, выселяясь изъ пораженнаго чумою города, и Боккаччо начинаетъ свою книгу классическимъ по своей картинности и размѣренной торжественности описаніемъ Черной смерти. Было выражено мнѣніе, что онъ вдохновился въ этомъ случаѣ аналогическимъ описаніемъ другого мора — у Лукреція¹⁾, который, подобно Даніэлю Дефоэ, не видѣлъ его лично, а пересказалъ видѣнное Оукидидомъ. Ни Боккаччо, ни Петрарка не знали Лукреція, но имъ извѣстно было его описаніе чумы изъ выписокъ у Макробія²⁾. Можетъ быть, и слѣдуетъ допустить для Боккаччо вліяніе извѣстнаго литературнаго образца, но вліяніе свободное, не стѣснявшее его наблюдательности, точность которой въ описаніи признаковъ болѣзни и ея вліянія на нравственную растерянность общества подтверждается современными ему памятниками: лѣтописями двухъ Виллани, Буччо да Раналло, «сѣтованіемъ» Антоніо Пуччи и др. О томъ, что страхъ болѣзни, сообщавшейся отъ одного прикосновенія, заставлялъ забывать самыя естественныя чувства и семейныя узы, что родители бѣгали отъ зараженныхъ дѣтей и наоборотъ, о томъ разсказываетъ Маттео Виллани³⁾; онъ же говоритъ и о безнравственности, какъ слѣдствіи прекратившагося мора, тогда какъ память о Божьей карѣ должна была бы развить въ людяхъ добродѣтели и милосердіе. Вышло наоборотъ: людей осталось мало въ живыхъ,

1) De Natura Deorum, l. VI.

2) De Nolhac, Pétrarque et l'humanisme, Paris, 1892, стр. 134.

3) l. I, cc. 2—5.

448 они разбогатѣли наслѣдствами | и, забывъ все прошлое, точно его и не было, предались самой развратной и безнорядочной жизни, тунеядству и чревоугодію, пирамъ, тавернѣ и игрѣ. Сладострастіе не знало узды, явились невиданные, странные костюмы, нечестные обычаи, даже утварь преобразили на новый ладъ. Простой народъ, вслѣдствіе общаго изобилія, не хотѣлъ отдаваться обычнымъ занятіямъ, притязалъ лишь на изысканную пищу; браки устраивались по желанію, служанки и женщины изъ черни рядились въ роскошныя и дорогія платья именитыхъ дамъ, унесенныхъ смертью. Такъ почти весь нашъ городъ (Флоренція) неудержно увлекся къ безнравственной жизни; въ другихъ городахъ и областяхъ міра было и того хуже.

Разсказъ Буччо да Раналло о чумѣ въ Аквилѣ дополняетъ новыми чертами флорентійскіе. Когда смертность объявилась, всѣ пустились писать духовныя, у нотаріусовъ и судей отъ народа не было отбоя, и они безстыдно поднимали цѣну; наемные свидѣтели спрашивали, не входя, готово ли завѣщаніе; когда имъ говорили, что еще нѣтъ, они поспѣшно удалялись, если да, то подписывали его, боясь заглянуть въ двери. Случалось, что завѣщанія, составленныя дня три тому назадъ, оказывались уже недѣйствительными, общее ожиданіе смерти не побуждало родственниковъ вліять на волю завѣщателя, отчего впослѣдствіи пошли жалобы и дразги. Все, что имѣло какое-либо отношеніе къ недугу, быстро возросло въ цѣнѣ: лѣкарства, куры — пища больныхъ; сидѣлки требовали три золотыхъ за сутки; воскъ настолько вздорожалъ, что пришлось запретить провожать покойниковъ изъ бѣдныхъ съ восковыми свѣчами, какъ вообще сокращена была похоронная обрядность: по умершимъ перестали звонить, чтобы не нагонять страха, способствовавшаго заболѣванію; въ былое время на похороны приглашали жителей мѣстности, покойника несли въ церковь, совершали торжественное служеніе; теперь обо всемъ этомъ забыли. — Боккаччо отмѣтилъ эту подробность. — Когда миновала чума, унесшая, какъ говорятъ, двѣ трети населенія, началась пора расточительности. Богатства, на-

кошленные случайно, не цѣнились, продавали за треть стоимости; 449 много пришлось тогда на долю церквей и монастырей. Чувственность, долго сдержанная страхомъ, не знала теперь удержа: женились повально, старые и молодые, монахи и инокини, въ любое время, не дожидаясь положеннаго для благословенія брачующихся воскресенья; девяностолѣтній старикъ бралъ за себя дѣвочку. Жилось напропалую, о цѣнѣ не спрашивали, рынокъ былъ переполненъ всякой живностью, поднялся спросъ на предметы роскоши, какъ прежде на лѣкарства. Народу поубавилось, зато возрасло любостяжаніе: стали жениться на деньгахъ, на- сильно увозя богатыхъ невѣсть¹⁾.

Таковы впечатлѣнія мѣстныхъ лѣтописцевъ; Боккаччо стоило только раскрыть глаза, чтобы увидѣть то же самое, и бѣльшее, потому что его психологическій тактъ былъ шире. Виллани и Буччо противопоставляютъ страхъ смерти и обуявшее всѣхъ отчаяніе жизнерадостной чувственности, разыгравшейся по прекращеніи чумы; у Боккаччо они являются выраженіемъ одного и того же психологическаго момента, что совершенно въ природѣ вещей. Напомнимъ лишь разсказъ отца Пафнугія о Черной смерти на Руси: одни предавались покаянію, уходили въ монастыри, другіе забывались въ неистовомъ пьянствѣ, ибо меду покинуто было много, ризы и всякое богатство лежало безъ прирѣнія. Случалось, что одинъ изъ пьющихъ умиралъ, его запикивали подъ лавку и продолжали пить. — Близость смерти поднимаетъ въ здоровомъ организмѣ силу жизнениости, героизмъ воли или животный инстинктъ, смотря по настроенію. Чѣмъ мрачнѣе выступаютъ образы разрушенія, тѣмъ ярче освѣщаются крайности: веселая, иногда гривуазная новелла ближе къ жизни, чѣмъ степенная, учительная повѣсть. Такъ извиняетъ Боккаччо содержаніе своихъ разсказовъ: они вызваны временемъ, вполнѣдствіи и слушатели и разсказчики устыдились бы ихъ, «ибо гра-

1) Boetio di Rainaldo di Poppleto Aquilano, Delle cose dell' Aquila, у Muratori, Antiquitates Italicae (Mediolani, 1738—42), t. VI, строфа 769 и слѣд., стр. 640 и слѣд.

450 ницы дозволен|ныхъ удовольствій нынѣ болѣе стѣснены, чѣмъ въ ту пору, когда въ силу указанныхъ причинъ онѣ были свободнѣйшими»¹⁾). Діонео хочетъ забыться: онъ оставилъ свои мысли за воротами города и приглашаетъ своихъ спутниковъ веселиться, хохотать и пѣть вмѣстѣ съ нимъ, либо дать ему вернуться къ его мыслямъ, въ постигнутый бѣдствіями городъ²⁾). Когда въ концѣ VI-го дня³⁾ въ обществѣ послышались голоса противъ предложеннаго имъ, нѣсколько свободного сюжета бесѣды, онъ горячится: «время у насъ такое, говоритъ онъ, что если только мужчины и женщины будутъ сторониться отъ безчестныхъ дѣяній, всякія бесѣды имъ дозволены. Развѣ вы не знаете, что по злополучію этого времени судьи покинули свои суды, законы, какъ божескіе, такъ и человѣческіе, безмолвствуютъ, и каждому предоставленъ широкой произволъ въ цѣляхъ сохраненія жизни? Поэтому, если въ бесѣдахъ ваша честность очутится въ нѣсколько болѣе свободныхъ границахъ, то не затѣмъ, чтобы воспослѣдовало отъ того что-либо непристойное въ поступкахъ, а дабы доставить удовольствіе вамъ и другимъ». И онъ самъ потѣшаетъ всѣхъ, хохочетъ и юродствуетъ, пусть полюбятъ его, каковъ онъ есть⁴⁾), заводитъ пѣсни, которыя нельзя допѣть, и вершаетъ комическій, въ своей откровенности, споръ между Личиской и Пандаромъ, ибо онъ — ему по нраву⁵⁾). Его просьба — предоставить ему быть послѣднимъ въ числѣ рассказчиковъ каждаго дня, тотчасъ же уважена, потому что онъ добивается того «единственно съ цѣлью развеселить общество, если бъ оно устало отъ разсужденій, какой-нибудь смѣхотворной новеллой»⁶⁾). Его звонкій смѣхъ, вѣнчающій день, это — стра-

1) Декамеронъ, Вступленіе, стр. 12--13 перев.

2) I. с. I, стр. 18. Сл. ib. стр. 44 (вступленіе въ Дек., I, 4) и 408 (вступленіе въ Дек., V, 10).

3) II, стр. 37 перев.

4) Дек., IX, 10 въ началѣ.

5) Дек., VI день, вступленіе.

6) Дек., I день въ концѣ = I, стр. 69 перевода.

стный *Memento vitae*, перчатка, брошенная *Memento | mori*. 451
Только въ десятомъ днѣ Діонео измѣняетъ себѣ: впрочемъ и весь день посвященъ серьезнымъ подвигамъ великодушія и самоотверженности, нѣтъ ни одной новеллы нескромнаго содержанія, и самъ Діонео выводитъ передъ нами образъ страдальцы Гризельды. Это не въ его вкусахъ, они принесены въ жертву художественному плану Декамерона: какъ онъ начался среди ужасовъ чумы, такъ пестрая волна его рассказовъ, съ ихъ горемъ и радостями и жизненною борьбой и непорѣшенными вопросами доли вбѣгаетъ въ мирную пристань, и комедія жизни разрѣшается торжественно-смиряющей мелодіей долга. Но Діонео и тутъ вѣренъ себѣ, испытанія Гризельды вызываютъ у него неслестное пожеланіе ея мужу: онъ стоитъ того, чтобы напасть на такую женщину, которая, будучи выгнана имъ изъ дома въ одной сорочкѣ, проучила бы его, заработавъ себѣ на хорошее платье!

При оцѣнкѣ Декамерона нельзя не подчеркнуть особо художественной стороны его плана. Боккаччо схватилъ живую, психологически-вѣрную черту явленій чумы, страсть жизни у порога смерти. Его Декамеронъ — это «пиръ во время чумы», точно иллюстрація къ извѣстной фрескѣ¹⁾ пизанскаго Camposanto: путники верхомъ, отворачиваются отъ труповъ, разлагающихся въ гробахъ, тогда какъ на заднемъ планѣ пейзажа, подъ сѣнью деревьевъ, общество молодыхъ людей и дамъ пируетъ беззаботно, осѣненное незримымъ крыломъ ангела смерти. Намъ слышится веселый говоръ Діонео; «тамъ слышно пѣніе птичекъ, виднѣются зеленѣющіе холмы и долины, поля, на которыхъ жатва волнуется, чтѣ море, тысячи породъ деревьевъ и небо болѣе открытое, которое хотя и гнѣвается на насъ, тѣмъ не менѣе не скрываетъ отъ насъ своей вѣчной красоты; все это гораздо болѣе прекрасно

1) *Школы Orcagna'и: фрески «Trionfo della Morte, il Giudizio и Le storie dei Santi Padri приписывались въ послѣднее время то Lorenzetti, то Bernardo Daddi, то, наконецъ, Francesco Trajani (Сл. Supino, Arte Pisana. Firenze, fratelli Alinari, 1904).

на видъ, чѣмъ пустыя стѣны нашего города»¹⁾. — Этотъ психическій моментъ, подсказанный жизнью массы, Боккаччо развилъ сознательно, какъ художественную противоположность: онъ знаетъ, что его читательницы найдутъ тягостнымъ и грустнымъ его вступленіе къ Декамерону, «ибо такимъ именно является, начертанное на челѣ его печальное воспоминаніе о прошлой чумной смертности, скорбной для всѣхъ, кто ее видѣлъ или иначе позналъ. Я не хочу этимъ отвратить васъ отъ дальнѣйшаго чтенія, какъ-будто и далѣе вамъ предстоитъ идти среди стѣнъ и слезъ: ужасное начало будетъ вамъ тѣмъ же, чѣмъ для путниковъ неприступная, крутая гора, за которой лежитъ прекрасная, чудная поляна, тѣмъ болѣе нравящаяся имъ, чѣмъ болѣе было труда при восхожденіи и спускѣ. Какъ за крайнею радостью слѣдуетъ печаль, такъ бѣдствія кончаются съ наступленіемъ веселья: за краткой грустью (говорю: краткой, ибо она содержится въ немногихъ словахъ) послѣдуютъ вскорѣ утѣха и удовольствіе, которыя я вамъ напередъ обѣщаль, и которыхъ, послѣ такого начала, никто бы и не ожидалъ, если бъ его не предупредили. Сказать правду: если бы я могъ достойнымъ образомъ повести васъ къ желаемой мною цѣли инымъ путемъ, а не столь крутой тропою, я охотно такъ бы и сдѣлалъ; но такъ какъ нельзя было, не касаясь того воспоминанія, объяснить причину, почему именно приключились событія, о которыхъ вы прочтете далѣе, я принимаюсь писать, какъ бы побуждаемый необходимостью»²⁾).

Разумѣется необходимость, навѣянная художественными требованіями, ибо въ волѣ Боккаччо было указать и другую причину, по которой приключились тѣ событія, то-есть, собралось для бесѣды общество Декамерона. Если даже допустить, что Боккаччо могъ имѣть въ виду кружокъ людей, дѣйствительно бѣжавшихъ отъ чумы и коротавшихъ время въ какой-нибудь

1) Дек., Вступленіе = перев. I, стр. 15.

2) Дек., Вступленіе = перев. I, стр. 5—6.

виллѣ въ окрестностяхъ Флоренціи, то и въ такомъ случаѣ художественный замыселъ автора остается въ силѣ: онъ не удалилъ факта, а подчеркнул его, не заботясь о нравственной сторонѣ дѣла и, очевидно, не предвидя упрековъ, которые и явились. Противоположность смерти и разгула могла быть подсказана жизнью, говорили иные, но во власти художника было помирить ихъ вошіюція противорѣчія проявленіемъ гуманности, поднимающей 453
 щей человѣка надъ животнымъ оберегомъ своего я. Другими словами, отъ рассказчиковъ Боккаччю ожидали самоотреченія, которое обратило бы Декамеронъ въ синодикъ. Но Боккаччю и не думаетъ изображать героевъ альтруизма: его рассказчики и рассказчицы одни изъ многихъ, они не бросились бы въ объятія прокаженного, какъ св. Францискъ; они эгоистично-гуманны, полны симпатій ко всему хорошему, любятъ жизнь; по-своему, они даже героичны; ихъ настроеніе — жизнерадостное ожиданіе смерти: Пампинея увлекаетъ всѣхъ предложеніемъ удалиться изъ города, чтобы на сторонѣ поискать развлеченій, пока выяснится, какой оборотъ приметъ чума, — «если только смерть не настигнетъ насъ ранѣе», прибавляетъ она спокойно¹⁾. Кто повстрѣчался бы съ ними, когда они гуляютъ, увѣнчанные дубовыми листьями, съ цвѣтами и пахучими травами въ рукахъ, сказалъ бы, «что смерть ихъ не побѣдитъ, либо сразитъ ихъ веселыми»²⁾.

И вотъ, сговорившись между собой при случайной встрѣчѣ въ Санта Марія Новелла, рассказчики Декамерона отправляются въ путь. Ихъ десятеро; въ теченіе десяти дней, съ перерывами, они потѣшаются бесѣдой, при чемъ каждый рассказываетъ по новеллѣ: отсюда греческое, неправильное въ фонетическомъ смыслѣ, названіе Декамеронъ (мы ожидали бы: Дехимеронъ), съ значеніемъ Десятидневника.

Самая затѣя бесѣды взята изъ жизни: рассказы были обычной принадлежностью итальянскихъ посидѣлокъ. Соберутся вече-

1) Дек., Вступленіе = перев. I, стр. 16.

2) Дек., введеніе къ IX дню = перев. II, стр. 191—2.

ромъ, писалъ въ XVI вѣкѣ Андрей Кальмо, играютъ въ разныя игры, а затѣмъ разсказываютъ, кто народныя сказки, кто по-смышленѣе — книжныя исторіи: объ Отинелло и Джуліи, о Гвискардо и Гисмондѣ, о преніи Поста съ Масляницей и т. д. ¹⁾).

Оставалось создать общество Декамерона. Въ обществѣ семь дамъ, отъ 18-лѣтняго до 28-лѣтняго возраста, и трое мужчинъ, изъ которыхъ самому юному не меньше 25-и лѣтъ. Имена первыхъ — вымышленныя: Боккаччо не хочетъ называть ихъ настоящими, потому что характеръ нѣкоторыхъ разсказовъ, объясняемый обстоятельствами, могъ бы дать поводъ къ нареканію ²⁾). Очень вѣроятно, что какія-нибудь флорентійскія красавицы дали ему черты для изображенія нѣкоторыхъ собесѣдницъ; такъ въ *Ameto* и *Amogosa Visione* флорентійскія дамы являлись подъ покровомъ аллюзій и аллегорій. Приѣмъ не новый, и мы не прочь повѣрить Боккаччо, когда дѣло идетъ о Филоменѣ и Лауреттѣ, Неифилѣ и Элизѣ; но Фьямметта и Пампинья принадлежатъ неаполитанскимъ воспоминаніямъ, Эмилія — фантазмагоріи *Ameto*, Тезейдѣ и, можетъ быть, также сердечной біографіи поэта, — а между тѣмъ оказывается, что всѣ участницы бесѣды связаны другъ съ другомъ дружбой и сосѣдствомъ, либо родствомъ ³⁾). Боккаччо, очевидно, отводитъ намъ глаза, какъ и увѣреніемъ, что назоветъ своихъ разсказчицъ «именами, отвѣчающими всецѣло или отчасти ихъ качествамъ» ⁴⁾). Что бы означала Лауретта? Пампинья, можетъ быть, не что иное, какъ параллель къ Памфило: южно-итальянское *Rampino*. Относительно мужчинъ нѣтъ замѣчанія, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ кличками: имена Памфило, Филострато, Діонео слишкомъ хорошо намъ извѣстны, это прозвища самого Боккаччо, показатели его разновременныхъ настроеній. Это ихъ отличіе удержано и въ *Декамеронѣ*,

1) *Andrea Calmo, Lettere*, ed. Rossi, Torino, 1888, стр. 346—7.

2) Дек., Вступленіе = перев. I, стр. 12—13.

3) I. с., стр. 12.

4) I. с., стр. 13.

по крайней мѣрѣ во второй его части¹⁾, и мы не можемъ дать особаго, реального значенія тому заявленію, что нѣкоторые изъ юношей оказываются въ родствѣ съ тою или другою изъ разсказчицъ, либо нылаютъ къ одной изъ нихъ²⁾.

Всѣ эти соображенія указываютъ на границы, въ которыхъ 455 должна держаться всякая попытка раздѣльно характеризовать собесѣдниковъ Декамерона: біографическій элементъ смѣшалъ въ нихъ съ типическимъ, первый либо разбить, какъ въ трехъ разсказчикахъ, или неуслѣдимъ, какъ въ Пампинеѣ, второй производитъ впечатлѣніе хорошенькихъ силуэтовъ, сѣрыхъ по сѣрому фону. Если вспомнить пестрое общество, собравшееся въ гостиницѣ the Tabard въ прологѣ къ Кэнтерберійскимъ разсказамъ Чосера, контрастъ получится полный: тамъ все ярко, краски рѣжутъ глаза, нѣтъ разсказчика, который не былъ бы оригиналомъ, всѣ лица выступаютъ съ рельефомъ каррикатуры. Они — представители разныхъ сословій и социальныхъ положеній, случайно встрѣтившіеся на большой дорогѣ; собесѣдники Боккаччо принадлежатъ одному и тому же обществу, равны по образовательному цензу, атмосфера салона провожаетъ ихъ и въ деревню. Они — культурные люди и природой любятъ, какъ горожане; Нери дельи Уберти ищетъ уединенія на своей виллѣ въ Каstellамаре, но это уединеніе культурное: король Карль, явившись къ нему отдохнуть, ужинаетъ у него попросту, но роскошно, любитъ дочерьми хозяина, когда, полуобнаженные, онѣ ловятъ рыбу, — и восхищенъ уединеннымъ мѣстомъ³⁾. Прогулка въ долину Дамъ въ концѣ VI-го дня Декамерона показываетъ, что и настроеніе его разсказчиковъ того же рода; и въ поэзіи у нихъ изощренные вкусы: они любятъ романтическія темы⁴⁾, представляютъ народную пѣсню Діонео и народнымъ героинямъ но-

1) Сл. выше стр. 393 слѣд.

2) Дек., Вступленіе = перев. I, стр. 17.

3) Дек., X, 6.

4) Дек., III въ концѣ = пер. I, стр. 268; VII, въ концѣ = пер. II, стр. 102.

велль¹⁾. Характеризовать отдѣльныя особи изъ такой равной по развитію среды нельзя было рѣзкими чертами Чосера; къ собесѣдникамъ Боккаччо надо приглядѣться, иначе получится ту-
456 склое, сбивчивое впечатлѣніе. Выборъ но|велль, которыя раз-
сказываетъ то или другое лицо, почти не служитъ къ ихъ харак-
теристикѣ; всѣ рассказываютъ разное, одинъ лишь Діонео по-
слѣдовательнѣе другихъ; то же можно замѣтить о лирическихъ
пьесахъ, которыя поются однимъ изъ участниковъ бесѣдъ въ за-
ключеніе каждаго дня; и вмѣстѣ съ тѣмъ повсюду разсѣяны
тонкія черты, слагающіяся, если и не всегда, въ опредѣленные
психическіе образы²⁾.

Съ рассказчиками и ихъ автобіографическимъ содержаніемъ мы знакомы. Они помогли намъ разобраться въ хронологіи Декамерона³⁾; намъ остается досказать о нихъ нѣсколько словъ, чтобы дать имъ мѣсто въ ряду другихъ портретовъ.

Ярче всѣхъ вышелъ Діонео: онъ естественнѣе другихъ, въ немъ больше природы и темперамента. Его жизнерадостность и видимо легкое отношеніе къ жизни не исключаетъ серьезности; онъ простъ и безъ претензій, ломаетъ изъ себя простака сознательно и не безъ ироніи; онъ любитъ гривуазный анекдотъ, отъ котораго краснѣютъ дамы, надъ которыми хохочутъ, понявъ его болѣе, чѣмъ, будто бы, желалъ того рассказчикъ⁴⁾; играетъ на лютнѣ, знаетъ много пѣсенъ, фривольныхъ⁵⁾ и трогательныхъ⁶⁾,

1) IV, 5 = пер. I, стр. 314; VIII, стр. 2 = пер. II, стр. 109. Нѣкоторыя изъ народныхъ пѣсенокъ, упоминаемыхъ Боккаччо, напечатаны у Carducci, *Cantilene e ballate*, №№ XXXVIII и XXXIX (стр. 342—4), и въ *Canzonette antiche ed. Alvisi* (Firenze, 1884), p. 16—34. — *Сл. Jeanroy, *Les origines de la poésie lyrique en France*, Paris, 1889, стр. 187—8.

2) Попытку характеризовать собесѣдниковъ Декамерона сдѣлалъ Albertazzi, *I novellatori e le novellatrici del Decamerone*. Статья эта, любезно доставленная мнѣ авторомъ, напечатана была въ *Rassegna Emiliana*, v. II, fasc. III, и недавно въ небольшомъ сборникѣ этюдовъ Albertazzi, *Parvenze e Sembianze* (Bologna, 1892).

3) Сл. выше стр. 392 слѣд.

4) Дек., IX, 10 = пер. II, стр. 239.

5) Дек., V въ концѣ = пер. I, стр. 316.

6) Дек., III и VII въ концѣ.

и способенъ влюбиться и страдать¹⁾. Въ немъ есть черты Пандара, чувственно-веселаго Боккаччо первой неаполитанской поры, которымъ могла увлечься Фьямметта, котораго Адіона хотѣла преобразить въ умѣреннаго и порядочнаго человѣка. Мы знаемъ, какъ онъ въ послѣдствіи преобразился: Филострато-Троиль юношескаго романа, ревнующій и тоскующій, очутился себе сѣдникомъ Декамерона, гдѣ въ концѣ третьей книги онъ нѣсколько позируетъ въ роли безнадежно влюбленнаго, сурово настроеннаго къ однимъ лишь печальнымъ впечатлѣніямъ, меланхолическаго Джека. Памфило — послѣдняя фармація Боккаччо: онъ и старше и разсудочнѣе своихъ сверстниковъ, полонъ изящной важности и учительности и, хотя сбивается нерѣдко на нескромный разсказъ, любитъ спокойно и нѣсколько отвлеченно. Ему принадлежитъ новелла о Чимоне и воспитательной силѣ любви, «которую многіе осуждали и поносятъ крайне несправедливо, сами не зная, что говорятъ»²⁾. Если Боккаччо-Діонео затѣялъ потѣшныя бесѣды Декамерона, то Боккаччо-Памфило наложилъ на него ту печать серьезности и вдумчивости, которую слишкомъ часто забываютъ при его оцѣнкѣ.

Фьямметта Декамерона получаетъ значеніе лишь на почвѣ біографіи поэта, въ отношеніи къ его представителямъ: Діонео, Филострато, Памфило. Перваго она видимо балуетъ, снисходитъ къ его повѣсничанью и поетъ съ нимъ о мессерѣ Гвильельмо и о дамѣ дель Верджю³⁾, пѣсню о трагической любви, навѣянную хорошенькой французской поэмой о *Chatelaine de Vergi*; либо объ Арчитѣ и Палемонѣ⁴⁾. Печальный Филострато вызываетъ ее первую на грустную новеллу о Гисмондѣ; онъ же вѣнчаетъ ее на царство, ибо она вознаградитъ общество за горестныя впечатлѣнія возбужденныхъ имъ разсказовъ, — и она велитъ разсказывать о любви, полной препятствій, но увѣнчанной сча-

1) Сл. его пѣсню въ концѣ V дня.

2) Дек., V, 1 = пер. I, стр. 349.

3) Дек., III въ концѣ = пер. I, стр. 268.

4) Дек., VII, въ концѣ = пер. II, 102.

содержанію новеллы X, 6 (сл. введеніе въ X, 7), не даетъ намъ никакихъ откровеній. Пампиней старше всѣхъ и всѣхъ разсудительнѣе; ей принадлежитъ замысль удалиться изъ чумнаго города, приобщивъ себѣ въ спутники Діонео, Филострато и Памфило, и проводить время не въ игрѣ и другихъ забавахъ, а въ бесѣдахъ, въ которыхъ ее, очевидно, привлекаетъ элементъ учительности и размышленія: она охотно впадаетъ въ общія мѣста, часто увлекается въ сторону, наставляетъ. — | Филомена — красивая, разумная дѣвушка: она первая догадывается, что имъ безъ соупутствія мужчинъ не обойтись, и когда Неифила выражаетъ опасеніе, какъ бы о томъ не заговорили криво, смѣло отвѣчаетъ: Лишь бы жить честно, и не было у меня угрызений совѣсти, а тамъ пусть говорятъ противное, Господь и правда возьмутъ за меня оружіе¹⁾. Тѣмъ не менѣе она смущена, когда ее выбрали королевой, но тотчасъ же входитъ въ роль, припомнивъ рассказъ Пампиней о добродѣтельныхъ простухахъ, не умѣющихъ связать слова²⁾: она не хочетъ показаться простушкой и станетъ вести дѣло, слѣдуя не только своему мнѣнію, но и мнѣнію всего общества³⁾. — Въ сравненіи съ ними Неифила — дѣвочка, робкая и вмѣстѣ бойкая на словахъ, можетъ быть, потому, что не знаетъ всей ихъ силы и бодрится. Узнавъ, кто изъ мужчинъ будетъ имъ соупутствовать, она зардѣлась: она боится нареканій, потому что въ числѣ тѣхъ юношей есть влюбленные въ одну изъ нихъ⁴⁾. Избранная королевой, она стоитъ, покраснѣвъ, окруженная хвалебнымъ ропотомъ, ея лицо, что свѣжая роза въ апрѣлѣ или маѣ, на разсвѣтѣ дня, прелестные, нѣсколько опущенные глазки, блестятъ, какъ утренняя звѣзда⁵⁾. И вмѣстѣ съ тѣмъ вольная выходка Филострато по поводу но-

1) Дек., вступленіе = пер. I, стр. 17; сл. De Clar. Mulier., с. 75: satis nobis multum est, imò permaximum, si Deo teste bene vivimus, et idcirco, si minus bene de nobis sentiunt homines, bene fecerimus, non curemus.

2) Дек., I, 10; сл. выше стр. 72.

3) Дек., I, въ концѣ = пер; I, стр. 68.

4) Дек., вступленіе = пер. I, 17.

5) Дек., II, въ концѣ = пер. I, 179.

веллы объ Алибекъ вызываетъ у нея отвѣдь не по лѣтамъ, показывающую, что она сумѣла разобраться и въ нескромныхъ пожеденіяхъ Мазетто ¹⁾. — Имя Эмилиі возвращаетъ насъ къ біографическимъ воспоминаніямъ Тезейды и Амето, можетъ быть, съ воспоминаніями прежняго типа. Эмилиа Тезейды создана 460 для любви, ей нравится быть любимой, характерна для нея именно | эта потребность сердца, не случайный выборъ любимаго человека. Въ сущности это настроеніе Эмилиі Декамерона; пока она очарована лишь своей красотой:

Я отъ красы моей въ такомъ очарованѣ,
Что мнѣ другой любви не нужно никогда,
И врядъ ли явится найти ее желанье.

Но это лишь самообольщеніе, она чаеъ чего-то другого, потому что, продолжаетъ она, чѣмъ болѣе я покою взгляды на благѣ моей красоты, тѣмъ болѣе

Я отдаюся ему душою всей моей,
Вкушая ужъ теперь высокія улады,
Что мнѣ судить оно, — и въ будущемъ отрады
Еще я ббльшей жду ²⁾.

Вотъ почему, быть можетъ, она иногда задумывается, уносится въ мысляхъ куда-то: Филострато кончилъ новеллу, всѣ смѣются, велятъ продолжать Эмилиі, и она начинаетъ, глубоко переводя духъ, точно недавно проснулась: продолжительное раздумье усиленно и долго держало ее вдали отсюда; она не была здѣсь духомъ ³⁾. Но затѣмъ она рассказываетъ смѣло и охотно ⁴⁾, ободряя другихъ своимъ примѣромъ ⁵⁾: Боккаччо дважды подчеркнул эту черту, психическій противовѣсъ сосредоточенности.

Элиза, названная такъ «не безъ причины» (Вступленіе), нѣсколько насмѣшливая, рѣзкая, не по злорадству, а по старой

1) Дек., III, въ концѣ = пер. I, 267.

2) Дек., I, въ концѣ = пер. I, стр. 69—70.

3) Дек., VI, 8 = пер. II, стр. 23.

4) Дек., I, 6; X, 5 (вступленіе въ новеллы).

5) VII, 1, въ началѣ.

привычкѣ¹⁾, и довольно неопредѣленная Лауретта завершаютъ собою кружокъ Декамерона; граціозныя фигурки, слегка брошенныя на фонъ игриваго, но культурнаго тосканскаго пейзажа; кто захочетъ тѣней и красокъ и яркихъ пятенъ — найдетъ ихъ тамъ, гдѣ они у мѣста — въ рассказахъ Декамерона.

II.

Кто хоть немного начитанъ въ средневѣковой повѣствовательной и вообще сказочной литературѣ, тотъ встрѣтитъ въ нихъ множество знакомыхъ мотивовъ, черты международнаго бродячаго преданія и — группу мѣстныхъ или историческихъ повѣстей, лишенныхъ традиціоннаго значенія, рассказовъ объ остроумныхъ выходкахъ и шуткахъ, однимъ словомъ — «новостей дня»; это и могло быть основнымъ значеніемъ провансальскихъ повас, итальянской новеллы. Въ неаполитанскихъ рассказахъ Фьяметты о приключеніяхъ Андреуччо²⁾ и хитрости, которой Риччяардо добился обладанія любимой женщиной³⁾, въ новеллѣ Діонео о салернскомъ врачѣ Маццео делла Монтанья⁴⁾ нѣтъ ничего, что бы говорило за вымыселъ, хотя инныя подробности и могли быть навѣяны мотивами сходныхъ повѣстей. На уголовный фактъ, легшій въ основу первой новеллы, уже было указано⁵⁾; мѣстные анекдоты и преданія дали матерьялъ для рассказовъ о королѣ Карлѣ и нѣсколько загадочномъ Нери дельи Уберти⁶⁾, о королѣ Петрѣ и влюбленной Лизѣ, для которой Мико изъ Сіены сложилъ канцону: Боккаччо приводитъ ее, она встрѣтилась въ одной рукописи отдѣльно и въ болѣе архаической

1) III, 5 (вступленіе).

2) Дек., II, 5.

3) III, 6.

4) IV, 10: Matthaeus Montanus, сл. выше стр. 35.

5) Сл. выше стр. 52. — *Сл. Salvatore di Giacomo, *La prostituzione in Napoli nei sec. XIV, XV e XVI*. Napoli, Marghieri, 1899. Сл. Giorn. Stor. d. litt. it., fasc. 103, p. 138 (о meretrici napoletane въ *Novellino* di Masuccio Salernitano, nel *Esopo* del Del Turpo e nel *Decamerone*).

6) X, 6.

формѣ¹⁾; о Фридрихѣ Сицилійскомъ²⁾, о красавцѣ Джербино³⁾ и извѣстномъ разбойникѣ Гино ди Такко⁴⁾; содержаніе одной новеллы⁵⁾ взято изъ старой лѣтописи Фаенцы. Особенно разнообразенъ областной элементъ въ томъ, что приурочено къ Флоренціи и Тосканѣ. Передъ нами цѣлый рядъ именъ, еще теперь услѣдимыхъ по памятникамъ и близкимъ по времени упоминаніямъ: Чанпеллетто⁶⁾ и флорентійскій инквизиторъ⁷⁾, Гвильельмо Борсьере⁸⁾ и буффоны Стекки и Мартеллино⁹⁾, Риччяардо Манарди и Лиціо да Вальбона¹⁰⁾, Джери Спина¹¹⁾ и его жена Оретта¹²⁾, дѣйствующія лица новеллы VI, 3, Форезе да Рабатта и Джьотто¹³⁾, Гвидо Кавальканти¹⁴⁾, поэтъ Чекко Анджьольери и его товарищъ Чекко ди Фортарриго¹⁵⁾, Чакко и Филиппо Ардженти¹⁶⁾; можетъ быть, Ценпа ди Мпно¹⁷⁾. — Рядомъ съ этими болѣе или менѣе извѣстными именами другія, можетъ быть, не выходившія въ черту казовой исторіи: святоша Пуччьо да Риньери¹⁸⁾ и простофиля Джьянни Лоттеринги¹⁹⁾, влюбленный священникъ изъ

1) X, 7; сл. Carducci, *Cantilene*, № VI. — *G. Mazzoni выразилъ недавно мнѣнье, что Mico da Siena съ его канцоной — выдумка Боккаччьо, ибо отъ него не сохранились ні *notizie*, ні *rime*. Сл. *Miscellanea storica della Valdelsa*, V, 1 (G. Mazzoni, *Mico da Siena e una ballata del Decamerone*).

2) V, 6.

3) IV, 4.

4) X, 2.

5) V, 5.

6) I, 1.

7) I, 6; fra Pietro dell' Aquila.

8) I, 8; сл. *Inf.*, XVI, 70 слѣд., и *Com. sopra la Div. Comm.*, II, 445 слѣд.

9) II, 1; сл. *Sacchetti*, Nov. 144.

10) V, 4; сл. *Purg.*, XIV, 97 и комментарий.

11) VI, 2.

12) VI, 1.

13) VI, 5.

14) VI, 9.

15) IX, 4.

16) IX, 8; сл. *Com. sopra la D. C.*, II, 449.

17) *VIII, 8. — Сл. Carducci, *A proposito di un «Codice diplomatico dantesco»*, *Nuova Antologia*, 15 Agosto, стр. 603 и 611, прим. 1.

18) III, 4.

19) VII, 1; къ сюжету сл. *Rua къ Straparola*, V, 4, въ *Giorn. Stor. d. lett. it.*, fasc. 46—7, стр. 246—7.

Варлунго ¹⁾ и судья въ Пизѣ, великій учетчикъ праздничныхъ дней на супружескомъ ложѣ ²⁾, — и сентиментальная парочка Симоны и Пасквино ³⁾, Джироламо и Сальвестра ⁴⁾ — Сильвіа Альфреда де Мюссэ. — Въ сущности рассказы о нихъ не менѣе историчны, чѣмъ являющіеся подъ прикрытіемъ извѣстныхъ фамилій, ибо историческія фамиліи не всегда страхуютъ достоверность рассказа, порой онѣ просто показатели времени, не смущаются въ обстановкѣ невѣроятной | легенды, когда, напр., о фло- 463
рентинцѣ Алессандро ди мессеръ Тедальдо деи Ламберти или дельи Аголанти рассказывается, что онѣ сталъ королемъ Шотландіи ⁵⁾. Иной разъ извѣстное имя могло подсказаться Боккаччо просто потому, что подходило по смыслу и звуку, какъ, напр. ⁶⁾, имя нотариуса Вонассогги ди Гери да Гинестрето ⁷⁾, или въ новеллѣ о братѣ Чиполла ⁸⁾ имя его потѣшно-веселаго спутника Гуччо: въ 1324—5 г. упоминается, въ должности больничника при госпиталѣ св. Филиппа во Флоренціи, братъ Guccius Aghinetti, vocatus frater Porcellana. Боккаччо втайнѣ намекнулъ на это прозвище, назвавъ своего монаха Guccio Porco и заставивъ брата Чиполлу искать привилегій del Porcellana, Поросяти.

Весь шестой день посвященъ острымъ словамъ и находчивымъ отвѣтамъ, и герои дня, по преимуществу, флорентійцы, между ними Джьотто ⁹⁾ и Гвидо Кавальканти ¹⁰⁾; Петрарка, называющій вмѣсто послѣдняго какого-то Дино изъ Флоренціи, отвелъ въ своихъ *De rebus memorebilibus* ¹¹⁾ мѣсто остроумъ и мѣткимъ изреченіямъ, этимъ признакамъ культурнаго, бойкаго

1) VIII, 2.

2) II, 10.

3) IV, 7.

4) IV, 8.

5) II, 3.

6) VIII, 2.

7) † до 1354 года.

8) VI, 10.

9) VI, 5.

10) VI, 9.

11) II, 3.

на слово итальянца. Разумѣется, многія изъ этихъ летучихъ словъ далеко не новы, въ родѣ предложенія рыцаря мадоннѣ Ореттѣ—повезти ее на конѣ (она шла пѣшкомъ), т. е. скоротать ей путь разсказомъ ¹⁾; или того, напр., что у журавля всего одна нога ²⁾, или разсказанной въ другомъ мѣстѣ ³⁾ ловкой увертки маркизы Монферратской: что всѣ женщины такъ же сходны между собой, какъ кушанья, съ виду разныя, но оказавшіяся 164 изготовленными изъ однѣхъ куръ. Въ русскихъ легендахъ о Февроніи и Ольгѣ это выражено поэтичнѣе: Февронія велитъ человѣку, посмотрѣвшему на нее съ грѣховною мыслью, почерпнуть воды съ той и другой стороны лодки и отвѣдать; она оказалась одинаковаго вкуса: такъ одинаково и естество женское.

Среди историческихъ, унаслѣдованныхъ остротъ инья отличаются колоритомъ среды, ароматомъ почвы; такова отповѣдь Гвильельмо Борсьере ⁴⁾, маэстро Альберто изъ Болоньи ⁵⁾ и Гвидо Кавальканти, который привелъ въ смущеніе веселую компанію, приставшую къ нему у гробницъ Санъ-Джованни, сказавъ, что у себя дома они вольны говорить, что имъ угодно ⁶⁾. Вы чувствуете себя въ средѣ, гдѣ умственное развитіе дало лишекъ производства и, вмѣстѣ, сознаніе силы, которая требуетъ упражненія, исхода, и находитъ выраженіе въ культѣ блестящей шутки, виртуознаго слова, забавной продѣлки; въ нихъ мѣрка — превосходство надъ тѣмъ, что отстало; есть что-то лихорадочное, юное, безцѣльное въ этой потребности расправить мускулы, расхотѣться. Поминаются старые потѣшные люди, тонкіе, благовоспитанные, какъ Примасъ, Бергамино ⁷⁾, флорентинецъ

1) VI, 1; сл. новеллу Серкамби № 4 и R. Koehler въ Giorn. Stor. d. lett. ital., fasc. 40—1, стр. 94 слѣд.

2) VI, 4.

3) I, 5.

4) I, 8.

5) I, 10; вѣроятно, Альберто Zancari, докторъ философіи и медицины, профессоръ болонскаго университета.

6) VI, 9.

7) I, 7.

Гвильельмо Борсьере¹⁾, какъ тѣ cavalieri di corte, иначе гистріоны²⁾, которыхъ обязанностью было честнымъ образомъ³⁾ развеселять усталыхъ отъ дѣла синьоровъ-правителей, не тѣ грубоватые и неразборчивые, которые побираются у жалкихъ и безнравственныхъ вельможъ, кормясь своимъ злословьемъ⁴⁾, какъ флорентійцы Чакко и Бьонделло⁵⁾; у нихъ шутка обратилась въ ремесло, какъ у Дольчибене, Гоннеллы и боккачьевскаго буффона 465 Рибби⁶⁾; въ обществѣ она воздѣлывается свободно, какъ естественный избытокъ умственнаго и тѣлеснаго здоровья. Былъ въ нашемъ городѣ юноша, «по имени Микеле Скальца, самый пріятный и потѣшный человѣкъ въ свѣтѣ, у котораго наготовѣ были самые невѣроятные рассказы, почему молодымъ флорентинцамъ было очень пріятно залучить его къ себѣ, когда они собирались обществомъ»⁷⁾; былъ «о ту пору во Флоренці молодой человѣкъ, удивительный забавникъ во всемъ, за что бы ни принялся, находчивый и пріятный, по имени Мазо дель Саджіо»⁸⁾: дѣйствительное лицо, по профессіи маклеръ, лавка котораго была обычнымъ притономъ веселыхъ художниковъ, какъ въ лицѣ другаго, столь же историческаго типа, ростовщика и откупщика Чаппеллетто (Чеппарелло) изъ Прато, Боккаччо⁹⁾ казнилъ тѣхъ итальянцевъ или, какъ ихъ называли, ломбардцевъ, которые по всей Европѣ занимались лихвой, навлекая на себя общую ненависть.

Главными носителями шутки, часто непереводимой въ своемъ мѣстномъ колоритѣ¹⁰⁾, и шумнаго, нѣсколько животнаго веселья,

1) I, 8.

2) Позднѣе: araldi della signoria.

3) Honesta jucunditate.

4) I, 8.

5) IX, 8.

6) VIII, 5; сл. Sacchetti, Nov. 49 и 50. — *По мнѣнію Rajna'ы, Lo schiavo di Bari въ Novellino (13 нов. у Biagi) былъ rimatore и uomo di corte. Сл. La biblioteca d. scuole italiane, X, 18.

7) VI, 6.

8) VIII, 3; сл. VI, 10, VIII, 5, и Sacchetti, Nov. 93.

9) I, 1.

10) Сл., напр., элементъ остроты въ VIII, 2, 9.

являются художники. Изобиліе юмора—признакъ таланливости: новеллы Саккетти, потѣшный разсказъ о дровяникѣ Грассо, приписываемый Манетти¹⁾, біографіи Вазари полны художническихъ анекдотовъ; Джьотто пишетъ мистическихъ мадоннъ и отпускаетъ не совѣмъ благочестивую острогу насчетъ изображенія св. Іосифа²⁾; король Робертъ, потѣшавшійся продѣлками шута Гоннеллы³⁾, любилъ бесѣдовать съ Джьотто за его | работой, ибо у него всегда бывало припасено какое-нибудь слово или остроумный отвѣтъ. У Боккаччо потѣшниками являются живописцы Буффальмакко⁴⁾, Бруно и Нелло ди Дино. О школьничествахъ Буффальмакко разсказываетъ Саккетти⁵⁾, позднѣе—Вазари, между прочимъ, что однажды онъ написалъ по заказу мадонну съ Спасителемъ на рукахъ, и когда заказчикъ не захотѣлъ платить, принудилъ его къ тому тѣмъ, что замѣнилъ Спасителя—медвѣжонкомъ. Въ Декамеронѣ похождения его и его товарищей слагаются въ цѣлый циклъ⁶⁾, предметомъ остротъ и издѣвокъ—два оригинала: художникъ Каландрино⁷⁾, недалекій, живущій въ страхъ своей жены⁸⁾, способный повѣрить всякой небылицѣ, — и болонскій докторъ Симоне, такой же, какъ и онъ, простакъ, только ученый. Что у нихъ общее—это легко воспламеняющееся самомнѣніе; потѣшники любятъ ими, бережно подходятъ къ объекту анализа, поставятъ вопросъ, поддакнуть, гдѣ надо, и тайные помыслы Каландрино и Симоне расцвѣтаютъ передъ ними во всей ихъ откровенности: Каландрино считаетъ себя неотразимымъ для женщинъ, Симоне млѣетъ въ сознаніи своей учености, обаянія и привлекательности. Въ старые годы авторы фаблѣ и еще во второй половинѣ XIV-го вѣка итальянецъ

1) 1423 † 97.

2) Sacchetti, Nov. 75; см. другіе анекдоты о немъ ib. 63 и 44 = Benv. da Imola, Comentum super Dantis Comoediam, Florentiae, 1887, ed. Lacaita, III, стр. 313.

3) Sacchetti, Nov. 212.

4) † 1340 или около 1351.

5) Nov. 161, 169, 191, 192.

6) VIII, 3, 6, 9; IX, 3, 5.

7) Такъ звали живописца Nozzo di Perino † до 1318 г.

8) Монны Тессы † до 1296 г.

Матазоне ¹⁾ потѣшались надъ безправнымъ вилланомъ, грубымъ и придурковатымъ, грязнымъ и себѣ на умѣ; такова точка зрѣнія на обездоленные классы общества и въ итальянскихъ *Sacre Rappresentazioni* ²⁾; у Боккаччо еще остались слѣды этого пониманія въ типахъ Ферондо ³⁾, Бентивенья дель Маццо ⁴⁾; Пьетро ди Тресанти ⁵⁾, въ простакахъ-крестьянахъ, разѣвующихъ рты, слушая о чудесныхъ хожденіяхъ брата Чиполлы ⁶⁾; ⁴⁶⁷ но въ общемъ требованія поднялись: смѣхъ и сатиру вызываетъ уже не безправная простота, а безправное самомиѣніе. Культурнаго флорентійца коробитъ самозванный судья-баранъ, котораго привезъ съ собою по дешевой цѣнѣ подеста, и они въ общемъ присутствіи стаскиваютъ съ него штаны ⁷⁾; въ докторѣ Симоне они, не школьные, но развитые люди, потѣшаются надъ патентованнымъ въ Болонѣ ученымъ худоуміемъ. Потѣшаются жестоко, какъ герои фабліо: умственное развитіе не обуздало животныхъ инстинктовъ, а сдѣлало ихъ только цѣннѣе, смѣхъ дешевъ, вызывается балаганной выходкой, какъ, напр., часто въ новеллахъ Саккетти; сознание превосходства не знаетъ мѣры, шутка получаетъ нерѣдко характеръ истязанія, безцѣльнаго злорадства: это Ренаръ, издѣвающийся надъ глупымъ волкомъ. Бѣдный маэстро Симоне угодилъ въ помойную яму ⁸⁾, продѣлка мадонны Беатриче ⁹⁾ кажется «крайне злохитростной» даже собесѣдникамъ Декамерона ¹⁰⁾, издѣвки Лиди надъ мужемъ ¹¹⁾, извиняемая страстью, столь же

1) Изъ Калиньяно, около Павіи.

2) D'Ancona, *Origini del Teatro italiano*, 2-е изд., Torino, 1891, I, 609—10.

3) III, 8.

4) VIII, 2.

5) IX, 10.

6) VI, 10.

7) VIII, 5.

8) VIII, 9.

9) VII, 9: разновидность схемы, представляемой, между прочимъ, фабліо о *La borgoise d'Orliens* (Montaignon et Raynaud, *Recueil général et complet des fabliaux*, Paris, 1872—90, I, 117).

10) VII, 8 въ началѣ.

11) VII, 9. Сл. фабліо: *Le prestre ki abevete* (Montaignon et Raynaud, III, 54).—*Сл. Аванасьевъ, Русск. нар. сказки, III, 98—9 (малор. народн. анекдотъ: жена увѣряетъ мужа, что окно, въ которое онъ видѣлъ, какъ она цѣлуется съ солдатомъ, заколдовано).

жестоки. Правда, содержаніе двухъ послѣднихъ новеллъ принадлежитъ международной бродячей сказкѣ, но ихъ настроеніе то же, что и въ шуткахъ мѣстнаго происхожденія. Еще хуже, когда проказа задумана съ цѣлью отместки: удары сыпятся на бѣдняка Бьонделло¹⁾, а злостный школяръ Риньери тѣшится местию, заманивъ обманувшую его красавицу на башню, гдѣ она день-деньской стоитъ голая, на солнцѣ, искусанная мухами и слѣпнями. а онъ методически отчитываетъ ее въ стилѣ нареканій на злыхъ 468 женъ²⁾. Если въ новеллѣ о Риньери отразилось дѣйстви|тельное озлобленіе автора противъ вдовы, которую онъ казнилъ въ своемъ Корбаччо, то передъ нами интересный образчикъ разсказа, въ которомъ біографическіе, мѣстные элементы выразились въ мотивахъ пришлой повѣсти: именно такая повѣсть извѣстна; ка-кимъ бы путемъ ни зашла она въ Италію и до Боккаччо, она встрѣтила здѣсь сходный уровень общественнаго чувства и личнаго настроенія и въ томъ и другомъ отношеніи даетъ матерьяль для анализа, независимо отъ своей захожей схемы.

Рядомъ съ расхолодившейся животной личностью Симоне—тонкій культъ сердца у «благовоспитаннаго» мессера Федерико Альбериги, жертвующаго на угощеніе своей непреклонной дамы единственнымъ сокровищемъ, любимымъ соколомъ³⁾. Въ этомъ сюжетѣ, который не разъ пересказывали по Боккаччо, и въ которомъ Гете хотѣлъ выразить свои отношенія къ Лили и Карлоттѣ фонъ Штейнъ, едва ли есть что-либо буддійское, много средневѣковаго-рыцарскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто болѣе изящное и культурное. Тѣ же люди, которые способны были къ плотскому смѣху и мальчишески-звѣрской шалости, понимали и поэзію самоотреченія; тамъ и здѣсь самосознаніе личности находило цѣли наслажденія. Федерико Альбериги былъ флорентинецъ, анекдотъ о немъ идетъ отъ почтеннаго Коппо ди Боргезе Доменики, одного

1) IX, 8.

2) VIII, 7.

3) V, 9.

изъ немногихъ, къ сожалѣнiю, исторически-засвидѣтельствованныхъ лицъ, которые были живыми источниками Боккаччо. Въ Неаполѣ старики Маринъ Булгаро и Константинъ Рокка рассказывали ему о Филиппѣ Катанской ¹⁾; отъ перваго идетъ, быть можетъ, драматическая повѣсть объ Иоаннѣ изъ Прочиды ²⁾, но всего милѣе былъ Боккаччо старикъ Коппо, человѣкъ древняго дантовскаго ношиба, знатокъ флорентійской старины, живой носитель городскихъ памятей, любившій «рассказывать своимъ сосѣдямъ и другимъ о прошлыхъ дѣлахъ; а дѣлалъ онъ это лучше | и 469 связнѣе и съ большей памятью и краснорѣчiемъ, чѣмъ то удавалось кому другому» ³⁾, говорить Боккаччо, записавшій съ его словъ новеллу объ Альбериги и анекдотъ о Гвальдрадѣ ⁴⁾. Онъ дорожилъ дружбой къ нему человѣка, котораго зоветъ въ своей записной книжкѣ ревностнѣйшимъ гражданиномъ и блюстителемъ нравовъ ⁵⁾. Разсказанная имъ легенда о Гвальдрадѣ его характеризуетъ, еще болѣе — новелла Саккетти ⁶⁾: будто бы Коппо читалъ однажды Тита Ливiя и дочитался до того мѣста, какъ римскiя женщины бросились на Капитолiй, требуя отмѣны закона, ограничивавшаго ихъ моды ⁷⁾. Коппо, хотя человѣкъ и мудрый, но вспыльчивый и со странностями, вышелъ изъ себя, точно все это случилось у него на глазахъ; бьетъ книгой по столу, плещетъ руками: Какъ-то потерпите это вы, римляне, вы, которые не выносили ни царей, ни императоровъ? Въ это время пришли за расчетомъ работавшiе въ его домѣ каменщики. Убирайтесь вы съ Богомъ, во имя дьявола! кричитъ онъ, лучше бы мнѣ не родиться, чѣмъ знать, что эти безстыжiя распутницы, негодницы побѣждали на Капитолiй отстаивать свои наряды! Что будетъ съ римлянами, когда вотъ я, Коппо, не могу съ этимъ примириться! — Рабочiе

1) De Casibus, IX, 26.

2) Дек., V, 6.

3) Дек., V, 9 = пер. I, 401.

4) Com. sopra la Com., II, 434 слѣд.

5) Amantissimus reipublicae et morum pater. Сл. выше стр. 380.

6) Nov. 66.

7) Сл. выше стр. 51 прим. 1.

дались диву: Что это съ нимъ случилось? Слышать они что-то про Капитолій и забавно коверкають это названіе, чтобы выжать изъ него какой-нибудь смыслъ. Ужъ не пошала ли его жена? Онъ что-то все говоритъ о распутницахъ.—На другой день пылъ у Коппо прошелъ, и онъ расчитался, какъ слѣдуетъ.

Интересно въ этомъ анекдотѣ тѣсное сплетеніе классическихъ воспоминаній съ злобой дня: оно возможно было лишь въ Италиі.

III.

Мы старались обособить въ Декамеронѣ новеллы мѣстнаго, 470 итальянскаго происхожденія, тѣ, достовѣрность которыхъ авторъ счелъ нужнымъ защитить отъ нападковъ лицъ, тѣмъ видѣвшихся доказать, что все, имъ рассказанное, было не такъ, какъ сообщилъ онъ. Ихъ онъ и вызываетъ представить «подлинныя рассказы»; «если бъ они разногласили съ тѣмъ, что я пишу, я призналъ бы ихъ упрекъ справедливымъ и постарался бы исправиться; но пока ничто на предъявляется, кромѣ словъ, я оставлю ихъ при ихъ мнѣніи и буду слѣдовать своему»¹⁾. Ту же заботу о достовѣрности обнаруживаетъ и Фьямметта; приступая къ новеллѣ о Каландрино²⁾ она спѣшитъ оговориться: «если бъ я захотѣла и прежде и теперъ отдалиться отъ дѣйствительнаго факта, я сумѣла бы и смогла сочинить и рассказать (его) подъ другими именами».

Всѣ это можетъ относиться лишь къ новелламъ-анекдотамъ, новелламъ-былямъ, которыя рассказывались о дѣйствительномъ лицѣ, хотя бы самые элементы рассказа и принадлежали къ числу бродячихъ. Съ такими чертами международной сказки намъ уже приходилось считаться, но ей же принадлежать и схемы особой группы повѣстей Декамерона; параллели къ нимъ нетрудно указать, несмотря на итальянское приуроченіе многихъ изъ нихъ:

1) Дек., IV день, Вступленіе = пер. I, 277.

2) IX, 5.

одного анонимнаго сѣнца XIII-го вѣка, пріурочившаго его содержаніе къ Феррарѣ. Мы переведемъ послѣднюю повѣсть дословно, чтобы дать понятіе о стилѣ итальянской до-боккаччевской новеллы ¹⁾.

«Быль въ Феррарѣ благородный рыцарь, и была у него очень красивая и родовитая жена, въ которую влюбился нѣкій именитый юноша того города. Не находя никакого предлога поговорить съ дамой, онъ залучилъ къ себѣ одного умнаго человѣка, красная, пообѣщавъ ему много денегъ, если онъ сумѣетъ устроить это дѣло. Предлогъ онъ показалъ такой, что его коню не было мѣста въ конюшнѣ, ибо онъ велѣлъ ее перестроить; онъ и попросилъ рыцаря поставить коня въ свою. Тотъ красной былъ конюшимъ; такъ какъ онъ былъ изъ другихъ мѣстъ, и его здѣсь не знали, онъ прикинулся большимъ простакомъ. Когда онъ хорошо освоился въ домѣ у рыцаря, и его считали столь простымъ, 172 что онъ получилъ возможность всюду ходить и бывать съ дамой безъ всякаго подозрѣнія, онъ, улучивъ время, сталъ говорить съ ней серьезно, устраивая дѣло; и такъ много наговорилъ онъ ей въ разное время, что уладилъ все то, для чего тамъ и проживалъ. Долгое время общаясь съ юношей, дама влюбилась одинаково и въ слугу за его красныя рѣчи, такъ что однажды, будучи съ нимъ въ своей комнатѣ, открыла ему свое желаніе, и они наслаждались другъ съ другомъ, когда молодой человѣкъ, провѣдавъ, что рыцарь уѣхалъ въ городъ, самъ отправился къ дамѣ и постучался въ дверь. Услышавъ его, дама спрятала слугу за занавѣсъ, а сама осталась съ молодымъ человѣкомъ. Пока они пребывали такимъ образомъ, внезапно вернулся и рыцарь, подошелъ къ комнатѣ и постучался въ дверь. Дама мигомъ сказала молодому человѣку: Обнажи свой ножъ, отвори комнату будто насильно, и, ни съ кѣмъ не говоря ни слова, обнаружь гнѣвъ и говори, угрожая: Пусть меня убьютъ, если я не убью тебя! — Какъ она сказала,

1) Tre novellino antiche, Saggio di un testo inedito del secolo XIII citato dalla Crusca. Firenze, 1887, ed. L. Gentile e Straccali.

такъ молодой человѣкъ и сдѣлалъ: вышелъ изъ комнаты, рыцарь перепугался, а онъ, все время угрожая, удалился по своимъ дѣламъ, ничего не отвѣтивъ на вопросы рыцаря. Когда тотъ вступилъ въ горницу, жена кликнула слугу, бывшаго за занавѣсомъ, и говоритъ рыцарю, что тотъ молодой человѣкъ, найдя свою лошадь стреноженной, хотѣлъ было за это убить слугу, а онъ спрятался въ ея комнатѣ, и она съ трудомъ его защитила. Такъ-то она выручила себя по отношенію къ молодому человѣку и слугѣ и не направила молодого человѣка за занавѣсъ, ибо не желала, чтобы онъ засталъ тамъ слугу, такъ что молодой человѣкъ ничего не узналъ о слугѣ, а слуга выгородилъ молодого человѣка».

Новелла Боккаччо перенесла все это дѣйствіе во Флоренцію, обставила его именами и лишь несущественно измѣнила отношенія дѣйствующихъ лицъ: Леонетто, отвѣчающій краснобаю-конюшему старому разсказа, любить самостоятельно и не играетъ роли посредника; рыцарь названъ Ламбертуччо, онъ человѣкъ вліятельный, и Изабелла отдается ему противъ воли, когда | онъ 473 пригрозилъ ей, что иначе учинить ей позоръ. Такимъ образомъ, казалось бы, удалена непривлекательная подробность, что красавица одновременно дозволяетъ двоимъ любить себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ концѣ новеллы именно эта черта подчеркнута еще рѣзче: когда Леонетто спасся, какъ конюшій старой повѣсти, онъ, «слѣдуя наставленію дамы», въ тотъ же вечеръ тайно переговорилъ со своимъ соперникомъ и такъ съ нимъ уладился, «что, хотя впоследствии много о томъ говорили, рыцарь никогда не догадался о шуткѣ, которую сыграла съ нимъ жена».

Принадлежатъ ли эти измѣненія Боккаччо, или онъ уже нашелъ ихъ въ своемъ источникѣ, какой-нибудь повѣсти, сходной съ новеллой безыменнаго сіенца? Вотъ вопросъ, который поневолѣ обобщается, потому что и художественное значеніе Боккаччо и его нравственная отвѣтственность могутъ быть вполне оцѣнены лишь при условіи точнаго сравненія того, что имъ сдѣлано, съ тѣмъ, что онъ засталъ и чѣмъ воспользовался. Вопросъ объ источникахъ Декамерона представляется настоящимъ, не празднымъ

любопытствомъ ученаго, ибо дѣло не въ повтореніи готовыхъ повѣствовательныхъ схемъ, а въ ихъ комбинаціяхъ, если онѣ отвѣчаютъ эстетическимъ цѣлямъ, въ новомъ освѣщеніи, въ матеріалахъ анализа, въ томъ починѣ, который заставляетъ насъ говорить о Боккаччо, какъ объ одномъ изъ родоначальниковъ художественнаго реализма.

Мы уже знаемъ, что въ неаполитанскихъ кружкахъ, гдѣ влюбленный Боккаччо рассказывалъ своей милой о Памфило и Фьямметтѣ, повѣсти были любимымъ развлеченіемъ салона и посидѣлокъ. Фьямметта читаетъ французскіе романы, проситъ Боккаччо пересказать для нея *Floire et Blanceflor*; иная изъ новеллъ Декамерона, напр., повѣсть о страданіяхъ мадонны Беритолы ¹⁾, кажется разработкой романическаго мотива о разлученіяхъ и спознаніяхъ, рассчитанная на мирныя слезы; таковъ и рассказъ 474 о графѣ Анверскомъ ²⁾, навѣянный, быть можетъ, | романомъ Арно Видаля изъ *Castelnaudary* о *Guilhem de la Barra*. Въ обществѣ Фьямметты, гдѣ такъ много было французскаго и провансальскаго, цѣлямъ смѣха могли отвѣчать *фаблѣ* ³⁾ и провансальскія повас: новелла Дек., VII, 7 напоминаетъ мотивы первыхъ и, вмѣстѣ, *Castia-gilos* Раймона Видаля изъ *Besaudun*; плачевный рассказъ о мессерѣ Гвильельмо Гвардастаньо ⁴⁾ ведетъ свое начало изъ какой-нибудь провансальской повѣсти, лишь позже приурочившейся, по созвучію именъ, къ трубадуру *Cabestaing*, тогда какъ Дек., IV, 1 восходитъ къ утраченному источнику романа о *Châtelain de Couci*. Эпическій матерьялъ Прованса успѣлъ не только перейти въ Италію, но и получить здѣсь литературное отраженіе у Франческо да Барберино въ его утраченныхъ *Fiore di Novelle*, въ его же *Documenti d'Amore* и *Reggimento delle*

1) II, 6.

2) II, 8.

3) О *фаблѣ*, сходныхъ по содержанію съ новеллами Декамерона, говоритъ Bédier (*Les fabliaux, études de littérature populaire et d'histoire littéraire du moyen âge*. Paris, 1893), книгой котораго я уже не могъ воспользоваться.

4) IV, 9.

donne; явились и зародыши итальянской новеллы въ разсказахъ, разсѣянныхъ въ *Fiore di Filosofi*, *Fior di Virtù*, въ такихъ сборникахъ, какъ *Conti di antichi Cavalierii*, собранныхъ изъ французскихъ источниковъ и изъ *Liber historiarum romanorum* ¹⁾, и *Novellino*: коротенькія повѣсти, скорѣе сказать схемы повѣстей, которыя предоставлено развить разсказчику съ сюжетами, взятыми отовсюду, изъ классическаго, легендарнаго и романическаго преданія и мѣстной были, какъ у Барберино, и въ *Novellino* съ его Фридрихомъ II и Эццелино, провансальскими мотивами и гибеллинскими симпатіями XIII-го вѣка. Заодно съ повѣстями, мѣткія изреченія, *motti*, удачныя слова, цвѣты словъ, *fiore di parlare*. Схема и положенія и характеры едва намѣчены: точно контуры *commedia dell' arte*, ожидающіе художника и дыханія жизни. Авторъ *Avventuroso Ciceriliano* уже пытается быть стилистомъ въ новеллахъ, которыми онъ разнообразитъ свою странную, полуромантическую хронику; художникомъ явится Боккаччо.

Таковы были литературные матерьялы разсказа, обступившіе его въ обществѣ; къ этому присоединилось и собственное ⁴⁷⁵ чтеніе: легенды и хроники, классическіе сюжеты, навѣявшіе его Тезеиду и новеллы о бочкѣ ²⁾ и о Пьетро ди Винчоло ³⁾, взятыя напрокатъ у Апулея. Но, можетъ быть, болѣе чѣмъ моменты чтенія, играли роль устный разсказъ и усвоеніе слышаннаго: сказка, незнающая родства, и веселыя присказки бродили промежъ народа и проникали въ кружокъ Фьямметты ⁴⁾; если Коппо ди Боргезе Доменики повѣствовалъ про флорентинскія были, то народная повѣсть, до сихъ поръ существующая въ разнообразныхъ европейскихъ отраженіяхъ, могла дать Боккаччо сюжетъ для его новеллы о Гризельдѣ. Именно въ Неаполѣ, на перепутьи международныхъ теченій, сказка должна была отличаться разнообразіемъ мотивовъ, сплетеніемъ Востока и Запада: сказывали

1) *Сл. Monaci, Sul libro histor. romanorum. Roma, 1889, стр. 52 sqq.

2) VII, 2.

3) V, 10.

4) Сл. выше стр. 119, 412—3.

провансальцы и греко-итальянцы изъ Кипра, Боккаччо говорить о «кипрійскихъ исторіяхъ»¹⁾, очертанія греческаго романа, встрѣчающіяся въ его новеллахъ, объясняются посредствомъ устной передачи, которая познакомила его и съ восточными сюжетами (Соломонъ въ IX, 9)²⁾ и таковыми же, хотя искаженными, именами Алибекъ³⁾, Алатіэль⁴⁾, Массамутино (въ Филоколо)⁵⁾. — Въ иныхъ случаяхъ лишь имя дѣйствующаго лица ведетъ къ предположенію восточнаго источника повѣсти. Въ житіи Іоанна Милостиваго есть эпизодъ, перенесенный въ повѣстяхъ Пафнутія Боровскаго на Іоанна Калиту: однажды какой-то богатый иностранецъ захотѣлъ испытать доброту архіенископа и, когда | 476 Іоаннъ собирался посѣтить больницу, подошелъ къ нему, одѣтый въ рубище, и попросилъ милостыню. Ему подали пять золотыхъ; чрезъ три дня онъ явился въ другой одеждѣ и снова просить; Іоаннъ снова велѣлъ дать ему шесть золотыхъ; когда нищій удалился, казначей шепнулъ архіепископу, что тотъ человѣкъ уже во второй разъ получилъ милостыню; а Іоаннъ какъ-будто и не слышитъ. Въ третій разъ подошелъ тотъ же нищій, казначей кивнулъ архіепископу, давая ему понять, что это—все тотъ же; а тотъ говоритъ: Подай ему двѣнадцать золотыхъ, дабы онъ не былъ мнѣ Христомъ и не ввелъ меня въ искушеніе. — Такой именно эпизодъ встрѣчается, хотя въ иномъ приуроченіи, въ новеллѣ о Митриданѣ, которому не даетъ покоя щедрость Натана⁶⁾; чувствуя свое безсиліе превзойти его, онъ рѣшается его убить, чтобы его слава ему не мѣшала; Натанъ, не привыкшій отказывать въ чемъ бы

1) V, 1; сл. выше стр. 25—6.

2) *Къ литературѣ новеллы сл. предисловіе ко 2-му изданію Декамерона въ моемъ переводѣ, стр. XXIII слѣд., и Сборникъ за народни умотворенія X, отд. III, стр. 146, № 2.

3) III, 10.

4) II, 7. Сл. выше стр. 28.

5) Сл. выше стр. 205 и слѣд. Я не сомнѣваюсь, что имя Массамутино, снесшая *арабскаго* короля Феличе, отвлечено отъ извѣстныхъ въ южно-итальянской исторіи *Masmudi*, какъ назывались Альмогады, по имени вліятельнѣйшаго между ними племени.

6) X, 3.

то ни было, превосходить самого себя въ великодушїи, предоставляя свою жизнь смущенному сопернику. Имена дѣйствующихъ лицъ указываютъ на какой-то, не то персидскій (Митриданъ), не то еврейскій Востокъ, мѣсто дѣйствія — Китай, источникъ повѣсти — рассказы генуэзцевъ и другихъ людей, бывавшихъ въ тѣхъ странахъ. До Боккаччо могъ дойти какой-нибудь изводъ арабской повѣсти о Хатимѣ или персидской о Хатимѣ Тайитѣ и королѣ Йемена (у Саади), о немъ же и великодушной женщинѣ; въ послѣдней переодѣтый Хатимъ отправляется въ Китай, чтобы поглядѣть на женщину, о которой шла молва, что она щедрѣе его самого. Она говоритъ ему, что завидуетъ славѣ Хатима и проситъ незнакомца убить его. Хатимъ кладетъ передъ нею свой мечъ и говоритъ: Я — самъ Хатимъ, и моя голова въ твоей власти. Женщина тронута его благородствомъ и выходитъ за него замужъ ¹⁾, какъ у Боккаччо Митриданъ и Натанъ становятся друзьями. †

На восточную апокрифическую повѣсть указываетъ Дек., * IX, 9; источника Боккаччо мы не знаемъ; въ сербской сказкѣ у Караджича какой-то человекъ обращается къ Соломону за совѣтомъ, кого ему выбрать въ жены: дѣвушку, вдову или разведенную жену. Соломонъ отвѣчаетъ загадочно: коли возьмешь дѣвушку — ты знаешь (т.-е., онъ будетъ главой семьи), коли вдову — она знаетъ (т.-е., будетъ управлять мужемъ), а коли разведенную, то берегись моего коня (т.-е., убѣжить отъ него, какъ и отъ перваго мужа). Соломонъ представляется мальчикомъ, ѣдящимъ верхомъ на палочкѣ — конѣ (сл. мои Слав. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 115). Слѣдующая легенда, недавно записанная въ Малороссїи, объединяетъ этотъ рассказъ съ данными боккаччев-

1) Сл. въ Journal of American Folklore, II, № VII, стр. 315: отчетъ Crane'a о Clouston, A group of eastern romances and stories from the Persian, Tamil and Urdu. Glasgow, 1889. *Въ Helga Þáttir ok Ulfs (изд. въ Yrel. Sag., I, 342 слѣд., и Гисласономъ въ Proever, 50 слѣд.) Þarðr трижды подаетъ милостыню одному и тому же нищему, который оказывается ап. Петромъ; апостоль показывается ему Ирландїю, гдѣ впоследствии Þarðr сталъ епископомъ.

ской новеллы, указывая, быть можетъ, на общій источникъ: къ мальчику Соломону, который также ѣздитъ на палочкѣ, являются трое: одинъ — вдовець, хочетъ жениться; отвѣтъ Соломона — варьянтъ къ соответствующему отвѣту сербской сказки; второй — докторъ, много учился, никому не отказываетъ въ помощи, насколько можетъ, а самъ съ семьей голодаетъ. Какъ ему быть? Соломонъ отвѣчаетъ: Думай о себѣ (т.-е., цѣни выше свой трудъ). Наконецъ, третій — молодоженъ, съ перваго дня женитьбы ему нѣтъ покоя отъ капризовъ супруги. Совѣтъ Соломона такой: Посмотри въ мельницу, гдѣ пшено! — къ нему и объясненіе: въ мельницѣ просо сколачиваютъ въ ступахъ толчеями; такъ и ты потолки хорошенько свою молодую жену¹⁾! У Боккаччо въ совѣтѣ Соломона къ Джозефо толчея замѣнена палкой; можетъ быть, и докторъ и Мелиссо отразили одинъ общій типъ: одинъ всѣмъ помогаетъ и голоденъ, другой щедръ, и никто его не любитъ. Только у Боккаччо отвѣтъ Соломона другой: Полюби²⁾!

477 Измѣненія, внесенныя Боккаччо въ традиціонные сюжеты, могли бы дать намъ мѣру его таланта и направленія, если бы вездѣ былъ ясенъ его источникъ. Къ сожалѣнію, мы добираемся до него лишь въ рѣдкихъ случаяхъ³⁾, въ другихъ — принуждены обойтись невѣдѣніемъ.

У Гелинанда есть легенда-видѣніе, пересказанная въ XIV-мъ

1) *П. И(вановъ). Изъ области малор. нар. легендъ, Этногр. Обзор., XVIII, 87—8.

2) *Къ нов. IX, 9: сл. мой переводъ Декамерона, 2-е изд., стр. XXIII—V; сл. еще Montaiglon et Raynaud, Fabliaux, VI, 95: De la dame escolliée, и Bédier, Fabliaux, стр. 283—4: un comte chevauche avec sa jeune épousée, le jour de ses noces, pour gagner son manoir. Un lièvre passe devant les chiens. «Rapportez!» leur crie-t-il. Ils le manquent, et il leur trenche la tête; онъ убиваетъ оступившуюся во второй разъ лошадь. Ils arrivent au château: la jeune femme que ces épreuves n'ont pas encore terrifiée, veut l'éprouver à son tour et commande au cuisinier des mets qui, elle le sait, déplairont au comte. Графъ изувѣчилъ повара и жестоко бьетъ жену.

3) Сл., напр., отношенія Дек., IX, 6, къ фаблиѣ о Gombert et les deux clercs, указанныя Бартоли.

вѣкъ Пассаванти⁴⁾: въ графствѣ Неверскомъ жилъ бѣдный, бого-
 боленннй угольщикъ; однажды, сидя въ своей избушкѣ и сто-
 рожа зажженную угольную яму, онъ услышалъ около полуночи
 страшные крики. Выйдя посмотрѣть, въ чемъ дѣло, онъ увидѣлъ,
 что обнаженная, простоволосая женщина бѣжитъ, съ криками, на
 яму, а за нею поспѣшаетъ на ворономъ конѣ всадникъ, съ ножомъ
 въ рукѣ; пламя пылаетъ изъ рта и глазъ всадника и лошади. У самой
 ямы всадникъ нагналъ женщину, которая продолжала вопить,
 схватилъ ее за косы и поразилъ ножомъ въ самую грудь; затѣмъ,
 подобравъ ее, окровавленную, съ земли, бросилъ въ зажженную
 яму, вытащилъ ее оттуда, обгорѣлую, и, перекинувъ черезъ коня,
 умчался по пути, откуда явился. Трижды повторяется это видѣнiе;
 на четвертый разъ графъ Неверскiй закликаетъ всадника провѣ-
 щиться: Я—твой рыцарь Джюффриди, воспитанный при твоёмъ
 дворѣ, отвѣчаетъ онъ, а эта женщина, съ которой я такъ свирѣпъ
 и жестокъ,— жена рыцаря Берлингъери, который былъ такъ милъ
 тебѣ. Увлеченные другъ другомъ къ нечестной страсти, мы съ
 общаго согласiя впали въ грѣхъ, который довель ее до убiйства
 мужа, дабы свободнѣе было творить худое. Такъ пребывали мы
 во грѣхѣ до смертнаго недуга, но оба успѣли покаяться и испо-
 вѣдать свой проступокъ, и Господь взыскалъ насъ своимъ мило-
 сердiемъ, замѣнивъ намъ вѣчныя муки ада временнымъ мученiемъ
 чистилища. Знай, что мы осуждены и такимъ, какъ ты видѣлъ, 478
 образомъ совершаемъ свое очищенiе.

Эта чистилищная легенда перенесена у Боккаччо²⁾ въ Ра-
 венну, на новыя лица, и освѣщенiе другое: всадникъ, преслѣдую-
 щiй красавицу, былъ когда-то влюбленъ въ нее, но, презрѣнный
 ею, рѣшился на самоубiйство, а она, скончавшись безъ покаянiя,
 «ибо считала, что не только тѣмъ не погрѣшила, но и поступила,
 какъ слѣдуетъ, осуждена была на адскiя муки». Не только мотивы
 наказанiя другiе, но и самое видѣнiе служить неожиданнымъ

1) Lo specchio della vera penitenza, distinz. III, c. 2.

2) V, 8.

цѣлямъ: Настаджьо дельи Онести показываетъ его непреступной красавицѣ, за которую онъ ухаживалъ, для того, чтобы нагнать на нее страхъ. И онъ не только добился своей цѣли, но и «всѣ другія жестокосердыя равенскія дамы такъ напугались, что съ тѣхъ поръ стали снисходить къ желаніямъ мужчинъ гораздо болѣе прежняго». Такъ обошелся Боккаччо съ сюжетомъ за-гробной легенды, вынося изъ нея не угрызенія совѣсти, а при-зывъ къ любви. Такъ и въ новеллѣ о двухъ сѣнцахъ¹⁾, построен-ной на такихъ же легендарныхъ мотивахъ. Тингоччо, умершій ранѣе своего товарища Меуччо, явившись къ нему, по уговору, изъ чистилища, приноситъ веселія вѣсти: онъ любилъ куму и боялся за то кары, а въ чистилищѣ, оказывается, «кумы не берутся въ расчетъ», — и Меуччо издѣвается надъ собой, что столькожъ кумъ пощадилъ на своемъ вѣку, и, простившись съ своимъ невѣжествомъ, отнынѣ сталъ мудрѣе.

Обѣ легенды прошли въ новеллу однимъ и тѣмъ же путемъ: остались схема и образы, но то и другое раскрылось для новаго пониманія. Принадлежитъ ли оно Боккаччо, или онъ выбралъ изъ готовыхъ уже обработокъ сюжета то, что пришлось ему по вкусу? Измѣненія въ новеллѣ о Настаджьо могли быть навѣяны чисто-свѣтскими представленіями, отразившимися въ *Lai de trot*, у Андрея Капеллана и въ каталонскомъ *Salut d'amour*: о пла-
479 чечной участи тѣхъ, кто при жизни не внялъ голосу любви²⁾. Въ такомъ случаѣ характеренъ былъ бы выборъ, не худож-нической приѣмъ.

Съ послѣднимъ мы знакомимся, обратившись къ источнику пятой новеллы пятаго дня. Старый лѣтописецъ Фаенцы рассказы-ваетъ о взятіи и разграбленіи города; одинъ красильщикъ спа-сается бѣгствомъ въ Кремону съ женой и двумя сыновьями, по-забывъ дочку двухъ или трехъ лѣтъ. Двое братьевъ названныхъ,

1) VII, 10.—*Сл. Schönbach, Studien z. Erzählungslitteratur des Mittelalters, I: Die Reuner Relationen, p. 139 (Sitzungsber. d. Wiss. Akad., Phil.-hist. Classe, 139 Bd., Wien, 1898).

2) Сл. мою: *Novella della figlia del re di Dacia*, Pisa, Nistri, 1866, стр. 41 слѣд., и P. Meyer, *Romania*, LXXVIII: *Nouvelles catalanes inédites*, v. 406 слѣд.

fratres jurati, разграбили его домъ, одинъ изъ нихъ, родомъ изъ Пармы, захватилъ съ собой дѣвочку; по его смерти его товарищъ воспитываетъ ее; въ Кремонѣ, куда онъ вернулся, всѣ считаютъ ее его дочерью. Здѣсь въ нее влюбилась молодой кремонскій дворянинъ и ея собственный братъ; между ними происходитъ ссора, привлекая, въ числѣ прочихъ, и пріемнаго отца. Признаніе совершается внезапно и не мотивировано: пріемный отецъ дѣвушки неожиданно спрашиваетъ ея брата, кто онъ, и что привело его въ Кремону; шрамъ, оказавшійся за ухомъ красавицы, помогаетъ разъяснить дѣло, и рассказъ кончается ея бракомъ съ кремонскимъ дворяниномъ.

Боккаччо отнесся къ этому сюжету съ тактомъ настоящаго рассказчика: до второй половины новеллы мы остаемся въ убѣжденіи, что дѣвушка—дочь одного изъ двухъ ломбардцевъ, отвѣчающихъ безыменнымъ солдатамъ лѣтописи; мы не ожидаемъ развязки, тѣмъ она интереснѣе. Умирая, Гвидотто оставляетъ своему пріятелю Джьякомино «дѣвочку, лѣтъ, можетъ быть, десяти». Джьякомино поселяется съ нею въ Фаенцѣ, гдѣ за ней ухаживаютъ Джьянноле и Мингино. Изъ пріятелей они становятся врагами; оба присватались бы къ ней, если бъ было на то согласіе родителей, и вотъ каждый изъ нихъ задумалъ овладѣть ею тѣмъ способомъ, который будетъ ему удобнѣе. Боккаччо отдалилъ, такимъ образомъ, мотивъ ссоры, чтобы вставить эпи|зодъ, раскры- 480 вающій передъ нами итальянскій *intérieur* Джьякомино, съ старой, досужей служанкой и потѣшнымъ, добродушнымъ слугой Кривелло; ихъ вмѣшательство напоминаетъ помощную роль паразитовъ въ любовныхъ интригахъ римской комедіи. Влюбленные молодые люди обращаются къ ихъ помощи, одинъ—къ слугѣ, другой—къ служанкѣ, и тѣ обѣщаютъ провести ихъ къ дѣвушкѣ, когда отца не будетъ дома. Насталъ урочный часъ, Джьянноле и Мингино насторожѣ, ждутъ условленнаго знака, а между тѣмъ Кривелло и служанка стараются услатъ другъ друга: Зачѣмъ не пойдешь ты теперь спать, зачѣмъ путаешься по дому?—А ты зачѣмъ не идешь за своимъ хозяиномъ, чего ждешь, коли уже

Другія, не художественныя соображенія вызываетъ знаменитая новелла о трехъ кольцахъ¹⁾, прототипъ Натана Мудраго Лессинга. Она раскроетъ намъ другіе интересы, связанные съ вопросомъ объ источникахъ Декамерона.

Въ еврейской средѣ сложился рассказъ, который Соломонъ бенъ Верга (XV в.) приурочилъ къ аррагонскому королю Донъ Педро Старшему (1094—1104). Король задаетъ одному еврею вопросъ: какая изъ двухъ религій лучше, христіанская или еврейская? Тотъ сначала отвѣчаетъ уклончиво, затѣмъ, попросивъ трехдневной отсрочки, является, разсерженный, и рассказываетъ слѣдующее: Мѣсяць тому назадъ уѣхалъ мой сосѣдъ, оставивъ двумъ своимъ сыновьямъ два драгоценныхъ камня. Прийдя ко мнѣ, они попросили меня объяснить имъ свойства и особенности камней, и когда я отвѣтилъ, что никто не въ состояніи лучше это сдѣлать, какъ отецъ-ювелиръ, они выбрали меня и побили. — Король говоритъ, что братья поступили дурно и заслуживаютъ наказанія, а еврей примѣняетъ свою притчу къ Исаву и Иакову и Отцу Небесному, великому ювелиру, который одинъ лишь знаетъ отличіе камней.

Третій камень, или перстень въ какой-нибудь разновидности этого рассказа, распространилъ сравненіе: вопросъ касался уже не двухъ, а трехъ религій. Въ Римскихъ Дѣянїяхъ²⁾ и въ старо-французской притчѣ³⁾ онъ сталъ рѣшаться въ откровенно-христіанскомъ смыслѣ: пѣкто, умирая, оставляетъ своимъ тремъ сыновьямъ по перстню; перстни похожи другъ на друга, но между ними настоящій, драгоценный, лишь одинъ. По смерти отца поднимается между братьями споръ, ибо каждый стоялъ за подлинность своего перстня. Происходитъ испытаніе: только одинъ изъ перстней проявляетъ надъ больными свою цѣлительную силу, другіе — бездѣйственны. — Толкованіе притчи такое: отецъ —

1) I, 3.

2) С. 89, ed. Oesterley.

3) *Dis dou vrai aniel* (1270—1294). Рассказъ Étienne de Bourbon является развитіемъ и вмѣстѣ искаженіемъ типа *Gesta* и французской притчи.

Господь нашъ Иисусъ Христосъ, три сына — іудей, сарацины и христіане; лишь послѣдніе владѣють чудодѣйственнымъ перстнемъ.

Ближе къ настроенію еврейской легенды двѣ итальянскія, до-боккаччевскія; какъ тамъ, вопросъ о преимуществѣ одного изъ трехъ камней, перстней, религій оставленъ открытымъ; рассказываетъ и толкуетъ притчу еврей, его совопросникъ — Саладинъ, типъ рыцарственнаго, свободомыслящаго, великодушнаго властителя, перешедшій изъ среднихъ вѣковъ въ рассказы *Novellino* и къ Боккаччо ¹⁾. Преданіе о немъ, внесенное въ хронику Ененкеля, объясняетъ его роль въ слѣдующихъ новеллахъ: рассказывается, что, умирая, Саладинъ задумалъ обезпечить посмертную участь своей души, велѣвъ расколоть на три части драгоценный, доставшійся отъ предковъ, столъ изъ санфира и завѣщавъ по части верховному существу, котораго почитала каждая изъ трехъ господствующихъ религій. Эта объективная точка зрѣнія уступила христіанской въ двухъ повѣстяхъ, одинаково приуроченныхъ къ смерти Саладина: въ *Chronique d'Outremer* (XIII в.) онъ вызываетъ на споръ багдадскаго калифа, іерусалимскаго патріарха и еврейскихъ мудрецовъ: ему хочется узнать, какой изъ трехъ законовъ лучше. Споръ его не убѣдилъ, |
483 но, распредѣляя между тремя религіями свое достояніе, онъ все же завѣщаетъ лучшую часть христіанамъ. Въ одномъ латинскомъ сборникѣ XIII вѣка говорится о такомъ же преніи. Моя вѣра лучше, утверждаетъ еврей, если бъ мнѣ пришлось ее оставить, я избралъ бы христіанскую, пошедшую отъ нея. Таковъ и отвѣтъ мусульманина, одинъ лишь христіанинъ заявляетъ, что отъ своей вѣры онъ ни за что не отступится, — и это дѣйствуетъ на Саладина: христіанство выше другихъ религій, говоритъ онъ, я избираю его ²⁾.

1) Дек., I, 3; X, 9.

2) G. Paris, l. c., стр. 14—15. — *Сл. id. *La poésie du moyen âge: leçons et lectures*, 2-e série (1895), стр. 131 слѣд. *La parabole des trois anneaux*.

Итальянскія легенды соединяють имя Саладина съ схемой трехъ перстней, но христіанскаго освѣщенія въ нихъ нѣтъ. Novellino¹⁾ рассказываетъ: Когда однажды Саладинъ былъ въ денежной нуждѣ, ему посовѣтовали обойти одного богатаго еврея и затѣмъ обобрать его. Саладинъ задаетъ ему вопросъ, какая вѣра лучше, полагая, что если онъ укажетъ на еврейскую, его уличать въ приниженіи мусульманства, если предпочтетъ его, можно будетъ его спросить, почему же онъ держится еврейской вѣры? Еврей отвѣчаетъ притчей объ отцѣ и трехъ сыновьяхъ и драгоценномъ перстнѣ: каждый изъ сыновей пристаеъ къ отцу съ просьбой завѣщать ему этотъ перстень; тогда отецъ заказываетъ золотыхъ дѣлъ мастеру сдѣлать еще два, совершенно схожихъ съ настоящимъ, и, умирая, каждому изъ сыновей дарить наединѣ по перстню. У кого изъ нихъ настоящій, про то знаетъ лишь ихъ отецъ. Такъ и религій три, Отецъ нашъ вѣдаетъ, какая изъ нихъ истинная, а мы, Его дѣти, полагаемъ, что истинная вѣра именно та, которую каждый изъ насъ держитъ.

Въ *Avventuroso Csiciliano*²⁾ мѣсто дѣйствія въ Вавилоніи, имя еврея — Ансалонъ; Саладинъ, которому необходимы были деньги для войны съ христіанами, ставитъ ему коварный вопросъ — о трехъ религіяхъ; отвѣтъ и толкованіе тѣ же: одинъ лишь изъ | трехъ перстней настоящій, одна изъ трехъ вѣръ истинная; 484
какая — я не знаю: отецъ отдалъ настоящій перстень тому, кого пожелалъ имѣть своимъ наслѣдникомъ.

Новелла Боккаччо — лишь стилистическое развитіе схемы итальянскихъ. Дѣйствующія лица — Саладинъ, султанъ Вавилона или Вавилоніи, растратившій свою казну въ различныхъ войнахъ и большихъ расходахъ, — и александрійскій еврей Мельхиседекъ. Три перстня примѣнены къ тремъ законамъ, «которые Богъ-Отецъ далъ тремъ народамъ...; каждый народъ полагаетъ, что онъ владѣетъ наслѣдствомъ и истиннымъ закономъ, велѣнія ко-

1) № CXI, ed. Biagi.

2) Ed. Nutt, стр. 455—6.

тораго обязанъ исполнять; но который изъ нихъ имъ владѣеть — это такой же вопросъ, какъ и о трехъ перстняхъ»¹⁾).

Къ новому освѣщенію вопроса, скрытаго подъ аллегоріей трехъ перстней, новелла Боккаччо ничего не принесла; къ характеристикѣ его религіознаго міросозерпанія она могла бы послужить лишь въ томъ случаѣ, если бъ дозволено было предположить съ его стороны выборъ между ортодоксальной версіей Римскихъ Дѣяній и итальянскими, оставляющими рѣшеніе открытымъ. Боккаччо могъ просто воспользоваться послѣдними, потому что онѣ были подъ рукою, ходили въ обществѣ, какъ и теперь еще рассказъ о трехъ кольцахъ извѣстенъ въ Сициліи и Умбріи. Если онъ нѣсколько разъ обрабатывался въ итальянской литературѣ XIII—XIV вѣка, то заключать изъ того о началахъ религіозной терпимости въ общественной средѣ надо лишь осторожно. Повѣсть носитъ на себѣ печать своего происхожденія, не даромъ ее рассказываетъ еврей: такой апологъ могъ быть сложенъ лишь иновѣрцемъ, поставленнымъ въ необходимость считаться съ тираніей господствующей или торжествующей Церкви, не противорѣча — и не сдаваясь, робко заявляя и свое право на исканіе истины; «не однимъ лишь путемъ можно дойти до познанія столь важной тайны»²⁾), говорилъ Симмахъ, защищая вѣру предковъ отъ побѣдоноснаго христіанства. Такого инастроение аполога: онъ мыслимъ въ религіозныхъ отношеніяхъ Испаніи и южной Италіи арабско-норманской поры; въ основѣ это апологъ страха, не свободной мысли, онъ могъ отвѣтить ея чаяніямъ, насколько вообще сожителство разныхъ религіозныхъ толковъ ведетъ къ уступкамъ и ослабленію односторонняго гнета, но лишь у Лессинга рамки старой притчи раскрылись для болѣе

1) *Сл. Fränkel, Zur Gesch. von den drei Ringen, въ Studien z. vergleichenden Literaturgeschichte, IV, 4. Gebhart, La genèse d'un conte de Boccace, Journ. des Débats, 1900, 14 Mars; Dejob, A propos de la partie honnête du Décameron de Boccace, Rev. Universitaire, 1900, 15 Juillet; Wallonia, Déc. 1900: Chauvin, La parabole des trois anneaux.

2) Uno itinere non potest perveniri ad tam grande secretum.

широкаго и человѣчнаго положенія. Между наивнымъ разсказомъ Novellino и Натаномъ Мудрымъ прошли вѣка развитія, какъ между эпизодомъ одной грузинской, очевидно, христіанской легенды и сценой въ «*Symbalum Mundi*» Bonaventure Des Périers.

Въ легендѣ разсказывается о бѣдномъ старикѣ, который ропщетъ на судьбу, и котораго ангелъ переноситъ соннаго въ рай. Здѣсь ему представляется рядъ аллегорическихъ видѣній; одно изъ нихъ такое: люди тянутъ огромный камень въ разныя стороны и не могутъ сдвинуть съ мѣста; камень означаетъ Бога, тѣ, кто тащатъ его, одни—грузины, другіе—русскіе, третьи—татары; каждый старается захватить его, каждый хвалитъ свою вѣру, а о томъ пикто не подумаетъ, что Богъ—одинъ для всѣхъ, и что отдѣльно Онъ никому не принадлежитъ¹⁾.

Des Périers переноситъ насъ въ Аѳины, въ навечеріи вакханалій; Меркурій гуляетъ съ пріятелемъ по городу, заходитъ въ циркъ, гдѣ три человѣка бродятъ, отыскивая въ пескѣ осколковъ философскаго камня—откровенной истины; имена искателей: Cubercus (Bucerus), Rhetulus (Lutherus), Drarig (Gérard Roussel) говорятъ сами за себя; а философскій камень раздробилъ самъ Меркурій. Неблагоразумны вы, говоритъ онъ ищущимъ, что такъ трудитесь и стараетесь, выискивая въ пескѣ кусочка камня, обращеннаго въ порошокъ; вы только время тратите даромъ на то, чего нельзя найти, чего, быть можетъ, тамъ и нѣтъ. Скажите однако, вы вѣдь говорите, что самъ Меркурій раздробилъ камня, и разбросалъ по цирку?—Да, Меркурій.—Бѣдные вы люди, вѣрите Меркурію, великому вчинателю всѣхъ злоупотребленій и обмановъ! Развѣ не знаете вы, что онъ своими доводами и убѣ- 486 жденіями заставитъ васъ принять пузыри за фонари и мѣдныя сковороды—за облака? Неужели же у васъ не явилось сомнѣніе, что онъ могъ дать вамъ какой-нибудь булыжникъ съ поля, или песку, увѣривъ, что это и есть философскій камень, дабы по-

1) *Сборн. матеріаловъ для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа, X, ш, 75—80.

смѣяться надъ вами и потѣшиться надъ вашими усиліями, гнѣвомъ и распрями, пока вы чааете отыскать то, чего нѣтъ?

На новеллѣ о трехъ кольцахъ слѣдовало остановиться: на ней основывали, какъ извѣстно, мнѣніе о религіозной терпимости Боккаччо; мы искали въ ней отраженія его личнаго пониманія стараго унаслѣдованнаго сюжета — и не нашли его новаторомъ. Иначе въ повѣсти о ларцахъ¹⁾, гдѣ фатализмъ народной сказки испарился въ ея назидательномъ примѣненіи. Непосредственнаго источника новеллы, къ которому восходитъ, вѣроятно, и Гауэръ²⁾, мы не знаемъ. Флорентійскій рыцарь Руджери служитъ у испанскаго короля Альфонса, видитъ, что онъ даритъ щедро, но не по заслугамъ, а его самого обходитъ. Полагая, что это служить къ умаленію его славы, онъ рѣшился покинуть дворъ, и король отпускаетъ его, подаривъ ему мула и наказавъ одному своему приближенному присосѣдиться къ рыцарю, какъ бы ненарокомъ, замѣчать все, что онъ станетъ говорить, а на другое утро вернуть его ко двору. По дорогѣ они остановились, чтобы дать помочиться лошадямъ, но конь Руджери сдѣлалъ это не въ показанномъ мѣстѣ, а среди рѣки, гдѣ они остановились поить. Богъ тебя убей, тварь ты этакая, совсѣмъ, какъ твой хозяинъ! — Ближній человѣкъ замѣтилъ эти слова, и когда на другой день они вернулись ко двору, король попросилъ Руджери объяснить ему свое обращеніе къ мулу. Я сравнилъ васъ съ нимъ, отвѣчаетъ Руджери, потому что какъ вы дарите, кому не слѣдуетъ, и не даете, гдѣ надо, такъ и онъ не помочился, гдѣ надо было, а тамъ, гдѣ не подобало. — Не моя въ томъ вина, а въ твоей долѣ, не позволявшей | мнѣ одарить тебя. Что это такъ, я докажу тебѣ на дѣлѣ, говоритъ король и ведетъ его въ обширный покой, гдѣ по его приказанію поставили два большихъ запертыхъ ларца: въ одномъ изъ нихъ царскій вѣнецъ и скинетръ, держава и всякія драгоценности, другой полонъ земли; выбери, какой хочешь, и посмотри,

1) X, 1.

2) *Confessio amantis*, l. V (ed. Reinhold Pauli, London, 1857, v. II, стр. 203 слѣд.).

я ли несправедливъ къ твоимъ доблестямъ, или твоя доля. Выборъ Руджьери падаетъ на ларецъ съ землею, но король рѣшается воспротивиться усиліямъ судьбы и, подаривъ Руджьери ларецъ, котораго она его лишила, отпускаетъ его домой.

Мотивъ двухъ или трехъ ларцовъ, всегда связанный съ идеей судьбы, нѣсколько поднятый въ своемъ значеніи въ Венеціанскомъ купцѣ Шекспира, встрѣчается въ разныхъ сказочныхъ приуроченіяхъ¹⁾. Для источника Боккаччо важна болѣе опредѣленная схема: служилаго человѣка, отпущеннаго безъ награды, потому что такова его судьба.

Въ *Avventuroso Siciliano*²⁾ нѣкій рыцарь служить у англійскаго короля и также считаетъ себя обойденнымъ его милостью, тогда какъ другіе одарены безъ разбора. Слѣдуетъ эпизодъ съ муломъ, котораго рыцарь убиваетъ: такъ отомстилъ бы онъ его хозяину! Король прослышалъ объ этомъ и, узнавъ, въ чемъ дѣло, богато одаряетъ рыцаря. Эпизода съ ларцами нѣтъ, онъ скорѣе выпалъ въ оригиналѣ повѣсти, нѣсколько скомканной, чѣмъ былъ введенъ Боккаччо. — Подобная же схема могла быть извѣстна автору нѣмецкаго Руодлиба и лишь разбитъ въ его изложеніи: Руодлибъ служитъ вѣрой и правдой нѣсколькимъ господамъ, но ничего не заслужилъ у нихъ; тогда онъ рѣшается поискать счастья на чужбинѣ, у «большого царя», который, отпуская его отъ себя, предлагаетъ ему на выборъ: одарить его казною, либо мудрыми изреченіями. Руодлибъ выбираетъ послѣднее, но царь 488 даетъ ему еще два серебряные, снаружи обмазанные тѣстомъ, короваи, наполненные золотомъ и разными драгоценностями, содержимаго которыхъ онъ не знаетъ, но которые онъ долженъ вскрыть въ присутствіи матери и невѣсты. Короваи отвѣчаютъ

1) Къ указаніямъ Ландау (*Die Quellen des Decamerone*) слѣдуетъ присоединить: *Tractatus de diversis historiis Romanorum et quibusdam aliis*, ed. Herzstein (Erlangen, 1893), сар. 29 и прим. Статья Landau (*Shakespeares Kaufmann v. Venedig*) въ *Beilage* 83 и 84 къ мюнхенской *Allgemeine Zeitung* 1892 года осталася мнѣ неизвѣстной.

2) I. с., стр. 248—251.

ларцамъ¹⁾ и, быть можетъ, стояли прежде въ связи съ мотивомъ, что Руодлибъ удалился, ничего не заслуживъ.

Идея «доли», затушеванная въ *Avventuroso Siciliano* и Руодлибъ, выступаетъ ярко въ повѣсти *Katha-Sarit-Sagara*: въ городѣ Лакшапурѣ жилъ царь Лакшадатта, всѣхъ щедро одарявшій, и былъ у него слуга, по имени Лабднатта, день и ночь стоявшій у воротъ, съ полосой кожи на бедрахъ, вмѣсто одѣянія, но царь ничего не давалъ ему, хотя видѣлъ его храбрость на охотѣ и въ битвѣ. На шестой годъ онъ ощутилъ къ нему жалость: Почему бы не дать мнѣ ему чего-нибудь, но скрытно, чтобы испытать, искуплена ли его вина, и обратить ли на него свой ликъ счастливая доля, или нѣтъ? Въ присутствіи всѣхъ онъ дружелюбно подозвалъ его къ себѣ и велитъ ему произнести какое-либо свое изреченіе. Тотъ говоритъ: Счастье всегда нисходитъ на человѣка состоятельнаго, какъ рѣки наполняютъ море, а бѣдняку не показывается и на глаза. Въ награду за это царь даетъ ему лимонъ, наполненный драгоцѣнностями, о чемъ присутствующіе сожалѣютъ, полагая, что то простой лимонъ. Какой-то нищій выпрашиваетъ его у слуги, въ обмѣнъ платья, и подноситъ царю, который удивленъ и опечаленъ, что вина бездольнаго еще не стерта. На слѣдующій день повторяется та же сцена дара и обмѣна; такъ и въ третій разъ; на четвертый бездольный роняетъ лимонъ, драгоцѣнности изъ него выкатились, а царь говоритъ: Этой хитростью я хотѣлъ дознаться, взглянетъ ли на него счастье, или нѣтъ; теперь его вина стерта. И онъ одаряетъ и возвышаетъ бѣдняка²⁾.

Если въ индійской повѣсти выборъ изъ нѣсколькихъ ларцовъ замѣненъ рядомъ неудачъ съ однимъ и тѣмъ же даромъ, то русская сказка возвращаетъ насъ къ сценѣ Боккаччо, но съ инымъ разрѣшеніемъ: Данило служить у царя, но ему ни въ чемъ не везетъ, и дѣло у него не спорится. Взявъ царь, насыпалъ три

1) Какъ въ *Gesta Romanorum*, ed. Oesterley, № 109.

2) Tawney, *Kátha Sárit Sagara*, I, Calcutta, 1881, стр. 515 слѣд.

бочки, одну — золотомъ, другую — углемъ, третью — пескомъ, и говоритъ Данилѣ: Коли выберешь золото, быть тебѣ царемъ, коли уголь — ковалемъ, а если песокъ, то взаправду ты несчастный: бери себѣ коня и сбрую и уходи изъ моего царства. Данило выбралъ себѣ бочку съ пескомъ.

Подобный народный рассказъ могъ быть источникомъ новеллы Боккаччо; онъ не измѣнилъ его сути, но ея фаталистическое содержаніе служитъ ему примѣромъ щедрости или великодушія испанскаго короля, какъ въ другомъ случаѣ та же идея неизбежности судьбы получила у него своеобразное освѣщеніе: судьбы, обусловленной роковой красотой.

Мы имѣемъ въ виду прелестную новеллу объ Алатіэль¹⁾; ея имена²⁾ и мѣсто дѣйствія³⁾ указываютъ, можетъ быть, на арабскій Востокъ; приключенія напоминаютъ отчасти канву романа Ксенофонта Эфесскаго и одну сказку 1001-й ночи, тамъ и здѣсь съ сюжетомъ красавицы, Антіи или Сирійки, подвергающейся на далекихъ путяхъ и среди тысячи случайностей опасности потерять свою честь — и остающейся цѣломудренной. У Боккаччо остается лишь внѣшній видъ, завѣреніе цѣломудрія, видимость идетъ за суть, все дѣло въ вѣрѣ; и почему бы нѣтъ, по пословицѣ, уста отъ поцѣлуя не умаляются, а какъ мѣсяцъ обновляются? Это героическая повѣсть наизнанку, торжествуетъ не добродѣтель, а нѣчто другое, чего мы не назовемъ порочностью: въ немъ слишкомъ много наивнаго, безсознательнаго, невмѣняемаго. Надо было сильно переработать типъ невинной красавицы, преслѣдуемой рядомъ злополучій, чтобы придти къ такому радикальному его превращенію, но очень вѣроятяю, что Боккаччо имѣлъ | въ виду 490 не рассказы этого рода, а какой-нибудь другой, въ которомъ роковое нецѣломудріе было основной ситуаціей. Такова повѣсть Катна-Сарить-Сагара, которая могла дойти до Боккаччо въ

1) Дек., II, 7.

2) Алатіэль, Бсминадабъ.

3) Вавилонія = Каиръ, Александрія, Аѳины, Смирна, Хиосъ и т. д.

отраженіи какого-нибудь мусульманскаго пересказа¹⁾. Самара, король видьядгаровъ, проклялъ свою дочь Анангапрабгу за то, что въ самомнѣніи своей красоты и юности она отказывалась отъ брака: она сойдегъ на землю, станетъ человѣческимъ существомъ и никогда не будетъ счастлива въ супружествѣ. Она родится подъ именемъ Анангарати, какъ дочь короля Магаварахи, и также обнаруживаетъ неохоту къ браку, чванясь своей красотой: ея мужемъ долженъ быть человѣкъ красивый, храбрый, обладающій какимъ-нибудь диковиннымъ умѣньемъ. Являются четыре соискателя: одинъ — судра, чудесный ткачъ, второй — ваисья, понимающій языкъ всѣхъ звѣрей и птицъ, третій — кшатрія, всѣхъ превосходящій умѣньемъ владѣть мечемъ, четвертый — брахманъ Дживадатта, некрасивый собою вслѣдствіе тяготѣющаго на немъ проклятiя (онъ полюбилъ дочь одного отшельника), поклонникъ богини Дурги, силой которой онъ оживляетъ мертвецовъ. Никто изъ нихъ не нравится красавицѣ, да и астрологъ объявляетъ, что она — видьядгара, проклятiе которой кончится черезъ три мѣсяца, и ея бракъ совершится на небѣ. Въ означенный срокъ дѣвушка дѣйствительно обмираетъ, и Дживадатта въ отчаяніи, что не въ силахъ ее оживить, готовъ убить себя, когда является Дурга, останавливаетъ его, вѣщаетъ о долѣ Анангапрабги и даетъ ему мечъ, съ помощью котораго онъ станетъ переноситься по воздуху и будетъ непобѣдимъ. Дживадатта летитъ въ царство отца Анангапрабги, побѣждаетъ его въ бою и понуждаетъ выдать за него дочь. Нѣкоторое время онъ живетъ съ нею счастливо, но затѣмъ ему захотѣлось вернуться на землю, въ смертный міръ, на что дальновидная жена соглашается лишь неохотно. По ея просьбѣ они останавливаются отдохнуть на горѣ; здѣсь начинаются любовныя приключенія Анангапрабги. Первое напоминаетъ мо-
491 тивъ, знако|мый средневѣковой повѣсти и народной, напр., серб-
ской пѣснѣ: влекомый рокомъ, Дживадатта проситъ жену спѣть что-нибудь; самъ онъ заснулъ, а пѣсня привлекаетъ вниманіе

1) Tawney, l. c., I, стр. 498 слѣд.

короля Гаривары, охотившагося тамъ и искавшаго, гдѣ бы напиться. Онъ увлеченъ красавицей, она безумно влюбилась въ него, сама открывается ему, велитъ взять волшебный мечъ мужа и побуждаетъ къ бѣгству, пока тотъ не проснулся. У нея явилась было мысль схватить своего милаго и улетѣть съ нимъ на небо, но ея предательство лишило ее знанія, вспомнилось и проклятiе отца, и она опечалилась. Король утѣшаетъ ее: отъ судьбы не уйти, какъ отъ своей собственной тѣни. Она уѣзжаетъ съ нимъ, а мужъ, проснувшись, хватился ея и меча, загоревалъ, ищетъ на горѣ и въ лѣсахъ, но напрасно. Въ одной деревнѣ онъ встрѣтилъ брахманку; она — вѣщая, потому что даже во снѣ ей не видится никто, кромѣ мужа, всѣ мужчины ей братья, и она не отпускаетъ ни одного гостя, не учествовавъ его. Она-то и говоритъ Дживадаттѣ, что его жена увезена: такова ея судьба, что она покинетъ и короля и будетъ жить съ другими. Эти слова вразумили Дживадатту: онъ оставилъ мысль о женѣ, начинаетъ странствовать по святымъ мѣстамъ и вести жизнь отшельника. — Между тѣмъ Анангапрабга убѣгаетъ отъ Гаривары съ учителемъ танцевъ, котораго оставляетъ для молодого игрока, а у него ее отбиваетъ его прiятель, богатый купецъ Гираньягупта. Услышалъ объ ея несравненной красотѣ царь Вирабаху, но не похитилъ ее, а остался въ предѣлахъ честности. Когда Гираньягупта прожилъ, поѣхалъ торговать, чтобъ поправить свои дѣла; въ одномъ городѣ онъ знакомится съ рыбацкимъ атаманомъ Сагараварой и съ нимъ и съ женой садится на корабль; буря разбиваетъ его, Гираньягупту приняло купеческое судно, а рыбацкъ посадилъ Анангапрабгу на доски, связанные веревкой, и доплылъ съ ней до своего города, гдѣ она и стала его женой. Но она уходитъ отъ него съ однимъ кшагрiей, а затѣмъ отдается королю Сарагаварману. Тутъ кончилось и проклятiе, бывшее причиной того, что она, погнушавшаяся однимъ мужемъ, проявила | такую страстность ко многимъ мужьямъ: она 492 успокоилась съ своимъ супругомъ, какъ на лонѣ моря успокаиваются рѣки.

Въ новеллѣ Боккаччо нѣтъ вступительнаго эпизода съ проклятіемъ, объясняющимъ роковую долю красавицы, но идея судьбы выражена ясно: Памфило желаетъ доказать своимъ разсказомъ, что ни одно человѣческое желаніе не застраховано отъ случайностей судьбы, и говоритъ о «роковой красотѣ одной сарацинки, которой, по причинѣ ея красоты, пришлось въ какіе-нибудь четыре года, сыграть свадьбу до девяти разъ»¹⁾. Алатіэль отпращивается отцомъ, султаномъ Вавилоніи, въ замужство къ королю дель Гарбо, но ея корабль разбитъ бурей, и она поочередно попадаетъ въ руки Периконе да Висальго, его брата, генуэзскихъ корабельщиковъ, морейскаго принца, авинскаго герцога, сына константинопольскаго императора, султана Осбека, его приближеннаго Антигона, купца изъ Кипра — и наконецъ своего нареченнаго жениха, котораго она завѣрила въ своей дѣвственности и съ которымъ долгое время жила въ веселіи. На меня это пролическое заключеніе съ слѣдующей затѣмъ легкомысленной выходкой — объ устахъ, не умаляющихся отъ поцѣлуя, — дѣйствуетъ, какъ сознательный диссонансъ, неожиданно разрѣшающій мелодію фатализма. Онъ наполняетъ новеллу объ Алатіэль; нѣтъ проклятія отца, его замѣнила идея красоты, культъ которой обновился съ обновленіемъ гуманистическихъ интересовъ. Она — неотразима: Фьямметта, покинутая Памфило, видитъ въ ней свое несчастье²⁾, Алатіэль — свой рокъ³⁾. Кто бы ни увидѣлъ ее, не можетъ не влюбиться, не пожелать овладѣть ею. Когда въ концѣ разсказа, готовясь открыться служителю своего отца, Антигону, она говоритъ ему, что желала бы скорѣе умереть, чѣмъ вести жизнь, каковую вела⁴⁾, она несомнѣнно говоритъ отъ сердца, въ 493 полномъ сознаніи, что пережитое ею было и бѣдствіемъ и позоромъ. А между тѣмъ переживала она его какъ-то безсознательно, горя и отдаваясь, чередуя слезы и примиренія съ судь-

1) Дек., I. с., перев. I, стр. 124.

2) Fiammetta, стр. 124—5.

3) Дек., I. с.; перев. I, стр. 135.

4) I. с., стр. 139.

бой. Ея любовникъ Периконе убить своимъ братомъ, Маратомъ, съ цѣлью овладѣть ею; она много сѣтовала о томъ, а затѣмъ, привыкнувъ къ Марату, забыла о Периконе, и ей начинаетъ казаться, что все обстоитъ благополучно¹⁾; сынъ константинопольскаго императора, Константинъ, похитилъ ее у афинскаго герцога; она оплакиваетъ свое несчастье, «но затѣмъ, утѣшенная Константиномъ, она, по примѣру прошлаго, начала находить удовольствіе въ томъ, что уготовляла ей судьба»²⁾. Она можетъ показаться вѣтренной, живущей моментами наслажденія и короткими приливами неглубокаго горя, но лишь такъ психологически понятая она и могла явиться безотчетной игрушкой судьбы, прирожденной ей съ красотою, и фаталистическій типъ народной сказки — стать живымъ образомъ, симпатичнымъ въ своей человѣческой слабости.

Это «очеловѣченіе» типа мы склонны приписать художническому почину Боккаччо; именно желаніе опредѣлить характеръ этого почина и побудило насъ сопоставить нѣсколько новеллъ Боккаччо съ другими, которыя могли быть его источниками, но въ большей части случаевъ служатъ лишь свидѣтельствомъ, что схемы его новеллъ существовали въ болѣе раннихъ, литературныхъ и народныхъ пересказахъ. Это лишаетъ насъ возможности усчитать значеніе его личнаго вклада, сознательнаго выбора и тѣхъ измѣненій, которыя онъ счелъ нужнымъ предпринять въ *содержаніи* унаслѣдованныхъ сюжетовъ.

IV.

Попробуемъ подойти къ тому же вопросу съ другой стороны: со стороны *стиля*. |

Уже одно сравненіе новеллы Боккаччо съ предшествовавшимъ ему литературнымъ рассказомъ обличаетъ большую раз-

1) I. с., стр. 129.

2) I. с., стр. 135.

ницу: тамъ все схематично, зачаточно въ фразѣ и планѣ, здѣсь все развито, чувствуется стремленіе къ полнотѣ, перѣдко переходящей въ излишество. Боккаччо видимо и сознательно выписываетъ новеллу, внося въ ея обработку не только свой психологическій опытъ, но и неистощимый запасъ формулъ и оборотовъ, вычитанныхъ у классиковъ. Можно сомнѣваться въ состоятельности этого сочетанія: иной разъ цicerоновскій періодъ, общее мѣсто софизма кажется не въ ладу съ содержаніемъ и положеніями разсказа; рѣчь излишне расчленяется и изобилуетъ риторическимъ повтореніемъ вопроса, антитезами; эпитетъ утомляетъ своей обязательностью, преобладаніемъ превосходной степени надъ положительной: красивѣйшій, величайшій, и т. д. Мы уже знаемъ, что эта несоразмѣрность стиля и содержанія у Боккаччо древняя, начиная съ Филострато и Филоколо¹⁾. Цѣль испукала средства: надо было поднять прозу новеллы до правъ литературнаго рода, а гдѣ было найти для этого внѣшній стилистическій матерьялъ, какъ не у классиковъ? Они были образцами изящнаго, на нихъ воспитался культъ «украшеннаго» слова, ихъ приемы обязывали писателя, изъ нихъ брали огульно, неразборчиво, закупленные поэзіей звучной рѣчи; они и полонили своей фразой и риторикой и воспитывали вкусъ къ болѣе свободному творчеству.

Защита ораторскаго и риторскаго искусства у Боккаччо въ его *de Casibus*²⁾, вызванная панегирикомъ Цицерону, переходитъ въ похвалу наряднаго, мѣрнаго слова (*moderata*) вообще. Даръ слова — это то, что отличаетъ насъ отъ животнаго, органъ чело-
вѣческой мысли, науки, говоритъ онъ; но есть два рода рѣчи: та, которой мы научаемся у кормилицы, простая, грубая, общая всѣмъ, и другая, которую безсознательно усваиваютъ немногіе,
495 уже въ лѣткахъ, украшенная, цвѣтистая, связанная извѣстными правилами. Какой же неразумный не предпочтетъ послѣднюю и

1) Сл. выше стр. 138, 235, 259—60, 263—4, 424 и *passim*.

2) *De Casibus*, VI, с. 13.

не потщится очистить и сдѣлать изящнымъ орудіе, служащее столь высокимъ цѣлямъ? Не всегда же мы обращаемся лишь къ слугамъ, чтобы они подали намъ пищу, не все бесѣдуемъ съ крестьяниномъ о сельскихъ нуждахъ; обращаться съ такою же рѣчью къ Творцу неприлично, да и въ иныхъ случаяхъ неумѣлая рѣчь приводила къ нежеланной плачевной развязкѣ, ибо говорящій не владѣлъ искусствомъ слова, смотря по обстоятельствамъ, то суроваго и колкаго, то умиротворяющаго, изящнаго и красиваго или полнаго наставительности, поддержаннаго соотвѣтствующей дикціей — когда, напр., надо умиловитъ разгнѣваннаго властителя, развеселить печальнаго, ободрить коснѣющаго, поддержать погрязшаго въ лѣни и сладострастіи. Вотъ почему надлежитъ прилагать всякое стараніе къ украшенію рѣчи; это не только требованіе необходимости, но и простого приличія: мы вѣдь не ограничиваемся тѣмъ, что защищаемся отъ холода и солнца крышей и стѣнами изъ дерна и тростника, а поручаемъ устройство нашихъ жилищъ ученымъ мастерамъ; ту же заботу обнаруживаемъ мы и въ одеждѣ, утвари, пищѣ. Какъ же пренебречь намъ рѣчью, если только найдутся учителя? Она, прельщая слухъ, увлекаетъ волю и услаждаетъ умъ. Какъ согласное созвучіе струнъ, овладѣвая нашимъ духомъ, на первыхъ порахъ какъ бы растворяетъ его своею сладостью, а затѣмъ собирается въ одинъ аккордъ, такъ украшенная рѣчь, воспринятая душою, вначалѣ нѣжно берeditъ ее и затѣмъ захватываетъ всецѣло, и слушающіе стоятъ изумленные, неподвижные, готовые отдаться говорящему.

Это, въ сущности, похвалы ораторской риторикѣ, но стилисты ранней поры Возрожденія неразборчивы въ своихъ литературныхъ образцахъ, и проза Декамерона, тщательно выработанная, указываетъ на такое смѣшеніе. Именно ея стилизація является одной изъ главныхъ заслугъ Боккаччо — хотя онъ видимо ея отрицается: защищая свои рассказы въ введеніи къ 4-му дню, онъ говоритъ, что писалъ ихъ «не только народнымъ | флорентійскимъ языкомъ, въ прозѣ и безъ заглавія, но и, на- 496

сколько возможно, скромнымъ и простымъ стилемъ»¹⁾. «Безъ заглавія» передаетъ «*senza titolo*»; это точно, но требуетъ объясненія, ибо не выражаетъ того, что имѣетъ въ виду.

Декамеронъ, т.-е., десятидневникъ, не заглавіе, выражающее содержаніе труда, во всякомъ случаѣ ничего не обѣщающее, скромное; это и хотѣлъ, повидимому, сказать Боккаччо, играя двоякимъ значеніемъ латинскаго *titulus*: слава, извѣстность — и заглавіе. Когда-то Фьямметта перевозносила его стихи *con sommo titolo* (предисловіе къ Тезейдѣ), т.-е., давала имъ высокую цѣну; о себѣ Боккаччо говоритъ въ одномъ изъ юношескихъ писемъ, что онъ живетъ *sine titulo*²⁾, т.-е., безъ славы, невидно; наоборотъ, выраженіе Фьямметты о своей книжкѣ, что она обойдется безъ «красивыхъ миниатюръ или пышныхъ заглавій»³⁾ — передаетъ овидіевское: *Nec titulus minio . . . notetur*⁴⁾. Изгнанный изъ Рима отчасти за свою *Ars Amatoria*, Овидій посылаетъ туда свой трудъ: онъ печаленъ, какъ его авторъ, не расписанъ; въ этомъ смыслѣ о немъ и говорится далѣе: у тебя нѣтъ (расписного) титула, но тебя узнаютъ по цвѣту⁵⁾; кто тебя отринетъ, тому скажи: Взгляни на мое заглавіе, я не наставникъ любви⁶⁾; когда вступишь въ мой домъ, увидишь своихъ братьевъ: одни открыто показываютъ свои заглавія, три другіе⁷⁾ прячутся въ темномъ углу⁸⁾. — Они только скрываютъ свои заглавія, будто стыдятся. Средневѣковые переписчики поняли *sine titulo*, какъ заглавіе, надписывая имъ три книги *Amorum*; такъ обозначаетъ ихъ и Боккаччо въ комментаріи къ Божественной Комедіи: ихъ

497 можно такъ назвать, гово|рять онъ, потому, что у нихъ не одинъ, цѣльный сюжетъ, отъ котораго можно было бы отвлечь заглавіе,

1) Перев. I, 271.

2) Corazzini, стр. 451.

3) Fiammetta, стр. 200; сл. выше стр. 433.

4) Trist., I, 1, v. 7.

5) I. c., v. 61.

6) I. c., v. 67.

7) Три книги *Amorum*.

8) Trist., I. c., v. 107—112.

а множество мѣняющихся отъ одного стиха къ другому¹⁾. Въ этомъ смыслѣ и Декамеронъ былъ бы книгой *sine titulo*.

Но это не все. Когда Боккаччо впервые выступилъ на защиту своего труда, онъ, очевидно, еще не стыдился его содержанія, а заявлялъ лишь то, что говорилъ о себѣ Овидій: что на великіе сюжеты онъ неспособенъ, пашеть крохотное поле²⁾; въ такомъ случаѣ выраженіе *senza titolo* означало бы, что Декамеронъ написанъ «безъ претензій», не про тѣхъ, кто учился въ Аоинахъ, Болоньѣ или Парижѣ, не для изощрившихъ свой умъ въ наукахъ, а на потѣху молодухъ, для которыхъ «было бы глупо выискивать и стараться изобрѣтать вещи очень изящныя и полагать большія заботы на слишкомъ размѣренную рѣчь»³⁾; надо было рассказывать пространно, имѣя въ виду не учащихся, а тѣхъ, «которыхъ едва хватаетъ на прялку и веретено»⁴⁾. И вмѣстѣ съ тѣмъ въ «заключеніи» Декамерона Боккаччо нашелъ нужнымъ оговорить именно свой стиль, изложеніе; онъ, стало быть, дорожилъ тѣмъ и другимъ, и мы въ правѣ сомнѣваться въ его искренности. *Намъ знакома его скромность, всегда подбигая сознаниемъ, что у него есть право на зависть. Онъ писалъ безъ претензіи, а «бурный и ножирающій вихрь зависти», долженствующій «поражать лишь высокія башни и болѣе выдающіяся вершины деревьевъ», поразилъ и его, всегда старавшагося «идти не то что полями, но и глубокими долинами»⁵⁾. Но одна лишь посредственность не знаетъ зависти»⁶⁾, и «потому да умолкнуть хулители», оставивъ его при своемъ⁷⁾. Такъ говорить | лишь о 498 томъ, чему даютъ извѣстную цѣну; цѣну относительную: Декамеронъ дописывался въ ту пору, когда Боккаччо обуюла исключительная любовь къ классической, латинской поэзіи, и его итальян-*

1) Сл. Com. sopra la D. C., I, стр. 329.

2) Trist., II, 327 слѣд.

3) Дек., Заключение = пер. II, стр. 334.

4) I. c. = пер. II, стр. 335; Дек., X, 6 = пер. II; стр. 270.

5) Введеніе въ четвертый день = пер. I, стр. 271.

6) Ib., 272.

7) Ib., 277.

скія произведенія казались ему чѣмъ-то ребяческимъ и жалкимъ. Въ этомъ, можетъ быть, другое, на этотъ разъ искреннее объясненіе его собственной оцѣнки Декамерона: безъ претензіи; всѣ вмѣстѣ могли быть вызваны критикой, которую встрѣтила его книга при своемъ появленіи.

Какъ старательно трудился Боккаччо надъ стилемъ и композиціей Декамерона, иное развивая, иное выключая, въ этомъ легко убѣдиться сравнивъ, напр., типы стариковъ въ Амето¹⁾ и Декамеронѣ, II, 6, и двѣ новеллы, дважды обработанныя авторомъ на разстояніи какихъ-нибудь десяти лѣтъ: въ Филоколо, кн. V, въ эпизодѣ любовныхъ бесѣдъ, которыми руководитъ Фьямметта²⁾, и въ десятомъ днѣ Декамерона, въ новеллахъ 4-й и 5-й. Содержаніе первой пары рассказовъ, мотивы которыхъ попали, вѣроятно, изъ какого-нибудь еврейскаго источника и въ нашу Палею, слѣдующее: нѣкій рыцарь тщетно ухаживаетъ за женой другого; чтобы отвязаться отъ него, она ставитъ ему, какъ условіе своей любви, требованіе, исполненіе котораго кажется ей невозможнымъ: доставитъ ей въ генварѣ цвѣтущій садъ. Рыцарь исполняетъ это съ помощью некроманта, и красавица смущена; вывѣдавъ отъ нея причину ея печали, мужъ настаиваетъ на томъ, чтобъ она сдержала свое слово, и она идетъ; когда рыцарь узнаетъ, что она явилась къ нему лишь по желанію мужа, онъ, пораженный его великодушіемъ, отказывается отъ своихъ правъ, а некромантъ, въ борьбѣ того же чувства, — отъ платы, выговоренной за его услугу. Кто изъ троихъ проявилъ болѣе великодушія: мужъ, рыцарь или волшебникъ? Объ этомъ долго разсуждаютъ 499 собесѣдники въ Филоколо³⁾; въ Декамеронѣ, гдѣ | этому разсказу отвѣчаетъ 5-ая новелла 10-го дня, этотъ вопросъ едва намѣченъ⁴⁾. Филоколо помѣщаетъ мѣсто дѣйствія въ Испаніи; въ Декамеронѣ географія другая: Фріули, и именно Удине; всѣ дѣйствующія

1) Въ разсказѣ Агапе, сл. выше стр. 282 слѣд.

2) Вопросы IV и XIII.

3) Кн. V, вопросъ IV.

4) Сл. X, 6, въ началѣ.

лица, кромѣ некроманта, названы по именамъ, въ Филоколо только двое, и имена другія: рыцарь Тарольфо и некромантъ Тебано. Одно новое лицо введено въ новеллу Декамерона: женщина, которая служить рыцарю для посылокъ къ его дамѣ и передаетъ ему объ ея желаніи — имѣть чудесный садъ; но это мелочная подробность, ничуть не обогащающая дѣйствія. Важнѣе выключеніе цѣлаго эпизода изъ новеллы въ Филоколо, занимающаго почти ея половину. Въ Декамеронѣ рыцарь посылаетъ по всѣмъ краямъ свѣта искать кого-нибудь, кто бы устроилъ ему требуемую диковинку; является волшебникъ и своими чарами создаетъ садъ. Все это рассказано въ нѣсколькихъ строкахъ. Въ Филоколо самъ рыцарь отправляется на поиски, объѣхалъ весь западъ, очутился въ Тессалии; однажды на зарѣ онъ идетъ по полю, когда-то обогренному римскою кровью (фарсальское); пошелъ одинъ, чтобы свободнѣе было предаваться грустнымъ мыслямъ, и видитъ маленькаго, сухопараго, бѣдно одѣтаго чловѣка, собирающаго травы. Между ними завязывается разговоръ. Развѣ ты не знаешь, гдѣ ты? спрашиваетъ Тарольфа незнакомецъ: яростные духи могутъ здѣсь учинить тебѣ зло. — Моя жизнь и честь въ рукахъ Господа, да и смерть была бы мнѣ мила. — Почему такъ? допрашиваетъ незнакомецъ. — Къ чему говорить? нехотя отвѣчаетъ рыцарь, не ожидая себѣ помощи, тѣмъ не менѣе онъ рассказываетъ, въ чемъ дѣло, и слышитъ упрекъ, что по платью о людяхъ не судятъ, что подъ рубищемъ скрываются порой сокровища знанія. Незнакомецъ оказывается некромантомъ изъ Тивъ; согласившись съ рыцаремъ за половину его состоянія устроить ему садъ, онъ ѣдетъ съ нимъ, — и мы присутствуемъ при сценѣ заклинаній и чаръ. Разоблачившись, босой, съ волосами, распущенными по плечамъ, | некромантъ выходитъ изъ 500 города ночью; птицы и звѣри и люди спятъ, на деревьяхъ не шелохнутся не успѣвшіе еще опастъ листья, влажный воздухъ дремлетъ, блестятъ однѣ лишь звѣзды, когда онъ приноситъ жертвы и творитъ молитвы Гекатѣ, Церерѣ, всѣмъ тѣмъ богамъ и силамъ, съ помощью которыхъ онъ совершилъ столько чудесъ,

Образчикомъ риторическаго распространенія можетъ служить 4-я новелла десятаго дня въ сравненіи съ 13-тымъ вопросомъ V-й книги Филоколо. Содержаніе напоминаетъ флорентинскую быль о Джиневрѣ дельи Альмьери, воспѣтую какимъ-то народнымъ пѣвцомъ XV вѣка. Въ Филоколо именъ нѣтъ, въ Декамеронѣ рассказъ обставленъ именами и итальянской географіей¹⁾. Одинъ рыцарь любитъ жену другого, но безъ взаимности; пока онъ уѣзжаетъ на службу въ другой городъ, его милая обмираетъ въ родахъ, не разрѣшившись отъ бремени, и похоронена, какъ умершая. Провѣдавъ объ этомъ, рѣшившись взять съ нея, хотя и мертвой, поцѣлуй, онъ тайно возвращается, проникаетъ въ склепъ и, обнимая покойницу, чувствуетъ въ ней признаки жизни. Тогда онъ извлекъ ее изъ гробницы и ведетъ къ своей матери; ихъ попеченіями она возвращена къ жизни и родить сына. По желанію рыцаря она остается у его матери, пока онъ не пріѣдетъ, отбивъ срокъ своей службы; вернувшись, онъ задаетъ богатый пиръ, на которомъ присутствуетъ и мужъ мнимой покойницы; ему-то рыцарь торжественно передаетъ жену и сына.

Въ Филоколо эта повѣсть о великодушій рассказана довольно бѣдно. На пиру даму выводятъ въ томъ самомъ платьѣ и тѣхъ же украшеніяхъ, въ которыхъ она была похоронена; она сидитъ рядомъ съ мужемъ и молчитъ, тогда какъ тотъ приглядывается къ ней и наконецъ спрашиваетъ рыцаря, кто она. — Не знаю, отвѣчаетъ онъ, я вывелъ ее изъ очень скорбнаго мѣста; и дама подтверждаетъ это иносказательно: онъ привелъ меня сюда, невѣдомымъ путемъ, изъ всѣмъ желанной, блаженной жизни. Лишь послѣ пира рыцарь ведетъ всѣхъ въ комнату, гдѣ показываетъ ребенка, и совершается признаніе. |

503 Въ новеллѣ Декамерона все вниманіе обращено на сцену пира: получается театральнй эффектъ, потому не производящій особаго впечатлѣнія, что онъ сознательно предусмотренъ и рассчитанъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Собравъ гостей, ры-

1) Болонья, Модена.

царь говоритъ имъ, что намѣренъ соблюсти въ Болоньѣ персидскій обычай: тамъ, кто хочетъ особо учествовать друга, приглашаетъ его къ себѣ и показываетъ, что у него есть самага дорогого, увѣряя, что еще бы охотнѣе показалъ ему свое сердце. Но прежде чѣмъ соблюсти это, рыцарь проситъ разрѣшить одно его сомнѣніе: если кто-нибудь, не дождавшись кончины вѣрнаго слуги, выброситъ его на улицу, а другой его подберетъ и излѣчитъ, въ правѣ ли первый хозяинъ слуги сѣтовать, если второй откажется возвратитъ его? Когда всѣ отвѣтили, что не въ правѣ, рыцарь велитъ позвать на пиръ даму, которая и является съ ребенкомъ на рукахъ: Вотъ что у меня наиболѣе дорого, говоритъ онъ. Всѣ смотрятъ на нее, особенно мужъ; ее начинаютъ расспрашивать, она молчитъ по уговору. Да она у васъ нѣмая, говорятъ рыцарю; кто же она такая? — Это тотъ вѣрный слуга, которымъ не дорожили ближніе, а я извлекъ изъ объятій смерти. И онъ рассказываетъ, какъ было дѣло.

Предложенный нами анализъ новеллъ въ ихъ послѣдовательной обработкѣ приготвилъ насъ къ общему вопросу: о Боккаччо, какъ стилистѣ. Приступая къ нему, не слѣдуетъ упускать изъ виду исторической точки зрѣнія, не увлекаться, вмѣстѣ съ недавними беззавѣтными поклонниками Боккаччо, всякой его фразой, какъ пробнымъ золотомъ; надо помнить, съ другой стороны, что критическаго текста Декамерона мы до сихъ поръ не имѣемъ, и что многое неладное и шероховатое въ его изложеніи можетъ оказаться наслѣдьемъ переписчика. Тѣмъ не менѣе многое иное, столь же шероховатое останется и въ критическомъ текстѣ: наслѣдіе борьбы съ латинскимъ періодомъ, отчасти доказательство того, что, несмотря на нѣсколько лѣтъ труда¹⁾, Декамеронъ все же не получилъ окончательной отдѣлки. На это 504 указываютъ мелкія противорѣчія въ подробностяхъ новеллъ, обратившія вниманіе уже одного изъ древнихъ переписчиковъ

1) Сл. Дек., заключеніе автора = пер. II, стр. 332, 336.

Декамерона, Маннелли¹⁾. Оттуда ничѣмъ инымъ не объяснимое повтореніе одного и того же слова въ нѣсколькихъ строкахъ, на что уже въ началѣ XVII вѣка указывалъ Paolo Veni (*Anticrusca*, 1612 г.): такъ въ повеллѣ 10-й шестого дня слово *aperta* (открывъ, открытой) стоитъ трижды почти подъ рядъ, въ началѣ VII, 4, четыре раза *fu* (былъ, была) въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ VIII, 3 столько же разъ поражаетъ глаголь *segsare* (искать), въ повеллѣ о Гризельдѣ злоупотребленіе словомъ *опог* и глаголомъ *mandare* (*mandato*, *mandò*, *mandò*, *mandato*)²⁾. Но есть повторенія и другого рода. Десятая новелла 1-го дня начинается такъ: «Достойныя дѣвушки, какъ въ ясныя ночи звѣзды — украшеніе неба, а весною цвѣты — краса зеленыхъ полей, такъ добрыя нравы и веселую бесѣду красятъ острыя слова», и т. д. Это введеніе почти дословно воспроизведено въ 1-й новеллѣ VI-го дня; такъ первыя строки I, 5 совпадаютъ съ началомъ VI, 7, двѣ новеллы подъ рядъ³⁾ кончаются одинаковымъ пожеланіемъ: да пошлетъ Господь и намъ насладиться нашей любовью.

Не все въ этихъ повтореніяхъ слѣдуетъ, быть можетъ, объяснить недосмотромъ: у Боккаччо есть любимые образы, афоризмы, сравненія, обороты, которые сплываютъ въ его памяти и просятся подъ перо. Примѣры тому мы не разъ встрѣчали до Декамерона: дѣвушки бродятъ въ водѣ⁴⁾, молодой человекъ наблюдаетъ изъ потаеннаго мѣста за любовной или другой сценой⁵⁾; огонь охватываетъ сухіе предметы⁶⁾; сорвать розу, не уколовшись шипами⁷⁾;

1) Сл. Hecker, *Die Berliner Decameron-Handschrift und ihr Verhältniss zum Codice Mannelli* (Berlin, 1892), стр. 54—5. Приношу автору глубокую благодарность за доставленіе мнѣ брошюры.—*Сл. отзывы о ней Hauvette въ *Giorn. stor. d. lett. italiana*, т. XXI, и отвѣтъ Hecker'a *ib.*, т. XXVI (fasc. 76—77, стр. 162 слѣд. — Сл. его же: *Der Deo-Gratias-Druck des Decameron*, оригиналомъ котораго была, по всей вѣроятности, берлинская рукопись).

2) *Сл. II, 3, ed. Fanfani (*Il Decameron di messer Giovanni Boccacci*, Firenze, 1857): I, 97: *samminando, cammino, cammino*.

3) III, 6, 7.

4) Сл. выше стр. 203 прим. 1, 210 прим. 1, 276.

5) Ameto, выше стр. 293, сонетъ XXXI.

6) Сл. выше стр. 186, прим. 2.

7) Дек., V, 10—пер. I, стр. 408. Сл. *De Clar. Mulieribus* (въ посвяtitельномъ письмѣ): *uti viridarium intrans eburneas manus semotis spinarum aculeis*

быкъ валится, сраженный смертельнымъ ударомъ¹⁾); человекъ жаждетъ того, чего у него нѣтъ, ему нравится чужое²⁾); культура развивается поступательно³⁾), сны бываютъ вѣщіе⁴⁾), и т. п. Братъ Чиполла⁵⁾ морочить своихъ наивныхъ слушателей такими же разсказами о небывалыхъ странахъ, какъ Мазо дель Саджіо— простака Каландрино⁶⁾); когда случилось что-либо необычное въ хорошемъ или дурномъ смыслѣ, разсказчикъ такъ обращается къ слушателямъ: Какъ все было—это вы можете себѣ вообразить⁷⁾), и т. д.—Такія общія мѣста можно встрѣтить у каждаго поэта, иныя навѣяны чтеніемъ, повторяются по косности, другія характерны для тона міросозерцанія.

Есть еще родъ повтореній, объясняемыхъ самымъ планомъ Декамерона и свойственной Боккаччо крохотливой обстоятельностью. Десять разъ встаетъ день надъ обществомъ разсказчиковъ, и всякій разъ намъ говорить, что они поднялись, погуляли, собрались для бесѣды, спѣли нѣсколько пѣсенокъ и пошли спать по усмотрѣнію короля или королевы. Это, вѣроятно, такъ и было, но въ пересказѣ утомительно; Боккаччо не ищетъ разнообразія, или находитъ его въ мелочахъ; только введеніе въ VI-й день разнообразится споромъ Тиндара съ Личиской, конецъ—прогулкой въ Долину Дамъ, да въ заключеніи V-го дня есть бойкая сцена съ Діонео, наивно напрашивающимся на пѣсни.

Самое чередованіе разсказовъ, иногда совершенно случайное, отвѣчавшее случайностямъ бесѣды⁸⁾), вызывало одни и тѣ же |

extendis in florem; Gen. Deor., XIV, 22: more solertis virginis, quae inter spineta flores illaesis colligit digitis et spinarum aculeos sinit separatim vilescere; Andr. Capell., De Amore l. I, c. VI, стр. 49: Nec tibi vilescat apud quemcunque reperta probitas, quum ex pungentibus rosas spinis colligimus ortas.

1) Сл. выше стр. 410 прим. 1, 428—9 прим. 1.

2) Сл. выше стр. 411 прим. 4.

3) Сл. выше стр. 365; 422—3. Сл. еще стр. 316 прим. 2.

4) Сл. Дек., IV, 6, IX, 7 и Филоколо.

5) VI, 10.

6) VIII, 3.

7) Сл. De Cas. Vir. III., c. VII о несчастіяхъ Юкасты: *permittimus considerare matronis.*

8) Такъ имя Никколозы въ VIII, 5 вызываетъ память о другой Никколовѣ, которой и посвященъ слѣдующій разсказъ (VIII, 6).

506 положенія, которыя и воспроизводятся въ точности: когда новелла кончилась, и ее обсудили или по поводу ея посмѣялись, королева или король велить продолжать другому. Разказчикъ или разказчица начинаютъ съ общаго, по большей части нравоучительнаго введенія, иногда въ связи съ предыдущей новеллой; начало разказовъ типическое, напоминающее свободные приемы сказочника: жилъ недавно тому назадъ; итакъ, скажу; много прошло времени; немного лѣтъ прошло; итакъ, вы должны знать; былъ когда-то, и т. п. Заключенія представляютъ больше отгѣнковъ, смотря по содержанію новеллы это либо общее мѣсто (долго и добродѣтельно прожили; по-добру, по-здорову), либо пожеланіе (да устройтъ, пошлетъ Богъ), прибаутка (уста отъ поцѣлуя не умаляются), или утвержденіе, что такъ-то было: «такимъ-то образомъ наставляють уму-разуму тѣхъ, кто не вынесъ его изъ Болоньи»¹⁾.

Перейдемъ съ той же стилистической точки зрѣнія къ внутренней разработкѣ самихъ новеллъ. Что нерѣдко поражаетъ въ ихъ композиціи, это преобладаніе эпизода, разработка частныхъ, невнимательная къ условіямъ общаго плана, который онѣ застятъ, какъ бы ни были онѣ интересны сами по себѣ. Уже въ Филоколо и Тезеидѣ, въ *Ninfale Fiesolano* и *Фьямметтѣ*²⁾ мы встрѣчали цѣлыя главы и пѣсни, перероставшія цѣлое; для Декамерона образцомъ можетъ служить извѣстная новелла о Чимоне³⁾: она и памятна намъ исключительно одною своею частью, разказомъ о томъ, какъ любовь преобразила грубаго, неотесаннаго юношу; но съ содержаніемъ самой новеллы онъ вовсе не вяжется необходимо, имъ не обусловленъ: и не просвѣщенный любовью, какъ Амето, Чимоне могъ бы увезти Ефигенію, попасть въ тюрьму и снова увлечь свою милую. Но такова особенность Боккаччо, что 507 онъ отдается именно эпизоду, | не минуетъ ни одной мелочи, не оглядѣвъ ее со всѣхъ сторонъ, не исчерпавъ до дна, не взявъ отъ

1) VIII, 9.

2) Сл. выше стр. 246, 254 слѣд., 330, 365, 433—4.

3) V, 1.

нея всего, что она можетъ дать, точно лакомка, медленно смакующій каждую крошку. Эта особенность его таланта, выражающаяся и въ его стилѣ, изобильномъ и не суггестивномъ, и дѣлала его поочередно, смотря по качеству матерьяла, то чуткимъ аналитикомъ, внимательно взвѣшивающимъ всякій фактъ жизни, черту характера, то діалектикомъ, извлекающимъ изъ даннаго тезиса все, что лежитъ въ немъ самомъ абстрактно, логически. Это то же сочетаніе видимо противоположныхъ качествъ, какъ въ талантѣ Овидія; у гуманистовъ оно объясняется любовью къ звучной фразѣ, къ общему мѣсту, апофтегмѣ; что въ такихъ случаяхъ риторъ нерѣдко перечилъ психологу, понятно само собою. Не даромъ флорентійскіе аристархи упрекали Петрарку, что предсмертная рѣчь Магона въ его Африкѣ не отвѣчаетъ ни моменту, ни годамъ его героя. Петрарка защищался въ письмѣ къ Боккаччо¹⁾, допуская, что краснорѣчіе, не идущее къ лицу и дѣлу, не спасаетъ; въ этой ошибкѣ онъ будто бы неповиненъ, — и въ томъ же письмѣ онъ самъ противорѣчитъ себѣ, разсуждая по поводу лохорадочной зависти критиковъ — о лихорадкѣ, которой одержимы левъ и коза, съ ссылками на классиковъ и этимологіями. — Когда въ новеллѣ Боккаччо Танкредъ открылъ любовную связь своей дочери Гисмонды съ худороднымъ Гвискардо, она защищаетъ себя мужественно, не смущаясь, но ея рѣчь въ оправданіе законовъ юности, равноправности людей и безусловной любви — защитительная рѣчь, долженствующая показать величіе ея духа, слишкомъ размѣрена для уличенной дѣвушки и переживаемаго ею настроенія²⁾. Такъ у Овидія, готовясь умереть, Канака сама себя изображаетъ сидящей, съ перомъ въ правой рукѣ, обнаженнымъ мечемъ въ лѣвой и хартіей, лежащей на ея лонѣ³⁾. | Такъ объясняется странная незастѣнчивость Грizeiды⁴⁾ 508

1) Sen., V, 1.

2) IV, 1.

3) Her. XI.

4) Сл. выше стр. 137 и прим. 3.

и Бьянчифьоре¹⁾ у Боккаччо, Миранды — въ Шекспировской Бурѣ. Здѣсь риторъ подсказывалъ психологу.

Разумѣтся, слѣдуетъ принять въ расчетъ, что, изображая Гисмонду, Боккаччо имѣлъ въ виду одинъ изъ тѣхъ героическихъ типовъ, которые жизнь являла рѣдко, и которые неволью принимали статуарный характеръ антика. Классическія увлеченія принесли свои плоды: герои и героини не могутъ не быть величественны, они стоятъ на котурнахъ, ихъ рѣчь спокойна и торжественна даже въ виду смерти, какъ у Гисмонды или у Митридана²⁾, сами они слишкомъ сдержанны среди испытаній, какъ Джиневра³⁾, Джилетта⁴⁾ или Гризельда⁵⁾. Если въ подобныхъ случаяхъ извѣстная дѣланность подсказана средой, искавшей въ древности идеаловъ казоваго величія, и риторизмъ понятенъ, какъ средство, въ другихъ онъ самъ себѣ служить цѣлью. Маэстро Альберто, защищающій передъ мадонной Мальгеридой свое старческое увлеченіе⁶⁾, жѣны, логически оправдывающія свое паденіе⁷⁾, еще не выходятъ изъ правды жизненнаго типа, но когда Зима, объясняясь съ своей дамой, обязанной молчаніемъ, держитъ ей рѣчь отъ себя и отъ нея⁸⁾, когда Тедалдо, вернувшись къ своей милой, неузнанный, подробно развиваетъ передъ ней, что ея холодность къ нему была татьбой и непристойнымъ дѣломъ, ибо она отняла у него — его собственность; когда Джизиппо, уступая свою невѣсту другу Титу, увѣряетъ его, что, отдавъ ее лучшему, онъ самъ не теряетъ ее, и оба долго разсуждаютъ на тему о дружбѣ⁹⁾, — все это выходитъ изъ границъ | историческаго момента, точно онъ выдѣленъ изъ дѣйствительности, и надъ нимъ орудуютъ отвлеченіями, не

1) См. выше стр. 260.

2) X, 3.

3) II, 9.

4) III, 9.

5) X, 10.

6) I, 10.

7) II, 10; VI, 7.

8) III, 5.

9) X, 8.

гнушаясь крайнимъ софизмомъ. Всего ярче обнаруживается этотъ приемъ въ новеллѣ о школярѣ, котораго провела вдова, а онъ отмстилъ ей, заманивъ ее, обнаженную, на башню, и, стоя внизу, глумится надъ ней: большая часть новеллы проходитъ въ обвинительныхъ рѣчахъ школяра и защитительныхъ рѣчахъ дамы; тѣ и другія болѣе разсудочны, чѣмъ страстны, не забыть ни одинъ аргументъ, ни одно положеніе за и противъ, ибо не слѣдуетъ «пздѣваться надъ учеными», знающими, по большей части, «гдѣ у чорта хвостъ»¹⁾. Боккаччо забылъ критическое положеніе своихъ героевъ и, войдя въ роль школяра, въ самомъ дѣлѣ переносить нась въ средневѣковую школу.

Такой же обстоятельностью отличаются и другія части Декамерона, гдѣ только былъ поводъ проявить качества стилиста. Начну съ элемента описаній. У Боккаччо къ нимъ издавна слабость: въ Филоколо есть подробныя до мелочи описанія дворцовъ, убранства, сценъ битвы; «Фьямметта» дала намъ картинку байскаго берега, въ Амето и Ninfale Fiesolano есть нѣсколько пейзажей, вѣщія сны въ Филоколо раскрываютъ симпатіи непочатой, дикой природы съ элегическимъ настроеніемъ человѣка, хотя вообще то сентиментальное чувство природы, которое почему-то ведутъ отъ Петрарки, какъ позднѣ вѣли отъ Руссо, у Боккаччо не развито. Именно о Петраркѣ онъ говоритъ, что его приковывала къ Воклюзу «прелесть уединенія»²⁾; уединенія, манившаго къ себѣ поэтовъ и святыхъ отшельниковъ, потому что въ лѣсахъ нѣтъ ничего искусственнаго, прикрашеннаго, вреднаго для ума «Все созданное природой просто: тамъ высіящіяся къ небу буки и другія деревья простираютъ густую тѣнь молодой листвы, тамъ земля покрыта зеленою травою и испещрена разными цвѣтами, прозрачныя источники и серебристыя потоки спускаются изъ плодороднаго нѣдра горъ; тамъ поютъ пестрыя птички, вѣтви 510 звучать отъ вѣянія мягкаго вѣтерка, рѣзвятся звѣри; тамъ стада

1) VIII, 7.

2) De Montibus, a. v. Sorgia.

и пастушій домъ, либо бѣдная лачужка; все исполнено покоя и тишины и не только ласкаетъ пресыщенные глаза и слухъ, но и заставляетъ умъ сосредоточиться, обновляя его усталыя силы, возбуждая къ размышленію о возвышенныхъ предметахъ» — и къ творчеству¹⁾. — Въ XI-мъ вѣкѣ Петръ Даміани также воспѣвалъ блаженное уединеніе своей кельи, гдѣ для него горѣли розы любви, цвѣли въ снѣжной бѣлизнѣ лиліи цѣломудрія, миртъ самоистязанія, тимьянъ непрестанной молитвы, гдѣ человекъ снова восходилъ къ Божію образу, и въ борьбѣ духа и плоти побѣждалъ духъ. У Боккаччо центръ тяжести перемѣстился: уединеніе воспитываетъ поэта, оно необходимо для него, твердитъ Петрарка, противорѣча на этотъ разъ Квинтильяну и Овидію²⁾. Идеализація природы была лишь слѣдствіемъ потребности культурнаго человека уйти въ себя, обособиться для себя; въ такой природѣ онъ былъ одинъ и естественно переносилъ на нее то чувство одиночества, котораго искалъ, которое находилъ и среди молчаливыхъ памятниковъ прошлаго. У Боккаччо была археологическая жилка, но не ею одной объясняется, почему одиночество природы такъ часто совпадаетъ у него съ культомъ старины, почему у его Фьямметты панегирикъ сельской жизни и первобытной простоты сливается съ грустнымъ чувствомъ антика, «новаго» для современныхъ умовъ³⁾.

Но такое настроеніе держится у Боккаччо недолго; что ему нравится—это природа ласковая, смѣющаяся, побѣжденная человекомъ, устроенная для житья, пейзажъ, привольно раскинувшийся на отлогихъ холмахъ, сады, расположенные по геометрическому плану, съ дорожками, прямыми, какъ стрѣлы, и стадами прирученныхъ дикихъ звѣрей, которыхъ итальянцы держали въ
511 своихъ садахъ, французы XIV-го вѣка выставляли, въ видѣ декорации, при торжественныхъ вѣздахъ своихъ королей. Таковъ

1) Gen. Deor., XIV, 11.

2) De vita Solitaria, l. I, sect. V, c. 1 стр. 241; l. II, sect. VII, c. 2, стр. 279.—

*Св. Бернардь: *aliquid amplius invenies in sylvis quam in libris.*

3) Fiammetta, стр. 115 слѣд.; 91.

пейзажъ въ вступленіи къ III-му дню¹⁾, таково въ концѣ VI-го описаніе Долины Дамъ: ея поверхность «была такая круглая, точно она обведена *циркулемъ*, хотя видно было, что это созданіе природы, а не рукъ человѣка; она была въ окружности не болѣе полумили, окружена *шестью* не особенно высокими горами, а на вершинѣ каждой изъ нихъ виднѣлось *по дворцу*, построенному наподобіе красиваго замка. Откосы этихъ пригорковъ спускались къ долинѣ уступами, какіе мы видимъ въ *театрахъ*, гдѣ ступени послѣдовательно располагаются отъ верха къ низу, постепенно суживая свой кругъ. Уступы эти, поскольку они обращены были къ *полуденной сторонѣ*, были всѣ въ виноградникахъ, оливковыхъ, миндальныхъ, вишневыхъ, фиговыхъ и многихъ другихъ плодоносныхъ деревьяхъ, такъ что и пяди не оставалось пустой. Тѣ, что обращены были къ *Сѣверной колесницѣ*, были всѣ въ рощахъ изъ дубовъ, ясеней и другихъ ярко-зеленыхъ, стройныхъ, какъ только можно себѣ представить, деревьевъ, тогда какъ долина, безъ иного входа, кромѣ того, которымъ прошли дамы, была полна елей, кипарисовъ, лавровъ и *нѣсколькихъ пиній*, такъ хорошо расположенныхъ и распределенныхъ, какъ будто ихъ насадилъ лучший художникъ этого дѣла». Небольшой потокъ, «вытекавшій изъ одной долины, которая раздѣляла *двѣ* изъ тѣхъ горъ», падая по скалистымъ уступамъ, производилъ пріятный шумъ, «а его брызги казались *ртутью*, которую, нажимая, выгоняютъ изъ чего-нибудь мелкими струйками». Среди долины онъ образовалъ «озерко, какія устраниваютъ иногда въ своихъ садахъ, въ видѣ *питомника, горожане*, когда есть къ тому возможность». Оно такъ прозрачно, что можно пересчитать на днѣ его камни, слѣдить за юрканьемъ рыбы; воду, оказывавшуюся въ немъ лишней, «воспринималъ другой потокъ, которымъ она выходила изъ долины, стекая въ болѣе низменныя мѣста»²⁾. |

1) Пер. I, стр. 183—4.

2) Пер. II, стр. 38—9.

512 Какъ далеки мы отъ непочатой угрюмой природы, питающей думы поэтовъ и отшельниковъ! Здѣсь все прилажено, точно по компасу, рукой художника, озерко, что городской прудъ; пейзажъ стилизованъ до мелочей, нѣтъ ни одного неосвѣщеннаго уголка, все предусмотрено и досказано. Такъ же обстоятельны и говорливы у Боккаччо описанія костюма и женской красоты, не только въ Амето, гдѣ они избылиуютъ, но и въ Декамеронѣ: припомнимъ тамъ и здѣсь портретъ Фьямметты¹⁾, костюмы нимфъ въ Амето, сцену рыбной ловли въ 4-й новеллѣ X-го дня: «двѣ дѣвушки вошли въ садъ, лѣтъ, можетъ быть, пятнадцати, съ золотистоблѣокуроыми, вьющимися, распущенными волосами и легкими вѣнками изъ барвинка; . . . на нихъ были одежды изъ тончайшаго, бѣлаго, какъ снѣгъ, полотна, плотно облегавшія тѣло сверху до пояса, а затѣмъ широкія, какъ палатка, и длинныя до ногъ. Та, что шла впереди, несла на плечѣ пару сѣтей, которыя поддерживала лѣвой рукою, въ правой — длинный шестъ; та же, которая шла за нею, — на своемъ лѣвомъ плечѣ сковороду, подъ мышкой — небольшую вязанку хворосту и таганъ, въ другой рукѣ она держала кувшинъ съ олеемъ и зажженный факель»²⁾).

Если въ любви Боккаччо къ извѣстнымъ картинамъ культурной природы сказался итальянскій горожанинъ, то его костюмы и типы красоты обличаютъ культъ пластики и прекраснаго тѣла; то и другое навѣяно новымъ настроеніемъ вкусовъ и сказывается въ литературѣ, какъ чаяніе, которое оправдаютъ нѣсколько позже образовательныя искусства.

Средневѣковая лирика до-дантовской поры знала красавицу-формулу, нѣсколько реальную: кровь съ молокомъ, слоновая кость съ розой, рубинъ съ кристалломъ; этихъ красавицъ видѣли, но въ ихъ изображеніи нѣтъ личнаго момента, наблюденіе заслонено типомъ. У школьно-латинскихъ поэтовъ можно встрѣтить болѣе |
513 пластичныя изображенія красоты, напоминающія антикъ — но

1) Сл. выше стр. 115—116.

2) Пер. II, стр. 271—2.

это литературные перефразы. Въ живописи держится старый условный типъ: овальный складъ лица, выпуклый лобъ, продолговатые, впалые глаза, полузакрытые и опущенные; неподвижная шея, узкія плечи, тощія члены и плоская грудь; удается лишь выраженіе спокойствія и экстаза, не страстныхъ движеній лица и тѣла; однообразно ломающіяся грузныя складки костюма, отсутствіе свѣтотѣни и индивидуализации въ выраженіи лица показываютъ, что художникъ еще не пріучился писать съ натуры. Онъ пишетъ святыхъ, и небо даетъ ему топы, тотъ «цвѣтъ перла», который царитъ у Данте и поэтовъ его направленія. У Боккаччо все это было передъ глазами: и красавица-формула, и мадонны Джьотто, и античные образцы, не только литературные, но и статуарные, которые начинаютъ цѣнить¹⁾, — и явилась любовь къ индивидуальному въ пластикѣ и жизни, большая раздѣльность наблюденій, какъ, напр., изъ его современниковъ у Фаціо дельи Уберти. У его красавицы лобъ открытый и ровный, глаза широко раздѣзаны, смотрятъ серьезно или бѣгаютъ плутовски; шея поднимается, какъ «колонна», широкія плечи и развитая грудь; при этомъ маленькая ножка и бѣлая ручка, красиво выдѣляющаяся на фонѣ пурпурнаго платья. Все это ново, какъ и вкусъ къ складкамъ и драпировкѣ тамъ, гдѣ можно было забыться въ мірѣ нимфъ, пренебрегая костюмомъ современной горожанки. Нимфы Амето одѣты, какъ римскія статуи, еще преобладаютъ широкія волны ткани, но уже платье открыто съ боковъ и держится отъ шеи до пояса на пряжкахъ; рукава такъ же откровенны; концы мантии перекидываются пзъ-подъ одного плеча на другое, падаютъ двойной складкой на колѣни, длинной полосой развѣваются по вѣтру, тогда какъ крохотная черная сандаля едва держится на концахъ пальцевъ, отчего ножка кажется еще бѣлѣе²⁾. | Встрѣчается и даптовское *color di perla* (*Vita Nuova*, canz. 1: *Color di perla quasi informa, quale — conviene a donna aver, non fuor mi-*

1) Для Петрарки сл. De Nolhac., I. с., стр. 262 слѣд.; сл. Benvenuto da Imola, *Com. ed. Lacaïta*, III, 280.

2) Сл. выше стр. 274.

Джьотто; не было ничего, говорить онъ о немъ, «что въ вѣчномъ вращеніи небесъ производитъ природа, мать и устроительница всего сущаго, что бы онъ карандашомъ, либо перомъ и кистью не написалъ такъ сходно съ нею, что, казалось, это не сходство, а скорѣе самъ предметъ¹⁾. Это почти та же характеристика, что у Ф. Виллани; начитанный въ исторіяхъ Джьотто явился соревнователемъ | поэтовъ, изображая то, что тѣ воображали. — Замѣтка, 515 интересная для начала натурализма въ литературѣ и искусствѣ: въ концѣ XIV-го и началѣ XV вѣка Якопо Аванци и Мазолино готовятъ его въ живописи, переходя отъ условности стараго художественнаго преданія къ принципу портрета, къ натурѣ; у Боккаччо реализмъ наблюденія — такой же признакъ времени, какъ и любовь къ діалектическому развитію, отвѣчавшему условнымъ требованіямъ классически-украшеннаго стиля. Они идутъ къ одной и той же цѣли, анализу, но еще не спѣлись, не помогаютъ другъ другу. Оттуда своеобразное, не лишенное прелести, впечатлѣніе, какое производитъ на насъ проза Декамерона; отсюда не предусмотрѣнный часто контрастъ прозаическаго положенія и торжественной фразы, вызывающій улыбку, точно человекъ желаетъ разсмѣшить, а самъ не смѣется; но отсюда же и излишняя полнота, выписанность: недостаетъ дали, я сказалъ бы, музыкальнаго элемента, того, что заставляетъ насъ *перечувствовать*, *досоздавать* едва намѣченный контуръ дантовскаго пейзажа. Всякая шутка отчеканена, смѣхъ раздается свѣжей и ровный, нѣтъ полусвѣта и полутѣней, изъ которыхъ неожиданно сверкнетъ юморъ. Все досказано, и мы знаемъ, какъ подробно. И не только въ описаніяхъ, но и въ характеристикахъ: онѣ также собираются изъ мелочей, изъ массы положенныхъ рядомъ штриховъ. Немного такихъ повелѣлъ, какъ 2-ая новелла VIII-го дня, гдѣ бы впечатлѣніе достигалось сразу, безъ приготовленія²⁾.

1) Дек., V, 5; сл. *Amorosa Visione*, с. 4 и *Gen. Deor.*, XV, 6.

2) *Къ детальности Боккаччо сл. *Braggio, Impressioni e discorsi letterari* (Brescia, 1895): *Le rappresentazioni della bellezza femminile nel quattrocento*. Авторъ говоритъ, что въ XV вѣкѣ эти описанія обнаруживаютъ большой упа-

Жилъ въ Варлунго священникъ, «молодецъ и здоревенный въ услуженіи женщипамъ»; хотя онъ и не особенно былъ силенъ въ грамотѣ, тѣмъ не менѣ многими хорошими и святыми словечками наставлялъ своихъ прихожанъ въ воскресенъе подь ольхой, а когда они куда-нибудь уходили, посѣщалъ ихъ женъ усердїе, чѣмъ какой-либо изъ бывшихъ до него священниковъ, принося имъ порой на домъ образки, святой воды и огарки свѣчь и надѣлая своимъ благословенїемъ». Случилось ему влюбиться въ одну крестьянку, по имени монна Бельколоре; «она въ самомъ дѣлѣ была хорошенькая, свѣжая крестьяночка, смугленькая и плотная, болѣе всякой другой годная на мельничное дѣло. Сверхъ того, она лучше всѣхъ умѣла играть на цимбалахъ и пѣть: «Вода бѣжитъ къ оврагу», и когда, случалось, выступала въ пляскѣ, вела ридду и балланкію, съ красивымъ, тонкимъ платкомъ въ рукѣ, лучше всякой своей сосѣдки. Вслѣдствїе всего этого священникъ такъ сильно въ нее влюбился, что былъ какъ бѣшенный и весь день шлялся, лишь бы увидать ее. Утромъ въ воскресенъе, когда онъ зналъ, что она въ церкви, онъ, произнося «Господи помилуй» и «Святый Боже», старался показать себя столь великимъ мастеровъ пѣнїя, что, казалось, кричить осель, тогда какъ, не видя ея, обходился безъ этого очень легко». Чтобы сблизиться съ Бельколоре, онъ дѣлаеть ей порою подарки: «то пошлетъ пучокъ свѣжаго чесноку, — а былъ онъ у него изъ лучшихъ въ деревнѣ, — изъ своего саду, который онъ обрабатывалъ своими руками, то корзину гороху въ стручкахъ, то связку майсаго лука или шарлоткъ; а иногда, улучивъ время, посмотреть на нее искоса и любовно огрызнется; она же, нѣсколько дичась и притворившись, что ничего не замѣчаетъ, проходила мимо съ сдержаннымъ видомъ, почему отецъ священникъ и не могъ добиться отъ нея толку». И вотъ однажды въ самый полдень онъ плутаетъ зря по деревнѣ, когда

докъ, perchè «l'eccesso dei particolari decompone il tutto nelle parti», onde la realtà viva vien meno. Questa decadenza ha principio con le minute, inestetiche descrizioni del Boccaccio, che i suoi imitatori peggiorarono. Сл. Giorn. Stor. d. lett. ital., v. XXVII, fasc. 79, стр. 194.

ему встрѣтился мужъ Бельколоре, ѣхавшій въ городъ; онъ даетъ ему порученіе а самъ, пользуясь его отсутствіемъ, хочетъ попытать счастья; добрался до дома Бельколоре, вошелъ, спрашиваетъ: «Господи благослови, кто же тутъ?» «Добро пожаловать, батюшка, отвѣчаетъ съ чердака Бельколоре, что это вы болтаетесь по такой жарѣ?» Священникъ отвѣчалъ: «Помилуй Богъ, я пришелъ побить съ тобою нѣкоторое время, ибо встрѣтилъ твоего мужа, шедшаго въ городъ». Бельколоре, спустившись, сѣла и принялась чистить капустное сѣмя, которое недавно передъ тѣмъ смолотилъ ей мужъ. Священникъ началъ говорить: «Что жъ, Бельколоре, ты такъ и будешь вѣчно морить меня такимъ образомъ?» Бельколоре, засмѣявшись, спросила: «Что же я-то вамъ дѣлаю?» Священникъ отвѣчалъ: «Ты-то мнѣ ничего не дѣлаешь, но не даешь | мнѣ ⁵¹⁷ сдѣлать, чего я хочу, и что самъ Богъ повелѣлъ». Говоритъ Бельколоре: «Убирайтесь, убирайтесь! Да развѣ священники такія вещи дѣлаютъ?» и т. д.

Мы можемъ не знать, какъ разыграется новелла; это дѣло случая, анекдота, но насъ закупаютъ особи дѣйствующихъ лицъ, очерченныя свѣжо и прозрачно: вы почти угадываете, что Бельколоре можетъ сдаться, а священникъ, не знающій въ полдень, куда дѣться отъ любви, пойдетъ на всякую сдѣлку.

Рядомъ съ этими набросками характера другіе отличаются обычнымъ у Боккаччо детальнымъ анализомъ. Въ новеллѣ III-яго дня простакъ Ферондо весь рисуется въ разговорѣ съ монахомъ; иной разъ этотъ пріемъ развитъ до утомительности. Намъ уже приходилось говорить о циклѣ новеллъ, героями которыхъ являются Каландрино и докторъ Симоне¹⁾; они служатъ предметомъ насмѣшекъ и злыхъ шутокъ, ихъ подзадориваютъ, игралъ на ихъ слабыхъ струнахъ, и заставляютъ высказываться постепенно, по мелочамъ. Въ первой новеллѣ 1-го дня эта детальность подавляетъ: ростовщикъ Чаппеллетто, умирая въ домѣ двухъ ростовщиковъ-флорентинцевъ, не желаетъ навлечь на нихъ

1) Сл. выше стр. 470.

позоръ и гоненіе, если бѣ на исповѣди онъ оказался такимъ не-исправимымъ грѣшникомъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ; и вотъ онъ рѣшился разыграть святого и притомъ наивно убѣжденнаго въ своей грѣховности. Его исповѣдь развиваетъ подробно эту тему, поминаются грѣхи одинъ маловажнѣе другого, а мнимый святой все больше плачется, что они смертные, и духовникъ приходитъ въ умиленіе отъ его дѣтской чистоты. Не столько вырисовывается характеръ, сколько разбирается по хріямъ, съ риторическимъ поднятіемъ и паденіемъ, извѣстное положеніе. Таково отношеніе Боккаччо и къ характерамъ героическаго, поднятаго типа: взять какой-нибудь торжественный моментъ, дѣйствующій на слезовую железу, и анализъ сосредоточивается вокругъ него. Иное дѣло средніе типы, съ которыми Боккаччо приходилось

518 встрѣчаться, которыхъ онъ любилъ, или надъ которыми ему случалось потѣшаться: ихъ онъ зналъ, стилистическому анализу почти не было мѣста, на сцену выходили живыя лица, діалогъ становился бойчѣе, сбрасывая латинскія узы, типы старыхъ рассказовъ, если они попадались подъ руку, становились — характерами. Ибо въ смыслѣ типовъ у Боккаччо немного найдется такого, что бы не встрѣчалось въ старофранцузскихъ потѣшныхъ рассказахъ, вѣроятно, и въ итальянскихъ народныхъ повѣстяхъ того же содержанія: тѣ же жены, водящія за носъ ревнивыхъ мужей, монахи и священники, тревожимые плотью и любостыжаніемъ; женщины свободнаго поведенія¹⁾, какъ *Herselot*, *Mabile*, *Richeut* и услужливыя посредницы любви, знакомыя по *Фабліо*²⁾; простакъ и скоморохи и самъ *Martin Harpart*, такой же реалистъ и невѣрующій, обирало и сутяга, какъ *Чапеллетто*. Все это уже было, были и зачатки характера, случайно брошенные въ рамки типа, но только Боккаччо явился сознательнымъ стилистомъ и психологомъ повеллы, поднявшимъ ее своимъ живымъ пониманіемъ личнаго въ реальномъ. Я разумью реальность итальянскую:

1) Дек., II, 5; VIII, 10.

2) Сл. выше стр. 121.

рѣзкіе контрасты настроеній, мужчины, пускающіеся въ слезы, падающіе за-мертво — все это психическія черты южной страстной расы, самого Боккаччо, и онѣ естественны.

V.

Не забудемъ, Боккаччо-дидактика: Декамеронъ рассчитанъ на дамъ, которыя найдутъ въ немъ не только удовольствіе, но и «полезный совѣтъ»¹⁾; послѣдняя фраза Декамерона прямо говорить о пользѣ: «А вы, милыя дамы, пребывайте, по Божьей милости, въ мирѣ, поминая меня, если, быть можетъ, какой-нибудь изъ васъ послужило на пользу это чтеніе»²⁾. Что наставительному элементу своей книги Боккаччо придавалъ не послѣднее значеніе — въ этомъ нельзя сомнѣваться. Разказы каждого дня отвѣчаютъ извѣстнымъ рубрикамъ, обобщающимъ ихъ со- 519 держаніе, какъ бы въ виду вопросовъ, которые можетъ поднять не ихъ фабула, а ихъ жизненная сущность: «о тѣхъ, кто послѣ разныхъ превратностей и сверхъ всякаго ожиданія достигъ благополучной цѣли»³⁾, «о тѣхъ, чья любовь имѣла несчастный исходъ»⁴⁾, «о томъ, какъ послѣ разныхъ печальныхъ и несчастныхъ происшествій влюбленнымъ приключилось счастье»⁵⁾; «о великодушій»⁶⁾. У такого дидактика, какъ Франческо да Барберино въ его *Del Reggimento e dei costumi delle donne*, въ латинскомъ комментарий къ *Documenti d'Amore* и, вѣроятно, въ утраченных *Fiore di novelle* соображенія учительнаго свойства предшествовали разказамъ, которые являлись какъ бы нагляднымъ прикладомъ общаго мѣста; въ Декамеронѣ оно едва намѣчено въ темѣ, избранной для разказовъ каждого дня, и болѣе вытекаетъ изъ нихъ,

1) Дек., Введеніе р. = пе I, стр. 3.

2) Пер. II, 336.

3) День 2-й.

4) День 4-й.

5) День 5-й.

6) День 10-й.

чѣмъ ихъ приготовляетъ. Для этого Боккаччо пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ: не только рѣчи его героевъ, иногда развитыя въ цѣляхъ риторизма, полны назиданій и общихъ сужденій¹⁾, но сами собесѣдники морализуютъ по поводу рассказываемаго ими, обсуждаютъ чужія повѣсти начинаютъ свои новеллы постановкой какой-нибудь житейской истины, сѣтуютъ или смѣются надъ приключеніями, хвалятъ или порицаютъ, и эти сужденія опредѣляютъ настроеніе слѣдующаго рассказчика, между новеллами протягивается, несмотря на ихъ иногда случайный подборъ, живая идеальная связь. Темы представляются разнообразныя: въ введеніи и заключеніи 1-й новеллы 1-го дня Памфило говоритъ о «тайнахъ божественныхъ помысловъ», попускающихъ грѣшника быть орудіемъ спасенія, — и о спасительности вѣры²⁾, во 2-й — Неифила разсуждаетъ о благодати Божіей, терпящей недостатки слугителей 520 церкви и тѣмъ паче | свидѣтельствующей о своей непреложности, что и иллюстрируется отрицательными впечатлѣніями жизни при римской куріи, вынесенными евреемъ Авраамомъ, какъ въ *Avventuroso Siciliano* — Саладиномъ³⁾. Вопросъ о нравственной распушенности духовенства въ сравненіи съ идеалами пастырскаго и монашескаго житія не только даетъ содержаніе цѣлому ряду новеллъ, по вызываетъ и обсужденія и нареканія, какъ у Биндо Бонни⁴⁾, Пуччи и друг. Филострато говоритъ, по поводу новеллы о флорентинскомъ инквизиторѣ⁵⁾, о «грѣховной и грязной жизни клериковъ»⁶⁾, Пампиня — о глупости монаховъ, соединенной съ самомнѣніемъ⁷⁾, объ ихъ ханжествѣ и попрошайничествѣ⁸⁾, Филострато сопоставляетъ ихъ изнѣженность съ обѣтами нищеты и цѣломудрія⁹⁾, п подобныя же обличенія вложены въ уста одного

1) Сл. рѣчь Гисмонды, IV, 1; рѣчи Тита и Джизиппо, X, 8 и др.

2) II, 1.

3) ed. Nutt, стр. 461.

4) *Canz.* 14; *son.* 4, 19, 21.

5) I, 6.

6) I, 7.

7) III, 3.

8) IV, 2.

9) VII, 3.

изъ героевъ 7-й новеллы III-го дня. Великодушный поступокъ духовныхъ лицъ возбуждаетъ удивленіе¹⁾, ихъ «крестовый походъ» на семью — и смѣхъ и ропотъ²⁾: древнее противорѣчіе идеала и практики, надъ которымъ издавна задумывались наблюдатели церковной жизни, и издѣвались средневѣковые фавлѣд, разрѣшая противорѣчія то смѣхомъ, то карой. Такъ и у Боккаччо: мы хохочемъ надъ уснѣхами Мазетто въ женскомъ монастырѣ³⁾, надъ любовной стратегіей поповъ⁴⁾ и наивной страдой Алибекъ⁴⁾, надъ молитвенными заклинаніями Джьянни Лоттеринги⁶⁾ и свлтоши Пуччьо⁷⁾. Надо всѣмъ этимъ | смѣялись и до Боккаччо: въ 521 одной баллатѣ XIV-го вѣка монахини нѣкой обители являются къ службѣ съ тѣмъ же непоказаннымъ головнымъ уборомъ, съ какимъ аббатисса Узимбальда⁸⁾, и заключеніе то же, что и въ новеллѣ: пусть всѣ пользуются жизнью, говоритъ настоятельница⁹⁾; но въ восьмой новеллѣ III-го дня торжествуетъ тотъ же порокъ, который позорно наказанъ въ новеллахъ IV, 2 и VIII, 4. Принципиальнаго разрѣшенія нѣтъ: рассказчики Декамерона не индифференты, а по-своему религіозны, часто и благоговѣйно поминаютъ имя Божіе, блюдутъ пятницу и субботу¹⁰⁾, ходятъ въ церковь¹¹⁾. Ихъ религіозность не обрядовая только, она пошла нѣсколько далѣе эпидермы, но сомнѣнія ее не волнуютъ: новелла о братѣ Чиполлѣ¹²⁾ — не протестъ противъ культа мощей, братъ Чиполла — завѣдомо веселый обманщикъ; сомнѣніе можетъ возбудить развѣ освѣщеніе, въ кото-

1) X, 2.

2) VIII, 2, 4.

3) III, 3.

4) VIII, 2, 10.

5) III, 10.

6) VII, 1.

7) III, 4.

8) Дек., IX, 2.

9) T. Carini, *Due antichi repertorii poetici*, въ *Propugnatore*, N. S., vol. II, fasc. 7—8, стр. 205—7.

10) Дек., II, въ концѣ = перев. I, стр. 179.

11) Ib. VIII, нач. = пер. II, стр. 104.

12) VI, 10.

лези ¹⁾ сами заслужили свою участь; вотъ почему слушательницы смѣются такъ, «что не было никого, у кого не болѣли бы скулы» ²⁾. Вопросъ о нравственной вмѣняемости не поднимается, такъ всѣ заливаются смѣхомъ надъ наивной продѣлкой, интрига интересуетъ сама по себѣ, шутка исчерпывается цѣлью забавы, комическаго эффекта, а тамъ на помощь могутъ придти и неотразимыя силы — Амура.

Потому что сила Амура властвуетъ въ Декамеронѣ, какъ властвуетъ въ природѣ ³⁾ и въ жизни, и хотя онъ «охотнѣе обитаетъ въ веселыхъ дворцахъ и роскошныхъ покояхъ, тѣмъ не менѣе не оставляетъ проявлять порой свои силы и среди густыхъ лѣсовъ, суровыхъ горъ и пустынныхъ пещеръ, изъ чего можно ⁵²⁴ усмотрѣть, что все подвержено его власти» ⁴⁾. Такъ начи|нается простодушно-физиологическая новелла объ Алибекѣ, и то же повторяется въ введеніи къ сентиментальному разсказу о любви Симоны и Пасквино, прерванной внезапной смертью ⁵⁾. Ибо любовь понимается въ самомъ широкомъ смыслѣ, обнимающемъ и небо и землю, физиологію и отвлеченія платонизма. Многіе «вполнѣ увѣрены, что лопата и заступъ и грубая пища и трудъ земледѣльца лишаютъ всякихъ похотливыхъ вождельній» ⁶⁾, говорить въ одномъ мѣстѣ Боккаччо, сводя все къ вопросу о пищѣ и тунеядствѣ. Это взглядъ реалиста, который онъ проводитъ не разъ. Венера покоится на ложѣ, около нея Вакхъ и Церера и Богатство па стражѣ ея покоя ⁷⁾. Говоря о прелестяхъ Байскаго берега, Фьямметта указываетъ на изысканныя яства и старыя вина, способныя не только возбудить заглушное вождельніе, но воскресить и умершее ⁸⁾; позже такъ же объяснится ранняя, ребяческая

1) III, 5.

2) II, 10 = пер. I, 179.

3) Fiammetta, стр. 25.

4) III, 10; сл. вступленіе въ IV-й день = пер. I, 275.

5) IV, 7.

6) III, 1.

7) Тезеида, сл. выше стр. 332.

8) Fiammetta, стр. 92—3.

страсть Данте къ Беатриче: согласіемъ темпераментовъ и нравовъ, вліяніемъ свѣтил¹⁾, весельемъ празднества, изысканностью кушаній и винъ²⁾. Весной все влечется къ любви, и животныя, и женщины, и — юноши; не будь законовъ, они доходили бы до неистовства³⁾. Въ концѣ X-го дня Діонео выражалъ свое удовольствіе, что ихъ общество вело себя прилично и честно, хотя рассказывали «новеллы веселья и, можетъ быть, увлекашія къ вожделѣнію», и они «хорошо ѣли и пили, играли и пѣли, что вообще возбуждаетъ слабыхъ духомъ къ поступкамъ, менѣе чѣмъ честнымъ»⁴⁾. Такъ и жена французскаго королевича объясняетъ свою внезапную страсть къ графу Анверскому: «кто станетъ отрицать, что болѣе заслуживаетъ порицанія бѣднякъ или бѣдная женщина, которымъ приходится трудомъ | снискивать потребное для жизни, если они 525 отдадутся и послѣдуютъ побужденіямъ любви, чѣмъ богатая, незанятая женщина, которой нѣтъ недостатка ни въ чемъ, что отвѣчаетъ ея желаніямъ»⁵⁾? Эта неизменно-физиологическая точка зрѣнія на любовь, отрицательная у Гвигтоне и Данте да Маяно⁶⁾, или у Биндо Боники⁷⁾, совѣтовавшихъ бороться съ нею очистительными средствами, бичеваньемъ и холодными ваннами, — является, какъ положительная, въ народныхъ пѣсняхъ о неудачливой въ бракѣ⁸⁾ и въ Декамеронѣ. Она-то объясняетъ откровенныя рѣчи жены мессера Риччярдо да Кинзика къ ея хилому супругу, излишне награждавшему ее праздными днями⁹⁾, и приязанія супруги Пьетро ди Винчоло¹⁰⁾, и боязнь англійской коро-

1) *Influenzia del cielo.*

2) *Ed. Macri-Leone, стр. 15.*

3) *Gen. Deor., III, 22; сл. Com. sopra la D. C., II, 86.*

4) *Пер. II, стр. 328—9.*

5) *II, 8; сл. Canzone V: Laccio d'amor non lega uomo occupato, — Ma chi s'è posa in ozio e dorme e giace; Ovid., Remedia Amores, 136 слѣд. Fac monitis fugias otia prima meis, Haec ut ames, faciunt... Haec sunt iucundi causa cibusque mali.*

6) Въ его отвѣтномъ сонетѣ къ Данте.

7) *Canz. 18.*

8) *Сл. Casini, l. c., стр. 359 слѣд.*

9) *II, 10.*

10) *V, 10.*

левны, что ее выдадутъ за старика, и она можетъ «совершить по своей юношеской слабости что-либо противное божескимъ законамъ и чести королевской крови ея отца»¹⁾, почему она сама выбираетъ себѣ супруга, какъ несчастная Гисмонда — любовника²⁾. — Иначе приходится лицемѣрить, выдавая приличіе за соблюдение долга, ибо «скрытый грѣхъ наполовину прощенъ»³⁾, ущербъ чести—ни въ чемъ другомъ, какъ въ томъ, что выходитъ наружу⁴⁾, какъ говорилъ когда-то и Овидій⁵⁾; Гисмонда откровеннѣе: ея рѣчь отцу — защита естественныхъ вождедѣній, требованіе любви по склонности и выбору, не стѣсняющемуся соображеніями рода и богатства. Это протестъ противъ дѣловаго | брака, какъ защитительная рѣчь Филиппы передъ судомъ требуетъ отмѣны законовъ, карающихъ женское пецѣломудріе, ибо ихъ установили одни мужчины⁶⁾; они, позволяющіе себѣ отдаваться всѣмъ своимъ желаніямъ, воображаютъ, что для женщинъ писанъ другой законъ⁷⁾; имъ по-дѣломъ, если ихъ также проводятъ⁸⁾, если неумѣстная ревность доводила ихъ до позора⁹⁾, и не по-дѣломъ было Гвальтьери, что безумныя испытанія, которымъ онъ подвергъ свою жену, кончились для него такъ, а не иначе¹⁰⁾.

Любовь царитъ невозбранно; «о Амуръ! каковы и сколь велики твои силы? Каковы твои совѣты и измышленія? Какой философъ, какой художникъ былъ когда-либо въ состояніи или можетъ избрѣсти тѣ похватки, тѣ выдумки, тѣ сноровки, которыя ты внезапно являешь идущимъ по слѣдамъ твоимъ»¹¹⁾? Онъ заставляетъ влюбленныхъ презирать всякія опасности и смерть¹²⁾,

1) II, 3.

2) IV, 1.

3) I, 4; сл. IX, 2.

4) II, 9, 8.

5) Amor., III, 14. v. s.: Non peccat, quaequumque potest peccasse negare.

6) VI, 7.

7) II, 9 и 10: рѣчь Діонео.

8) VII, 2.

9) VII, 5 и начало VII, 6.

10) X, 10 = пер. II, стр. 328.

11) VII, 4.

12) IX, 1.

караетъ за жестокость къ любящимъ¹⁾, питаетъ романтическую страсть Джербино и тунисской королевы, никогда не выдавшихъ другъ друга²⁾, воспитываетъ Чимоне³⁾, изощряетъ куртуазію Федерико дель Альбериги⁴⁾, виртуозный культъ красоты у стараго маэстро Альберто⁵⁾ и безнадежно-сентиментальное чувство обѣдной Лизы⁶⁾; доводитъ до смерти⁷⁾ или схимы⁸⁾. Онъ не знаетъ монашескихъ обѣтовъ⁹⁾, и не малый подвигъ совершаетъ | тотъ, кто успѣлъ побороть его великодушіемъ¹⁰⁾, или заставилъ 527 поступиться передъ дружбой¹¹⁾. — Разнообразіе женскихъ типовъ Декамерона отвѣчаетъ безконечнымъ отгѣнкамъ одного и того же побѣднаго чувства.

Таково въ Декамеронѣ ученіе о всевластной любви. Видимо, оно ни въ чемъ не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ въ неаполитанскихъ садахъ Галеоне-Боккаччо спорилъ съ Фьямметтой. Въ основѣ это — овидіевскій взглядъ на физиологическую любовь, какъ на принципъ мірового согласія и устройства¹²⁾, на любовь, какъ искусство и виртуозность, объектомъ которой являлись у Овидія либерты, женщины свободныхъ нравовъ, не цѣломудренныя жены, стоящія въ законѣ¹³⁾, строгія блюстительницы очага и семейныхъ расирей¹⁴⁾; къ свободнымъ жрицамъ любви, изящнымъ и художественно-воспитаннымъ¹⁵⁾, не примѣнялись обычныя требо-

1) IV, 8 въ началѣ; V, 8 въ концѣ.

2) IV, 4.

3) V, 1.

4) V, 9.

5) I, 10.

6) X, 7.

7) IV, 5, 7.

8) IV, 6.

9) III, 1.

10) X, 4, 5.

11) X, 8.

12) Art. Am., II, 477: *Blanda truces animos fertur mollisse voluptas.*

13) Art. Am., I, 31 слѣд. = *Trist.*, II, 247 слѣд.; сл. Art. Am., II, 499—500, III, 611 слѣд.

14) Art. Am., II, 153 слѣд.

15) Art. Am., III, 311 слѣд.

ванія долга, нравственности, имъ мѣсто въ семьѣ, но пониманіе любви, какъ непререкаемой силы, естественно переносилось и на цѣломудрыхъ жень: всякое женское естество склонно къ сладострастію, говорилъ Овидій¹⁾, обобщая примѣры античныхъ героинь; нѣтъ женщины недоступной²⁾. Въ средневѣковомъ обществѣ, не знавшемъ института либертъ и читавшемъ любовные трактаты Овидія, его ученіе могло быть примѣнено лишь къ нелегальнымъ отношеніямъ; оно попадало въ теченіе фаблѣ или суроваго обличенія, но нашло и развитіе — благодаря софизму рыцарской любви, поднявшему значеніе Амура до мнимаго забвенія плоти. Въ его освѣщеніи женщина представлялась уже не безправнымъ вирту-
528 озомъ физиологической страсти, | а носительницей идеала; и для нея нѣтъ обычнаго критерія нравственности, какъ для древней либерты, но потому что она подсудна одному лишь одухотворенному Амуру. Чувство искупало само себя внѣ обязательности долга и обычая, освящая мимоходомъ и естественныя требованія чувственности.

Между тѣмъ, съ долгомъ и обычаемъ приходилось считаться: житейская практика и житейскіе сюжеты Декамерона указывали на извѣстныя ограниченія. Когда въ Амето нимфы рассказывали о своихъ привязанностяхъ, отвлеченный характеръ среды смягчалъ отношенія, не поднимая вопросовъ о противорѣчій любви и долга; но уже Фьямметта, оставленная Памфило, плачется, что ради него она презрѣла законъ, попрала святость брака, и вотъ въ Декамеронѣ Неифила доказываетъ что «женщинѣ подобаешь особенно быть честной, соблюдая, какъ жизнь, свое цѣломудріе»; если онѣ не въ состояніи соблюсти его въ «полнотѣ» и подчинятся могучимъ силамъ любви — онѣ найдутъ «въ глазахъ не слишкомъ строгаго судьи» снисхожденіе къ своей слабости³⁾, ибо онѣ нѣжнѣе и подвижнѣе мужчинъ, доступнѣе гнѣву⁴⁾, вмѣстѣ съ тѣмъ упрямы,

1) Art. Am., I, 341.

2) Ib., I, 269—70.

3) VIII, 1.

4) IV, 3.

подозрительны, малодушны и страшливы и не могут обойтись безъ руководителей. Такъ говорить Пампинел¹⁾; естественный руководитель женщины—мужчина, «самое благородное животное пзъ всѣхъ смертныхъ, созданныхъ Богомъ»²⁾, вторитъ Филомена, а Эмилія подтверждаетъ это практическимъ совѣтомъ. «Если здраво взвѣситъ порядокъ вещей, говорить она, — легко убѣдиться, что ббольшая часть женщинъ вообще природой, правами и законами подчинена мужчинамъ и должна быть управляема и руководима по ихъ благоусмотрѣнію; потому всякой изъ нихъ, желающей обрѣсти миръ, утѣху и покой у тѣхъ мужчинъ, къ которымъ она близка, подобаешь быть смиренной, терпѣливой | и послушной, 529 и прежде всего честной; въ этомъ высшее и преимущественное сокровище всякой разумной женщины. Если бъ насъ не научали тому и законы, во всемъ имѣющіе въ виду общее благо, обычай или, если хотите, нравы, сила которыхъ такъ велика и достойна уваженія, то на то указываетъ намъ очень ясно сама природа, сотворившая намъ тѣло нѣжное и хрупкое, духъ боязливый и робкій, давшая намъ лишь слабыя тѣлесныя силы, пріятный голосъ и мягкія движенія членовъ: все вещи, свидѣтельствующія, что мы нуждаемся въ руководствѣ другого А кто наши правители и помощники, если не мужчины? Итакъ, мы обязаны подчиняться мужчинамъ и высоко уважать ихъ; кто отъ этого отдалается, ту я считаю достойной не только строгаго порицанія, но и суроваго наказанія . . .». Есть у мужчинъ такая поговорка: «доброму коню и лѣнивому коню надо погонялку, хорошей женщинѣ и дурной женщинѣ надо палку . . . Всѣ женщины по природѣ слабы и падки, потому для исправленія злостности тѣхъ изъ нихъ, которыя дозволяютъ себѣ излишне переходить за положенныя имъ границы, требуется палка, которая бы ихъ покарала; а чтобы поддержать добродѣтель тѣхъ, которыя не даютъ увлечь себя черезъ мѣру, необходима палка, которая бы поддержала ихъ и внушила

1) Дек., вступленіе = пер. I, стр. 16.

2) II, 9.

страхъ»¹⁾. Хуже, если ихъ вѣтреность и неразуміе вызоветъ жестокою кару, въ родѣ кары школяра надъ поглумившейся вдовой²⁾.

Итакъ, съ одной стороны побѣдныя силы Амура, съ другой — законы, обычаи и нравы; спрось естественнаго чувства — и цѣломудріе; Беатриче³⁾ и Лидія⁴⁾, артистически обманывающія своихъ мужей — и честныя жены: маркиза Монферратская, спокойно-
530 разумно укрощающая вождельніе французскаго короля⁵⁾, | жена Бернаббъ, торжествующая надъ злостнымъ навѣтомъ, которому повѣрилъ ея мужъ⁶⁾, Джилетта изъ Нарбонны, энергически добывающаяся правъ супруги⁷⁾, Гризельда, добродѣтельная жена, фиктивно лишенная этихъ правъ самодурствомъ мужа⁸⁾. Рядомъ съ откровеннымъ требованіемъ свободы выбора и свободы чувства у Гисмонды⁹⁾ и англійской королевы¹⁰⁾ — похвала великодушію Джентиле¹¹⁾, что онъ отказался отъ своихъ внѣшнихъ правъ на женщину, которая его не любила, или дружба Джизиппо, уступившаго Титу свою невѣсту, причемъ одинъ не предупредилъ ее, другой обманулъ, а она, «какъ женщина умная, обративъ необходимость въ долгъ», быстро перенесла свою любовь на другого¹²⁾.

Какъ объяснить эти противорѣчія идеаловъ любви и долга? Протоколизмомъ ли художника, останавливающагося на каждомъ жизненномъ явленіи въ отдѣльности, оцѣнивающаго его въ немъ самомъ и имъ самимъ и изъ него же извлекающаго его философію?

1) IX, 9 = пер. I, стр. 230—1.

2) VIII, 7.

3) VII, 7.

4) VII, 9.

5) I, 5.

6) II, 9.

7) III, 9.

8) X, 10.

9) IV, 1.

10) II, 3.

11) X, 4.

12) X, 8.

Но противорѣчіе лежитъ, очевидно, не въ качествахъ художественнаго приѣма, а въ самомъ міросозерцаніи Декамерона. Въ пору страстныхъ увлеченій и «неупорядоченныхъ желаній»¹⁾, Боккаччо могъ вѣрять въ рѣшающую, обязательную силу любви, не знающей счетовъ съ какими бы то ни было законами, исходящими изъ другого источника. Тогда онъ былъ влюбленъ, и сомнѣнія Фьямметты его не убѣдили²⁾. Но періодъ страстности прошелъ, и такому вдумчивому и чуткому наблюдателю жизни, какъ Боккаччо, нельзя было удержаться при прежнемъ обобщеніи; на это былъ способенъ лишь такой педантъ и моралистъ, | нотаріусъ и поэтъ,⁵³¹ какъ Франческо да Барберино, наивно соединившій въ своемъ женскомъ Домостроѣ³⁾ обрядовой укладъ итальянской семьи съ вынесенными изъ Прованса выспренними наставленіями Амура⁴⁾. Но это не Амуръ юнаго Боккаччо, а благо вообще, или, еще скучнѣе и отвлеченнѣе: «начало, посредствующее между двумя крайностями, въ силу котораго онѣ держатся вмѣстѣ»⁵⁾; любовь божественная, любовь мірская, въ которой аллегорія силится раскрыть отношенія къ божественной, но во всякомъ случаѣ любовь законная, не та, которая, не заслуживая этого названія, не что иное, какъ бѣшенство. Такъ объясняетъ самъ авторъ въ комментаріи къ своимъ Documenti⁶⁾; такова и точка зрѣнія его Домостроя, Reggimento, писаннаго о женщинахъ, не для нихъ, ибо мессеръ Франческо не одобряетъ, чтобы дѣвушку средняго класса учили читать и писать: женщина и безъ того не расположена къ добру, а писаніе даетъ ей поводъ и къ злу⁷⁾. Его идеаль,

1) Дек., введение = пер. I, стр. 1.

2) Сл. выше стр. 171 слѣд.

3) Del Reggimento e dei costumi delle donne, нап. въ 1308 году.

4) Documenti d'Amore, 1314—15 г.

5) Del Reggimento, ed. Baudi di Vesme, Bologna, 1875, стр. 413.

6) Сл. Thomas, Francesco da Barberino, Paris, 1883, стр. 52, 56, 81.—*Сл. Arch. stor. italiano, S. V, XIII, 1: Marchesini, Tre pergamene autografe di ser Lapo Gianui (между прочимъ объ его отношеніяхъ къ Franc. da Barberino).

7) Del Reggimento, l. c., стр. 40—42. * Сл. Breve consiglio di Paolo da Certaldo, ed. S. Morpurgo (Firenze, 1892): E s'el è fanciullo femina, falla a chuscire, e non a leggere, che non istà troppo bene a una femina sapere leggere.

подсказанный ему какимъ-то провансальскимъ дидактикомъ¹⁾, вспомнившимъ, быть можетъ, извѣстную эпитафію римской матроны,²⁾— это женщина, сидящая за прялкой, прядущая безъ узловъ, не роняющая веретена³⁾. Наставляя дамъ въ «вопросахъ любви», онъ вмѣстѣ съ тѣмъ запрещаетъ любовныя бесѣды и не совѣтуетъ сажать влюбленныхъ рядомъ⁴⁾.

Въ годъ смерти мессера Франческо († 1348) Боккаччо воображаетъ себѣ въ флорентійской подгородной виллѣ общество молодыхъ дамъ въ бесѣдахъ, которыя заставили бы призадуматься почтеннаго нотаріуса флорентійскаго епископа. Бойкія, смысленныя, онѣ хохочутъ надъ чинными, разряженными простухами, представительницами обрядового этикета, не умѣющими |
532 «вести бесѣду въ обществѣ женщинъ и достойныхъ мужчинъ»⁵⁾. Онѣ изъ тѣхъ, которыя не удовлетворяются иглой, веретеномъ и мотовиломъ⁶⁾, хотя и говорятъ о себѣ противное. Жена Бернабб⁷⁾ отличается почти мужскимъ образованіемъ; мы знаемъ, что читала Фьямметта; Боккаччо посвящаетъ ей свои произведенія, Андреинѣ Аччяйюли — свою книгу объ Именитыхъ женщинахъ; Филиппо Чезфи переводитъ, по просьбѣ мадонны Лизы Перуцци, Героиды Овидія, «книгу о женщинахъ», какъ ее называли. У собесѣдницъ Декамерона было о чемъ рассказать, и онѣ рассказываютъ, поднимаютъ общіе вопросы, смѣются надъ ловкой продѣлкой, порой краснѣютъ при излишней откровенности собесѣдника⁸⁾, приводя его къ порядку, иногда обходясь смѣхомъ⁹⁾; шаловливо откρο-

1) Raimondo d'Angiò.

2)*«Она охраняла домъ, пряла шерсть. Я сказалъ: прости, прохожій!».

3) Del Reggimento, l. c., стр. 173.

4) Комментаріи къ Documenti d'Amore, сл. Thomas, l. c., стр. 113.

5) I, 10 = пер. I, стр. 65.

6) Дек., введеніе = пер. I, стр. 3; сл. De Claris Mul., гл. 54: о художницѣ Thamyris = Timarete Плинія Hist. Nat., XXXV, 59, 147: equidem laudabile plurimum, si propectemus fusos et calathos aliarum.

7) Дек., II, 9.

8) I, 5 и passim; сл. V, 10 = пер. I, стр. 415.

9) III, 10 = пер. I, стр. 267; V, 5 = пер. I, стр. 377; VIII, 3 = пер. II, стр. 114; VIII, 10 = пер. II, стр. 179.

венныя¹⁾, не такъ педантично, какъ дамы капеллана Андрея²⁾, онѣ умѣютъ сорвать розу, минуя шипы³⁾, и въ общемъ становятся выше того, что скажутъ; «лишь бы жить честно, и не было у меня угрызений совѣсти, а тамъ пусть говорятъ противное», ободряетъ себя Филомена⁴⁾. И Боккаччо рассказываетъ имъ не однѣ лишь назидательныя повѣсти, и не объ отвлеченномъ Амурѣ мессера Франческо, а о любви, какъ она есть, во всѣхъ ея проявленіяхъ, о долгѣ, какъ онъ понимается и какъ доходить до героизма. Не онъ изобрѣлъ скоромную новеллу, она существовала ранѣе, въ грубо-откровенныхъ формахъ *fabliò*, и блюстителямъ конфессиональной нравственности слѣдовало бы обратить свои громаы на | всѣ средніе вѣка; она была откровеннѣе нашего, но 533 откровенность не предполагаетъ необходимо цинизмъ настроенія: *monna Bombacacia* изъ Пизы, графиня *di Montescudaio* (XIII в.) была женщина добродѣтельная и цѣломудренная по свидѣтельству *Sercambi*, а ея нынѣ утраченные *Detti d'Amore* отличались далеко не скромнымъ характеромъ⁵⁾. Не Боккаччо принадлежитъ починъ реабилитаціи плоти, но онъ не даромъ вчитался въ Овидія: плоть стала у него изящнѣе, красота идетъ выше вожделѣнія, софизмы капеллана Андрея приводятъ къ серьезной постановкѣ вопроса: о правахъ свободнаго чувства. Нападенія на упадокъ церковной жизни, на нравственную распущенность клериковъ, тоже не новшество: вспомнимъ нареканія *Даміани*, для Византіи—обличенія *Евстаѳія Солунскаго* и *Феодора Продрома*. И здѣсь, какъ въ проповѣди любви, за откровеніями *fabliò* остается преимущество давности, но Боккаччо первый внесъ всѣ эти сюжеты въ бесѣды культурнаго кружка: и розказни о шашняхъ злыхъ женъ, о продѣлкахъ монаховъ, и серьезную инвективу на нравы римской куріи;

1) III, 3 въ концѣ.

2) Сл. lib. I, с. VI, стр. 209—11.

3) Дек., V, 10 = пер. I, стр. 408; сл. выше стр. 510—11, прим. 7.

4) Дек., вступленіе, = перев. I, стр. 17.

5)*Сл. замѣчаніе *Novati*, по поводу изслѣдованія *Zenatti*, въ *Giorn. stor. d. lett. ital.*, fasc. 82—3, стр. 115 слѣд.

и не только перенесъ все это въ салонъ, но и облекъ въ изысканную форму то, что до него туго проникало въ изящную литературу: онъ создалъ новеллу въ «удовольствіе» читающимъ дамамъ.

Это было новшество, и оно встрѣтило противорѣчія, на которыя Боккаччо отвѣтилъ; но онѣ заставили его самого задуматься. Въ началѣ IV-го дня онъ устраняетъ нѣкоторыя сомнѣнія, вызванныя рассказами первыхъ трехъ дней. Они исходили, очевидно, изъ литературныхъ кружковъ; говорили серьезные люди, пуристы, люди благочестиваго закала съ схоластической жилкой, въ родѣ Франческо да Барберино. Однимъ казалось неприличнымъ, что человѣкъ на четвергомъ десяткѣ болтаетъ о женщинахъ и любви и старается угодить дамамъ. Боккаччо отвѣтилъ имъ примѣрами Гвидо Кавальканти, Данте, Чино изъ Пистойи — и ссылкой на прелестную новеллу о старикѣ маэстро Альберто¹⁾: всѣ они, уже зрѣлые, находили въ культѣ женщинъ и честь и удовольствіе. Другіе утверждали, что авторъ поступилъ бы умнѣе, если бы оставался «съ музами на Парнасѣ», а не занимался бы такой болтовней, баснями, не приносящими заработка. Такъ говорили

534 люди, видимо, соболѣзновавшіе о моей славѣ, иронически замѣчаютъ Боккаччо и отшучивается: съ музами хорошо быть, но не всегда возможно, въ такихъ случаяхъ полезно бываетъ общество имъ подобныхъ, ибо музы — женщины. «Не говоря уже о томъ, что женщины были мнѣ поводомъ сочинить тысячу стиховъ, тогда какъ музы никогда не дали мнѣ повода и для одного. Правда, онѣ хорошо помогали мнѣ, показавъ, какъ сочинить эту тысячу и, можетъ быть, и для написанія этихъ рассказовъ, хотя и *скромнѣйшихъ*, онѣ нѣсколько разъ явились, чтобы побыть со мною..., почему, сочиняя эти рассказы, я не удаляюсь ни отъ Парнаса, ни отъ музъ»²⁾.

Музы и Парнасъ — это, очевидно, требованіе серьезной поэзіи, латинской или итальянской, дидактической или любовной,

1) I, 10.

2) Дек., вступленіе = перев. I, стр. 276.

ливыхъ вопросовъ» стоитъ одинъ, на которомъ Боккаччо останавливается особенно подробно, съ котораго и начинается свою защиту: вопросъ о пристойности. «Можетъ быть, инья изъ васъ скажутъ, говорить онъ, что, сочиняя эти новеллы, я допустилъ слишкомъ большую свободу, напр., заставивъ женщинъ иногда рассказывать и очень часто выслушивать вещи, которыя честнымъ женщинамъ не прилично ни сказывать, ни выслушивать»¹⁾. Это возраженіе Боккаччо предусмотрѣлъ уже въ вступленіи въ Декамеронъ: онъ не называетъ своихъ рассказчицъ ихъ настоящими именами, потому что, говорить онъ, «я не желаю, чтобы въ будущемъ кто-нибудь изъ нихъ устыдился за слѣдующія повѣсти, рассказанныя, либо слышанныя ими, ибо границы дозволенныхъ удовольствій нынѣ болѣе стѣснены, чѣмъ въ ту пору, когда въ силу указанныхъ причинъ онѣ были свободнѣйшими не только по отношенію къ ихъ возрасту, но и къ гораздо болѣе зрѣлому; я не хочу также, чтобы завистники, всегда готовые укорить человѣка похвальной жизни, получили поводъ умалить въ чемъ бы то ни было честное имя достойныхъ женщинъ своими непристойными рѣчами»²⁾. Удаливъ такимъ образомъ возможность личныхъ нападокъ, онъ на всемъ протяженіи Декамерона не счелъ нужнымъ сузить границы «дозволеннаго» и не разъ предупреждаетъ о томъ отъ лица Діонео, ссылаясь на условія времени³⁾; если рассказы нѣсколько свободны, «то не затѣмъ, чтобы воспослѣдовало отъ того что-либо непристойное въ поступкахъ, а дабы доставить удовольствіе вамъ и другимъ... Кромѣ того ваше общество вело себя съ перваго дня и по сей часъ достойнѣйшимъ образомъ, о чемъ бы тамъ ни рассказывали, и, мнѣ кажется, никакимъ дѣйствіемъ себя не запятнало и не запятнить съ помощью Божіей»⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ⁵⁾ Діонео допускаетъ, что среди

1) Заключение автора = пер. II, стр. 332.

2) Дек., вступленіе = пер. I, стр. 12—13.

3) Сл. выше стр. 453—4.

4) VI, 10 = пер. II, стр. 37.

5) X, 10 = пер. II, стр. 328—9.

нихъ разсказывались «новеллы веселыя и, можетъ быть, увлекавшія къ вождельнію», но онѣ опасны лишь для «слабыхъ духомъ», не для нихъ. Въ заключеніи Декамерона Боккаччо еще разъ возвращается къ мотиву чумы, напоминая, что бесѣды велись «не въ церкви, о дѣлахъ которой слѣдуетъ говорить въ чистѣйшихъ помыслахъ и словахъ (хотя въ ея исторіи встрѣчаются во множествѣ разсказы куда какъ отличные отъ написанныхъ мною), и не въ школахъ философій, ... а въ садахъ, въ увеселительномъ мѣстѣ, среди молодыхъ женщинъ, хотя уже зрѣлыхъ и неподатливыхъ на розсказни, и въ такую пору, когда для самыхъ почтенныхъ людей было не неприличнымъ ходить со штанами на головѣ во свое спасеніе» ¹⁾.

Но историческій мотивъ чумы былъ недостаточенъ, нареканія въ непристойности требовали другого отвѣта, и Боккаччо даетъ его. — «Разсказы эти, говоритъ онъ, каковы бы они ни были, могутъ вредить и быть полезными, какъ то можетъ все другое, смотря по слушателю». Кто не знаетъ, что вино, огонь, оружіе приносятъ и пользу и вредъ? «Ни одинъ испорченный умъ никогда не понималъ здраво ни одного слова, и какъ приличныя слова ему не на пользу, такъ слова и не особенно приличныя не могутъ |
загрязнить благоустроенный умъ, развѣ такъ, какъ грязь мараетъ 537
солнечные лучи, и земныя нечистоты — красоты неба.... Всякая вещь сама по себѣ годна для чего-нибудь, а дурно употребленная можетъ быть вредна многимъ; то же говорю я о моихъ новеллахъ. Кто пожелалъ бы излечь изъ нихъ худой совѣтъ и худое дѣло, онѣ никому того не воспрепятствуютъ, если случайно что худое въ нихъ обрѣтется, и ихъ станутъ выжимать и тянуть, чтобы извлечь его; а кто пожелаетъ отъ нихъ пользы и плода, онѣ въ томъ не откажутъ, и не будетъ того никогда, чтобы ихъ не сочли и не признали полезными и приличными, если ихъ станутъ читать въ такое время и такимъ лицамъ, въ виду которыхъ и для которыхъ онѣ и были разсказаны» ²⁾.

1) Дек., заключеніе = перев. II, стр. 333.

2) I. с., стр. 333—334.

Это почти выраженія, которыми Овидій защищает свою *Agis Amantē*: онъ также не совращалъ къ грѣху¹⁾; нѣтъ такой книги, изъ которой женщина, настроенная порочно, не почерпнула бы новой для себя пищи. Раскроетъ она анналы: онъ расскажутъ ей, какъ Илія стала матерью, какъ произошла Венера. Изъ этого не выходитъ однако жъ, что всѣ книги вредны. Что полезнѣе огня? Но онъ служить орудіемъ поджигателямъ; врачебное искусство и губить и лѣчить, научая распознавать какъ полезныя, такъ и вредныя травы; и разбойникъ и осмотрительный путникъ одинаково опоясываются мечемъ, краснорѣчіе можетъ защитить виновнаго и обрушиться на невиннаго; такъ и мое твореніе, если читать его, какъ слѣдуетъ, никому не можетъ повредить, а кто выносить изъ него вредное, тотъ его не понялъ²⁾. Потому не грѣхъ слагать шаловливые стихи³⁾: цѣломудреннымъ достоинтъ читать о многомъ, чего не подобаешь творить; а испорченные умы способны отъ всего совратиться⁴⁾. Иначе пришлось бы закрыть циркъ и храмы, запретить мимы, сказать объ *Иліадѣ*, что это повѣсть прелюбодѣянія, что Одиссея — рассказъ о женѣ, любви которой, въ отсутствіе мужа, добивались многіе; вѣдь и серьезнѣйшій изъ литературныхъ родовъ, трагедія, полна самыхъ порочныхъ проявленій любви⁵⁾.

Итакъ: для чистаго сердцемъ все чисто, говоритъ Овидій, утверждаетъ и Боккаччо, тѣмъ спокойнѣе, что онъ принялъ къ тому и кое-какія мѣры: «нѣтъ столь неприличнаго рассказа, увѣряетъ онъ насъ, который, если передать его въ подобающихъ выраженіяхъ, не былъ бы подѣ-стать всякому; и мнѣ кажется, я исполнилъ это, какъ слѣдуетъ»⁶⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ никогда не усиливаетъ извѣстныхъ соблазнительныхъ положеній, что обра-

1) *Trist.*, II, 212: *obsceni doctor adulterii.*

2) *l. c.*, v. 278: *Et nimium scriptis arrogat ille meis.*

3) *l. c.*, v. 307: *versus evolvere mollis.*

4) *l. c.*, v. 301.

5) *Сл. l. c.*, v. 178.

6) Дек., заключеніе = пер. II, стр. 332.

зованные флорентійцы XIV-го вѣка смотрѣли на многія вещи проще, чѣмъ смотримъ мы, не знали той *vaine superstition de paroles*, которую Монтэнъ предоставляетъ женщинамъ; тѣмъ не менѣе самъ авторъ допускаетъ, что въ иныхъ новеллахъ встрѣчается «кое-что такое»¹⁾, то-есть, нѣчто опасное не для однихъ «слабыхъ духомъ». Интересно его оправданіе: если соблазнительное осталось, «то того требовало качество разказовъ, на которые если взглянуть разсудительнымъ окомъ человѣка понимающаго, то станетъ очень ясно, что иначе ихъ и нельзя было разказывать, если бъ я не пожелалъ отвлечь ихъ отъ подходящей имъ формы»²⁾. Онъ могъ ихъ не разказывать, и если разказалъ, то въ утѣшеніе «прелестнымъ дамамъ»: замкнутыя въ своихъ покоехъ, связанныя волею близкихъ, онѣ часто питаютъ въ своей груди любовное пламя, тая его отъ страха и стыда, желая и не желая вмѣстѣ³⁾. Новеллы о разныхъ случайностяхъ любви не только попадали въ ихъ настроеніе, но и очищали страстность сочувствіемъ или смѣхомъ; такъ отводилъ душу молодой Боккаччо, такъ утѣшалась Фьямметта, вычитывая въ | книгахъ все, что напоминало ей объ 539 ея отношеніяхъ къ Памфило⁴⁾; учительный элементъ приходилъ въ новеллы, какъ естественный результатъ успокоеннаго размышленіемъ чувства.

Такъ могъ увѣрять себя Боккаччо; но не всѣ ему вѣрили. Уже въ древнѣйшемъ, дошедшемъ до насъ спискѣ Декамерона (1384 года) онъ носитъ и другой титулъ, данный ему, очевидно, не авторомъ: Начинается книга, называемая Декамеронъ, прозванная *Principe Galeotto*. Всѣмъ извѣстенъ разказъ Франчески изъ Римини, какъ она и Паоло читали однажды о Ланцелотѣ и обуювшей его любви; они не разъ встрѣчались глазами, блѣднѣли, но одинъ моментъ ихъ побѣдилъ: когда они дошли до того мѣста, гдѣ Ланцелотъ поцѣловалъ свою желанную, Паоло запечатлѣлъ

1) I. с.

2) I. с.

3) Дек., введеніе = пер. I, стр. 2.

4) Сл. выше стр. 111, 118—9, 412—3.

дрожащій поцѣлуй на устахъ Франчески. Въ тотъ день они больше не читали; «Галеотто звалась та книга, и кто писалъ ее, былъ для насъ Галеотто»¹⁾). Галеотто — это Gallehaut старо-французскаго романа о Ланцелотѣ: онъ первый подмѣтилъ тайную страсть Ланцелота къ Джиневрѣ и помогъ обоюдному признанію. Въ этомъ смыслѣ Франческа могла сказать, что романъ, сблизившій ее съ Паоло, былъ для нихъ Галеотто, и такое прозвище, данное Декамерону, не имѣетъ другого значенія: его новеллы возбуждали нечестныя мысли, потакали страсти. — Обвиненіе въ непристойности уже готовилось перейти къ укору въ безнравственности.

Но раздавались и другіе голоса, голоса идеальныхъ читателей Декамерона, какихъ желалъ себѣ Боккаччо. Вотъ что писалъ одинъ изъ безыменныхъ его современниковъ въ видѣ предисловія къ выборкѣ бесѣдъ учительнаго содержанія и канцонъ Декамерона:

«Большой славы заслуживаетъ имя того, кто находитъ удовольствіе въ упражненіяхъ, ведущихъ къ утѣшенію прелестнѣйшихъ дамъ, ибо похвальное дѣло увеселять тѣхъ, отъ кого міръ |
540 состоитъ въ веселіи. У кого больше умѣнія и знанія, тотъ долженъ положить на это дѣло и больше старанія: мудрые поэты, слагая занимательныя книги, изобилующія нравоученіемъ, дабы, читая ихъ, либо слушая ихъ чтеніе, онѣ получили удовольствіе и пользу; музыканты, сочиняя баллаты и мадригалы, дабы, распѣвая ихъ, либо слушая ихъ пѣніе, онѣ восприняли любовное наслажденіе; и такъ постепенно каждый, совершая то, что по его понятію можетъ особенно понравиться ихъ нѣжнымъ умамъ. Такимъ образомъ, оправдывается то, чему научаютъ насъ многіе мудрые люди: что веселая жизнь поддерживаетъ долгую молодость. Какое дѣло похвальнѣе того, которое блюдетъ прекрасную женщину веселой въ ея юности? Не буду излишне распространяться, доказывая вамъ, что прелестныхъ дамъ слѣдуетъ нарочито почитать, ибо доблест-

1) Inf., V, v. 127 слѣд.

ные мужи прошлыхъ временъ дали тому явный примѣръ: глубокіе ученые предоставили къ ихъ услугамъ свое знаніе и опытомъ показали, что онѣ достойны высочайшаго почета; то же дѣлали храбрѣйшіе воины, изъ любви къ дамѣ на смерть сражаясь на турнирахъ; иные поэты сравнивали дамъ съ ангельскими ликами. Какой праздникъ бываетъ хорошъ, если не скрашиваетъ его множество привлекательныхъ, красивыхъ женщинъ? Въ какомъ домѣ весело, если въ немъ нѣтъ веселой женщины? Разумѣется, все это должно быть ясно для всякаго, ибо не только міряне, но и духовныя лица тайно держатся того же мнѣнія. Смѣю сказать по правдѣ: нѣтъ столь строгаго проповѣдника, порицающаго красоту и наряды женщинъ, который застоялся бы на кафедрѣ, если бѣ не видѣлъ кругомъ себя вдовыхъ и замужнихъ дамъ; порой онъ вставляетъ въ проповѣдь, рядомъ съ евангельскими рассказами, какую-нибудь новеллу, лишь бы разсмѣшить ихъ; только довѣрся имъ, такъ отъ смѣха не далеко было бы и до кое-чего другого. Иной разъ въ церкви какой-нибудь охочій магистръ или бакалавръ толкуетъ четыремъ или шести сидящимъ у ногъ его дамамъ о житіяхъ святыхъ, порой внушая имъ, сколь полезно частое посѣщеніе монастырской церкви, то есть, живущихъ тамъ монаховъ; и о многомъ другомъ еще говоритъ онъ, согласно съ ихъ желаніемъ; если бѣ келарь позвонилъ тогда къ трапезѣ, онъ не поднялся бы съ мѣста, забылъ бы о пищѣ и питъѣ, лишь бы продлить бесѣду. Одной даетъ сшить себѣ сорочку, другой—скапуларій и говоритъ: Эти портные портятъ намъ всѣ платья, шить не умѣютъ, а вотъ дамы, такъ тѣ работаютъ хорошо: мелкими стежками строчать, точно бисеромъ нижутъ, штонка у нихъ двойная, все-то у нихъ ладится! Такъ, порицая ихъ съ амвона и тайно похваливая, они чаютъ отъ нихъ услугъ, но Господь да накажетъ ту, которая послужить кому-нибудь изъ нихъ инымъ, чѣмъ шитьемъ, ибо это было бы знакомъ низкаго, преступнаго духа, и да приключится съ нею, что случилось съ одной моей сосѣдкой: была она въ бѣломъ платьѣ, но когда обнялась съ монахомъ и потерялась объ его черныя одежды, юбка

у ней спереди стала вся сѣрая, такъ что когда она вышла изъ комнаты, куда удалилась съ монахомъ подъ предлогомъ исповѣди, родственницы той дамы сказали ему: На здоровье вамъ новая ряса, честный отецъ, очень ужъ она красива, да такъ хорошо выкрашена, что своею тѣнью окрашиваетъ чужое платье! Какъ замѣтилъ это монахъ, застыдился, спустился по лѣстницѣ и никогда болѣе не посмѣлъ возвращаться туда. Довольно будетъ монахамъ—монахинь и святошъ, ибо, по словамъ учителя¹⁾, монахини—ихъ духовныя жены... Да покараетъ ихъ Господь, ибо они болѣе падки на мѣрское, чѣмъ на духовное, такъ что, согласно съ пророчествомъ, надо полагать, что Антихристъ народится, либо уже народился.

«Но, достойнѣйшія дамы, не станемъ говорить болѣе, изъ уваженія къ священному сану, о похвальныхъ дѣлахъ духовныхъ лицъ, ибо о томъ пришлось бы толковать слишкомъ много, а обратимся къ похвалѣ тѣхъ, которые, изъ уваженія къ вамъ, приложили трудъ къ изобрѣтенію нѣкоторыхъ прекрасныхъ и пріятныхъ твореній. Въ числѣ прочихъ, о которыхъ я теперь припоминаю, особой похвалы и славы заслуживаетъ мессеръ Джованни ди Боккаччо, которому да пошлетъ Господь долгую и |
542 счастливую жизнь по его желанію. Онъ въ короткое время написалъ много прекрасныхъ и потѣшныхъ книгъ, въ прозѣ и стихахъ, въ честь прелестныхъ дамъ, великодушные помыслы которыхъ обращены на все пріятное, ведущее къ добродѣтели; читая тѣ книги и прекрасные рассказы, или слушая ихъ, онѣ находятъ въ томъ высокое удовольствіе и развлеченіе, отчего ему прибываетъ хвалы, а вамъ утѣшенія. Между прочимъ сочинилъ онъ отличную и занимательную книгу, подъ заглавіемъ Декамеронъ». Анонимный авторъ предполагаетъ, что дамамъ его уже читали, и потому кончаетъ свое введеніе перечнемъ его рассказчиковъ и рассказчицъ²⁾.

1) Maestro delle sentenze.

2) Сл. Biagi въ Rivista Critica d. lett. ital., I, № 2, стр. 61—2.

Таковы были сужденія, вызванныя первымъ появленіемъ Декамерона: одни хвалили его назидательность, элементъ вдумчивыхъ бесѣдъ, другіе называли его «Галеотто», очевидно, еще безъ того зловѣщаго значенія, какое придали ему впоследствии, когда паденіе нравственности усилило требованія пристойности, и анекдоты о монахахъ получили значеніе не только религіознаго протеста, но и опаснаго или подозрительнаго вольнодумства. Въ концѣ Декамерона¹⁾ Боккаччо отдѣлялся шуткой отъ упрека, что у него языкъ злой и ядовитый, ибо онъ пишетъ правду — о монахахъ; позднѣе эти нареканія подѣйствовали на него серьезнѣе: въ письмѣ къ Магинарду деи Кавальканти онъ стыдится Декамерона, какъ грѣха юности; это было въ 1373 году; между тѣмъ, въ послѣдней книгѣ Генеалогій Боговъ²⁾, законченныхъ почти одновременно, чувствуется еще какъ бы отголосокъ протеста, слабое *errur si tuove*. Защищая противъ хулителей поэзіи родъ рассказовъ, повѣстей, *fabellae*, Боккаччо повторяетъ знакомые намъ аргументы, что новеллы развлекаютъ, отводя грустныя мысли, очищая вожделѣніе, заставляя переживать его въ умѣ. «Рассказы нерѣдко освѣжали усталый духъ именитыхъ людей, занятыхъ важными дѣлами, чтò доказывается не одними | лишь примѣрами древности, ибо мы видимъ, что правители, по- 543
кончивъ съ серьезными государственными вопросами, призываютъ къ себѣ, точно по природному внушенію, людей, которые веселыми рассказами ободрили бы ихъ духъ и павшія силы. Нерѣдко рассказы доставляли утѣшеніе людямъ, отягченнымъ судьбой, какъ у Луція Апулея благородная дѣва Харита, оплакивавшая свою долю въ плѣну у разбойниковъ, нѣсколько развлекалась повѣстью о Психеѣ, которую рассказала ей старуха». Иной разъ басни поднимали коснѣющій умъ; не буду говорить о людяхъ мелкихъ, ибо мнѣ, продолжаетъ Боккаччо, проводя со словъ Якова да Санъ Северино анекдотъ его отца о королѣ Робертѣ,

1) Дек., заключеніе = пер. II, стр. 335—6.

2) XIV, с. 9.

какъ ему въ молодости не давалась грамотность, пока ловкій педагогъ не развилъ въ немъ охоты къ знанію — баснями Эзопа. Такъ вотъ каковы басни: неученыхъ они прельщаютъ виѣшной канвой, ученыхъ — скрытымъ въ нихъ смысломъ; кто хулитъ ихъ, высокомерно осуждая поэтовъ, пусть сначала очистится отъ собственныхъ мерзостей, оглянется на себя, къ какимъ непристойностямъ самъ онъ верѣдко прибѣгаетъ, чтобы потѣшить дамъ, и тогда пусть попытается очистить чужіе рассказы, поминая слова Спасителя — о блудницѣ.

Были еще средніе, настоящіе читатели Декамерона: имъ онъ нравился пестрымъ разнообразіемъ своихъ типовъ, своей веселостью и разлитой повсюду поэзіей любви; полу-школьная, полународная легенда, привязавшаяся къ Чертальдо, служитъ тому выраженіемъ. Неаполитанскія повѣрья сдѣлали *Virgilia* — магомъ; въ преданіяхъ Сульмоны Овидій является мудрецомъ, волшебникомъ, проповѣдникомъ, но не забыть и поэтъ: у него была будто бы вилла въ *Fonte d'Amore*, гдѣ онъ до сихъ поръ стоитъ на стражѣ своихъ сокровищъ; папа Целестинъ узналъ о нихъ изъ книгъ Овидія и, раскопавъ кладъ, построилъ аббатство *San Spirito* въ окрестностяхъ Сульмоны. На этой-то виллѣ жилъ Овидій въ обществѣ своей любовницы-феи¹⁾. Въ Чер|тальдо такая же легенда о феяхъ окружила другого пѣвца любви. Она построилась къ подземному ходу, открывающемуся у нижняго этажа башни, гдѣ жилъ Боккаччо, и выходящему въ сталактитовую пещеру внутри холма, расположеннаго въ недалекомъ разстояніи къ сѣверу. Здѣсь, говорятъ, обитали влюбленные въ Боккаччо феи, устроили подъ землей чудесный дворецъ, а съ вершины башни на вершину холма перекинули хрустальный мостъ, по которому поэтъ и ходилъ къ нимъ на бесѣду о любви²⁾. Мы этихъ

1) Giambattista Basile, II, стр. 20—1; IV, стр. 55—6; De Nino, *Usi e costumi Abbruzzesi*, Firenze, 1887, IV, стр. 230—1.—*Faraglia, *Fonte d'Amore e la villa d'Ovidio Nasone*, въ *Rassegna abruzzese di storia ed arte*, I, 3.—Сл. Fabrizi, *Sallustio nella fantasia dei popoli sabini*, въ *Bollettino d. Soc. d. Storia patria d. Abruzzi*, XI, 22.

2) G. Baccini, *Il Boccaccio mago*, *Giornale di erudizione*, v. I, № 15—16, стр. 233—5. — *Сл. *Miscellanea storica della Val d'Elsa*, anno II, fasc. 2: Mac-

фей знаемъ: это Фьямметта, рассказчицы и героини Декамерона, Алатіэль и Джилетта, крестьянка изъ Варлунго и Гризельда. Мы забыли, что онѣ когда-то были назидательны или вольны, для насъ онѣ — феи, спускавшіяся къ магу-Боккаччю по радужному мосту поэзіи, и для нихъ-то онъ соорудилъ свой чудесный дворецъ — Декамеронъ.

Боккаччю и Овидій — это такая же параллель, какъ Петрарка и бл. Августинъ; Петрарка, глубоко волнуемый самоанализомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ интересующійся какъ-то объективно его процессомъ, носящійся съ нимъ, выносящій его напоказъ, какъ бл. Августинъ наканунѣ крещенья ведетъ на виллѣ подь Миланомъ философскія бесѣды, которыя записываетъ призванный стенографъ. Именно въ эпоху гуманизма получаютъ свой психологическій *raison-d'être* бывшія когда-то въ модѣ «параллели» великихъ людей и поэтовъ: сходство настроенія, стремленій, темпераментовъ поддерживалось чтеніемъ, каждый находилъ родственнаго себѣ мыслителя, вчитывался въ него поневолѣ, какъ въ эпоху легендъ вѣрующій вдумывался въ типъ излюбленнаго святого, повторя его житіе, личнымъ подвигомъ переживая его легенду.

Говорить о литературномъ вліяніи Декамерона было бы здѣсь не у мѣста: его печать лежитъ на всемъ развитіи позднѣйшей художественной новѣсти. Укажу лишь на Чосера. Онъ могъ ничего не знать о Декамеронѣ, кромѣ новеллы о Гризельдѣ въ переводѣ Петрарки, но онъ прочелъ у Боккаччю многое, что приготовило Декамеронъ: Филострато и Тезеиду, особенно Филострато, эту новеллу въ формахъ рыцарскаго романа. Онъ подражаетъ имъ и переводитъ (*Troilus and Cressida, The knights Tale*), орудуетъ стансами Тезеиды, внося ихъ въ свой *Parliament of Fowls, Troilus and Cressida*, въ неоконченную поэму объ *Anelida and Arcite*. Такъ онъ вживался въ новый стиль: его Кэнтерберійскіе рассказы —

cianti о раскопкахъ въ Чертальдо въ *Poggio del Vossaccio*, устроенномъ, будто бы по его просьбѣ, дьяволомъ.

это Декамеронъ, усвоенный поэтомъ-реалистомъ сѣверной буржуазіи, фавлѣд, прошедшій итальянскую школу. Исчезли кое-гдѣ тонкіе штрихи, торжественно-классическая степенность, типы поняты рѣзче и ярче, психологически-сложный образъ молодого blasé Пандара уступилъ мѣсто болѣе рельефному и понятному, но едва ли болѣе симпатичному цинику Троила и Крессиды, самодовлѣющій эстетическій анализъ — энергически-односторонней характеристикѣ. Боккаччо и Чосеръ—это не только двѣ среды, но въ извѣстной мѣрѣ и два прообразованія.

И далѣе мы встрѣтимъ въ оборотѣ всемірной литературы типы Боккаччо и сюжеты международной повѣсти, которымъ его личное пониманіе впервые придало художественный интересъ,

Car il féconde tout, ce charmant inventeur

(Alfred de Musset, Sylvia);

встрѣтимъ у Лопе де Вега и въ англійской новеллѣ XVI вѣка¹⁾; у Шекспира и La Fontaine'a, у Лессинга, Мюссэ, у Anatole'я France и Catulle Mendès, всякій разъ въ новомъ освѣщеніи. Если однимъ изъ критеріевъ дѣйствительной поэзіи является ея способность питать новые образы и иллюзіи, то Декамеронъ широко отвѣтилъ этой задачѣ.

1) *Сл. Köppel, Studien zur Gesch. d. ital. Novelle in der englischen Literatur d. 16 Jahrh., Strassburg, 1892, стр. 60, 84, 88.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 18 прим. 4. *Къ Чино изъ Пистойи.* Segrè, въ Nuova Antologia, 16 Luglio 1904: La patria di Petrarca, считаетъ возможнымъ, что Петрарка могъ познакомиться съ Чино въ Болоньѣ (то же пытается доказать Zaccagnì въ Bullettino storico Pistoiese, fasc. II, anno VII): между 1313 — 1320 г., когда Чино преподавалъ въ Пистойѣ, онъ могъ наѣздами бывать во Флоренціи и Болоньѣ. — Vacci, Documenti nuovi su messer Cino da Pistoia (во Флоренціи въ 1332 г.; его странствованія). Сл. Bullettino storico pistoiese, V, 2—3.

Къ стр. 21 прим. 1 (*Къ итальянскому эллинизму*). Humfred Hody, De graecis illustribus, London, 1742; Voernes, De doctis hominibus graecis litterarum graecarum in Italia instauratoribus, Lpz., 1750; Cramer, De graecis medii aevi studiis, Stralsund, 1848 и 1853; É. Legrand, Bibliographie hellénique, Paris, 1885, 2 vv.; Sathas, Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge, Paris, 1888 (t. VII.).

(*Къ греческому элементу въ Южной Италиі*) Сл. L. Sternbach, Eugenios v. Palermo, Byz. Zs., XI B., 344 (1902), p. 406 слѣд. Tomasini, Sulle laudi greche conservate nel Liber Politicus del canonico Benedetto (изъ сборника: A Ernesto Monaci per l'anno XXV del suo insegnamento, Roma, Forzani, 1901, p. 377 — 88); Steinacker, Die römische Kirche u. die griechischen Sprachkenntnisse des Frühmittelalters, Festschrift für Th. Gompertz, Wien, Hölder, 1902, p. 324—41.

Къ стр. 23 (*Греч. яз. въ Италиі*). Францисканецъ Angelo di Cingoli, прозванный Clarena или Chiarena, перевелъ съ греч. на лат. яз. La scala del Paradiso di S. Giovanni Climaco, un Trattato di S. Basilio, ed un altro di S. Macario. Въ прологѣ къ Scala говорится, что il Chiarena ricevette per grazia divina l'intelligenza della lingua greca. Si badi però che il Chiarena ed altri francescani i quali nel 1294 ave-

его первая часть направлена противъ того опаснаго для Церкви умственнаго движенія, которое выразилось въ X в. въ подъемѣ классическихъ занятій, а въ эпоху Комниновъ и Палеологовъ — къ византійскому гуманизму, этому могучему предшественнику гуманизма западнаго).

Cotroneo, Inizio e sviluppo, scomparsa e reliquie del rito greco in Calabria, Riv. stor. Calabrese, VIII (1900), fasc. 2—3, p. 62—8; IX (1901), fasc. 3—4, p. 106—118, fasc. 5, p. 165—174; fasc. 6—7, p. 215—233.

Cozza-Luzzi, Del rito greco in Calabria, Riv. stor. Calabrese, X (1902), p. 260—2; id. ib., p. 263—4: Del così detto rito greco-latino. — *Ottolenghi*, Influenze orientali sul Rinascimento: saggi di una nuova critica storica, въ Атенео Veneto, XXV, v. II (1902), p. 170—86 (арабская культура на побережьи Средиземнаго моря—Испанія — и древняя греческая литература и философія, съ которой арабы познакомились въ сирійскихъ монастыряхъ—дали матерьялъ для реакціи противъ схоластики: источники Возрожденія). — *Taccone-Gallucci*, Monografie di storia calabra ecclesiastica. Сл. Виз. Временникъ, IX, стр. 598. Сл. ib. X, вып. 1—2, стр. 281, статью Пальмьери, Les études byzantines en Italie; 285 слѣд.: Les études byzantines en Calabre: l'influence byzantine en Calabre a été de nature éminemment religieuse; 285: легенды о началѣ христіанства въ Калабріи; послѣ паденія готскаго владычества (553) Калабрія subit complètement le joug littéraire, politique et religieux de Rome. Le grec s'y fait jour vers la fin du VII s. et y poursuit son oeuvre d'hellénisation jusqu'à 1060. Въ 732 г. le rite grec y eut droit de cité et s'y affermit au détriment du rite latin. Au X siècle la Calabre était complètement hellénisée. Les officiers de la cour, les magistrats, le clergé, les miliciens ne parlaient que le grec. En grec étaient rédigés les actes publics, les contrats, les donations, les ventes, les documents de l'église et de l'état; le latin ne devait y être tout-à-fait inconnu, mais le grec était à la portée de tous. Les moines enseignaient dans leurs monastères. Dans cette langue ils rédigeaient les vies des saints, si nombreux à cette époque en Calabre. Ихъ важность, какъ историческаго памятника; греческій литературный языкъ по необходимости далекъ отъ византійскоіи преціозности; его постепенный упадокъ вмѣстѣ съ упадкомъ византійскаго владычества. 287: Jusqu'au XVII s. plusieurs églises de la Calabre officièrent en grec. — Откуда явилась греч. культура въ Калабріи? Аббатъ Battifol въ своей монографіи объ аббат-

ствѣ Россано (l'abbaye de Rossano, Paris, 1880) предполагаетъ двѣ эмиграціи: одна во 2-ой половинѣ VII вѣка изъ Сициліи, не оставившая слѣдовъ; аи IX s., après la chute de Taormina (878) et de Syracuse (902) les Byzantins, fuyant les invasions arabes, émigrent en foule sur le littoral italien. Это будто бы и положило начало эллинизациі Великой Греціи.— Minasi (Lo Speleota ovvero S. Elia di Reggio di Calabria. Napoli, 1893), съ мнѣніемъ котораго согласенъ и авторъ, приписываетъ эллинизацию ит. Юга выселенію бѣглецовъ въ пору иконоборства. Les persécutions des iconoclastes poussèrent vers l'Italie méridionale les colonies monastiques de l'Orient et de la Sicile. Elles y furent accueillies à bras ouverts par leurs connationaux, qui en Calabre professaient librement leur culte. Первые монастыри (въ Tauriana, Reggio, Arno, Salinas); популярность монаховъ, ихъ благочестивая жизнь; вклады и — накопленіе богатствъ, повлекшее упадокъ нравовъ; аи X s. l'ordre basilien semblait voué à une prochaine décadence, et il ne fallut rien moins que toute l'énergie surnaturelle de St. Nil de Rossano et de ses disciples pour enrayer le mal. Его дѣятельность обновила и подняла монашество: Калабрія X-го в. обращается въ Новую Фиваиду: въ Калабріи насчитывали до 1000 монастырей, въ Сициліи — 500 (по Rodotà; по Marafiotis въ X и XI вв. въ Калабріи было 400 монастырей, изъ нихъ 37 между Seminara, Galatro и Rosarno); явились святыя иноки, къ которымъ являлись изъ Сициліи, чтобы пройти у нихъ искусь. Между ними: S. Jean Thériste, S. Nikodème de Palermo, S. Cyriaque de Buonvicino, S. Élie junior, S. Élie Spéléotès, наконецъ св. Ниль и S. Fantin. Ces moines vaquaient à l'ascétisme le plus rigoureux et à l'étude des belles-lettres;... St. Nil lui-même et ses disciples travaillaient à copier des codices grecs et à les embellir de miniatures. Рукописи въ аббатствахъ St. Nicolas d'Otrante, de Rossano, du St. Sauveur de Messine; le cardinal Bessarion devait y faire plus d'une heureuse trouvaille et augmenter de leurs dépouilles achetées à grand prix sa bibliothèque d'une valeur inestimable. — 289: Сарацины въ Южной Италиі разрушаютъ нѣкоторые монастыри; норманны, вначалѣ покровительствовавшіе греческому монашеству, впоследствии стали косо смотрѣть на него, какъ на возможныхъ пособниковъ Византіи; греческіе монастыри раздавались баронамъ, латинскимъ епископамъ и орденамъ. Въ 1551 г. ихъ число упало съ 1500 до 48; въ XVIII в. ихъ 14.—Поддержанный монашествомъ, константинопольскій патріархъ простеръ на Калабрійскую Церковь свою власть, никогда, впрочемъ, не допуская иконоборчества. Ея участіе въ

соборахъ — р. 291: au IX s., la métropole byzantine de Reggio comptait 13 évêchés relevant du patriarcat oecuménique (Bivona, Tauriana, Locri, Rossano, Squillace, Tropea, Amantea, Crotone, Cosenza, Nicotera, Bisignano, Nicastro, Cassano); la métropole de S-te Sévérina avait 5 suffragants à Oira, Acerenza, Gallipoli, Alessano, Castro. La ville d'Otrante était aussi une métropole. — Les Isauriens les premiers avaient établi en Calabre l'autorité religieuse de Byzance. Léon le Sage en 887 poursuivait cette oeuvre de conquête par la religion et Nicéphore Phokas en 968 décrétait que le rite grec fût partout substitué au rite latin. — Изъ библиографіи: Trinchera, Syllabus graecorum membranorum etc., Neapoli, 1865; Minasi, Il monastero basiliano de S. Pancrazio, Napoli, 1893; id.: Lo Speleota ovvero S. Elia di Reggio di Calabria, *ib.*, 1893; id.: Notizie storiche della città di Scilla, Napoli, Lanciano, 1889; id.: Le chiese di Calabria, Napoli, Lanciani; Jules Gay, Les diocèses de Calabre à l'époque byzantine, Macon, Protat, 1900; статьи въ Rivista storica Calabrese (300 отд.). — Сл. Lake, The greek monasteries in South Italy, I (The journal of Theological Studies, IV, 1903, p. 345—368): основаніе монастырей подготовили не столько иконоборческія смуты, сколько экспедиція Константина II противъ сарадинъ и состоявшее въ связи съ ней занятіе южно-итальянскихъ и сицилианскихъ областей греческими наемниками и поселенцами, особенно монахами, бѣжавшими отъ религиозныхъ смуть на Востокъ. — Разбираются житія Или Младшаго, Или Спелеота, Луки Деменскаго, Виталия, Нила, Фантина и Филарета.

Исторія калабрійскихъ церквей. Сл. работы Taccione-Gallucci, библиографія въ Rev. Critique, 1905, № 10.

Къ стр. 26 (Къ Кипру). Сл. Тураевъ, Изслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эіюпіи (СПБ., 1902), стр. 170—1: Св. Евстаѳій чудеснымъ образомъ приплылъ въ Кипръ, гдѣ ему и его спутникамъ оказываетъ гостепрѣимство «вѣрная Азиза», занимавшая обученіемъ дѣвиць «тканью дорогихъ одеждъ» (Opus Surgium, извѣстныя кипрскія золотыя ткани; сл. Gay, Glossaire archéologique, p. 376 a. v. Chypre; Mitrovic, Cipro nella storia medioevale del commercio levantino, Trieste, 1894, p. 28 слѣд.; Francisque Michel, Recherches sur le commerce, la fabrication et l'usage des étoffes. Paris, 1882, I, p. 307). Житіе помѣщаетъ посѣщеніе Евстаѳіемъ Кипра въ годъ и даже день смерти царя Амда-Сіона (1344 г.); въ 1341 году былъ на островѣ мимоходомъ саксонскій священникъ,

отправлявшійся на поклоненіе святымъ мѣстамъ; на улицахъ Фамагусты онъ видѣлъ не только грековъ, армянъ, арабовъ и турокъ, но и эѳіоповъ. Сл. Mas-Latrie, *L'île de Chypre*, Paris, 1879, p. 237 слѣд.

Къ стр. 27. G. Paris, *La poésie du moyen âge leçons et lectures*, 2-e série (1895). *La littérature française au XII s.*, p. 36: изъ литературы итальянскихъ норманновъ мало что сохранилось, cependant on peut leur attribuer avec certitude une grande part dans le cycle épique de Guillaume «au court nez», et nous avons gardé quelques traductions de livres historiques faites chez eux, un peu après notre période, dans un dialecte fortement italianisé. La poésie lyrique... paraît... avoir fleuri en Sicile, et elle y détermina p.-ê. au XIII s., autant que la poésie provençale, l'éclosion de la poésie italienne.

Къ стр. 29 (*Итальянская лирика и свевы*). Сл. Torraca, *La scuola poetica siciliana*, *Nuova Antologia*, 1894, 15 Nov., стр. 234 слѣд.; 1 Dic. 1894, стр. 458 слѣд.; сл. 473 слѣд.: начала лирики въ Тосканѣ и Романѣ раньше паденія свевскоіи династіи; какъ это объяснить? Altri fatti bisogna ricordare e considerare; e prima i viaggi dell' imperatore in Toscana, quello specialmente del 1239—40, durante il quale visitò Sarzana, Pisa, S. Miniato, Poggibonsi, Siena, Arezzo, Cortona. Evitò Firenze, perchè, dicono, gli era stato predetto che sarebbe morto «nel fiorentino».... Per due inverni successivi, quelli del 1244 e del 1245, la corte dimorò a Grosseto, dove Federico trovava clima più mite di quello della Lombardia e donde... poteva vigilare tanto il Regno quanto l'Italia centrale e settentrionale. A Grosseto, nelle feste di Pasqua del 1246, fu tenuta curia solenne. — In secondo luogo non sono da trascurare le relazioni politiche de'principi svevi non soltanto con i feudatori del contado Aldobrandesco, della Lunigiana, del Mugello, del Casentino, i conti di Santa Fiora, i Malaspina, gli Ubaldini, gli Alberti, i Guidi, ma anche con i comuni toscani.... le principali città della Toscana, nelle quali intorno al 1260 apparisce la lirica volgare, avevano già per almeno un ventennio più o meno largamente, più o meno forte sentito l'autorità de'principi svevi. — Bologna si sottrasse all' azione politica della corte ghibellina, non alla letteraria, e — lascio da parte il *Fiore di Rettorica* dal bolognese frate Guidotto compilato per «Manfredi lancia e re di Cicilia.... sopra gli altri re grazioso»... Il giorno che il bresciano Filippo Ugoni, in mezzo ai suoni delle fanfare e agli applausi della moltitudine,

rientrò in Bologna traendosi appresso, tra i prigionieri di Fassalto, Marino da Eboli—il vincitore di Giacomo di Morra,—Buoso da Doara e lo stesso Enzo re di Sardegna; quel giorno, io penso, entravano a Bologna lo spirito e le forme della lirica aulica, di cui nella dotta città non si è scoperta alcuna traccia anteriore. Il libero comune cavallerescamente non chiuse il re vinto in una segreta, anzi l'ospitò in bello e ricco palagio, lo tenne in onesta prigionia, in *vi-culis aureis*, permise avesse con sè valletti e servi, libri e strumenti, continuasse a fare *magnificentias suas usitatas* e «ogni dì vi andassero i nobili di Bologna a spasso a darsi piacere a lui». Di que' nobili si può credere fossero Messer Fabrizio e Messer Guido di Guinizello, già adulto nel 1250 perchè non viveva più nella casa paterna. Enzo, che frate Salimbene ammirò «uomo di singolare valore e coraggio, guerriero prode, sollazzevole quando gli piaceva, compositore di canzoni», ne' ventidue anni dell'onesta sua prigionia, non pure, come narra la leggenda, per la vaghezza della persona, per la fama del valore, per la mesta aureola della sventura ond'era circondato, vinse i cuori delle fanciulle, ma con la presenza stimolò, con l'esempio ammaestrò i gentili visitatori alla gaia scienza. — Сл. Torraca, Attorno alla scuola siciliana, N. Antologia, 1 Maggio 1896.

(*Карлъ I Анжуй и провансальскія отношенія*) Сл. Cesare de Lollis, Sordello di Goito, Nuova Antologia, 1895, 1 Marzo, стр. 58 слѣд.: Карлъ (род. въ мартѣ 1226 г.) въ молодости былъ buon torneatore e troviero, non che appassionato giocatore di dadi. Ма, nel fondo, era oltremodo ambizioso e a grandi imprese s'accinse ben presto. Сорделло при его дворѣ; слѣдуетъ за нимъ въ Италию, награжденъ, вѣроятно, за военные подвиги, 5 марта и 21 мая 1269 года, разными феодами (65—6: i Castelli di Palena, Monte Odorisio, Casale Castiglione, Civitanuova e Ginestra). P. 66 — 7: Palena è oggi un villaggio di poco più che 4.000 abitanti, nella parte più brulla e pittoresca ad un tempo dell'Abruzzo Citeriore.... Industria principale degli abitanti fu sino a pochi anni fa la fabbricazione dei panni; e finchè esse restaron soggetti al reggimento feudale, fu privata dei signori la rendita delle gualchiere e delle tintorie. Sicchè ricorrono spontanei alla mente i versi coi quali rispondeva a Sordello il suo signore, quando quegli si lamentava d'esser povero e malato: «Sordello dice male di me e far non lo dovrebbe, chè io l'ho sempre avuto caro ed onorato: gli donai gualchiera e molino ed altra possessione, e gli detti moglie tale quale egli la desiderava (разумѣется, вѣроятно, бракъ доходный; Сорделло было лѣтъ 60; ma egli è proprio motto e incontentabile e pieno di fantasie,

e non sarebbe grato neppure a chi gli donasse una contea. — Уже 30 августа 1269 года замки, дарованные Сорделло, перешли къ Bonifacio di Galebert; послѣ этого года свѣдѣній о Сорделло нѣтъ (68); 71: *знакомство итальянцевъ XIII в. съ провансальскими отноше- ниями*: il *Novellino* fa cenno di guerre tra il conte di Tolosa e quel di Provenza; e non posson esser che le guerre tra i due Raimondi alle quali allude più d'un sirventese di Sordello; e il novellatore fiorentino mostra una certa familiarità con Carlo d'Angiò, semplicemente conte di Provenza ed ancor dedito alle donne ed ai tornei a dispetto del suo santo fratello; e poi anche Imberal del Balzo (Barrol de Baus) che fu podestà per Carlo in Milano nel 1266, e con Bertran de la Manon, che passò alcuni mesi del 1260 in Piemonte per missioni diplomatiche e potè poi tornare in Italia per la spedizione di Puglia; e perfine anche con madonna Grigia, la quale non è, assai probabilmente, se non la bella Guida di Rhodéz, per la quale cantò La Manon e cantarono e sospirarono Blacas e Sordello.

Къ провансальцамъ въ Неаполѣ: Miscellanea di studî critici edita in onori di Arturo Graf (1903), De Lollis, Di Bertran de Pojet, trovatore dell'età angioina (сопровождаетъ Карла I въ Неаполь, былъ его сенешалемъ, а въ 1242 г. назначенъ былъ «giustiziere della Sicilia»).

Къ провансальской поэзіи анжуйской поры. Jeanroy, Un sirventes contre Charles d'Anjou, Annales du Midi, XV, 58 (Сл. Giorn. stor. d. lett. it., XXXVI, 23, и Zs. f. rom. Phil., XXVII, 470).

Къ стр. 29. *Разырана ли была въ Неаполѣ Jeu de Robin et Marion?* Сл. G. Paris, La littérature franç. au moyen âge, 2-e éd., § 133: elle paraît avoir été composée par lui (Adam de la Halle) pendant son séjour en Italie (съ 1283 года; въ Неаполѣ въ 1288, сл. § 132) et ne fut représentée pour la première fois à Arras, ... qu'après la mort de l'auteur. Bahlsen, Ausg. u. Abhandlungen, XXVII, стр. 96, считаетъ годомъ написанія 1283-й, въ Неаполѣ; Reichel, въ Arch. f. d. Stud. d. neueren Sprachen, XCI B., 2 — 3 Heft (1893), стр. 256 слѣд., заключаетъ изъ отсутствія неаполитанскихъ и богатства arrasскихъ аллюзій, что пастораль написана была въ Arrasъ около 1262 года (сл. стр. 262 — 3).

Сл. Langlois, Le jeu de Robin et Marion, 1896, p. 12: Adam avait entrepris de raconter dans la forme épique les exploits de Charles I d'Anjou, roi de Sicile, ou plus exactement, de refaire un poème déjà

existant sur le même sujet. L'original sur lequel il travaillait est perdu, et de son remaniement on ne connaît que les 380 premiers vers. C'est p.-ê. tout ce qui en a existé et l'auteur fut vraisemblablement interrompu par la mort. P. 21: suivant l'opinion générale, fondée uniquement sur les trop vagues indications du Jeu du Pèlerin, ayant néanmoins tous les caractères d'une quasi certitude, c'est dans le sud de l'Italie que le jeu du Robin et Marion vit le jour et parut sur la scène pour la première fois. Le public d'Adam, c'était donc d'abord le comte d'Artois, pour qui le jeu fut écrit; c'étaient ses compagnons d'armes, c'étaient les feudataires du roi de Sicile; s'étaient tous ces paladins qui, après avoir réprimé un soulèvement des Calabrais ou refoulé loin des côtes la flotte sicilienne, déposaient un instant leurs vêtements d'acier pour venir dans les chambres des dames, s'amuser au récit des amours de Robin et Marion. P. 23: уже послѣ смерти Adam ero Robin et Marion давался въ Arras'ѣ, съ прологомъ, важнымъ для біографіи поэта (Jeu du Pèlerin): le principal personnage de ce lever du rideau...., un soi-disant pèlerin, raconte que dans ses pérégrinations il a parcouru la Sicile, la Calabre, la Pouille et la Toscane, et que partout il a entendu parler d'un clerc ingénieux, gracieux et noble, qui n'avait pas son égal au monde. Ce clerc était natif d'Arras, où on l'appelait maître Adam le Bossu. Il était aimé, estimé et honoré du comte d'Artois à cause de son talent poétique et musical. Le comte lui demanda un poème qui donnât la mesure de son talent, et Adam en trouva un que le comte estime à plus de 500 livres. Mais maître Adam n'est plus. L'an dernier le pèlerin, conduit par le comte d'Artois lui-même, a visité son tombeau *dans la terre de Naples*. — Сл. еще Clédât, Rev. de philologie franç. et provençale, IX, 4 (Clédât, Oeuvres dramatiques d'Adam de la Halle); Reichel, Zum Datierung vom Adam de la Hale Singspiel Li gieus de Robin et de Marion (въ Arch. f. d. Stud. d. neur. Sprachen, XCI B., p. 256 слѣд.: написана до поѣздки въ Италию); Guy, Essai sur la vie et les oeuvres littéraires du trouvère Adam de la Hale (Hachette, 1898), и отчетъ Jeanroy въ Romania, № 114, p. 294 слѣд. (Adam слѣдуетъ за Robert d'Artois въ Италию въ 1283 г.; † м. 1285—1288 г.); Guisnan, Nouvelles recherches biographiques sur les trouvères artésiens въ Le Moyen Âge, 1902, Mai — Juin, стр. 173 († en Pouille въ 1286 или 1287 г.).

Къ стр. 31. Къ *Roberto d'Angiò*. Сл. отчетъ Ciampoli о книгѣ Siragusa'ы въ Ciampoli, Nuovi studi letterari e bibliografici, 1900, p. 347 слѣд.

Napol la granda sieutat L'an quart que fon coranat Lo rey Robert en son regnat, Que Sesilia es apelat, Et autre titol li es donat De Jerusalem eysament.

Le reste de la page est occupé par un grand dessin colorié représentant le roi Robert assis sur son trône, la couronne en tête, le sceptre surmonté de la fleur de lys dans la main gauche, et maître Arnaud de Villeneuve assis sur un siège plus bas et écrivant sur un rouleau où on lit ces mots: Syensa de destriar e d'atermenar. — Au verso autre dessin: Le roi Robert tient en main un rouleau sur lequel est écrit: Nos volem et avordenam que aquest libre valha e tengua tos temps mayns. Robertus rex. — Au dessous, deux groupes d'hommes, ceux de gauche, revêtus de longues robes, tiennent un rouleau portant ces mots: Nos autres, dux, contes e barons e los autres que son aysi an nos, consentem e confermam tot quaut per vos es avordenat. — En face, un groupe d'hommes, vêtus de robes plus courtes, tient un rouleau où on lit: E nos autres que em aysi mandats ad aquest conseil general avoam e confermam tot quant es per lo rey Robert avordenat. — En regard du feuillet 23 v° doit être placé le feuillet 25... dont le recto est occupé par un dessin où est figuré un groupe nombreux de gens du peuple. Au premier rang, un personnage plus grand que les autres se détache, tenant un rouleau où on lit: Et oy, rey Robert mon senhor, lo pobol que es aysi an vos consent en so que as avordenat d'aquest libre e quapitolat per destriar et atermenar. — De la foule sortent deux autres rouleaux, dont voici les légendes: Et o tenem trastot per fag tot quant as avordenat — E nos, senher, tots o volem. — Cl. p. 122—3: Est-il vrai qu'Arnaud de Villeneuve, le célèbre médecin qui a tant écrit sur la médecine, sur la chimie et même sur la théologie, ait aussi composé un traité d'arpentage? Нау-ре́ау (Hist. littér., XXVIII, 116—7) не допускаетъ, чтобы Arnaud самъ могъ величаться всѣми титулами, какіе дастъ себѣ, къ тому же онъ умеръ до 15-го марта 1312 года, а четвертый годъ съ вѣнчанія Роберта (когда написанъ былъ трактатъ), начался съ 1-го августа того же года. Остается предположить, что дѣло идетъ о другомъ Arnaud de Villeneuve, котораго трактатъ пошелъ подъ именемъ его болѣе знаменитаго соименника. Ce qui me porte à croire que tout n'est pas fictif dans l'assertion de Boysset, говоритъ P. Meyer, c'est la mention précise qui se lit au commencement du traité «del destre» d'un certain Arnaud du Puy, notaire (?), homme fort entendu en la science de «destriar e d'atermenar», qui lui aurait communiqué

L'ouvrage composé en collaboration par le roi Robert et par Arnaud de Villeneuve. Можно представить себѣ, что Boyssset ait pu tenir d'un certain Arnaud du Puy, d'ailleurs inconnu, un ouvrage perdu qui portait indument le nom d'Arnaud de Villeneuve.

Къ стр. 38 слѣд. (*Евстахій*). Сл. Pèrcoro, I bagni di Pozzuoli, (Napoli, 1887), p. 18—19 прим. 2: въ первомъ неполномъ изданіи эпиграммъ (Napoli, 1475) ихъ авторъ названъ Eustasio da Matera (*Libellus de mirabilibus civitatis Putheolorum et locorum vicinorum: ac de nominibus virtutibusque balnearum ibidem existentium*); la prima completa e vera edizione è compresa nel grosso volume in folio, che è una compiuta collezione di tutti gli scritti, antichi e moderni, su i bagni: *De balneis omnia quae extant apud graecos, latinos, et arabas etc.*, Venetiis, apud Juntas, 1553; здѣсь эпиграммы напечатаны подъ именемъ Alcadini poetae siculi; p. 20 прим.: Сарaccio, Balnearum quae Neapolis, Puteolis, Baiis, Pithecusis extant, virtutes etc., Neapoli, 1604, устраняетъ то и другое имя; Mazzella удерживаетъ ихъ и даже даетъ ихъ біографіи, которыя воспроизвелъ Mazzucchelli, *Scritti d'Italia, Brescia, 1753, t. I, p. 351*. Интересно, какъ произошла эта легенда.

Къ стр. 38 прим. 7) на стр. 38—40. Сл. Ireneo Sanesi, Un frammento di poema storico d. sec. XIII (Pistoja, Bracali, 1896, Nozze Sanesi—Crocini, p. 29), издаетъ отрывокъ лат. стихотворенія по ркп. семинаріи въ Potenza (изданнаго уже въ 1805 году Emmanuele Viggiano): говорить о разрушеніи *civitas potentina* Карломъ Анжуйскимъ за привязанность Потенцы къ свемамъ. Санези полагаетъ, что это отрывокъ большой поэмы, утраченной, либо не найденной, и предполагаетъ ея авторомъ *Eustachio da Matera*, которому ложно были приписаны извѣстныя эпиграммы на воды Поццуоли. Сл. *Rassegna bibliografica d. letter. italiana, IV, fasc. 3—4, стр. 113*. Сл. Pèrcoro, Bagni di Pozzuoli: *Liber balnearum Terrae Laboris* принадлежитъ Petrus de Ebulo (нап. м. 1212 и 1221 г.); Mazzella (*Opusculum de balneis Puteolarum Baiarum et Pithecusarum. Napoli, 1606, стр. 260 слѣд., 269 слѣд.*) приписываетъ эпиграммы нѣкому Alcadinus (сыру Garsini Siracusani, медику Генриха VI и Фридриха II: floruit anno Christi 1191, умеръ 52 лѣтъ) и *Eustachio Materano*, ок. 1285, медику при Карлѣ II: *carmina incorrupta et languida.... in medica tamen facultate fuit celebris et multi nominis, scripsit admodum docte et facili methodo de natura et temperie hominis.* — Сл. Capasso, *Historia di-*

plomatica regni Siciliae inde ab anno 1250 ad annum 1266 (Napolі, 1874), p. 354 прим.: въ ркп. Неаполитанской бібліотеки, содержащей Iamsilla'y, fol. 96, extat quidam libellus, qui principio caret: (94—5 вышли). Expl. f. 131 v. ubi legitur: Hunc libellum Belardinus de Policastro de Suessa propria manu eecscripsit (sic) sub anno DMCCCCLXXVIII die 18 m. Octobris XIII ind. Fortasse est quoddam mythologicum, et geographicum in Virgilio opera commentariolum; plurimas enim urbes, flumina et alia loca, nec non fabulas a Virgilio memoratas diversorum scriptorum auctoritatibus illustrat, et a Neapoli, ubi poeta ille sepultus fuit, idcirco originem sumpsisse mihi videtur. Auctor scripsit circa a. 1350; nov. f. 109 (нов. 109 лиц.) Scipionem Africanum viri Francisci celeberrimi Petrarchae, «*nuper romana laurea insigniti*» versibus honoratum memorat. — In eo autem inter alia, quae de Neapoli et Virgilio habet, haec.... afferre lubet: *Eustatius* vero in suo *Planctu Italiae* li. IX dicit:

Inclita Parthenope, generosa Neapolis, alto
 Nomen ab Enea que renovata tenes,
 Culta prius grecis de nomine Parthenopeis (ркп. Parthenopey)
 Parthenope dicta, regia regis eras.
 Post pius Eneas urbem renovavit et auxit.

.....Et deinde: Fertur etiam, quod fieri fecit (Virgilius) equum ereum, ut alii equi, aliquo morbo vexati eum respicientes, ipsius visu sanitatis remedia reportarent. Hic equus fuit juxta ecclesiam S. Johannis Majoris, postmodum surreptus ad archiepiscopatum extitit deportatus. Quem equum, cum rex Carolus victam urbem intraret, admirans, ei disticum fecit in hunc modum, ut refert *Eustatius* in suo *Planctu Italiae* l. I, 4 (?):

Hactenus effrenis, nunc freni paret habenis,
 Rex domat hunc, [equus] (иѣтъ въ ркп.) parthenopensis equum;

f. 96—7 (Sarasso предполагаетъ, что этотъ Евстацій былъ изъ Матеры).

Рукопись, на которую указываетъ Sarasso, находится въ Неап. библ. № IX, С, 24: родъ коллектаней, касающихся мнѣологіи и древней исторіи и географіи Италіи, особенно южной; собраны матерьялы безъ очевиднаго плана; уже Sarasso указано на упоминаніе Петrarки; заимствованія изъ Боккаччю указываютъ на конецъ XIV, скорѣе на первую половину XV в. Цитую далѣе, я слѣдую новой нумераціи.

Fol. 89: *Eustatius* vero in suo Plantu Italiae l. 9° dicit quod dicta est (Neapolis) ab Enea et polis, quasi Eneapolis, hoc est civitas Enee. Subdit etiam quod antea habitata a Grecis, de nomine eorum Parthenopaei Parthenope dicta est. Unde ait li. 9°: Inclita Parthenope (сл. выше).

F. 89 об. — 90 лиц. (надпись на конѣ Virgилія сл. выше).

93 лиц.: *Cornithum* Thuscine civitas quae nunc Grossitum dicitur et dictum est Corithum a Chorito rege patre Dardani et dicit *Boccatius*: Jasius fuit filius Abantis et Athlantis, Anphionis et Thelaonis Jasii, unde a Coriti nomine mons et civitas ipsa nomen accepit. Refert Servius quod Juppiter cum Electra uxore Corithi concubuit, de qua natus est Dardanus Troye auctor. Habet n(amque?) ystoria quod Dardanus fratrem suum Jasium interfecit, ob hoc de Italia exul factus est in Frigiam profectus, qui tenuit illa loca ubi postea Troya facta est, et congregatis hinc inde rusticis illorum locorum primus Troye auctor extitit, unde aliquando Troya Dardania dicitur.

94 лиц.: Ystoria. Regnante Sparato Assiriis, ut ait *Paulus* secundum *Eustachium* quendam, Eridanus qui et Phe(ε?)ton, Solis Egyptii filius, cum copia suorum duce Nilo (ркп. culo) navigiis devenit in mare... relicto Ligo seu Ligure filio in Pado periit, a quo Padus Eridanus dictus est, Ligures a Ligure (= Bocc. De Gen. D., VII, 41, съ незначительными отличіями).

94 об. *Antigona* filia fuit Laomedontis, ut dicit Servius, quam dicit eo quod formosissima esset ausam se pulcritudine preferre Junoni; ob quam causam irata Juno vertit in ciconiam. Hujus figmenti talis est ratio ut refert *Leontius*: quod capto ab Hercule Ilione et occiso Laomedonte....

95 лиц. *Priamus*. Возстановилъ Улион и укрѣпилъ его противъ враговъ, nam dicit Servius eum sic egisse ut pro rato haberetur secundum *Plautum* tribus stantibus rebus eam capi non posse: vita scilicet Troyli, Palladii conservacione et Laomedontis sepulcro integro quod in porta Scea fuit.

96 лиц. *Yliona*, ut Servio placet, 3^a filia fuit Priami, et ut asserit *Paulus*, ex Heccuba (sic).

99 об. *Esacus*.... eum autem in mergum versum dicit *Theodosius*, quia vivos descendit ad yma....

100 лиц. *Alyoneus* Phorbantis fuit filius ut asserit *Paulus*.

99 об. Theucer, ut affirmat *Barlaam*, filius fuit Priami....

100 об. Yphates et Testorius, ut dicit *Paulus*, filii fuere Priami.

101 об. слѣд. (*объ Эней*); на л. 102 упоминаніе недавно вѣнчаннаго *Петрарки*; сл. 102 обор.: Quod autem Neptuni precibus ex Achillis pugna subtractus sit, non quod aiebat *Leontius* verum puto, sed quia agente constellatione contigerit.

108 л. *Acis* filius fuit Fauni, обращенъ въ рѣку; cui fabule *Theodontius* talem tribuit sensum....

111 л. *Hebes*, ut ait *Theodontius*,.... Quod autem ex fictione hoc sumendum sit, hoc arbitrio dicebat venerabilis Andalo....

114 об. *Ebulum* civitas *Laconiae* (ссылка на Galienus и Musatus Paduanus in li° suo).

115 лиц. (*Circes*) hec secundum *Vocatium* dicitur habitasse in insula quam usque hodie dicunt navem Ulixis.

115 об. *Ansar* — civitas est Campanis que nunc *Terracina* dicitur, ab Ansari. (id est?) Iove juvene qui ibi precipue colebatur.

116 об. *Messana*.... dicta Messana quia in ejus portu quasi messes pro romanis portabantur, quod confirmat *Eustasius* in suo Plantu Italie li. 3° dicens:

Inque tuo portu messes sibi Roma parabat,
Indeque Messana nomina messis habet.

119 лиц. *Avernus*: Circa hunc locum sunt balnea plurima saluberima, quae a modernis balnea Tripergule dicuntur. Locus autem ubi sunt balnea ideo Tripergula dicitur, eo quod domus balneorum sit trium mansionum, in una qualium stant homines, in alia reponuntur vestes, in tertia vero aqua. Unde *Eustasius* li° balneorum de Tripergula sic ait:

Hic locus est triplex, de jure Tripergula ditta
Una caput, vestes altera, (tertia?) servat aquam.

119 обор. слѣд. *Tarentum*; сл. 120 об.: *Eustasius* vero sui Plantus Italie dicit, quod civitas Tarenti est cincta bino mari et quod caput et patronus ipsius civitatis est beatus Cataldus, cujus corpus i hatur (ibi habetur?), et laudat ipsam civitatem quam ad maris et terrae uberitatem, unde ait:

Urbs regionis opes prestat miranda Tarentum,
Mira mag(nis?) meritis, sancte Catalde, tuis.
Delitiis vulgata suis fit nota per orbem,
Bino cincta mari fertilitatis humus.
Emula hic Rome situs imbellisque vocatur
Fertilis urbsque mari diviciosa suo.

Vitibus hec variis, multis frondescit olivis,
 Diversis pomis, ficubus atque piris;
 Pratis et silvis uberrima fert numerosa
 Hec armenta, greges et genus omne fere
 Inde Ceres, bombix, sal, quicquid fertile cultu
 Terra parit, cunctis deliciosa cibus...
 Quis numerare queat pisces maris, ostrea, tunnos,
 Auratas, cephalos, piscis et omne genus?

121 лиц.: цитата (стихотворная) изъ Johannes in Apologiis; другая 121 об.

Сл. Вѣнскую ркп., комментарий Діонисія къ Валерію, описанную Эндлихеромъ, л. 45 recto (отрывокъ о Тарентѣ): Notandum est Tarentum: fuit enim civitas valde nobilis et opulentissima, et est hodie, in qua fuit studium philosophiae ytalicum et grecum, ut dicit beatus Augustinus libro de Civitate Dei. — *ad res petundas*: quas non ex debito, sed ex consuetudine conferri permittebant. — *ut romana civitas esset fertior*, eo quod Tarentina civitas opulentissima erat, ut hodie est, de qua poeta dicit:

Deliciis volgata suis fit nota per orbem,
 Humo (Bino?) cincta mari felicitatis hujus
 Emulus hic Rome situs in bellisque vocatus
 Fertilis urbsque mari diviciosa suo
 Viribus (Vitibus?) hiis (haec?) variis, multis frondescit
 Olyvis, diversis pomis, ficubus atque piris,
 Pratis et silvis uberrima fert numerosa
 Hic (hec?) armenta, greges et genus omne fere.
 Inde Ceres, bombis, sal, quicquid fertile cultu
 Terra parit cunctis deliciosa cibus.
 Quis numerare queat pisces maris, ostrea, tunnos,
 Abracas (?), cephalos, piscis et omne genus?

Слѣдуетъ нѣсколько указаній на содержаніе комментаріевъ р. 47 v. — 48 г.: *о сценѣ и театрѣ*; сл. 49 г. — р. 120 recto (къ Val. Max. lib. V: *Mitridates* etc. Hic rex Mitridates quod uno milite suo qui fuit sue libertatis custos navali pugna excepto i. (id est?) capto omnes captivos quos de Redis (Rhodiis?) habuit commutavit, sacius i. (id est?) melius estimans ab invisissimis i. (id est?) inimicis et odiosis circumveniri, quam bene merito militi gratiam non referre. Gratitudeм isti regis in casu consimili imitatus fuit bone memorie illustris Karolus secundus rex Sicillie, qui in redempcione domini Ragnaldi de Avella militis strenui et sibi fidelissimi quem rex Fredericus tenebat captivum,

primo captivos Siculos quos habebat et demum Yschiam, Capreas pridem insulas sui regni notabiles, insuper castrum Abbatis insigne iocule (?) quibus acerrime suum regnum poterat conveniri, contulit et dedit potius volens predictis quam tanti militis et tam fidelis carere praesidio.

F. 124 recto: *Discordes* etc. Hic auctor non contentus dictis in secunda pp. alloquitur ipsos delectando Athenienses dicens de (?) Athenis fati sui discordes et dividua .i. (id est?) dividuentia iurgia pacis graeciae facta sunt columnae .i. (id est?) alacritas et fortitudo. Hanc historiam non intelligo nisi antequam interponantur de *Atheniensium cronica*. Nam antequam cum Xerse reges Atheniensium haberent crudele bellum inter se habuerunt civile, quo completo et innumera multitudine hominum mortua, homines mortui in aerem elevabantur et ultra inter se ictibus (на поляхъ: corpus) collectabant, quae populus capiens in caesis posuit nec quieverant; tandem ex omnibus mortuorum corporibus hinc inde distinctis cumulum fecerunt et ignem desuper ponentes ipsos cremaverunt, nec sic mortuorum impetus quieverunt, ymmo flamme in aerem se ad invicem collidebant. Sed qualiter hoc sit possibile non est praesentis operis videre, nonnulli tamen dicent hoc fuisse ex aqua corporum influencia naturali, quod ego verius credo (124 v.), licet etiam hoc non vertatur in dubium, quoniam demonum opere potuerit esse factum. — (VI кн.) p. 143: *Libertates.... Nondum*. «Nota ergo Rome fuisse quasdam scalas occultas sub terra, quibus a carcere publico, qui nunc vocatur St.-Nicolaus ad carcerem occulte ad Capitolium veniebatur, quae dicebantur gemoniae ab inventore, qui eas fecit fieri, per quas captivi ad locum supplicii et carceres ducebantur. Sed quia hoc dictum posset eadem ratione negari quam ponitur, cum hoc in cronica non reperitur. Dico quod hoc non posui ex me, sed cum plures romanos interrogavi, hoc quod scriptum est audivi. — (Lib. VIII) f. 185 r. (Plato) legi enim in quodam libro valde antiquo quem inveni in quadam ecclesia, quod Ars (Aristoteles?) circa hujus fluminis (Nili) inundaciones insistens, dum causas refluxus capere non valeret, in aquam se projiciens dixit: Non possum te capere, capias me; quod utrum sit verum, lectoris iudicio relinquatur.

Къ стр. 44 (*Франц. король безграмотенъ*). Сл. Coville, *La civilisation franç. aux XIV et XV s. — Origines de la Renaissance en France*, въ *Bulletin hebdomadaire des Cours et Conférences*, 1° année, 24 Janv. 1895, № 11, стр. 175: *Петрарка о Филиппъ VI*: il le dit ignorant, mais son jugement est suspect. En réalité, Philippe VI eut

«La subtilité de son entendement» grandit sans cesse; dans sa jeunesse il avait bien su le latin, mais par la suite il l'avait négligé. Les mots difficiles l'embarassaient un peu; aussi voulant à tout prix satisfaire un peu sa curiosité littéraire, il les fit traduire en français, moins épris d'ailleurs des mots que des choses, voulant avant tout dérober le trésor des notions possédées par les anciens sur toutes les connaissances humaines. Les traductions dont il est ainsi indirectement l'auteur sont nombreuses; la Bible fut traduite par Raoul de Presles, et il la lisait en français d'un bout à l'autre, au moins une fois l'an. Les problèmes d'Aristote étaient connues de lui. Parmi les Latins—Lucain, Salluste, Cicéron, Valère Maxime, Tite-Live et surtout Végèce lui étaient familiers. La Cité de Dieu de Saint Augustin avait trouvé dans la personne de Raoul de Presles un traducteur, et le De Soliloquio n'était pas non plus méconnu. Charles V ne méprisait point les ouvrages des modernes: il aimait à parcourir le livre de Jean de Corbechon sur la propriété des choses, ne comprenant pas moins de 19 livres, les «Gloses sur les papes» de Pierre de Narbonne, l'ouvrage de Pétrarque sur la «Bonne et la mauvaise fortune», les «Tables alphonsines»; les traités d'agriculture avaient pour lui un très grand intérêt.... Charles favorisa de cette façon le savoir; mais encore il aima à partager la conversation des plus savants hommes de son temps; il eut toujours le goût de la lumière, il la chercha sans cesse. Онъ интересовался богословіемъ, астрологіей; il eut une splendide bibliothèque royale, elle ne comportait pas moins de 900 Mss. superbement reliés, contenant des peintures admirables.

Къ стр. 56 и passim (*Личьяюли*). Curzio Mazzi, Argenti degli Acciaiuoli. Siena, tip. Nava, 1895, per nozze Bacci—Del Lungo. Сл. Giorn. stor. d. lett. ital., v. XXVI, 76—7, стр. 279: *счеты della argenteria, biancheria ecc. di casa Acciaiuoli, tolte dalle numerose carte di quella famiglia che tornarono in Italia con la collezione Ashburnham.... Les notizie riguardanti il gran Simiscalco ed i più prossimi parenti di lui potranno interessare agli studiosi del Boccaccio.*

Къ стр. 67 (*Гвидо Кавальканти*). Сл. La poesia giovanile e la canzone d'amore di Guido Cavalcanti. Studi di Giulio Salvadori. Roma, Soc. editrice Dante Alighieri, 1895; и отчетъ Mario Pelaez въ Nuova Antologia, 1895, 1 Aprile; стр. 561 слѣд.: *Сальвадори нашегъ въ Ватик. ркп. 3793 канцону и 61 сонеть: они составляютъ una serie*

continuata, un trattato organicamente ordinato della *maniera di servire*, «e poichè il servire in amore è anche qui principio di virtù, essi sono anche un trattato morale, un dolce ammaestramento della drittura che è alimento del cuor gentile, e tutte le cose manchevoli conduce a perfezione». L'autore s'è risoluto a scriverlo per soddisfare alla domanda di un amico a cui lo manda con due sonetti di proemio e uno d'invio. Il cod. Vaticano non ha il nome dell'autore, ma perchè fra i 61 sonetti, il 35°: «Morte gentile, rimedio de' cattivi» negli altri undici codici che lo contengono, oltre questo, è attribuito al Cavalcanti, e perchè questo sonetto è strettamente connesso, per la materia, a quelli che lo precedono e a quelli che lo seguono, il Salvadori ha quasi la certezza che tutti quei sonetti siano opera giovanile di G. Cavalcanti. — P. 564: essi non sono assolutamente la esposizione di una teorica, ma la rappresentazione di un amore reale, nella quale gl' insegnamenti morali sono offerti quasi come osservazioni fatte dal poeta in una triste e dolorosa esperienza.... Il dramma si svolge nei sonetti 950—961, 966—979 principalmente, ed è rappresentato dal contrasto fra la donna e il poeta: perchè quella a un dato punto del dialogo dichiara certi scrupoli religiosi (на что поэтъ отвѣчаетъ: Chè' n nulla guisa la vostr' amistate—Non chero aver, se non ch' onor vi sia) ed egli manda un'altra donna come mediatrice di pace.... L'opera della mediatrice sembra che sortisse l'effetto desiderato, chè il poeta muove il canto della gioia.... Ma fu vera o temporanea questa riconciliazione? Non si sa. È però certo che rime dolorose seguono il canto della gioia, rime che hanno la più addolorata espressione nel sonetto: «Morte gentil, rimedio de' cattivi».... che contiene il germe di quella che sarà poi la poesia dolorosa di Guido. — Сальвадори пыгается опредѣлить la educazione filosofica di Guido. Esamina.... la psicologia di Aristotele contenuta nei tre *libri dell'Anima*, ed espone con quali alterazioni prodotte dal misticismo alessandrino essa passasse nei trattati dei filosofi arabi, i quali alla loro volta, secondo la loro natura, dovettero alterarla. Ad Avicenna e ad altri arabi attinse Alberto Magno, da' cui libri, «scritti senza dubbio a raccogliere, ma purificata e armonizzata con la fede, la somma della scienza greco-araba», crede il Salvadori abbia derivato il Cavalcanti il misticismo arabo. «Così si spiegherebbe, aggiunge il S., come il Cavalcanti, meglio che un averroista, si possa dire un arabizzante preaverroista, perchè questa è appunto la nota distintiva della dottrina di Alberto». Что до теоріи любви, то Кавальканти продолжаетъ Guinizelli, его новшество: «una

умершей, che divenne poi la Storia di Ginevra degli Almieri, сл. Liebrecht, Die Todten von Lustzau (Zur Volkskunde, Heilbronn, 1879, p. 54).

P. Rajna, Le quistioni d'amore nel Filocolo, Romania, XXXI, p. 28 слѣд.; p. 28 прим. 3 (не упомянута новелла изъ Filocolo, пересказанная Jacomo di Giov. di ser Minoccio, перепечатанная у меня въ приложеніяхъ); 34: эпизодъ Quistioni: forma embrionale del Decameron; связь съ cours d'amour (у меня); 36—7: *Qu. I* (сл. у меня: мотивъ вѣнка; сл. Rajna въ Raccolta, посв. D'Ancona'ѣ, стр. 353—68); стр. 38 слѣд.: *Qu. III* (кого предпочесть: мужественнаго, courtois и т. д.; сл. у меня); стр. 40: *Qu. IV* (Новелла о Торольфѣ = Dec. X, 5; отмѣчено отличие Дек. отъ Qu.: въ послѣднемъ мужъ посылаетъ жену, considerata la purità dell'intenzione, въ Дек. говорится и о paura del nigromante. Сл. у меня и стр. 44—5: вопросъ о восточныхъ параллеляхъ къ Боккачьевской новеллѣ?); стр. 47—8: *Qu. V* (кто несчастнѣе: тотъ ли, chi non ottiene ricambio, или тотъ, кто, ricambiato, si trova aver motivo di gelosia? Rajna приводитъ пров. и франц. параллели; Crescini видитъ въ geloso—Vossaccio; интересно, что сама Fiammetta, che in realtà è l'amante infedele, объявляетъ болѣе несчастнымъ ревнивца. Она въ самомъ дѣлѣ могла обвинить его въ напрасной ревности, защищая себя?).— Стр. 48—50: *Qu. VI* (какую дѣвушку предпочесть: ту ли, которая по уговору пѣлуетъ юношу, котораго хотѣла этимъ побудить рѣшиться на выборъ между ними; или ту, которая, рѣшившись, останавливается, застыдясъ?). Стр. 50 слѣд.: *Qu. VII* (è un bene o un male l'amore?); стр. 52: *Qu. VIII* (кого предпочесть: женщину высшаго состоянія или низшаго? Сл. у меня: автобиографическій моментъ); 52 слѣд.: *Qu. IX* (выборъ: pulcella, maritata o vedova? У Rajna'ы пров. и франц. параллели; приводился и сонетъ Б. къ Руссі: какъ въ Qu., такъ и у Руссі предпочтеніе отдается вдовѣ; сл. у меня); стр. 54 слѣд.: *Qu. X* (одна дама обречена на костеръ; судья порѣшилъ однако попытать Божьяго суда—единоборствомъ. Одинъ изъ поклонниковъ дамы выступаетъ въ ея защиту, другой является его противникомъ, но съ тѣмъ, чтобы быть побѣжденнымъ. Оба просятъ у дамы награды; кого наградить?); стр. 54: *Qu. XI* (что лучше: видѣть милую, или, не видя, думать о ней?); *Qu. XII* (юноша, застигнутый у дѣвушки ея братьями, можетъ спастись подъ условіемъ: годъ прожить съ дѣвушкой и годъ со старухой; отъ него зависитъ выборъ, съ кѣмъ прежде?); 57 слѣд.:

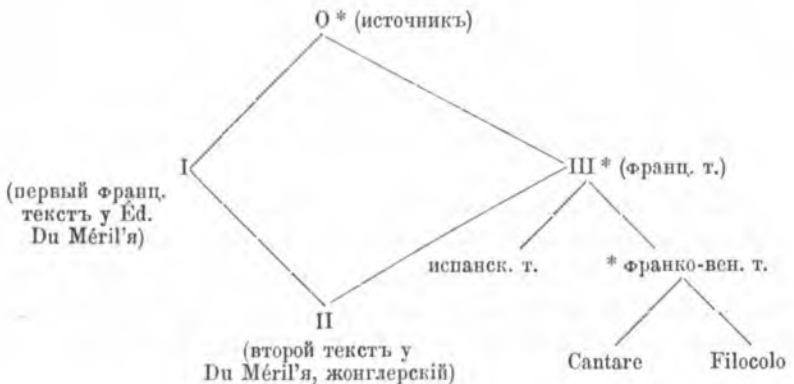
uomo di corte, говоритъ о старыѣхъ временахъ, когда царила curialitas: въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать и эпитетъ Gherardo, buono; въ этомъ смыслѣ Данте, Convivio, IV, зоветъ его nobilis; Benvenuto Rambaldi: hic fuit vir totus benignus, humanus, curialis, liberalis et amicus bonorum, ideo catonomastice dictus est bonus. — *Gaia* — soprannome въ смыслѣ lieto, gentile, nobilmente giocondo, м. б., не безъ вліянія прованс. gay; о тревизскихъ дамахъ писалъ Giulzare: De le donne di Treviso: «Queste son *cavalleresche*; Sempre con *allegro viso*, Tutte quante zentilesche: De bei balli e delle tresche Hanno ben de saver fare, E poi son ben solozare Con ognun gentil barone». Così notissimo è in fatti che segnatamente nel s. XIII fu Treviso ricetto di bella e fresca cultura, teatro di feste amorose, di giostre, di tornei. Сл. у хроникера Rolandino описаніе праздника del castello d'amore; сл. Dittamondo, III, 2; прованс. поэзія рядомъ съ отголосками французскаго эпоса и отголосками завожаго рыцарскаго быта. — Сл. Picotti, Gaia da Camino, Giorn. Dantesco, XII, 6; Coletti, L'arte di Dante e nel medio evo. Gaia e Rizzardo da Camino, Treviso, 1904. Сл. Giorn. stor. d. letter. it., XLIV, 485—6.

Nuova Antologia, 1904, 16 Maggio, стр. 358 слѣд., отчетъ о Angelo Marchesan, Gaia da Camino nei documenti Trevisani in Dante e nei Commentatori della Div. Com. (Treviso, 1904). Jacopo della Lana (1323—8) о ней: «Gaia fu figliuola di messer Gherardo predetto, e fu donna di tale reggimento circa le delectazioni amorose, ch'era notorio il suo nome per tutta Italia». То же повторяетъ Ottimo, но у Anonimo fiorentino: «Fu una bella giovine e costumata, simigliante al padre quasi in ogni cosa, et di lei et dei costumi suoi si ragionava non solamente in Trevigi, ma per tutta la Marca trevigiana»; то же Franc. da Buti, второй половины XIV в.: «e fu si honesta e virtuosa, che per tutta Italia era la fama della bellezza et honestà sua». Иначе Benv. da Imola: Ista enim erat famosissima in tota Lombardia, ita quod ubique dicebatur de ea: Mulier quidem vere gaia et vana: et ut breviter dicam, Tarvisina tota amorosa; quae dicebat domino Rizzardo fratri suo: Procura tantum mihi juvenes procos et ego procurabo tibi puellas formosas. Multa jocosa sciens praetereo de foemina ista, quae dicere pudor prohibet». — Странно было бы со стороны Данте похвалить Герардо, назвавъ его отцомъ такой дочери. Marchesan объясняетъ отзывъ Данте иначе, устраняя — легенду Benvenuto: онъ volle dire nella risposta di Marco Lombardo: «Io non conosco il buon Gherardo per altro casato, il quale lo possa onorare, che per

τούτοις ἐκοιθίσαν ἀξιοὶ λόγον, ὅτι Σπαρτιάταις καὶ Ἀθηναίοις καὶ Σικελοῖς κοινῇ καὶ κατ'ἄνδρα λουσιτελεῖν ἔδοξαν, καὶ ζῶντες οἷς ἔπραττον, καὶ μεταλλάξαντες οἷς νενομοθετήκεσαν Ὅμηρος δ', ἡ μερίστη γλῶττα τῶν Ἑλληνίδων, παρὰ τοσοῦτον τοῦ μηδενὸς ἐκινδύνευσε λόγον γενέσθαι κληροῦχος ἐκείνοις, ὥστε καὶ ἀγεννῶς ὁ γεννάδας τῆς θαυμαστῆς ἐκείνων ἐξωθεῖται πύλωσης. καὶ τὸ αἴτιον, ὅτι μήτε πόλις μήτε δῆμος μήτε ναυτικά μήτ' ἠπειρωτικά στρατόπεδα μηδὲν τῆς ἐκείνου γλώττης πλέον ἀπώναντο, ἢ ὅσα τέττιγος ἤδοτος ὦρα θέρους ἀμαλλοδέται ἔωλα γάρ τινα τοῦτόν φασι καὶ μυθώδη διεξιέναι μετὰ γλώττης τινὸς κεκαλλιπημένης, οὐδὲν δὲ οἶον εἰς ἐπιστήμης ὄρα χορηγίαν, οὐδ' ὦν γένεσις βόσκει καὶ φθίσις, οὐδ' ὅσα τοῖς οὐρανόις δινεῖται δρόμοις. — ταῦτα δὴ τὰ τὴν ἀνθρωπίην ἐπεικῶς ἀξίοντα γνῶσιν καὶ ἐξ ψυχῆς εἰπεῖν μυελὸς διαβαίνοντα· ὁ μέντοι μέγιστος οὗτος ἐν λόγοις ἦρωσ, ὁ σοφὸς καὶ μέγας φημὶ λογοθέτης, τὸ πάσης πρωταεῖον σοφίας, ὅση τε ἀκριβῶς ἐρευνῆ τὰ οὐράνια, καὶ ὅση δίεισι τὰ ἐπίγεια καὶ ὑπόγεια καὶ περὶγεια, δείσας μὴ τάφῳ συγκαταχόσῃ τὴν μνήμην, οἷον καὶ Σωκράτης ἐκείνος ἂν ἐπεπόνθει, εἰ μὴ φειδοῖ τοῦ διδασκάλου Πλάτωνος καὶ Ξενοφῶντες ὥσπερ ἐπ' ὀχλήματος τῆς σφῶν αὐτῶν ἀναβασάμενοι γλώττης μέγαν ταῖς τῶν ἐπιγεγενημένων ἀεὶ παραπέμπουσιν ἀκοαῖς, ναρκῶσι μὲν ἀφῆκε σιγῶντας διαμέλλειν καὶ ἀνακεῖσθαι αὐτὸς δ' ὥσπερ τις Ἑλληνοδίξῃς παγκόσμιος διάρας κῆκλω τοὺς ὀφθαλμοὺς τῆς ψυχῆς καὶ περισκοπήσας τὴν ὑπ' οὐρανὸν καὶ πάντα κατ' ἴχθος ἐπιδραμῶν τὰ ἐξ αἰῶνος πράγματα καὶ διερευνησάμενος τοὺς ἐν ἅπασι δημοιοργικοὺς λόγους καὶ ἐξητακῶς πάνθ' ὅσα φθορὰ καὶ γένεσις βόσκει καὶ ξυνεῖς, τίνα σὺν λόγῳ τὸν βίον ἤνυσε καὶ τίνα μὴ, τὸ μὲν παροχρηκὸς ἐπειδὴ παρεροῦη παρῆκε, τῆς δὲ μελλούσης ἔσεσθαι πρὸς λόγους ἡλικίας καὶ μάλα πλείστην ἐνεδειξάτο τὴν πρόνοιαν, ὡς μὴ πλημμελεῖ τιμ ἔτι καὶ ἡμαρτημένη χρῶντο τῇ φορῇ· καὶ νῦν μὲν τοὺς κατ' οὐρανὸν δρόμους τῶν ἀστέρων, νῦν δὲ τοὺς ὑπὸ γένεσιν καὶ φθορᾷ λόγους ἀθλον τῆς αὐτοῦ διανοίας καὶ γλώττης πεποικῶς κρᾶτιστα διασαφεῖ καὶ δῆλα τίθησι καὶ οἷον τροφήν τινα ἄπονον ἅπασι. — δύο πρὸς ἐντελέθειαν τῆ πραγματεία ἐνδεῖ τό τε τῆς λογικῆς πραγματείας Ἀριστοτέλους καὶ ὁ μετὰ τὴν τῶν φυσικῶν δηλαδὴ τεργάνει ἐξέτασιν ἢ δὴ παρόδραμεν οὗτος, οὐκ οἶδ' ὀπότερον εἶτ' ἐπίτηδες καὶ ἄλλῳ τῷ φιλοτιμίας ἐνδειξὴν καὶ τόπον χρηστῆς ἐργασίας καταλιμπάνων, εἶτε καὶ τῶν ἀεὶ ἄλλοτ' ἄλλως ἐπιπεόντων ὀχληρῶν ἀπασχολησάντων. καὶ γὰρ καὶ ἀεὶ σχολαστικὸς τις ὦν ὁ ἀνὴρ τοσαῦτα καὶ τοιαῦτ'

стр. 348 слѣд., и t. XXXV (1906), стр. 95 слѣд. (гдѣ приведена и литература; Huet стоитъ за восточный оригиналъ); Basset въ Rev. d. trad. pop., t. XIV (1899), стр. 687—9.

Сл. отчетъ G. Paris о Crescini, Il cantare di Fiorio e Biancifiore, 2 vv. (1889, 1899), въ Romania, № 111, стр. 439 слѣд.: текстъ Cantare представляетъ le remaniement abrégé d'une oeuvre plus ancienne, qui ressemblait de près à la source perdue du roman de Boccace. Текстъ Cantare тосканскій, XIV в., le plus ancien exemple de la *storia* en *ottava rima* qui devait prendre un tel développement en Toscane. C'est une oeuvre simple, populaire, non sans grâce, mais un peu sèche, et portant tous les caractères d'un abrégé. — . . . La source de Boccace et le Cantare ont à leur tour une source commune, вѣроятно, франко-итальянская (скорѣе, франко-венецианская) поэма, на что указываетъ Marmorina = Verona въ Filocolo, обозначение, извѣстное во франко-итальянской литературѣ, забытое въ Cantare. On peut s'étonner de voir les Musulmans établis à Vérone, mais déjà dans l'*Oger* franco-italien Marmora est la résidence d'un roi sarrasin, et c'est de ce poème sans doute, ou de poèmes analogues, que le nom de Marmora ou de Marmorina aura été introduit dans notre histoire. Il n'a guère pu l'être que par un jongleur de la vallée du Pô, pour lequel le nom de l'Espagne ne représentait que des idées très vagues, car dans nos versions comme dans les autres Félics est bien un roi d'Espagne. Cette confusion, effacée dans le Cantare d'où le nom de la Marmorina a disparu, a amené dans la géographie du Filocolo les plus étranges incohérences. — Стр. 445: генеалогія текстозъ Floire et Blanchefleur по I'. Пари (стр. 444 и прим. 3: онъ допускаетъ въ основѣ un conte oriental, какъ Huet, колеблется относительно существованія византийскаго романа — источника франц. поэмы; 445):

Во Франціи и Провансѣ исторія о Floire et Blanche fleur упоминается съ половины XII в. (445), испанскія аллюзіи восходятъ къ XIV (447).

La Favilla, VI, 52: Crocioni, La più antica redazione italiana del cantare di Fiorio e Biancifiore nel cod. Veliterno K. IV, 1.

Rajna, Le fonti dell' Orlando Furioso, 2-a ed., Firenze, Sansoni, 1900, p. 170 (la fonte di Fileno e il pino di Idalagos: тамъ и здѣсь Боккаччо si fece eco specialmente di Dante. Для эпизода объ Idalagos предполагается una partecipazione dell' Erisittone di Ovidio, Met., VIII, 751; nelle Metamorfosi il motivo era già apparso II, 358); сл. ib. p. 405 прим. 1. Вліяніе на соотвѣтствующій эпизодъ Orlando Furioso. — О вліяніи *Filostrato* и *Fiammetta*'ы, ib. стр. 474 слѣд.; *Декамерона* (Dec., IV, 4, II, 7, 9, III, 7, V, 9, X, 3, 8)—сл. стр. 229, 557, 585, 589, 601. Къ новеллѣ о Gisippo, X, 8, сл. стр. 601: генетическая связь съ эпизодомъ о Садокѣ въ Тристанѣ, ибо новелла вышла dalla prima parte dell' Athis et Prophilias, derivata da un bene noto racconto della Disciplina Clericalis, che anche nei casi di Sadoc ci si viene a riflettere. Сл. Liese, Der altfranz. Roman «Athis u. Prophilias» verglichen mit einer Erzählung von Boccaccio (X, 8), Görlitz, 1901, стр. 19: Boccaccio пользовался, вмѣстѣ съ старо-франц. романомъ, и соотвѣтствующей повѣстью Альфонса: freilich ist die Möglichkeit nicht abzuweisen, dass dieser nach einer unbekanntem Vorlage gearbeitet hat, welche die bei Alfonsus vorkommende Abweichung vom Romane enthielt. Aber auch dann müsste diese Vorlage auf das genaueste mit dem altfranz. Romane übereingestimmt haben.

Сл. Albertazzi, Il romanzo (въ серіи: Storia dei generi letterarii italiani. Milano, Villardi), p. 19: въ *Filocolo* Боккаччо accrebbe, nella parte drammatica dell' azione l'età dell' eroe e dell' eroina, rendendoli non più giovinetti, ma consapevoli e maturi all'amore. P. 20: filocolo—amator di fatica (lib. IV); 25: средневѣковій романъ обращалъ античныхъ героевъ въ рыцарей, Б. въ *Filocolo* volse ad apparenze classiche e a impressioni d'antica poesia una leggenda nota o divenuta feudale cavalleresca, e la volse (si noti bene ancor questo) a narrazione in prosa.

Къ стр. 120 слѣд. (*Pamphilus*) Библиографія у Cloetta, Beiträge z. Litteraturgeschichte des Mittelalters u. der Renaissance, Halle a. S., Niemeyer, 1890, I B., стр. 88 слѣд.; сл. Creizenach, Gesch. d. neueren Dramas, Halle a. S., 1893, I, стр. 35 слѣд.: XII вѣкъ; der Name des Verfassers ist unbekannt....; er hat wahrscheinlich den Namen (Pam-

В. впервые явился въ Неаполѣ? По Балделли—въ 1333. In fondo, scrive il Renier, questo granchio, tale almeno mi sembra, ha per sua remota origine l'idea che il B. fosse discepolo di Cino da Pistoia; idea fondata in gran parte su di una lettera apocrifia, stampata prima dal Doni e poscia riprodotta dal Biscioni, che il B. avrebbe scritto nel 1338 a Cino morto nel 1336; senza badare che dal 1329 al 1333, anni in cui il B. si sarebbe applicato alle leggi, era molto probabilmente Cino professore a Perugia, dove lo troviamo fine dal 1326, e dove ebbe a discepolo il Bartolo [сл. у меня выше стр. 18: Чино вызванъ королемъ Робертомъ въ Неаполь въ 1330-мъ году, но оставилъ кафедру въ томъ же году. Ibid. въ прим. 4): въ Перуджии съ 1332 года].— Стр. 302: по свидѣтельству (non sospetta) Benvenuto da Imola B. былъ вызванъ отцомъ изъ Неаполя въ 1329 г. [сл. у меня выше стр. 17: отецъ B. окончательно выѣхалъ изъ Неаполя въ 1331 г.]. Авторъ полагаетъ, какъ и я, что B. изучалъ каноническую мудрость въ Неаполѣ, м. б., у Dionigi de' Roberti (но вѣдь Dionigi былъ призванъ въ Неаполь лишь въ концѣ 1338 г.?). — Se veramente il B. fosse andato a Napoli nel 1333, mal si riuscirebbe a spiegare la completa sua inoperosità fino al 1341, nel più bel fiore dell' età sua (почему inoperosità? непонятно) Mentre se ammettiamo ch' ei vi si recasse nel 1329 [какъ же согласить это съ показаніемъ Benv. da Imola, что отецъ вызвалъ B. изъ Неаполя въ 1329 г. послѣ шести лѣтъ коммерческой выучки? По моему расчету, сл. выше стр. 15, B. взять изъ школы для обученія торговому дѣлу въ 1326 г., кончилась эта выучка, продолжавшаяся 6 лѣтъ, въ 1332; въ 1331 г. отецъ B. выѣхалъ изъ Неаполя; начало его 6-лѣтнихъ занятій каноническимъ правомъ, стало быть, въ 1332 г., сл. стр. 18], possiamo ben ritenere che fino al 1335 egli accudisse svogliatamente quanto si vuole al diritto canonico, e tornasse qualche volta (?) a Firenze dove poteva benissimo succedergli di innamorarsi di Lia, ovvero di continuare i suoi amori con lei (?); e che solo dopo il 1335 fosse dal genitore licenziato a darsi exprofesso alle lettere. In questo caso i sette anni corsi dalla prima apparizione all' innamoramento di Fiammetta (se anche vogliamo ritenere che la apparizione sia veramente successa e che le parole dell'*Ameto* in proposito non siano una semplice alzata di fantasia) ci porterebbero verso il 1336: in questi anni il B. avrebbe atteso ai leggi e molto più ai suoi studi letterari, giacchè senza una lunga preparazione egli non avrebbe certo potuto scrivere nè il *Filocolo*, nè la *Teseide*. Такимъ образомъ, B. влюбился въ Fiammetta'у въ Страстную субботу 1336 г. (= Casetti,

l. с.), любовь длилась до 1342 г., когда отецъ Б. вызвалъ его изъ Неаполя. Къ этимъ годамъ относятся Байскіе сонеты.

Сонеты XLVII (E Cinto e Caucaso = подражаніе Петрарковскому *Non Tesein*, по Cochin, послѣдній относится къ 1337 г.) и XLVIII (Colui per cui Misen): Б. счастливъ своею любовью; мѣсто дѣйствія — окрестности Неаполя (Miseno въ томъ и другомъ сонетѣ), гдѣ Fiammetta проводила лѣто, и онъ былъ съ нею. — Сон. XXXIV (In tra 'l Barbaro monte): Мизень разлучаетъ его (ogn' anno) съ милой, и Б. жалуется. Очевидно, ихъ любовь была открыта или заподозрѣна, е Fiammetta aveva creduto opportuno farlo allontanare (сл. Casetti, l. с., 580). — Сон. XV (Toccam il viso): Fiammetta въ Байяхъ, онъ не съ ней; видитъ ея образъ, хочеть охватить его, но онъ исчезаетъ. — Сон. V (Dice con meco): Б. негодуеть на невѣрность Fiammetta'ы; съ ней ли онъ? Онъ долженъ былъ знать, что тамъ, гдѣ парятъ Вакхъ и Венера, и еще раздаются пѣсни сирень, не можетъ быть любви, честности — и т. д., какъ же онъ могъ полюбить ту, которая его — не любитъ? Destati omai, e fuggi il lito avaro; Fuggi colei che la tua morte brama. Che fai? Che pensi? che non ti *dileggi*¹⁾? — Сон. XXXIII (C'è chi s'aspetta): снова жалоба на то, что F. въ Байяхъ, и она, che può di me quel che le piace, запретила ему слѣдовать за ней (этотъ сонетъ, по настроенію, слѣдовало бы поставить выше предыдущаго). — Сон. LXIX (Se io temo di Baia): жалоба на Байи, откуда и Лукреція возвращается Клеопатрой (то же, что въ сон. V), — и онъ боится, чтобы того же не случилось съ Fiammetta'ой [послѣдовательность психологическая: сон. XV, XXXIII, LXIX, V и IV. — Сон. IV (Perir possa): проклятіе Байямъ, che hai corrotta la più casta mente. — Ландау относить къ байскимъ еще сон. CIII, но въ немъ Байи не упомянуты, а лишь жалоба на отдаленіе отъ милой, м. б., на ея отъѣздъ въ Aquino или Sannio (Filostrato, dedicatoria). — Стр. 310—11: характеристика Бай у Б. не объясняетъ ли его знакомства съ Марціаломъ? Сл. Epigr. I, 63: пѣломудренная жена dum Baianis saepe fovetur aquis, — Incidit in flammam, juvenemque secuta, relicto — *Conjuge, Penelope venit, abit Helene*].

Къ стр. 130 слѣд. Къ *Filostrato*. Сл. Savj-Lopez, Il *Filostrato* di G. Boccaccio, Romania, № 107 (1898), стр. 442 слѣд. Сл. стр. 444 – 5: текстъ Moutier начинается съ объясненія титула (Filostrato = «vinto

1) Сл. сонетъ LV, баллату I и мадригалъ III; Crescini, Contributo, p. 128.

Adunque l'amante poeta ha rappresentata la sua donna solamente là dove descrive la bellezza impareggiabile di Griseida, i suoi atti altieri e signorili, la gentilezza de' suoi costumi, il «valore e'l parlar cavalleresco»; e dove Pandaro vanta presso il malinconico amico la salda onestà della cugina. Da tutto ciò appare evidente (?!) che il B. non ha voluto specialmente dipingere un tipo di perversità femminile, di civetteria raffinata: ma solo mostrare di quanti mali sia sovente cagione l'affidarsi al cuore delle giovani donne, mutevoli qual «foglia al vento». — Стр. 475 слѣд.: *В. и народная поэзия*: Che il desiderio di godersi il rapido sfiorire di giovinezza onde fu spinta Griseida ad amare fosse un *motivo* della poesia popolare fin da' tempi del B., abbiamo ancora una prova dal B. medesimo: nel IV libro del *Filocolo* è una ballata che s'ispira allo stesso sentimento. Della quale disse il Carducci ch' «era a stampa nelle vecchie e popolari raccolte di canzoni a ballo . . . con varietà che testimoniano l'intramattersene che fece la poesia del popolo». E non si deve a questo proposito dimenticare che nel *Filostrato* è per la prima volta usata con coscienza d'arte l'ottava della poesia popolare, sì che il Gaspary notò che le attave del B. arieggiano ancora a quelle dei cantastorie, sono alquanto sconnesse ed il verso non di rado risente una movenza troppo prosaica. Ad ogni passo s'incontrano nel *Filostrato* dei luoghi ne' quali l'empito lirico troppo abbondante o certi speciali atteggiamenti ci richiamano al pensiero la poesia del popolo, come appare da questi esempi: «Or foss' io teco una notte di verno, Centocinquanta poi stessi in inferno» (II, str. 88); «Non vede il sol, che tutto il mondo vede, Si bella donna nè tanto piacente» (III, str. 58); «Se cento lingue e ciascuna parlante Nella mia bocca fossero, e il sapere Nel petto avessi d'ogni poetante, Esprimer non potrei le virtù vere» (III, стр. 86). — Ad una influenza popolare sembrano anche accennare quelli che i retori dissero ipocorismi, poetici epiteti che dà il poeta alla sua donna . . .: chiara luce, dolce luce, chiara stella, stella mattutina, rosa di spina. Sono frequenti . . . anche ne' poeti siciliani e ne' toscani che più s'avvicinarono a quelli: *ma col dolce stil nuovo la tradizione pare interrotta* ed io inclino a credere che il B. più facilmente prendesse dal popolo il gusto di tali espressioni, come a movenze popolari aveva qua e là atteggiato il poema medesimo . . . E nella voce dell' ignoto moderno cantore che saluta il sole volgendo al luogo ove dimora la sua diletta («O sol che te ne vai, che te ne vai, — O sol che te ne vai su per que' poggi, — Fammelo un bel piacer se tu potrai, Salutami il mio amor» . . .) chi non ritrova l'eco del canto di

Воклюзѣ; онъ работалъ надъ ними въ 1356—74-мъ годахъ. — Стр. 258 слѣд.: — Dobelli предполагаетъ, что Петрарка писалъ свои Trionfi, когда еще не познакомился съ Div. Commedia'ей, которой будто бы не читалъ до 1359 г. (стр. 258); Scarano допускаетъ влияніе послѣдней, не боккачьевской Amorosa Visione (259); Proto обѣщаетъ доказать (въ имѣющей явиться книгѣ — Composizione dei Trionfi) зависимость Trionfi отъ Amor. Visione (на что указывалъ уже Lamina, стр. 260) — и приводитъ тому примѣры; Trionfi обнаруживаютъ и влияніе Div. Comm. и знакомство Петрарки съ Roman de la Rose.

Въ «Studi sui Trionfi del Petrarca» Melodia отрицалъ влияніе Amorosa Visione на замыселъ Trionfi; въ своей Difesa di Fr. Petrarca (Firenze, nuova ed. Le Monnier, 1902), убѣжденный изслѣдованіемъ Proto, онъ допускаетъ это влияніе: può anche darsi che la concezione di questi — т.-е. Trionfi — sorgesse nel Petrarca in seguito alla lettura di quella; e allora si sarà meno restii ad ammettere quello che io ho sostenuto e il Proto accetta, che cioè il Petrarca concepisse e cominciasse i Trionfi senza l'aiuto e la guida della Commedia e senza il proposito di gareggiare con Dante, e che, sol dopo che nel 1359 ebbe letto quest' opera, ne facesse risonare, dove coscientemente, dove no, un' eco nei canti già composti, ch' ei veniva, rivedendo (p. 139).

Сл. Rassegna bibliografica della letteratura italiana, 1903, fasc. I, стр. 27 слѣд., отчетъ Moschetti o Appel (Die Triumphe Franc. Petrarcas in kritischem Texte herausgegeben. Halle a. S., Niemeyer, 1901) и Proto (Sulla composizione dei Trionfi. Napoli, Giannini, 1901); p. 29 (nessun capitolo dei Trionfi certo ha tante e tanto evidenti imitazioni dantesche come questo primo: Al Tempo); 31: Appel отмѣчаетъ, come inesplicabile, il fatto che il P. *non nomina tra i poeti del tempo e tra i suoi amici il Boccaccio*, sebbene non solo dovesse aver già letto le opere di questo, ma *dalla Amorosa Visione togliesse, almeno in parte, il concetto di questi suoi stessi Trionfi*; онъ полагаетъ la data del principio della composizione fra il 1348 e il 1356 e con maggior probabilità e precisione al 1352 (сл. стр. 34: между 1352 и 1353). — Стр. 32—3 (источники): Le simiglianze col Roman de la Rose e col Tesoretto sono assai vaghe. Appel доказываетъ che, pur essendovi parecchi notevoli e diretti e indiscutibili punti di contatto fra la Commedia e i Trionfi, questi derivano da quella, più che in altro modo, attraverso l'Amorosa Visione del B.—Стр. 41—2: Proto доказываетъ, che l'idea ispiratrice dei Trionfi venne al poeta dallo stesso Sogno di

Scipione, che la forma egli ne prese almeno in parte dall' *Africa*, ma che la spinta definitiva ebbe dalla lettura dell' *Amorosa Visione*. Рецензентъ соглашается съ нимъ, но указываетъ, что нѣкоторые указанныя авторомъ совпаденія принадлежатъ а tutta o quasi tutta la poesia allegorico-didascalica del tempo (напр., «Intelligentia»). — Стр. 43: несомнѣнное и прямое влияние Div. Commedia. — Proto относитъ, con copia di buone argomentazioni, къ 1351 году первое стихотворное посланіе Петрарки къ *Barbato da Sulmona*, epistola in cui si avrebbe il primo accenno alla concezione del poema,.... ma la redazione scritta non cominciò.... se non sulla primavera del 1352 in Valchiusa.

D. Gnoli, Il sogno di Polifilo (въ Riv. d'Italia, 15 Maggio — 16 Giugno 1899). Сл. Rassegna crit. d. lett. it., IV anno, № 3—6 (1899), p. 138: libero rifacimento.... dell' *Amorosa Visione* del B. Francesco Colonna tradusse in un' opera d' arte il concetto del Valla nel dialogo De voluptate: che l' istituzione della verginità nelle donne era un delitto contro natura. Il punto di partenza dell' opera è, di fatto, la vergine (Lucrezia Lelio) consacrata a Dio, che passa al culto di Venere. L' autore muove a ricercar lei (rappresentante la Verità) che ama ed ha amata nello studiare l' antichità, la quale vien raffigurata in un superbo edificio, ov' entra per una porta meravigliosa (la letteratura classica). Gli si oppongono i pregiudizii sotto la forma di un dragone, da cui egli fugge. I cinque sensi lo conducono alla reggia del Libero Arbitrio, che lo affida alla Ragione e al Talento, co' quali spazia nei campi della filosofia morale, conosce la vita e ricerca la metafisica, arrestandosi dinanzi alla misteriosa Trinità. Giunge perplesso avanti alle tre porte (la gloria di Dio, la gloria umana, la madre d' amore) ed entra per l' ultima. L' accompagna l' Amante, ma egli non la riconosce se non quando, veduto la Voluttà soggiogare tutt' i viventi e sentita la Religione della Natura, quella non gli si rivela e l' abbraccia. I due Amanti sono condotti da Amore nell' isola di Venere, ove la Dea si mostra loro ignuda e li affida alle Virtù che conservano il piacere e lo rendono durevole. Asperso da Venere della sacra onda, chiarita l' intelligenza, rivestito di nuovi abiti, Polifilo intende allora i divini misteri «et il thesoro della fermentosa natura». Il Polifilo è un vero poema della Natura, nel Rinascimento. Ma fu scritto dal frate domenicano Colonna maestro de' novizii a Treviso e a Venezia, o da qualche illustre umanista, nascondentesi sotto il suo nome? La sua lingua è un italiano veneteggiante e latineggiante...

L'autore vi prosegue «arditamente il tentativo del Boccaccio, di sollevare a dignità letteraria il volgare, con una infusione di latinità». La lingua subì l'infusso delle dottrine linguistiche di Beroaldo, specialmente nell'uso dei vocaboli in — *bundus*, non ignoto, nella forma italiana, al Boccaccio, cui non toglieva solo la macchina del suo poema, ma seguiva nell'erudizione, per la via aperta da lui. Il Polifilo porta nell'arte un elemento nuovo, il culto della bella forma della materia. Geometrizzante tutto, e forse in relazione con il suo confratello Fra Giocondo, il Colonna inventò quel Poliandro, la strana e pietosa necropoli dei morti d'amore, tra le rovine di Roma, «la più originale, la più caratteristica invenzione del Polifilo. Ne immagina le iscrizioni (che gli eruditi ritennero per vere), ne disegna le forme de' cippi e delle urne cinerarie, ne osserva le sculture, ne raccoglie i frammenti. Dal Polifilo, di cui Aldo fece nel 1499 una delle più belle edizioni del Rinascimento, deriva il Pellegrino di Jacopo Caviceo; особенная его популярность во Франции, dove dal 1546 al 1883 fu più volte ristampato in diverse traduzioni e riduzioni.

Къ стр. 299 (Къ представлению *Амура* у Фр. да Барберино): Giorn. stor. d. lett. ital., XLI, fasc. 1, стр. 130: образъ *Amore* triumpante въ *Documenti d'Amore* и въ присоединенномъ къ нему *Tractatus Amoris*; въ последнемъ фигура *Амура* еще scevra da quella spiritualizzazione dell' *Amore*, che il Barberino accentuò intenzionalmente nelle sue chiose alle *gobbole* nei *Documenti*. *Amore* ignudo ed alato, con artigli in luogo di piedi, come lo si vede ritratto da Giotto nei freschi d'Assisi e lo si legge in un sonetto di Pieraccio Tedaldi, sta ritto su d'un cavallo bianco, che fende l'aria volando. Il cavallo ha una collana di cuori e porta un turcasso, dal quale *Amore* trae dardi che scaglia con la destra sulla umanità sottostante, mentre con la sinistra sporge rose. Sotto stanno varie figure, tutte trafitte dalle frecce del Nume, e le *gobbole* ci insegnano ch'esse sono il religioso e la religiosa, la fanciulla, la donzella, la maritata e la vedova, i coniugi, il cavaliere ammogliato, l'uomo comune, il donzello, il fanciullo, il morto e la morta, la cui fine fu da *Amore* procurata.

Къ стр. 313 слѣд. *Къ Тезеидѣ*. Savj-Lopez, Sulle fonti della «*Teseide*», Giorn. stor. d. lett. ital., v. XXXVI, fasc. 1—2 = fasc. 106—7 (1900), p. 57 слѣд. Письмо Б. къ другу quattro giorni innanzi le calende di un luglio 1338 o 1339 («sub monte Falerno, apud busta Maronis Vergillii»), съ просьбой одолжить ему la *Tebaide* postillata.

Авторъ связываетъ la tristezza dolorosa che passa per entro le pagine della Dedicatoria (къ Тезейдѣ) съ выраженіемъ письма: *aliorum legendo dolores, iuxta verbum illud, solatium est miseris sotos habere poenarum, aliquantulum mitigo poenas meas*», и полагаетъ, что Тезейда написана была (послѣ Filostrato) *еще въ Неаполѣ*, не вдали отъ милой, а *вблизи отъ нея*: поэтъ опечаленъ не разставаньемъ, а «dalla tristezza di veder l'amica tornata ingiustamente di piacevole sdegnosa». (р. 2 ed. Moutier; сл. ib. 6: онъ не смѣетъ, osa, къ ней явиться). Заключение такое: что poco tempo dopo l'epistola *Sacrae famis*, il B. ricavasse insieme dal codice postillato l'intelligenza della Tebaide e l'ispirazione della Teseide. Источники: Стацій, *Roman de Thèbes*; р. 59—60: Тезей по типу = Aeneas, какъ и въ *Roman de Troie*; онъ является non meno generoso di quello cantato negli esametri sonanti di Stazio o nelle rime bacciate del trovèro di Tebe. — Стр. 60: вліяніе Энеиды: сцена, изображающая Ахата oblioso fra gli incanti di un giardino primaverile e le delizie del nuovo amore d'Ippolita.... ricorda direttamente l'*Eneide*, ove Mercurio apparisce in forma umana ad Enea e gli dice press' a poco quelle medesime parole che un ignoto dio sotto le spoglie di Piritoo rivolge a Teseo (IV, st. 35; V, st. 94), но описаніе весенней природы и сада, и любовныя мысли, посѣщающія Ахата, выдержаны въ средневѣковомъ стилѣ. Стр. 61 слѣд.: сцена единоборства Арчита—Пентея съ Палемономъ, когда ихъ разнимасть и опрашиваетъ Тезей, взята, въ средневѣковой передѣлкѣ, изъ Стація, скорѣе изъ *Rom. de Thèbes*. Стр. 68: Emilia-Fiammetta въ *Ameto*, ихъ описаніе сходится (сл.); весенняя картинка, предшествующая появленію Эмили въ саду, напоминаетъ сонъ Guillaume de Lorris (*Rom. de la Rose*) не въ однѣхъ лишь подробностяхъ. 70: описаніе храма Венеры напоминаетъ садъ *Déduit* въ томъ же романѣ; 73: quasi tutte le personificazioni del *Roman*, in questa descrizione, sono passate nella Teseide. Anche là dove il B. con prodiga fantasia ne crea dell' altre, queste hanno sempre viva l'impronta medioevale, rappresentano di solito le condizioni dell' amore (Ozio, Pazienza) o le qualità onde l'amore nasce e s'avviva (Leggiadria, Adornezza, Piacevolezza, Lusinghe, Cortesia и т. д.), dove, р. е., nelle immagini dell' Epitalamio di Claudiano vivono piuttosto gli effetti dell' amore: Ire, Pallore, Lagrime, Vigilie: anche se Voluttà, Audacia, Giovinezza appartengono insieme al poeta latino ed all' italiano, questo non basta davvero a far sospettare una qualsiasi relazione diretta fra di loro.... Ma nel quadro che il B. disegnò sulle orme del poeta francese

comincia ora ad apparire un elemento nuovo; invece di un cespuglio di rose, la Preghiera trova il tempio ove s'aggira un tumulto di desideri e di sospiri, e fra le ghirlande pendono i più insigni trofei raccolti da Venere nell'eterna battaglia con i cuori terreni. Per tutto dipinte storie d'amore;... ed infine, nella più segreta parte del tempio, la Dea che giace con accanto Cerere e Vacco. Разумѣется, это не богиня Клавдіана и Полиціана, ma tuttavia uno spirito classicamente pagano ha ispirata la concezione del poeta. Nella dipintura del giardino, nei fantasmi delle personificazioni, in tutta quella parte ove il B. vedeva ondeggiargli davanti la tradizione medioevale del suo soggetto, di classico non usò che la misura efficace nel rappresentare ciò che il suo modello aveva diluito in centinaia di versi: ma innanzi alla dea degli amori antichi la sua anima d'umanista non accolse ispirazioni moderne. Средневѣковая поэзія воздвигла множество дворцовъ Амуру и Венерѣ, но Б. создалъ для Венеры храмъ въ параллель ко храму Марса, описание котораго онъ заимствовалъ у Стация, и а rappresentar il tempio della Dea non fece che acconciar diversamente e rivestire di opposti colori il tempio del Dio: вмѣсто Ire, Paura, Tradimenti и т. д. явились: Pace, Promesse, Gelosia и т. д. Это образчикъ того, какъ il B. sapeva giovare contemporaneamente di ispirazioni medioevali e di ispirazioni classiche. 77—8: не согласенъ съ мнѣніемъ тѣхъ, которые полагаютъ, будто Б. хотѣлъ въ Тезейдѣ создать un poema classico; io non so pensare che il B., guardando a Virgilio, a Stazio, all'epopea antica, intendesse fare qualcosa di molto diverso dall'*Encas*, dal *Roman de Thèbes*, dal *Roman de Troies*.... Se il suo senso d'arte lo sospinge verso le fonti classiche, se la sua cultura lo fa distinguer dai trovèri nell'uso della mitologia antica, pure la materia nelle sue mani si trasforma e si contamina come fra le mani dei più umili poeti fioriti sulla terra di Francia. La *Teseide* non è un poema classico e non è un poema cavalleresco; bensì rappresenta nella nostra letteratura quel che nella letteratura d'*oïl* rappresentano i poemi di Troia e di Tebe, con quanto di più potevan darle una maggior cultura e l'uso men grossolano delle fonti antiche; le quali del resto contrastano coi colori essenzialmente moderni di talune scene, forse peggio che non facessero nella costituzione più rozza ma più uniforme dei romanzi francesi.

Къ стр. 346 слѣд. *Къ Ninfale Fiesolano*. Сл. Provasi, Due poemi mitologici dei secoli XIV e XV. Pavia, 1899: *Ninfale Fiesolano*

tana sul principio, ... la segue per quelli indulgente per poterla soccorrere, appena s'accorga dello sbaglio, e ricondurla sulla diritta via. Fatta poi più matura dall' esperienza e più capace di intender la bellezza e la bontà della meta a cui s'è avviata, allora potrà concederle una gioia tale che da quella non l'allontani, ma la trattenga un poco dolcemente.... Questa gioia conforme a ragione è per lo più l'amore naturale della creatura intelligente per l'altra creatura; l'amore fecondo di nobili azioni, stimolatore dell' ingegno, fonte della poesia, ch' è dono divino; l'amore che viene dopo i falsi e inconcludenti amozzi della prima gioventù.... Tale è la donna maestosa che si fa guida al B.... e lo segue pazientemente quando da principio si smarrisce dietro i vani dilette; poi giunta con lui al luogo dov' è Fiammetta,.... e questi fuggiti, le va incontro e l'abbraccia e la chiama sorella e concede al poeta di appartarsi con lei pel breve momento d'un *dolcissimo sogno*: dal quale appena e' si desta e lo rimpiange, ed ella il conforta con la promessa che si avvererà il suo sogno, perchè Fiammetta opererà sempre saggiamente: ossia coopererà con lei affinché, rimosso il materiale ingombro dei sensi, renda bella al poeta la vita che ancor gli resta, costituendosi d'ora in poi l'*ispiratrice razionale della sua mente*. Tale nobilissimo fine pose il B. all' amore che, dopo i men degni vagheggiamenti di Pampinea e d'Abrotonia,.... concepì (въ 1338 г.) per Maria contessa d'Aquino. — Стр. 91: *Teseide* нап. въ Неаполѣ м. 1339 и 40 гг. — Стр. 98: въ *Ameto* Б. adombrò un reale amore di due giovani fiorentini. — Стр. 113, 165—6: *часть новеллъ Декамерона написана впервые въ Неаполѣ*. — Стр. 122—3: Б. влюбился въ F. 11 апрѣля 1338; по его указанію въ *Amorosa Visione*, с. XLIV и XLVI, прошло 159 дней до того дня, когда онъ овладѣлъ Fiammetta'ой; это отнесло бы насъ къ 17 сент.; Crescini предполагаетъ приблизительно октябрь, на основаніи *Ameto*: «temperante Apollo i-veleni freddi di Scorpione». — 124—5: письмо *Sacrae famis* 28 іюня 1338: въ началѣ ухаживанія жалобы на любовь (127: *cupido importuna* = Decam. введение: *posco regolare appetito, noia*). 127 слѣд.: *хронологическая послѣдовательность*: видить F. 11 апр. 1338 г.; либо въ концѣ апрѣля видить ее въ монастырѣ, она заказываетъ ему *Filocolo*; м. б., въ началѣ мая она удаляется въ Sannio, и Б. пишетъ письмо *Sacrae famis* 28 іюня и принимается за *Filostrato*; вернувшись къ іюлю, она ѣдетъ въ Байи (советъ: *S'io temo di Baia il cielo e'l mare*); въ началѣ осени она отдалась ему. Forse nell'aprile del 1339, già partita probabilmente pel Sannio Maria, cominciò a tramontare la felicità del

B., che sfogò l' amarezza del suo animo in seno all' amico conte di Durazzo. Еще до начала гѣта онъ убѣдился въ невѣрности F.; indi la lettera disperata *Cuidam viro militi*. — Стр. 135: «*Fiammetta*» — какъ мечь Б., il ghigno malizioso del Dioneo decameroniano? сл. 138—9. — Стр. 142—3: *Ninfale* внушено любовью къ флорентинкѣ; какъ помирить это съ проемію къ Декамерону, что Б. fu dalla puerizia *fino a quel tempo* acceso di altissimo e nobile amore? Это выраженіе не слѣдуетъ понимать въ тѣсномъ смыслѣ: il B. stesso soggiunge che quell' amore, prima doloroso, poi a poco a poco s'era affievolito e rincantucciato bellamente nella sua memoria: restavano liberi i sensi, restava desta la fantasia al servizio di questi, occupati in altri diletти. — Стр. 156: Maria d' Aquino mori circa il 1348? — Стр. 180 слѣд.: Panfilo, Filostrato, Dioneo = Боккаччю; 180: *Panfilo è simbolo dell' amor felice*. 181: *Filostrato è simbolo dell' amor tormentoso*; 184: *Dioneo è l' Amore naturale* sostenuto dalla ragione, quindi senza le esaltazioni sopraumane di Panfilo nè le torture spirituali e fisiche di Filostrato... Amore pratico dunque, un po' scettico, che vede il suo oggetto come l' ha fatto natura, e lo vagheggia e lo gode ne' limiti più naturali. — 187: *maioris coactus imperio*: Амуръ. 256 слѣд.: *senza titolo* обьяняется въ связи съ *Commento* alla *Commedia* di Dante lez. XIII: *овидіевскій liber amorum*, которые иные называютъ *Sine titulo*; «e può l' un titolo e l' altro avere, perciocchè d' alcuna altra cosa non parla, che di suoi innamoramenti e di sue lascivie usate con una giovane amata da lui, la quale egli nomina Corinna. E puossi dire similmente *Sine titulo*, perciocchè d' alcuna materia continuata, dalla quale si possa intitolare, non favella; ma alquanti versi d' una e alquanti d' un' altra, e così possiamo dir di pezzi, dicendo, procede». Авторъ склоненъ къ последнему обьясненію (258: la varietà e forse anche la leggerezza de' suoi racconti).

Къ книгѣ Eugenio Rossi, *Dalla mente e dal cuore di G. Boccaccio* (Per la storia del Decameron), сл. отчетъ въ *Giorn. stor. d. lett. it.*, fasc. 104—5 (1900, v. XXXV), p. 418 слѣд.: Nel primo capitolo (*Dal Filocolo al Decameron*) il R. studia accuratamente il sorgere degli elementi che costituiranno poi il Centonovelle, nelle opere che lo precedono; quindi il divenire dell' arte del B. dalla gonfiezza inesperta del primo romanzo, via via per la rinnovata psicologia muliebre della *Fiammetta*, per l' elegante (sempre?) oscenità del *Ninfale* e per l' allegoria morale dell' *Ameto* e della *Amorosa Visione*, alla perfetta compostezza, alla verità psicologica, alla gioconda sensua-

lità, all' allegoria del Decameron; giacchè per il R., la disposizione del Centonovelle non meno che la cornice di esso, ha un valore morale che consiste in una « lezione di morale amorosa » (p. 181). — Anche il *Decameron*, come l'altre operette, fu fatto per comando d' *Amore* (*maioris coactus imperio*; Epist. a Mainardo Cavalcanti); quindi anche i novellatori hanno, oltre il reale, un significato allegorico, che il R. indaga, seguendo le osservazioni dell' Albertazzi. — Nell' ultimo capitolo (*La divulgazione del Decameron*) tratta del carattere e della genesi dell' opera, nella quale vede « il più antico (?) influsso della poesia allegorica-didattica » (p. 208) che fa capo al Romanzo della Rosa; quindi del vario favore che trovò presso i contemporanei, più largamente soffermandosi allo spirito anti-chiericale e filogino, e alla difesa dell' opera, fatta dal B. stesso. . . . La *Guida* dell' *Amorosa Visione* per il R. è la Ragione, che concede all' anima umana, ormai fatta esperta, una gioia (Fiammetta) che non lo allontani ma lo riposi nella via di salute: *l'amore di Maria è limitato tra le primavere del 38 e del 39*: la disputata frase « senza titolo » che il B. usò per il *Decameron*, è interpretata per riguardo alla varietà della materia; secondo dunque il Dionisi, e contro il Salviati, il Landau, il Gaspary e anche il Koerting, che intendeva come volesse dire « che il libro è di tal sorta che non può pretendere parola più alta o un posto nei generi letterari ». E acute sono le identificazioni morali dei novellatori, salvo che par Dioneo, di cui il R. vorrebbe fare un amatore disilluso e scettico, un Leopardi dell' ultima maniera, laddove a noi sembra che, se mai, simboleggerebbe solo l'amore sensuale. — R. говоритъ, стр. 114, что у Боккаччо была « naturale facilità di parola »; критикъ (Евр. С.) ссылается на его письмо *Cuidam viro militi*, гдѣ онъ называетъ себя balbuziente (выраженіе, которое едва ли слѣдуетъ понять дословно!) — Сл. Rassegna bibliografica, VIII, № 4—5—6, p. 174 (интересны замѣчанія о любви Б. къ Fiammetta'ѣ въ 1338—9 гг., nel significato per così dir autobiografico dei dieci novellatori del Decameron e sulle relazioni simboliche che fra loro intercedono. Assai soddisfacente è anche la interpretazione. . . . del passo controverso della lettera. . . . a Maghiardo, sebbene fondata su un' ipotesi).

Къ стр. 374 слѣд. (*Джованна*). Сл. Archivio storico per le province napoletane, anno XXI, 1896, fasc. II: Cerasoli, Clemente VI e Giovanna di Napoli (Documenti inediti dell' Archivio Vaticano 1343—52), p. 234—5, № LIII: папа увѣщаеетъ королеву любить мужа;

р. 256—7: letatur de bono amore mutuo inter ipsam et Regem
 р. 263—4, № LXXXIII: угѣшаетъ въ смерти мужа. — Ib. fasc. III
 id. р. 434—5, № XCI: совѣтуетъ королевѣ удалить изъ дворца
 Роберта Тарентскаго (сл. № CXV, р. 425; р. 438—40, № XCVI:
 просить помочь comiti Monticavensi въ слѣдствіи объ убійствѣ
 Андрея); р. 443—4, № CI: позволяетъ королевѣ выйти замужъ; сл.
 № CV, р. 446—8; р. 452—3, № CXI (кардиналу легату по вопросу
 о слѣдствіи по убійству Андрея); р. 465—6, № CXXIX: разрѣшаетъ
 королевѣ выйти замужъ за Людовика Тарентскаго (сл. р. 467,
 № CXXXII); р. 473—4, № CXXXVII (королевѣ о подозрѣніяхъ на
 нее по поводу убійства мужа, съ просьбой помочь слѣдствію). — Ib.
 fasc. IV, id. р. 676, № CXLIX (Johanne regine Siciliae super reco-
 mendatione Nicola de Acciajolis militis Florentini).

(*Легенды о королевѣ Джьованни въ Неаполѣ*) В. Croce, Leggende
 napoletane, 1-a serie, р. 54. Napoli, Morano.

(*Джьованни и Тамара*) Царица Тамара, по мнѣнію народа, не
 умирала, она спитъ въ золотой колыбели, такъ какъ другіе еще не
 закончили своего царствованья. Но настанетъ время, и она про-
 снется: когда народъ очень будетъ стѣсненъ, то она расплатится,
 голосъ скорби дойдетъ до нея, она проникнется народной мольбой
 и снова овладѣетъ царствомъ. Этногр. Обзор., XVI, Критика, 189
 (изъ «Иверіи»).

Къ стр. 377—8. Сл. E. Carrara, Cecco da Mileto e il Boccaccio,
 Giorn. stor. d. lett. ital., v. XLIII (fasc. 1), fasc. 127, 1904, стр. 1
 слѣд.: Cecco da Mileto, ossia Francesco de' Rossi di Forlì, cancelliere у
 Franc. degli Ordelaffi; р. 2: письмо къ нему Петрарки; 2—3: сонетъ
 съ астрологическимъ вопросомъ, на который отвѣчаетъ Петрарка,
 Boccaccio, Антонио да Феррара (сл. Lamma, Il codice di rime antiche
 di G. G. Amadei, Giorn. stor. d. lett. it., XX, р. 170, append. 3, р. 178
 слѣд.); Cecco отвѣчалъ Боккаччю сонетомъ (р. 3). — 3 слѣд.: *два*
латинскія эклоги, напеч. въ Carm. ill. poet. ital., Firenze, 1720, t. VI,
 р. 315—18: «Viri conspicui Cecchi de Mileto Forolivensis, bucolicum
 breve carmen»; (рп., по мнѣнію Bandini, по Laur. Pl. XXIX, с. 26);
 Hortis не зналъ этого изданія и напечаталъ *одну изъ эклогъ по Laur.*
Pl. XXIX, с. 8, идъ она является отвѣтомъ на эклогу Боккаччю, ей
предшествующую; въ той же рп. эклога Боккаччю: *Faunus* въ
 первой ея редакціи (Hauvette, Notes sur des Mss. autographes de
 Boccace à la bibl. laurentienne, въ Mélanges d'archéologie et d'histoire,

Rome, 1894, XIV, 57 слѣд.), также находящаяся въ связи съ эклогой Cecco.—Р. 6: Lo zibaldone laurenziano (Pl. XXIX, с. 8) dal quale l'Hortis trasse il carne del Boccaccio e la risposta di Cecco, è, almeno nella parte che ci interessa, scritto dalla mano stessa del B. (таково мнѣніе Hauvette, P. Meyer и Hecker'a). Del resto per affermare che il carne primo sia del Boccaccio, oltre le ragioni recate recentemente anche dai Wicksteed e Gardner (Dante and Giov. del Virgilio. Westminster, 1902, p. 108), vale questa, che esso è intimamente legato, per mezzo dell' ecloga di Cecco, al *Faunus* che non può non essere suo. — 7 слѣд.: вотъ содержаніе боккаччьевскаго Carne (сл. выше стр. 380—1): «Poichè i fati consentono all' armi furiose di frugar tutta l' Italia (vv. 1—3) e a noi, che tentiamo cingere di mirto le tempia, gustando il sacro latte della Poesia, le guerre non convengono; altro non ci resta che andar per gli antichi recessi dei boschi aonii, consolandoci con il canto, fin che non si palesino gli arcani degli avvenimenti (vv. 4—9). Dunque se tu hai la esile cicuta o pur l'arguto bosso, avviati, primo, verso il *Menalo o i monti Tifei*; ovvero se ti è a grado andare per i campi Tifei sotto il grave giogo dell' Etna, va! io ti seguirò: e la mia fistola compirà il canto che tu inizierai: amano canti alterni le Muse! (vv. 10—18). Ma noi, che sappiamo le fiamme e le ferite amorose, limitiamoci a cantare le cure dei pastori e le armi di Cupido, chè dal sereno volto insidiando Galatea mi fornisce i sospiri (vv. 19—26); lasciamo a Mopso, cui già vedemmo cingere di lauro la fronte, il cantare dei fatti umani e dei divini. Già egli dall' alto inneggia agli Dei: ma anche me attende l'opera, a cui m'affretto, di intessere con silvestro vincastro un cestello (vv. 29—30). A te auguro mille cose felici (vv. 30—36), e quando, o mio Moeris, tu ti voglia ricordare del tuo Menalca e per sollazzo scrivermi, sappi ch'io sto dove a noi diede ozii Fauno, ed abito quelle ombre ch'egli rese apriche» (vv. 37—41). — Стр. 8: *подражаніе корреспонденціи Giov. del Virgilio съ Данте — и Виргилію*. Стр. 9: Mopso è il Petrarca, come può vedersi dall' accenno ripetuto in *Faunus*, in ambedue le redazioni: что Мопсъ = Петрарка пѣлъ о богахъ указываетъ, быть можетъ, на знакомство Б. съ его *Argus* (на смерть короля Роберта); «septa», которую замышляетъ сплести Menalca = Боккаччо, м. б., какая-нибудь опера amorosa (сл. въ эклогѣ: «Or che non possiamo far di meglio, diamoci alle lievi poesie d'amore»), e forse frutto di questa operosità saranno, p. e., le due prime ecloghe le quali «fere juveniles lascivias... in cortice pandunt», come dirà il B. più tardi. L' Hauvette che interpreta il «fere»

nel senso che non vi si tratta di certe tali avventure, ma son come la sintesi della vita avventurosa del Poeta (Hauvette, Notes, p. 133, n. 2), e le assegna per ciò al 1351, avrà certo ragione: ma può ben darsi, ed egli non lo nega punto, anzi l'ammette (Hauvette, Sulla cronologia delle ecloghe latine del B., Giorn. stor. d. lett. it., XXVIII, 175; с.т. то же у меня стр. 382), che una prima redazione fosse distesa in quegli anni della dimora forlivese.—Стр. 9 сѣд.: *Отвѣтъ Сессо* (по Carmina illustrium poetarum, Hortis'y, Laur. XXXIX, 26, и Laur. XXIX, 8: «Già Meri vedeva il sole distare egualmente da Cadice e dai liti eoi, e considerava che non aveva mai lasciato passare tanta parte del giorno acconcia alle faccende («Nulli tantum operosa fuit pars lapsa diei»?); perchè non utili opere pastorali aveva compiuto, ma preso dall' amore del tenero bestiame, aveva adunato rami portanti silvestri pomi, e scegliendo quelli a ciascuno più cari, placidamente aveva consumate le ore. Ma accortosi del tempo passato «Oh stolto, o fatuo Meri (disse): perchè doni l'età più felice a futili cose (*blandis rebus*) (vv. 15—16)? Perchè non volgi i tuoi ozii a sane occupazioni? Perchè non raccogli il gregge sparso per i molli prati? O se pur giova suonare con lievi cicute, comincia pure, perchè così volle Menalca (*major Menalcas*, v. 21). Ma giuro al cielo che nulla è men pregiato (*nihil minus in praetio*, v. 24) che far blandi versi. Per quelle Muse e per le or deserte Aganippe, che ricordano esser state un tempo cura dei nostri poeti («Olim quae nostros recolunt eguisse poetas»), or non ci persuade ai canti il cielo, nè la fresca ombra promette quiete. Or arde ogni campo, hanno incendi il mondo: brevi son fatte l'ombre dei pioppi; i cani anelanti cercan gli stagni ove dissetarsi: polverose sono le già verdi foglie; perdono lor pregio lauri e mirti e l'edera, che suol circondare il fusto degli alberi (vv. 28—37). Risuona di cicale tutto il bosco; pavidelli avvoltoio stridono gli uccelletti; dà la cornacchia i sinistri auguri. Il frastuono confonde ogni verso: qual frutto se tu canti, se canterà lo stesso Menalca? (v. 46): le aure disperderanno i venti». Così disse Meri; ma Menalca sopraggiungendo gli prese la mano e disse: «Poichè ora non c'è alcuna gloria per le Muse, andiamo negli ameni pascoli, dove brucano candidi armenti». Quegli come minore (cfr. il *maior Menalcas* di prima) lo segue aggiustandosi il cappello, e appoggiato ad un bastone di querciuolo; ma mentre camminano l'uno chiama l'incominciata siepe del chiuso, e l'altro va a dar molto frumento ai coloni». (11: заимствование изъ стихотворной переписки Данте и Gio. del Virgilio). — Стр. 13: за этими двумя стихотвореніями слѣдуетъ

risca quando è fecondato dal favore, vale e vegeta anche per sè e da sè stesso. «E se i luoghi ricusano i versi che facciamo per piacere a noi stessi, alle Muse, a Mopso, ancora le Muse tengono il sacro bosco e, te l'accerto! verrà tempo migliore che gioverà aver cantato». (vv. 60—71)— «Ma tu che intendi immergere nell'acqua il gregge, mentre che è caldo, fa pure: se non vuoi cantare, almeno narra quel che avvenne». Meri, dopo una serie di espressioni *per impossibilia* a indicare ch'egli non si torrà mai dalle Muse (vv. 76 sgg.) dichiara che più che le cure del gregge gli impediscono di cantare le condizioni del momento (v. 84): tuttavia dirà quel che Menalca desidera. Racconta pure, risponde Menalca, frattanto: altra volta si deciderà sulla convenienza del cantare o no. E Meri, benchè esitante dinanzi a così alto soggetto, tuttavia comincia l'apoteosi di Argo, di Re Roberto).—19: Подражаніе петрарковской эклогѣ Argus, отмѣченное для боккачьевской 3-ей эклоги, замѣтно и въ ея наброскѣ = Faunus (19—20). — 20: Могъ ли Б. знать Argus (Faunus относитъ авторъ къ 1347 г., собственно all'intervallo tra il passaggio di Luigi d'Ungheria da Forlì, e la partenza di Francesco Ordelaffi, dic. 1347— genn. 1348. Сл. Giorn., 28, p. 142 слѣд., и A. De Benedictis, Le ecloghe del Petr., estr. dalla Riv. abruzzese 1898—9)? Петрарка послалъ Argus Барбату съ письмомъ (Var. 49) генваря 1347 г.; эклога эта находится въ томъ же Zibaldone vossacesco, гдѣ и его эклога къ Сессо, и отвѣтъ послѣдняго, и Faunus, и altri pezzi che attiravano l'ammirazione e l'attenzione del B., il quale allora si volgeva ai più severi studi della poesia latina. М. б., Vossaccio, il cui primo carne parrebbe conveniente a persona che si *allontana* e che dà, per così dire, *il proprio indirizzo all'amico*, а Фавнъ написанъ più tardi, въ *Неаполѣ* (гдѣ Барбато могъ ему сообщить петрарковский Argus), benchè nella finzione si riferisse tuttavia al momento della partenza (Così accade nell' Ecl. III del B. posteriore al 1351, dove pure nulla rivela che la partenza di Fauno appartenga a un tempo ormai passato). — 21 слѣд.: *Omenъ Сессо на Faunus* (по печатному тексту Carmina ill. poet. ital. и Laur. XXXIX, 26; нѣтъ въ Zibaldone. М. б., Боккаччо и не видалъ этого отвѣта, сл. стр. 22, п. 3): «Non trattavano l'aria con penne tanto veloci coloro che fuggendo i lidi di Creta facevano maravigliare gli agricoltori, quando fu tanta sventatezza nel figliuolo che diede poi morendo il nome al mare, quanto colui che insulta fragorosamente (turbine) il colle cillenio, e tenta con inesperta bocca i pastorali carmi trattati da Marone. Li stronca come un lattante che chiede la poppa e non sa formar parola: nè giova che

nulla egli sappia, che gli zoppichi ogni verso nel metro, che un suono stonato e irritante (*implacidum*) esca dalla sua cicuta! Il che fece noto lo stesso Menalca a Meri, aggiungendo: Che faremo:

v. 16

forsan tentamur; agendum est

cantu, qui (Laur. *quo*) nostrum non inficietur honorem».

Стр. 23: Авторъ полагаетъ, что эти стихи лишь развиваютъ стихи Faunus v. 57: «Nemus omne cicadis — Dedecus in nostrum milvis corvisque relictum — Affirmans gravitate tua (*neque ipse negabo*)». Мы видѣли выше, что Б. понялъ эти стихи такъ, что они намекаютъ на *colori che la poesia profanano*; въ этомъ смыслѣ отвѣчаетъ и Сессо, нападая на poetastri, но въ заключеніе, приводя слова Мевалки, прямо указываетъ на связь своей эклоги съ Faunus; infatti a un canto, che non isminuisse il loro onore di poeti, l'aveva eccitato quivi appunto anche Menalca dicendo: «Ma questa non è ragione perchè restiamo in silenzio; il pregio (*virtus*), ancor che non secondato dal favore, vigoreggia per sè stesso; e le Muse stanno pur sempre in Parnaso, e ci gioverà l'aver cantato. Стр. 24: Эклога написана въ отвѣтъ *Faunus*, и какъ послѣдній переходитъ въ epicedio del grande Argo, такъ и Moeris воспѣваетъ un grande che dormiva presso il paese suo, vicino ai colli flaminii:....

- Dux gregis infausti, quem pinea sylva coronat*
 20 *Flaminias juxta (Laur. secus) valles; cui moenia parent*
Jam confecta situ, et sancto interfusa cruore:
Quique regit portus, colitur qua sacra Cybelle,
Aequoris Adriaci prospectans litore classes:
 Tunc sic ille quidem, recolo, nam pangere coepit
 25 *Qui Siculos quondam Lylibaeis vallibus haedos;*
Plura tamen cecinit, subque umbra tectus acerna:
E quibus hoc unum memini, dum fronde saligna
Jam saturas sylvis studeo revocare capellas.
Mira feram: rigidas flexere cacumina quercus,
 30 *Sponte sua, nullis tamen impellentibus auris;*
Atque aspra cautes, silicesque et saxa moveri
Aspexi, et solitos compescere flumina cursus.
Quodque magis stupui modulantis carmina plectri
Maenala traxerunt pecorosaque dorsa Lycaei.

Стр. 25: Эклога Giov. del Virgilio къ Mussato была знакома Б. и Сессо, отсюда взято имя *Moeris*; poichè le espressioni che Giov. del Virgilio aveva usate a indicare Dante, sono state qui riprese per il *Dux*,—

авторъ спрашиваетъ себя, не идетъ ли здѣсь дѣло о Данте (сл. v. 26: *subque umbra tectus aserna* = такъ изобразилъ себя Данте въ эклогѣ). Въ этомъ смыслѣ дается объясненіе: *dux gregis infausti* = *il doloroso gregge dei morti*; *cui moenia parent Jam confecta situ* = *le mura di Dite, lorde di peccato*; *sancto interfusa cruore* = *le pendici del Purgatorio, asperse si di sangue (?)*, ма nella penitenza purificante; *qui regit portus, colitur qua sacra Cybelle* = *Maria* (такая же фигура- зione bucolica dei regni oltremondani у Боккаччьо, сл. Carrara, Un oltretomba bucolico, Bologna, Zanichelli, 1899; Hecker, Voccaccio-Funde, стр. 80 слѣд.; то же у Петрарки, Argus, v. 79); *Aequoris Adriaci prospersans litore classes* = *che vide le navi in sul lido di Chiassi (?)*. Указаніе на его эклоги, vv. 24—5; о нихъ вспоминаетъ Moeris, когда подзываетъ къ себѣ овецъ, vv. 27—8. Стр. 26: конецъ:

38 Sic se sicque suos numeros modulamine tentans (Laur. probans)
 Arguit alterius forsan tentamina. Musis
 Hoc placuit ne qua laedatur voce loquacis
 Fama viri, meritos servat cui laurus honores.
 Finis erat; solitos repetebant cuncta recessus.

Авторъ объясняетъ: fu il tentativo (Данте) di provare sè e la sua attitudine poetica (*se, suos numeros*) nella poesia dotta, rintuzzando la provocazioncella (*tentamina*) di Giov. del Virgilio. Е le Muse gli arri- sereo, perchè nessuna voce osasse offendere la fama del canoro poeta. (26—7 прим. 1: авторъ заключаетъ изъ этого, что двѣ дантовскія эклоги считались, стало-быть, un saggio in sè compiuto, не начало *Bucolicon* въ 10-ти эклогахъ, какъ полагалъ Novati, Giorn. Dant., XI, 33 слѣд., и Torraca, Bull. d. Soc. Dantesca, X, 160 слѣд.).

Къ стр. 460. Къ *Декамерону*, V, 10. Дионео вспоминаетъ пѣсенку: *L'onda del mare mi fa gran male*. Сл. Cesareo, *Le origini d. poesia lirica in Italia*, Catania, Giannotta, 1899, стр. 75, прим. 2: гипотезы Lami и Hartwig'a, устраненныя Kade; Cesareo приводитъ португаль- скую пѣсенку Roy Fernandez (Braga, 488): *Quand'eu vejo las ondas— e las muyt' altas ribas, — logo mi veem ondas — al cor por la velyda. — Maldito sei 'al mare — que mi faz tanto male.*

Къ *Дек.*, IV, 5. Сл. Cannizaro, *Il Lamento di Lisabetta da Messina e la Leggenda del Vaso di Basilico* (Messina, tip. Tribunali, 1902, p. 125), и отчетъ въ *Rass. bibliogr. d. letter. ital.*, 1903, fasc. 2— 3—4, p. 124 слѣд. Авторъ хочетъ доказать, что эта канцона (изд. Fanfani и впоследствии Carducci, не представляетъ древнюю пере-

дѣлку сициліанской пѣсни, но что она ci si presenta nelle sue forme native del vernacolo insulare. Рецензентъ соглашается съ авторомъ nel dubitare della relazione attestata dal Boccaccio fra la novella e la Canzone, но отрицаетъ его предположеніе о мессинскомъ происхожденіи пѣснп и историческомъ фактѣ, лежащемъ въ ея основѣ. Можно допустить съ авторомъ, что это такъ называемый Lamento — un allegorico canto amoroso, che in nulla si rannodi colla narrazione boccacesca.

Сл. Cian, въ La biblioteca delle scuole italiane, VIII, 1: Un' antica canzonetta greca ed una siciliana (параллели къ canzone del *basilico* (о которой поминаетъ и Bernardino Temitano. Сл. Carducci, *Cantilene e ballate*, p. 49).

Пѣсенка Lisabetta'ы изъ Мессины (Chi guarda l'altrui cose fa villania) передѣлана (?) въ laude Feo Belcari: «Chi non cerca Gesù con mente pia» (Сл. D'Ancona, *La poesia popolare italiana*, Livorno, 1878, p. 84; Rubieri, *Storia d. poesia popolare italiana*, Firenze, 1877, p. 154).

Къ стр. 465 слѣд. *Къ источникамъ Декамерона.*—Letterio di Francia, Alcune novelle del «Decameron», illustrate nelle fonti, *Giorn. stor. d. lett. italiana*, v. XLIV (1904), стр. 1 слѣд. (*къ литературѣ: Райна*, La novella boccacesca di Saladino e di messer Torello, Romania, 1877, v. VI, p. 359—68; L'episodio delle Questioni d'amore nel Filocolo del B., ib. XXXI, p. 40—7, 57—79. Le origini della novella, narrata dal «Frankelcyn» nei Canterb. Tales del Chaucer; ib. XXXII (стр. 204 слѣд.; *Kerbaker*, La leggenda epica di Rishyasringa: о новеллѣ Filippo Balducci въ введеніи къ 4-му дню Декамерона, въ *Racc. di studi critici ded. ad A. D'Ancona*, Firenze, 1901. *De Bartholomaeis*, Un frammento bergamasco e una novella del Decamerone, въ *Scritti vari di filologia offerti a E. Monaci* = Dec. VII, 5). Пока разобраны: 1) *Giorn. VII, 2* (изъ Апулея; Б. собственноручно списалъ его Золотого Осла, ркп. Laur. pl. 54, № 32; сл. Hecker, *Boccaccio-Funde*, p. 34—5; въ V кн. Генеалогіи Боговъ оттуда же взять рассказъ объ Амурѣ и Психеѣ); 2) *Giorn. V, 10* (изъ Апулея); 3) *Giorn. VII, 4* (стр. 31: непосредственно изъ *Disciplina clericalis*); 4) *Giorn. X, 8* (контаминація *Athis et Prophilias* съ *Disciplina clericalis*); 5) *Giorn. IV, 2* (мимоходомъ стр. 63: рассказъ о Паолинѣ въ *De Clar. Mulieribus* c. 89—изъ Юсіфа Флавія въ лат. переводѣ Руфина, черезъ посредство Викентія изъ Бовэ, *Spec. historiale*, l. VII; стр. 66—7: на новеллу Декамерона IV,

Къ Дек., II, 8 сл. Guillem de la Barra, Arnaut Vidal de Castelnaudary (ок. 1318 г.). Dec. II, 7; судьбу Chélinde въ: Tristan li Léonais (у Trenau, Bibl univ. des romans, v. 7). — Къ новеллѣ II, 4 сл. Beilage z. Allgemeinen Zeitung 1900, 13 Dec., № 285: Holm, Ravello, стр. 5 слѣд. (палаццо Ruffolo въ Ravello подѣ Амальфи и исторія семьи: не матеріалъ для новеллы Боккаччю, а ея подкладка? При Карлѣ Anjou они были большими негодяями, hatten Häuser u. Geschäfte in Trani u. Barletta, pachteten Zölle u. trieben Kornhandel mit Aegypten, nicht nur für eigene Rechnung, sondern auch für die von König Karl. Aber sie erregten Neid und Hass bei Vielen u. als im Jahre 1283 König Karl anderswo beschäftigt und sein Sohn Regent war, erging eine schwere Verfolgung über die Familie Ruffolo u. die ihnen nahe verwandte Familie della Marra. Es wurde ihnen die Schuld gegeben an allem, wodurch sich Karl verhasst gemacht hatte. «Sie — sagt in einer Urkunde Karl II — waren es, welche am Hofe unsres Herrn Vaters alles Böse anstifteten; sie riethen täglich zu allen Arten von Erpressungen. Sie haben alle Wege ausgedacht, durch welche die Insel Sicilien von der Treue abwendig wurde». Они были богаты, ихъ богатствами можно было поживиться, и они стали козломъ отпущенія за политику Карла, приведшую къ сицилианской вечернѣ 1282 г. Ихъ заточили; еще два раза Ruffolo'амъ удалось оправдаться, но для новаго паденія; Лоренцо Рубфоло сдѣлался пиратомъ и умеръ въ 1291 году, заточенный въ одномъ калабрійскомъ замкѣ. Die Familie kam mehr u. mehr herunter; der Palast wurde getheilt und es kam ein Theil an die Familie Confalone, ein anderer an die Familie Muscettola, welche den Titel Fürsten von Leporano hatte.

Zumbini, La novella di Landolfo Ruffolo, La biblioteca delle scuole italiane, XI, 6; ib. 9: *L. di Francia*, Studi boccacceschi, un bel caso d'intolleranza critica (противъ критики Wiese въ Zs. f. roman. Phil., XXVIII, 748).

Zumbini, Di alcune novelle del Boccaccio e dei suoi criterj d'arte, въ Atti d. R. Accad. d. Crusca (anno accademico 1903—4), стр. 25 слѣд., затѣялъ изучить gli elementi storici e la favola неаполитанскихъ новеллъ (II, 4, 6; III, 6; IV, 1, 10; V, 6; VII, 2, X, 6); изъ нихъ избираемъ пока двѣ: 1) стр. 28 слѣд.; II, 6 (*Beritola*); вольное отношеніе къ историческимъ даннымъ примѣнительно alle ragioni dell'arte; для Arrighetto Саресе, какъ и для Beritola'ы нѣтъ документальныхъ данныхъ, 31 слѣд.; островъ Panza вовсе не былъ необитаемъ, 34 слѣд.; 36 слѣд.: воспользовался темой легенды о Евстахій Пла-

кидѣ. — 2) Стр. 41 слѣд.: V, 6 (Gian di Procida, Restituta); тема новеллы, въ сущности — эпизодъ изъ Filocolo; историческія отношенія и генеалогія не поддерживаются документальными свидѣтельствами. 45: отраженіе легенды о Геро и Леандрѣ; 52: историческія лица stanno di solito meno per se stessi che a servizio di quelle altre figure la cui storicità dissì più apparente che vera, да и являются они (напр., Карлъ Анжуйскій и Петръ Арагонскій въ X, 6 и 7) въ совсѣмъ иномъ освѣщеніи, чѣмъ, напр., въ дантовскомъ Чистилищѣ, с. VII. Стр. 55 слѣд.: противорѣчія между историческими показаніями Б. и дѣйствительно засвидѣтельствованными историческими фактами объяснялись тѣмъ, что источникомъ Б. могли быть народныя или мѣстныя преданія. Ихъ слѣдуетъ допустить (для Guido Cavalcanti, Guiglielmo Borsiere, Calandrino, Bruno и Buffolmacco); но и этой гипотезой не слѣдуетъ увлекаться: se le scene originarie di Restituta (V, 6) e di Peronella (VII, 2) Боккаччо trasportò di lontano in Napoli, da Napoli, invece, trasportò la scena in Bologna, quando il fatto già narrato nel Filocolo (l. IV, Quest. XIII), della donna creduta morta e poi restituita dall' amante al marito, volle rinarrare nel Decamerone (X, 4). E poi un terzo fatto che, secondo lo stesso Filocolo, era avvenuto nel paese di uno di quei personaggi, cioè di Menedon (l. IV, Quest. IV), rinarrò, nella novella di madonna Dianora, come seguito in Udine (X, 5).—Стр. 68—9 прим. 1: описаніе въ Filocolo битвы между Felice и Lelio—по Фарсалии, сл. Fars. VII, 825 слѣд., и Filoc., I, ed. Moutier, стр. 64 слѣд.).

Дек., VIII, 6: Giannini, Uno fonte di una novella del Boccaccio, Fanfulla d. domenica, 1905, № 35 (церковные обряды для открытія вора: giudizio di Dio del pane e del formaggio).

Къ Декамерону. The XIX century, 1899, August: Stillman, The Decameron and its villas.—Ahlström, Studier in den fornfranska Lais-Litteratur (Upsala, 1892), стр. 125 слѣд. (къ Дек. IV, 1; къ Дек. V, 4 — стр. 145 слѣд.; Дек. VII, 6 — стр. 162—2).

Pellizzaro, La commedia d. s. XVI e la novellistica anteriore e contemporanea in Italia. Vicenza, 1901 (доказываетъ, м. пр., dimostra l'intreccio latino di alcune novelle del Decameron: II, 6; V, 5; V, 7. Сл. Giorn. stor. d. lett. ital., v. XL, fasc. 3, 1902, стр. 400 прим. 1).

Manuel de Ossuna, Boccaccio, fuentes puer el conocimiento de la historia de las islas Canaria en la edad media (Bulletin de la R. Academia de la historia, XLVI, 3).

Morini, Il Prologo del Decamerone (Rivista politica e letteraria, XVI, 3).

Merkel, Come vestivano gli uomini del Decameron. Rendiconti della r. acc. dei Lincei, 1897, v. VI, стр. 354 слѣд., 420 слѣд., 484 слѣд.

Къ стр. 466 (*Флорентійскій элементъ въ Декамеронѣ*). *Il Fiore*, noto rifacimento in sonetti del Roman de la Rose, написанный въ концѣ XIII в. (Castets предположилъ его авторомъ Данте; Mazzoni общааетъ подтвердить это новыми аргументами), è in stretta relazione alla vita, all' arte, alle idee dei rimatori fiorentini, fra i quali era Dante.... Il messer Brunetto del sonetto proemiale (посвятительнаго) è, come fanno fede le didascalie de' Manoscritti, *Betto Brunelleschi*, l' amico di Guido Cavalcanti, che si ritrova non pur nel *Decamerone*, ma nella Cronica del Compagni; quel Brunelleschi che di recente *Anatolio France* ha ingegnosamente disegnato a nuovo di sull' esemplare del Boccaccio in uno de' suoi squisiti racconti.

Torraca, *Noterelle Dantesche* (Firenze, Carnesecchi, 1895, per pozze Morpurgo — Franchetti), полагааетъ, что сонетъ Данте, обращенный къ Brunetto («Messer Brunetto, questa pulzelletta»), т.-е. къ Betto Brunelleschi, служилъ посвященіемъ не къ Fiore, а къ какой-нибудь канцонѣ или баллатѣ. Сл. тоже Gaspari, *Literaturbl.*, VII, 235; сл. *Rass. bibl.*, III, 163.

Къ стр. 468 (*Легенда о Петръ и Февроніи*). Сл. *Этногр. Обзор.*, XVII, стр. 88—9 (П. И., Изъ области малор. нар. легендъ): Давидъ заглядѣлся на одну женщину, мывшую на рѣкѣ сорочку, — она догадалась, въ чемъ дѣло, и говорить царю: «напійсь воды по цей бикъ ричкы». Царь узавъ и напивсь; потомъ велѣла ему напиться съ другой стороны; царь нашелъ, что вода тамъ и здѣсь одинакова, одинаковъ и вкусъ двухъ яицъ, бѣлаго и крашенаго, которыя подала ему женщина. — «Ну, теперъ поняй соби своею дорогою!» говорить она ему (развязка сводной легенды другая).

Къ стр. 470—1 (*Къ сатиру на виллановъ*). Сл. *Roque-Ferrier*, *L'origine des vilains et celle des Gavots* (стихотвореніе провансальскаго поэта подъ псевдонимомъ *Cascarelet*), въ *Rev. d. langues romanes*, 1884, Августъ.

Domenico Merlini, *Saggio di ricerche sulla satira contro il villano*. Torino, *Loescher*, 1894 (р. 230. Сл. отчетъ въ *Giorn. stor. d. lett. ital.*,

v. XXIV, 1894, стр. 432 слѣд.; съ указаніемъ на работы Ledieu и Bédier; Ribbeck'a, *Agroikos*, Eine Ethnologische Studie. Lpz., 1885, въ Abhdlgn. d. philos.-hist. Cl. d. K. Sächs. Gesellsch. d. Wiss., v. X, № 1, стр. 435: о bergamini).—Сл. отчетъ G. Paris'a въ Romania, № 93, стр. 142 слѣд. о Merlini, Saggio d. ric. s. sat. c. il vill.: во Франціи презрѣніе къ виллану феодальнаго характера, въ Италіи — городского: антипатія горожанъ къ крестьянамъ, основанная на экономическихъ интересахъ и нашедшая выраженіе въ поэзіи popolareggiante. Merlini указалъ на отношеніе этой литературы къ Commedia dell' Arte et la création du type du Zanni (Gianni = Giovanni), divisé plus tard en Arlequin et Brighella: Zanni est primitivement le *facchino* venu des montagnes bergamasques qui faisait à Venise, aux XV et XVI s., tous les gros ouvrages du port et s'attirait les railleries des gens de la ville (quelque chose comme l'Auvergnat de nos jours à Paris). A Florence et ailleurs, c'est surtout la lutte économique entre le paysan et le bourgeois ou l'artisan... qui a excité la verve des poètes populaires et créé toute une littérature. — D'autre part les moeurs et les amours des villageois ont fourni tout un cycle d'oeuvres facétieuses, qui commencent (avec la *Nencia* de Laurent le Magnifique) par une peinture encore à moitié sympathique et légèrement railleuse, et qui finissent par la caricature purement burlesque.— G. Paris *отрицаетъ, что въ Roman du Renard—Renard — представитель виллана, Изенризмъ — феодала* (сл. стр. 145).

Къ стр. 471 прим. 9 (*Къ Дек., VII, 7*). Сл. франц. новеллу въ Shakespeares Lest Book. Chiswick, from the press of C. Wittingham. 1814 г. (сл. Romania, XXIV, 485, по поводу работы Schofield о новеллѣ Боккаччю). Другой текстъ изд. P. Meyer въ Romania, t. XXXII, стр. 59 слѣд.

Сл. средневѣковую, такъ называемую «элегическую комедію» *Babio* у Creizenach'a, Gesch. d. neueren Dramas, Halle a. S., 1893, I, стр. 37—8 (*Babio* подозреваетъ свою жену въ связи съ Fodius, говорить, что уѣдетъ на нѣсколько дней, внезапно возвращается ночью и побить Фодіемъ, который будто бы не узналъ его и принялъ за чужого); къ III, 5 (?) сл. Creizenach, ib., стр. 41 (изъ *элегической комедии: die Handwerkersfrau: за ней ухаживаетъ священникъ, посылаетъ ей подарки; мужъ-скупердяй совѣтуетъ принять ихъ, самъ онъ скроется и, вернувшись, застанетъ попа и завладѣетъ подарками, какъ контрибуціей. Жена заключаетъ, что мужъ ея не-*

достоинъ честной супруги, предупреждаетъ священника объ опасности. Онъ является вооруженнымъ, проводитъ ночь; мужу не открываютъ, а утромъ священникъ еще глумится надъ нимъ).

Къ *Декамерону*, VII, 5. Сл. Scritti vari di filologia dedicati a Ernesto Monaci (1901, Roma, Forzani): V. de Bartholomaeis, Un frammento bergamasco e una novella del Decamerone, p. 203—224. Сл. Rassegna bibliogr., 1902, № 4—5—6; p. 100: Il frammento, edito or non è molto dal Lorck, tratta lo stesso argomento della nov. 5 della VII giornata dell' opera del Certaldese (un marito geloso si fa confessore della propria moglie). Источникомъ Б. могъ быть un testo intermedio; al B. più propriamente spetterebbe «l' avere inventato la storia dell' amore della donna col vicin di casa e gli episodj cui quest' amore dà luogo». — Бергамскій отрывокъ былъ изданъ въ Giorn. Stor. d. lett. ital., VII, 458 и XXIII, 432 Zerbini и Lorck'омъ. Обѣ новеллы восходятъ къ одному итальянскому источнику, вышедшему, въ свою очередь изъ французскаго оригинала.

Rev. d. trad. pop., t. XVII, № 3—4, Mars-Avril 1902: René Basset, Contes et légendes arabes, p. 148, № DCXXII: La femme dans le puits (ib. литература); p. 156 слѣд. № DCXXXVIII = Dec. VII, 9 (p. 157—8: литература). — Сл. Marcocchia, Una novella indiana nel Boccaccio e nel Molière, Spalatro, Morpurgo (Dec., VII, 4).

Къ стр. 475 прим. 4. Къ *Декамерону*, II, 9 (*Бернабб*): R. Koehler, Kleinere Schriften, Weimar, Felber, 1898—1900 (примѣчанія Bolte). Vossler въ Studien z. vergleich. Literaturgeschichte, II (1902), p. 155; G. Paris, Le conte de la Gageure dans Boccace, въ Miscellanea di Studi Critici ed. in onore di Arturo Graf (Bergamo, 1903), p. 107 слѣд.: предполагается недошедшій до насъ франц. оригиналь, изъ него пошла съ одной стороны анонимная итальянская новелла XIV в., напечатанная Lami, съ другой—оригиналь Боккаччю и нѣмецкаго стихотворенія, изданнаго въ 1489 году.

Къ стр. 475 прим. 6. Къ *Декамерону*, X, 9. Сл. Torracca, Studi su la lirica italiana del Duecento, Bologna, 1902, p. 293 слѣд.: Taurel, отъ котораго сохранилась провансальская тенциона (съ Фальконетомъ), и котораго упоминаетъ Figueira, — историческое лицо, Taurellas de Strata de Paria, бывший въ сношеніяхъ съ Фридрихомъ II и тоже-ственный съ Taurel въ пьесѣ Figueira: «Un nou sirventes ai en cor que trameta»; онъ suggerì il nome, e probabilmente offrì al Boc-

ital., IX, 331). Lanzalone, La Griselda d. Boccaccio, въ Rassegna Naz., 1906, 16 Aprile (противъ оцѣнки Гризельды у Achillo Toselli, Arte e morale). Betz, Die Greseldissaga in Dichte und Tonkunst, Neue Zürich. Zeitung, 1903, № 64. Savorini, La leggenda di Griselda, Rivista abruzzese, XV, 1—2.

Къ стр. 480 прим. 1. *Декам., I, 9.* Сл. Legrand, Rec. de chans. pop. grecques (Paris, Maisonneuve, 1874), № CXXXVIII, сл. введение, р. XXXIX, кипрійская пѣсня: La grecque Arété va se plaindre au roi d'avoir été trompée par un de ses hommes du Caire; извѣстно, что Jacques de Lusignan, dépossédé de ses états, implora le secours du Soudan d'Égypte, qui résidait au Caire, et que le prince musulman donna à ce monarque une nombreuse armée, avec laquelle il parvint à ressaisir le souverain pouvoir. Ces hommes de Caire restèrent plusieurs années dans l'île de Chypre où ils se rendirent odieux par leurs violences. Пѣсня, стало быть, сложена ок. 1460 и 1462 года. Содержаніе: *Χαρτιάνακης* любить Арету, дочь архонта; мать съ презрѣніемъ отклоняетъ его предложеніе; ея условія: Peut-il d'un coup de hache trancher un roc? Peut-il émonder un palmier; étreindre la rivière en ses bras et lier des oeufs ensemble? Peut-il faire pousser de l'orge et du blé en pleine mer, et sur mer aussi établir une aire où ses chevaux aillent fouler le grain? Если онъ все это сдѣлаетъ, я дамъ ему въ жены самую некрасивую изъ моихъ рабынь. — Харціанакисъ въ отчаяніи, выходитъ бродить (съ *δεδοῖ* на плечахъ вмѣсто зонтика), встрѣчаетъ двухъ волшебницъ, мать и дочь. Онѣ уже знаютъ его злключеніе; даютъ совѣтъ: перерядиться дѣвушкой и пробраться къ Аретѣ. Онъ называетъ себя ея кузиной (*ἀξιδέλφη*), принять, ложится съ ней въ одну постель, дознается, что она любитъ его, и овладѣваетъ ею во снѣ; все, что было — ей приснилось. Но онъ разубѣждаетъ ее; она не вѣритъ: я — лоза въ цвѣту, лугъ, покрытый цвѣтами. — Нѣтъ, ты — лоза поблекшая, высохшій прудъ, разграбленный городъ. — Она идетъ судиться къ королю: одинъ изъ его людей, *ἀφ' τοῖς μισηριακοῦς σου* (du Caire) ее изнасиловалъ. Посылаютъ за Харціанакисомъ; онъ отвѣчаетъ: Si je l'épouse, je la caresserai, je l'embrasserai... mais à elle qui est belle, à elle qui est fille d'archonte, je lui donnerai des amandes amères, pour que la bouche lui en devienne aussi». Король предлагаетъ Аретѣ взять ее за себя, она хочетъ только своего милаго, и онъ является (обращаясь къ ней, онъ сравниваетъ ее съ колоколомъ

dent (по поводу работъ Berthelot), стр. 248: Jacob le juif, homme d'un esprit pénétrant, dit l'un d'eux (изъ алхимиковъ), m'a aussi enseigné beaucoup de choses et je vais te répéter ce qu'il m'a enseigné. Si tu veux être un philosophe de la nature, à quelque loi (religion) que tu appartienne, écoute l'homme instruit, à quelque loi qu'il appartienne lui-même, parce que la loi du philosophe dit: Ne tue pas, ne vole pas, ne commets pas de fornication, fais aux autres ce que tu fais pour toi-même et ne profère pas de blasphèmes.

Къ Дек., I, 2. Сл. Toldo, La conversione di Abraam Giudeo. Giorn. stor. d. lett. ital., v. XLII, fasc. 3 (1903), стр. 355. Cappelletti и Landau считали источникомъ этой новеллы рассказъ изъ Avventuroso Ciciliano Busone da Gubbio, гдѣ вмѣсто Еврея является Саладинъ); 357: полагали, что Abraam Giudeo—создание Боккаччо, но, ранѣе Busone и комментарія Benvenuto Rambaldi da Imola, рассказаль о томъ Etienne de Bourbon († ок. 1261), съ цѣлью di provare la verità della dottrina di Christo: «Fides est firmum et stabile fundamentum Ecclesie immo omnium bonorum.... De fortitudine et stabilitate fundamenti, audivi quod, cum quidam Judeus propter sapienciam et obsequia esset multum familiaris pape et Frederici quondam imperatoris (II?), cum monerent eum sepe ad conversionem, promittentes ei multa, noluit converti. Когда онъ обратился самъ, онъ такъ объясняетъ это императору: Videns quod adversarii fidei, omnes increduli, et vos ipsi christiani laboratis ad fidei subversionem, nec prevaletis, cogitans eam esse certissimam et firmissimam, ad eam sum conversus». Боккаччо помѣщаетъ мѣсто дѣйствія въ Парижѣ, Giannotto di Civignj — франц. имя; Busone употребляетъ тесса (франц. tache, teke, these и др.) въ смыслѣ infamia. Источникъ былъ, вѣроятно, французскій. — Сл. Picotti, I Caminesi e la signoria in Treviso dal 1283 al 1312. Livorno, Giusti, 1905, p. 345.

Сл. Mazzatinti, Bosone da Gubbio e le sue opere, Studj di filologia romanza, pubbl. da E. Monaci, v. I (Roma, 1884), стр. 278 слѣд., 317 слѣд.: al c. XIII del l. III Bosone ci narra «come messer Ulivo fecie cavaliere il Soldano di Banbillonia»; новелла взята изъ *Ordine de chevalerie* въ прозанческомъ его пересказѣ. — Саладиновская легенда у Бозоне: рассказъ о conte Artese (p. 456 слѣд.): tutto questo fatto del Saladino che «a maniera d'uno romito» recasi a trovare il conte, noi lo ritroviamo nel Boccaccio, presso il quale è cambiato quel nome nell' altro di «Abraam giudeo» (Dec., I, 2); сл. 321—2: по мнѣнію Либрехта и Ландау, его источникомъ былъ Бозоне; но новелла эта

находилась уже въ Ordene de chevalerie, и, по замѣчанію Бартоли, la satira è tutta del Boccaccio: questo fatto può bastare «a rendere indipendente la novella dalle parole di Bosone». — 320: въ бозоновской повелѣ о 3-хъ кольцахъ (еврей Ansalone) видѣнъ источникъ боккачьевской I, 3 (Melchisedech), но она находится въ *Novellino* и, ранѣе, въ *Fiori de' filosofi*; по мнѣнію Бартоли, Б. пользовался della saga popolare.... Inoltre, perchè voler proprio trovare in Bosone la fonte del racconto boccacesco di messer Torello, quando sappiamo che può riavvicinarsi ad uno del *Conde Lucanor*, alla leggenda del cavalier Moeringer e ad uno nel *Dialogus miraculorum* di Cesario Heisterbascense? Стр. 322: по Landau, Giorn. I, 1 взято изъ разсказа Polinoro въ *Avventuroso Siciliano*, l. II, c. 17; Бартоли указываетъ на возможность, что и Бозоне и Бокк. могли заимствовать повелю изъ одного источника, но склоняется къ предположенію, что и въ этомъ случаѣ источникъ Бокк. былъ народный. Стр. 325: *Avventuroso Siciliano* въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, не можетъ принадлежать Бозону; можно допустить l'opera d'un rimaneggiatore, до 1400 г.

Rivista abruzzese, XV, 1—2: Giannone, Una novella del B. e un dramma del Lessing (Дек., I 3). — Къ повелѣ о 3-хъ кольцахъ сл. Zs. f. hebräische Bibliographie, 1901, 5 Jahrgang, № 6: Steinschneider, Zur Parabel von den drei Ringen.

Къ стр. 504 слѣд. (*Декамеронъ*, X, 4). Сл. Ch. Joret, La rose dans l'antiquité et au moyen âge, Paris, Bouillon, 1892, стр. 315—16: Trois roses qui se trouvent sur la même tige, — точно Rosenkönig, — étaient considérées comme le présage d'un mariage.... Ces trois roses sont parfois aussi représentées comme quelque chose de rare ou même d'impossible à trouver, surtout en hiver. C'est ainsi qu'au chevalier qui lui demande son amour une jeune fille répond qu'elle ne sera à lui que s'il lui apporte «trois roses, qui aient fleuri dans l'année, entre les jours gras et Pâques». Рыцарь велитъ ихъ нарисовать, а дѣвушка плачетъ: «J'ai dit ces paroles en plaisantant; je ne croyais pas que tu pusses trouver ces roses». — «Si tu as dit ces paroles en plaisantant, sérieusement tu dois les tenir; je suis à toi, comme tu es à moi; remets-t'en du reste à Dieu». Сл. Böhme: *Altdeutsches Liederbuch*, № 62; въ № 61 c'est en hiver que les roses doivent avoir fleuri; le chevalier finit néanmoins par en découvrir, et quand il les apporte à la jeune fille, elle se met à rire.

Въ стр. 518—19 (*Средневьковья понятія о красотѣ*). Сл. Renier, Il tipo estetico della donna nel medio evo. Ancona, 1885; J. Houdoy, La beauté des femmes dans la littérature et dans l'art du XII au XVI s., Paris, 1876; Husse, Die schmückenden Beiwörter u. Beisätze in den altfranz. Chansons de geste, Halle, 1887; Alwin Schulz, Quid de perfecta corporis humani pulchritudine Germani saeculi XII et XIII senserint. Breslau, 1866. Сл. еще Loubier, Das Ideal der männlichen Schönheit bei den franz. Dichtern d. XII u. XIII Jhts Halle, 1890.

Въ стр. 519 (*Женищина въ средневьковомъ искусствѣ*). Сл. Huysmans, En route (18-e éd., Paris, 1896, p. 11—12): Les Vierges eurent des faces en amandes, des visages allongés comme ces ogives que le gothique amenuisa pour distribuer une lumière ascétique, un jour virginal, dans la châsse mystérieuse de ses nefes. Dans les tableaux des Primitifs, le teint des saintes femmes devient transparent comme la cire paschale et leurs cheveux sont pâles comme les miettes dédorées des vrais encens; leur corsage enfantin renfle à peine, leurs fronts bombent comme le verre des custodes, leurs doigts se fusèlent, leurs corps s'élancent ainsi que de fins piliers. Leur beauté devient, en quelque sorte, liturgique. Elles semblent vivre dans le feu des verrières, empruntant aux tourbillons en flammes des rosaces la roue de leurs auréoles, les braises bleues de leurs yeux, les tisons mourants de leurs lèvres, gardant pour leurs parures, les couleurs dédaignées de leurs chairs, les dépouillant de leurs lueurs, les muant, lorsqu'elles les transportent sur l'étoffe, en des tons opaques qui aident encore par leur contraste à attester la clarté séraphique du regard, la dolente candeur de la bouche que parfume, suivant le Propre du Temps, la senteur de lys des cantiques, ou la pénitentielle odeur de la myrrhe des psaumes.

Въ стр. 527. Сл. Jusserand, Les contes à rire et la vie des recluses au XII siècle d'après Aelred, abbé de Rievaulx (Romania, № 93, стр. 122 слѣд.). Аббатъ Ethelred (Ailred, Aelred; въ Rievaulx въ Yorkshire, † 1166) пишетъ наставленіе своей сестрѣ — затворницѣ, предупреждая се объ опасностяхъ — ея положенія. Enfermer son corps n'est rien; le danger demeurera grand, même pour le corps, si l'âme reste vagabonde et si de vains discours font voyager l'esprit aux carrefours des villes, à travers les rues, dans les lieux de

réunion. Келья можетъ быть заперта, замурована, опасность грозить — отъ окна: c'est là le point faible, et par là entrera l'ennemi: il entrera sous formes de pensées mauvaises, d'histoires à rire, parfois même sous une forme plus tangible.... La recluse s'assoit à sa fenêtre, et, grâce à sa fenêtre, avec l'ingéniosité d'une prisonnière, elle parvient à se reconstituer une sorte de vie, à se créer des intérêts, à échapper à la monotonie des longues méditations et des longues prières. Иногда опасность является со стороны какой-нибудь старухи: Vix aliquam inclusarum hujus temporis solam invenies, ante cujus fenestram non anus garrula vel nugigerula mulier sedeat, quae eam fabulis occupet, rumoribus aut detractionibus pascat, illius vel illius monaci vel clerici vel alterius cujuslibet ordinis viri formam, vultum moresque describat. Illecebrosa quoque interserat, puellarum lasciviam, viduarum, quibus licet quidquid libet, libertatem, conjugum in viris fallendis explendisque voluptatibus astutiam depingat.... Os interea in risus cachinnosque dissolvitur, et venenum cum suavitate bibitum per viscera membraque diffunditur. Все это нарушаетъ покой затворницы, тревожить ея сны, настраиваетъ фантазію, и фантазія нерѣдко переходитъ въ дѣлю: cella utitur in prostibulum, et delicato qualibet arte foramine aut illa egreditur, aut adulter ingreditur. — La recluse fournit ainsi.... aux faiseurs de fabliaux une matière première qu'ils n'auront pas, cette fois, la peine de chercher au loin: если иныя изъ смѣхотворныхъ рассказовъ пришлыя, другіе подсказывались жизнью. — Подавать милостыню также не безопасно: mêlée aux pauvres, une messagère perfide, «insidiatrix pudicitiae», viendra te parler en faveur d'un moine ou d'un clerc, te dira à l'oreille de douces choses, «blanda verba», profitant pour cela de l'aumône même que tu lui donnes et s'approchant tout près sous prétexte de te baiser la main.

Къ стр. 527 прим. 9. *Къ Дек., IX, 2.* Сл. Casini, Due antichi repertori poetici, въ Propugnatore, XXII (1889), P. I, p. 205, баллата, изъ ркп. XV в., но несомнѣнно древнѣе:

Siendo in chiese tutte andate, — Et tutte erano impregnate, — Qual dal prete e qual dal frate, — L'una l'altra guata; — Ciascuna cred' esser velata—Lo capo di benda usata:—Avieno in capo brache.—Kyrie, kyrie, pregue son le monache! — E l'una a l'altra guatando— Si vengan meravigliando. — Credean che fosse celato, — Alor fu manifestato — Questo tale conveniente: — E la badessa incantente —

Ch'ognun godesse or dice. — Kyrie и т. д. Сл. Rua, Le «Piacevoli notti di Straparola», Torino, Loescher, 1898, p. 48.

Къ стр. 528 прим. 1. Сл. Gebhart, Boccace, Rev. d. d. Mondes, 1895, 1 Déc., стр. 637 (разказъ объ Альбертѣ Кремонскомъ у frà Salimbene): A Crémone et à Rome les portepoix de la halle aux vins inventent un saint, leur ancien confrère, *Albert de Crémone*. Les coopératives de petits métiers, bannières en tête, venaient processionnellement en vénérer les ossements, les malades, les infirmes se faisaient porter au pied de sa châsse. Les curés commandaient aux peintres pour leurs paroisses des représentations de la vie du saint «afin d'obtenir du peuple de plus riches offrandes». La plaisanterie eût duré longtemps, si un chanoine de Parme, vicaire de l'évêque, ne s'était avisé de flairer d'assez près l'une des reliques, solennellement déposée, en un reliquaire, sur le maître-autel de la cathédrale. Or, c'était tout bonnement une gousse d'ail!

Къ стр. 550 прим. 2. Сл. Miscellanea storica della Valdelsa, anno II, Castelfiorentino, 1894, fasc. 2: G. Maccianti, Vestigia etrusche nella Valdelsa. Сл. стр. 133 прим. 1: Sorge a maestro, e vien chiamato il poggio del Boccaccio, perchè si ritiene quasi con certezza essere stato proprietà del grande Novelliere: l'altro è à sciocco e lo si denomina delle *Fate*, perchè creduto in antico abitazione di streghe e spiriti infernali. О первомъ рассказывается, come il B., essendo in intima relazione cogli spiriti infernali, coi quali conversava tutte le notti, una volta comandasse al Principe dei demoni di fabbricargli un poggio a poca distanza dalla sua casa dove potesse andare per mezzo di un ponte di cristallo; e che il demonio costruisse detto poggio con una *sportata di terra*.... Холмъ, очевидно, искусственный, ибо è costruito di terra affatto differente da quella delle circostanti colline.... Chi, salendo sul poggio, prima di arrivar sulla cima, scavasse di qualche centimetro il terreno, troverebbe grano ed altri legumi carbonizzati, misti a pietre di fiume e frammenti di vasi di terra cotta.... Riflettendo.... alla storiella della sportata di terra, alla forma del poggio, alla natura speciale del terreno, ai legumi carbonizzati, e ad una cavità che dicesi esistere nel suo mezzo, noi siamo indotti a credere che quel poggio è opera dell' arte (Сл. стр. 146: nel poggio del B. vi sono e vi furono *sepolcri etruschi*). — Il poggio delle Fate.... (è) un po' più piccolo, ma uguale di forma a quello del B. Alcuni vecchi tuttora viventi ricordano

chi vi esistevano diverse aperture, le quali conducevano nell' interno, in cui trovavansi due cantine comunicanti fra loro, ove si rinveniva cenere e rottami di vasi. Разсказываютъ (и это, вѣроятно, выдумка, назначенная застрашать конкурентовъ—искателей кладовъ), что въ холмѣ жили streghe e terribili serpenti colle lingue infuocate, che impaurivano i viandanti.

Къ стр. 551 (*Боккаччо и Чосеръ*). Сл. Cino Chiarini, *Intorno alle «Novelle di Canterbury» di Goffredo Chaucer, Nuova Antologia 1897, 1 Nov., стр. 148 слѣд.* Сл. стр. 149: missione diplomatica per la quale (Chaucer) fu mandato da Edoardo III a *Genova e a Firenze, nel dicembre del 1372* (въ 1378 accompagnò in Lombardia Edward Berkeley, il quale si recava . . . presso Bernabò Visconti). Стр. 158 слѣд.: изъ Тезиды Боккаччо Чосеръ перевелъ въ Knight's Tale, почти дословно, около 270 стиховъ, перефразировалъ около 500 (Сл. Ward, *Six-text edition Кэнтерберійскихъ разсказовъ; Lounsbury, Studies in Chaucer, London, J. Osgood, 1892, II, 226*). — Въ *Troilus and Criseide* Ч. скрываетъ свой настоящій источникъ фальшивыми цитатами (Lollius, Stazio и Петрарка). Какъ объясняли это укрывательство? Il fatto citato dal Rossetti (*Chaucer's Troilus and Cryseyde, compared with Boccaccio's Filostrato*) che Pierre Seigneur de Beauveau, il quale verso la fine del secolo XIV fece una traduzione francese in prosa del Filostrato, afferma in modo assoluto che l'autore del poema da lui tradotto era un poeta fiorentino, chiamato Petrarca, non porta davvero nessuna luce sul silenzio del Chaucer in quanto al nome del Boccaccio. Ed anche volendo concluderne, col Tyrwhitt e col Rossetti, che forse il Chaucer, cadendo nello stesso errore di Pierre de Beauveau, credè che delle opere del Boccaccio a lui note fosse autore il Petrarca, non si viene a capo di nulla: anzi la matassa si fa sempre più intricata. Poichè se da una parte, così, si spiegherebbe il caso della storia di Zenobia (nella novella raccontata dal monaco) attribuita al Petrarca, mentre si trova nel *De casibus* del Boccaccio, dall' altra rimane sempre più oscuro il mistero di Lollius, citato come autore del Filostrato. Secondo lo Skeat (*Poetical Works of G. Chaucer, edited by Robert Bell, revised by W. Skeat, G. Bell, London, 1885, I, p. 18 n.*) la vera spiegazione di questo enigmatico nome sarebbe quella proposta dal Prof. Latham, il quale crede che il Chaucer, intendendo malamente il verso di Orazio: «Troiani belli scriptorem, maxime Lolli» (*Epist.*, I, 2, 1), abbia supposto che Lollio fosse uno scrittore latino che avesse

trattato della guerra troiana. E questo, secondo il Latham, bastò al poeta per citarlo, senz' altro, come la fonte dell' episodio della guerra di Troia, che egli, invece, aveva attinto al Filostrato. Certamente può sembrare strano il fatto che il Chaucer, il quale aveva tradotto tutto il *De consolatione* di Boezio, dimostrando una certa familiarità con la lingua latina, sia caduto in uno errore così grossolano: ma non potrà parere impossibile, quando si pensi che non sarebbe questo il solo. Un altro errore del genere, assai curioso, è, per esempio, il *pernicibus alis* di Virgilio, nella descrizione della Fama (*En.*, IV, 180), tradotto con *ali di pernice* (*The House of Fame*, lib. III). Если предположеніе Латама вѣрно, то цитаты Чосера назначены иной разъ для отвода глазъ отъ настоящаго источника. Такъ въ *Night's Tale*, въ эпизодѣ, большею частью дословно переведенномъ изъ Тезеиды, Чосеръ отсылаетъ по поводу описанія жертвоприношеній, къ Оивайдѣ Стація и другимъ античнымъ книгамъ, но у Стація этого описанія нѣтъ, оно есть въ *Teseide*, VII, 71—76.—Стр. 163: *The Monk's Tale*—изъ *De Casibus*. —Предилекція Чосера къ Тезеидѣ обнаруживается мотивами изъ нея и переводами въ *The Parliament of Fowls*, *Of Queen Anelida and false Arcite*, *Troilus and Criseide*. Molto prima che nella novella del Cavaliere, le avventure amoroze di Palemone e Arcita il Chaucer le aveva anche trattate in un componimento giovanile che è andato perduto, e che egli stesso ricorda nel prologo di un' altra sua opera poetica intitolata *The Legend of good Women*. Questa prima redazione fu certo molto diversa da quella che è rimasta nelle *Canterbury Tales*: il Tyrwhitt non esclude che potesse essere una semplice traduzione della Teseide; м. б., *The Knight's Tale*—rifacimento того юношескаго произведенія (ср. Ten Brink, *Chaucer, Studien zur Geschichte* и т. д., Russel, *Münster*, 1870, p. 39; Kōlbing въ *Englische Studien*, II, 1878, p. 528—32).

Ср. *Modern Language Notes*, v. XVII, Dec. 1902, № 8, стр. 470—1. Чосеръ зналъ Боккачьеву Тезеиду, пересказалъ ее въ своемъ утраченномъ *Polamon and Arcite* — и въ *Knight's Tale* Кэнтерберійскихъ рассказовъ; рассказчикъ, the knight, списанъ съ характеристики Эвандра въ 40 строфѣ Тезеиды.

Ср. работы Chiarini, *Bellezza* (въ *Giorn. stor. d. lett. ital.*, XLII, 460, и *Introduzione allo studio dei fonti italiani* di G. Chaucer. Milano, 1895, и рецензія Koch'a въ *Zs. f. vergl. Literaturgesch.*, 1893, p. 271; Borghesi, *Boccaccio and Chaucer*, Bologna, Zanichelli, 1903, p. 70).

себѣ представить, чтобы Чосеръ не полюбопытствовалъ взглянуть на Декамеронъ; въ 1373 г. онъ пробылъ въ Италиі нѣсколько мѣсяцевъ, былъ въ Тосканѣ и Флоренціи, — неужели не слышалъ онъ здѣсь о Боккаччо и Декамеронѣ? — Авторъ допускаетъ, 249 слѣд., зависимость плана Кэнтерберійскихъ разсказовъ отъ плана Декамерона (въ чемъ можно сомнѣваться). Стр. 260 (допускается вліяніе Fiammetta'ы, тоскующей по миломъ, на горе Dorigen'ы по уѣхавшемъ Arviragus въ Frankleyn's Tale?). — 262 слѣд.: Nel *Monkes Tale* è ricavata dal cap. 98 del libro suo *De Clar. Mulier.* la parte concernente Zenobia, v. 14253—380; e in quel capitolo si conta di lei con maggior larghezza, — но Chaucer отсылаетъ желающихъ узнать о ней болѣе un-to my maister Petrark (v. 14331—2)! Въ отрывкѣ *Anelida and Arcite* (по Тезеидѣ Боккаччо) указывается какъ на источники: Стаціи и — Коринна; на Стація (v. 2295—6), не на Тезеиду, VII, st. 75—6—въ *Knights Tale. Troilus and Criseyde*—пересказъ *Filostrato*, въ послѣднемъ Troiolo (Рајна считаетъ эту форму имени болѣе правильной, чѣмъ Troilo, p. 260 n. 4) «lieto si diede a cantare» (I, st. 38); Чосеръ вставляетъ здѣсь переводъ сонета Петрарки («S' amor non è, che dunque è quel ch'io sento»?), но ссылается на «myn autour» Lollius (I, st. 57), имѣя въ виду автора не сонета, но всей повѣсти, какъ видно изъ l. V, st. 237: The whiche cote, as telleth Lollius, Deiphebe it hadde y-rent from Diomedè The same day = *Filostrato*, VIII, 8); этому Лоллию онъ воздвигаетъ статую въ *House of Fame* рядомъ съ Гомеромъ и другими, которые Was besy for to bere up Troye (v. 1472). Lollius—изъ: Troiani belli scriptorem, Maxime Lolli,—изъ начала 2-й эпистолы I-й книги эпистолъ Горация. — Можно допустить, что Чосера особенно влекло къ Петраркѣ (стр. 266: авторъ допускаетъ возможность свиданія, которое онъ желалъ бы mettere in rapporto con un' andata a Venezia), но замолчаніе Боккаччо необъяснимо. Рајна не согласенъ съ Коч'омъ, что Чосеръ могъ не знать по имени автора произведеній, которыми пользовался (къ этому объясненію склонился и я; самъ Рајна указываетъ, 266, что изъ 27 флорентійскихъ ркп. *Filostrato* 16 безъ имени). Остается заключить, что Чосеръ не называлъ Боккаччо потому именно, что слишкомъ многимъ ему обязанъ (267).

Къ стр. 552. *Замѣствованія изъ Декамерона.* Сл. Pitrè, Il Pater-nostro di S. Giuliano, Arch. per lo studio d. trad. pop., v. XXI, стр. 3 слѣд.; Euphorion, IX B. 1 Heft (1902) стр. 157 слѣд. (отчетъ объ

Euling, Studien über Heinrich Kaufsinger, въ Germanistische Abhandlungen hrsg. v. Friedrich Vogt, XVIII. Breslau, Marcus, 1900, 4, 60 М.). Изъ стихотвореній Kaufsinger'а слѣдующія заимствованы изъ Декамерона: № 5 (Decamerone VIII, 1 и 2; слич. примѣчанія), № 6 (Dec. III, 5 и прим.), № 7 (Dec. III, 3 и прим.), № 9 (Dec. VIII, 7 и прим.), № 10 (сл. Dec. IX, 2; сл. ib прим. къ «blinde Ehemann».

Къ Декамерону. Segrè, Una eroina del Boccaccio e l'Elena Shakespeariana (въ All's well what ends well = Dec., III, 9).

Въ 1499 г. Antonio da Pistoia посвящаетъ Изабеллѣ д'Эсте трагедию въ терцинахъ «Panfila» на сюжетъ боккачьевской новеллы о *Guiscardo* (Filostrato) и *Ghismonda* (Panfila)¹). — Le «Porrettane» Sabadino degli Arienti — подражаніе Декамерону, il «Peregrino» Caviceo — подражаніе Filosoro: рассказъ Fiordalisa'ы о Tisbina, Iroldo и Prasildo въ Orlando innamorato Boiardo'а — изъ новеллы Боккаччо о Dionora'ѣ и Ansaldo.

О Боккаччо. Сл. Owen, The skeptics of the italian renaissance. London, 1898, стр. 128 слѣд., ib. 135 прим. 2: Shelley's opinion of B., whom he preferred to Ariosto and Tasso, seems worth quoting: «How much do I admire B.! What descriptions of nature are those in his little introductions to every new day! It is the morning of life stropped of that mist of familiarity which makes it obscure to us. B. seems to me to have possessed a deep sense of the fair ideal of human life considered in its social relations. His more serious theories of love agree especially with mine. He often expresses things lightly too, which have serious meanings of a very beautiful kind. He is a moral casuist, the opposite of the Christian, stoical, readymade and wordly systems of morals (сл. Symonds, Shelley, London, 1878, p. 111).

Къ лирикѣ Боккаччо. Сл. Crescini, Di due recenti saggi sulle liriche del Boccaccio (изъ Atti e Memorie della R. Acc. di scienze, lett.

1) О другихъ отраженіяхъ этой новеллы сл. Rass. bibliograf., 1902, № 4—5—6, p. 150 (по поводу Neri, Federico Asinari, conte di Camerano, poeta del sec. XVI, Torino, Clausen, 1902, p. 44. — Zupitza, Die Mittelenglischen Bearbeitungen der Erzähl. Boccaccio's von Ghismonda e Guiscardo (Vierteljahrschr. f. Kult. d. Renaissance, I, 63 слѣд.); Scherwood, Die neuenglischen Bearbeitungen der Erzähl. Bocc. von Ghism. u. Guisc., Berlin, 1892.

ed arti in Padova, v. XVIII, p. 27 — по поводу Manicardi e Massera, Introduzione al testo critico del Canzoniere del Boccaccio (Castelfiorentino, 1901). Сл. отчетъ Vossler'a въ Literaturbl. f. germ. u. roman. Philologie, 1903, № 6: у Baldelli было въ рукахъ 20 съ чѣмъ-то ркц., у будущихъ издателей — болѣе 70. Crescini подвергаетъ критикѣ ихъ группировку ркц.; wo er die Datierungsversuche der beiden Herausgeber im einzelnen kritisiert, wird man ihm fast unbedingt zustimmen müssen. Sonett XI möchte ich immer noch mit Baldelli zur Gruppe jener apologetischen Gedichte rechnen, die sich auf B.'s öffentliche Danteverlesung beziehen. — Im 2-en Teile seines Aufsatzes bespricht Crescini eine andere kleine Arbeit der genannten Verfasser: Le dieci ballate del Decameron (estr. dalla Miscellanea storica della Valdelsa, anno IX, Castelfiorentino, 1901) und vertritt dabei die Ansicht, dass die Balladen zu gleicher Zeit mit der Rahmenerzählung des Decameron verfasst wurden, während Manicardi und Massera sie als bereits vorher und unabhängig vom Decameron gedichtete persönliche Liebesergüsse auffassen und dementsprechend für die Biographie B.'s ausbeuten möchten. Das Gezwungene und Uebertriebene dieser letzteren Hypothese leuchtet ohne weiteres ein. Es ist nicht zu leugnen, dass mehrere dieser Balladen sich am einfachsten als die lyrische Auslösung der zeitweiligen geselligen Stimmung verstehen lassen. Trotzdem darf man sich durch den aesthetischen Eindruck nicht verführen lassen; umso weniger als bei der Mehrzahl der zehn Gedichte ein innerer Zusammenhang mit der Seele der «dieta brigata» nicht ersichtlich ist; und selbst wenn er vorhanden wäre, dürfte man aus der einheitlichen Wirkung des Kunstwerks noch lange nicht auf eine einheitliche, ununterbrochene Entstehungsgeschichte schliessen. Sehr hübsch u. einleuchtend sind die allegorischen Erklärungen, die von Crescini für die erste und dritte Ballata vorgeschlagen werden. (Сл. отчетъ о Manicardi и Manera въ Giorn. stor. d. lett. ital., v. XL, fasc. 1—2 (1902), стр. 244 слѣд.).

Miscellanea di studî critici edita in onore di Arturo Graf, 1903): Gigli, Di alcuni sonetti del B. (VI—XI), изд. Baldelli и Moutier; относятся къ 1373 г.; связаны другъ съ другомъ въ соотвѣтствіи съ физическимъ и нравственнымъ состояніемъ поэта: касаются анонимнаго зоила Боккаччю и его болѣзни, побудившей его черезъ 3 мѣсяца прекратить чтенія о Данте. *Къ лирику Боккаччю* — глава у Arullani, Pei regni dell' arte e della critica. Nuovi saggi. Torino-Roma, Roux e Viarengo, 1903, l. 2. 50.

Сл. Manicardi e Massera, Introduzione al testo critico del canzoniere del Boccaccio (Raccolta di studi e testi Valdelsani dir. da O. Vacci, II, 1901). Авторы такъ резюмируютъ, на основаніи разсмотрѣннаго ими ркп. матеріала, свою работу надъ лирикой Б., исходя изъ изданія Baldelli (= Moutier) и сохраняя его нумерацию (стр. 33 прим. 1): ему принадлежатъ сонеты I—CVII изд. Baldelli (CVIII—не Боккаччо, сл. 13—14 прим. 2, р. 23), CIX, CX; нѣтъ у Baldelli: *Poi Satiro se' fatto sì severo* (сл. стр. 7; сл. 17: Baldelli не напечаталъ сонетъ «perchè lasciva poesia»). *Saturno al coltivar, Fuggano i sospir miei, Non deve alcuno* (три сонета, впервые напеч. авторами, стр. 71—2), *Allor che regno* (сл. 10: ркп.; нѣтъ у Baldelli?); терцины: *Amor che con sua forza* (впервые нап. авторами, стр. 72 слѣд.) и *Contento quasi* и соединенная съ нею баллата (которая у Baldelli является какъ канцона I (стр. 10: tern. *Contento quasi*, ball. *Amor, dolce signore*); madr. I и madr. *O giustizia regina* (сл. стр. 10, 11); баллаты I и II и отрывокъ сестины.—Подъ сомнѣніемъ оставлены: la *Ruffianella*, la *tenzone tra Annibale e Scipione*, il son. irreg. *Carissimi fratei*, l' *Ave Maria*, i madr. II e III, la canz. I e III, il son. *L' arco degli anni tuoi*, la canz. *Nascosi son gli spiriti* (*Ruffianella* въ ркп. стр. 8, 10, 11; *tenzone fra Annibale e Scipione*, р. 10; сонетъ *Carissimi fratei*, р. 11; *Ave Maria*, р. 11; сон. *L' arco degli anni tuoi*, р. 8; canz. *Nascosi son gli spiriti*, р. 11); сл. стр. 17: напечатанныя у Baldelli канц. IV—VI на одной ркп. не засвидѣтельствованы какъ боккаччезскія. — Лирическія пьесы Б., изданныя послѣ Baldelli: стр. 17 слѣд.: canzone *Cara Fiorenza mia* (изд. Peticari въ Poligrafo 1813 г.); тенцона Б., съ *Riccio barbiere* (Ciampi, Monum. di un ms. autografo di G. B., Firenze, 1827, 2-а ed. Milano, 1830: «Allor che regno d' Etiopia sente»); *Ruffianella* изд. Bongі въ 1855 г. (съ ложной датой 1563 г.); madr.: *O giustizia regina* (изд. Cappelli въ Poesie musicali dei sec. XIV—XVI, Bologna, 1868); *тенцона Francesco di Meletto de' Rossi da Forlì* съ Петраркой, *Боккаччо* и др., изд. въ послѣдній разъ Lamma'ой въ 1892 г., Giorn. stor., XX, 178—81; l' *Ave Maria* in rime fatta per m. Giov. B. da Certaldo, ed. Zambrini, Imola, Galeati, 1874 (въ 106 экз.); *Mabellini*, Due poesie inedite di Giov. B. (tenzone pseudoboccacesca tra Scipione e Annibale, Milano, Paravia, 1888 (70 экз.); сон. *Poi, Satiro, se' fatto sì severo*—у Barbi, La raccolta Bartoliniana di rime antiche e i cdd. da essa derivati. Bologna, 1900.

Для хронологіи Б.—й лирики точныхъ датъ немного: сонетъ XVII

P. Ercole nel libro su Guido Cavalcanti e le sue rime. И въ С дѣло идетъ о вдовѣ («il brun vestire et il candido velo» — вдовій костюмъ, сл. Corbaccio и Filostrato), но идетъ ли дѣло о вдовѣ Corbaccio? спрашиваетъ Crescini. Che questo sonetto C vada unito, in tal senso, al seguente CI? Che l'amico, accennato nel Corbaccio, p. 271, dal quale il nostro fu indotto ad amare la vedova, sia stato Antonio Pucci medesimo, che nella risposta al son. CI conclude: «Ond' io ti dico, come padre a figlio, Che per la viduetta lasci il giglio»? Problemi, che non si risolveranno mai. — Авторы устраняютъ (какъ d'incerta attribuzione — къ Боккаччо) мадригалъ: *Nè morte, nè amor*, который Landau отнесъ къ Пампинеѣ. In fine il Crescini (l. c.) metteva innanzi, dubitando, il son. XLV, ma senza un fondamento reale. Стр. 36—7: къ *песамъ, отразившимъ позднiя увлеченiя Б.*, авторы, какъ Антона-Траверси, относятъ сон. LXIV (къ вдовѣ Corbaccio); къ ней же Landau и Crescini (Contr., 183, n. 2) отнесли и с. XXXV, который, per mancare di più precise indicazioni, potrebbe anch' essere riferito al tempo dell' abbandono di Fiammetta. Авторы скорѣе склонны отнести къ ней сон. LXV, CIX (приуроченный Crescini къ измѣнѣ Fiammetta'ы) и LXXXI (scritto, secondo l' Antona-Traversi, probabilmente prima che il poeta ricevesse dalla figlia del re Roberto la suprema prova d'amore). [36 прим. 3: авторы относятъ къ этой группѣ и с. LXXVI; сон. XI и *Poi Satiro* contengono un' invettiva a fondo contro un tale che molto probabilmente avrà biasimato i tardivi e colpevoli amori del poeta]. 36—7: *обобщая и выбирая, авторы относятъ къ старческой любви Б. сон.: LXIV, LXV, CIX, LXXXI, C и, м. б., XLV (отнесенный Crescini и Antona-Traversi къ Fiammetta'ѣ).* [37 прим. 1: il Renier (La Vita Nuova e la Fiammetta, p. 287), già combattuto dal Mango (Prop., XVI, I, p. 414, № 3), ritenne scritti per la vedova del Corb. il madr. III e il son. LV, что невѣроятно].

Стр. 37: *Пьесы, относящiяся къ Фiамметтѣ:* сон. LXX (слово: *fiammetta*), сон. XL, XLI, XLVI, LXIII и tern. *Amor che con sua forza* (слово: *fiammi*) несомнѣнно относятся къ ней, м. б., и сон. LXXXIII, сл. v. 11. Далѣе сон. IV, XV, XXXIII, LXIX (упоминанiе Baia), XXXIV, XLVII, XLVIII (упоминанiе Miseno). Въ сон. V и LII говорится о гробницѣ Партенопе, въ XXXII и LIII мѣсто дѣйствiя на морѣ, въ XXXI — вблизи него; относительно послѣднихъ 5 №№ si potrebbe opporre che in Napoli altri amori precedettero quello per Fiammetta; но если допустить, что и эти пьесы написаны для нея, и всѣ остальные примыкаютъ къ этой серiи, то поднимается вопросъ —

LXVII; LVIII (par di sentire ancora un' eco dei pianti che tal morte dovè strappare all' innamorato, ma tradito, B. (авторы говорятъ это съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ); per l'Antona-Traversi è questo uno dei sonetti da cui traspare tutta la sensualità del poeta; pe'l Crescini, p. 183, dev' essere stato dettato dopo il tradimento). *Идеализация на манеръ Лауры*: LXXIII, LX, XXIX, LXXXVIII, LXVII, XCVIII (Crescini сомнѣвается отнести послѣдній сонетъ къ этой группѣ, Antona-Traversi отнесъ его къ числу учительныхъ; но сл. v. 7—8), LI, XXI. Судя по стихотвореніямъ, память F'ы никогда не покидала B.; ему былъ 61 годъ, когда въ сонетѣ XCVII, обращеніемъ къ покойному Петраркѣ, онъ проситъ его a trarselo dietro ove lieto potesse rimirare «colei che pria d'amor l'accese» (Antona-Traversi отнесъ къ этой группѣ с. XXVIII, о которомъ далѣе. Il son. *L'arco degli anni tuoi*, o del Boccaccio o del Petrarca, — сл. стр. 8 — è certamente stato scritto in morte dell' amata — Фьямметты или Лауры).

51 слѣд.: *Любовь къ поэзии и славы*: с. XXVII (donna=Poesia, frondi=alloro; сл. XXVI. Антона-Траверси напрасно относитъ его къ любовнымъ nè à valore il riscontro che il Crescini (p. 168) fa di esso con un passo autobiografico del racconto d' Idalagos nel Filocolo), XXVIII (Ant-Trav. считаетъ его въ числѣ *in morte*, въ другомъ мѣстѣ tra i *diversi*; Crescini, p. 168 n. 2, — въ числѣ любовныхъ, написанныхъ при жизни F.), XXXVI (слава); въ LXVIII и LXXIV сѣтуетъ per non essere pervenuto dopo tanti studî alla laurea и рѣшается болѣе не писать стиховъ (вѣроятно, написаны послѣ 1366, когда B., прочтя стихотворенія Петрарки, задумалъ уничтожить свои и инья сжегъ (Sl. Lett. sen. di Fr. Petr. volg. da Fracasetti, I, p. 2—3). Это не исключаетъ вліянія Петрарки на юношескую лирику B. — *Правоучительныя пѣснь*: с. VI (музы забыты, погоня за золотомъ), LVI (упадокъ добродѣтели), XCI, XCII (изъ-за земного забыто небесное); I, XLII, XCIII (жалобы на дурно проведенную молодость, боязнь смерти, намѣреніе исправиться); молитвы: LXXXVIII, XCIV, XCV, XCVI, XLIX. Къ этой группѣ относится *l'Ave Maria* in terza rima и un sonetto irregolare, cominciante: *Carissimi fratei, la forma oscura*, — если они боккачевскіе. — 55 слѣд.: *diversi*: XCIX (отвѣтъ Cecco da Mileto; сл. выше), къ Riccio barbiere (сл. выше); CI (къ Antonio Pucci); с. XI и къ Сатири (сл. выше), VII—IX (къ осуждавшему его чтенія о Данте; сл. выше); X (аллюзія a ingratitude del volgo e alla vendetta che il poeta ne prenderà); XCVII (на смерть Петрарки). — *Narrative*: capitolo su le dodici belle donne di Firenze; madr. *O giu-*

XCIV, XCV, XCVI, XLIX [tern. *Ave Maria*]; 4) Corrispondenza poetica: XCIX (a Cecco de' Rossi), *Allor che regno* (a Riccio barbiere), CI (ad Ant. Pucci), VII—IX (a un ignoto), XI e *Poi Satiro* (a un ignoto); 5) al Petrarca: XCVII; 6) Rime narrative: tern. *Contento quasi* e canz. II, [Ruffianella]; 7) Poesie d'incerta distribuzione: X, [canz. *Nascosi son*], madr. *O giustizia regina*, [tenz. tra Annibale e Scipione], [canz. I e III]. (Nel quadro—avvertiamo—sono precedute da un *asterisco* o due, secondo la minore o maggiore incertezza, le poesie su la giusta collocazione delle quali conserviamo qualche dubbio; quelle poi che meno probabilmente appartengono al Boccaccio son chiuse tra *parentesi*).

Замѣчается, что ни одна изъ канцонъ Боккаччо не вошла въ этотъ реестръ; ибо ихъ принадлежность сомнительна: первая приписывается въ ркп. то Боккаччо, то Mino di Vanni da Siena, то Vanni di Mino d'Arezzo; III-я— то Б., то Fazio degli Uberti (Renier склоняетъ признавать ее боккаччевской, *Liriche edite ed inedite di Fazio degli Uberti*, 1880, p. CCCXXIV), сл. Manicardi e Massèra, l. c., p. 24 (сл. 76: о канц. I писалъ Zenatti, *Trionfo d'Amore di Franc. da Barberino*, Riv. d'Italia, IV, 644, nota 2); канцона: *Cara Fiorenza mia, se l'alto Iddio* (II?) принадлежитъ Matteo Frescobaldi (l. c., 24), IV—VI не засвидѣтельствованы рукописями какъ принадлежащія Боккаччо (l. c., 25—6), (сл. у меня).

Сл. Rass. bibliograf., 1902, fasc. 1—2, стр. 38 слѣд. Отчетъ Crescini o Manicardi e Massèra: L'introduzione al testo critico del Canzoniere del B., во 2-мъ томѣ *Raccolta di studi e testi Valdesiani*. Castelfiorentino, 1901, p. 75, и о *Le dieci ballate del Decameron* въ *Miscellanea storica d. Valdelsa*, anno IX, fasc. 2, № 25 della serie. Ibid. 1901, p. 13. Авторы ничего не прибавили къ тому, что было сказано circa le rime precedenti alla violenta passione per Fiammetta: e parecchio ci sarebbe da ridire su le loro ipotetiche attribuzioni, per ciò che riguarda gli amori tardivi; come pure su più punti delle pagine dedicate all' esame del canzoniere ispirato da Fiammetta. — Meglio fatti sembrano i capitoli concernenti le liriche in morte della donna che il B. adorò e cantò, e quell' altre che han soggetto filosofico e morale, a proposito delle quali tutte s'incontrano osservazioni e correzioni quasi sempre giuste. Авторы общають доказать, что дантовское вліяніе на лирику Б. было сильнѣе петрарковскаго, въ чемъ Crescini сомнѣвается. По мнѣнію авторовъ, баллады Декамерона написаны раньше него, secondo l' ispirazione occa-

sionale delle vicende e delle passioni, и лишь позднѣе вставлены въ Декамеронъ; въ баллатахъ, какъ и въ остальной лирикѣ Б., они ищутъ nuovi e più sicuri documenti alla storia degli amori del B. По мнѣнію Крешини, это не доказано, да изъ десяти баллатъ семь приписаны женщинамъ, и смѣшно предположить, что вначалѣ онѣ сочинены были отъ лица мужины и лишь въ рамкѣ Декамерона измѣнили свой полъ. Intanto dirò che sole tre ballate, quella di Filostrato, quella di Panfilo, quella di Fiammetta (IV, VIII, X) trovano riscontro in fatti e in rappresentazioni della vita e delle opere del B. precedenti al Decameron; ma poichè la stessa introduzione delle cento novelle ci avverte che il poeta non aveva ancora dimenticata la tempestosa passione, agitatrice della sua giovinezza e della sua fantasia, non si può escludere che nel comporre le tre ballate per il Decameron egli s'ispirasse a'ricordi sempre dolcemente vivi di quella passione.

Crescini, Di alcuni recenti saggi sulle liriche del B. (изъ Atti e memorie d. r. Acc. di sc. lett. ed arti in Padova, v. XVIII, 2, p. 59—85), 1902.

Къ балладамъ Декамерона. Rassegna bibliografica d. lett. ital., anno XIV (1906), f. 1—2, стр. 48: Albertazzi, Rossi, Manicardi и Massèra, и Crescini занимались объясненіемъ балладъ, заканчивающихъ каждый день Декамерона. Къ этому вопросу обратился и *Hauvette* (Les ballades du Décameron, изъ Journal des Savants, 1905, Sept.); онъ не согласенъ съ предыдущими объясненіями e crede che non tutte le dieci ballate si possano spiegare allo stesso modo. Per lui prime tre hanno un significato allegorico, e cioè rappresentano la 1-a la *Grammatica*, la 2-a la *Dialettica*, la 3-a — la *Rettorica* (? сл.). Le altre ballate invece svolgono motivi comuni e semplici di psicologia amorosa.

Къ біографіи Боккаччо.

Arnaldo Della Torre. La giovinezza di G. Boccaccio (1313—41), Città di Castello, Lapi, 1905. Стр. VIII (Б. не только продолжалъ любить идеализованную имъ Фьямметту, но въ 1366 г., facendo dipingere un quadro per san Jacopo di Certaldo, vi fece ritrarre la Fiammetta sotto le sembianze di santa Caterina). Стр. 1: Б. приѣхалъ въ Неаполь въ концѣ 1323 г., ему было 10 лѣтъ; 3: ему не было семи лѣтъ, когда его стали учить читать и писать (авторъ, стр. 3 прим. 5, стоять за то, что его учителемъ былъ Giovanni di Domenico Mazzuoli da Strada. Сл. у меня стр. 14). 4: онъ еще не кончилъ школу,

когда отецъ взялъ его *costringendolo ad attendere «calculus»*, come dice il Villani, o come dice lo stesso Boccaccio, all' «arismetrica», ossia all' arte di conteggiare; eppoi, per ribadire la teoria con la pratica, lo prese con sè al banco, perchè vi apprendesse i primi rudimenti dell' arte della mercatura. Если онъ попалъ въ школу по 7-му году, стало быть, въ 1320 г., а въ 1323 былъ въ Неаполѣ, то на школу (гдѣ, стр. 4, читались *Метаморфозы Овидія*) и торговую влучку у отца пришлось бы всего 3 года. — 6 слѣд.: отецъ Б.; когда онъ вернулся изъ Парижа? стр. 6—8 (вопросъ открытый); 8: 6 июня 1317 г. онъ былъ во Флоренціи (*Crescini* предполагасть, что около этого времени онъ выписалъ изъ Парижа и сына); стр. 10—11: онъ во Флоренціи (документы; стр. 12: для 1319 г. они отсутствуютъ), также и въ 1320. P. 13: nella prima metà del 1322 B. fu console dell' Arte stessa del Cambio,.... pel bimestre 15 dic. 1322 — 15 febr. 1323 Boccaccio di Golino (sic вм. Chellino) da Certaldo veniva eletto al sommo magistrato dei priori.—Стр. 15: неприятное положеніе юнаго Б. въ семьѣ (мачеха: Margherita di Gian Donato de' *Mardoli*).—7 марта 1324 г. старый Б. во Флоренціи socio nell' arte del Cambio con Simone Orlandini, а 23 мая онъ fra gli «adjuncti pro arte cambii» per l' elezione di 5 consiglieri della Mercanzia, e nella 2-a metà sempre dell' anno stesso, dei consoli dell' arte del Cambio con Bocca Scarlatti, Chierichino Clerici, Ricco Burnetti. Если, несмотря на такое видное положеніе, отецъ Б. не удержалъ его при себѣ въ купецкой наукѣ, то это объясняется нелюбовью къ нему мачехи.—16—17: авторъ не согласенъ съ *Crescini*, что медвѣди въ эпизодѣ *Idalagos* — отецъ и мачеха Б., предполагая, что разумѣется мачеха и ея сынъ (сл. стр. 24: Francesco, которому въ 1323 году, въ годъ отъѣзда Б., могло быть — два года! 17: авторъ нѣсколько смягчаетъ отзывы *Crescini* объ отцѣ Б. (*Kritischer Jahresbericht üb. die Fortschritt d. Rom. Philologie*, III B., 1897, стр. 379 слѣд.); въ сущности, сынъ обвиняетъ его лишь въ томъ, что онъ freddo, ruvido ed avaro, что понятно въ старикѣ, orbato di tutta la sua famiglia e quindi poco propenso alla giovialità, e privato «di gran parte de' beni ricevuti» (сл. эпизодъ *Ibrida'ы* въ *Ameto*); второй попрекъ сына, что отецъ покинулъ его мать. 18: Авторъ сопоставляетъ съ этимъ то мѣсто «*Fiammetta'ы*», гдѣ Б. увѣряетъ ее, что отецъ заклинаетъ его вернуться «per la mia puerizia nel suo grembo teneramente allevata, per l' amor da lui verso di me continuamente portato, per quel che a lui portar debbo, per la debita obbedienza filiale». Оба показанія при-

миряются, стр. 19, въ томъ смыслѣ, что отзывъ въ «Ameto» относится къ старику-отцу, прижимистость и суровость котораго не могли понравиться сыну, привыкшему въ Неаполѣ къ другимъ впечатлѣнiямъ, въ «Fiammetta'ŕ» дѣло идетъ о впечатлѣнiяхъ дѣтства; если бы они были дѣйствительно печальны, B. poteva essere tratto a giudicar male del padre anche pel passato (не принято во вниманiе: что въ «Fiammetta'ŕ» B. представляется измѣнникомъ любви и долженъ былъ мотивировать свой отъѣздъ — любовью къ отцу. Такъ толкуется и с. XIV Amorosa Visione: старикъ B., жадный къ наживѣ и скупой — противопоставляется прежнему: это тотъ самый, который его «Libero e lieto avea benignamente—Nudrito come figlio» (20: Crescini видитъ въ послѣднихъ стихахъ — иронiю. Авторъ ссылается на Hecker, Voccaccio - Funde, p. 80, n. 1). 20—1: въ письмѣ къ Нелли B. говоритъ что въ Неаполѣ онъ жилъ съ своей «casa e masserizia, secondo la misura della possibilità sua, splendida assai». Очевидно, его содержалъ отецъ, и одинъ изъ медвѣдей въ эпизодѣ Идалага — не онъ. — 25—6: медвѣди, стало-быть, мачеха и ея (двухлѣтний?) сынъ; B. не ужился съ ними и andò a Napoli ad esercitarvi la mercatura (въ 1323 г., сл. у меня стр. 15: 1326 г.); 27: la causa della sua partenza da Firenze e della sua andata a Napoli si deve far risalire.... allo stesso fanciullo, che, spinto da un' irresistibile paura, volle andar via in qualunque luogo purchè lontano, di là dove lo volevano uccidere (сл. медвѣди); отцу пришлось согласиться.— Стр. 28: въ разсказѣ Caleone въ «Ameto» говорится о товарищахъ, которые высмѣяли его, когда, въѣзжая въ Неаполь, онъ чуть не свалился съ лошади, одурманенный видѣнiемъ красавицы.— 28—9: *Опредѣленiе года отъѣзда* — исходитъ изъ опредѣленiя B.: infanzia—до 7 года, puerizia—съ 7 по 14, adolescenza—послѣ 14. B. говоритъ, что онъ былъ въ наукѣ у отца per quasi tutta la mia età puerile (съ 1323 г. до конца puerizia оставалось 4 года!), и что отецъ сдалъ его большому купцу «adolescensiam nondum intrantem», стало-быть, до 14 года (это не могло быть въ 1327 г., въ концѣ котораго отецъ B. былъ въ Неаполѣ, ибо B. было въ то время болѣе 14 лѣтъ: 1313 — 1327 = 14!). Авторъ заключаетъ, что это произошло въ 1323 году, когда B. было 10 лѣтъ, — и до начала adolescenza оставалось 4 года! По указанiю B. (De Gen., XV, 10), въ наукѣ у купца онъ оставался 6 лѣтъ: стало-быть, до 1329 г., когда ему минуло 16 лѣтъ. Troncherà ogni esitazione.... la testimonianza preziosa di Benvenuto da Imola, che ci ha conservato il traduttore delle Genealo-

gie, ossia Giuseppe Betussi (?), по которой Боккаччо былъ возвращенъ отцу, когда ему было 16 лѣтъ. (весь этотъ разсказъ построенъ на крайне широкомъ толкованіи границъ puerizia и adolescenza и на предположеніи, что до отъѣзда Б. въ Неаполь онъ не былъ данъ въ науку къ купцу, а оставался въ наукѣ у отца. См. эпизодъ Идалага: «le pedate dello ingannator padre seguendo», стр. 21, 28,— что можетъ означать просто: занимался тѣмъ же дѣломъ, что и отецъ. Въ 1327 г. отецъ Б. былъ по дѣламъ въ Неаполѣ; сыну не было 14 л. въ 1326 г., когда я и предположилъ его отъѣздъ, см. выше стр. 15). 29: отецъ Б., видя желаніе сына удалиться, поручилъ его купцу, направляющемуся въ Неаполь (это «товарищи» въ Ameto)— 31 слѣд.: день, въ который Б. влюбился въ F. 32: въ введеніи къ Filocolo Б. говоритъ, что влюбился in quel Sabato santo, che cadeva nel 16-o dei gradi percorsi dal Sole, dacchè esso era entrato in Ariete. Эти астрономическія указанія дали поводъ къ четыремъ различнымъ опредѣленіямъ дня вступленія солнца въ созвѣздіе Овна: Baldelli — 21 марта, Witte и Koerting — 25, Casetti — 14, Landau, повидимому, — 11. E questa differenza sposta nei rispettivi casi la vigilia di Pasqua, e con essa il millesimo dell' anno. По Baldelli, Б. влюбился въ F. 7 апрѣля 1341, когда ему было 28 лѣтъ; между тѣмъ Б. говоритъ о себѣ, что онъ былъ тогда «giovane d'anni e di senno». — 33—5: ошибки въ выкладкахъ Baldelli и Casetti. — 35: Koerting, предполагая, что по Б. весна начиналась съ 25 марта, отнесъ день влюбленія къ 11 апр. 1338; такъ предположили и Crescini, Hauvette и Rossi; но и здѣсь, какъ у Baldelli, ошибка въ подсчетѣ (35—6), ошибка и въ пониманіи комментарія Б. къ стихамъ Данте: «E 'l sol montava su con quelle stelle Ch'eran con lui quando l'Amor divino Mosse da prima quelle cose belle»; изъ комментарія не выходитъ, что Б. считалъ 25 марта началомъ весны, говорится «circa al principio della primavera» (36—8). 38—9: выкладка Landau (день влюбленія—26 марта 1334); ея критики стр. 39—40. Стр. 40—41: по Casetti, для Б. солнце вступило въ знакъ Овна 14 марта; день влюбленія—30 марта, Страстная суббота 1331 г.; но Страстная суббота приходилась на такое же число и въ 1336 году. — 41 слѣд. (доказательство, что per gli astronomi del 300 e per il B. il Sole entrava in Ariete il 14 marzo; изъ показанія Filocolo и Ameto выходитъ, что il B. s'innamorò di F. in un Sabato santo tale che a circa le ore dieci antimeridiane di esso il Sole aveva percorso poco più che gradi 15, 30, della costellazione d'Ariete (43—4);

вляють ему видѣніе той же красавицы, которую онъ признаеть. *Passano 16 lune*, и онъ видитъ F. въ церкви [со времени 1-го видѣнія до встрѣчи прошло, стало-быть, $7\frac{1}{2}$ лѣтъ; выше, стр. 60, между въѣздомъ Б. и влюбленіемъ прошло 7 лѣтъ, 106 дней и 19 часовъ, что не отвѣчаетъ $7\frac{1}{2}$ г. Ничто не мѣшаетъ отнести видѣніе къ области поэтического *вымысла*; въ 1323 г. Б. было десять лѣтъ! Предполагается, что между 10 и 16 годомъ онъ успѣлъ влюбиться въ Пампинею и Абротонію, оставить ихъ — и на 18 году увидѣть впервые F'—у, которую онъ призналъ. Правда, съ вымысломъ плохо мирится точное указаніе времени]. *Что такое pubescence?* 73 слѣд.; 97: начало *pubertà* — съ 14 лѣтъ; 97 слѣд.: Какъ смотрѣлъ на это Б.? (то же стр. 103 слѣд.: *В. въ купеческомъ дѣлѣ*; *Pampinea* и *Abrotonia*: въ Неаполѣ 13 дек. 1323 г. Видѣніе красавицы, пріѣзжающей его, какъ психологическій актъ: бѣдному мальчику, бѣжавшему отъ мачехи, грезилась материнская ласка: въ Ameto онъ объединилъ красавицу видѣнія съ F'—ой). — 6 лѣтъ у купца (стало-быть, до 16 лѣтъ; авторъ, какъ мы видѣли, отнесъ къ этому времени интригу съ Пампинею и Абротонію); 109: до 1328 г. онъ былъ *rozzo*: къ этому году относится обученіе у Calmeta'ы (110); отъ рассказовъ о немъ Б. переходитъ къ своимъ первымъ увлеченіямъ 1329 г. (*Пампинея и Абротонія; по расчету автора, см. выше, въ 1329 году онъ уже ихъ оставилъ: erano oramai passati sei anni?*); 110—111: въ началѣ этого года, e lo vedremo pure fra breve, (B.) lasciò la mercatura e si dette tutto agli studi, e siccome questi risulta (?) che furono effetto immediato delle conversazioni astronomiche di Calmeta, то послѣдніе и надо отнести ко времени ок. 1328. Стр. 111 слѣд.: Calmeta не Andalò, ибо въ De Cas. B. рассказываетъ, что въ школѣ Андалоне ученики читали вслухъ какой-нибудь астрономическій трактатъ, а онъ объяснялъ его; предполагается, что трактатъ былъ латинскій, а въ 1328 г. 15-ти-лѣтній Б. забылъ все, чему (до 10 лѣтъ) его учили въ школѣ; 112 слѣд.: такъ какъ въ эпизодѣ Идалага Б. и Calmeta — товарищи по профессіи, и купецъ Б. представляетъ себя пастухомъ, то и Calmeta — купецъ, къ которому обращено письмо, заглавіе котораго восстановлено Hecker'омъ (Sacre famis et angelice uiro dilecto forti Johannes de certaldo). Изъ письма, для текста котораго авторъ пользовался оригиналомъ Zibaldone, видно, что лицо, къ которому оно обращено, было также купцомъ, *inclinato... agli studi liberali. Egli però, più fortunato del figlio del mercante fiorentino, aveva potuto, «puerilem eta-*

tem coram educatoribus roborando», fare tutto il primo corso eleman-tare, studiare cioè grammatica, dialettica, rettorica. Era a questo punto degli studî, quando i genitori spinti da un «feruens amor habendi» lo tolsero «de pio sinu Racelis ad Lic gremium», ossia dalla vita contemplativa per cacciarlo in mezzo alla vita attiva del commercio. «Sed quid in te? Mangna Iunonis munera (богатство) nequieverunt Palladi tollere jura sua; sed, a te scientie congnita margharita, *mercantium habitu palliatus*, sacra studia septabaris, et aquas elyconii fontis furtive gustabas, auidius magis quam palam, tunc tuo gutturi dulciores». Достигнувъ pubertà («quia in fortiorem etatem euaseras») e avendo già studiato le scienze del trivio, passò a quelle del quadrivio ossia all' aritmetica, alla musica nelle sue tre parti di metrica, ritmica, armonica, alla geometria, e finalmente all' astronomia. Въ это время познакомился съ нимъ Б., и онъ приобщилъ его къ своимъ занятіямъ и дружбѣ. «In tam alto mysterio, in tam delectabili et sacro studio providentia summa nos iunxit; quos *aequalitas animi* vincitos tenuit, retinet, et tenebit». По расчету, другъ Б. могъ приступить къ наукамъ квадривія 14-ти или 15-ти лѣтъ, на квадривіи онъ могъ употребить не менѣе 4-хъ лѣтъ; ему шель, стало-быть, 18-й годъ, когда онъ сблизился съ 15-ти-лѣтнимъ Б. (1328 г.). Б. могъ читать ему свои дѣтскія fictiunculae, онъ вводилъ его въ тайны астрономіи. Стр. 115: согласіе между письмомъ и поученіемъ Кальметы non pur nel concetto, ma anche nelle parole e nella denominazione e dei pianeti e dei segni dello Zodiaco e delle altre costellazioni.—116: въ 1328 г. Б. (15 лѣтъ?) введенъ въ придворный кружокъ кор. Роберта; 117: на основаніи De Cas., IX, 26: *adhuc adulescentulus* (считая pubertà съ 14 г.; adulescentulus указываетъ на начало pubertà; 1327 г. былъ бы terminus post quem). Ввелъ его отецъ, бывшій въ 1327 г. въ Неаполѣ, come membro della società dei Bardi per ragioni d'affari (Davidsohn, l. c., III, 181—2), e che non solo fu frequentatore, durante il suo soggiorno napoletano, della corte di re Roberto, e v'ebbe onori ed autorità, ma si trovava in relazione con alti personaggi di essa, prima ancora di partire da Firenze. Dallo stesso figlio del re, Carlo duca di Calabria, fino da quando costui, fatto signore di Firenze (dicembre 1325), dov' era entrato il 30 luglio 1326, era stato eletto con decreto del 26 febr. 1327 consigliere dell' ufficio di Mercanzia, per l' arte del cambio. Per cui, venuto nel regno, non è meraviglia se già in data del 22 marzo 1328 noi lo troviamo designato come *familiaris* dello stesso re Roberto (Davidsohn, ib., p. 182, n. 911), e

quindi, dopo successivi incarichi ricevuti, il 4 febr. 1329 lo vediamo designato così: «Buccaccius de Certaldo de societate Bardorum de Florencia, consiliarius, cambellanus, mercator, familiaris et fidelis noster» (ib. въ index'ѣ имени р. 187, п. 942, и онъ же въ Arch. Stor. Ital., N. S., v. XXIII, 1899, 144 слѣд.). Въ томъ самомъ мѣстѣ De Cas., IX, 26, говорится, что Б. познакомился тогда съ Marinus Bulgarus и Constantinus de Rocca, которые посвятили его въ интриги неаполитанскаго двора (118—20: рассказы о Raimondo de Cabannis и Филиппѣ Катанской и др.); 121: можетъ быть, нѣкоторые изъ ученыхъ и интеллигентныхъ знакомствъ Б. восходили къ этому времени (chissà), но уже одинъ культурный тонъ двора могъ повліять на рѣшеніе 16-лѣтняго Б. серьезно отдаться занятіямъ; отецъ (уѣхавшій изъ Неаполя въ началѣ 1329 г.) согласился, чтобы сынъ оставилъ купецкое дѣло, но для изученія каноническаго права. Начало этихъ занятій—1329 г. (пріѣздъ 1323 — 6 лѣтъ купецкой науки: 1329; это совпадаетъ съ указаніемъ Benvenuto da Imola у Vetussi, что Б. оставилъ купецкое дѣло, будучи 16 лѣтъ; 124: въ комментаріяхъ Div. Com. Бенвенуто этого показанія нѣтъ, авторъ считаетъ возможнымъ, что Vetussi нашелъ его въ комментаріяхъ Бенвенуто къ эклогамъ Боккаччо). Стр. 125—6: начало занятій слѣдуетъ отнести къ первымъ мѣсяцамъ 1329 года, но первый аргументъ автора сомнителенъ: въ эпизодѣ Идалага Б. говоритъ сначала о своихъ занятіяхъ, потомъ объ увлеченіяхъ, которыя авторъ относитъ къ веснѣ 1329 г.; *но по его расчету, стр. 110, онъ успѣлъ уже измѣнить имъ?* Второй аргументъ убѣдительнѣе: въ послѣдній разъ отецъ Б. упоминается въ Неаполѣ 4 февр. 1329 г.; очень вѣроятно, что въ январѣ-февралѣ сынъ принялъ рѣшеніе заняться канон. правомъ; ему было 16 лѣтъ, или 16-й годъ шелъ къ концу, ибо Б. родился dentro la prima metà del 1313. — Но такъ какъ въ Studio лекціи начинались лишь съ 5 окт., то Б. оставалось свободныхъ 6 мѣсяцевъ, въ которые онъ и принялся — за занятія латинскимъ языкомъ, полузабытымъ (127). Этого было достаточно — a conoscenza empirica del latino curialesco e giuridico. 128 слѣд.: въ этомъ же году начинаются его ухаживанія, 130, за Абротоніей и Пампиеей, весной, а къ декабрю того же года относится видѣніе, въ которомъ Пампинея и Абротонія показываютъ ему Ф'—у, 6 лѣтъ спустя по его пріѣздѣ въ Неаполь, дек. 1323 г. (NB 130: если увлеченіе Пампиеей и Абротоніей относится къ веснѣ 1329 г., а по эпизоду Идалага Б. влюбился въ fagiama = Fiammetta въ слѣдую-

зонта, что даетъ не 24, а 12 дней; съ другой стороны, періодъ 135 дней не слѣдовалъ непосредственно за предыдущимъ. Въ Ameto Б. овладѣлъ Ф—ой, когда солнце было въ знакѣ Скорпіона, т. е. м. 17 окт. и 14 ноября; 195: исходя изъ положенія автора, что Б. увидѣлъ впервые F'—у 30 марта 1331, и присоединивъ къ этому числу 12 дней, получимъ 12 апр. какъ день, когда F. допустила ухаживаніе; послѣдній терминъ 135 дней колеблется, смотря по тому, въ какой день м. 17 окт. и 14 ноября Ф. отдалась (м. 3 іюня и 2 іюля), — если только оба періода относятся къ тому же году, 196 — *il che, diciamolo subito, nessun dato ci costringe a credere* (но въ такомъ случаѣ, какъ понять совмѣстность XLIV — XLVI хронологическихъ показаній Б.?). 196 слѣд.: и дѣйствительно въ строф. Am. Vis., XLV—VI, отличаемъ три періода ухаживанія: 12 дней отъ начала, второй періодъ, когда онъ *accettato come corteggiatore*; третій: 135 дней до обладанія. 199: первый періодъ съ 30 марта по 12 апр., второй — два-три мѣсяца — но это лишь въ предположеніи, что 2 и 3 періоды принадлежатъ тому же году; на самомъ дѣлѣ 2-й періодъ былъ болѣе продолжителенъ (сл. въ разсказѣ Идалага: *lunga stagione* — 200). 201. Авторъ имѣетъ въ виду сон. LXXXVI (5 лѣтъ она не обращала на него вниманія. Crescini, Contr., 185, п. 2, сомнѣвался въ немъ, но позже отложилъ свои сомнѣнія, сл. *Di due recenti saggi sulle liriche del B., Atti e Mem. d. R. Accad. di sc. lett. ed arti in Padova, N. S., v. XVIII, p. 72*) и приходитъ — 205 — къ заключенію, что ок. апрѣля 1336 года *il B. nulla aveva ottenuto dalla sua donna*. — Между этимъ терминомъ и письмомъ 3 апр. 1339 г. (измѣна уже совершилась; авторъ — какъ и Crescini, Contrib., 150, п. 1, — усматриваетъ жалобы на измѣну въ отвѣтѣ Б. герцогу Durazzo, 205—6. Къ письму приложено «*parvus et exoticus sermo, caliopeo moderamine constitutus*»; «*exoticus*» = *volgare toscano: ricordiamoci che siamo a Napoli?*). F. отдалась. 207: измѣна въ Байяхъ, сон. IV; едва ли непосредственно передъ письмомъ 3 апр. — въ мартѣ не купаются — стало-быть, *nella stagione balneare d. 1338*. Но и 3-й періодъ начался въ купальный періодъ, сл. сон. XLVII и XLVIII; не онъ разумѣется въ «*Fiammetta'*», когда, слѣдуя совѣту Маріи, Б. завелъ знакомство съ ея родственниками и мужемъ, чтобы имѣть возможность всюду показываться съ ней, не возбуждая подозрѣній (208: почему?); не онъ и въ сонетѣ XXXIII, когда М. запретила Б. сопровождать ее въ Байи. Такимъ образомъ (209—10): апрѣль 1336 г.: F. еще не отдалась; *amore contraccambiato* въ іюнѣ

того же года («Fiammetta»?); 135 дней спустя, въ ноябрѣ Б. овладѣваетъ ею; купальный сезонъ въ Байяхъ: онъ счастливъ съ F'—ой 1337 г.; въ 1338 она запрещаетъ ему слѣдовать за ней; измѣна. 210: три периода: incertezza съ 30 марта по 12 апр. 1331; corteggiamento съ 12 апр. до половины юня 1336; третій—до конца лѣта 1338.—Стр. 211 слѣд.: *Il corso degli studi canonici e il quinquennale corteggiamento di Maria*. Мало свѣдѣній о периодѣ delle incertezze (всп. 12 дней). Начало надежды—Amor. Vis., XLIV, что авторъ сближаетъ съ Filocolo, когда Марія заказываетъ ему написать романъ (213 слѣд.); заказъ написать романъ отвѣчаетъ въ эпизодѣ Идалага его рѣшенію обратиться а più utili cose, т. е. отъ mercatura къ Pallade? отъ изученія каноническаго права и отдаться любви (218 слѣд.). 224: Б. былъ въ Неаполѣ въ 1324, когда Maria di Valois выходила замужъ за duca di Calabria и, 225, м. б., присутствовалъ при торжествахъ по поводу брака Андрея, сына Caroberto Венгерскаго, съ Джюванной, primogenita erede del Duca di Calabria, въ 1333 г. (тогда семилѣтнихъ. 227: увлеченіе бойкой и роскошной неаполитанской жизнью — и любовь должны были отвлечь Б. отъ юридическихъ занятій; 228: отецъ позволилъ ему ихъ оставить въ 1335 г.).— 232: поэзія; углубляется въ чтеніе Овидія, alternandolo, probabilmente fin d'allora, con quella di qualche squarcio di Virgilio; вѣроятно знакомство съ нѣкоторыми произведеньями del dolce stil nuovo и Данте, лишь въ 1334 знакомится съ поэзіей Петрарки (на основаніи письма къ Franceschino da Brossano: ego quadraginta annis, vel amplius suus?); 233: оттого такъ мало петрарковскаго въ его раннихъ любовныхъ стихотвореніяхъ. 234 слѣд.: *стихотворенія къ F'—и*: (236 сл.: противъ Manicardi e Massera, полагающихъ, что сон. XLV, LXXXIV, CIV и изданный ими тернарій относятся къ времени, когда F. отдалась; авторъ относитъ ихъ къ началу innamoramento; 239: сон. XXIII: Б. воображаетъ себѣ, что F. была въ S. Lorenzo, ожидая его встрѣтить, а потомъ поджидала его у окна. Иначе понялъ этотъ сонетъ Crescini, 177: для него сонетъ rappresenta non già la donna quale il B. la desiderava nella sua illusione di amante, ma quale essa era veramente nel punto in cui ella finì per cedere a lui; 242: сон. XXXI и LIII — къ периоду corteggiamento; Manicardi и Massera не рѣшаются опредѣлять времени). 244 слѣд.: *надежда на possesso*; онъ могъ успокоиваться примѣромъ Niccolò Acciajuoli, пріѣхавшаго въ Неаполь ок. 1331 г. скромнымъ купцомъ e che ora cominciava ad essere accarezzato da Caterina di Courtenay, вдовой Filippo di Ta-

ranto. 245 слѣд.: въ такой же психологическій моментъ написанъ *Filostrato* (во время отъѣзда F'—ы въ Sannio). 247—8: авторъ подчеркиваетъ, въ согласіи съ посвященіемъ поэмы, «quali sieno i miei disii», что онъ выражаетъ più i desiderî e le speranze che non il dolore.—Стр. 250 сл.: почему же F. къ нему равнодушна? Сл. сон. LII, madr. I, сон. XLIV, CV, LIV, CVI, XLVI, II, XIII, XXXVII, LXXXII; въ послѣднемъ B. негодуетъ: какъ бы онъ посмѣялся, если бъ увидѣлъ неприступную F'—у — старухой; 254: м. б., тогда же написана ball. II, гдѣ состарѣвшаяся F. сѣтуетъ, что не воспользовалась своею юностью.—И затѣмъ другіе звуки: una parola, un riso, un muover d'occhi можетъ все измѣнить, говорить ему Амуръ, с. LXXI, а B. заставляетъ F'—у защититься: чѣмъ виновата она и Амуръ? Что она обѣщана; она бережетъ свою честь, сон. LXX; и поэтъ проситъ теперь у нея лишь sospiro, с. LXXXV.—Но прошло пять лѣтъ, а она не смиловалась, с. LXXXVI; поэтъ проситъ Амура пощадить его своими стрѣлами, с. LXXXIX; или пусть стрѣляетъ, лишь бы смерть, с. LVII; сл. с. LXXV (Manicardi и Massera относятъ сонетъ ко времени abbandono, disperazione; но въ сонетѣ говорится о speranza folla), с. LXXII и LXIII.—259 слѣд.: *B. покидаетъ i studi canonici; la conquista dell' amore di Maria*. Покидаетъ канон. право, вѣроятно, въ началѣ лѣта 1335 г., (стр. 259—60: «jam fere maturus etate et mei juris factus»—какъ опредѣленіе возраста; «mei juris», т.-е. 18 лѣтъ, «fere maturus», т.-е. 25-и; но 25 лѣтъ было B. въ 1338 году, и едва ли fere идетъ къ цѣлымъ 3 годамъ, съ 1335 по 1338. Непонятна и послѣдовательность: мнѣ почти 25 лѣтъ, и я уже обладаю jus completum съ 18 лѣтъ). Оказывается, 260, 1, что *Calmeta* не только ввелъ его въ астрономію, но теперь ввелъ и въ *классиковъ*, т.-е. *Calmeta*, отождествленный съ лицомъ, къ которому обращено «Sacrae famis»; потомъ, 261, и знакомство съ G. Barrili и Paolo da Perugia. 261—2: читалъ Овидія, *Виргилія* (если уже его не началъ раньше), правила версификаціи, для прозы — Апулея; все это въ 1335—6 годахъ, безъ особаго прилежанія; отвлекала любовь. Лѣтомъ 1336 года въ Байяхъ Марія измѣнила свои отношенія къ нему; «Fuggano i sospir» (у Manicardi и Massera 71, п. I; сл. тамъ же п. II); сон. LXVI, XLVIII, XLVII; 267 слѣд.: по совѣту F'—ы, онъ сближается съ ея мужемъ (сл. «Fiammetta'у»); 270 слѣд.: ночное посѣщеніе B.—ноябрь 1336 г. (135 дней съ тѣхъ поръ, какъ 12 апрѣля того же года она склонилась къ его любви).—275: *весной 1337 г.* на турнирѣ; общество въ Filocolo и вопросъ, поставлен-

rono Barletta, ed a cui prese parte anche Calmeta (флорентійскій купецъ?). 342: эта распря относится къ 1340 г. Но Б. былъ въ Неаполѣ и въ окт. 1340, perchè col 1 nov. di quell' anno scadeva il contratto del rinnovato affitto del podere di S. Lorenzo (слѣдовало ли ему присутствовать лично); актъ составленъ во Флоренціи 11 генв. 1341, при чемъ Б. обозначенъ, какъ принадлежащій къ тому же popolo di Santa Felicità, какъ и отецъ, что, по мнѣнію автора, показываетъ, что Б. былъ тогда уже во Флоренціи (? стало быть, отсутствующій не былъ *dicti populi*? Во всякомъ случаѣ Б. не видѣлъ Петрарку), вызванный отцомъ (у котораго умерла жена и сыновья отъ нея: имя Margherita de' Mardoli не встрѣчается послѣ 6 окт. 1337, а Francesco di Boccaccino di Ghellino — послѣ 5 ноября 1339). 345: Отъѣздъ Б. между 1 ноября 1340 (если онъ былъ при контрактѣ въ S. Lorenzo; иначе легче предположить, что онъ уѣхалъ до явленія Петрарки) и 11 генв. 1341; предполагая 11—12 дней пути отъ Неаполя, онъ могъ быть во Флоренціи въ декабрѣ 1340. (346: въ «Фьямметтѣ» говорится о холодномъ и дождливомъ мѣсяцѣ; но не принадлежитъ ли это украшенію?). Отъѣздъ во время отсутствія F'—ы, с. СШ.

Важнѣйшія опечатки.

	Напечатано.	Слѣдуетъ.
Страница 117 строка 14 снизу:	страшно	страстно.
» 150 примѣчаніе 4:	стр. 137	стр. 140.
» 185 строка 11 снизу:	Бартоло дель Буоно	Никколѣ ди Бартоло дель Буоно.
» 207 » 7 сверху:	Масселино	Массалино.
» 281 примѣчаніе 3:	Ск. Ovid.	Сл. Ovid.
» 286 строка 1 сверху:	4)	1).
» — » 6 »	5)	2).
» 292 » 10 снизу:	Бартоло дель Буоно	Никколѣ ди Бартоло дель Буоно.
» 294 » 7 сверху:	idem	idem.
» 331 примѣчаніе 1:	Schmidt	Schmitt.
» 332 строка 9 сверху:	срѣлы	стрѣлы.
» 454 » 6 снизу:	Пандаромъ	Тиндаромъ.
» 506 примѣчаніе 1:	стр. 410	стр. 412.
» 527 » 9:	Carini	Casini.
» 560 строка 5 сверху:	âge leçons	âge, leçons.

2017/12/2

СМ

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 343000

